АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н.Я.МАРРА

Итоги и проблемы современной науки

ГТЗ(0)32
~~958~~
Г14

В. Ф. ГАЙДУКЕВИЧ

БОСПОРСКОЕ ЦАРСТВО

256580-47
Харк. Держ. Ун.
БІБЛ.
№ 256580
Ком. Мат.
86

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • ЛЕНИНГРАД
1949

Под общей редакцией Комиссии АН СССР по изданию
научно-популярной литературы
Председатель Комиссии президент Академии Наук СССР
академик *С. И. ВАВИЛОВ*
Зам. председателя член-корреспондент Академии Наук СССР
П. Ф. ЮДИН

ПРЕДИСЛОВИЕ

Боспорское царство принадлежит к тем древним государственным образованиям, которые возникли в северном Причерноморье в античную эпоху в связи с греческой колонизацией черноморского побережья.

Из всех рабовладельческих греческих городов, основанных в течение VI—V вв. до н. э. в северном Причерноморье, наиболее благоприятные условия для развития оказались у городов-колоний (Пантикапей, Фанагория и ряд других), которые были расположены на берегах Боспора Киммерийского (теперь Керченский пролив). Объединившись вскоре после своего основания, города эти образовали обширное Боспорское государство, в состав которого вошли восточный Крым, Таманский полуостров, Прикубанье, восточное Приазовье и район нижнего Дона. Жившие на указанной территории местные племена (скифы, сарматы, синды, меоты и др.) были включены в Боспорское государство.

Античный греко-римский рабовладельческий мир, благодаря городам, бывшим на северном побережье Черного моря, оказался связанным в течение целого тысячелетия (VI в. до н. э. — IV в. н. э.) экономическими и культурными отношениями с причерноморскими «варварами», т. е. не-греческими и стоявшими в преобладающем большинстве на высших стадиях первобытно-общинного строя, племенами — непосредственными предшественниками славян на территории нашей страны.

Античные города северного побережья Черного моря связывали коренное местное население, т. е. скифо-сарматские племена, с античной культурой Средиземноморья. Необходимо однако подчеркнуть, что местные, как оседлые, так и кочевые, племена, населявшие европейскую часть юга СССР в античную эпоху, сами находились уже на достаточно высоком уровне общественно-экономического развития и обладали собственной очень яркой и зрелой культурой. Все это давало им возможность не быть пассивным окружением греческих городов. Местное население в определенной своей части

активно и непосредственно участвовало в жизни этих городов, оказывая со своей стороны значительное влияние на формирование их внутреннего строя жизни и культуры.

Под указанным углом зрения Боспорское царство представляет исключительно большой интерес, поскольку оно в процессе своего развития очень рано приняло характер этнически смешанного греко-варварского рабовладельческого государства, в котором с особенной яркостью нашло свое проявление взаимодействие античных греческих и местных элементов как в социально-экономической, так и в культурной жизни.

Большое внимание, уделяемое нашей наукой истории и культуре античных государственных образований северного Причерноморья, объясняется прежде всего тем, что с ними были длительно и очень тесно связаны скифо-сарматские племена и их культура, в которую уходит отчасти своими корнями и культура древних славянских племен.

Вместе с тем следует помнить, что античные города-колонии северного Причерноморья в широком плане общеевропейской истории представляли собой известную часть греко-римского рабовладельческого мира и его цивилизации. Важное значение последней для развития европейской культуры неоднократно подчеркивали основоположники марксизма-ленинизма. Вспомним слова Энгельса: «А без того фундамента, который был заложен Грецией и Римом, не было бы и современной Европы».* Не менее выразительно охарактеризовал Энгельс общее историческое значение античной цивилизации попутно с выяснением частного вопроса о достижениях древнегреческой философии. **

Указанные соображения также обязывают нас к внимательному изучению остатков античных культурных центров северного Причерноморья. Но знакомство с причерноморскими древними городами-государствами вводит нас в античный мир со стороны той его северо-восточной части, где античная культура подверглась значительному переоформлению и приобрела здесь много своеобразных местных черт, обусловленных тесными экономическими взаимосвязями и интенсивным культурным взаимодействием с коренным населением Скифии — Сарматии.

Широко развернувшийся торговый обмен между местными племенами и греческими городами северного Причерноморья

* Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, 1948, стр. 169.
** Ф. Энгельс. Диалектика природы. 1948, стр. 27.

явился важным фактором в развитии хозяйственной и социальной жизни коренного населения. Торговля сильно влияла на темпы внутреннего социального расслоения этих племен, что значительно ускоряло образование у них классов, а вместе с тем это вело к окончательному разложению первобытно-общинного строя. В результате довольно скоро бок-о-бок с античными греческими городами возникло сильное скифское государство, вполне оформившееся в III—II вв. до н. э. на территории Крыма и ставшее тогда же грозным соперником греческих городов. Сами эти города под воздействием местного коренного населения с течением времени все более приобретали характерный, только им присущий «северно-причерноморский» облик, обусловленный культурной ассимиляцией с не-греческими, варварскими племенами Причерноморья.

Правда, элементы местной скифо-сарматской культуры, проникавшие в античные рабовладельческие города северного Причерноморья, в частности в города Боспорского царства, не сразу привели к коренному изменению греческих основ уклада их жизни, но важно, что процесс культурного взаимопроникновения, как показывают новейшие исследования, начался с первых же этапов жизни городов, наибольшей же своей интенсивности он достиг в первые века нашей эры.

Изучением истории и культуры Боспорского царства русская наука систематически занимается с начала XIX в. С того времени, как в 1816 г. были впервые произведены археологические раскопки в Керчи, ежегодно вплоть до 1914 г., т. е. до начала первой мировой войны, на Керченском и Таманском полуостровах велись широко организованные исследования, которые привели к открытию замечательных памятников боспорской архитектуры и живописи, а также к накоплению поразительно богатого и обильного археологического, а вместе с тем и эпиграфического материала, ярко освещающего пути исторического развития Боспорского царства и его очень интересной своеобразной греко-варварской культуры.

Усилиями нескольких поколений русских исследователей и прежде всего археологов были созданы ценнейшие, пользующиеся мировой известностью, музейные собрания «древностей Боспора Киммерийского» — в Эрмитаже, Историческом музее, а также в музеях Керчи, Одессы и др.

На основе этого богатейшего археологического (включая сюда и эпиграфические памятники) материала, используемого в тесной связи с данными литературных (греческих и латинских) источников, русские ученые прошлого и текущего сто-

летия смогли разработать многие очень важные вопросы политической и культурной истории Боспорского царства.

В советский период исследования античной культуры северного Причерноморья, в частности Боспорского царства, не только не сократились, но, напротив, приобрели гораздо более широкий размах и бóльшую планомерность, чем это было в дореволюционное время, а главное — эти исследования стали значительно полноценнее в научно-методологическом отношении, поскольку они ведутся теперь на основе единственно правильной, подлинно научной марксистско-ленинской теории о законах исторического развития.

Советскими археологами-античниками сделано немало интереснейших открытий, добыто много нового, разнообразного и очень важного археологического материала, раскрывающего часто те стороны истории и культуры Боспорского царства, которые раньше или совсем были не выяснены, или были освещены крайне слабо, недостаточно. Наиболее ценный вклад внесен этими исследованиями в изучение городов Боспорского царства, их экономической и социальной жизни.

Особенно много сделала в указанном направлении Боспорская археологическая экспедиция Института Истории Материальной Культуры им. Н. Я. Марра Академии Наук СССР, настойчиво и планомерно проводящая уже свыше пятнадцати лет совместно с Керченским музеем изучение ряда боспорских городов, остатки которых сохранились в восточном Крыму.

Немало существенного, принципиально нового в освещении исторических судеб нашего Причерноморья в античную эпоху и специально Боспора дали в своих трудах советские историки, прежде всего покойный академик С. А. Жебелев.

Все это позволяет сейчас уже подойти к разрешению задачи обобщающего построения истории Боспорского царства, с охватом всех сторон его жизни, начиная с самой главной — социально-экономической.

Предлагаемая вниманию читателя работа имеет своей целью дать последовательный, но очерченный лишь основными линиями, ход развития истории и истории культуры Боспора с учетом всех тех новых фактических материалов, которыми обогатилась наша наука за последние три десятилетия.

Пользуюсь случаем, чтобы выразить глубокую благодарность научному коллективу Боспорской экспедиции за его многолетнюю, большую и плодотворную работу, результаты которой легли в основу настоящего исследования.

Глава первая

ГРЕЧЕСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Начиная с последних десятилетий VII в. до н. э., на северном побережье Черного моря стали возникать греческие рабовладельческие города-колонии. Первоначально это были небольшие поселения, являвшиеся пунктами причала торговых кораблей и рыбной ловли, местами обмена товаров между греческими купцами и местным населением. Но они очень быстро росли, расширялись и довольно скоро превратились в крупные цветущие города-государства, культурное и экономическое влияние которых распространилось на обширные территории северного Причерноморья.

В течение VI—V вв. до н. э. греческая колонизация охватила почти все северное побережье Черного моря от Аккермана до Новороссийска. Распространилась она и далее на северо-восток, в район Азовского моря и дельты Дона.

Греческие колонии занимали лишь территорию, непосредственно примыкающую к морю. За ее пределами в северном Причерноморье жило основное местное население, различные племена, среди которых главное место на обширных пространствах от Дуная до Дона занимали оседлые и кочевые племена скифов, а за Доном — племена сарматов. Все они были, в понимании древних греков, варварами, так как язык у них был не эллинский и образ жизни отличался от эллинского. Однако это обстоятельство ни в какой степени не препятствовало

установлению тесных связей между греческими колониями и обитавшим в северном Причерноморье местным населением. Жизнь греческих колоний на всем протяжении их истории протекала в непрерывном взаимодействии с миром причерноморских варваров.

Греческая колонизация северного побережья Черного моря не была явлением случайным, обусловленным какими-либо специфическими условиями этого края или особыми целями, которые здесь преследовались древними греками. Колонизационное движение, расселение греков за пределы собственной страны — одно из важнейших явлений исторического развития античной Греции, начиная с самых ранних этапов.

Древнейшая волна колонизации, протекавшая в значительной мере стихийно, имела своим результатом прочное освоение греками архипелага Эгейского моря и западного малоазийского побережья.[1] Следующая волна колонизационного движения греков началась с VIII в. до н. э. и была обращена, прежде всего, на запад, в районы западного Средиземноморья. Многочисленными греческими колониями покрылись тогда берега Сицилии и южной Италии; колонии появились на побережье южной Франции, Испании, северной Африки. Почти одновременно стали возникать колонии и к северо-востоку от Греции, в Мраморном море и затем на берегах Черного моря, начиная с южной его стороны. Появление греческих городов в северном Причерноморье представляется, таким образом, лишь одним из эпизодов большого процесса античной греческой колонизации; при этом по ряду причин колонизация северного побережья Черного моря осуществилась значительно позже, чем в других местах.

При всей заманчивости выгод, которые могли сулить грекам колонии в северном Причерноморье, отдаленность этих районов от главных греческих центров, а также климатические условия, значительно более суровые, чем в пределах Эгейского бассейна и Средиземноморья, не могли способствовать колониальным устремлениям греков на север. И все же исключительные экономические возможности, открывшиеся

перед греками в северном Причерноморье, заманчивые перспективы развития торгового обмена с населением Скифии затушевали все неудобства жизни в непривычных условиях. В VI в. до н. э. основные греческие колонии разместились и на северном берегу Черного моря.

На огромном протяжении морских берегов, начиная, примерно, от Гибралтара на западе и вплоть до низовьев Дона и Кавказского побережья на северо-востоке, были рассеяны города-колонии древних греков, которые, по выражению Цицерона, «представляли как бы кайму, подшитую к обширной ткани варварских полей». Как правило, далеко в глубь страны греческие колонисты не проникали, держась, главным образом, прибрежных районов, откуда открывались морские пути сообщения. На остальных пространствах вне приморской полосы обитало повсюду свое коренное негреческое население. Это положение было очень образно выражено знаменитым греческим философом Платоном, по словам которого греки жили «на ограниченной части земли от Фасиса [река Рион на Кавказе] до Геракловых столпов [Гибралтар], расположившись вокруг моря, как муравьи или лягушки вокруг болота».[2]

Основанию колоний, организованному переселению значительного количества жителей в отдаленные от родины места предшествовал длительный период случайных походов отдельных смельчаков-мореходов, которые на свой страх и риск в поисках добычи бороздили моря, совмещая коммерческую деятельность с морским разбоем, не считавшимся тогда делом зазорным.

Морская торговля, широко развитая в бассейне Средиземного моря в период расцвета государств эгейской (критомикенской) эпохи, была подорвана в XI—X вв. до н. э. теми племенными передвижениями («дорийским переселением») на юге Балканского полуострова,[3] которые привели к разрушению и гибели старые эгейские культурно-политические центры (Микены, Тиринф и др.). В период формирования греческих государств на базе новых родо-племенных образований, сложившихся к началу I тысячелетия до н. э., морские торговые

связи еще не играли заметной роли в экономике греческих племен. Последние жили на основе земледельческого натурального хозяйства. Внешняя торговля находилась тогда, главным образом, в руках финикийских купцов, и лишь постепенно в нее втягивались сами греки. Однако, как у всех народов, переживающих высшую стадию общинно-родового строя — военную демократию, у греков в ранне-архаическую («гомеровскую») эпоху наряду с межплеменными войнами большую роль играл морской разбой, пиратство, являвшиеся, в сущности, промыслом, составной частью хозяйственного быта племен, тесно соприкасавшихся с морем.[4] Представители родовой знати, они же и обладатели в те времена меновых ценностей, снаряжали парусно-весельные суда, на которых отряды пиратов отправлялись бороздить моря в поисках богатств и невольников. Грабежу подвергались не только встречавшиеся в море корабли, но и приморские области, селения, города.[5]

Вот почему прибывших морем неизвестных людей в «Одиссее» прежде всего спрашивает Нестор:

«Кто ж вы, скажите? Откуда к нам прибыли влажной дорогой
Дело-ль какое у вас? Иль без дела скитаетесь всюду,
Взад и вперед по морям, как добычники вольные, мчася,
Жизнью играя своей и беды приключая народам?».*

О результатах одной такой морской экспедиции красочно рассказывает гомеровский герой Менелай:

«. . . Претерпевши немало, немало скитавшись, добра я
Много привез в кораблях, возвратясь на осьмой год в отчизну».**

Эти искатели счастья и наживы прокладывали первые пути морских сношений, знакомились с отдаленными странами,

* Одиссея, III, 70—74. Перевод Жуковского.
** Одиссея, IV, 81—82.

их природой и богатствами, узнавали о тамошнем населении, его быте и нравах, о возможностях торгового обмена.

Географические пределы, известные грекам в гомеровский период (IX—VIII вв.), простирались до Сирии, Египта, Ливии, Сицилии и некоторых пунктов Причерноморья. Эти пиратско-торговые экспедиции явились предпосылкой дальнейшего развития обширной греческой морской торговли в последующие столетия.

Особенно прославились в ту раннюю пору своими смелыми морскими рейдами купцы-мореходы малоазийского города Фокеи.[6] На кораблях с пятьюдесятью гребцами они первыми достигли Адриатического моря, северо-западного побережья Италии, Иберии, Тартесса.

Открытый фокейцами путь позволил грекам установить тесную связь с западным Средиземноморьем. При техническом несовершенстве древнего мореплавания, обусловленном, прежде всего, отсутствием компаса, бывало, что мореходы по ошибке или вследствие сноса от ветра попадали не туда, куда направлялись, и невольно открывали ранее не известные места. Так известно, что один купец с острова Самоса, направлявшийся в Египет, был отнесен к берегам юго-западной Испании, куда до того греки не проникали.[7]

В наиболее удобных местах морского побережья купцы нередко устраивали свои фактории, т. е. пункты, где уже более регулярно происходили встречи с туземным населением для обмена товарами. Такие торговые станции (ἐμπόριον) часто становились местом, куда переселялись затем значительные группы греков, образуя колонию. Когда греки отправлялись в колонию, оставляя родные берега, они уже в какой-то мере были осведомлены о том крае, куда намеревались переселиться. Правда, водворение греческих колонистов в новых местностях иногда встречало сопротивление со стороны местного населения, и тогда приходилось силою оружия приобретать земли для колоний. Но часто занятие определенной территории под колонию происходило на основе мирного соглашения с местным населением, вернее с их правителями, которые обычно не пре-

пятствовали основанию на своих землях греческих городов, так как получали значительные выгоды от торговли с греческими купцами и колонистами.

В целях безопасности и утверждения независимого положения греки стремились — сразу же после основания колонии — оградить свое поселение надежными оборонительными сооружениями: стенами, башнями и др., которые с течением времени, по мере роста материального благосостояния колонии, усовершенствовались и усиливались.

Какие причины порождали колонизационное движение греков, что понуждало их расставаться со своими землями, со старыми обжитыми местами своей родины, пускаться в далекие рискованные путешествия, устраиваться на новых местах, иногда очень далеких от родины и к тому же мало известных? Поиски рынков для выгодного сбыта товаров греческой обрабатывающей промышленности, изделий ремесла, а вместе с тем возможность приобретать дешевое сырье и рабов, т. е. торговые цели, были, несомненно, одним из мотивов, толкавших греков к организации колоний. Неслучайно поэтому, что именно такие греческие города, как Коринф, Халкида (на о-ве Эвбее) и Милет — крупнейшие греческие торговые и промышленные центры — были в числе первых и наиболее активных основателей колоний. Стремление к овладению землями, на которых можно было успешно развивать сельское хозяйство, также являлось серьезным стимулом к выселению в колонии. Многие колонии, особенно из числа ранних, имели ярко выраженный аграрный характер, хотя обычно тоже вели торговлю.

Но кроме этой жажды к обогащению и коммерческой предприимчивости были и другие, еще более важные причины, которые побуждали греков переселяться в колонии. Несомненно, решающее значение в развитии античной колонизации имели социально-экономические условия жизни в греческих государствах. Рабовладельческий строй создавал в городах «избыточное» население, которое вынуждено было искать себе применение за пределами своей страны.

Рост рабства в формирующихся греческих городах-государствах разорял значительные массы мелких производителей, которые далеко не всегда могли конкурировать с рабовладельческими мастерскими и поместьями. Большое количество мелких производителей вынуждено было или через долговую зависимость превращаться в рабов, или пополнять собою ряды городской бедноты, или же искать применения своего труда и способностей вдали от родины.

«В древних государствах, в Греции и Риме, — писал Маркс, — принудительная эмиграция, принимавшая форму периодического устройства колоний, составляла постоянное звено в общественной цепи. Вся система этих государств была построена на определенном ограничении количества народонаселения, которого нельзя было превысить, не подвергая опасности самого существования античной цивилизации. Но почему это так было? Потому, что им было совершенно неизвестно применение естественных наук к материальному производству. Только оставаясь в небольшом числе, они могли сохранить свою цивилизацию. В противном случае они стали бы жертвами того тяжелого физического труда, который тогда свободного гражданина превращал в раба. Недостаточное развитие производительных сил ставило граждан в зависимость от определенного количественного соотношения, которого нельзя было нарушать. Поэтому единственным выходом из положения была принудительная эмиграция».[8]

Внутренняя социальная борьба, происходившая в VII—VI вв. до н. э. в греческих государствах — в Афинах, Коринфе, Мегарах, на Эгине, в Милете — и принимавшая особенно бурный характер, когда окончательно складывался рабовладельческий строй, была одним из самых важных факторов колонизационного процесса. Многие из тех, кто терпел неудачу в общественной борьбе, вынуждены были искать себе лучшей участи за пределами родины.

Группы граждан, желающих выселиться в колонию, обычно совершали это переселение, а вместе с тем и основание колонии, организованно, с санкции своего государства. Нередко

к главному ядру переселенцев из одного города примыкали жители других городов. Отряд колонистов возглавлялся старшиной (οἰκιστής), руководившим переселением, причем его или назначали власти метрополии, или выбирали сами колонисты. Античные греческие колонии (греки их называли ἀποικίαι) коренным образом отличались своим государственно-правовым положением от колоний эпохи капитализма.

Греческие колонии представляли собой государственные образования, совершенно не зависимые от метрополии.[9] С момента основания колонии жители ее переставали быть гражданами того города-государства, откуда они выселялись, и становились полноправными гражданами вновь созданного государства-колонии. Колонисты создавали у себя в колонии свою государственную конституцию, которая могла быть иной, чем в метрополии. Вся полнота власти и государственное управление находились в руках граждан колонии и ничем не могли быть ограничены со стороны метрополии. Руководствуясь экономическими соображениями и родственными чувствами, метрополия и колонии, как правило, поддерживали дружественные взаимоотношения, оказывали обоюдную помощь, стремились к развитию торгового обмена, и пр.

У некоторых колоний довольно быстро слабели связи с метрополией, другие, напротив, — много веков спустя после основания — не только помнили свою родину-метрополию, но и прибегали к помощи последней в трудные моменты жизни.

Все сказанное выше вообще о греческих колониях относится в полной мере и к греческим колониям северного Причерноморья. Здесь также — задолго до основания колоний — к берегам Черного моря проникали отдельные предприимчивые купцы-мореходы, искатели удачи, нередко совмещавшие свою коммерческую деятельность с пиратством. Такие экспедиции из бассейна Эгейского моря к северному побережью Черного моря происходили уже в середине II тысячелетия до н. э., когда в Греции еще процветала эгейская (крито-микенская) культура, предшествовавшая античной эллинской цивилизации.

Следы древнейших связей с эгейским миром установлены памятниками материальной культуры северо-западной части Причерноморья. Благодаря раскопкам, производившимся советскими украинскими археологами, около селения Усатово (близ Одессы) в вещественных остатках поселения эпохи бронзы и в могильнике выявлены некоторые элементы крито-микенской культуры.[10] Они могут быть объяснены как результат морских сношений эгейцев с населением берегов Черного моря.

Смутное отражение древнего периода еще доколонизационных связей Эгейского бассейна с северным Причерноморьем сохранилось в предании об ежегодном принесении начатков хлеба, т. е. первых пшеничных колосьев, в виде священного дара (ἀπαρχαί) Аполлону от гипербореев на остров Делос.[11]

Эти сношения, повидимому, осуществлялись, главным образом, карийцами.[12] Карийцы, пользовавшиеся широкой известностью в древнем мире как морской народ, жили во II тысячелетии до н. э. почти на всех островах Эгейского моря. Бесстрашные мореходы, бороздившие моря во всех направлениях, карийцы нередко наводили ужас на приморские области своими разбойничьими набегами. С карийцами вел борьбу легендарный царь Минос, прославленный владыка Крита. Что карийцы проникали в Черное море, подтверждают античные литературные источники. Известно, например, что в античную эпоху, когда на западном побережье Черного моря существовали греческие города-колонии, один из населенных пунктов этого побережья носил название «гавани Карийцев», а прилегающая к нему местность называлась Карией.[13]

Из древней литературной традиции, дошедшей до нас через римского писателя Плиния Старшего, мы также знаем, что низовьями реки Танаис (теперь Дон) владели карийцы, прежде чем туда проникли греки.[14] Стало быть, карийцы не только поддерживали связь с Причерноморьем, но кое-где имели и свои морские базы. Греческие купцы-мореходы позднее, начиная с VII в. до н. э., следовали по проложенным карийцами путям. Весьма популярные у древних греков легенды об аргонавтах, храбрых мореплавателях, которые в поисках золотого барань-

его руна достигли Колхиды (Кавказ), а по некоторым вариантам легенды — даже Танаиса (Дон),[15] отражают в мифической, разукрашенной фантазией, сказочной форме реальные сношения эгейцев с причерноморскими областями. Следствием этих доколонизационных сношений явились и отраженные в творениях Гомера сведения о народе Гиппомолгов и Глактофагов — доителях кобылиц и млекоедах,[16] — живших севернее Дуная, в которых с полным основанием можно видеть кочевников причерноморских степей.

В какой мере опыт древнейших морских сношений с северным Причерноморьем был использован потом греческими, и прежде всего ионийскими, купцами-мореходами, когда последние распространили свою торговлю до Причерноморья, — неизвестно. Все же можно полагать, что некоторый запас общих сведений о северном Причерноморье был получен ионийцами от своих предшественников, тем более, что ионийские греки в Малой Азии находились в тесном общении с карийцами.

Различного рода предметы греческого художественного ремесла, главным образом расписные глиняные сосуды, найденные на Керченском полуострове, в Донбассе и др. местах, свидетельствуют о самой ранней поре проникновения древних греков в районы северо-восточного Причерноморья с торговыми целями.[17] На рис. 1 показан расписной кувшин, найденный в скифской могиле на Темир-горе (близ Керчи). Кувшин принадлежит к группе так называемой родосско-ионийской керамики (он изготовлен, вероятно, на о-ве Родосе) и относится к середине VII в. до н. э., т. е. к тому времени, когда греческих городов-колоний в районе Керченского пролива еще не существовало. Это был период первых случайных заездов греческих купцов-мореходов.

Греков влекла к северным берегам Черного моря возможность получать там хлеб. Равным образом важной приманкой служило изобилие превосходной рыбы в низовьях крупных рек, в лиманах, в проливе, соединявшем Азовское море с Черным, и т. д.

Устройство рыбопромысловых сезонных стоянок наряду с организацией торговых факторий было, вероятно, одной из наиболее ранних форм оседлых греческих поселений в береговой полосе северного Причерноморья.

256580-42

Рис. 1. Родосский расписной кувшин из скифской могилы на Темир-горе. Середина VII в. до н. э. (Эрмитаж).

Нелегки и небезопасны были эти морские рейды к северным берегам Черного моря, когда еще не было там постоянных, достаточно надежных торговых поселений. Плавание по Черному морю, которому свойственны частые штормы, представлялось грекам опасным, особенно если принять во внимание

отсутствие в нем островов и достаточного количества больших заливов, где можно было бы находить укрытие. В сравнении с привычным грекам Эгейским морем, изобилующим островами и хорошими гаванями, облегчавшими передвижение кораблей, Черное море, естественно, казалось более суровым и опасным. Грекам к тому же оно представлялось значительно бóльшим по своим размерам, чем это было в действительности. Еще во времена Геродота длина Черного моря исчислялась в 2000 км (11 100 стадий), что почти вдвое больше реальной длины.[18]

Не только природные особенности Черного моря создавали трудности для первых греческих мореходов, отважившихся пуститься в плавание по нему. Подстерегали их и другие опасности. Некоторые племена, обитавшие в приморских районах (например тавры, занимавшие южную часть Крыма), перехватывали в открытом море корабли. Разграблению подвергался не только груз, не менее плачевна была и участь экипажа корабля, попавшего в плен. Захваченных в море греков тавры обыкновенно приносили в жертву своей богине. Обряд состоял в том, что после удара дубиной по голове жертва сбрасывалась с кручи скалы.[19] Ходили у греков и более страшные рассказы о том, что некоторые «необщительные» причерноморские варвары, живущие в Скифии, убивали для жертвы чужестранцев и ели их мясо, а из человеческих черепов делали чаши.

Естественно, что ранний период знакомства греков с Черным морем, при наличии указанных выше условий, определил и соответствующее наименование моря. Греки его сначала называли Понтом Аксинским, т. е. Негостеприимным (это название сохранилось у Пиндара, Еврипида, Страбона). Повидимому, греки узнали, что местные жители Причерноморья называют море Ахшаэна, т. е. древнеиранским словом, обозначавшим темный цвет моря (ср. современное название «Черное море»).[20] Не понимая смысла этого иноземного названия, греки истолковали его по-своему, сблизив местный термин с греческим словом ἄξεινος (негостеприимный), что

вполне отвечало тем впечатлениям, которые тогда у греков сложились об этом море. Но по мере того как греки все более осваивали Черное море, широко развернув колонизацию его берегов, когда налаженные и оживленные сношения через Черное море между Грецией и северным Причерноморьем стали приносить греческим купцам большие доходы, прежнее название моря сменилось другим, более отвечающим той роли, которое оно теперь играло в экономической и культурной жизни. Обычным у греков стало название Понт Евксинский (море Гостеприимное), иногда его называли еще и Понтом Скифским;[21] чаще употреблялось сокращенное наименование — Понт.

Ранние морские рейсы греческих купцов из Эгейского моря в Понт Евксинский, приведшие к первому непосредственному знакомству эллинов со Скифией, сыграли весьма важную роль и в подготовке благоприятной почвы для последующего основания там постоянных поселений-колоний.

В торговый обмен с приезжавшими из-за моря греческими купцами могли вступать местные жители северного Причерноморья, располагавшие соответствующими товарами. Это были, прежде всего, руководящие верхи — вожди племен и близкие к ним лица, родовые старейшины и т. д. Последние быстро почувствовали выгоды обмена, в результате которого они становились обладателями различных, ранее им не доступных благ. Изящные расписные вазы, металлические сосуды, отличные ткани, виноградное вино, оливковое масло, разнообразные предметы украшения, красивое оружие — все это можно было получить у греческих купцов в обмен на хлеб, рыбу, кожи, шерсть. Купцы охотно покупали и невольников, так как на рабов был немалый спрос в греческих торгово-промышленных городах и с течением времени он все более возрастал.

Весьма вероятно, что греческие купцы, стараясь расположить к себе местную варварскую знать, не скупились и на подарки.

Вовлечение в торговлю правителей местного населения значительно облегчало последовавшую вскоре колонизацию.

Основание греческих колоний происходило, повидимому, почти повсюду с согласия правящих верхов местных племен, заинтересованных в торговом обмене с греками.

Надо отметить, что колонизация северного Причерноморья стала развиваться после того, как греками уже было освоено южное побережье Черного моря. В начале VII в. до н. э. Мегара основала при выходе в Понт Евксинский колонии — Византий и Калкедон. Еще раньше, в VIII в. до н. э., греками был основан на малоазийском берегу город Синопа. Хотя греки вынуждены были в связи с нашествием киммерийцев (около 673 г.) оставить город, вскоре он вновь был заселен колонистами из Милета. Синопа стала одним из крупнейших греческих торговых городов в южном Причерноморье. Из Синопы экспортировалось отличное железо, производившееся халибами — племенем древних малоазийских металлургов, а также оливковое масло, краска и пр. Синопа основала ряд своих колоний на южном берегу Черного моря — Трапезунт, Керасунт, Котиору. Не менее важной была возникшая на рубеже VII — VI вв. до н. э. греческая колония Амис, основанная фокейцами, и мегарская колония Гераклея Понтийская.

Имея опорные базы на южном берегу Черного моря, греки могли более смело и уверенно развивать свою колонизационную деятельность на западном, юго-восточном и северном побережьях.

Колонизация северных берегов Черного моря в конечном своем результате привела к созданию следующих крупных греческих городов-колоний.

На правом берегу Днестровского лимана находился город Тира — милетская колония, основанная в VI в. до н. э. в районе плодородных степей. Из города Тиры по одноименной с ним реке (Тирас) шел торговый путь в глубь страны. Вместе с тем город являлся важной станцией на морском пути вдоль западного побережья Черного моря, где к югу от Тиры находились греческие города: Каллатия (теперь Мангалия), Томы (теперь Констанца), Истр (южнее дельты Дуная), Аполлония (теперь Сизаболи), Одесс (теперь Варна) и Месембрия.

Севернее Тиры находилась Ольвия — милетская колония, возникшая в первой половине VI в. до н. э. и скоро ставшая крупнейшим греческим городом-государством, занявшим доминирующее положение в северо-западной части Причерноморья. Находясь на правом берегу реки Гипаниса (теперь Буг), близ ее впадения в Буго-Днепровский лиман, Ольвия развивала сельское хозяйство на прилегающих к городу землях, а главное — вела большую торговлю с населением Скифии, используя речные пути сообщения как по Гипанису, так и по Борисфену (теперь Днепр). Ольвия, будучи большим торговым, ремесленно-промышленным и культурным центром, широко распространила свое влияние на районы Прибужья и Приднепровья.[22]

Но прежде чем утвердиться в Ольвии, греки еще в конце VII в. до н. э. пытались основать рыбопромысловое и торговое поселение на острове, расположенном в районе Буго-Днепровского лимана (теперь о. Березань). Это было древнейшее греческое поселение в северном Причерноморье. Однако ввиду невозможности устроить там вполне удовлетворительную гавань и стоянку для кораблей, поселение это было обречено на захирение. Скоро оно превратилось в скромный рыбачий поселок, а милетские колонисты, принявшие решение основать в этом районе свой город, избрали для указанной цели в первой половине VI в. более выгодное место на берегу Гипаниса, где и была заложена Ольвия.

В юго-западной части Крыма возник город Херсонес Таврический — единственная в северном Причерноморье дорийская колония, основанная жителями города Гераклеи Понтийской (номинально основателями этой колонии, согласно литературной традиции, считались еще и делосцы). Херсонес как гераклейская колония возник довольно поздно, во второй половине V в. до н. э., но ему, повидимому, предшествовала морская станция, организованная ионийскими греками еще в конце VI в. на том же месте, на берегу очень удобной для стоянки судов бухты (теперь Карантинная, близ города Севастополя).

Херсонес, заселенный гераклейцами, очень скоро стал сильным городом-государством, через который велась торговля со степными районами Крыма и прежде всего с западной его полосой. Античные города западного побережья Крыма Керкинитида (теперь Евпатория) и Калос Лимен (теперь Черноморское, бывш. Ак-мечеть) входили в состав херсонесских владений.

Вторая значительная греческая колония в Крыму — Феодосия — была основана милетцами в VI в. до н. э. на месте современной Феодосии. Но эта колония не смогла долго продержаться в качестве самостоятельного города-государства. Довольно скоро она была завоевана и присоединена к владениям образовавшегося в восточной части Крыма сильного Боспорского государства, представлявшего объединение нескольких греческих колоний

Эти колонии, расположенные на побережье Керченского пролива и создавшие своеобразное крупное государственное объединение, являются в данном очерке предметом главного нашего интереса, в соответствии с чем все внимание в дальнейшем мы и сосредоточим на рассмотрении истории и культуры Боспорского государства. Исходным моментом образования этого государства, сыгравшего весьма важную роль в культурно-историческом развитии северного Причерноморья в античную эпоху, явилось основание в VI в. до н. э. нескольких греческих городов-колоний, из которых наиболее значительным и были милетская колония Пантикапей (теперь Керчь) и Фанагория — теосская колония, расположенная по другую сторону пролива (на Таманском полуострове).

Прежде чем перейти к изложению истории образования и развития Боспорского государства, отметим еще несколько общих вопросов, касающихся всей античной колонизации северного Причерноморья.

Греческие города на берегах Черного моря просуществовали около тысячи лет, — с VI в. до н. э. до III—IV в. н. э. В каждой колонии, соответственно местным условиям, жизнь складывалась по-своему как в экономическом и культурном отношении, так и в отношении внутреннего государственно-политического строя. Некоторые колонии (Тира, Ольвия, Херсонес) стали рабовладельческими полисами, городами-государствами, с демократическим государственным строем; другие (Пантикапей, Фанагория и др.) объединились и образовали большое государство типа монархии (Боспорское царство); некоторые колонии не смогли сохранить свою независимость и были поглощены более мощными соседними колониями, что случилось, например, с Феодосией. Бывало, наконец, и так, что крупная самостоятельная колония временно попадала в политическую зависимость от соседней колонии (Херсонес и Боспорское государство). Однако ни разу на всем протяжении античной эпохи не наступало такого периода, когда все колонии были бы объединены и составляли бы некое единое государство. Каждая колония или прочно сложившаяся группа колоний стремилась к самостоятельному существованию, ревниво оберегая и отстаивая свою свободу, равно как и свою определенную «сферу влияния» в северном Причерноморье.

Далее следует отметить, что хотя колонизация северного Причерноморья исходила из нескольких крупных греческих, преимущественно малоазийских, центров, все же главная роль в этой колонизации принадлежала ионийскому городу Милету. Кроме Тиры, Ольвии, Феодосии, Пантикапея, пять греческих колоний западного Причерноморья из семи существовавших там были также милетскими. Милетские колонии были, как известно, и на южном берегу Черного моря, и на юго-восточном Кавказском побережье: Диоскуриада (на месте теперешнего Сухума или несколько южнее — в устье р. Кодор, на берегу Скурчинской бухты) и Фасис (теперь Поти).

Известность Милета как города, основавшего много колоний, отражена у античных писателей, причем разные авторы приписывали Милету различное количество колоний. Плиний сообщает, что Милет основал свыше 90 колоний. Сенека говорит о 75 городах, заселенных милетцами.[23] Достоверность этих цифр справедливо вызывает сомнения у современных исследователей, поскольку трудно представить, как мог

Милет, сохраняя нормальную жизнь, выделить соответствующее количество своих людей в столь многочисленные колонии. Но независимо от того, сколько всего колоний организовал Милет, исключительная колонизационная активность его несомненна.[24]

В VII—VI вв. до н. э. Милет был крупнейшим греческим торгово-промышленным и культурным центром на западном побережье Малой Азии. Через Милет шел обмен между районами Египта, Финикии, Сирии, Персии и материковой Греции. Наличие в тылу на малоазиатском континенте сильного Лидийского царства не позволяло Милету развивать торговую экспансию по сухопутным дорогам в глубь Малой Азии; поэтому он особенно активно вел посредническую морскую торговлю, используя очень выгодное для этого свое положение. Милет лежал как бы в центре Эгейского моря, соединяя юго-восточное Средиземноморье, в том числе торговую колонию Навкратис (в устье Нила) с Черноморьем. Милетцы, несомненно, были в числе первых ионийских мореплавателей, установивших торговые сношения с северными берегами Черного моря еще в те времена, когда там не было греческих поселений. Милетцы же явились затем основателями наиболее важных и значительных причерноморских колоний.

Как промышленный центр Милет известен был производством высококачественной шерсти — одного из основных предметов экспорта. В связи с этим было широко развито овцеводство; высоко ценились милетские овцы, дававшие исключительно нежную, тонкую шерсть.[25] Самосский тиран Поликрат завел в VI в. до н. э. на острове Самосе стада милетских овец, благодаря чему овцеводство на Самосе достигло высокого расцвета. Многие милетские купцы и промышленники были одновременно крупными землевладельцами, обладавшими обширными поместьями на прилегавших к городу землях; последние обрабатывались порабощенными местными жителями, находившимися на положении своего рода крепостных.

Громадное значение Милета как крупнейшего цветущего ионийского торгово-посреднического центра, поддерживавшего

сношения с различными странами, определило и блестящее развитие в нем культуры. Это был город, где процветали греческая литература и наука.[26] В Милете родились и проводили свою творческую деятельность такие великие философы и ученые, как Фалес, Анаксимандр, Анаксимен. Богатейший запас географических наблюдений, накопленных милетскими моряками во время морских странствований, позволил милетскому ученому Анаксимандру составить первую географическую карту. Милетцы Дионисий и Гекатей — знаменитые «логографы» — родоначальники греческой исторической науки, предшественники отца истории — Геродота, на котором особенно сильно сказалось влияние Дионисия Милетского.

В начале VI в. до н. э. в Милете разгорелась ожесточенная борьба классов и внутриклассовых группировок, длившаяся в течение двух поколений.[27] В один борющийся лагерь входили πλουτίς (богатые), т. е. купцы и землевладельцы, причем часто одно и то же лицо являлось одновременно тем и другим. Их называли «вечными мореходами», так как богатства они добывали морской торговлей. Другая часть населения, участвовавшая в борьбе, состояла из бедноты и ремесленников (χειρομάχα), т. е. тех, кто трудом своих рук добывал средства к жизни. Внутренние раздоры и борьба, в которой обе стороны порой прибегали к весьма жестоким способам расправы со своими противниками, несомненно, способствовали росту эмиграции. Те жители Милета, которые терпели неудачу в политической борьбе, опасались репрессий или были недовольны своим положением, составляли, надо думать, едва ли не основное ядро переселенцев, уходивших в причерноморские колонии в VI в. до н. э. Этому переселению благоприятствовали торговые связи, которые уже в какой-то мере были установлены между Ионией и Скифией в предыдущий период.

Глава вторая

ОБРАЗОВАНИЕ БОСПОРСКОГО ГОСУДАРСТВА

Взглянув на карту, нельзя не заметить, что древние греки, колонизуя берега Черного моря, прежде всего использовали устья больших рек. Экономические преимущества, которые вытекали из такого расположения колоний, вполне очевидны. Устья рек изобиловали превосходной рыбой, отсюда же открывались отличные торговые пути в глубь страны. Весьма заманчивым в этом отношении должен был представляться район Керченского пролива, который в античную эпоху носил наименование Боспора Киммерийского. К проливу с одной стороны выходили плодородные территории восточной части Крыма, с другой — Таманского полуострова. Кроме того отсюда открывались торговые пути первостепенного значения.

Так как в древности в Керченский пролив впадала одним из своих притоков река Кубань (древние названия: Антикит, Гипанис),[1] то из пролива открывался прямой путь в плодородное Прикубанье и северный Кавказ. Пролив вместе с тем являлся воротами в Азовское море (в древности: Меотида, Меотийское озеро), через которое открывалась дорога к устью р. Дона (древний Танаис), ведшая в богатые хлебом районы Придонья.

Азовское море отличалось к тому же исключительными рыбными богатствами, особенно в устьях рек. Характерно,

что древние греки, пытаясь осмыслить местное наименование моря (Μαιῶτις — Меотида), выводили его из греческого слова μαῖα, что значит «кормилица».[2] Очевидно, такое представление об Азовском море подсказывалось грекам его обильными природными пищевыми ресурсами.

Значение Керченского пролива как узла широко разветвленных торговых путей не могло не привлечь к себе внимания греков со времени появления их у берегов северного Причерноморья. Уже в половине VII в. до н. э. к берегам пролива время от времени прибывали корабли с греческими товарами (см. стр. 16). Несколько позже, в первой половине VI в. до н. э., на берегах Боспора Киммерийского стали возникать греческие города-колонии. Наиболее значительной была милетская колония Пантикапей (теперь Керчь).[3] Вскоре все западное, т. е. крымское, побережье пролива оказалось занятым городами, расположившимися на расстоянии приблизительно от 5 до 10 км один от другого. В наиболее узкой части пролива находились города Порфмий и Парфений, в Керченской бухте были города Мирмекий (у теперешнего мыса Карантинного) и Пантикапей. Далее на юг по побережью располагались города Тиритака (теперь Камыш-бурун) и Нимфей (теперь Героевка, бывш. Эльтигень), которые лежали по обеим сторонам входа в залив, превратившийся позднее, как и многие другие подобные крымские заливы, в соленое озеро (теперь Чурубашское). Затем следовали поселок Акра (на теперешнем мысе Такиль), города Китей (близ деревни Коп-Такиль) и Киммерик (у горы Опук), причем два последних выходили уже на черноморское побережье.[4]

Одновременно с колонизацией крымской стороны пролива греки основали ряд поселений и на противоположной стороне Таманского полуострова. Самым значительным здесь был город Фанагория — на берегу Корокондамитского (Таманского) залива. Колония эта была основана жителями ионийского города Теоса.[5] Фанагория была расположена около ныне несуществующего протока реки Кубани[6] (в древности Антикит или Гипанис), чем в значительной мере и обусловливалось то особое

положение, которое принадлежало Фанагории на азиатской стороне Боспора Киммерийского. *

Севернее Фанагории находился город Кепы — колония, основанная милетцами.[7] Еще далее к северу, в наиболее узком месте пролива, лежало селение Ахиллий, и у выхода в Азовское море был город Киммерик или Киммерий.[8]

Ввиду иного размещения протоков дельты Кубани в античную эпоху и несомненного существования рукава, выходившего в пролив близ Фанагории, Таманский полуостров в те времена представлял собою остров или, вернее, ряд островов.

Южнее Фанагории, по другую сторону Антикита (т. е. протока Кубани) были расположены два больших города — Гермонасса (повидимому теперешняя Тамань) и далее Корокондама (находилась у Тузлинского мыса).

Из них более важным был город Гермонасса, так как по имени его назывался и весь остров. Одни древние писатели считали «прекрасно построенную» Гермонассу колонией ионийцев,[9] которыми предводительствовал Гермон.[10] Согласно другой версии, основателем Гермонассы был Симандр, житель города Митилены на острове Лесбосе, возглавивший группу колонистов-эолийцев. Но при основании города он умер, после чего якобы править городом стала жена его Гермонасса, по имени которой и стал называться город.[11] Во всяком случае, Гермонасса, несомненно, была вторым по значению после Фанагории греческим городом-колонией на азиатской стороне Боспора Киммерийского.

Упоминавшиеся выше города азиатской стороны Киммерий и Корокондама считались античными географами крайними, северным и южным, пределами пролива. Против Корокондамы на противоположной, европейской стороне было расположено местечко Акра. По сообщению Страбона, при замерзании в зим-

* В античную эпоху считалось, что Боспор Киммерийский отделяет Европу от Азии; продолжением этой границы к северу были Меотида (Азовское море) и река Танаис (Дон). При этом было распространено представление об Азовском море как о прямом продолжении реки Танаис, ввиду чего пролив принимался за устье Танаиса.

нее время Азовского моря и пролива лед доходил до обоих названных селений, южнее начинались незамерзающие воды Понта Евксинского.[12]

Из всего того, что достоверно известно по литературным источникам о начальной стадии колонизации Боспора Киммерийского, можно сделать следующие выводы.

Главнейшие колонии здесь были выведены ионийскими греками, причем два города, как об этом вполне определенно говорят греческие писатели, основаны милетцами: Пантикапей — на европейской стороне, Кепы — на азиатской.

Если учесть, что город Пантикапей вскоре после его основания выдвинулся и занял доминирующее положение, надо признать, что милетским колонистам принадлежала ведущая роль в колонизации Боспора Киммерийского. Представляется весьма вероятным, что участие милетцев здесь не ограничивалось двумя поименованными колониями, а было гораздо шире.

Не сразу и не в одно время возникли все греческие города и селения, названия которых нам сохранили античные авторы. Несомненно, ряд селений появился уже в результате роста ранее возникших крупных городов, из которых часть жителей переходила затем во вновь организуемые поселения. Последние возникали, таким образом, в результате вторичной внутренней колонизации. В некоторых случаях в античной литературе сохранились прямые указания об основании определенных городов жителями колоний.

Некоторые ученые склонялись к мысли, что первоначально в районе Боспора Киммерийского основаны были только один-два города (Пантикапей, Фанагория), остальные же греческие города и селения на Керченском и Таманском полуостровах появились позже, как колонии ранее основанных городов. Результаты исследований, производившихся советскими археологами в последние два десятилетия на местах боспорских поселений, не подтверждают этого предположения. Раскопки показали, что на протяжении первой половины VI в. до н. э. греки не ограничились основанием одной-двух колоний в Боспоре Киммерийском, а в короткое время обосновались

здесь во многих пунктах береговой полосы.[13] Установлено, что находившийся южнее Пантикапея город Нимфей существовал уже в первой половине VI в. до н. э., а город Тиритака — около середины того же столетия. Равным образом и город Мирмекий, находившийся северо-восточнее Пантикапея, возник во второй четверти VI в. до н. э.[14] Стало быть, ионийцы, и прежде всего милетцы, стремились в течение первой половины VI в. до н. э. осесть во многих местах, чтобы вести более широкий торговый обмен с местным населением, чего труднее было достигнуть, действуя из одного-двух населенных пунктов.

Представление о колонизации Боспора Киммерийского как о широко протекавшем расселении греческих колонистов по многим местам прибрежья отнюдь, конечно, не исключает того, что все же основными опорными пунктами колонизации являлись такие наиболее важные портовые города, как например Пантикапей.

Некоторые города, возникшие в Боспоре Киммерийском (Фанагория, Гермонасса и др.), получили свои названия от имен тех предводителей (ойкистов), которые возглавляли первые отряды колонистов при их переселении в северное Причерноморье.[15]

Другие города носили также греческие названия, но не связанные с именами их основателей. Наконец, часть городов имела названия явно негреческого происхождения (Пантикапей, Тиритака, Корокандама, Тирамба и т. п.). Объясняется это тем, что поименованные города возникли вблизи или на месте уже ранее существовавших туземных населенных пунктов, названия которых перешли впоследствии к греческим городам.[16] Особый интерес представляет наименование двух поселений, одно из них — Киммерик — находилось приблизительно в 45 км южнее Пантикапея, другое — Киммерик, или Киммерий — лежало на противоположной стороне пролива у выхода в Азовское море.[17] Названия этих населенных пунктов явно указывают на киммерийцев, живших на прилегающих к проливу территориях до греческой колонизации и до того, как в северном Причерноморье установилось господство скифов. О том же говорит и античное наименование пролива Боспор Киммерийский.

Хотя археологам еще не удалось открыть в восточном Крыму значительных остатков догреческих, киммерийских или скифских, поселений, — все же надо отметить некоторые найденные предметы материальной культуры, принадлежащие, несомненно, местному населению конца II — начала I тысячелетий до н. э., когда в северном Причерноморье завершалась эпоха бронзы.

Примитивная глиняная женская статуэтка-идол была обнаружена случайно при земляных работах на очень большой глубине в толще культурных наслоений городища Киммерик на Керченском полуострове, т. е. там, где есть основания ожидать остатки культуры киммерийцев (см. стр. 187).

Во время раскопок боспорского города Тиритаки в 1934 г. найдены две целые и одна аналогичная, но сохранившаяся только частично, каменные антропоморфные плиты, на которых в высшей степени условно представлены плоским рельефом человеческие образы с особенно подчеркнутым изображением рук (рис. 2), что, очевидно, имело ритуальный смысл. Это, повидимому, культовые изображения, которые были вкопаны в землю и стояли где-то под открытым небом. Плиты обнаружены в кладке греческой городской стены, построенной в V в. до н. э.[18] Греки — жители Тиритаки использовали для строительных нужд обнаруженные где-то поблизости старинные «варварские» идолы, некогда созданные киммерийцами в начале I тысячелетия до н. э.[19]

К этому надо добавить, что при раскопках Тиритаки неоднократно встречались базальтовые шлифованные топоры-секиры и некоторые изделия из кремня — вещи, близкие рубежу II—I тысячелетий до н. э.*

Все это вполне подтверждает, что на месте античной Тиритаки существовало селище киммерийской предскифской поры.

---

* Аналогичные отдельные находки известны теперь в Мирмекии, Илурате (городище у дер. Ивановки), а также в Пантикапее.

В процессе многовекового городского строительства, происходившего в античную эпоху, остатки этого догреческого поселения, на которые натыкались обитатели города при хозяйственно-строительных земляных работах, в значительной мере были уничтожены, а предметы культуры киммерийской эпохи переместились в вышележащие горизонты античного поселения Тиритаки.

Рис. 2. Антропоморфная стела из Тиритаки.
Начало I тысячелетия до н. э. (Керчь, Археологический музей).

Геродот, сообщая о сохранившихся еще в его время следах древних насельников северного Причерноморья — киммерийцев, предшественников скифов, отмечает наличие в Скифии киммерийских укреплений, области, называемой Киммерией, пролива, именовавшегося Боспором Киммерийским, а также Киммерийских переправ.[20]

Страбон также подчеркивает, что «киммериицы некогда имели большую силу на Боспоре, вследствие чего Боспор был назван Киммерийским».[21]

Согласно одной версии, границею между Азией и Европой принято было считать реку Танаис (Дон) и Киммерийские переправы. Об этом говорит Геродот,[22] и из его слов следует заключить, что так называемые Киммерийские переправы (πορθμὸς Κιμμέρια) находились в районе теперешнего Керченского пролива, через который происходили

сношения населения Крыма и Прикубанья, когда там и здесь жили киммерийцы. С этим необходимо сопоставить следующий интересный факт. Когда на берегах пролива уже существовали греческие города, одно из поселений, расположенное на берегу Керченского полуострова, в самой узкой части пролива, называлось Порфмием (Πορθμίον или Πορθμία), что по-гречески значит «переправа».[23]

Таким образом, Боспор Киммерийский служил в глубокой древности местом, где систематически поддерживалась связь между европейской и азиатской (по античной терминологии) частями северо-восточного Причерноморья.

Когда греки стали селиться в своих колониях, им пришлось в районе Боспора Киммерийского на крымской его стороне иметь дело прежде всего со скифами. Скифы-кочевники занимали территорию между Днепром и Доном; они же со своими табунами лошадей, со стадами овец и коров кочевали и в степных районах Крыма, включая его восточную часть, называвшуюся Трахейским полуостровом.[24] Геродот указывает, что скифы живут «на западном берегу Боспора Киммерийского и Меотийского озера».[25] Зимой же, когда Боспор Киммерийский замерзает, «скифы, живущие по эту сторону рва, предпринимают поход и на повозках переезжают на противоположную сторону в землю синдов».[26] Кочевых скифов, очевидно, привлекали, между прочим, зимние пастбища в приазовских лиманах и болотах.

Заселение района Боспора Киммерийского протекало при определенных взаимоотношениях между греками и скифами. Господствующее положение среди скифов принадлежало тогда так называемым царским скифам, про которых Геродот говорит, что это были «самые сильные и многочисленные скифы, считающие прочих скифов своими рабами».[27] Они занимали восточную сторону нижнего Поднепровья, начиная, примерно, от района днепровских порогов и далее на юг, включая степную часть Крыма до горной его части, которая была населена таврами и называлась поэтому Таврикой.[28]

Отмеченное Геродотом превосходство царских скифов над остальными скифами, в том числе и над земледельческим осед-

лым населением, выражалось, в том, что подвластные племена платили царским скифам дань, вследствие чего последние были обладателями значительного количества тех товаров, на которые предъявляли спрос греческие купцы. Экономическая заинтересованность скифской знати в торговом обмене с греками весьма благоприятствовала греческой колонизации.

Какие конкретные формы принимали эти взаимоотношения между скифами и греческими колонистами, показывает весьма интересное сведение, дошедшее до нас через ранне-средневекового писателя Стефана Византийского. Последний сообщает, что место для строительства города Пантикапея было предоставлено скифским царем Агаэтом.[29] Следовательно, втянутая в торговые отношения и оценившая их выгоды скифская знать вступала в соглашение с колонистами, предоставляя им, вероятно на договорных началах, места для поселений. Правда, в сообщаемой Стефаном Византийским версии место для Пантикапея получил от скифского царя сын мифического колхидского царя Эета, у которого аргонавты похитили золотое руно. Связь литературного предания об основании Пантикапея с легендарными аргонавтами толковалась некоторыми учеными как свидетельство, что в Пантикапее мореходы из Эгейского бассейна утвердились еще до греческой колонизации VI в. до н. э.[30]

Представляется более вероятным, что сохранившиеся в каком-то древнем источнике сведения об основании греками Пантикапея на уступленной скифами земле были дополнены византийским писателем своим домыслом о связи этого события с аргонавтами, так как, с точки зрения ранне-средневековых ученых, колонизация греками северного Причерноморья была неотделима от похождений аргонавтов, историческая реальность которых в ту пору не подвергалась сомнению.

По другую сторону пролива жили синды, занимавшие теперешний Таманский полуостров и местность в сторону Предкавказья, примерно до теперешней Анапы (в древности Горгиппия). К синдам примыкали, повидимому, родственные им племена: с юга — тореты и керкеты, с севера (приблизительно в районе теперешнего Темрюка) — давдарии и далеко к востоку, по Кубани и ее притокам, — псессы, фатеи.[31] Восточное побережье Азовского моря заселено было меотами, за ними в степях жили сарматы или савроматы, как их называет Геродот. Поэтому-то северо-кавказские степи и назывались Сарматскими равнинами (τὰ τῶν Σαρματῶν πεδία).[32]

Древние писатели проводят четкую границу расселения скифов в VI—IV вв.; такой границей были тогда река Дон и Керченский пролив. На азиатской стороне Боспора Киммерийского скифы как основная часть населения не упоминаются. Однако в ранний период, как известно, имели место вторжения, временные перекочевки скифов из Крыма на азиатскую сторону через пролив, о чем сообщает Геродот. Такие сношения скифов с областью Прикубанья могли вести и к проникновению туда элементов скифской культуры. Наличие последних в кубанских районах обусловлено было и другим обстоятельством, а именно — большим завоевательным походом скифов в переднеазиатские страны в 30-х годах VII в. до н. э. Поход этот был совершен через Кавказ, и, вероятно, часть скифов осела тогда на пути своего движения, влившись частично в состав коренного синдского и меотского населения Прикубанья, так же как южнее, в Закавказье, к югу от Трапезунта в районе долины реки Арпаз, они образовали известное племя скифинов.[33]

Таким образом, греческие колонии, основанные в Боспоре Киммерийском, оказались среди основных групп местного населения: с одной стороны — скифов, с другой — меотов, синдов и сарматов. Несмотря на этническую неоднородность, а также некоторые различия в хозяйственном и культурном укладах жизни, названные племена (как оседлые, так и кочевые) были довольно близки между собой по уровню социального развития. Почти все они находились на высших ступенях первобытно-общинного строя, когда развитие производительных сил и социальная дифференциация еще не достигли того уровня, при котором образуются классы и неизбежно возникает государство.

В этом смысле племена и племенные объединения причерноморских варваров стояли ниже древних греков, хотя расстоя-

ние, отделявшее их в общественном развитии, не было очень велико. Такие наиболее сильные и крупные группировки племен, как, например, царские скифы, а также синды, несомненно, находились уже на высшей стадии варварства, именуемой военной демократией. У скифов был довольно значительный слой имущественно выделившейся родовой знати, в состав которой входили вожди племен (их греки обычно именовали царями), родовые старейшины и т. д., владевшие значительными богатствами — крупными стадами скота и рабами, хотя использование труда рабов еще и носило в более раннее время ограниченный характер, что подтверждается отсутствием у скифов в середине V в. до н. э. покупных рабов.[34]

Заинтересованная в торговле, как средстве увеличения своих богатств, скифская и синдская знать благожелательно относилась к появлению греческих колоний в Боспоре Киммерийском.

Еще мало имеется фактических данных, по которым можно было бы судить, что представляли собою боспорские города в VI в. до н. э., в самый ранний период их существования. Несомненно, это были еще небольшие поселения, занимавшие ограниченную по размерам и слабо или совсем не защищенную территорию с немногочисленными жителями, которые вели торговлю с местным населением преимущественно привозными товарами, а также занимались различными промыслами.

Некоторые интересные подробности ранней жизни одного из боспорских греческих поселений дали недавние раскопки Тиритаки — небольшого города, находившегося на берегу Керченского пролива. Согласно периплу (описанию морского побережья), составленному неизвестным автором в V в. н. э., который использовал, однако, для своего труда гораздо более ранние греческие источники, город Тиристака (или Тиритака, как его называет Стефан Византийский) находился в 60 стадиях,* т. е. почти в 11 км, к югу от Пантикапея. На указанном расстоянии от теперешнего города Керчи, на южной окраине поселка Камыш-бурун, действительно находятся развалины древнего поселения, в котором с полным основанием надо признать остатки города Тиритаки. Раскопки, производящиеся здесь в течение свыше десяти лет, дали много ценных материалов, ярко характеризующих многовековую жизнь этого небольшого, но весьма своеобразного торгово-промыслового боспорского города.[35]

* Стадий — античная мера длины: аттический стадий = 178 м, римский — 185 м, олимпийский — 192 м, эгинский — 197 м, птолемеевский — 210 м.

Нам придется в дальнейшем еще не раз обращаться к результатам раскопок Тиритаки при рассмотрении различных вопросов истории культуры Боспорского государства и его городов. Но сейчас мы отметим остатки поселения только архаического периода, кое-где сохранившиеся в самых нижних слоях древнего городища. Большой интерес представляют развалины дома второй половины VI в. до н. э., обнаруженные в западной части Тиритаки, на окраине города (участок XIV), где несколько позже, в V в., была возведена первая оборонительная ограда, преграждавшая доступ в город.[36]

Архаический дом имеет вид вытянутого с востока на запад здания, которое состояло из двух или трех (почти квадратных в плане) помещений. Только нижние части стен были каменные; выше они состояли из глиняной сырцовой кладки; перекрытия были сделаны из деревянного настила и слоя глиняной обмазки. Так как здание погибло от пожара, в помещениях на глиняном полу обнаружен толстый слой остатков сгоревшей и упавшей вниз крыши. Под ним в крайнем западном помещении оказалось много различных вещей: разнообразные глиняные сосуды, а также терракотовые, расписанные красками статуэтки, из которых три изображают богиню, сидящую на троне, одна — фигуру стоящей женщины, одна — человеческую маску.

Статуэтки свидетельствуют, что в помещении было место культа, связанного с очагом. В торжественных иератических позах, с положенными на колени руками, сидят богини в тронных креслах. Статуэтка, изображающая женщину в высоком головном уборе, представляет отлично выполненный греческим

(вероятно, родосским) художником-коропластом образ богини в стиле середины VI в. до н. э., когда греческое архаическое искусство использовало художественные мотивы Востока, в частности древнего Египта. Другая статуэтка является произведением какой-то ионийской мастерской: за это говорит стиль фигуры — необычайно мягкая ее моделировка, стройность пропорций.

Вместе с архаическими терракотовыми статуэтками найдена клазоменская расписная ваза, амфора, украшенная орнаментом в виде чешуек.

Значительное число предметов художественного ремесла, оказавшихся в тиритакском архаическом доме, представляют собой импорт из ионийских городов Малой Азии. Вещей из самой Греции гораздо меньше. К ним относятся маленькие расписные чашечки из Коринфа, фрагменты аттических ваз, расписанных чернофигурными рисунками.

Выводы, к которым приводит рассмотрение интересного комплекса находок из одного лишь архаического дома, раскопанного в Тиритаке, подтверждаются наблюдениями над вещественными находками из архаического слоя не только Тиритаки, но и других боспорских поселений, а также данными раскопок греческих некрополей на Керченском и Таманском полуостровах. Прежде всего следует отметить, что относящиеся к указанному периоду вещи — чаще всего это импортная расписная керамика — даже в наиболее ранних своих образцах не заходят далеко за середину VI в. до н. э. в первой его половине; преобладают же предметы второй половины VI в. до н. э.

Последнее обстоятельство позволяет заключить, что возникновение греческих колоний на побережье Боспора Киммерийского началось незадолго до середины VI в. до н. э. В более раннее время в этот район греческий импорт мог проникать лишь спорадически, от нерегулярно заезжавших ионийских купцов. Количественное преобладание во второй половине VI в. до н. э. в боспорских греческих поселениях изделий ионийских промышленных центров обусловлено тем, что в рассматриваемый период как сама колонизация, так

и торговля были делом ионийских греков. Много ввозилось изделий с острова Самоса, затем из Клазомен, Навкратиса и других ионийских городов. Через ионийских купцов, преимущественно милетских, доставлялись и керамические изделия с острова Родоса. Наряду с ионийским ввозом, но в меньшем количестве, шли изделия из Греции — из Аттики, Коринфа, причем аттический импорт стал усиливаться и явно выдвигаться на первое место к концу VI в. до н. э.

Вместе с тем надо заметить, что в греческих городах почти тотчас же после их основания стали возникать некоторые ремесленные производства, игравшие, правда, первоначально лишь подсобную роль, поскольку основная потребность в промышленных изделиях удовлетворялась, главным образом, импортными товарами. Но значение и удельный вес различного рода производств в городах быстро увеличивались.

Характерно, что среди вещей, обнаруженных в упоминавшемся выше тиритакском архаическом доме, встречены и такие глиняные сосуды, которые, несомненно, изготовлены на месте. Интересно также наличие в числе утвари архаического дома скифской посуды, сделанной без гончарного круга. Это показывает, что в быт жителей городов сразу же стали проникать различные предметы местной культуры, хотя на первых порах гораздо более интенсивно шло проникновение греческих изделий в среду и быт варваров.

Найденные в тиритакском доме глиняные пряслицы от веретен, а также гирьки из необожженной глины в виде пирамидок от ткацкого станка (гирьки эти подвешивались к нитям основы) показывают, что в числе первых ремесел, наряду с керамическим производством, выпускавшим наиболее простые сорта обиходных изделий, в боспорских поселениях занимали также важное место обработка шерсти и изготовление домотканного платья.

Животноводство, рыбный промысел, сельское хозяйство — все это уже входило в той или иной степени в круг хозяйственной деятельности первых поселенцев, обосновавшихся в городах на берегах Боспора Киммерийского.

Основным фундаментом, на котором зиждились благосостояние боспорских поселений с момента их возникновения, возможность роста и развития, являлась торговля с местным населением. В торговый обмен поступали: греческая импортная высококачественная, чаще всего расписная, посуда, вино, ткани, металлические изделия. Все это греки обменивали на сельскохозяйственные продукты, особенно охотно на пшеницу. У местного населения, и прежде всего у варварской знати, которая наиболее активно участвовала в торгово-обменном деле с греками, появился стимул к более интенсивному добыванию продуктов и товаров, могущих идти на рыночный сбыт.

Масштабы торговли, количество товаров, поступавших с обеих сторон для обмена, увеличивались постепенно. В первое время города вели относительно ограниченный по размеру торговый обмен, что определяло и довольно скромный материальный уровень быта их жителей. Все, что так или иначе характеризует жизнь боспорских греческих поселений в архаический период, не говорит ни об изысканности, ни о богатстве. Скромный вид имеют и греческие погребения VI в. Ранние пантикапейские могилы содержат глиняные урны с прахом сожженных покойников, без каких-либо вещей погребального инвентаря.[37] Известны и грунтовые, простые ямные могилы этого времени, покрытые досками или каменными плитами. В них встречаются вещи, но чаще всего это недорогие глиняные сосуды и украшения.[38]

Каковы были общественные формы жизни греческих городов Боспора Киммерийского, их внутренний политический строй в ранний период — неизвестно. По некоторым признакам можно все же полагать, что наиболее крупные города являлись в это время самостоятельными античными полисами, организованными на основах рабовладельческой демократии, т. е. имели свои выборные органы управления, а по достижении достаточной экономической состоятельности чеканили свою монету.

Очень быстро, однако, среди боспорских городов стал выдвигаться на первое место Пантикапей, который скоро

занял руководящее положение в районе Боспора Киммерийского. Пантикапей был очень выгодно расположен на берегу обширной бухты, что позволило грекам создать здесь благоустроенную торговую гавань. Плодородные земли восточной части Крыма надежно обеспечивали Пантикапей хлебом, прочная связь с крымскими степями давала возможность поддерживать сношения как с центральными и северными районами Крыма, так и с предкрымскими главнейшими областями Скифии.

Обладая хорошим портом, Пантикапей стал основной складочной базой для прибывавших морем товаров, распространявшихся отсюда в Скифию. Быстрый рост экономического значения Пантикапея позволил ему вскоре взять под свой контроль морские коммуникации, проходившие через Боспор Киммерийский, и стать здесь доминирующим торговым центром.

Быстрому усилению экономического и политического значения Пантикапея не в малой степени, как можно думать, способствовал тесный контакт с наиболее мощной племенной группировкой, именно: с царскими скифами, с одной стороны, и синдами — с другой. Поддержка со стороны царских скифов значительно укрепляла положение Пантикапея. О роли скифов как силы, поддерживавшей Пантикапей, говорит то обстоятельство, что само место для основания греческой колонии Пантикапея было получено от скифского царя. Потом мы неоднократно узнаем от греческих писателей, что скифы в качестве союзников выступали на стороне правителей Пантикапея в войнах.

Насколько опередил Пантикапей в своем экономическом и политическом развитии прочие греческие города в Боспоре Киммерийском, явствует из того, что Пантикапей уже во второй половине VI в. до н. э. стал выпускать монеты,[39] тогда как соседние крупные города-колонии (Фанагория, Нимфей, Феодосия) только столетием позднее, в конце V в., смогли начать чеканку монет, причем в Нимфее и Феодосии она вскоре же прекратилась (в Феодосии имело место кратко-

временное возрождение местного чекана монет в III в. до н. э.).

На первых пантикапейских монетах, чеканившихся из серебра, в качестве эмблемы на лицевой стороне изображалась голова льва, что являлось подражанием древнейшим монетам Милета и Самоса (табл. I, *1—4*).

Первостепенное экономическое значение Пантикапея, его доминирующее положение в стратегическом отношении — все это привело к тому, что именно Пантикапей вскоре стал политическим центром, вокруг которого объединились все остальные города в районе Керченского пролива. Результатом объединения явилось образование государства, называвшегося Боспором Киммерийским или просто Боспором,[40] столицей которого стал город Пантикапей. Вряд ли это объединение городов и подчинение их Пантикапею было насильственно навязано им. Находясь в окружении воинственных и сильных местных племен, греческие города, очевидно, довольно скоро сами осознали не только целесообразность, но и необходимость сплочения в целях самосохранения и более успешного осуществления своих экономических интересов.

Глава третья

АРХЕАНАКТИДЫ

Греческий писатель Диодор Сицилийский сообщает, что в 438/37 г. до н. э. исполнилось 42 года царствования над Киммерийским Боспором правителей, именуемых Археанактидами.[1] На основании указанного известия можно считать, что греческие города на Боспоре примерно с 480 г. до н. э. представляли уже единое государство, в котором власть принадлежала членам рода, ведшего свое происхождение от некоего Археанакта.

Ввиду того, что, кроме указанных нескольких строк Диодора, никаких известий об Археанактидах в античной литературе больше не сохранилось, перед исследователями возникли серьезные затруднения при попытках решить вопрос, каково же было происхождение первых боспорских правителей. Высказывались различные гипотезы, а некоторые ученые даже склонялись к мысли, что Археанактиды вообще никогда не существовали и что заметка о них у Диодора является недостоверной. Позднее, однако, выяснилось, что сообщение Диодора об Археанактидах взято под сомнение напрасно. Оказалось, что в обнаруженных при раскопках в Милете официальных списках эсимнетов в конце VI в. до н. э. имеется гражданин, отец которого носил имя Археанакта.[2] После этого стало уже почти бесспорным, что Археанакт был ойкистом, т. е. главой первого отряда милетских переселенцев, основавших колонию Пантикапей. Во всяком случае род Археанактидов, ведущий

свое происхождение из Милета, несомненно играл руководящую роль в жизни милетской колонии Пантикапея.

Вероятно, Археанактиды занимали должность архонтов — главных городских магистратов, избираемых общиной пантикапейских граждан. Но эти номинально выборные архонты являлись в действительности такими правителями, власть которых переходила от отца к сыну по наследству. Когда в 80-х годах V в. греческие города Боспора Киммерийского признали необходимым объединиться под верховенством Пантикапея как наиболее сильной и влиятельной колонии, правившие там «архонты» стали единоличными правителями нового государственного образования, включавшего обе стороны Керченского пролива. С полным основанием можно думать, что резиденцией Археанактидов был Пантикапей.

Объединение колоний под властью Археанактидов произошло, как известно из сообщения Диодора, около 480 г. до н. э. Однако представляется весьма вероятным, что тенденция к такому объединению намечалась уже раньше; получила же она свое осуществление в указанное время под влиянием каких-то обстоятельств или событий, которые окончательно убедили в неотложной необходимости создания союза, федерации боспорских городов под покровительством Пантикапея.

Знаменателен факт, что утверждение власти Археанактидов над всеми городами, объединившимися в Боспорское государство, последовало вскоре после того, как чрезвычайно тяжелый удар обрушился на Милет — метрополию основных колоний Боспора.

В 494 г. до н. э. Милет, принимавший участие в восстании ионийских городов против владычества персов, был штурмом взят персидскими войсками и полностью разорен, а жители проданы в рабство. Подверглась при этом разграблению и сожжению главная милетская святыня — храм Аполлона и оракул в Дидимах (окрестности Милета). Сокровища храма, а с ними и священная статуя Аполлона были вывезены персами как трофейная добыча в Сузы.[3] Нельзя считать исключенным, что эти события сыграли известную роль в ускорении объединения основных городов на Боспоре, которые теперь особенно должны были призадуматься над обеспечением своей безопасности.

Обычно принято считать, что при Археанактидах были возведены первый или так наз. Тиритакский оборонительный вал и ров на Керченском полуострове западнее Пантикапея. Вал и ров пересекали полуостров во всю ширину, от города Тиритики (теперь Камыш-бурун) до Азовского моря.[4]

Вал и ров были преградой для вторжения кочевников на культурные земли, являвшиеся собственностью Боспорского государства. Площадь этих земель была еще не велика. Ряд городов и селений, лежавших на побережье, выполняли функции опорных пунктов, в соответствии с чем и там было обращено внимание на создание оборонительных сооружений. В Тиритаке, например, наиболее раняя крепостная каменная ограда, остатки которой обнаружены при раскопках, относится к первой половине V в. до н. э.

В период Археанактидов торговые сношения Боспора с Грецией и Малой Азией продолжали постепенно развиваться, приобретая все более широкий характер.

С окончанием греко-персидских войн на первое место в торговле с понтийскими областями выступили Афины, хотя одновременно продолжался, правда в значительно более слабой степени, чем прежде, экспорт из ионийских городов Малой Азии. Со времени заключения Делосского морского союза (478 г.) в руках Афин оказались все ключевые позиции, соединявшие Эгейское море с Понтом Евксинским, а именно: Геллеспонт (Дарданеллы), Пропонтида (Мраморное море) и Боспор Фракийский, что обеспечивало Афинам беспрепятственные сношения с понтийскими греческими колониями.

Из Афин в V в. импортировались на Боспор керамические изделия: краснофигурные вазы, терракотовые статуэтки, чернолаковая посуда. Последняя представлена была особенно многочисленными изделиями в виде кубков и чаш для вина, покрытых отличной черной глазурью (лаком), придающей сосудам особенно красивый вид. Доставлялись также изделия

греческих металлистов и ювелиров: *серебряные позолоченные* чаши с тонкими гравированными рисунками, золотые и серебряные украшения, бронзовые предметы вооружения (шлемы, кнемиды), бронзовые сосуды.

Из Афин и особенно с островов Архипелага (Фасос, Хиос и др.) привозилось много вина и оливкового масла, которое транспортировалось в особых глиняных остродонных амфорах (рис. 3).

Говоря о торговле с Афинами, нужно иметь в виду, что хотя в первой половине V в. до н. э. ввоз афинских товаров в северное Причерноморье, и в частности на Боспор, был достаточно значителен, все же предметами импорта в это время были преимущественно массовые аттические изделия. В то время как в особенно большом количестве привозились мелкие сосуды (лекифы и т. п.), украшенные бегло исполненной чернофигурной росписью дюжинной ремесленной работы, высокохудожественные произведения афинских мастеров поступали еще единичными экземплярами.

Объясняется это тем, что Боспор в тот период не являлся основным рынком сбыта афинской промышленности и важнейшим поставщиком хлеба, *каковым он становится немного позже*, начиная с последних десятилетий V в. до н. э. До 40-х годов V в. афинский экспорт направлялся особенно интенсивно в западные районы Средиземноморья (Сицилия, южная Италия). Поэтому в греческих городах северного Причерноморья, и в том числе на Боспоре, довольно редки находки, например, дорогих краснофигурных ваз «строгого стиля» первой половины V в., которыми так славились Афины и над изготовлением которых трудились лучшие мастера — керамисты и живописцы.[5]

Поступавшие в Пантикапей и другие боспорские города *некоторые греческие изделия распространялись дальше*, в глубь страны — в Крым, особенно в Прикубанье и т. д.

Насколько значителен был уже в первой половине V в. до н. э. наплыв в Скифию греческих изделий, привезенных извне, а отчасти изготовленных на месте в боспорских городах переселившимися туда греческими мастерами, показывают погребения варварской знати в смежных с боспорскими городами местностях. В виде примера укажем на одно из характерных для рассматриваемого времени богатых курганных погребений, раскопанных в нижней части Кубани. Этот курган входит в состав целой группы курганов «Семь братьев» (рис. 4), раскопанных в 1875—1876 гг. В. Г. Тизенгаузеном и заключавших в себе *погребения представителей богатой синдской знати*.

Рис. 3. Глиняные остродонные амфоры.

1 — фасосская середины V в. до н. э.; *2* — родосская, III в. до н. э.

В одном из наиболее ранних курганов (IV), относящемся к 470—460 гг., археологическими раскопками выявлена сле-

дующая картина.[6] Как в боковой части кургана, так и близ центральной могилы обнаружены захоронения лошадей. Наличие последних с полной определенностью указывает на негреческий, варварский погребальный ритуал. Обычай пышных кровавых жертвоприношений, совершаемых на похоронах, был свойствен скифам и родственным им племенам. В зависимости от того, какое общественное положение занимал покойник при жизни, на его могиле совершалось заклание многочисленных коней, количество которых достигало порой нескольких сот. Иногда убитые лошади хоронились под курганной насыпью вместе с колесницей, на которой покойник был доставлен к месту погребения. Наиболее знатные люди хоронились вместе с задушенными женами-наложницами и слугами-рабами.

В центре интересующего нас кургана в могильной яме, рядом со скелетом покойника, в специально отгороженном досками отделении, лежал кожаный панцырь, покрытый нашитыми на кожу бронзовыми чешуйками и украшенный у шеи золотым полумесяцем, а на груди головой Медузы, изображениям которой приписывалась магическая сила отвращать поражение. В том же отделении находились различные предметы утвари: бронзовый котел на железном треножнике, бронзовое блюдо, три чернолаковые глиняные тарелочки, расписной аттический лекиф с изображением человеческой фигуры, бронзовый канделябр и три глиняные простые остродонные амфоры для вина. В изголовьи покойника найдено несколько золотых ритонов — сосудов в форме рога для питья вина. Там же находился замечательный большой серебряный ритон, заканчивающийся внизу изображением передней части фигуры крылатого козла. Рядом с остатками ритонов найдены интересные золотые пластинки с чеканными изображениями зверей: орел, несущий зайца, крылатый лев, терзающий горного козла, барс, терзающий оленя, фантастический дракон — полусобака-полуптица. Превосходна серебряная чаша, украшенная внутри изящным, поразительно тонким, граьированным и позолоченным изображением сидящей

Рис. 4. Кубанская группа курганов «Семь братьев», раскоп Ф. И. Гросса. (Из альбома Б. Археологической комиссии).

Ники (богини Победы), совершающей священный обряд возлияния.

Большая часть вещей, входящих в состав перечисленного погребального инвентаря, греческого происхождения. Тончайшей художественной работы серебряная чаша, а также глиняные сосуды являются продукцией Афин. К греческому импорту принадлежат и амфоры с вином. Иного происхождения серебряный ритон с изображением протомы крылатого козла.[7] Он изготовлен в одной из мастерских ахеменидской Персии и доставлен на Боспор, вероятнее всего, через Малую Азию, или, может быть, через Кавказ.[8]

В местных боспорских мастерских, повидимому, сработаны упомянутые золотые бляхи со звериными изображениями. Они изготовлены каким-нибудь греческим мастером-ионийцем, который сочетал в своих изделиях греческий орнамент с восточными иранскими звериными образами.[9] Ионийские мастера, особенно те из них, которые перенесли свою деятельность в боспорские города, приноравливались к запросам заказчика, снабжали Скифию, и прежде всего скифскую и синдскую знать, большим количеством всевозможных металлических изделий, исполненных в «зверином» стиле. При этом использовался и перерабатывался не только репертуар исконно местных скифских звериных мотивов в определенном их сочетании и художественном оформлении, но и широко вводились элементы звериных изображений из восточно-ионийского, а также иранского искусства.

Результатом торгового обмена, интенсивно протекавшего между боспорскими городами и окружавшим их местным населением уже при Археанактидах, была не только эллинизация последнего, т. е. широкое внедрение элементов греческой материальной культуры и соответствующих культурных навыков в обиход варваров, прежде всего варварской знати. Скифская и меото-синдская знать, заинтересованная в регулярном и обильном получении греческих вещей и товаров путем торгового обмена, перестраивала хозяйственный быт подчиненного ей населения в таком направлении, чтобы получать побольше

прибавочного продукта. Это вело к постепенному усилению в хозяйстве роли рабского труда, земледелия и оседлого быта. Происходил процесс разложения общинно-родового строя и роста элементов рабовладельческих отношений.

Как быстро развивался этот процесс социально-экономических и культурных изменений у некоторых ближайших к боспорским городам племен, свидетельствует такой факт, как выпуск синдских монет в течение двух — трех последних десятилетий V в. до н. э. (табл. I, *7—10*). Местные синдские цари, следуя примеру греческих городов Боспора, в конце V в. стали чеканить (вероятно, на монетном дворе одного из боспорских городов; скорее всего в Пантикапее) свои монеты.[10] На них в качестве эмблем изображались голова Геракла, коленопреклоненный Геракл с луком, грифон, сидящий перед пшеничным зерном или колосом; на обороте помещалась голова лошади или сова. Греческая надпись [illegible]Σινδῶν на оборотной стороне монет подтверждает принадлежность монет синдам. Дальнейшее развитие самостоятельного чекана синдских монет было прервано присоединением Синдики к Боспорскому государству, о чем подробнее речь будет ниже.

Большое значение для развития Боспорского государства имело усиление экономических и политических связей с Афинами, наступившее в начале второй половины V в. до н. э.

Попытка Афин утвердиться в низовьях Нила и открыть себе дорогу к дешевому египетскому хлебу оказалась неудачной. В 459 г. до н. э. афиняне вмешались в восстание, которое подняло против персов местное египетское население, возглавленное Инаром.[11] Но результаты вмешательства, имевшего целью поддержать повстанцев, были плачевны: в 454 г. до н. э. в дельте Нила погиб почти весь флот, посланный Афинами для борьбы против персов, а из афинского войска уцелела лишь незначительная часть. Эта неудача не только приостановила рост афинского могущества, но и пошатнула политический авторитет Афин, что послужило толчком к отпадению ряда государств от Афинского союза.

Несмотря на то, что в 449 г. удалось заключить мир с персами, а в 445 г. «тридцатилетний мир» со Спартой, было все же ясно, что положение Афин не прочно.

Не получив прямого доступа к хлебным ресурсам Египта, Афины усилили свою активность на Западе. В 443 г. до н. э. была основана в южной Италии афинская колония Фурии на месте разрушенного города Сибириса;[12] одним из основателей этой колонии был знаменитый греческий историк Геродот.[13] Одновременно афиняне стали усиленно обращать свои взоры к Понту Евксинскому, к наиболее богатым хлебом и сырьем районам Причерноморья.

Около 440 г. глава Афинского государства Перикл совершил с большой эскадрой объезд греческих городов Понта Евксинского.[14] Экспедиция афинского флота имела целью установить более тесные торгово-политические отношения с греческими колониями Понта, а вместе с тем продемонстрировать варварским племенам морскую мощь Афин.[15] Дело, однако, отнюдь не ограничивалось демонстрацией и переговорами. Чтобы усилить свои позиции в Причерноморье, афиняне стали создавать там свои опорные пункты, используя для этой цели уже существовавшие издавна на берегах Черного моря греческие города. В середине V в. до н. э. был заселен афинскими колонистами город Астак, лежавший в Пропонтиде (Мраморное море) на берегу Астакенского (ныне Исмидийского) залива в Вифинии и бывший до того колонией мегарцев.[16] Афины тем самым надежно закрепляли за собой подступы к Боспору Фракийскому — воротам в Черное море.

Затем под главенством Атенокла была образована афинская колония на южном берегу Черного моря в городе Амисе, представлявшем собою старую фокейскую колонию; при этом афинскими клерухами город был переименован в Пирей.[17] О серьезном стремлении Афин укрепить свое положение на Черном море свидетельствует предпринятый под руководством Ламаха поход на Синопу, откуда силой был удален правивший городом тиран, после чего в Синопу переселилось 600 афинян.[18] Военные действия вели Афины и против Гераклеи Понтийской

ввиду ее не соответствующей интересам Афин политики.[19] Тогда же были предприняты какие-то специальные меры и к тому, чтобы обеспечить возможность бесперебойного торгового обмена с Боспором. В этой связи Афины, повидимому, пытались устроить свою торговую факторию в боспорском городе Нимфее, куда был направлен афинский представитель для содействия экспорту продовольствия в Афины, а, возможно, поселено и какое-то количество афинских резидентов. Это обстоятельство позволяло афинянам рассматривать в течение некоторого времени Нимфей как город, принадлежащий Афинам (подробнее об этом см. стр. 176).

Активность Афин в Понте Евксинском, нашедшая свое особенно яркое проявление в морской экспедиции Перикла, показывает, что афинское государство, сознавая неизбежность конфликта и военного столкновения со своими соперниками, стремилась заблаговременно обеспечить себя на случай войны подвозом продовольствия и сырья из Понта.

Вспыхнувшая вскоре Пелопонесская война привела к разорению сельского хозяйства Аттики, а вследствие поражения в конце V в. афинское государство утратило господствующее политическое положение в средиземноморском греческом мире. Это означало и потерю прежних экономических преимуществ на средиземноморских, в частности на сицилийском, хлебных рынках. Ввиду этого понтийские греческие города, и в первую очередь Боспор, стали теперь важнейшим источником хлеба и сырья для Афин.

Глава четвертая

СПАРТОКИДЫ

Установление более тесных политических и экономических взаимоотношений с Афинами совпало на Боспоре с существенными внутренними переменами. В 438/37 г., как сообщает об этом Диодор, произошла смена прежней правящей династии: от Археанактидов власть перешла к некоему Спартоку,[1] представителю новой династии Спартокидов, члены которой в наследственном порядке управляли Боспорским государством до конца II в. до н. э., т. е. на протяжении трех столетий. Неизвестно, при каких обстоятельствах совершилось воцарение Спартокидов: произошел ли этот переход власти в результате государственного переворота, при котором Археанактиды были устранены насильственно, или же Спартокиды сменили их мирным путем. Диодор ограничивается лишь кратким указанием, что Спарток «принял власть», и больше никаких подробностей об этом не приводит. Имеются все же некоторые основания предполагать, что переход власти к Спартокидам представлял какой-то политический переворот, следствием которого явилось удаление из Пантикапея прежних боспорских правителей — Археанактидов.

Такой вывод подсказывается некоторыми указаниями, имеющимися у греческих писателей, о том, что в Феодосии «некогда жили изгнанники из Боспора»,[2] сношения с которыми рассматривались первыми царями династии Спартокидов как проявление политической неблагонадежности и злонамеренности.[3] В этих «изгнанниках», перебравшихся в соперничавший

тогда с Боспором город Феодосию, можно с немалым основанием предполагать представителей рода Археанактидов, а, может быть, также и сторонников этих правителей, вынужденных с приходом к власти Спартокидов эмигрировать в соседнюю милетскую колонию, бывшую еще в ту пору независимой от Боспорского государства. Если вспомнить, что Археанактиды были милетцами по происхождению, переселение их в Феодосию станет особенно понятным.

Кто были Спартокиды, каково происхождение этой династии, из какой общественной среды вышел ее основатель Спарток? Ответа на эти вопросы в источниках нет. Следует, однако, учесть некоторые косвенные указания. Очень интересно одно место в труде Страбона, где приводятся различные соображения о высоких моральных качествах, свойственных варварам.[4] Наряду со скифами, персами, египтянами и другими негреческими народами, Страбон, ссылаясь на греческого писателя III в. до н. э. Хрисиппа, упоминает и боспорских царей в качестве одного из примеров нравственной добродетели, свойственной варварам. Следовательно, с точки зрения греческих писателей, Спартокиды по своему происхождению не были эллинами. Подтверждением этому являются их имена. Имя Спартока, первого царя новой династии (такое же имя впоследствии носило еще несколько боспорских царей), не греческое, а фракийское. Если взять все известные имена боспорских царей и их родственников, то окажется, что они или фракийские: Спарток, Перисад, Камасария, или греческие: Сатир, Левкон, Аполлоний, Евмел и др.

Интересно отметить, что названные выше негреческие имена боспорских царей принадлежат не просто к разряду фракийских, но являются как раз такими именами, какие носили в ту же эпоху члены фракийской династии Одрисов.[5]

Необходимо в этой связи обратить внимание еще и на то обстоятельство, что выпускавшиеся царскими эргастериями на Боспоре кровельные черепицы в III в. до н. э. снабжались иногда клеймами, содержащими не только указание на происхождение черепицы из царского эргастерия (βασιλική), но и вклю-

чавшими в себя династические эмблемы в виде трезубца и дельфина.[6] Эти эмблемы расшифровываются более поздними надписями римского времени, в которых нередко указаны мифические предки боспорских царей. Таковыми были Посейдон или его сын Евмолп, а также Геракл (IPE, II, 41, 358). Легендарная генеалогия боспорских царей возникла, несомненно, значительно раньше римского времени. Как показывают упомянутые выше царские черепичные клейма III в. до н. э., Посейдон и Евмолп почитались уже и Спартокидами в качестве предков их рода.

Вряд ли случайно в династической генеалогии фигурировал Евмолп.[7] Последний, как известно, считался фракийцем и, повидимому, именно поэтому боспорские правители видели в нем своего предка.

Все это заставляет думать, что Спартокиды были тесно связаны с Фракией, являясь, вероятнее всего, фракийскими выходцами. Каким образом, при каких обстоятельствах и когда они оказались на Боспоре, мы не знаем. Из всех предлагавшихся уже гипотез нам представляется наиболее вероятной мысль, высказанная впервые историком Перро и поддержанная таким авторитетным исследователем, как В. В. Латышев.[8] По их мнению, Спарток[9] выдвинулся из командного состава наемного фракийского войска, бывшего на Боспоре. Присутствие фракийских наемников на Боспоре в IV в. до н. э. — факт хорошо известный; вполне возможно, что они были там и раньше — в V в.

Проявив себя способным военачальником наемного войска, Спарток, бывший, повидимому, выходцем из фракийской знати, мог захватить власть, опираясь на поддержку тех слоев населения городов Боспора, которые желали видеть во главе государства правителей, способных не только отстоять, но и значительно усилить и, прежде всего, расширить его территориально. Из последующей истории Боспора известно, что эту задачу Спартокиды осуществляли весьма энергично и не без успеха, лично руководя всеми главнейшими военными операциями, проводившимися боспорскими войсками.

Высказывалось в науке — притом уже очень давно — мнение, что Спартокиды были выходцами из среды местной скифской знати.[10] Но подкрепить его какими-либо вескими доказательствами совершенно невозможно. Нельзя не считаться с фактом, что ни одного скифского имени среди Спартокидов мы не знаем; с другой стороны, в государственной политике, проводившейся Спартокидами, также не заметно признаков, которые могли бы подтвердить их скифское происхождение.

Предлагалась еще и такая догадка: Спарток якобы был выходцем из местной скифской среды, но родившимся от смешанного скифско-фракийского брака.[11] Известно, например, что один из скифских царей был женат на дочери фракийского царя.[12] Подобные браки могли происходить между скифской и фракийской знатью. Все же и при указанном допущении остается необъяснимым, каким образом в результате такого брака, который будто бы состоялся в Скифии и от которого предположительно происходят Спартокиды, могло получиться так, что из негреческих имен членов этой династии употреблялись имена исключительно фракийские, к тому же характерные для фракийской знати, при полном отсутствии скифских?

Таким образом, следует признать наиболее вероятным, что Спартокиды были фракийцами по происхождению, но сильно эллинизованными и усвоившими греческую культуру в такой мере, что вряд ли негреческое их происхождение внешне в чем-либо проявлялось, кроме имен. Весьма показательно, что боспорские цари были жрецами и покровителями исконно греческого культа Аполлона (IPE, II, 15), пользовавшегося особенно большим почитанием у боспорских греков, так как Аполлон был главным божеством Милета — метрополии Пантикапея и других городов Боспорского государства.

Поскольку жизненной основой городов рабовладельческого Боспора являлась торговля, и прежде всего экспорт хлеба, Спартокиды, действуя в интересах своего государства, с самого начала пребывания у власти стали стремиться к расширению территории Боспорского государства путем присоединения при-

легавших к боспорским городам плодородных земель, заселенных местными племенами.

В первую очередь, однако, пришлось позаботиться о ликвидации опасного конкурента, находившегося по соседству. Таковым была Феодосия — милетская колония, основанная во второй половине VI в. до н. э. Превосходно расположенная на берегу бухты, удобной для оборудования хорошей гавани, и обладающая плодородными землями (πεδίον εὔγαιον ἔχουσα),[13] Феодосия стала серьезным соперником Боспора в хлебной торговле. Попытка насильственного присоединения к Боспору встретила со стороны Феодосии энергичное сопротивление, причем ей активную поддержку оказала Гераклея Понтийская. Имея в Крыму свою только что основанную колонию — Херсонес Таврический, Гераклея опасалась развития экспансии Боспора в западном направлении, что могло привести к поглощению Херсонеса Боспором. Феодосия в то же время, вероятно, находилась в постоянных торговых сношениях с Гераклеей.

Война за Феодосию потребовала от Боспора значительных усилий. Боспорский царь Сатир I (433/32—389/88 гг.), сын Спартока I,[14] умер при осаде Феодосии.[15] Войну до победного завершения довел Левкон I (389/88—349/48 гг.), именовавшийся в официальных надписях «архонтом Боспора и Феодосии» (IPE,* II, 343).

Однако и Левкону I удалось одолеть Феодосию не без труда. На выручку Феодосии, осажденной боспорскими войсками, Гераклея Понтийская прислала свой флот. Гераклейцы высаживали с кораблей десанты в различных местах Керченского полуострова, т. е. на территории Боспора, стремясь дезорганизовать тыл и коммуникации боспорских войск, ведших осаду Феодосии.[16]

Силы Левкона состояли из наемной тяжело вооруженной пехоты (гоплиты) и скифской конницы, помогавшей Левкону на правах союзного войска. Наемники действовали вяло,

* Список принятых сокращений см. в «Приложениях» стр. 487—488.

слабо противодействуя гераклейцам. Левкон вынужден был приказать, чтобы расположенные позади гоплитов скифы расстреливали пехоту в случае ее отступления.

Борьба закончилась присоединением Феодосии к Боспору.* Насколько это событие представлялось значительным для Боспорского государства, видно из того, что упоминание Феодосии было включено в официальную царскую титулатуру Спартокидов. Завоеванная Феодосия стала крупнейшим центром боспорского хлебного экспорта. Переоборудованный торговый порт Феодосии, по отзывам афинских моряков в середине IV в. до н. э., не уступал своими качествами пантикапейской гавани.[17]

Вся территория Крыма, лежащая от Феодосии к востоку, была при Левконе I подчинена Боспору.

Что касается азиатской стороны, то для полного овладения прилегавшими к боспорским городам районами нижней Кубани и Приазовья у первых Спартокидов нехватало сил, пока шла борьба за Феодосию и за расширение владений в Крыму. Поэтому первоначально Спартокиды старались распространить свое влияние в азиатской части Боспора путем установления тесных связей с местными правителями, вскоре оказавшимися в зависимом от боспорских династов положении. Это особенно ярко проявлялось в отношениях между Боспором и Синдикой.

Известно, что синдский царь Гекатей, свергнутый, повидимому, в результате какого-то внутреннего переворота, был возвращен к власти «боспорским тираном» Сатиром I. Последний выдал за Гекатея свою дочь, желая родственными узами укрепить политические позиции Спартокидов в Синдике.[18] Эллинизованные синдские цари (характерно, что упомянутый выше царь носил чисто греческое имя Гекатея), связанные брачными союзами с боспорской династией, и синдская знать, богатевшая на торговле с боспорскими городами, довольно легко пошли на присоединение к Боспору.

* Возможно, победа Левкона была в конечном счете облегчена тем, что вспыхнувшая в Гераклее внутренняя социальная борьба, закончившаяся установлением в 364 г. до н. э. тирании Клеарха, вероятно вызвала прекращение военной помощи Феодосии со стороны Гераклеи.

Сложнее обстояло дело с племенами меотов, живших в прибрежной полосе вдоль Азовского моря. Меоты занимались земледелием и рыболовством.[19] Наиболее богатые рыбой пункты Азовского побережья в устьях рек Большой Ромбит (теперь р. Ея) и Малый Ромбит (теперь Бейсуг или Кирпили) эксплоатировались меотами. Рыбные богатства влекли сюда и боспорцев. Но за прибрежной полосой оседлых меотов тянулись обширные степные пространства, занятые кочевниками — яксаматами, сираками и другими сарматскими племенами. Меоты с помощью этих кочевников противились притязаниям Боспора и в ответ на попытки присоединить Приазовье к Боспору совершали набеги на азиатские владения Сатира I (район греческих городов Таманского полуострова) и соседнюю Синдику, которой управлял местный царь Гекатей, ставленник Сатира, и его зять. Чтобы прекратить эти набеги меотов и их союзников, грозившие разорением Синдики и смежных с нею боспорских земель, боспорскому правителю, наследовавшему власть после смерти СатираI, пришлось добиваться мира, откупаясь богатыми дарами вождям меотских племен.[20]

Положение изменилось, когда было покончено с Феодосией. Освободившиеся после военных действий в Крыму войска давали возможность перейти к более решительной политике на азиатской стороне. Имея там несколько опорных пунктов (города Фанагория, Гермонасса и др.), Боспор в короткий срок подчинил себе ряд местных племен. Официальные надписи Боспора в титулатуре правителей отражают постепенный рост азиатских владений.[21] Наряду с надписями, в которых Левкон I именуется только «архонтом Боспора и Феодосии» (под Боспором здесь, несомненно, имеется в виду совокупность греческих городов Керченского и Таманского полуостровов во главе с Пантикапеем), известны надписи, в которых упоминание Левкона I сопровождено более пышным титулом: «архонт Боспора и Феодосии, царь синдов, торетов, дандариев и псессов». Титулатура следующего царя Перисада I включает, помимо уже упомянутых племен, также фатеев, досхов и, наконец, «всех меотов».

Таким образом, к середине IV в. Боспор являлся обладателем территории, простиравшейся в Крыму до Феодосии включительно, а на азиатской стороне примерно до теперешнего Новороссийска. В одной из надписей времен Перисада I указано, что он властвовал над землями «от Тавров до границ земли Кавказской» (IPE, II, 9). Охватывая племена, населявшие район нижнего течения Кубани и ее притоков, владения Боспора простирались и далее к северу по Азовскому прибрежью, заселенному племенами меотов, вплоть до устья реки Танаис, где Боспором, точнее говоря пантикапейцами, в конце V в. до н. э. был основан большой торговый город.

Отсутствие сведений о военных действиях Левкона I на азиатской стороне заставляет предполагать, что присоединение к Боспору таких областей, как Синдика, и некоторых соседних с нею районов обошлось без войны. На правителей племен оказано было, повидимому, дипломатическое давление, которого оказалось достаточно, чтобы те признали себя подчиненными боспорским царям. Наличие в распоряжении последних достаточных сил для реального осуществления своих притязаний играло, конечно, немаловажную роль. Овладение Синдикой значительно облегчалось еще и тесными семейными узами, которые связывали Спартокидов с синдской правящей династией.

Но меотов удалось подчинить не сразу — и то лишь в результате военного нажима. Сохранилась надгробная надпись IV в. до н. э., в которой упоминается пафлагонский гражданин, служивший наемником в боспорской армии и «сражавшийся в стране меотов» (IPE, II, 296). Тем самым подтверждаются военные действия, которые велись боспорскими войсками в Приазовье. Впервые упоминание «всех меотов» как подвластных Боспору племен встречается в надписях Перисада I.

В наиболее экономически важных областях, как, например, в Синдике, с присоединением последних к Боспору власть переходила в руки назначавшихся боспорскими царями наместников. Ими являлись члены царской семьи, в которую теперь влились и члены местной синдской династии, пород-

нившейся со Спартокидами. Результатом включения Синдики в состав Боспора была организация торгового порта Горгиппии (теперь Анапа).[22]

Другие племена, присоединенные к Боспору, сохранили своих прежних правителей («царей»), которые находились лишь в вассальной зависимости от Боспора. В официальных боспорских надписях упоминаются, например, фатеи — одно из прикубанских племен — как подчиненные Боспору и входящие в его состав. Между тем в конце IV в. до н. э. во время междоусобной борьбы за власть, возникшей между сыновьями боспорского царя Перисада I, на стороне одного из претендентов на трон принимал участие царь фатеев со своим войском.[23] Следовательно, фатеи, несмотря на включение их в состав Боспорского государства, сохраняли не только своих племенных правителей, но и свои вооруженные силы. Подчинение Боспору лишь означало, что они должны были признавать в качестве верховной власти боспорских царей, выплачивать им определенную дань натурой и предоставлять на своей территории полную свободу коммерческой деятельности боспорским купцам и промышленникам.

Спартокиды были единоличными неограниченными правителями, монархами. Греческие писатели их называли различно: то тиранами, то династами, то просто царями.[24] Сами Спартокиды пользовались в IV в. до н. э. двойным титулом. По отношению к подвластным им греческим городам они называли себя архонтами («архонт Боспора и Феодосии»), но одновременно именовались царями всех входящих в Боспор варварских племен («царь синдов, фатеев, меотов» и т. д.).

Архонт являлся в греческих демократических рабовладельческих государствах высшим правительственным лицом, избиравшимся на ограниченный срок. Повидимому, в ранний период жизни основных боспорских городов в них действительно были такие выборные должностные лица, облеченные властью по решению общины греческих колонистов. Но с тех пор как власть сосредоточилась в Пантикапее в руках Археанактидов, демократическая основа государственного строя была утрачена, и правители лишь по традиции продолжали именовать себя архонтами. Фактически же это были единоличные правители, вполне подходившие под греческое понятие тиранов, т. е. неограниченных владык, царей. Тем не менее Спартокиды по тактическим соображениям продолжали еще долго удерживать за собой звание архонтов греческих городов, подчеркивая этим, что они являются всего лишь «слугами народа». Монеты, выпускавшиеся Боспором, его столичным монетным двором, чеканились от имени общины «пантикапейцев» (Παντικαπαιτῶν), согласно обычаю, принятому в греческих демократических рабовладельческих городах-государствах. Это также было на Боспоре данью определенным традициям.

По отношению к местному варварскому населению Спартокиды именовали себя царями (басилевсами), не прикрывая никакими условностями истинный характер своей власти. С конца IV в. до н. э. двойной титул выходит из употребления, и Спартокиды, следуя примеру эллинистических монархов, именуют себя царями Боспорского государства.

Классовой опорой Спартокидов были, прежде всего, богатые купцы и землевладельцы, а также судохозяева и промышленники — владельцы крупных эргастерий (промышленных мастерских). Во все эти группы класса рабовладельцев, состоявшие в основном из греков, вливалось постепенно все большее число представителей верхнего социального слоя местного населения из тех варварских племен, которые вошли в состав Боспорского государства.

Роль купцов как главной силы, на которую опирались Спартокиды, являвшиеся сами первыми и наиболее состоятельными купцами в Боспорском государстве, ярко иллюстрируется следующим интересным рассказом греческого писателя Полиена. Боспорский царь Левкон, узнав об организованном против него заговоре, созвал всех купцов и попросил дать ему взаймы денег на расходы по ликвидации заговора. Купцы беспрекословно выполнили просьбу царя, дали ему денежный заем, а затем, вооружившись, взяли на себя обязанности дворцовой охраны и телохранителей и помогли уничтожить

пойманных заговорщиков.[25] Независимо от того, насколько в этом рассказе точно воспроизведены отдельные подробности, главный смысл его заключается в том, что в момент опасности боспорский царь находит энергичную поддержку и защиту у купцов, заинтересованных в сохранении на Боспоре власти Спартокидов.

Благодаря присоединению хлебородных районов восточной части Крыма и Прикубанья Боспор смог уже к началу IV в. до н. э. стать богатейшим экспортером пшеницы, особенно обильно направлявшейся в Афины.[26]

Еще до прихода к власти Спартокидов, в V в. до н. э., Боспор являлся одним из важных рынков сбыта афинских промышленных товаров (металлические и глиняные изделия и пр.), хотя наряду с этим продолжался ввоз малоазийских ионийских изделий. После экспедиции Перикла в Понт и наступившего тогда же воцарения Спартокидов Боспор становится самым главным поставщиком хлеба в Афины и одним из основных рынков сбыта продукции аттической обрабатывающей промышленности и художественных ремесел.[27] Торговый обмен Боспора отнюдь не ограничивался Афинами. Боспорские продукты — хлеб, рыба, кожа и пр. — шли и в другие центры Греции и Малой Азии, так же как и в Боспор поступали товары не только из Афин. Но все же с конца V в. до н. э. и на протяжении IV в. до н. э., в период наивысшего процветания Боспора, Афины занимали, несомненно, главное место во внешних экономических связях Боспора, причем Спартокиды выступали в роли не только активнейших участников торговли с Афинами, но и ревностных ее покровителей.

Положение, в котором оказались Афины в результате неудачной и разорительной Пелопонесской войны, делало греческие города Понта, и особенно Боспор, первостепенным источником необходимого продовольствия и сырья. Обильный ввоз боспорского хлеба в Афины чрезвычайно облегчал последним трудную задачу обеспечения населения питанием.

Весьма яркую характеристику торговых и культурно-политических взаимоотношений Боспора с Афинами на рубеже

V—IV вв. дал афинский оратор Исократ в одной из своих судебных речей, составленной в 392/91 г. по поручению некоего боспорского купца, прибывшего в Афины с коммерческими целями и оказавшегося вынужденным вести там судебный процесс с афинским банкиром Пасионом.[28] Купец этот (имя его осталось неизвестным) был сыном знатного боспорца Сопея, вероятно огречившегося варвара,[29] ставшего очень значительной фигурой при дворе Сатира I. Сопей исполнял обязанности правителя обширной области, имея одновременно попечение над всеми боспорскими владениями. Столь высокое государственное положение Сопея определялось прежде всего тем, что он был одним из самых богатых и видных боспорских купцов-хлеботорговцев, а вместе с тем, повидимому, и крупным судовладельцем. Щедро снабдив своего сына деньгами, Сопей направил его в Афины с двумя кораблями, нагруженными хлебом. Цель этого предприятия была двойная — выгодно сбыть в Афинах пшеницу, а заодно дать возможность сыну совершить образовательное путешествие по Элладе. По прибытии в Афины сын Сопея предусмотрительно поместил свои, очевидно немалые, денежные средства в банк Пасиона, что обеспечивало не только их сохранность, но и проценты.

Спустя некоторое время на Сопея неожиданно обрушилась беда: он был арестован вследствие доноса, давшего Сатиру основание подозревать своего приближенного в заговоре. Обвинение в государственной измене распространилось и на сына Сопея, которого Сатир заподозрил в неблаговидных сношениях с политическими эмигрантами. В связи с этим Сатир потребовал возвращения сына Сопея на Боспор для расследования дела и одновременно поручил проживавшим в Афинах боспорцам добиться конфискации денег Сопея. Чтобы избежать этого, сын Сопея по договоренности с Пасионом стал отрицать наличие у него денежного капитала.

Но вскоре выяснилась полная необоснованность обвинений против Сопея. Реабилитированный Сопей был освобожден и восстановлен в правах; более того, Сатир породнился с ним, женив своего сына (повидимому Левкона) на дочери Сопея. Отпали

подозрения и против продолжавшего пребывать в Афинах сына Сопея. Дело, однако, осложнилось теперь тем, что банкир Пасион отказался признать денежные претензии последнего. Разбором возникшего спора занимались судебные инстанции не только в Афинах, но и на Боспоре, где в тяжбу вмешался сам Сатир, поскольку дело шло, вероятно, о весьма солидной сумме. Для дачи объяснений Сатиру банкир послал на Боспор своего помощника, который, разумеется, постарался осветить дело в благоприятном для своего хозяина свете. Сатир, поддерживавший сторону сына Сопея и убежденный в правоте последнего, созвал в Пантикапее купцов-судохозяев и просил помочь в удовлетворении законных прав сына Сопея в Афинах. Кроме того, Сатир направил по этому же поводу послание афинским властям.

Чем кончился процесс, мы не знаем, но его перипетии очень показательны. В речи, составленной для афинского суда Исократом от имени истца — сына Сопея, заключительный раздел посвящен краткой, но выразительной характеристике заслуг Сатира I и его ближайшего помощника — Сопея. Их исключительная благожелательность к афинским купцам, которых на Боспоре, по словам Исократа, ценят выше всех эллинов, доказывается тем, что даже тогда, когда вследствие ограниченности хлебных запасов прочие купцы вынуждены были возвращаться с пустыми транспортами, афиняне отказа в хлебе не встречали.

Как видно из той же речи Исократа, в Афинах с торговыми целями находилось немало боспорских купцов. К этому следует добавить, что в период Пелопоннесской войны и непосредственно после нее афинские коммерсанты, дела которых в это время сильно пошатнулись, охотно посылали на Боспор к Сатиру I своих сыновей в расчете на обогащение посредством выгодных торговых операций.[30]

Тогда же на Боспор из Афин переселилось, как можно думать, достаточно много специалистов по различным художественным ремеслам,[31] поскольку господствующие слои населения Боспора и смежных с ним областей Скифии, быстро богатевшие, благодаря весьма интенсивно развернувшейся хлебной торговле, предъявляли в это время большой спрос на дорогие художественные изделия, которые шли ранее из Греции.

Как уже указывалось, крупнейшими хлеботорговцами были сами боспорские цари и члены царской фамилии. Со времени Сатира I боспорским царям, как первым поставщикам хлеба в Афины, были предоставлены, на основании заключенного между Боспором и Афинами торгового договора, такие же торговые льготы и привилегии, какие на Боспоре предоставлялись афинским купцам, т. е. права грузить товары в первую очередь и вывозить их беспошлинно.[32] Копии афинского декрета с текстом договора, регулировавшего торговлю между Афинами и Боспором при Левконе I, были выставлены в афинской торговой гавани Пирее, в Гиероне (святилище у входа в Боспор Фракийский) и в Пантикапее. Этим же декретом Левкону I были предоставлены права афинского гражданства.

Значение Спартокидов в хлебной торговле было столь значительно, что они как бы заслонили собой всех прочих боспорских купцов-экспортеров. Когда в Афинах речь заходила о боспорском хлебе, тотчас же всплывали имена боспорских правителей, как главных поставщиков.

В снабжении Афин в IV в. до н. э. Боспор играл настолько важную роль в сравнении с прочими причерноморскими греческими колониями, что нередко афинские ораторы в своих речах употребляли термин Понт (Черное море) для обозначения Боспора, т. е. когда говорили о доставлявшемся хлебе *из Понта, то подразумевали — и это было вполне понятно* афинянам — боспорские гавани Пантикапей и Феодосию.[33] Исключительно ценные сведения о взаимоотношениях между Боспором и Афинами содержит афинский декрет, изданный в 347/46 г. в честь сыновей Левкона I — Спартока II, Перисада I и Аполлония — и являющийся одновременно торговым договором афинян с боспорскими правителями.

Найденная в афинской гавани Пирее мраморная плита, на которой высечен текст декрета, завершается рельефом, изображающим трех чествуемых сыновей боспорского царя

Левкона I (рис. 5).[34] Рельеф представляет сидящими рядом на тронном кресле двух старших братьев: Спартока II и Перисада I, являвшихся после смерти Левкона I соправителями Боспора в течение пяти лет (лишь после смерти Спартока II в 344 г. правителем стал один Перисад I). Младший брат Аполлоний изображен стоящим рядом. К сожалению, лица фигур не сохранились. Интересно, что внешний облик Спартокидов чисто греческий: они одеты в обычные греческие плащи-гиматии, грудь и левое плечо показаны открытыми. У сидящих фигур длинные локоны волос падают на плечи.

Текст декрета[35] свидетельствует, что после смерти Левкона I из Боспора в Афины были направлены послы (Сосий и Феодосий), которые подтвердили готовность новых боспорских правителей «заботиться о высылке хлеба, как заботился их отец, и ревностно служить [афинскому народу] во всем том, в чем народ нуждается». Афинянам были гарантированы прежние льготы в торговле хлебом, которая производилась отчасти в кредит, почему в афинском государственном банке хранились в качестве депозита деньги, причитавшиеся боспорским правителям за проданный хлеб.

По решению афинского народного собрания, правителям Боспора была выражена благодарность за их «благорасположение к афинскому народу». Спартоку и Перисаду предоставлялись те же привилегии, которыми пользовались в Афинах Сатир I и Левкон I. Кроме того, было решено увенчать во время праздника великих Панафиней Спартока и Перисада золотыми венками по тысяче драхм, которые боспорские правители предусмотрительно посвятили богине Афине.

В декрете имеется указание на весьма существенную помощь, оказанную Афинами боспорским правителям, обратившимся с просьбой произвести набор матросов для торговых кораблей. Просьба была удовлетворена, и, таким образом, боспорский морской транспорт получил из Афин опытных моряков. Поступившим на службу в боспорский флот матросам афинское народное собрание предлагало служить ревностно,

Рис. 5. Афинский мраморный рельеф с изображением сыновей боспорского царя Левкона I. (Афины, Национальный музей).

«быть хорошими исполнителями приказаний по отношению к детям Левкона изо всех сил».

Период наивысшего экономического и культурного подъема Боспора совпадает с временем правления Левкона I и Перисада I. Популярность Левкона I как выдающегося правителя Боспора была столь значительной, что последующих представителей той же династии называли иногда Левконидами,[36] а заслуги Перисада I перед государством были признаны настолько большими, что его даже причислили к сонму богов.[37]

Могущество Боспора в период его процветания при Спартокидах поддерживалось наемной армией, на содержание которой шли средства от податей, взимаемых с населения, и от торговых пошлин. Кроме того, в войнах на стороне Боспора обычно участвовали в качестве союзников войска соседних варварских племен, которые или находились в зависимости от Боспора, или были заинтересованы в дружбе с боспорскими царями. Решающим фактором во взаимоотношениях Боспора с окружавшими местными племенами, как уже указывалось выше, была экономическая заинтересованность руководящих социальных верхов местного населения в той торговле, которую вели боспорские города и которая обогощала не только греческих купцов, но и варварскую знать, открывая последней широкие возможности обладания предметами роскоши, дорогими изделиями греческого художественного ремесла.

Богатевшая варварская знать не только внешне перенимала греческую культуру, но многие из ее представителей переселялись в крупные боспорские города, где и становились полноправными гражданами боспорского рабовладельческого государства.

Это сращивание греческого населения Боспора с верхним слоем постепенно эллинизовавшегося местного общества приняло с течением времени настолько значительные размеры, роль местного населения в экономической и культурной жизни Боспора с течением времени столь возросла, что Боспор с полным основанием можно назвать греко-скифским государством, понимая под скифами условно всю совокупность негреческого населения, жившего на территории Боспорского царства как европейской, так и азиатской его частей.

Необходимо подчеркнуть, что Боспор отнюдь не представлял собою государства органически цельного, прочно спаянного во всех своих частях.

Основной территорией Боспора являлась восточная часть Крыма, теперешний Керченский полуостров. На защиту его было обращено особенно большое внимание.

К концу V в., когда Боспору удалось расширить свои владения в Крыму, был сооружен новый (или использован и обновлен старый)[38] громадный вал, проходящий значительно западнее первого вала (см. стр. 45). Этот второй вал (так наз. Киммерикский или Аккосов), прекрасно сохранившийся до настоящего времени, имеет в длину около 35 км и простирается от Черного до Азовского моря. Вал на всем своем протяжении сопровождается вырытым перед ним рвом, причем значительная часть вала проходит по кряжам возвышенностей; остроумно и с тонким расчетом сочетается это грандиозное искусственное фортификационное сооружение с естественными, природными препятствиями. Понадобилось насыпать свыше 1 миллиона кубометров земли и камней, чтобы создать этот вал. Ядро — внутренняя основа земляного вала — состоит из бута (ср. стр. 187 сл.).

Отделенный от остальных пространств Крыма оборонительными валами и обладающий значительным числом укрепленных поселений, из которых наиболее крупные и важные располагались на побережье, Керченский полуостров, или Пантикапейская область, как называли его греки,[39] представлял наиболее прочную базу Боспорского государства. Указанная территория считалась принадлежащей в полной мере Боспору, его городам, она была политически независимой от власти царских скифов. На этом основании у Страбона сказано, что «киммерийцев изгнали из страны скифы, а скифов — эллины, основавшие Пантикапей и прочие города Боспора».[40]

Однако овладение восточным Крымом боспорцами отнюдь не означало, что Боспор был в действительности вполне неза-

висим от скифов, господствовавших над остальной территорией Таврического полуострова. Такая независимость была достигнута Боспором лишь в I в. до н. э., после событий, связанных с понтийским царем Митридатом Евпатором. В более раннее время (до конца II в. до н. э.), несмотря на всю свою экономическую мощь, наивысший уровень которой достиг в IV в. до н. э., Боспорское государство, решительным образом заинтересованное в мирных взаимоотношениях со скифами и в первую очередь с царскими скифами (βασιλήιοι σκύθαι) как основной силой в северном Причерноморье, вынуждено было регулярно платить им дань. Из сообщений Страбона хорошо известно, что дань (φόρος) платили Спартокиды во II в. до н. э., когда возросшие требования скифов уже с трудом могли выполняться Боспором,[41] переживавшим тяжелый период экономического кризиса. Но и раньше, во времена процветания, Боспор очевидно более или менее систематически выплачивал царским скифам дань (возможно, в завуалированной форме «подарков», «даров» скифским правителям), чтобы обеспечить надлежащие условия для развития торгового обмена со Скифией и заручиться поддержкой скифов в качестве военных союзников.

О положении Боспора в качестве данника скифов, помимо Страбона, весьма определенно говорит Лукиан Самосатский.[42] Этот поздний писатель (II в. н. э.) несомненно имел в своем распоряжении какие-то исторические сведения, восходящие к местным боспорским источникам IV в. до н. э.

Повидимому, из-за дани иногда возникали между Боспором и скифами конфликты и даже войны. Об одной из них, бывшей при Перисаде I, сообщает Демосфен.[43]

Владения на азиатской стороне, весьма важные для Боспора в экономическом отношении, были населены разнородными племенами, нередко выходившими из повиновения, особенно на периферии, вдали от основных боспорских городов. По словам Страбона, на азиатской стороне «боспорские правители часто владели территорией вплоть до Танаиса», т. е. до низовья Дона.[44] Но из этих же слов следует, что бывали

и такие периоды, когда на азиатской стороне, в Прикубанье и Приазовье, жившие там племена отпадали от Боспора.

После смерти Перисада I вспыхнула большая междоусобная война между его сыновьями Евмелом, Сатиром и Пританом.[45] Война эта очень ярко показывает взаимоотношения Боспора с наиболее сильными местными племенами, включенными в состав Боспорского государства или независимыми от него, но тяготевшими к нему экономически.

Евмел, желая стать правителем Боспора, восстал против своего брата Сатира, который, будучи старшим царским сыном, являлся юридически законным преемником Перисада I. Евмел для осуществления своих противозаконных притязаний договорился о поддержке с Арифарном — вождем племени фатеев, включенных в состав Боспорского государства при Перисаде I.[46] Когда дело дошло до военного конфликта, на стороне Евмела участвовали войска фатеев, насчитывавшие 20 тысяч пехоты и 22 тысячи конницы. У Сатира, кроме регулярных боспорских войск, состоявших из 2 тысяч греческих наемников и 2 тысяч фракийцев, было также войско союзников-скифов в количестве 20 тысяч пехоты и 10 тысяч всадников.

Театром военных действий стал какой-то район Прикубанья, куда для подавления мятежа направился Сатир со своими войсками, сопровождаемыми большими обозами с провиантом.[47] Форсировав реку Фат (вероятно, один из притоков Кубани), он вошел в соприкосновение с войсками противника. Выстроив свои войска в боевом порядке, Сатир, по скифскому обычаю, как сообщает Диодор, стал в центре строя. В центре боевого строя войск противника стоял Арифарн. Сражение закончилось победой Сатира. Очевидно, решающую роль в этом успехе сыграли скифы. Наемники, действовавшие на правом крыле боспорских войск, не выдержали натиска и обратились в бегство. Сатир поспешил сюда на помощь, и, повидимому, положение было выправлено введенными в действие скифскими войсками.[48]

Преследуя разбитого противника, Сатир подверг опустошению неприятельскую страну, сжигал деревни, обращая

жителей в военнопленных, т. е. в рабов. В дальнейшем борьба сосредоточилась у царской крепости — резиденции вождя фатеев, лежавшей в лесистой, труднодоступной и болотистой местности на берегу реки Фат. Это был сильно укрепленный замок с высокими башнями; подходы к замку со стороны болотистой местности преграждались деревянными палисадами. Жилая часть замка находилась над водой и опиралась на сваи. Очевидно, это было сооружение, воздвигнутое туземными строителями и отвечавшее местным традициям зодчества и фортификационного искусства.

Во время штурма крепости Сатир был смертельно ранен и вскоре умер, что привело к прекращению осады. Войска Сатира были отведены к городу Гаргазе, находившемуся, повидимому, на реке Кубани. Отсюда останки умершего царя были перевезены по реке и далее через пролив в Пантикапей, где брат Сатира Притан устроил пышные похороны.

Притан принял на себя царскую власть и возобновил борьбу с Евмелом, но вскоре вынужден был признать себя побежденным. Евмел с помощью фатеев захватил город Гаргазу и также «не мало других городов и укреплений». Последнее указание очень ценно, так как оно подтверждает многочисленность оседлых поселений на Кубани в IV в. до н. э. Сдавшийся было Притан затем попытался вернуть себе власть, но потерпел вторично поражение, бежал в город Кепы, где и был убит. Евмел, таким образом, достиг своей цели и стал царем Боспора. Интересно, что, спасаясь от расправы Евмела, сын уже ранее погибшего Сатира, царевич Перисад, бежал из Пантикапея к скифскому царю Агару.

Чтобы обеспечить себе поддержку со стороны господствующих слоев боспорского населения, Евмел поспешил предоставить ряд льгот жителям столицы: он сохранил право беспошлинности для пантикапейских купцов и обещал освободить все население от податей.[49] Прежде всего, как видно, Евмел постарался расположить к себе купечество, торговые слои, являвшиеся главной опорой Спартокидов. Интересно, что Евмел, заняв боспорский трон, созвал в Пантикапее народное собрание (ἐκκλησία) и выступил перед ним с речью, наполненной различными обещаниями. Это народное собрание, которое временами созывалось в Пантикапее Спартокидами по традиции, идущей с давних времен, когда этот город был еще самостоятельным демократическим полисом, играло совершенно пассивную роль. Оно выслушало боспорского царя Евмела, не приняв никаких решений.

Евмел, судя по сообщению Диодора, который почерпнул свои сведения, повидимому, из какого-то местного боспорского исторического источника, был незаурядным правителем, проводившим активную внешнюю политику. В течение короткого срока своего правления (310/9—304/3 гг.) ему удалось добиться значительных успехов, сильно поднять авторитет Боспора среди причерноморских греческих государств. Евмел повел решительную борьбу с морскими пиратами, действовавшими со стороны южного берега Крыма и с Кавказского побережья, и очистил от них Понт Евксинский, чем не мало способствовал развитию торговых сношений, в особенности между Боспором и малоазийскими городами южного Причерноморья. Евмел неоднократно оказывал услуги южным причерноморским городам — Синопе, Византию и др.

У Евмела даже возник план объединения всего северного Причерноморья под главенством Боспора, что должно было явиться противодействием фракийскому царю Лисимаху. Последний стремился к господству в Черном море путем овладения, прежде всего, западным побережьем. Недаром столь близкое участие принял Евмел в судьбе жителей города Каллатии, очутившихся в бедственном положении вследствие осады Лисимахом восставшего против него города. Тысяча беженцев из Каллатии нашла себе приют на Боспоре. Евмел предоставил каллатийцам город для расселения и наделил их земельными участками, повидимому, на азиатской стороне Боспорского царства.

Дальнейший подъем благосостояния Боспора, достигшего исключительно высокого уровня в IV в., приостановился в первые десятилетия III в., хотя Афины продолжали еще занимать

одно из первых мест в торговом обмене с Боспором. Из афинского декрета, изданного в 288 г. в честь боспорского царя Спартока III, сына Евмела (304/03—284/83 гг.), известно, что Боспор и в это время помогал Афинам в снабжении хлебом.[50] В декрете отмечено, что, подобно своим предшественникам, Спарток «оказывает услуги [афинскому] народу и, в частности, прибывающим к нему афинянам», т. е. афинским купцам.

Из текста декрета следует также, что после освобождения Афин от кратковременного захвата в них власти македонским гарнизоном Дмитрия Полиоркета афиняне отправили посольство к боспорскому царю Спартоку, чтобы получить продовольственную помощь и возобновить регулярный торговый обмен с Боспором. В декрете об этом сказано так: «Еще Спарток, услышав от пришедшего от афинян посольства, что народ вернул себе город, порадовался вместе счастию народа и принес в дар 15 000 медимнов [около 38 тысяч пудов] хлеба, также обещает и на будущее время оказывать услуги афинскому народу, насколько будет в силах».

Афинское народное собрание вынесло решение «восхвалить царя Спартока, сына Евмела, боспорца, и увенчать золотым венком по закону за добродетель и благорасположение, в котором он пребывает к народу, поставить ему медную статую на агоре [т. е. на городской площади] около предков и другую в акрополе». В декрете также указывалось, что афиняне готовы помогать Спартоку всею силою «на земле и на море», если кто-либо станет посягать на его власть. Но это обязательство было, по существу, лишь эффектным жестом, дипломатической фразой, так как афиняне в указанное время уже не смогли бы оказать реальную военную помощь Боспору, если бы действительно возникла в этом потребность.

Для того чтобы сообщить Спартоку о состоявшемся постановлении афинского народного собрания, из Афин было направлено на Боспор специальное посольство.

Появление на средиземноморских торговых рынках в большом количестве дешевого хлеба из птолемеевского Египта, быстро прогрессировавший упадок Афин, бывших до того

главным контрагентом Боспора в торговом обмене, наконец разрушительное вторжение кельтских племен (галлов) в начале III в. на территорию Балканского полуострова и Малой Азии — все эти обстоятельства, совпавшие с серьезными передвижками племен в северном Причерноморье, не замедлили вызвать напряженное состояние внешней торговли Боспора. Это тотчас же отразилось на внутреннем денежном обращении Боспорского царства. В начале III в. прекратилась чеканка золотой и серебряной монеты Пантикапея, а медная монета быстро стала падать в весе. Нехватка монеты приводила, кроме того, к многократным перечеканкам и надчеканкам старых монет. Этот кризис в денежном обращении был изжит лишь во второй половине III в.

Время правления Перисада II (284/83 — около 250 гг.) характеризуется еще довольно широкими внешними связями Боспора, хотя в экономическом отношении происходило неуклонное снижение прежде достигнутого уровня. Имя царя Перисада II как жертвователя драгоценной фиалы упоминается в 250 гг. в отчете наблюдателей за жертвоприношениями при храме Аполлона на острове Делосе.[51]

Незадолго перед тем, в 253 или 254 г., посольство Перисада посетило Египет и вело в Александрии какие-то переговоры с египетским царем Птолемеем II Филадельфом.[52] Возможно, в этих переговорах затрагивался вопрос о размежевании сфер влияния в хлебной торговле между Египтом и Боспором на рынках Эгейского моря.

Утрата Афинами в III в. своего былого политического и экономического значения создавала, несомненно, серьезные трудности для Боспора, т. к. он терял в лице Афин одного из наиболее выгодных и надежных покупателей основной массы боспорской пшеницы.

Затруднения в развитии внешней торговли совпали во второй половине III в. с осложнениями внутренней политической обстановки в северном Причерноморье. Последние были обусловлены значительными племенными передвижками и усилившейся активностью местных племен, начавших оказывать

нажим на торговые греческие города в целях получения от них все большей дани. Это нарушало прежние прочно установившиеся торговые сношения боспорских городов со Скифией.

Вышеуказанные обстоятельства предопределили начало экономического ослабления Боспора, которое, на протяжении III в., неуклонно прогрессировало, хотя далеко не сразу приняло характер катастрофического кризиса. Экономическая деградация Боспора, и прежде всего сужение его внешней торговли с крупными центрами Греции, нашла свое отражение и в уменьшении сведений о политической и хозяйственной жизни Боспора в греческой литературе.

Для второй половины III в. и II в. до н. э. мы располагаем весьма скудными сведениями как в литературных, так и в эпиграфических источниках. За период более ста лет невозможно даже установить с уверенностью хронологическую последовательность правителей Боспора, имена которых известны, главным образом, по монетам и клеймам на керамических изделиях (черепицах), изготовлявшихся в царских эргастериях, по чрезвычайно отрывочным литературным упоминаниям и некоторым редким случайным надписям.

К таким совершенно не известным по своей деятельности правителям второй половины III в. относится царь Левкон II, сын Перисада II, имя которого упоминается в одной из надписей (IPE, II, 15), на черепичных клеймах и на монетах.[53] Также мы ничего не знаем о сменившем Левкона Игиеонте. Его имя встречается на монетах и на клеймах,[54] но только с титулом архонта, в то время как уже с конца IV в. до н. э. на Боспоре и за пределами его стало обычным применение титула царя. Можно предполагать какую-то политическую борьбу на Боспоре, заставившую Игиенонта в последней четверти III в. до н. э. пользоваться званием архонта, а не царя, но в источниках никаких сведений об этом не сохранилось.[55]

На протяжении II в. Боспором правило в какой-то последовательности несколько царей, из которых по крайней мере один носил имя Спартока (Спарток IV) и, повидимому, трое были Перисадами, из них последний (вероятнее всего, это

был Перисад V) передал в 109 г. власть понтийскому царю Митридату Евпатору. Все эти традиционные имена указывают, что их носители являлись прямыми преемниками предшествующих правителей из той же династии Спартокидов.

Уровень материальной культуры Боспора в III в. еще не говорит о каком-либо резком упадке благосостояния населения его городов. Напротив, развитие местной боспорской промышленности, ремесел становится особенно интенсивным именно в это время. Возникают новые отрасли производства, широко развивается, например, местное боспорское виноделие.

Имеются основания предполагать некоторое расширение внешних связей Боспора в первой половине II в. На это указывает появление имен боспорских царей далеко за пределами Боспорского царства. Известен декрет, изданный около 160 г. до н. э. в Дельфах в честь Перисада и царицы Камасарии.[56] Та же Камасария упоминается еще раньше, в 178/77 г., в списке крупных жертвователей храма Аполлона Дидимского в Бранхидах (близ Милета), где находился известный оракул Аполлона.[57] Царь Перисад в 154/53 г. также дарит золотую фиалу в святилище Аполлона.[58] Дело здесь, очевидно, не ограничивалось религиозными интересами. Боспорские цари, выступая щедрыми жертвователями в крупнейших греческих святилищах, несомненно проявляли одновременно и торговую активность в западной части Малой Азии, а также в других районах Эгейского бассейна.

Оживление торговых связей во II в. все же не могло обеспечить Боспору той мощи, которой он обладал раньше и которая особенно необходима была для сохранения государства во второй половине II в., когда резко усилилось давление на греческие города в Крыму, в том числе на Боспор, со стороны вполне сложившегося к этому времени скифского государства. К концу II в. Боспорское государство оказалось в катастрофическом положении, подробности чего будут рассмотрены позднее.

Глава пятая

ТОРГОВЫЕ СНОШЕНИЯ БОСПОРА В ПЕРИОД СПАРТОКИДОВ

Из приведенных выше данных следует, что с конца V в. и вплоть до начала III в. до н. э., т. е. в период наибольшего культурно-экономического расцвета Боспорского государства, основная торговля велась с Афинами.

После Пелопоннесской войны, на протяжении IV в. до н. э. развитие социально-экономической жизни в Афинах пошло по такому пути, при котором импорт продовольствия, и прежде всего хлеба, приобретал совершенно исключительную роль. Пауперизация значительных масс населения — крестьян и мелких свободных ремесленников — вследствие интенсивного проникновения во все отрасли хозяйства рабского труда создавала в Афинах огромное количество не занятых производительным трудом неимущих людей, которых государство вынуждено было кормить, чтобы поддержать их существование.[1]

Между тем в возродившемся после войны сельском хозяйстве Аттики усилилось развитие специальных культур, а не хлебных посевов. Владельцы денежных капиталов, потеряв прежние возможности обогащения на торгово-посреднических операциях, процветавших во времена афинского морского могущества, стремились в IV в. вкладывать свои средства в те отрасли хозяйства, которые обеспечивали, прежде всего, возможность производства товаров, пригодных для импорта. При таком положении сельское хозяйство Аттики способно

было удовлетворить лишь незначительную часть общей потребности Афин в хлебе, тем более в пшенице, так как из всей посевной площади лишь около 18% было возможно использовать для этой цели.[2] Все остальное было занято, главным образом, ячменем.

Афины получали хлеб в IV в. из разных мест: с о-ва Эвбеи, из Фракии, Сицилии; через Родос поступал спорадически хлеб из Египта.[3] Но этот импорт все же не был достаточно регулярен и надежен; покрывал он к тому же примерно только половину всей потребности в привозном хлебе. Остальную половину необходимого количества хлеба Афинам поставлял Боспор.

Об этом мы знаем из речи Демосфена, произнесенной им в 355/54 гг. перед народным собранием Афин при обсуждении внесенного афинянином Лептином законопроекта об аннулировании таможенных привилегий, которые выражались в свободе от уплаты пошлин.[4] Демосфен настойчиво доказывал, что распространение такого закона на боспорского правителя Левкона I и его детей, пользовавшихся ателией, т. е. правом беспошлинной торговли с Афинами, было бы не только несправедливым актом, но и повлекло бы за собой большой ущерб экономическим интересам Афин.

В ответ на лишение ателии Левкон мог аналогичным образом поступить в отношении афинских купцов, которым было предоставлено право беспошлинной торговли на Боспоре. Демосфен напомнил, что архонт Левкон I, подобно своим предкам (πρόγονοι), «постоянно оказывает благодеяния и притом такие, которые наиболее нужны Афинам».

Разрешив беспошлинный вывоз хлеба в Афины из своих владений, откуда поступало, по словам Демосфена, около 400 000 медимнов,[5] или 1 миллион пудов, ежегодно, Левкон тем самым давал афинянам как бы бесплатно около 13 000 медимнов (более 32 000 пудов) хлеба, поскольку за вывозимый из Боспора хлеб обычно взималась пошлина, равная 1/30 стоимости экспортного груза. Приведя эти соображения, Демосфен далее отметил, что Левкон не только не предполагает

лишить афинян указанной привилегии, но, напротив, разрешил беспошлинный вывоз хлеба из вновь устроенного торгового порта Феодосии, который, по рассказам моряков, не уступает Боспору, т. е. гавани Пантикапея.

Повидимому, окончательное присоединение Феодосии к Боспору и последовавшее затем переустройство ее порта для массового хлебного экспорта представляли собой совсем недавние события, и в приведенные выше цифровые расчеты Демосфена, по всей видимости, не входил импорт хлеба, начавшего поступать в Афины из нового порта Феодосии. Между тем, на основании передаваемых Страбоном сведений, заимствованных, несомненно, из источника, хорошо осведомленного в боспорских делах времени Левкона I и Перисада I, известно, что Левкон вывез в Афины только из Феодосии 2 100 000 медимнов (около 5 250 000 пудов) хлеба.[6]

Все это позволяет считать, что экспорт хлеба из Боспора в Афины не ограничивался ежегодно 400 000 медимнами, но был значительно больше с тех пор, как в действие вступил феодосийский порт.[7] По словам Демосфена, Левкон настолько обильно снабжал Афины, что даже в особенно неурожайные годы, когда во всей Элладе ощущался острый недостаток хлеба, Афины были не только полностью обеспечены, но и выручали за проданный боспорский хлеб значительную прибыль — 15 талантов,[8] поступавшие в городскую казну.

Демосфен был горячим сторонником дружественных взаимоотношений с Боспором. По его предложению на афинской агоре были поставлены бронзовые статуи членов боспорской царской семьи (Перисада, Сатира и Горгиппа). Правда, злые языки говорили, что Демосфен не бескорыстно ратовал за боспорских правителей. Афинский оратор Динарх утверждал, что Демосфену якобы из Боспора присылали «в дар» 1000 медимнов (2500 пудов) хлеба ежегодно,[9] но насколько это утверждение соответствовало истине, мы не знаем.

Торговля Боспора хлебом не ограничивалась Афинами. Эпиграфическим документом засвидетельствован, например, ввоз боспорской пшеницы в Митилену (город на о-ве Лесбосе),

для которой при Левконе I была установлена льготная экспортная пошлина в $1^1/_9\,\%$ стоимости груза, если она достигала в денежном выражении цифры 10 талантов; если же стоимость не доходила до этой цифры, митиленцы должны были платить пошлину в размере $1^2/_3\,\%$ стоимости груза.[10]

Экспортировался боспорский хлеб и в другие центры, в том числе в некоторые малоазийские города. Кроме пшеницы, Боспор вывозил в большом количестве соленую рыбу. Страбон отмечает вывоз соленой рыбы (τάριχος) из Меотиды в Грецию как вторую по важности статью экспортной торговли Боспора, уступающую по своему значению только хлебу.[11] На пантикапейских монетах IV в. в качестве одной из эмблем богатства государства фигурирует изображение осетра (табл. I, *18*, *23*).

Предметами вывоза, кроме того, были продукты животноводства (кожи, шерсть), а также рабы, которые скупались греческими работорговцами у кочевников, делавших набеги со специальной целью захвата пленных. Часть рабов использовалась на Боспоре, часть вывозилась. Впрочем, торговля рабами для вывоза их за пределы Боспора, повидимому, не была особенно значительной. Из всех боспорских городов только Танаис, лежавший в низовьях Дона, упоминается Страбоном как пункт, где существовал невольничий рынок.[12]

Интенсивная торговля, позволившая боспорским купцам, скупщикам и экспортерам хлеба, судохозяевам и землевладельцам скопить огромные средства, сделала Боспор чрезвычайно ёмким рынком, поглощавшим громадное количество привозных изделий ремесла и предметов роскоши, доставлявшихся из Греции, Малой Азии и других мест.

Одновременно с ввозом готовых изделий в боспорские города переселялось из Греции и малоазиатских промышленных центров не мало различных ремесленников и промышленников, которые открывали на Боспоре свои мастерские. Продукция последних находила широкий сбыт как в городах Боспора, так и в смежных районах, населенных скифами, синдами и меотами.

Афины с конца V в. и особенно в IV в. в большом количестве ввозили на Боспор свои лучшие керамические изделия. Разнообразные афинские художественно расписанные вазы доставлялись в Пантикапей и отсюда распространялись

Рис. 6. Краснофигурная аттическая пелика с изображением Эдипа перед сфинксом. IV в. до н. э.

по всему Боспору и за его пределы. Повидимому, афинские мастера специально изготовляли некоторые группы расписных ваз краснофигурного стиля для сбыта в северном Причерноморье, и прежде всего на Боспоре. Таковы аттические вазы,

украшенные мифологическими изображениями, сюжеты которых связаны с далекой Скифией. Особенно многочисленны

Рис. 7. Чернолаковая аттическая гидрия IV в. до н. э. (Керчь, Археологический музей).

так наз. пелики (рис. 6), на которых представлены конные амазонки, сражающиеся с греческими воинами, или аримаспы, борющиеся с грифонами, оберегающими золото. Эти легенды

об амазонках, сказочных аримаспах и грифонах были широко распространены среди греков северного Причерноморья, и поэтому здесь пользовались особенным успехом расписные вазы с изображением таких популярных мифологических сюжетов.

Из Афин доставлялось много и чернолаковой столовой посуды: чаши и кубки (килики, скифосы, канфары), кувшины (энохои) для вина, гидрии и др. На рис. 7 представлен один из образцов аттической художественной чернолаковой керамики—гидрия IV в. до н. э. Гидрия (сосуд для воды) отличается изысканностью очертаний, стройностью, прекрасными пропорциями; поверхность ее покрыта превосходной черной блестящей глазурью («лаком»). Туловище вазы украшено желобками (каннелюрами), придающими сосуду особенную легкость и элегантность. Горло гидрии, подобно женской шее, охвачено красивым ожерельем, рисунок которого исполнен разжиженной глиной и позолочен. Венчик горла, отогнутый книзу, украшен резным орнаментом.

Исключительные по тонкости художественного исполнения расписные фигурные глиняные сосуды, терракотовые статуэтки, металлические сосуды и предметы вооружения, ювелирные украшения, мраморные скульптурные изделия — все эти произведения аттического художественного ремесла обильно ввозились на Боспор. Наиболее отдаленным центром, откуда импортировались на Боспор промышленные изделия, был город Навкратис в Египте. Он поставлял изящные сосуды из разноцветного стекла (алабастры, амфориски) для хранения ароматических веществ, а также изготовлявшиеся из стекловидной массы бусы, амулеты и пр.

Далеко не все центры, снабжавшие Боспор своими изделиями, уже определены. Остается еще не выясненным, например, откуда ввозились ткани и платья, хотя известно, что эти товары занимали одно из первых мест среди предметов греческого импорта.[13] Более чем вероятно, что Афины снабжали Боспор оливковым маслом, а может быть, и виноградным вином, но это еще не удается подтвердить археологическими данными.

Оливковое масло было весьма важным пищевым продуктом. Его, однако, приходилось привозить извне, так как оливковое дерево в северном Причерноморье не произрастало. Иногда в амфорах доставлялись консервированные маслины, как об этом известно по сохранившимся на некоторых амфорах надписям, исполненным краской.[14] Еще более ходким продуктом было виноградное вино, употреблявшееся как повседневный напиток (обычно в смеси с водой). Вино являлось исключительно прибыльным товаром в северном Причерноморье, так как его покупали и греки, и местные жители.

Скифы высоко оценили этот продукт культуры, но, в отличие от греков, предпочитали употреблять вино в чистом виде, без примеси воды. «Пить вино по-скифски» у греков поэтому и означало: пить вино, не разбавленное водой. Греки рассказывали про спартанского царя Клеомена, что он был пьяницей и что ему был свойствен «скифский порок»: он пил вино, не прибавляя к нему воды.[15]

Основным материалом для решения вопроса, откуда ввозились вино и масло, являются остродонные глиняные амфоры, в которых транспортировались названные продукты. Наличие на определенных группах амфор клейм, являвшихся «фабричными марками» и одновременно свидетельством о их полномерности, помогает выяснять центры, снабжавшие северное Причерноморье вином и оливковым маслом.[16] Но не все амфоры и не во всех местах производства снабжались такими клеймами.

В наиболее ранний период вино привозили с островов Эгейского моря — Хиоса и Фасоса, а затем также из Книда, Коса, Пароса и др. В IV—III вв. в импорте вина участвовала Гераклея Понтийская. В III—II вв. преобладал ввоз из Синопы и с островов Коса и Родоса. Остров Родос вообще вел в эллинистический период очень интенсивную торговлю с Причерноморьем, откуда родосские купцы вывозили хлеб. Недаром Родос предпринял в 220/219 гг., при энергичной поддержке со стороны вифинского царя Прусия I, войну против Византия, когда последний установил высокие пошлины за

провоз грузов через пролив, удорожая стоимость товаров и зарудняя торговлю с причерноморскими городами. Через посредничество Родоса в северное Причерноморье и на Боспор в эллинистический период шли различные изделия Александрии в Египте (стеклянные изделия, керамика и др.).

В небольшом количестве проникали на Боспор вина из Херсонеса Таврического.

Оливковое масло, шедшее не только в пищу, но и употреблявшееся для осветительных целей (оно считалось лучшим маслом для светильников), импортировалось также из разных мест. Со второй половины IV в. оно доставлялось, главным образом, из Синопы.[17] Это был наиболее близкий к северному Причерноморью греческий город, расположенный в зоне произрастания оливкового дерева. На Боспоре чаще всего встречаются синопские амфоры с клейменными ручками. В некотором количестве Синопа импортировала, вероятно, и вино. Из Синопы в Пантикапей доставлялись также глиняные кровельные черепицы; однако производство такого рода керамических строительных материалов в IV в. до н. э. было налажено в главных городах Боспора, и поэтому надобность в импорте черепиц скоро отпала.

Немалое место занимал ввоз из Греции и Малой Азии дорогих изделий из золота, серебра, бронзы. Привозились различного рода предметы вооружения (бронзовые шлемы, панцыри, кнемиды), бронзовые художественные зеркала, художественной работы посуда, украшения. Однако производство металлических изделий, особенно художественных, было широко поставлено сначала преимущественно приезжими греческими, а потом скоро и местными мастерами в Пантикапее и других боспорских городах, откуда они распространялись не только по всему Боспорскому царству, но и проникали далеко за его пределы; замечательные изделия боспорских мастерских представлены в составе погребального инвентаря многих богатых скифских, меото-синдских и сарматских курганов.

Помимо боспорских купцов, которые на своих судах привозили в Пантикапей и другие портовые города Боспора заморские товары и экспортировали оттуда местные товары, в боспорские гавани приезжало много иностранных купцов. В период Спартокидов, когда поддерживались особенно оживленные торговые сношения с Афинами, на Боспоре действовало много афинских купцов. Но немало являлось купцов и из других мест. По надписям известно, что в IV—III вв. на Боспоре присутствовали, несомненно с торговыми целями, жители городов южного Причерноморья: Византия, Калхедона, Гераклеи Понтийской, Кромны, Амиса, из западного причерноморского города Одесса, из Херсонеса Таврического, а также из значительно более отдаленных Хиоса, Родоса, Кипра, Спарты и Сиракуз.[18]

Имена боспорских купцов известны и по надписям, найденным в различных пунктах Эгейского моря. Во второй половине III в. на острове Делосе был издан декрет в честь пантикапейского купца Койрана, который за выдающиеся заслуги перед делосцами был освобожден от налогов, а также получил другие льготы.[19] Около 100 г. до н. э. купец Евтих из боспорского города Нимфея принес на острове Делосе благодарственный дар Зевсу Урию (Сопутствующему) и другим богам за себя, за своего сына и «за всех плавающих».[20] Примерно к тому же времени относится надпись на острове Родосе, в которой упоминаются купцы различных городов: Родоса, Кизика, Амастрии и Боспора, объединившиеся в каком-то торговом предприятии.[21]

После того как Афины перестали играть ведущую роль в Греции, Боспор поддерживал торговые отношения, главным образом, с островами Архипелага (Родос, Делос и др.), с западной частью Малой Азии (Пергам) и южным Причерноморьем (Гераклея, Амис, Синопа).

Как уже указывалось, товары, доставлявшиеся на Боспор из Греции и Малой Азии морем, а равным образом и те, что производились непосредственно в боспорских городах, распространялись торговцами не только по всей территории Боспора, но и проникали гораздо дальше его границ. По Кубани товары шли далеко в глубь северного Кавказа. По Азовскому морю,

Дону и Донцу греческие товары попадали в восточные и северо-восточные районы Скифии, а также в южное Приднепровье. Правда, согласно сообщению Страбона, плавание по Танаису было затруднено кочевниками, которые преграждали доступ в северные районы Подонья.[22] Тем не менее археологические находки греческих вещей, встречающихся вплоть до района теперешнего Воронежа, показывают, что по Дону торговля велась, хотя, возможно, здесь действовали не столько греческие купцы, сколько торговые посредники из состава местного скифо-сарматского населения, скупавшие от греков товары в приморских торговых пунктах и доставлявшие их (вино в амфорах, глиняную и металлическую посуду, оружие и т. п.) далее в глубь страны.

Издавна существовал караванный путь, проходивший через северное Причерноморье на восток. Отрывочные сведения о золотоносных месторождениях (повидимому, теперешних казахстано-алтайских районов),[23] которые Геродот собрал во время своего пребывания в Ольвии, могли проникнуть в Ольвию только при наличии реальных межплеменных связей между северным Причерноморьем и Зауральем. Этот путь от Ольвии на восток, в сторону Урала, Алтая и Средней Азии, путь к золоту, был связан при Спартокидах и с Боспором.

Очень интересна в этом отношении находка клада боспорских монет в Джунгарии, неподалеку от озера Эби-нор. В 1918 г. киргизы нашли на берегу реки Боротола, вместе с различными предметами керамики, группу бронзовых монет III в. до н. э. из которых 15 оказались пантикапейскими и 1 фанагорийской.[24] Находка клада монет показывает, что в III в. до н. э. существовала связь кочевников восточного Приазовья и Придонья, находившихся в сфере культурного влияния Боспора, с областями между Тянь-шанем и Алтаем.

Связи северного Причерноморья с Заволжьем, в частности с Приаральем, в эпоху Спартокидов подтверждаются, между прочим, следующим интересным эпизодом, имеющим отношение к завоевательной деятельности Александра Македонского в Средней Азии. На основании передаваемых Арианом све-

дений, известно, что в 328 г., во время пребывания Александра в Мараканде, туда в сопровождении 1500 всадников явился хорезмийский царь Фарасман, пожелавший вступить в переговоры с Александром.[25] Хотя Хорезма Александр не достиг и в его планы продвижение туда не входило, все же Фарасман, очевидно, счел целесообразным заблаговременно дипломатическим путем выяснить подлинные намерения Александра, чтобы по возможности обезопасить хорезмийские владения от агрессивного вторжения македонских войск. Основное ядро Хорезма составляли земли в низовьи реки Аму-дарьи (в древности р. Окс). Фарасман предложил Александру заключить военный союз, указав при этом, что владения Хорезма соседят с колхами и амазонками. Под последними, несомненно, подразумевались области Придонья и Приазовья, заселенные племенами сарматов, происхождение которых в древности связывалось с легендарными амазонками.[26]

Фарасман выразил готовность оказывать содействие Александру, снабжать его войско провиантом и быть проводником в случае, если бы македонский царь решил предпринять поход на Понт, в Причерноморье, с целью подчинения живущих там племен. Александр, по словам Арриана, установил с Фарасманом дружественные отношения и даже заключил с ним военный союз, но от похода в Причерноморье отказался, сославшись на его преждевременность.

Для нас представляет безусловный интерес сделанное Фарасманом предложение взять на себя функции проводника во время предполагаемого похода в северное Причерноморье со стороны Средней Азии. Оно могло возникнуть только в том случае, если хорезмийцы действительно хорошо знали пути из Приаралья в Северное Причерноморье, а это возможно было лишь при условии реальных сношений между обоими названными районами. Сношения эти, повидимому, не были тогда достаточно регулярными, частыми, но все же, безусловно, существовали. Усиление связей между Причерноморьем через Заволжье со Средней Азией наступило несколько позднее, когда была открыта сухопутная дорога в Китай через Фергану (после 114 г.).

Торговые сношения Боспора с другими греческими колониями северного Причерноморья никогда не были особенно значительными. Как уже было отмечено, из Херсонеса Таврического в боспорские города ввозилось вино, но в небольшом количестве. Пантикапейские монеты времен Спартокидов встречаются как в Херсонесе,[27] так и в Ольвии,[28] подтверждая тем самым существование коммерческих связей между Боспором и названными пунктами, хотя этот торговый обмен существенного значения для экономики Боспора не имел. Более важными были сношения с греческими городами Кавказского побережья — Диоскуриадой и Фасисом, торговым портом колхов, откуда Боспор мог получать некоторые нужные ему товары, особенно корабельный лес. Кроме лесных материалов, Фасис экспортировал мед, лен, пеньку, воск и смолу.[29]

В развитии торговли Боспора и его связей с заморскими странами большую роль играл торговый флот. Грузы перевозились не только иностранными купцами на своих кораблях, но и боспорскими купцами-судохозяевами. Боспор обладал, несомненно, значительным собственным морским транспортом.[30] Об его организации проявили в IV в. до н. э. немалую заботу боспорские правители, получившие, как известно, из Афин квалифицированных матросов.

Пантикапей располагал судостроительными верфями,[31] доками, где строились и ремонтировались суда. Значительное число людей было связано с этим делом и с обслуживанием морского транспорта. В крупных приморских городах были достаточно благоустроенные гавани с причалами для судов, молами, торговыми складами. Остатки большого древнего мола пантикапейской гавани еще хорошо были заметны под водой Керченской бухты в начале текущего столетия (уничтожены при постройке нового мола). Особенно значительные остатки античного мола были обнаружены в феодосийском порту. Остатки этого древнего мола, образующего угол, были ясно различимы на глубине бухты при тихой погоде. При дноуглубительных работах в 90-х годах прошлого века здесь из ила было добыто большое количество концов деревянных свай, сидевших глубоко в илу, — всего около 1000 штук. Сваи оказались забитыми глубоко в морское дно, нижние концы их находились на глубине свыше 4 метров от поверхности дна. Для свай применены сосновые бревна, доставленные из Малой Азии (в античную эпоху очень славился синопский лес) или из южного Крыма. Принадлежность сооружения античной эпохе подтвердилась находкой в районе свайного мола пятнадцати глиняных остродонных греческих амфор, в том числе шести совершенно целых.[32] Остатки благоустроенного порта античной Феодосии хорошо согласуются с литературными сведениями о предпринятых Левконом I после завоевания Феодосии работах по оборудованию торговой гавани, ставшей после этого одной из лучших гаваней Боспора.

Такие находки, как вышеуказанные греческие амфоры, которые извлечены со дна моря в феодосийском порту, свидетельствуют о происходивших иногда в древних гаванях кораблекрушениях и катастрофах. Во время различных работ на месте древних гаваней неоднократно встречались археологические находки. При углублении дна Керченской бухты в 1908 г. землечерпалкой был извлечен бронзовый сосуд, наполненный бронзовыми монетами времени царя Митридата Евпатора. Сосуд этот попал на морское дно при какой-то катастрофе. Многократно находимы были в той же бухте древние глиняные сосуды, особенно амфоры. Одна из таких глиняных остродонных амфор III в. до н. э. была торжественно поднесена в 1926 г. Керченской археологической конференции командой землечерпалки.

Глава шестая

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО, ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ РЕМЕСЛА БОСПОРА

Боспорские города не ограничивались ролью торговых передаточных пунктов, через которые распространялись привозившиеся извне иностранные товары. Используя соответствующие природные условия и местные сырьевые ресурсы, а также наличие рабочей силы (рабов), Боспор в своих городах и селениях в период правления Спартокидов достаточно широко развивал собственные многообразные производства и ремесла, делавшие государство во многом независимым от импорта.

Но первое место по своему значению в боспорской экономике занимало сельское хозяйство. Зерновой хлеб был основным предметом торговли. В продовольственном снабжении населения боспорских городов продукты сельского хозяйства, и прежде всего хлеб, имели, разумеется, также весьма важное значение. Отсюда понятно, что преуспевание Боспорского государства зависело от развития в нем, в первую очередь, земледелия. Боспор занимал в этом отношении весьма выгодное положение, поскольку он обладал плодородными землями в восточной части Крыма, Прикубанье, Придонье. Земли эти обрабатывались местным населением, от которого хлеб поступал посредством сбора дани натурой, отчасти путем скупки. Хлеб также производился в хозяйствах, организованных греками и крупными местными землевладельцами, обладавшими не только землей, но и рабами.

Плодородие Боспора, его богатство хлебом были широко известны в Греции. Афиняне хорошо знали, что земля Боспора «*производит огромное количество хлеба*».[1]

Страбон сообщает, что к востоку от города Феодосии следует «плодородная область, которая тянется до Пантикапея, столицы боспорцев», и затем еще особо отмечает, что «вся эта земля богата хлебом.[2] Как известно, процесс формирования Боспорского государства в V—IV вв. до н. э. был в основном подчинен задаче вовлечения в сферу эксплоатации тех территорий, которые могли служить для развития зернового сельского хозяйства. Если во времена зарождения боспорских городов земледелие занимало в хозяйстве местного населения далеко не главное место, то быстро возраставший спрос на зерно способствовал не менее быстрому развитию интенсивного земледелия на Боспоре и превращению его в страну, где сельское хозяйство стало основным занятием населения.

Археологические памятники, и прежде всего остатки мелких поселений Керченского и Таманского полуостровов, свидетельствуют, что большое число этих поселений, связанных с сельским хозяйством, возникло именно в тот период, когда уже сложившееся в основных своих границах Боспорское государство стало крупным рынком хлеба. Как показало археологическое обследование среднего течения Кубани, часть древних поселений там возникла в конце V и в IV—III вв.[3], т. е. в период, когда экспорт хлеба достиг особенной интенсивности. Повидимому, количественный рост земледельческих поселений здесь происходил не только за счет роста старого меотского и синдского земледельческого населения, но и в известной мере был связан с переходом к оседлому земледелию части кочевых сарматских племен, живших в приазовских и северокавказских степных районах.

Обнаруженные при раскопках боспорских поселений на Керченском полуострове и в Прикубанье остатки хлебных зерен позволяют заключить, что основными злаками, которые возделывались на Боспоре, были пшеница (Triticum vulgare), ячмень (Hordeum sativum) и просо (Panicum miliaceum), куль-

тивировалась также чечевица и чечевицеобразная вика (Ervum ervilia).[4] Зерна пшеницы были встречены при раскопках Мирмекия и Тиритаки в культурных отложениях V в. до н. э. Пшеница, очевидно, являлась основным видом хлебной культуры, начиная с наиболее раннего времени. Тот же вид пшеницы обнаружен был в Тиритаке в культурных слоях эллинистического и римского времени.

Интересно отметить, что находимые при раскопках зерна пшеницы почти всегда сопровождаются зернами ячменя. Судя по находкам остатков хлебных растений, на Боспоре культивировалась исключительно мягкая пшеница, т. е. тот вид пшеницы, который возделывался населением северного Причерноморья задолго до греческой колонизации. Греки, повидимому, не привнесли новых хлебных культур.

Поскольку в источниках нет сведений о том, какие агротехнические приемы применялись в сельском хозяйстве северного Причерноморья, невозможно выяснить, в какой мере элементы греческой агрикультуры проникали в земледелие боспорских колоний и находившихся в сфере их культурного воздействия районов Причерноморья.

Урожаи, которые давала Боспору плодородная крымская почва при самой простейшей ее обработке, выражались цифрой сам-тридцать.[5] Следовательно, древний земледелец мог собрать в среднем 10 гектолитров[6] (около 50 пудов) зерна с гектара. Но эта цифра не была высшим пределом, так как урожай в размере сам-тридцать получался, как говорит Страбон, при обработке земли «первым попавшимся сошником». Применение более совершенных приемов обработки земли в тех пределах, которые доступны были античной агрономии (сюда относится искусственное удобрение, чередование культур и т. д.), могло несколько повысить урожайность.

Основным пахотным орудием был плуг. Об его устройстве можно судить по пантикапейским монетам II в. до н. э., на которых в качестве символа богатства Боспора изображались: на одной стороне — голова быка, на другой — хлебный колос и плуг (рис. 8). На этих монетах представлен типичный гре-

ческий плуг. Нижняя его часть состояла из деревянного горизонтального бруса («подошвы плуга»), на передний конец которого надевался железный сошник. Сверху в подошву плуга, примерно посредине ее, вставлялся деревянный изогнутый грядиль. Верхний передний конец грядиля служил для прикрепления дышла, в которое впрягались волы. В задний конец подошвы плуга вделана деревянная вертикальная стойка с горизонтальной рукояткой, при помощи которой пахарь мог направлять плуг, регулировать его движение. Плуг во всех своих составных частях был деревянным, и только сошник

Рис. 8. Пантикапейская бронзовая монета с изображением головы быка, хлебного колоса и плуга. II в. до н. э.

(ὖνις) делался из железа.[7] Не имея ни резака, ни отвала, даже тяжелый греческий плуг вспахивал почву неглубоко, не переворачивая надлежащим образом пластов почвы. Ввиду этого плужную пахоту приходилось дополнять обработкой почвы заступом или мотыгой, с помощью которых углублялась вспашка, разбивались комья земли и т. д.

При раскопках земледельческих поселений в Прикубанье в недавнее время было обнаружено несколько железных орудий, которые, возможно, являлись сошниками местного типа, надевавшимися на рабочий конец деревянной рассохи плуга или примитивной сохи.[8] Указанное орудие (длиной 19—23 см) сделано из толстого железа (толщиной 1 см) и состоит из нижней плоской лопатообразной рабочей части (ширина ее 8—9 см), края которой, очевидно, были заострены. Верхняя,

более узкая часть представляет собой втулку, форма которой показывает, что данный железный предмет насаживался на клиновидный деревянный стержень.

Созревший хлеб убирали на полях при помощи серпов. Железные серпы встречались при раскопках в Нимфее и в античных поселениях на Кубани.[9]

Хлебное зерно хранилось обыкновенно в ямах или больших глиняных сосудах — пифосах. Зернохранилища в виде ям встречаются в большом количестве как в греческих, так и в местных поселениях. Вырытые в земле круглые ямы — зернохранилища, иногда достигавшие значительной глубины (2—3 и более м), обыкновенно имели расширяющуюся книзу колоколообразную форму. Устья ям, устраивавшихся внутри жилого дома, в подвальных помещениях, во дворах, закрывались досчатыми или круглыми каменными крышками. Наряду с ямами такого типа, раскопками открыты (Пантикапей, Тиритака) земляные ямы, наружная горловина которых сделана из каменных плит, образующих правильное четырехугольное отверстие, которое закладывалось сверху каменной плитой. Чтобы избежать сырости, стенки ям иногда обмазывали глиной и обжигали.[10] Там, где материком являлась каменная порода, зерновые ямы вырубались в скале, а стенки покрывались слоем штукатурки или обмазывались глиной. Характерно обилие зерновых ям в земледельческих поселениях античной эпохи на Кубани и в Придонье, откуда хлеб поступал в города Боспора.

Для размола зерна служили каменные зернотерки, ступы и ручные мельницы с каменными жерновами. Наиболее примитивным способом изготовления муки являлась переработка зерна на зернотерках. Для этого употреблялась плоская плита из какого-нибудь твердого камня; на шероховатую поверхность ее насыпали зерно и затем растирали посредством небольшого камня-терки.

Эта форма примитивных мельниц имела распространение, главным образом, у местного земледельческого населения, но пользовались ими также и греки. В ранний период

жизни боспорских поселений применялись чаще всего каменные ступы, служившие не только для размола зерна, но и для изготовления крупы. В последнем случае употреблялись не каменные, а деревянные песты.

Наряду с каменными ступами для изготовления муки служили ручные мельницы следующего устройства. Верхний жернов имел четырехугольную форму со скошенными боковыми гранями. Рис. 9 представляет такой жернов, найденный на одном из античных городищ Таманского полуострова.[11] Нижняя плоская поверхность жернова снабжалась насечкой. Зерно насыпали сверху в воронкообразное углубление, сделанное в жернове; через щель, имеющуюся на дне этого углубления, зерно проникало постепенно вниз под жернов. Последний накладывался на каменную неподвижную плиту, на которой силой трения, получавшейся от движения верхнего жернова, зерно превращалось в муку. Сверху к жернову приделывался длинный деревянный рычаг, входивший в специальные вырубки, сделанные в жернове сверху. Один конец этого рычага прикреплялся к устроенному в столе вертикальному стержню, на котором, как на оси, шест вращался в горизонтальной плоскости. Противоположный конец шеста служил рукояткой, при помощи которой можно было жернов двигать попеременно то влево, то вправо.

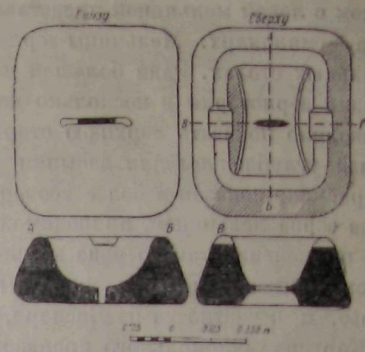

Рис. 9. Ручная мельница-зернотерка. IV в. до н. э.

На рис. 10 такие зернотерки показаны в действии. Перед нами — картина античного мукомольного производства, запечатленная беотийским художником-керамистом в виде рельефных изображений на глиняной чаше раннеэллинистического

времени. Развернутая в рисунке картина замыкается слева и справа изображением рабынь, занятых размолом зерна с помощью мельниц-зернотерок описанного выше типа, причем *рядом с левой мельницей представлен и сам хозяин производства — милонарх*. Мельницы-зернотерки помещены на специальных столах. Ради большей наглядности художник изобразил зернотерки в несколько наклоненном положении, что позволило показать верхнюю сторону жернова с имеющимся в ней углублением для засыпки зерна. Кроме зернотерок, на рисунке показан и более усовершенствованный способ размола зерна мельницей, приводимой в движение осликом. Следов применения такого рода мельниц, действовавших посредством применения силы животных, в северном Причерноморье, и в частности на Боспоре, не обнаружено.

Картину мукомольного производства, в котором широко применялся труд рабов, беотийский художник-керамист представил в неприкрашенном виде. Центральную часть картины занимает сцена наказания рабов. Один из них лежит уже обезглавленный, другого волокут к столбу для совершения экзекуции.

В поздне-эллинистическое и римское время на Боспоре наряду с мельницами-зернотерками вошли в употребление ручные мельницы, состоящие из пары круглых жерновов, из коих верхний приводился во вращательное движение рукой.

Несмотря на довольно примитивные мукомольные орудия, древние греки умели изготовлять из хлебного зерна пшеницы разнообразные продукты, начиная от крупы и муки грубого промола и кончая очень тонкой мукой. Достигалось это посредством просеивания муки через сита, что и показано на той же беотийской чаше справа рядом с мельницей.[13]

Выпечка хлеба, как и переработка зерна в муку, входила обычно в функции домашнего хозяйства, где эта работа, как очень трудоемкая и изнурительная, выполнялась рабами. В причерноморских городах существовали также и специальные большие пекарни, в которых изготовлялся хлеб и другие изделия из теста на рыночный сбыт. При пекарнях обычно

производился и размол зерна. Развалины одной такой обширной пекарни (римского времени) недавно были обнаружены в Ольвии.

При раскопках боспорских городов и развалинах частных домов часто встречаются обломки глиняных сковород, иногда с короткой, полой внутри ручкой для вставки деревянного

Рис. 10. Изображение мукомольного производства на беотийской эллинистической чаше.

держака. Такие сковороды служили для выпечки хлеба, пирогов и лепешек.[14]

Об огородном хозяйстве северного Причерноморья источники почти ничего не сообщают. Из труда Геродота известно, что лук и чеснок разводили местные оседлые племена — каллипиды и алазоны.[15] Разведение лука, надо думать, было распространено и в греческих поселениях, поскольку лук являлся у греков излюбленной приправой к пище, особенно у крестьян.

Теофраст (писатель IV—III вв. до н. э.) упоминает луковицы (βολβός), росшие в Крыму и столь сладкие, что их употребляли в пищу сырыми. В данном случае очевидно име-

лось в виду какое-то дикорастущее растение, а не огородная культура.[16]

Ассортимент овощей у древних греков был достаточно обширен. Вероятно, значительная часть их культивировалась жителями античных городов и в северном Причерноморье. Греки, несомненно, стремились иметь здесь все то, что было для них привычно на родине.

В этом отношении показательны сведения о садовых культурах. Присвоение одному из боспорских городов названия Кепы (Сады), наверное, было обусловлено обилием садов в городе или его окрестностях. Любопытные подробности о садоводстве в Боспоре сообщает Теофраст. По его словам, «на Олимпе много лавра, а мирта вовсе нет. А в Понте вокруг Пантикапея нет ни того, ни другого, хотя живущие там стремятся выращивать эти растения и прибегают ко всевозможным способам, чтобы иметь их для культовых нужд. Смоковниц там много и они большие, также и гранаты, если их тщательно [дословно: со всех сторон] защищают [от зимних холодов]; груш и яблонь очень много, и притом самых разнообразных и хороших [сортов], они весенние, за исключением поздних . . .».[17]

Как видно из приведенного отрывка, боспорцы с успехом выращивали фруктовые деревья, преодолевая климатические трудности.

При раскопках Мирмекия в культурном слое V в. до н. э. были найдены косточки алыча — плода, сходного со сливой.[18] Очевидно, этот вид фруктовых деревьев также произрастал в древности на Боспоре.

Благодаря античным городам в северном Причерноморье получило широкое развитие виноградарство, а вместе с тем и виноделие. Древнего грека трудно представить в быту без употребления виноградного вина, так же, как и без оливы и оливкового масла. Но для разведения олив климатические условия в северном Причерноморье были неблагоприятны. Иначе обстояло дело с виноградом, для которого климат северного побережья Черного моря, особенно в Крыму, не являлся

препятствующим обстоятельством, чем и не преминули воспользоваться жители античных городов. О разведении винограда свидетельствуют монеты некоторых городов Боспора, избравших в качестве эмблемы изображение виноградной грозди. Такая эмблема имеется на монетах Нимфея конца V в. до н. э., Фанагории III в. дон. э.

Раскопки боспорских поселений, ведущиеся в последние десятилетия, позволили установить значительное развитие виноградарства и виноделия на Боспоре. До этого обычно считалось, что Боспор, в противоположность Херсонесу, своего и, тем более, широко развитого виноделия не имел.

Теперь есть данные о существовании в античную эпоху виноградарства как на европейской, так и на азиатской стороне Боспора. В целях предохранения виноградников от действия зимнего холода боспорские виноградари насыпали на лозы большое количество земли, создавая, таким образом, защитный слой.[19]

Развитие виноделия на Боспоре приняло широкий характер в эллинистический период, когда ввоз вин извне не мог удовлетворить сильно возросшего спроса и создались тем самым выгодные предпосылки для местного виноделия.

О боспорском виноделии особенно ценные сведения дали раскопки Тиритаки и Мирмекия, в которых отрыто много хорошо сохранившихся виноделен и отдельных орудий виноделия эллинистического и римского времени. Судя по находкам небольших каменных давилок для выжимания виноградного сока, приготовление вина для домашних потребностей нередко велось в маленьких масштабах с использованием для этой цели небольших собственных виноградников или даже, может быть, из покупного винограда. Но наряду с этими раскопками обнаружены большие специально построенные винодельни, в которых перерабатывались на вино большие количества винограда, что свидетельствует уже о промышленном характере производства, рассчитанном на торговый сбыт вина.

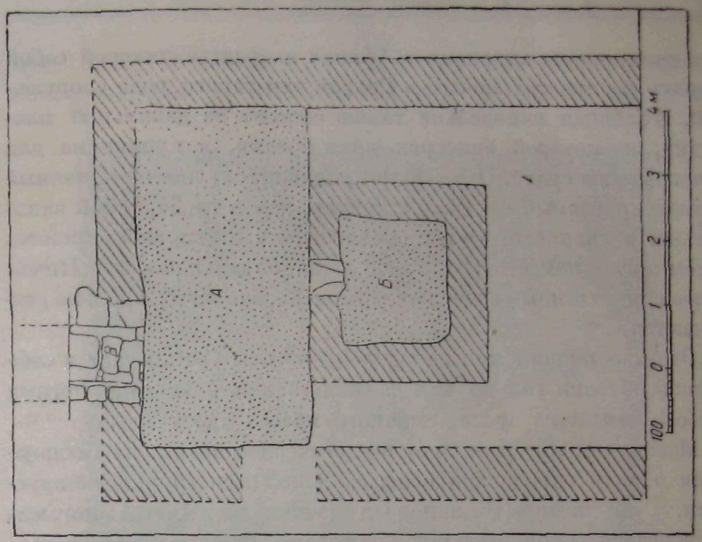
Самая ранняя винодельня, относящаяся к III—II вв. до н. э., открыта раскопками в Тиритаке в 1946 г.[20] Она пред-

ставляла собой обширное каменное здание. Северо-западная часть помещения во всю его ширину занята давильной площадкой, предназначенной для переработки винограда (рис. 11). Площадка эта (*А*) имеет в длину 5.25 м (что соответствует ширине помещения винодельни) и в ширину 2.70 м. Сделана она в виде гладкого пола, наружная поверхность которого состоит из слоя белого раствора толщиной 5 см, подстилаемого одним рядом мелких бутовых камней, втрамбованных в глинистый грунт.

Тремя своими сторонами давильная площадка примыкает к стенам винодельни, с четвертой стороны к ней прилегает находящийся в центральной части помещения большой четырехугольный врытый в землю резервуар-цистерна (*Б*), верхняя часть стен которого совпадает с уровнем давильной площадки. Размеры резервуара: длина 2 м, ширина 1.75 м, глубина 1.55 м. Стены его образованы хорошей каменной кладкой, дно также сложено из камней, причем и стены и дно внутри резервуара тщательно оштукатурены таким же белым раствором, каким покрыта давильная площадка. Внутренний объем резервуара равен почти 5 м³; следовательно, резервуар мог вместить около 5000 л виноградного сока. Виноград накладывался на давильную площадку и тут подвергался растаптыванию ногами давильщиков. Сок стекал с площадки через каменный слив в резервуар, откуда его затем разливали по глиняным сосудам. Бродильный процесс и хранение вина производилось в глиняных пифосах — громадных сосудах, выполнявших функции бочек, — и амфорах.

Чтобы сок легко мог течь в нужном направлении, давильная площадка винодельни устроена с легким наклоном в сторону резервуара. Тиритакская винодельня рассчитана на промышленные масштабы производства. Самые размеры винодельни, равно как и техническое оформление ее, говорят о том, что виноделие в эллинистическое время на Боспоре уже было вполне сложившейся отраслью хозяйства.

По своему устройству тиритакская эллинистическая винодельня близка к винодельне IV в. до н. э., раскопанной в конце прошлого столетия известным археологом Дёрпфельдом на

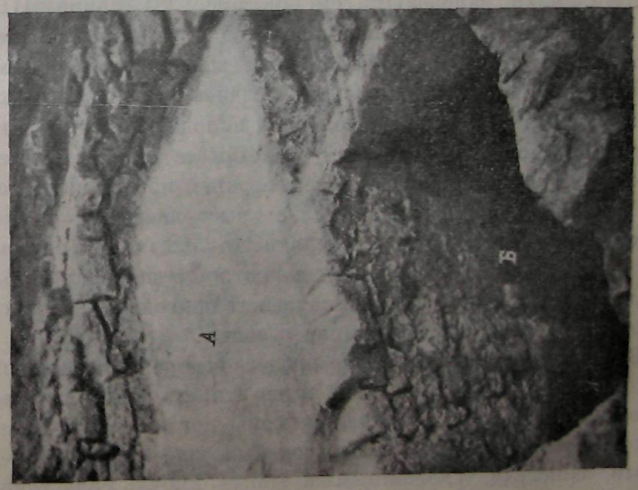

Рис. 11. Винодельня в Тиритаке на участке V. III в. до н. э. — общий вид и план. *А* — давильная площадка; *Б* — резервуар для виноградного сусла; *В* — водосток римского времени.

западном склоне акрополя в Афинах и представляющей собой широко распространенный в Греции тип такого рода сооружений. Афинская винодельня также состоит из давильной площадки, на которой виноград мяли ногами, и приемника для виноградного сусла. Приемником, однако, служил не каменный оцементированный внутри резервуар, как в тиритакской винодельне, а глиняный сосуд сравнительно небольшой емкости: в нем могло поместиться всего лишь 55 л жидкости. Ничем более существенным афинская и тиритакская винодельня не различаются.

Это простейший тип виноделен, который заключает в себе приспособления только для раздавливания винограда ногами и сбора выжатого сусла, никакого пресса здесь нет.

Между тем тогда же, в эллинистическое время, на Боспоре были в ходу винодельни более сложной конструкции, с прессами, на которых виноград (уже перемятый ногами) подвергался окончательной отжимке. Это показывает раскопанная в 1934 г. в Мирмекии большая винодельня (рис. 12, план винодельни см. на рис. 28) конца III в. до н. э.[21] В римское время она подверглась значительной переделке, и это обстоятельство затрудняет выяснение первоначального устройства, т. к. винодельня позднее была основательно перепланирована. Тем не менее в этой винодельне установлено наличие определенной составной части пресса в виде массивной прямоугольной каменной плиты, на верхней поверхности которой высечен желоб, выходящий к выступающему с одной стороны сливу, свисающему над вместительным резервуаром. Это каменное ложе («тарапан»), на котором виноград подвергался воздействию пресса, принадлежит первоначальному оборудованию винодельни, до ее перестройки.

В мирмекийской винодельне процесс переработки винограда был сложнее, чем в описанной выше тиритакской давильне, и не ограничивался выжиманием сока ногами рабов-давильщиков. После того как первый сок был уже извлечен, перемятый виноград, сложенный в какую-нибудь эластичную тару вроде мешка, корзины и т. п., укладывали на каменную плиту с желобом, и здесь его прессовали, стремясь полностью выжать остававшийся еще сок. Самый пресс был

Рис. 12. Винодельня эллинистическо-римского времени в Мирмекии.

рычажный, т. е. состоял из деревянного рычага-бруса, один конец которого вставлялся в углубление, устроенное в стене, а другой служил для подвески тяжестей.

Применение подобных прессов в эллинистическое время подтверждается отдельными находками каменных «тарапанов», являвшихся неотъемлемой частью виноделен с рычажными прессами. Круглый большой «тарапан» (греческое название — ληνός, латинское — area) III в. до н. э., имеющий диаметр 1.50 м, был найден в Мирмекии при раскопках центральной части города. Эта плита входила в оборудование какой-то крупной ранне-эллинистической винодельни, в которой применялся рычажный пресс. Аналогичная круглая плита (ее диаметр — 1.40 м) с желобом и сливом (см. рис. 29) обнаружена при земляных работах к северу от Мирмекия, близ от Царского кургана.[22] Очевидно, там в эллинистическую эпоху находилась какая-то сельско-хозяйственная усадьба (villa rustica), в которой была устроена винодельня с рычажным прессом.

Рычажные прессы, применявшиеся в боспорских винодельнях в эллинистическую эпоху, позже были усовершенствованы, как об этом свидетельствуют мирмекийские и особенно тиритакские винодельни римского времени, обнаруживающие некоторые признаки технического прогресса, который произошел на протяжении эллинистическо-римского времени.

В непосредственной связи с сельским хозяйством развивалось животноводство. Во всех поселениях Боспора жители разводили домашний скот для получения пищевых продуктов (мяса, молока) и использования рабочей силы животных. Животноводство давало также кожу, которая шла не только на удовлетворение местных потребностей, но и на вывоз, хотя основная масса этого товара поступала к греческим купцам от кочевников.

Картина животноводческого хозяйства поселений Боспора может быть в известной степени восстановлена по тем местным остаткам, которые в большом количестве встречаются при раскопках. Сборы костей млекопитающих, произведенные при раскопках Мирмекия и Тиритаки, позволяют сделать следующие наблюдения.

Наиболее обильно представлены бык и мелкий рогатый скот, довольно многочисленны кости свиньи. Основную базу животной пищи составляли бык, овца, коза, свинья. Интересно, что находимые при раскопках кости лошади всегда целы. Очевидно, в греческих поселениях лошадь в пищу не употреблялась. Наоборот, крупные бычьи кости, как правило, встречаются расколотыми (в целях извлечения из них костного мозга).[23]

Из домашних птиц разводились куры, гуси, утки. Их кости встречаются не только среди пищевых остатков поселений, но иногда и в могилах как остатки пищи, клавшейся покойникам. В могилах нередко находили и хорошо сохранившуюся скорлупу куриных яиц.

О том, что жители Боспора занимались охотой, говорят находки костей диких животных, хотя они довольно малочисленны. Охотничий промысел, повидимому, был слабо развит в боспорских городах. В Мирмекии и Тиритаке изредка обнаруживались кости зайца, лисицы, благородного оленя, сайги.

Весьма существенное место в хозяйственной жизни населения Боспора занимало рыболовство. Располагаясь на побережье моря и устьев больших рек, греческие колонии имели прекрасные возможности к развитию рыбного промысла, и эти возможности были ими широко использованы. Когда при раскопках боспорских поселений археологам приходится иметь дело с наиболее ранними культурными отложениями, то обычно среди пищевых остатков встречаются остатки рыб, что свидетельствует о существовании рыболовства в этих поселениях с момента их возникновения.

Рыба являлась пищей самых широких слоев населения. Соленая рыба экспортировалась в большом количестве за пределы Боспора на внешние рынки. В числе домашней утвари в боспорских городах, как и в других греческих колониях Причерноморья, весьма распространены были глиняные блюда, специально предназначавшиеся для рыбы. В центре блюд имелось углубление, куда клалась приправа. Такие расписные краснофигурные рыбные блюда украшались обычно изображением рыб.[24] В эллинистический период, когда боспорские керамические мастерские особенно обильно выпускали на местный рынок обиходную посуду, в числе различных ее

типов весьма многочисленны были именно рыбные тарелки, но без росписи.

В античной литературе сохранилось не мало упоминаний о рыбных богатствах Черного и Азовского морей, об отдельных видах водившихся там рыб, о способах их лова.

Греческий писатель IV в. до н. э. Архестрат написал специальное сочинение, посвященное боспорской соленой рыбе, к сожалению, до нас не дошедшее и о котором мы знаем лишь по упоминанию у других авторов.[25]

Рыболовство в промысловых масштабах на Боспоре было развито во многих местах, но одним из наиболее важных районов рыбного промысла являлся Керченский пролив. Это доказано раскопками в Мирмекии и Тиритаке, где открыты специальные большие сооружения первых веков нашей эры, служившие для засолки рыбы. В более ранние периоды, возможно, рыбный промысел здесь был менее развит, но, несомненно, пролив являлся всегда районом лова наиболее ценных осетровых рыб. В боспорских городах, расположенных на берегах Керченского пролива, в большом количестве встречаются кости осетровых: севрюги (Acipenser stellatus) и осетра (Acipenser Güldenstädti).

В настоящее время лов осетровых непосредственно в Керченском проливе не очень значителен, тогда как в античную эпоху, наоборот, осетровые занимали весьма существенное место в рыбном промысле. Объясняется это тем, что в древности непосредственно в пролив (около Фанагории) впадала Кубань, благодаря чему количество осетровых рыб в проливе было больше, нежели теперь.[26] Рыбный промысел не прекращался в Керченском проливе и в зимнее время, когда рыбу ловили подо льдом при помощи острогй («гангамы»). Этот способ особенно применялся для ловли крупных осетров, «величиною почти равных дельфинам».[27] Много осетровых ловили также и жители кубанских поселений Боспора.

Древние писатели указывают, что в Азовском море происходил не́рест пеламид; окрепши, они уходили через Керченский пролив в Черное море вдоль азиатского берега до Трапезунта, где находился первый пункт ловли. Особенно лов пеламид был развит у Синопы; там эта рыба уже достигала надлежащей величины и была вполне пригодной для ловли и соления.

Таким образом, хотя пеламиды в древности и заходили в Меотиду, но в пределах Боспора они не являлись объектом промысла. Это подтверждается и наблюдениями над костными остатками рыб при раскопках боспорских поселений, где кости пеламид не встречаются. В настоящее время пеламида появляется лишь более или менее случайно в районе Керченского пролива. Очевидно, на протяжении длительного периода, отделяющего наше время от античной эпохи, естественные условия в бассейне Азовского моря несколько изменились, что и повлияло на пути миграции пеламиды.

Из рыб, которые являлись объектом рыбного промысла на Боспоре, должны быть названы: комбала, скумбрия, судак сельдь, хамса, султанка, тарань.

Наряду с рыбой очень широко использовались морские моллюски, главным образом мидии (Mytilus galloprovincialis), а также устрицы (Ostrea taurica). Створки названных моллюсков, особенно мидий, в огромнейшем количестве представлены в культурных слоях всех приморских поселений Боспора, что заставляет поименованные виды моллюсков считать одним из самых распространенных пищевых продуктов. Частые находки раковинок моллюсков в зольных кухонных отбросах показывают, что моллюсков ели в вареном виде. Нередко встречаются среди пищевых остатков и раковинки наземных съедобных улиток (Helix).[28]

Основными орудиями лова рыбы на Боспоре являлись невод и крючья. Крючья делались почти исключительно бронзовые.

Для лова некоторых видов рыб применялись наблюдательные вышки, с которых рыбаки следили за движением рыбы и сигнализировали ловцам о приближении значительных ее косяков, которые затем окружались неводом. Страбон сообщает о сохранившихся в его время на восточном побережье

Меотиды нескольких наблюдательных вышках клазоменцев.[29] Весьма вероятно, что это были остатки именно рыболовных вышек, построенных клазоменскими рыбопромышленниками в местах, наиболее удобных для лова рыбы.

Обилие рыбьих остатков, особенно костей осетра, в придонских античных городищах доказывает, что рыболовство являлось первым (после земледелия) занятием местного населения и на окраинах Боспорского государства.

Крупные рыболовные пункты были расположены на восточном берегу Азовского моря, у больших рек. Рыболовством широко занимались жители кубанских поселений.

При раскопках Елизаветинского городища (на Кубани), о котором уже речь шла выше, найдено значительное число предметов рыболовного обихода: бронзовые крючья и большие глиняные грузила особого типа, не встречающиеся в приморских античных поселениях и, очевидно, рассчитанные на речные сети. Они имеют трапециевидную форму, большие размеры и снабжены крупным сквозным отверстием.[30]

В культурных слоях почти всех античных городищ, расположенных по среднему течению Кубани, встречаются в большом количестве и рыбьи остатки в виде костей осетровых рыб, сазанов, щук. Нередко рыбья чешуя в культурных слоях кубанских и особенно приазовских городищ обнаруживается целыми пластами.[31]

В боспорских городах были развиты различные ремесла и производства. Наиболее важными из них были ткацкое, металлическое и керамическое производства.

В богатых погребениях на Боспоре найдено не мало кусков тканей от одежды погребенных или пологов, которыми покрывались гробы. Преобладают шерстяные ткани, причем некоторые сорта их отличаются тонкостью выделки. В богатых погребениях многократно были находимы тонкие греческие ткани, иногда со следами производившейся не раз починки, штопки, *из чего видно, как дорожили этими тканями* и берегли их. На более древних тканях узоры и рисунки наносились посредством красок на готовую ткань; иногда узоры вышивались. Повидимому, в IV в. до н. э. появились ткани более сложной техники с вытканными узорами.

Такого рода ткани, возможно, ввозились из Египта, где текстильное производство было высоко развито, или изготовлялись в греческих промышленных центрах, но по египетским образцам.[32] В числе привозных тканей, обнаруженных в погребениях первых веков нашей эры, встречались и шелковые ткани, импортировавшиеся с Востока.

Но многолюдное население Боспора не могло довольствоваться одним только импортом тканей и целиком зависеть от превратностей торговли с заморскими странами. Значительное количество тканей изготовлялось на месте. В обвинительной речи афинского оратора Демосфена против Лакрита приводятся показания свидетеля; по словам последнего, корабль, на котором он исполнял должность надсмотрщика, вез из Пантикапея в Феодосию один или два сосуда с шерстью, одиннадцать или двенадцать керамиев (амфор) соленой рыбы и две или три связки козьих шкур.[33] Значит, из Пантикапея экспортировалась наряду с соленой рыбой и шерсть, стало быть, заготовка шерсти как сырья для производства пряжи производилась в таком количестве, что представлялось возможным продавать ее и на вывоз.

Что касается разведения в Скифии растений, из которых могла выделываться пряжа, то из греческой литературы известна только конопля. По словам Геродота, конопля в Скифии очень похожа на лен, кроме вышины и толщины; она росла в диком состоянии и высевалась.[34] Геродот ничего не говорит об использовании скифами конопли для производства тканей и одежд. «Фракийцы делают из нее одежды, весьма похожие на льняные», — отмечает Геродот; но о скифах он рассказывает лишь, как они пользовались семенами конопли в своих своеобразных банях: семена бросались на раскаленные камни, и от этого получался дым и пар. В большом количестве лен разводили в Колхиде, откуда его вывозили в порядке торгового сбыта.[35]

Существование прядильно-ткацкого производства на Боспоре подтверждается многочисленными находками орудий про-

изводства. В самых ранних культурных слоях всех боспорских поселений обычно встречаются пряслица от веретен, т. е. надевавшиеся на нижний конец веретена грузики, которые увеличивали инерцию вращательного движения веретена при ссучивании волокон в пряжу. Пряслица выделывалась из глины, камня и кости; иногда они изготовлялись просто из обломков керамики. В женских могилах неоднократно встречались веретена, имеющие вид костяного или деревянного стержня; иногда веретена украшались резным орнаментом.

О широком распространении ткацкого производства свидетельствуют многочисленные находки гирек в виде усеченных пирамидок с четырехугольным основанием, снабженных сквозным отверстием (иногда двумя) у вершины. Чаще всего они изготовлялись из обожженной глины, единичные экземпляры встречались костяные и свинцовые.

Существует мнение, что эти гирьки были грузилами, которые прикреплялись к рыболовным сетям. Вероятно, наиболее массивные и тяжелые гирьки иногда находили применение в рыболовном деле. Однако главным назначением их было ткацкое дело, где они служили подвесками к нитям основы для их натягивания. Что пирамидальные гирьки предназначались для ткацкого производства, доказывают, в частности, находки гирек из необожженной или слабо обожженной глины.[36] В воде такие «грузила» быстро бы разрушались.

Как показывают вазовые изображения, греческий ткацкий станок (рис. 13) состоял из следующих составных частей. Две вертикальные деревянные стойки с заостренными концами, вбитыми в землю, были вверху скреплены поперечиной, под которой находился вал для наматывания на него готовой ткани по мере ее изготовления. С этого же вала спускались вертикально натянутые нити основы с подвешенными к их нижним концам коническими или пирамидальными гирьками.

Приблизительно посередине станка изображены две перекладины, которые служили для образования «зева», т. е. переменного разделения четных и нечетных нитей основы при

переброске между ними утка.[37] Греческий ткацкий станок по своей конструкции был очень примитивен и требовал, чтобы ткачиха работала стоя. Греческие писатели отмечали превосходство египетского ткацкого станка, так как горизонтальный египетский станок был технически более совершенным и позволял ткать сидя.[38]

Рис. 13. Ткацкая мастерская: рисунок на аттическом лекифе. VI в. до н. э.

Существенной особенностью греческого ткацкого станка являлась необходимость привязывать к нитям основы тяжести в виде специальных гирек.

Если присмотреться к тем пирамидальным «грузилам», которые в таком множестве встречаются при раскопках античных поселений, то нельзя не заметить, что большинство их изготовлено тщательно, нередко с претензией на «внешнюю»

привлекательность. На пирамидальных гирьках нередко встречаются различные клейма, иногда даже оттиски гемм (резных камней). Подобного рода клейма были бы совершенно излишними на рыболовных грузилах, но они представлялись вполне уместными на ткацких гирьках, поскольку последние входили в бытовой инвентарь дома, где ткацким делом обыкновенно занималась хозяйка дома со своими рабынями.

Многочисленные находки ткацких гирек в боспорских поселениях, начиная с древнейшего периода, подтверждают, что здесь, как и в других областях античного мира, обработка шерсти и ткацкое производство были тесно связаны с домашним производством и входили в обязанность женщины-хозяйки. Широкое распространение домашнего ткачества, конечно, не исключало существования в боспорских городах ткацких мастерских, выпускавших ткани на рынок.

В городах Боспора, несомненно, изготовлялись самые разнообразные металлические изделия, начиная с орудий труда, предметов хозяйственно-утилитарного назначения и кончая художественными ювелирными изделиями и предметами украшения. Орудия сельскохозяйственные (сошники для плугов, серпы, мотыги, заступы и пр.), камнетесные, плотничьи, кузнечные и другие, а также различные строительные части и материалы (металлические скрепы, гвозди, замки и пр.) — все это производилось в боспорских мастерских. Немало металла шло на изготовление оружия (наконечники копий и стрел, мечи, кинжалы, панцыри, шлемы, щиты) и военные машины.

На Керченском полуострове имеются богатейшие залежи железной руды, добыча которой не представляет особенных трудностей, так как руда залегает неглубоко. Использовались ли эти железорудные богатства в античную эпоху боспорскими металлургами? Литературные источники об этом ничего не говорят. Не так давно при раскопках боспорского города Китея (южнее Керчи) были обнаружены куски древних железных шлаков. Химический анализ показал, что эти шлаки не имеют отношения к местным рудам. Керченская руда отличается рядом свойств (пылевидность, низкий процент железа, большое количество фосфора), которые могли весьма затруднить и даже сделать невозможным ее использование в условиях античной металлургической техники, добывавшей кричное железо непосредственно из руды в примитивных плавильных горнах.

Возможно, на Боспор доставлялась криворожская железная руда, отличающаяся более высоким качеством и, повидимому, в достаточно широких масштабах использовавшаяся в античную эпоху скифами. Открытие Б. Н. Граковым на Каменском городище (в районе Никополя, на левом берегу Днепра) крупного металлургического центра Скифии, базировавшегося на местных рудах Криворожья, делает весьма вероятным импорт руд или готового металла на Боспор из приднепровских областей Скифии, особенно в период оживленного торгового обмена при Спартокидах. Столь же вероятным можно считать ввоз железа и меди из Малой Азии. Прямых подтверждений этого в источниках нет, но, учитывая тесные торговые связи Боспора с южными причерноморскими городами, представляется вполне вероятным импорт малоазийского металла, кстати сказать пользовавшегося широкой известностью в античном мире.[39]

Область халибов на юго-восточном побережье Черного моря славилась искусными металлургами; высокосортное железо и сталь оттуда экспортировались в Грецию через города Синопу и Амис. Синопская сталь считалась особенно хорошей для производства плотничьих орудий. Разрабатывались в южном Причерноморье и медные руды, причем особенно чистой считалась медь, добывавшаяся в области, где жило племя мосинников. Медь могла поступать на Боспор и с Кавказа, прежде всего, из месторождений верхней Кубани, бассейнов Лабы, Белой, использовавшихся, как показал недавно А. А. Иессен, уже в медно-бронзовое и ранне-скифское время местными прикубанскими металлургами. Не исключена возможность, что медь в некотором количестве доставлялась также с территории Скифии — теперешней Украины, где, например в районе города Артемовска, были обнаружены древние разработки меди.

Отливка металлических изделий производилась в каменных и глиняных формах, которые известны по находкам в некоторых боспорских городах. Литейные формы состояли обычно из двух половинок. Для того, чтобы обе половины точно приходились одна к другой и не сдвигались во время литья, они скреплялись металлическими штифтами; в одну половину вделывались штифты, в другой устраивались углубления, куда эти штифты должны были входить.

Для плавки золота применялись небольшие глиняные тигли и чашки, образцы которых обнаружены не так давно при раскопках Пантикапея.

Откуда поступало золото и серебро на Боспор? Геродот сообщает о том, что на севере, несомненно, много золота и что стерегут его грифоны, а похищают золото одноглазые люди аримаспы.[40] В этой легенде, несомненно, нашло свое отражение обилие залежей золота в области Урала, а также северного Казахстана и Алтая, откуда оно доставлялось и в северное Причерноморье, в Скифию. Другим источником золота могла быть южная Фракия, обладавшая золотыми и особенно богатыми серебряными приисками (гора Пангей, Дисор и др.), а также Колхида. Греческие писатели сообщают, что многие реки, текущие с Кавказа, несут с собой золотой песок; жители опускают в воду густошерстные овечьи шкуры и собирают пристающий к ним песок.[41]

Существует мнение, что в период оживленных торговых сношений Боспора с Афинами оттуда поступали на Боспор и благородные металлы. Такое предположение довольно вероятно в отношении серебра, поскольку Афины владели богатейшими Лаврийскими серебряными рудниками. Что касается золота, то вряд ли Афины могли поставлять его на Боспор в значительном количестве, так как сами получали этот металл преимущественно из Фракии.[42]

В производстве изделий из благородных металлов значительное место на Боспоре занимала чеканка рельефных изображений и украшений, а иногда и сложных изобразительных композиций как на отдельных пластинках, так и на тех или

иных частях сосудов. В этой связи большой интерес представляет находка при раскопках Тиритаки бронзового штампа III—II вв. до н. э., который применялся при изготовлении золотых бляшек с рельефным изображением Афродиты, служивших для украшения одежды, перстней и пр.[43]

Штамп представляет собой стержень, на нижнем конце которого имеется рельефное изображение(рис. 14). Близ нижнего конца в стержне сбоку есть углубление, куда вставлялась рукоятка. Золотая пластинка, подлежавшая чеканке, накладывалась на кусок свинца, затем к пластинке мастер прикладывал штамп и ударял по его верхнему концу молотом, вследствие чего конец штампа сильно расплющен. Штамп вдавливал золотую пластинку в свинцовую «подушку», и в результате пластинка получала то же рельефное изображение, которое имеется на штампе, только с более смягченными контурами. Отдельные детали затем усиливались в готовой отчеканенной пластинке снаружи с помощью мелких инструментов, иногда при окончательной отделке применялась еще и гравировка.

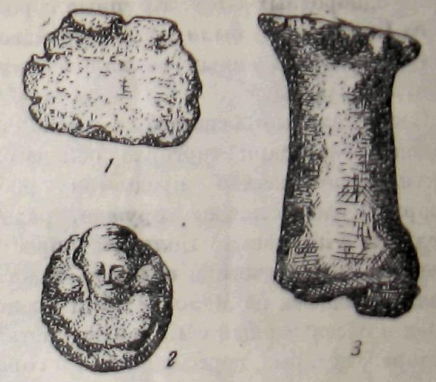

Рис. 14. Бронзовый штамп III—II вв. до н. э., найденный в Тиритаке.
1 — вид сверху, 2 — вид снизу, 3 — вид сбоку.

Находка штампа в Тиритаке не только выясняет один из технических приемов, применявшихся боспорскими мастерами-торевтами, но и в высшей степени убедительно доказывает насколько распространенной была эта отрасль художественного ремесла, поскольку даже в небольших боспорских городах существовали мастерские по изготовлению такого рода изделий.

В производстве чеканных художественных изделий часто употреблялись также деревянные формы. В дереве вырезалось соответствующее рельефное изображение, которое затем сверху обтягивалось тонкой золотой пластиной. Деревянная форма иногда не извлекалась из готовой отштампованной пластины и оставалась в ней как твердая основа, предупреждавшая возможность деформации. При тиснении более мелких вещей одна и та же деревянная форма использовалась для изготовления серии однородных блях. Крупные города Боспора, и прежде всего Пантикапей, были местом производства большого количества художественных металлических изделий из золота, электра, серебра.

Состоятельные боспорцы, а также скифо-сарматская знать, ставшая благодаря торговле обладателем богатств, могли покупать множество предметов роскоши — драгоценную утварь, художественное оружие, разнообразные ювелирные предметы украшения. Большой спрос на дорогие художественные металлические изделия отчасти удовлетворялся привозными вещами из Малой Азии и Греции. Но еще больший успех и обеспеченный сбыт могли иметь изделия тех греческих мастеров, которые, переселившись в города Боспора и хорошо зная запросы заказчиков, изготовляли вещи, близко отвечающие местным вкусам и потребностям.

Такие греческие мастера, преимущественно выходцы из Малой Азии, работали на Боспоре издавна. Но особенно большой наплыв торевтов в Пантикапей из Греции начался с последних десятилетий V в., когда торговля хлебом быстро привела к накоплению больших средств у местной варварской знати и боспорских купцов.

О том, какие мастера по художественным металлическим ремеслам работали на Боспоре при Спартокидах с конца V в., свидетельствует художественный уровень пантикапейских монет. При Левконе I пантикапейский монетный двор впервые стал чеканить (около 370 г.) наряду с серебряной и медной монетой золотые статеры с изображением на лицевой стороне головы юного или старого сатира, а на обороте грифона, иду-

Рис. 15. Золотая обивка горита из Чертомлыцкого кургана. Начало IV в. до н. э. (Эрмитаж).

щего по хлебному колосу (табл. I, *16—20*) головы быка, полугрифона над осетром и др. С полным основанием эти пантикапейские статеры причисляются к древнегреческим монетным шедеврам. Штемпели для пантикапейских монет были сделаны отличными художниками.

В мастерских боспорских торевтов производились самые разнообразные вещи. Посредством чеканки изготовлялись сотни и тысячи золотых пластинок, служивших для украшения одежды, пологов и т. п.

На пластинках, предназначавшихся для продажи скифам, нередко бывали представлены ритуальные сцены (побратимство скифов, богиня с зеркалом и скиф, богиня, вручающая ритон скифу). Весьма разнообразны были звериные изображения, еще больше изготовлялось золотых бляшек орнаментального типа в виде розеток, пальмет, треугольников, заполненных выпуклыми кружками, и т. д. Выделывались также золотые браслеты и гривны (обручи, надевавшиеся на шею), имеющие часто концы в форме львиных голов, височные подвески, головные украшения, обивки горитов (футляров для лука обкладки рукоятей и ножен мечей, чеканные нагрудные украшения панцырей и щитов, тонкие ювелирные вещи (серьги, перстни, ожерелья). Боспорские мастерские выпускали и художественные сосуды, электровые сосуды из золота и серебра. Все эти изделия широко расходились не только по Боспору, но и по всему северному Причерноморью. Ведущее положение Пантикапея в данной области художественного производства не подлежит сомнению.

Отметим несколько наиболее выдающихся произведений боспорских торевтов. На рис. 15 представлена большая электровая золоченая пластина (весом в 196 г), покрывавшая лицевую сторону скифского горита, т. е. футляра для лука и стрел, найденного в знаменитом Чертомлыцком кургане (северо-западнее города Никополя), в котором был погребен около середины IV в. до н. э. один из скифских царей. Бляха сплошь украшена рельефными изображениями и орнаментом, исполненными чеканкой и последующей гравировкой.[44] Верхний фриз состоя-

из фигур борющихся зверей. Под ним в два яруса расположены сцены из жизни Ахилла, причем первым эпизодом представлено обучение мальчика Ахилла обращению с луком. Нижняя часть украшена пышным орнаментом из пальмет и побегов аканфа с цветами, идущих и по левому краю. На правом нижнем выступе изображены два грифона, терзающие барса.

Выбор для украшения обивки горита сцен из жизни Ахилла, являвшегося в представлении греков олицетворением отваги и геройства, а также изображений борющихся животных, вполне соответствовал боевому назначению горита как футляра для оружия. Самый факт изготовления этого художественного металлического рельефа для обивки горита — специфически скифского предмета вооружения — показывает, что греческий художник-торевт, выполнивший обивку, жил в северном Причерноморье и работал на скифских заказчиков. Но в художественном содержании данного произведения нет ничего, что выдавало бы знакомство мастера с жизнью той варварской среды, для которой он делал данную вещь. Обивка горита сделана в чисто эллинском духе и отражает стиль и образы монументального греческого искусства последних десятилетий V в. до н. э.

Близки по стилю к обивке горита золотые ножны меча, найденные в том же Чертомлыцком кургане (рис. 16). На верхнем боковом выступе, который служил для прикрепления меча к поясу, представлен грифон, терзающий голову оленя. Узкое поле ножен украшено сценами боя между греками и варварами, которыми являются здесь, повидимому, персы. Вот перс замахнулся, чтобы нанести удар греческому воину, призывающему на помощь товарищей; рядом представлена схватка между греческим воином, пытающимся поднять раненого товарища, и персом.[45] Далее показан упавший на колени перс, отбивающийся секирой от наступающего на него грека; на выручку ему спешит конный перс, но конь его ранен и падает; позади коня лежит раненый греческий воин, которому другой воин оказывает помощь. Замыкается композиция изобра-

г. в. (Эрмитаж)

жением лежащего на земле раненого перса, который держит за уздечку коня с седлом. Лишь в деталях варварских костюмов, в «скифском» степном облике крайней правой лошади — низкорослой,* с характерной оседловкой — можно отгадать знакомство мастера с реальной жизнью и бытом скифов, для которых изготовлены ножны.

Совсем иной характер носит золотая обкладка рукояти того же меча. Она сделана в типичном скифском «зверином» стиле, возможно скифским же мастером; не исключено, что ее делал и грек, постаравшийся представить звериные изображения в скифском стиле. Такие изделия в большом количестве изготовлялись в боспорских мастерских.

Наряду с этим боспорские торевты, т. е. мастера, работавшие непосредственно на Боспоре, создали ряд великолепных произведений, в которых с поразительным реализмом воспроизведены сцены из жизни скифов. Они отличаются не только художественным мастерством, но и глубоким знанием быта, костюмов, вооружения скифов и т. д. К такого рода шедеврам боспорской торевтики принадлежат куль-обский электровый и воронежский серебряный сосуды, серебряные сосуды и золотой гребень из кургана Солохи, серебряная амфора из Чертомлыцкого кургана, т. е. вещи, найденные в богатых могилах скифских царей и знати.

Чертомлыцкая серебряная амфора представляет собою роскошный сосуд (начала IV в. до н. э.) для вина.[46] В соответствии с таким назначением сосуда внутри горла вделано ситечко для процеживания вина, а в нижней части приделаны львиные маски и крылатая голова лошади с отверстиями, которые закрывались серебряными пробочками. Через эти отверстия вино изливалось наружу. На плечах амфоры изображены грифоны, терзающие оленей. Туловище украшено пышными побегами аканфа, пальметами, цветами, на которых сидят птицы. Замечателен фриз на плечах амфоры, состоящий из рельеф-

* «Лошади у скифов хотя и невелики, но очень горячи и неукротимы», — сообщает Страбон (VII, 4, 8).

Рис. 17. Изображение скифов на чертомлыцкой серебряной амфоре. Начало IV в. до н. э. (Эрмитаж).

ных фигур, припаянных к стенкам сосуда и представляющих скифов в степной обстановке среди табуна (рис. 17). Скифы заняты поимкой пасущихся коней. Две лошади мирно щиплют

Рис. 18. Золотой гребень из кургана Солоха. Первая половина IV в. до н. э. (Эрмитаж).

траву, двух других бегущих лошадей скифы ловят арканами, одну лошадь скиф стреноживает, и т. д. Интересно, что тип небольшой, коренастой лошади и форма седла совершенно такие же, как на ножнах меча Чертомлыцкого кургана.

Не менее великолепен золотой гребень (рис. 18), найденный в скифском царском кургане Солоха (юго-восточнее города Никополя) первых десятилетий IV в. и являющийся произведением одного из выдающихся греческих художников, работавших на Боспоре. 19 зубьев гребня завершаются ажурным фризом, состоящим из пяти фигур лежащих львов.[47]

Верх гребня представляет скульптурную композицию боя, выполненную с исключительным художественным мастерством. Группа сражающихся состоит из трех воинов. В центре изображен, повидимому, скифский царь на коне с коротким копьем в правой руке и щитом в левой. У всадника смешанное греко-скифское вооружение: греческие шлем и поножи, надетые поверх штанов, и скифский чешуйчатый панцырь, стянутый пластинчатым скифским поясом, к которому подвешен колчан. Под вздыбившейся лошадью царя лежит на спине поверженная мертвая лошадь со скорченными ногами и раной на шее, из которой течет кровь. На всадника наступает пеший воин в варварской одежде, но в греческом шлеме и панцыре, сбоку на поясе висят ножны меча. Позади царя изображен пеший воин-скиф с непокрытой головою: в руках у него небольшой четырехугольный щит и короткий меч (акинак), на левой стороне висит такой же колчан, как у конного воина. С большой тщательностью показаны детали одежды и вооружения сражающихся. Изобразить так скифов мог только художник, хорошо знавший их внешний облик, нравы, быт.

В том же кургане Солоха найдены остатк игорита с 180 бронзовыми наконечниками стрел.[48] От горита, который был сделан из кожи, сохранилась обивка — покрывавшая его снаружи серебряная позолоченная пластина, украшенная чеканными изображениями (рис. 19). Вверху показаны лев и грифон, терзающие оленя, средняя часть пластины занята изображением сражения, на правом нижнем выступе представлены два грифона с звериными рогатыми головами.

С большой выразительностью передана художником картина боя, происходящего между варварами, одетыми в одинаковую, свойственную скифам, одежду: двубортный кафтан

Рис. 19. Серебряная обивка горита из кургана Солоха. Первая половина IV в. до н. э. (Эрмитаж).

с треугольным выступом спереди, широкие штаны, доходящие до щиколоток, мягкие сапоги. Внешность сражающихся различна, одни безбороды и имеют правильные черты лица, другие изображены бородатыми и курносыми. Слева мы видим бой между молодым полуобнаженным пешим воином и всадником. Пеший воин вооружен боевым скифским топором и щитом, которым он защищается от замахнувшегося на него копьем конного воина. Правее пеший воин с мечом в правой руке стаскивает с падающей, повидимому раненой, лошади всадника, который, едва удерживая выскальзывающий из руки меч, старается левой рукой освободиться от вцепившейся в волосы руки противника. Позади всадника видна фигура пешего воина. Показательно, что лица варваров, особенно с окладистыми бородами, весьма напоминают изображения сатира на пантикапейских статерах IV в. до н. э. Последнее еще более убеждает, что местом изготовления горита был Пантикапей.

К выдающимся произведениям боспорских торевтов, работавших в Пантикапее в IV в. до н. э., относится и знаменитый электровый сосуд из кургана Куль-оба (рис. 20). Форма этого сосуда, имеющего шаровидное туловище, свойственна многим металлическим сосудам, найденным в скифских курганах; она соответствует определенному типу скифских глиняных сосудов с той лишь разницей, что к куль-обскому припаяна снизу кольцеобразная подставка. Указанного типа круглые сосуды употреблялись у скифов при культовых церемониях, и, повидимому, куль-обский сосуд имел также ритуальное назначение.

Посредством чеканки и гравировки туловище сосуда украшено изображениями скифов, представленных на привале под открытым небом после боя.[49] Ландшафт показан условно: местами обозначены неровности почвы, поросшей кое-где цветами, которые должны напоминать растительный покров поля. Изображено на сосуде несколько сцен: военачальник слушает донесение воина; воин перевязывает раненую ногу товарища; воин лечит раненую или больную челюсть другого; воин натягивает тетиву лука. И здесь во всем видна превосходная осве-

Рис. 20. Электровый сосуд из кургана Куль-оба. IV в. до н. э. (Эрмитаж).

домленность художника: одежда, оружие скифов переданы с поразительным реализмом и знанием деталей.

Высокое мастерство художника ярко проявилось в прекрасной по своим тонким оттенкам характеристике каждой группы и отдельных персонажей. Величественна фигура военачальника опирающегося обеими руками на копье; полон напряженной сосредоточенности воин, занятый налаживанием лука; замечательно изображено бинтование ноги с характерным жестом терпящего боль раненого, инстинктивно хватающего левой рукой правую руку товарища, делающего перевязку; физическое страдание воина с больной челюстью великолепно передано не только выражением лица, но и всей сжавшейся от боли фигурой пациента, судорожно ухватившегося за руку врачующего товарища.

Другой серебряный сосуд, сходный с куль-обским по форме и по характеру изображений, (правда, в художественном отношении он значительно уступает куль-обскому), найден в скифском кургане близ Воронежа и является также произведением, вышедшим, вероятнее всего, также из какой-то пантикапейской мастерской.[50]

В произведениях боспорских торевтов отражен богатый запас непосредственных наблюдений, позволивший правдиво и точно воспроизводить не только внешний облик и быт местных жителей северного Причерноморья, но также их религиозную жизнь и верования. В этом отношении прекрасным примером может служить найденный в кургане Карагодеуашх (на Кубани) серебряный ритон конца IV в. до н. э., украшенный изображением культового содержания.[51]

Над фризом пальмет и поясом, содержащим прекрасно исполненные изображения птиц, представлены две обращенные одна к другой фигуры конных варваров. Справа изображен бог-всадник, возможно скифский бог Папай, благословляющий царя, который сидит на коне слева, держа в одной руке скипетр, а в другой — культовый сосуд-ритон. В чисто греческой художественной форме здесь даны образы присущих варварам религиозных представлений, с которыми художник

мог так близко познакомиться, только находясь в непосредственном общении с местным населением северного Причерноморья.

Небезинтересно сопоставить поименованные выше выдающиеся произведения художников-торевтов, работавших на Боспоре и досконально знавших жизнь скифов, с произведениями на темы из быта «варваров», изготовлявшимися в Греции художниками, которые не имели возможности непосредственно наблюдать этих варваров и общаться с ними. В этом отношении очень показательны вазы, выполненные одним из первоклассных афинских художников первой половины IV в. до н. э. — Ксенофантом.[51] Подписанные его именем два больших лекифа (сосуды для косметического масла) найдены: один в гробнице на окраине Керчи, другой — в насыпи так называемого Змеиного кургана, входящего в цепь курганов Юз-оба; обе вазы хранятся в Эрмитаже, где находится большинство лучших находок из курганов и некрополей Боспора.

Наиболее роскошен и художественно эффектен первый из упомянутых сосудов. Его туловище украшено обычными краснофигурными изображениями и наряду с этим большим числом мастерски исполненных рельефных фигур, раскрашенных многоцветными красками. Картина представляет двухъярусную композицию сцен охоты варваров на грифонов и вепрей. Охота происходит в какой-то экзотической стране, ландшафт которой охарактеризован высокой позолоченной пальмой и небольшими деревцами лавра. Часть охотников изображена пешими, один верхом на коне, один в колеснице. На черном фоне выступают изображенные в бурном движении фигуры вооруженных охотников, их собак, коней и преследуемых зверей, покрытые белой облицовкой и причудливо окрашенные поверх облицовки в розовые, голубые, фиолетовые, красные тона; сверх того, многие детали, в том числе даже такие, как бороды и волосы некоторых охотников, покрыты позолотой.

Художник явно делал эту роскошную вазу в расчете сбыть ее в северное Причерноморье, в Скифию, на Боспор. Поэтому-то он и избрал такой сюжет, в котором действующими лицами

являются не греческие персонажи, а варвары; объектом же охоты служат грифоны, легенды о которых как о хранителях скифского золота были так популярны в северном Причерноморье. Но, не имея достаточного представления о реальном облике скифов, их одежде, оружии, физическом типе, Ксенофант мог изобразить на своей лекифе лишь трафаретных, условных варваров, какими их рисовали художники в Греции, знавшие варваров понаслышке и по таким же условным изображениям, шаблон которых издавна установился в греческом искусстве. Для большей убедительности Ксенофант сопроводил фигуры охотников варварскими именами, но имена эти персидские.

В произведении Ксенофанта, импортированном на Боспор из Афин, нет и малой доли того замечательного «этнографического» реализма, подлинного знания жизни и внешнего облика скифов, какими отличаются произведения боспорских торевтов.

Эллинистический период с конца IV в. вносит значительные изменения в производство художественных металлических изделий. Обильной становится выделка преимущественно серебряной утвари, которая находила широкий сбыт как у богатых жителей крупных боспорских городов, так и у эллинизованных местных жителей в районах, ближайших к этим городам.

В гробницах Артюховского кургана, в земляном склепе Зеленского кургана[53] на Таманском полуострове и в других богатых погребениях найдены целые серии изящных серебряных сосудов ранне-эллинистического времени (рис. 21—22). Украшения этих сосудов состоят преимущественно из позолоченных растительных и орнаментальных мотивов, исполненных гравировкой и чеканкой мелкими пунсонами; детали обычно сделаны литьем. Больших изобразительных композиций, выполненных тиснением, как это делали в IV в., теперь уже нет.

Очень интересно развитие на Боспоре в эллинистический период нового стиля в ювелирном искусстве. В формировании этого стиля, достигшего наибольшего расцвета уже в римское время, играли большую роль усилившиеся в эллинистический период влияния Востока. Характерной особенностью его является полихромия, стремление к созданию ярких красочных сочетаний, которые достигались тем, что поверхность изделий из золота усеивалась цветными камнями (гранатами, сердоликами, бирюзой и пр.), вставками цветного стекла и эмали.

Боспор был одним из крупнейших центров на периферии античного мира, сыгравшим исключительно важную роль в разработке полихромного стиля и в широчайшем распространении его не только в северном Причерноморье, среди местных, особенно сарматских, племен, но и далеко за этими пределами.

Замечательные образцы ранних полихромных ювелирных изделий конца III в. до н. э. имеются в погребениях Артюховского кургана (на Таманском полуострове, близ Фанагории), служившего семейным некрополем какого-то очень зажиточного боспорца, вероятно грека, жителя Фанагории или Кеп.[53]

В одной из гробниц названного кургана погребена женщина в чрезвычайно богатом уборе, в состав которого входили многочисленные драгоценные предметы украшения. Голову украшала пышная золотая диадема, центральная часть которой сделана в виде большого узла, состоящего из золотой с эмалью оправы и вделанных в нее шести крупных гранат. Середина узла украшена рельефным изображением орла с распростертыми, расцвеченными эмалью, крыльями, несущего в когтях крылатого Эрота. К диадеме подвешены сирийские гранаты в форме шариков и сердечек с привесками из цепочек, на концах которых находятся ювелирно разукрашенные золотые шарики. Сочетание яркого золота с цветными камнями, дополненное вкраплением разноцветной эмали, является характерным проявлением полихромного стиля, который определяет собою основную линию развития боспорского ювелирного искусства в эллинистическое время.

Большой спрос на художественные металлические вещи и украшения из благородных металлов, исходивший как со стороны имущей торговой верхушки греческого населения Боспора, так и особенно со стороны разбогатевшей на торговле варварской знати, создавал чрезвычайно благоприятные усло-

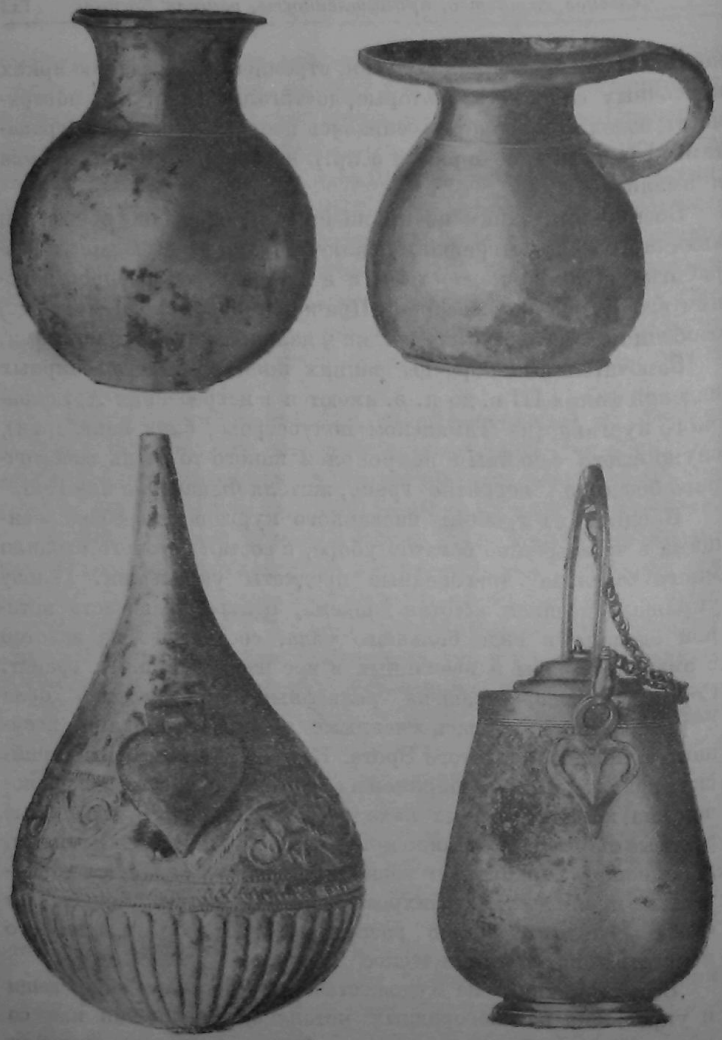

Рис. 21. Серебряные сосуды из Зеленского кургана. Конец IV в. до н. э. (Эрмитаж).

вия для плодотворной работы на Боспоре греческих ювелиров и торевтов. Перед ними в боспорских городах открывалось широкое поле деятельности ввиду наличия почти неограниченных возможностей сбыта дорогих художественных изделий.

Необходимость приспосабливаться к вкусам и запросам заказчиков и покупателей в лице, прежде всего, варварской верхушки способствовала тому, что блестящий расцвет металлического художественного ремесла на Боспоре сопровождался созданием своеобразных, оригинальных произведений, хотя и

Рис. 22. Серебряный килик из Зеленского кургана. Конец IV в. до н. э. (Эрмитаж).

выполненных в духе эллинского искусства, но отвечавших запросам местной среды. Именно благодаря этому боспорское ювелирное искусство и торевтика создали много таких в высокой мере оригинальных памятников, которые вошли ценнейшим вкладом в сокровищницу мирового искусства.

Широко развито было в городах Боспора керамическое производство. Изделия из глины играли очень важную роль в хозяйственном и домашнем быту. Не только столовая и кухонная посуда была преимущественно глиняной (рис. 23). Из глины выделывались все крупные сосуды—амфоры, пифосы, в которых хранились и транспортировались различные жидкие и сыпучие продукты. Глина употреблялась и в производстве таких строительных материалов, как кровельные черепицы, водопровод-

ные трубы, различные архитектурные украшения. Из глины выделывались различные мелкие предметы хозяйственного назначения: пряслица для ткацких веретен, гирьки для ткацких станков и т. п. Наконец, в художественном ремесле также значительное место занимали керамические изделия, прежде всего в виде различного рода глиняных статуэток.

Столь широкое применение глины обусловлено было, в частности, тем, что металлическая промышленность не могла удовлетворить нужду в изделиях широкого потребления достаточно дешевой продукцией, а стекло, хотя и известное в раннее время, получило широкое применение в производстве массовой обиходной посуды лишь с начала I в. н. э., когда было освоено дутье. До этого времени стекло шло лишь на выделку предметов украшения (бусы, подвески и т. п.) и роскоши (флаконы из пестрого стекла для ароматического масла).

При столь разнообразном применении глиняных изделий в обиходе древних, потребность в этих изделиях не могла всецело удовлетворяться импортом, хотя ввоз керамики, и прежде всего лучших сортов посуды, был всегда значителен в общей массе товаров, поступавших из Греции и Малой Азии в северное Причерноморье.

Гончарное производство возникло в греческих городах Боспора очень рано. Этому, конечно, способствовало и то обстоятельство, что сырье, т. е. глина, пригодная для гончарного дела, имелось почти повсюду. Раньше всего началась выделка простой посуды для удовлетворения нужд повседневного обихода, причем изготовление этой посуды на первых порах производилось переселившимися в северное Причерноморье греческими гончарами. Но по мере роста городов Боспора продукция боспорских гончарных мастерских расширялась и включала уже и некоторые категории гончарных изделий более тонких, глазурованных и расписных.

Смешение греческого и местного населения привело к тому, что в быт жителей боспорских городов стала постепенно входить скифо-сарматская посуда; от греческой она отличалась прежде всего тем, что ее делали без гончарного круга, посредством простой лепки от руки, а обжиг производили в более примитивных горнах.

Местная лепная посуда особенно прочно вошла в обиход менее обеспеченных групп населения боспорских городов. На протяжении столетий изменялись ее формы, а отчасти и характер выделки.

Рис. 23. Кухонные глиняные сосуды местного производства; верхний — V в. до н. э., нижний — I в. н. э.

Большое строительство в городах создавало потребность в керамических строительных материалах. В связи с этим стали возникать эргастерии («заводы»), изготовлявшие глиняные черепицы.

Значительный спрос на терракотовые статуэтки создал выгодные предпосылки для развития этой отрасли производства в боспорских городах, где уже в VI в. появились коропласты, как показала находка в Нимфее глиняных форм для изготовления статуэток.

Весьма важное значение имеют открываемые археологическими раскопками остатки производства в виде различного рода орудий и отходов. Такие остатки керамического производства обнаружены в ряде городов Боспора: в Нимфее (следы гончарных печей VI в. до н. э., гончарная печь I в. н. э.), в Пантикапее и Фанагории (гончарные печи III—IV вв. н. э.).

Особенный интерес представляют обнаруженные при недавних раскопках святилища Деметры в Нимфее следы керамического производства, существовавшего там уже во второй половине VI в. до н. э., что доказывает раннее возникновение в боспорских городах своего собственного изготовления глиняных изделий.[54] Остатки двух круглых небольших обжигательных печей, значительное количество бракованных изделий, покоробившихся, ошлаковавшихся, растрескавшихся при неудачном обжиге, а также находка муфтообразных глиняных подставок, на которые устанавливались сосуды при размещении их в обжигательной камере гончарного горна, — все это вполне убеждает, что в Нимфее уже вскоре после его основания были свои керамические мастерские, в которых работали, очевидно, приезжие мастера. Они изготовляли серо-глиняную посуду, которая шла и на удовлетворение бытовых потребностей жителей города и для нужд святилища.

Находка на территории святилища глиняных форм для производства терракотовых фигурок показывает, что и эта отрасль керамического дела на Боспоре ведет свое начало с очень раннего времени.

Но первоначально, как мы видим, керамисты, обосновавшиеся на Боспоре, делали статуэтки с помощью готовых привозных форм.

В ранний период при наличии весьма обильного импорта высококачественной посуды, в том числе и художественной, из Малой Азии и Греции производство художественной керамики на Боспоре не могло получить достаточно широкого развития. Местные боспорские гончары выпускали преимущественно простую хозяйственную посуду широкого потребления: кувшины, чаши, блюдца, миски и т. п. Художественная отделка этих изделий ограничивалась чаще всего простейшей орнаментацией в виде исполненных красной глазурью поясков.

Производство глиняной посуды на Боспоре приняло особенно широкие размеры, начиная с IV в. до н. э., в эллинистический период. При раскопках боспорских поселений наблюдается обыкновенно обилие керамики этого времени, изготовленной, несомненно, местными гончарами. Она достаточно разнообразна; наиболее распространенными типами обиходной посуды являлись: кухонные круглодонные двуручные горшки с крышками, сковороды, кувшины, большие массивные чаши со сливом, рыбные блюда, тарелки, блюдца, бальзамарии, светильники и др.

Большей частью формы названных сосудов восходят к широко распространенным в греческом мире типам. Некоторые разновидности простых глиняных сосудов (тарелочки, светильники и т. п.) сделаны как подражание формам привозной чернолаковой керамики. На Боспоре изготовлялась в некотором количестве и чернолаковая посуда. В эллинистический период там, так же как в Ольвии и Херсонесе, выделывались сосуды, украшенные росписью в виде растительных узоров, гирлянд, сочетающихся с орнаментом поясков.[55]

В конце IV в. на Боспоре возникло производство художественных расписных ваз, получивших значительное распространение в III и отчасти во II в. до н. э. Они известны под названием «акварельных» или полихромных ваз и представляют большой интерес как весьма оригинальная группа местной художественной керамики эллинистической эпохи.

Производство такого рода ваз на Боспоре (а затем и в Ольвии)[56] возникло вскоре после того, как Афины прекратили выделку и экспорт краснофигурных ваз. Полихромные вазы боспорского изготовления (местом их производства были, вероятно, Пантикапей и Фанагория) явились как бы своего рода заменителем чрезвычайно популярных и широко вошедших в быт в IV в. до н. э. аттических краснофигурных ваз. Поэтому в полихромных боспорских вазах, особенно более ранних, можно заметить не мало черт, роднящих их с краснофигурными вазами и указывающих на определенную преемственность. Сходство наблюдается и в формах сосудов, и в сюжетах росписи, и даже отчасти в некоторых технических приемах ее исполнения. Однако, отражая общие веяния и приемы, свойственные всей греческой вазовой живописи эллинистической эпохи, боспорские полихромные вазы представляют собой оригинальную группу произведений художественно-керамического производства.

Краски, которыми расписывались полихромные вазы, очень непрочны. Обычно такие вазы, обнаруживаемые в погребениях (а они почти исключительно там только и встречаются), имеют сильно разрушившийся от сырости красочный покров. Некоторыми исследователями было высказано предположение, что роспись на таких вазах наносилась минеральными красками, разведенными водой. Отсюда и возникло наименование акварельных ваз. Однако более специальное изучение показало, что в краски, употреблявшиеся при расписывании сосудов, вводилось еще и некоторое количество связующего вещества органического происхождения, возможно казеина. Поэтому название «акварельные» вазы надлежит рассматривать как чисто условное, не обоснованное техническими данными. Как уже указывалось, формы боспорских полихромных ваз в большинстве своем сходны с наиболее распространенными в краснофигурной аттической керамике формами: и там и здесь самым излюбленным типом являлась так называемая пелика — сосуд с округлым туловищем, широким горлом и двумя вертикальными ручками. Но, несмотря на близость форм боспорских

ваз к аттическим, они отличаются от последних несколько более грубым, технически менее совершенным исполнением. В них нет той изысканности пропорций и четкости формы, как у аттических ваз.

Прежде чем расписывать полихромными рисунками, вазу всю сплошь покрывали черной, вернее темносерой (реже красной) краской, поверх которой наносилась разноцветная роспись. Рисунки, таким образом, получались на черном фоне. Иногда черный (или красный) фон занимал пространство только между рисунками, сами же рисунки располагались на незакрашенных участках, оставленных в цвете глины. Этот прием особенно близок технике росписи краснофигурных ваз. Однако при расписывании краснофигурных ваз прежде всего создавался ограниченный чернолаковым фоном общий силуэт изображаемого объекта в цвете глины, а затем уже посредством кисти художник в пределах этого силуэта прорисовывал линиями все внутренние детали, достигая нужной выразительности средствами графики. Лишь некоторые части изображений на краснофигурных вазах «роскошного» стиля расписывались еще разноцветными красками — белой, голубой, золотой; однако основа рисунков и при этом оставалась все же линейно-графической.

Полихромия, свойственная поздним стадиям краснофигурной вазописи как вспомогательное средство, у боспорских керамистов стала основным приемом исполнения росписи. На полихромных вазах рисунок наносился разноцветными густыми красками — белой, желтой, красной, лиловой, розовой, голубой; лишь иногда весь рисунок исполнялся одной бурокрасной краской; встречается на полихромных вазах и позолота. Для достижения большей яркости тонов предварительно поле рисунка нередко грунтовалось белой краской. Вазы более ранние по манере исполнения росписи еще обнаруживают сильную зависимость от аттической краснофигурной керамики; художники, расписывавшие вазы разноцветными красками, не могли полностью отрешиться от линии как руководящего элемента рисунка.

Но в дальнейшем боспорские вазописцы уже действуют смелее, переходя к чисто живописной манере, причем особенно интересно, что они, стремясь к рельефности и объемности изображаемых цветных фигур, начинают применять световые блики, наносимые белой краской. Правда, местные художники решительно упрощают греческие орнаменты, отчасти привносят несвойственные последним дополнения, т. е. по-своему перерабатывают то, что уже прочно установилось в искусстве греческой метрополии. Порой рисунки на полихромных вазах кажутся несколько грубоватыми и небрежными; в них наблюдаются подчас и явные анатомические неправильности, особенно при изображении фигур в движении. Но в общем все же в этих нарядных ярких рисунках столько свежести и подлинной живописности, что боспорские полихромные вазы, безусловно, могут быть причислены к значительным явлениям местного художественного ремесла эллинистической эпохи.

Что касается сюжетов росписи, то в этом отношении боспорские полихромные вазы не вносят чего-либо существенно нового. В основном они продолжают воспроизводить те же мифологические сцены, которые раньше были весьма популярны в краснофигурных вазах, изготовлявшихся в Афинах и предназначавшихся, главным образом, для сбыта в северном Причерноморье. Наиболее излюбленными были изображения амазонок, сражающихся с греками, грифонов, борющихся с аримаспами или амазонками; реже изображались голова амазонки рядом с головой коня, эроты на дельфинах, сирены. На обороте ваз обычно помещалось традиционное, часто весьма схематически исполненное, изображение двух мужских фигур, задрапированных в гиматии.

Особо следует отметить полихромные вазы, которые украшены лишь растительными мотивами в виде гирлянд и веток. Этот чрезвычайно распространенный в греческой расписной керамике эллинистического времени прием декоровки сосудов получил на боспорских полихромных вазах необычное выражение, сказавшееся в крайнем изобилии этих растительных украшений, которыми сосуд покрывался сверху донизу.

На рис. 24 воспроизведено одно из особенно интересных и не совсем обычных произведений, принадлежащих к группе боспорских акварельных ваз. Это найденный в Керчи глиняный одноручный сосуд, почти вся поверхность которого покрыта красной краской, исключая переднюю часть, где в цвете глины оставлен овальный участок. На нем с большой выразительностью написана красками голова бородатого мужчины, в которой, очевидно, переданы портретные черты какого-то неизвестного нам боспорца. Наложением светлых бликов на некоторые части лица, иными словами, путем передачи светотени, художник живописно его моделировал. Вместе с тем контуры головы, шеи и плеч смело очерчены черной широкой линией, благодаря чему изображение головы особенно рельефно выступает из общего фона.

Рис. 24. Полихромный сосуд с изображением мужской головы. III в. до н. э. (Одесский музей).

Приведенный пример убеждает в том, что над изготовлением акварельных полихромных ваз в боспорских городах работали весьма незаурядные местные мастера.

Когда в связи с общим экономическим подъемом в боспорских городах стали производиться большие строительные работы, которые вызывали широкий спрос на различные строительные материалы, то в Пантикапее, Фанагории, а затем и в Горгиппии, начиная с половины IV в. до н. э., было быстро налажено массовое производство глиняных черепиц, служивших для покрытия кровель.[57] Черепицы выделывались обычного греческого типа — в виде прямоугольных массивных плит, размерами

50 × 60 см (вес их достигал 29 кг), имеющих по продольным краям вертикальные бортики; точно такие же черепицы выделывались на острове Делосе, в Пергаме и других местах.

Эти основные черепицы (κεραμίδες) укладывались на крыше рядами так, что нижние концы вышележащих черепиц налегали на верхние концы нижележащих. Чтобы вода не могла проникать в швы боковых стыков черепиц-керамид, последние покрывались сверху особыми покрышками (καλυπτῆρες), имевшими снизу форму желоба; снаружи им придавалась граненая форма. Те калиптеры, которые выходили своими концами на край кровли, снабжались на переднем конце вертикальными щитками-антефиксами с рельефными украшениями, чаще всего в виде пальметок; иногда же на антефиксах помещалось изображение маски Медузы, которой приписывалась магическая сила отвращать злых духов. Внешняя поверхность черепиц часто покрывалась темнокрасной глазурью в целях придания черепицам большей сопротивляемости разрушительным действиям атмосферных осадков.

Благодаря клеймам на черепицах нам известны имена многих владельцев боспорских черепичных эргастерий. Среди них встречаются имена представителей боспорской знати, а также имена царей. Есть такие клейма, которые вполне определенно свидетельствуют, что выпустившее эти черепицы предприятие было собственностью «царя Спартока» (клеймо гласит: «Σπαρτόκου βασιλέως»), — имеется в виду Спарток III.

Большое количество боспорских черепиц III в. до н. э. носит на себе клеймо, содержащее одно слово «βασιλική» — «царская». Такое клеймо обозначало, что «(керамида) царская», т. е. изготовлена на царском черепичном эргастерии. На калиптерах, изготовлявшихся там же, обычно ставилось клеймо «βασιλικός» — «(калиптер) царский».

Торговля черепицами была весьма прибыльным делом, и это обстоятельство обусловило определенный интерес к данной отрасли производства у представителей боспорской знати и царей. Обзаведясь черепичными эргастериями, они извлекали из этого дела солидные доходы.

Изготовление черепиц на Боспоре продолжалось и в римское время, когда черепицы уже не клеймились. В отличие от черепиц времени Спартокидов, более поздние боспорские черепицы не отличались столь высоким качеством и тщательностью работы.[58]

Гончарное производство было развито и в боспорских окраинных поселениях. Остатки керамического производства обнаружены при раскопках прикубанского боспорского города у станицы Елизаветинской. Там открыто несколько обжигательных горнов эллинистического и римского времени.[59] В керамическом производстве здесь применялся гончарный круг и другие приемы, свойственные греческой керамике. Вероятно, организаторами гончарного производства во многих прикубанских поселениях были боспорские гончары, переселившиеся туда вследствие значительного спроса на керамические изделия. Выпускавшаяся такими гончарными мастерскими посуда имела своеобразные формы, в основе которых нередко лежали формы греческой керамики, но более упрощенные, переработанные в соответствии с местными вкусами и традициями.

В крупных поселениях в низовьях Дона также существовали свои гончарные мастерские, выпускавшие обычные для греческих городов изделия.

На восточной окраине Танаиса (Недвиговское городище) при раскопках были обнаружены две обжигательные гончарные печи III—II вв. до н. э. Одна из них (длиной 2.13 м, шириной 1.40 м) была впущена в землю и имела стены, сложенные из камней. В отличие от обычных обжигательных печей, у нее под обжигательной камеры был сделан из железных полос и имел вид решетки, напоминающей колосники современных печей. Находка около печи большого количества обломков глиняной посуды и пифоса, наполненного глиной, подтверждает предположение о том, что это была гончарная печь. К тому же внутри самой печи оказались четыре разбитые амфоры, на горлах которых имелись знаки, исполненные красной краской.[60] Очевидно, такие товары, как вино и масло,

поступавшие извне в Танаис, доставлялись далее в поселения Придонья в амфорах местного производства.

Как правило, керамические мастерские располагались на окраине городов в ремесленных кварталах или вне городской черты, что вызывалось соображениями пожарной безопасности. Остатки производственных сооружений (гончарные печи) показывают, что в техническом отношении керамическое производство в боспорских городах стояло на достаточно высоком уровне.

Разнообразные строительные работы, производившиеся в городах Боспора, требовали большого количества различных строительных материалов. Они нужны были для возведения оборонительных сооружений, для постройки частных и общественных зданий. Для устройства вымосток улиц, площадей, дворов основным строительным материалом являлся естественный камень. Возможности добычи строительного камня не везде были одинаковы. Города европейской части Боспора находились в благоприятных условиях, поскольку Керченский полуостров богат залежами известняков, являющихся прекрасны мстроительным материалом. В то же время города азиатской стороны были в значительно худшем положении, так как многие из них, в том числе Фанагория, не имели поблизости месторождений строительного камня и поэтому вынуждены были доставлять его из других районов, в частности с Керченского полуострова.

В районе Танаиса известняк добывался в местных каменоломнях. Но в придонских, как и в прикубанских, поселениях античной эпохи, в которых жило значительное количество негреческого населения, последнее очень широко применяло для строительных целей глину: стены жилых домов и хозяйственных построек строили, главным образом, глинобитным способом.

Добыча камня росла по мере расширения городов и увеличивавшегося в связи с этим спроса на строительные материалы. В наиболее ранний период, когда жизнь в колониях еще только начиналась, строители прибегали к камню экономно, применяя

его преимущественно лишь для сооружения основания стен, цоколей; сами же стены воздвигались из сырцовых необожженных кирпичей.[61] В дальнейшем значение камня как строительного материала все более увеличивалось, особенно в связи с сооружением оборонительных городских стен и башен, требовавшим огромного количества камня.

Строительный камень шел также на постройку гробниц и погребальных склепов, представлявших собой нередко весьма внушительные по размерам монументальные сооружения. Немало хорошего камня потреблялось местными скульптурными мастерскими, изготовлявшими особенно в большом количестве надгробия, т. е. каменные плиты с надписями и рельефами для установки на могилах.

Камень употреблялся в строительном деле различный — в виде бута, т. е. необработанных, грубо наколотых кусков камня, и в виде правильной формы плит, подвергнутых тщательной отеске. В монументальных постройках (крепостные стены и т. п.) тесаные плиты применялись только для облицовки фасадов стен, внутреннее же пространство стен заполнялось бутовыми камнями и глиной. Формы кладок из тесаных плит видоизменялись с течением времени; в различные периоды существовали свои излюбленные приемы внешней обработки плит и типы кладок.

Камень добывали в открытых карьерах или подземных каменоломнях. Грубый камень, бут выламывали при помощи клиньев и молотов, на место постройки такой камень доставляли уже в готовом виде. При кладке стен из бута камни иногда слегка обкалывали, придавая им постелистую форму, промежутки между бутом защебенивали, причем вся кладка велась обычно на глине. Что касается штучных камней, то на месте добычи они подвергались лишь получистой теске; окончательная отеска производилась уже на постройке.

Инструмент античного каменотеса был несложен; сюда входили кирка, долото, скарпель, молоток. Мягкие породы известняков позволяли применять топор, пилу. Чистая отеска поверхности камня производилась обычно зубаткой, следы

которой часто видны на различных архитектурных деталях.[62]

В классический и эллинистический периоды кладки стен из тесаных камней производились насухо, без применения вяжущих растворов; при этом подгонка камней друг к другу делалась чрезвычайно тщательно. Отдельные тесаные камни в монументальных постройках скреплялись между собой металлическими скобами и пиронами (стержнями). Употреблялись также временные деревянные скрепы, для которых в рядом лежащих плитах делались вырубки в форме обращенных друг к другу вершинами усеченных треугольников («ласточкины хвосты»). Такие деревянные вкладыши предотвращали деформацию кладки во время осадки стен; в дальнейшем они уже не имели значения и истлевали внутри стен, не нарушая их прочности.

Покрытия зданий как общественных, так и частных делались из глиняных черепиц. В редких случаях для устройства кровли применялись и мраморные черепицы. Образцы таких мраморных черепиц, но уже римского времени, были найдены в Пантикапее и Фанагории.[63] Мрамор, применявшийся в строительном деле, доставлялся из Малой Азии и Греции.

Жженый кирпич в доримское время в строительном деле не употреблялся. Даже на такие постройки, как гончарные горны, шел сырцовый кирпич, обычно с примесью самана.

Основной рабочей силой, применявшейся во всех отраслях материального производства Боспора, были рабы.[64] Купцы-работорговцы скупали рабов, главным образом, у кочевников. Одним из крупных рынков, куда кочевники доставляли рабов для продажи их греческим купцам, как известно, служил город Танаис.

Во время военных столкновений с окружающими племенами в рабов, несомненно, превращались те военнопленные, которые попадали в руки боспорских царских войск.[65]

Рабы на Боспоре были сосредоточены в большом количестве, главным образом в крупных городах, где они эксплоатировались в различных отраслях производства и составляли челядь богачей.

Высказывалось предположение, что боспорские цари имели свои большие поместья, в которых эксплоатировались рабы. Существование таких царских сельскохозяйственных поместий возможно, хотя в источниках они не упоминаются. Известно, однако, что аппарат государственного управления при Спартокидах состоял из штата управляющих селами.[66]

Такая структура административного устройства экономически оправдывалась, вероятно, тем, что в царские амбары поступал хлеб прежде всего от сельского населения, состоявшего из мелких зависимых земледельцев. Последние несли определенные повинности и отдавали боспорскому царю значительную часть своего урожая, так как земля, которую обрабатывали земледельцы, считалась царской. Подобная форма эксплоатации была широко известна в античном мире, и обычно греки определяли положение человека, находившегося в таком состоянии, как среднее между рабом и свободным, ссылаясь обычно в качестве аналогии на спартанских илотов.[67] Этот способ эксплоатации местного негреческого земледельческого населения был весьма распространен в греческих торгово-аграрных колониях.[68]

Наиболее обстоятельные сведения известны в отношении Гераклеи Понтийской. Населявшие прилегающую к этому городу землю местные жители — мариандины— были превращены гераклейцами в зависимых δωροφόροι, приносителей даров.[69] Мариандины должны были отдавать гераклейцам в виде «оброка» определенную часть продуктов своего хозяйства. По выражению греческого писателя Посидония (в передаче Афинея), мариандины «доставляют гераклеотам все необходимое», чем и было обусловлено их наименование δωροφόροι.[70] Власть гераклейцев над мариандинами была ограничена в том отношении, что они не имели права продавать мариандинов за пределы данной области; внутри же ее гераклейцы могли свободно распоряжаться мариандинами и эксплоатировать их подобно рабам.

Греческие писатели объясняли такое положение мариандинов как результат некоего добровольного соглашения,

вызванного тем, что мариандины, осознав слабость своих способностей, решили подчиниться и пойти в услужение «более разумным» греческим колонистам. Конечно, эта версия ничего общего с истинным положением дела не имела и являлась лишь ярким проявлением идеологии греческих рабовладельцев, считавших свое господство над варварами и право на их эксплоатацию явлениями естественными, предопределенными самой природой.

Отраженное греческой литературой мнение, что мариандины добровольно, без сопротивления покорились гераклейцам, могло быть порождено отчасти тем обстоятельством, что в Гераклее Понтийской, как и в других аграрных античных колониях, эксплоатация сельского населения, состоявшего из коренных местных жителей-варваров, осуществлялась греками совместно с тесно спаявшейся с ними варварской знатью. Слияние этих социальных групп на основе общности экономических интересов могло значительно облегчить самый процесс подчинения местного населения, поскольку его собственный верхний слой, т. е. варварская знать, соблазняемая возможностями обогащения, быстро находила общий язык с рабовладельческой верхушкой торговых греческих городов. Тем самым могло создаваться впечатление мирного «врастания» античных греческих колоний в среду местного варварского населения, будто бы с полной готовностью соглашавшегося безропотно работать на своих эксплоататоров.

Взаимоотношения греков-колонистов с местным варварским населением, подобные тем, которые существовали между гераклейцами и мариандинами, имели место также в Византии.[71] Город Византий был не только узловым торговым центром и очень крупным пунктом рыбного промысла в южном Причерноморье, но обладал также и обширной плодородной областью, приносившей немалые доходы. Земли эти обрабатывались руками крестьян вифинцев. По словам Филарха, византийцы «господствовали над вифинцами, как лакедемоняне над илотами».[72] Эти зависимые сельские жители из состава

коренного населения в эллинистическое время официально именовались λαοί — термином, широко распространенным в эллинистических государствах Малой Азии. По мирному договору 219 г., заключенному между Византием и вифинским царем Прусием I, последний обязывался вернуть византийцам без выкупа «земли, укрепления, зависимых крестьян (λαούς) и военнопленных».[73]

Малоазийский город Приена таким же образом использовал труд местных крестьян Πεδιεῖς, обитавших на равнине реки Меандр.[74] Земля считалась собственностью полиса, а обрабатывавшее угодья приенских землевладельцев исконно местное население обязано было им выплачивать «оброк», выполнять различные повинности и т. д. Эксплоатируемые проявляли нередко попытки освободиться от хозяйничанья приенцев. Этим объясняется, что Πεδιεῖς при возможности помогали врагам Приены. Так во время борьбы последней с Магнесией Πεδιεῖς были на стороне магнесийцев.[75]

В подобном положении зависимых непосредственных производителей оказались сельские жители ряда областей Сицилии в результате возникновения и развития там греческих колоний.[76] Сицилийских жителей — килликирийцев, обрабатывавших землю в поместьях сиракузских землевладельцев γαμόροι, Аристотель сравнивал со спартанскими илотами, фессалийскими пенестами и критскими кларотами, т. е. с такими группами эксплоатируемых в античном обществе крестьян, которые, будучи как бы прикрепленными к земле, вели свое хозяйство, выплачивая дань, «оброк» землевладельцам.[77]

Следует особо отметить, что эксплоатация зависимых крестьян широко применялась и в Милете, притом уже в архаический период. Милетская знать, πλούσιοι, — это были очень часто не только богатые купцы, но одновременно и крупные землевладельцы, которым принадлежали большие поместья в окрестностях Милета.[78] Из сообщения писателя Гераклида известно о восстании, поднятом низами против πλούσιοι, владевших «поместьями и плебеями (τῶν τὰς οὐσίας ἐχόντων καὶ τῶν δημοτῶν), которых называли гергитами; прежде это был

сильный народ».[79] Гергиты, представляли собой какое-то местное племя, которое было обращено в бесправное эксплоатируемое сельское население. Оно сидело на своих старых землях, ставших с каких-то пор собственностью милетской знати.

Естественно, что милетские колонисты и на Боспоре могли стремиться к установлению аналогичных порядков в использовании труда местного сельского населения. Это могло быть в известной мере облегчено здесь еще и тем, что до некоторой степени сходные формы социально-экономических взаимоотношений существовали у самих варваров между земледельческими оседлыми и кочевыми племенами. Номады обычно облагали данью земледельческое население.

Характеризуя причерноморских кочевников, Страбон пишет, что они «войны ведут из-за дани (ὑπὲρ τῶν φόρων): предоставив землю желающим заниматься земледелием, они довольствуются получением назначенной ими умеренной дани, не для обогащения, а для удовлетворения ежедневных жизненных потребностей; в случае же неуплаты дани [земледельцами] начинают с ними войну... Не платят им те, которые уверены в своих силах так, что могут или легко отразить нападение, или воспрепятствовать вторжению».[80] По мере роста торговли и возможностей выгодного сбыта товаров греческим купцам эти притязания кочевников на дань от земледельческого населения, безусловно, увеличивались и теряли свой некогда «умеренный» характер. Поскольку такого рода даннические отношения широко практиковались у варваров, тем легче было боспорцам принудить обитавшее на землях Боспорского царства и подчиненное ему сельское население платить φόρος.

Прямым подтверждением существования на Боспоре зависимых земледельцев в более позднее время является надпись 151 г. н. э., в которой говорится, что посвященные богине, повидимому Афродите, неким Литодором земли с населявшими ее пелатами, с течением времени уменьшившиеся, были снова восстановлены в первоначальных размерах благодаря заботам царя Римиталка (IPE, II, 353). В надписи речь идет о пожертвованной храму Афродиты земле вместе с жившим

на ней сельским населением, доходы от эксплоатации которого поступали в храмовую казну. Население это именуется пелатами (πελάται) — термином, который у греков обозначал полусвободных, зависимых людей, синоним римских клиентов.[81]

Этот способ эксплоатации земледельческого населения на Боспоре, наиболее, повидимому, распространенный[82] и применявшийся, несомненно, уже с очень ранней поры, не исключал того, что немалое количество и покупных рабов эксплоатировалось отчасти в землевладельческих хозяйствах, особенно же в промышленных предприятиях. Археологические остатки различного рода материальных производств, открытые на Боспоре, и достаточно крупные их масштабы, свидетельствующие о широко развитых боспорской ремесленной промышленности, строительном деле, рыбных промыслах, виноделии, а также письменные сведения о существовании обширного боспорского флота, — все это в совокупности служит косвенным доказательством широкого применения рабского труда.

Значительное накопление богатств в руках господствующей верхушки в периоды экономического подъема государства свидетельствует о наличии на Боспоре крупных собственников в различных отраслях материального производства.

Как в других местах античного мира, так и в Боспорском государстве рабство и близкая к нему форма эксплоатации закрепощенных сельских жителей не исключали существования мелких свободных собственников, свободных ремесленников, равно как не исключалось и применение наемного труда. Но эти формы производственных отношений не были основными, определяющими, поскольку главные отрасли хозяйства базировались в основном на эксплоатации труда рабов и зависимых земледельцев.

Глава седьмая

БОСПОРСКИЕ ГОРОДА

Одновременно с ростом экономического могущества Боспорского государства развивались и росли его города. Наряду с многочисленными сельскими поселениями и деревнями на Боспоре было не мало крупных городов. Главнейшие из них находились в приморской полосе, на побережье Боспора Киммерийского.

Главным городом государства был город Пантикапей, «столица боспорцев»,[1] «метрополия всех милетских городов Боспора».[2] Некоторые греческие писатели называют его «знаменитым городом Боспора».[3] Здесь была резиденция боспорских царей, центр государственного управления, самый крупный порт, торгово-промышленный и культурный центр государства.

Сжатую, но весьма выразительную характеристику Пантикапея дал Страбон: «Пантикапей представляет собою холм, со всех сторон заселенный, окружностью в 20 стадий [около 3.5 км, — *В. Г.*], с восточной стороны от него находится гавань и доки, приблизительно на 30 кораблей, есть также акрополь; основан он милетянами».[4] Этому же автору принадлежит определение экономического значения боспорской столицы, являвшейся, как он указывает, складочным местом для товаров, привозимых с моря.[5] Следовательно, товары поступали в Пантикапей, и отсюда уже купцы развозили их по Боспору и транспортировали за его пределы.

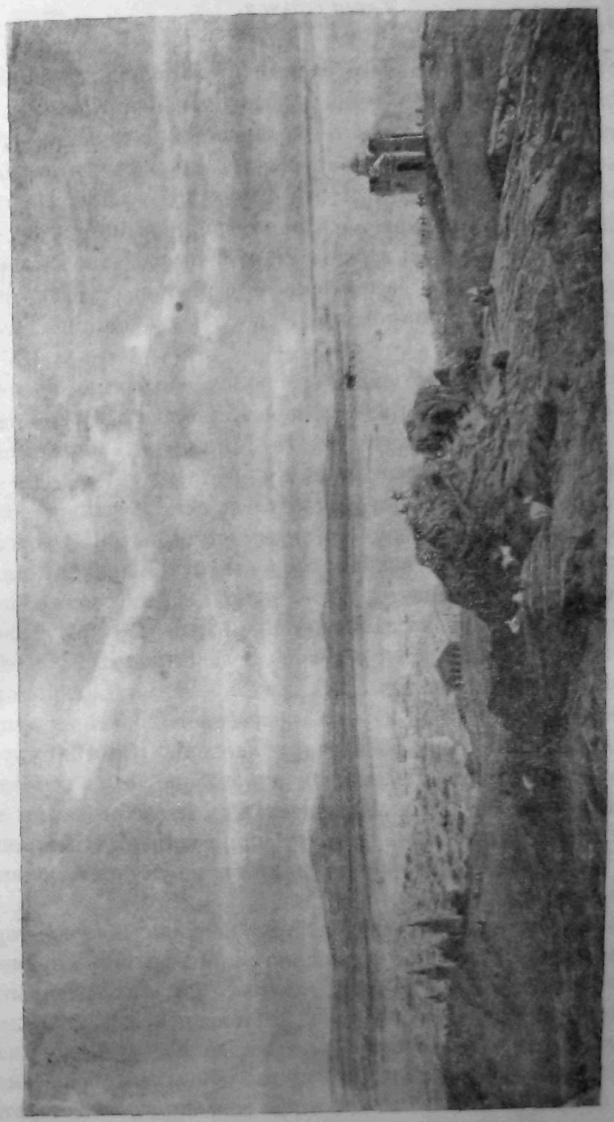

Рис. 25. Вид с горы Митридат в Керчи (акрополь древнего Пантикапея) на северо-восток.

«Холм, со всех сторон заселенный» — это теперешняя гора Митридат в Керчи, на склонах и у подножья которой располагались кварталы древнего Пантикапея; вершина горы служила акрополем. С пантикапейского акрополя открывается прекрасный вид (рис. 25). Почти к самому подножью горы Митридат подходит подковообразная обширная бухта (Керченский залив), являвшаяся гаванью Пантикапея. Далее на восток простирается пролив, а за ним сквозь дымку выступают очертания берега азиатской стороны Боспора (теперешний Таманский полуостров).

С акрополя хорошо виден расположенный на северном берегу Керченской бухты мыс (теперь Карантинный), где находятся остатки боспорского города Мирмекия, ближайшего к столице крупного населенного пункта.

С севера, запада и юга раскинулась всхолмленная степь с разбросанными повсюду древними курганами. Особенно замечателен ландшафт южной стороны, где равнина, тянущаяся от Керчи, замыкается возвышенностью, по хребту которой идет с востока на запад длинная цепь холмов с насыпанными на них курганами, носящими название Юз-оба («Сто холмов»). Это один из самых богатых курганных некрополей Боспора. Гряду холмов Юз-оба пересекает дорога, ведущая из Пантикапея в город Тиритаку (теперь Камыш-бурун).

Развалины города Пантикапея никогда не были объектом систематических раскопок. Значительная часть развалин его застроена новым городом. Поэтому при различных земляных работах в Керчи обычно наталкиваются на остатки древних сооружений, могил и пр.

Раскопки незастроенных участков пантикапейского городища на горе Митридат и ее вершине велись время от времени на протяжении XIX в., но не столько в целях раскрытия остатков древнего города, его улиц и площадей, хозяйственно-производственных построек и частных домов, храмов и дворцов, сколько ради отыскания отдельных ценных находок — надписей, статуй, ваз и т. п.[6] Лишь в 90-х годах прошлого столетия археологом К. Е. Думбергом была сделана попытка органи-

Карта Боспора Киммерийского с обозначением древних городов.

зовать планомерные раскопки остатков города Пантикапея. В течение трех летних сезонов успешно велись археологические исследования на северном склоне горы Митридат, где удалось вскрыть довольно значительный участок античного города. Под насыпью в 5—6 м толщиною были открыты различные постройки и найдено много разнообразных вещей, характеризующих культуру и быт жителей боспорской столицы в различные периоды ее существования. Но раскопки эти вскоре были прерваны; в последующие десятилетия производились временами небольшие эпизодические раскопки, и только в самое последнее время, начиная с 1945 г., стали вестись под руководством В. Д. Блаватского систематические археологические исследования пантикапейского городища. Указанные выше обстоятельства являются причиной того, что о Пантикапее как о городе известно еще сравнительно мало.

Пантикапей был окружен двойной линией крепостных стен. Одна стена охватывала на большом протяжении весь город, другая окружала верхнюю часть горы и служила защитой акрополя. Следы этих стен были заметны в начале XIX в., и тогда же их нанес на план Дюбрюкс — первый археолог, начавший в Керчи с 1816 г. исследования боспорских древностей, в частности городищ; но этот подробный план руин Пантикапея впоследствии затерялся.[7] Сохранились другие планы (Дюбуа, Ашика), составленные менее точно, но все же, повидимому, передающие в основных чертах действительную конфигурацию оборонительных стен Пантикапея (рис. 26).[8]

В первые десятилетия XIX в. были еще видны следы ворот, имевшихся в оборонительных стенах, а также башен; различимы были даже линии некоторых древних улиц. По мере роста нового города Керчи все эти выступавшие на поверхности остатки древнего города скоро совсем исчезли.

В начале нынешнего столетия во время раскопок, ведшихся на северном склоне горы Митридат с целью отыскания древних могил, обнаружились следы оборонительной стены Пантикапея, ограждавшей город с юга. Стена шла от скалистого выступа, носящего название 2-го кресла Митридата, по склону в сторону

Госпитальной улицы. В стене толщиною 3 м оказались использованными в качестве строительного материала надгробные плиты с надписями IV в.[9] Следовательно, стена эта построена или в поздне-эллинистическое или в римское время, когда город достиг наибольших размеров. Остатки стены, оборонявшей акрополь, были частично обнаружены раскопками 1930 г. на восточной стороне горы Митридат, несколько ниже плато акрополя. Выявленные здесь фундаменты стены имели в ширину почти 4 м. Стена, вероятно, служила одновременно и для целей обороны и для укрепления верхней террасы горы, где находился акрополь.

На акрополе были расположены храмы наиболее почитаемых богов; там же или на одной из боковых верхних террас находился дворец боспорских царей. При раскопках на акрополе были открыты водостоки и цистерны для хранения запасов дождевой воды. На вершине горы Митридат и ее склонах, особенно восточном, находили много архитектурных деталей (капители, барабаны колонн и пр.), плиты мрамора различных форм и цветов (белого, красного, зеленого, черного, серого, пестрого), куски расписной стенной штукатурки, что указывает на некогда существовавшие здесь монументальные роскошно отделанные здания. Немало архитектурных частей (обломки карнизов, колонн) классического и эллинистического периодов обнаружено в остатках стен построек, возникших в более позднее время, при возведении которых старые сооружения использовались как строительный материал.

По всей вероятности, на пантикапейском акрополе, или у его подножия с северной стороны, стоял храм Деметры — богини, особенно почитавшейся на Боспоре как покровительницы хлебного урожая, от которого зависело благосостояние жителей. На акрополе найдена мраморная база алтаря конца V в. до н. э., украшенная скульптурным рельефом с изображением процессии, происходящей, повидимому, в честь богини Деметры.[10] На акрополе же обнаружена и посвятительная надпись Деметре времен Левкона I (IPE, II, 7), а на северном склоне горы Митридат найден большой мраморный бюст

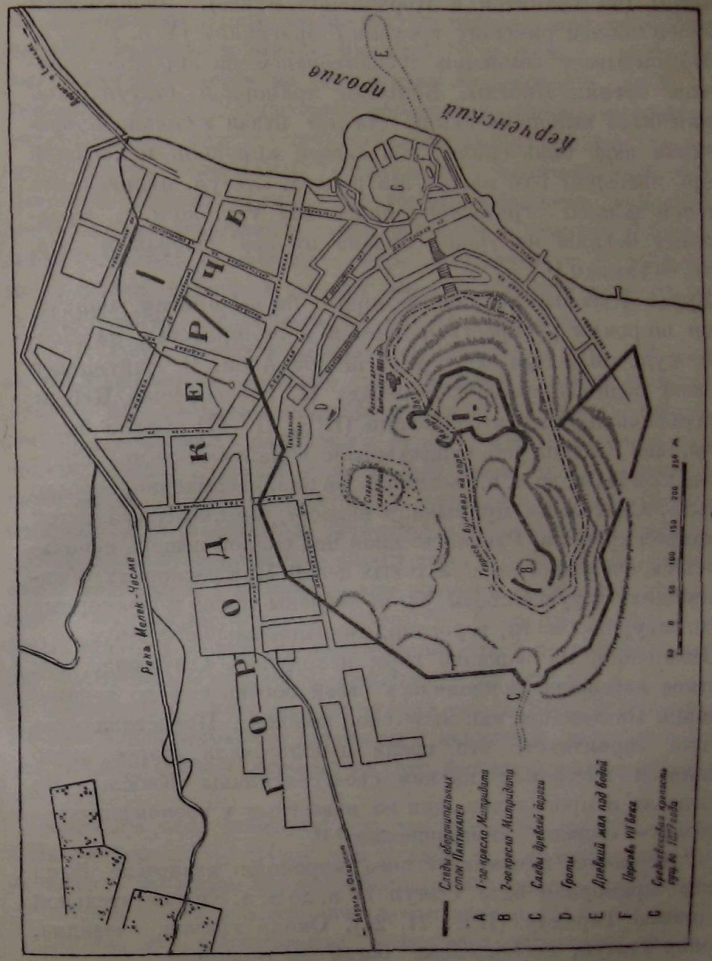

Рис. 26. План города Керчи с обозначением следов древних оборонительных стен Пантикапея (По Анику).

Деметры (он хранится в Керченском музее), являющийся хорошей копией римского времени с оригинала IV в. до н. э.

Не вызывает сомнений существование на акрополе святилища богини Кибелы. Большая мраморная статуя этой богини была выкопана свыше ста лет назад в сильно поврежденном виде близ скалы, венчающей акрополь и носящей теперь название 1-го кресла Митридата. Статуя, являющаяся римской копией с греческого оригинала V в. до н. э., представляет богиню на троне; справа от нее изображен лев, слева — тимпан.[11]

Культ Кибелы, родиной которого была Фригия, пользовался широким распространением и популярностью на Боспоре, куда он и был занесен из Малой Азии. В Пантикапее найдена надпись времени Перисада II, посвященная Кибеле Фригийской жрицей этой богини (IPE, II, 17). Стало быть, святилище Кибелы уже существовало в Пантикапее при Спартокидах, в III в. до н. э.; возникло же оно, несомненно, гораздо раньше. Святилище примыкало непосредственно к скалистой вершине акрополя. Расположенная под скалой пещера использовалась, очевидно, для культовых целей. При раскопках, обнаруживших статую Кибелы, были найдены также и мраморные архитектурные части, вероятно, принадлежавшие храму.

Возможно, на вершине горы находилось святилище, где местное население поклонялось своей богине еще до возникновения Пантикапея как милетской колонии. Представляется весьма вероятным, что греки использовали старое место культа и построили на нем свое святилище Кибелы. Не отсюда ли и происходит один из известных у греков эпитетов Кибелы — «богиня киммерийская»? [12]

С вершины пантикапейского акрополя извлечена была также мраморная база статуи IV в. до н. э. с посвятительной надписью Гераклу (IPE, II, 24). Около храмов, очевидно, стояли статуи, посвященные богам и героям.

Святилище Диониса находилось вне акрополя, в южной части города, у подножия горы. Развалины его были случайно обнаружены в 1865 г. при земляных работах во дворе одного

из керченских домов (ныне ул. Свердлова); при этом была найдена мраморная статуя Диониса IV в. до н. э., изображение которой имеется на боспорских монетах I в. до н. э.[13] (табл. III, *50—51*). Множество обломков различных скульптур, обнаруженных там же, представляют собою остатки ценных приношений, сделанных святилищу почитателями бога Диониса. Можно думать, что где-то поблизости находился театр, тесно связанный у древних греков с культом Диониса. Хотя остатков античного театра в Пантикапее, несмотря на предпринимавшиеся поиски, еще не обнаружено,[14] но его существование представляется весьма вероятным.

У Полиена имеется интересный рассказ о том, как один из противников боспорского царя Левкона I, желая выведать нужные ему сведения (размеры боспорских городов, численность их населения), направил к Левкону с разведывательными целями посла, который должен был вести дипломатические переговоры. Посла сопровождал славившийся во времена Филиппа II и Александра Македонского олинфский кифаред (актер, певший под аккомпанемент кифары) Аристоник, чтобы иметь возможность разузнать численность населения, когда жители будут собираться в театры.[15] Известно также, что на Боспор был приглашен царем Перисадом I другой знаменитый греческий музыкант — кифаред Стратоник.[16]

Спартокиды, очевидно, выступали уже в IV в. н. э. в роли покровителей эллинской культуры и искусства, подобно тому как позднее обычно стремились это делать эллинистические монархи.

Сюда же надо добавить, что при дворе боспорских царей в Пантикапее в IV—III вв. до н. э. были свои придворные историографы, писавшие историю Боспорского царства с соответствующим, конечно, освещением деятельности его правителей.

До нас эти произведения боспорских историков времен Спартокидов не дошли. Но в их существовании убеждает наличие у некоторых греческих писателей (Диодор, Страбон, Полиен, Лукиан и др.) описания ряда эпизодов внутренней истории Боспора, представленных с такой обстоятельностью,

а иногда и в столь тенденциозно-благожелательном к Спартокидам духе, что вряд ли можно усомниться в местном боспорском происхождении соответствующих источников, использованных вышеназванными писателями.[17] Таковыми источниками могли быть труды местных историков, которых держали при своем дворе боспорские правители Перисад I, Евмел и др.

Существование боспорских историков представляется тем более вероятным, поскольку, как это теперь вполне установлено, местные историки были и в других античных греческих государствах северного Причерноморья, менее значительных, чем Боспор. Благодаря замечательной находке одного из херсонесских декретов (IPE, I², 344) известно, что в III в. до н. э. в Херсонесе Таврическом с успехом подвизался историк Сириск, который, кстати отметим, в своем труде, посвященном истории Херсонеса, касался также вопросов взаимоотношения между Херсонесом и Боспором.[18]

В связи с культом Диониса надо упомянуть найденный в 1934 г. на северном склоне пантикапейского городища мраморный рельеф IV в. до н. э. афинской работы (рис. 27) с изображением бородатого Силена, несущего на левом плече виноградную лозу с крупными кистями винограда. Силен изображен в одежде из козьей шкуры, вывороченной наизнанку, поверх нее накинут обычный плащ (гиматий). В правой руке Силен держит высокий посох с загнутой ручкой. Рельеф входил в какую-то скульптурную композицию, в которой были представлены персонажи из свиты Диониса.

Был в Пантикапее и храм Асклепия — бога врачевания. В храме хранилась и демонстрировалась медная гидрия, лопнувшая от мороза. На гидрии была сделана такая надпись: «Если кто из людей не верит, что у нас делается, пусть убедится, взглянувши на эту гидрию, которую поставил жрец Стратий не в качестве прекрасного приношения богу, а в доказательство суровости зимы».[19]

Самое почетное место в Пантикапее занимал, при спартокидах храм Аполлона Врача, культ которого был перенесен греками из Ионии и находился под особым покровительством боспор-

Рис. 27. Мраморный рельеф с изображением силена. IV в. до н. э. (Керчь. Археологический музей).

ских царей. Жрецами в храмах Аполлона Врача были представители высшей боспорской знати и члены семьи Спартокидов (IPE, II, 15). Кроме Пантикапея, храмы Аполлона Врача были также в Гермонассе и Фанагории.[20]

В приморской части (в районе, где расположена Иоанно-Предтеченская церковь VIII в.) близ порта, повидимому, находилась рыночная площадь — агора, центр общественной жизни Пантикапея. В этой части города, главным образом в стенах средневековой крепости, существовавшей в Керчи до конца 20-х годов XIX в. и затем снесенной, были обнаружены многочисленные официальные посвятительные надписи.[21] Предполагают, что в античную эпоху они находились на агоре, в средневековое же время эти камни были тут же использованы при возведении крепости как строительный материал.

На пантикапейской агоре стояли статуи, часть которых дошла до нас в виде случайных находок (притом преимущественно в сильно поврежденном виде).

К числу таких наиболее замечательных в художественном отношении скульптур, украшавших Пантикапей, принадлежит огромная мраморная статуя, найденная в Керчи и ныне хранящаяся в Эрмитаже.[22] Статуя (у нее утрачена голова), повидимому, изображала одного из боспорских правителей. Исполнена она, несомненно, в Афинах около середины IV в. одним из лучших афинских скульпторов, принимавшим участие в работах по созданию Галикарнасского мавзолея, как это доказывает близость стиля пантикапейской статуи к известной статуе царя Мавсола. Статуарный портрет боспорского царя был, вероятно, доставлен в Пантикапей в качестве дара от афинян. Аналогичные статуи Спартокидов были воздвигнуты в Афинах на агоре и акрополе.

О городских кварталах Пантикапея, располагавшихся на террасах горы Митридат, дают представление уже упоминавшиеся раскопки 90-х годов прошлого столетия на северном склоне. Там открыты остатки нескольких зданий разных периодов; часть их принадлежит III—II вв. до н. э.[23] Сюда относятся развалины большого, *может быть общественного*,

здания, расположенного в восточной части раскопанной территории. Стены его представляют образец отличной греческой кладки из тщательно отесанных плит известняка (квадры), сложенных насухо, без какого-либо вяжущего раствора.[24] В одной из комнат оказалось множество кусков расписной штукатурки, покрывавшей стены.

Роспись имитировала облицовку стен драгоценными сортами камня. Рельефно исполненные в штукатурке прямоугольники были раскрашены в черный и красный цвета; последние чередовались с пестрыми прямоугольниками, расписанными *под роскошные сорта пестрого мрамора*. Мраморировка отличалась большим разнообразием узоров и прекрасным сочетанием красок (желтой, зеленой, красной, синей и др.). Часть штукатурки изображала облицовку из разноцветных треугольников и ромбоидальных штук камня желтого и зеленого цвета. Части стен, расписанные под облицовку цветными квадратами и сплошными красочными полосами, перемежались с рельефными горизонтальными карнизами, на которых были написаны красками орнаменты (киматий, овы и пр.) Фриз, венчающий роспись стены, состоял из меандра.[25]

По своим художественно-декоративным достоинствам стенная роспись не только не уступает росписям богатых эллинистических зданий Делоса, Приены, но, например по исключительному богатству мраморировки, даже превосходит их. Объясняется это тем, что в Пантикапее работали первоклассные греческие мастера, специалисты по художественно-живописной отделке общественных зданий, богатых домов и погребальных сооружений.

В южной части раскопанной территории обнаружена группа построек, состоящих из фундаментов и подвальных помещений какого-то дома, тоже эллинистического времени (II в. до н. э.). Здесь при раскопках найдены многочисленные архитектурные части в виде каннелированных колонок, баз, особого типа ионийских раскрашенных капителей и пр. Фрагменты стенной расписной штукатурки показывают, что помещения здания, имевшие в высоту до 5 м, были тоже роскошно украшены.[26]

Следовательно, на террасах пантикапейского холма в период расцвета боспорской столицы располагались богатые общественные и частные здания, в архитектурно-художественном отношении стоявшие на уровне передовых культурных центров Греции и эллинистического Востока.

С течением времени старые постройки подвергались переделкам, перестройкам; на месте старых возникали новые. Близ развалин первого эллинистического здания, отмеченного выше, открыты развалины терм (бани) римского периода и некоторые другие постройки позднего времени.

Окраины города были застроены жалкими лачугами бедноты и невзрачными домами ремесленников. На одной из таких северо-западных окраин и были (в 1929 г.) открыты остатки керамического производства (большая обжигательная печь и др.), существовавшего в Пантикапее в римский период.

За зубчатой стеной, окаймлявшей акрополь, видны были величественные здания пантикапейских храмов. Там же (или на одном из склонов горы) возвышались пышные дворцовые строения. На террасах вокруг горы со всех сторон лепились многочисленные частные дома, среди которых выделялись усадьбы зажиточных пантикапейцев. Особенно оживленной, очевидно, всегда была нижняя часть города, его порт, где у причала кипела разгрузка и погрузка многочисленных судов, в доках строились и ремонтировались корабли, а на рыночной площади, всегда наполненной народом, бойко и шумно шла торговля.

Неподалеку от Пантикапея, на берегу той же бухты, с северной ее стороны, у скалистого высокого мыса раскинулся город Мирмекий (Μυρμήκιον).[27] Возник он около середины VI в. как одно из самостоятельных торговых ионийских поселений. В конце VI в. Мирмекий, повидимому, начал даже выпускать свою монету с изображением муравья (эмблема соответствовала имени города: μύρμηξ — по-гречески «муравей»). Но с соседним, более мощным Пантикапеем Мирмекий соперничать не мог и скоро должен был войти в состав боспорского объединения колоний под главенством Пантикапея.

Мирмекий как важное сельскохозяйственное и торговое поселение стал предметом забот боспорских царей. В начале IV в. город был обнесен сильной каменной крепостной стеной, толщиной в 2,5 м, с башнями. Акрополем служила возвышенная часть города, выступающая в сторону моря в виде скалистого мыса (у Птолемея он отмечен, как ἄκρον Μυρμήκιον). На вершине этого мыса до сего времени сохраняется высеченное из скалы «кресло», в виде каменной скамьи со спинкой, представлявшее собой символический «трон», посвященный какому-то божеству. Рядом находятся вырубленные в скале на значительной глубине два склепа, в которых в 1834 году были обнаружены два богатых погребения в мраморных саркофагах II в. н. э. (оба они оказались разграбленными). Один из саркофагов имел украшенные скульптурными рельефами стенки, а крышка его изображала ложе, на котором возлежит супружеская чета (см. стр. 395). Холм, в котором находились склепы с указанными выше мраморными саркофагами, был окружен кольцеобразной циклопической кладкой из огромных прямоугольных блоков известняка. В IV в. до н. э. Мирмекий упоминается в периплe Псевдо-Скилака в числе наиболее крупных боспорских городов — наряду с Феодосией, Нимфеем и Пантикапеем.

Часть мирмекийской оборонительной стены и развалины одной прямоугольной башни были недавно раскопаны (рис. 28). За оборонительными стенами, на протяжении многих веков до III в. н. э. включительно, внутри города жило население, занимавшееся рыболовством, животноводством, торговлей, а главное, виноградарством. Весь прилегающий к городу район был использован под виноградники. В Мирмекии открыты остатки нескольких больших зданий — виноделен и найдены отдельные каменные ложа прессов, свидетельствующие, что с III в. до н. э. здесь процветал винодельческий промысел. Интересно, что в районе нынешнего Керченского металлургического завода, а также близ Аджимушкайских каменоломен (т. е. севернее Мирмекия) были неоднократно находимы каменные ложа виноградных прессов («тарапаны») (рис. 29).

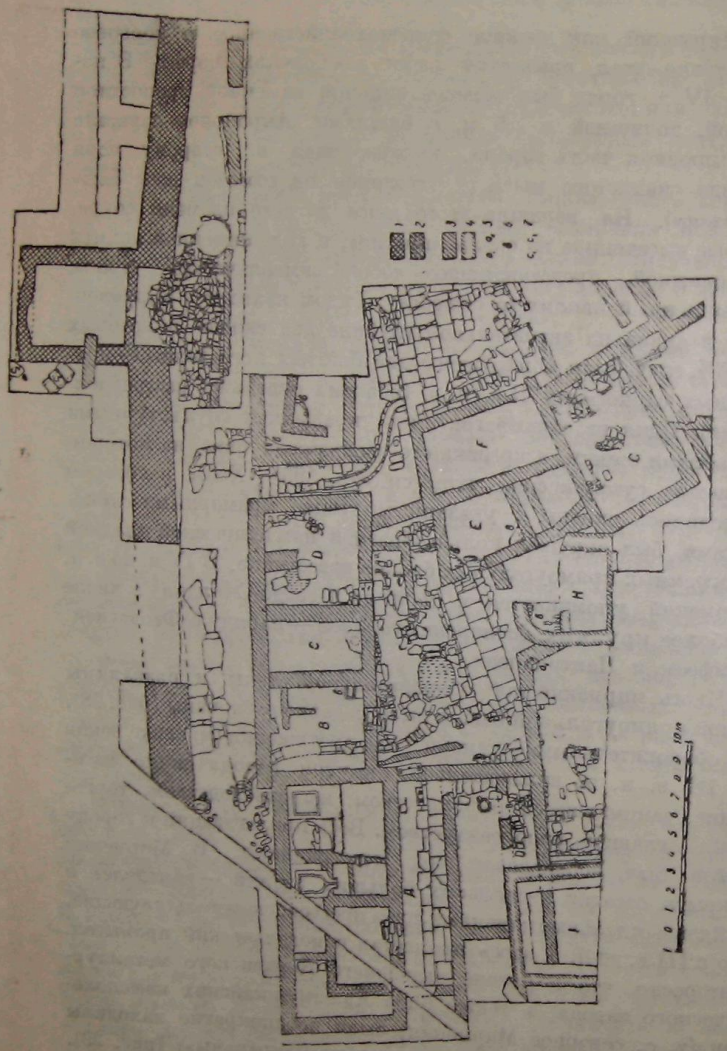

Рис. 28. План раскопок северной части Мирмекия: оборонительная городская стена и прилегающий к ней квартал.

Повидимому, виноградарством занимались не только жители Мирмекия, но и отдельные виноградари — владельцы хуторов, расположенных близ города.

На Темир-горе, к северо-востоку от Мирмекия, открыты развалины огромного дома, построенного в эллинистическое

Рис. 29. Каменное ложе виноградного пресса («тарапан»). III в. до н. э.

время. Во дворе дома оказалась великолепно сохранившаяся винодельня с двумя давильными площадками и резервуарами, куда с площадок поступал выжатый сок. Это была богатая сельскохозяйственная усадьба, построенная с таким расчетом, чтобы дом служил крепостью. Наружные каменные стены

его имели толщину 2.4 м, рядом с домом находились защитные башни.[28]

Среди виноградников, хлебных полей и пастбищ, тянувшихся к северу и северо-востоку от Пантикапея, находилось

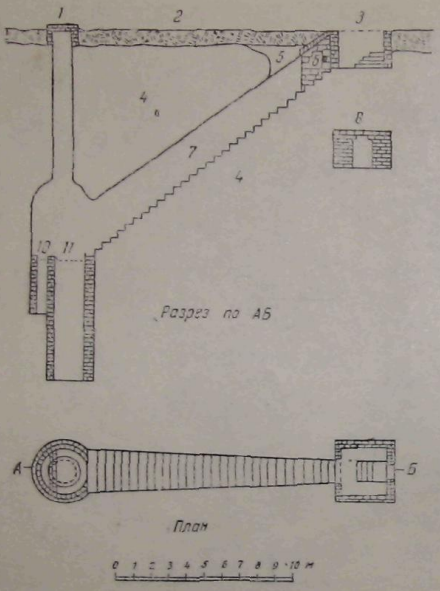

Рис. 30. Античный колодец с подземной лестницей близ Керчи.

загородное святилище Асклепия. Его следы заметны на северной окраине поселка Аджимушкай, где до настоящего времени сохранился особого устройства древний колодец (рис. 30), с подземной наклонной галлереей, по ступеням которой можно было спускаться непосредственно к источнику, очевидно считавшемуся целебным.[29] Недалеко от колодца у Темир-горы

Рис. 31а. Общий план городища Тиритаки с обозначением раскопанных участков (вверху) и план южной части оборонительных стен Тиритаки (участок *I—II*) с прилегающей к ним группой рыбозасолочных ванн (внизу).

1 — оборонительная стена V в. до н. э.; *2* — оборонительная стена IV—III вв. до н. э.; *3* — рыбозасолочные ванны I—II вв. до н. э.; *4* — стены внутригородских построек; *5* — вымостки из каменных плит.

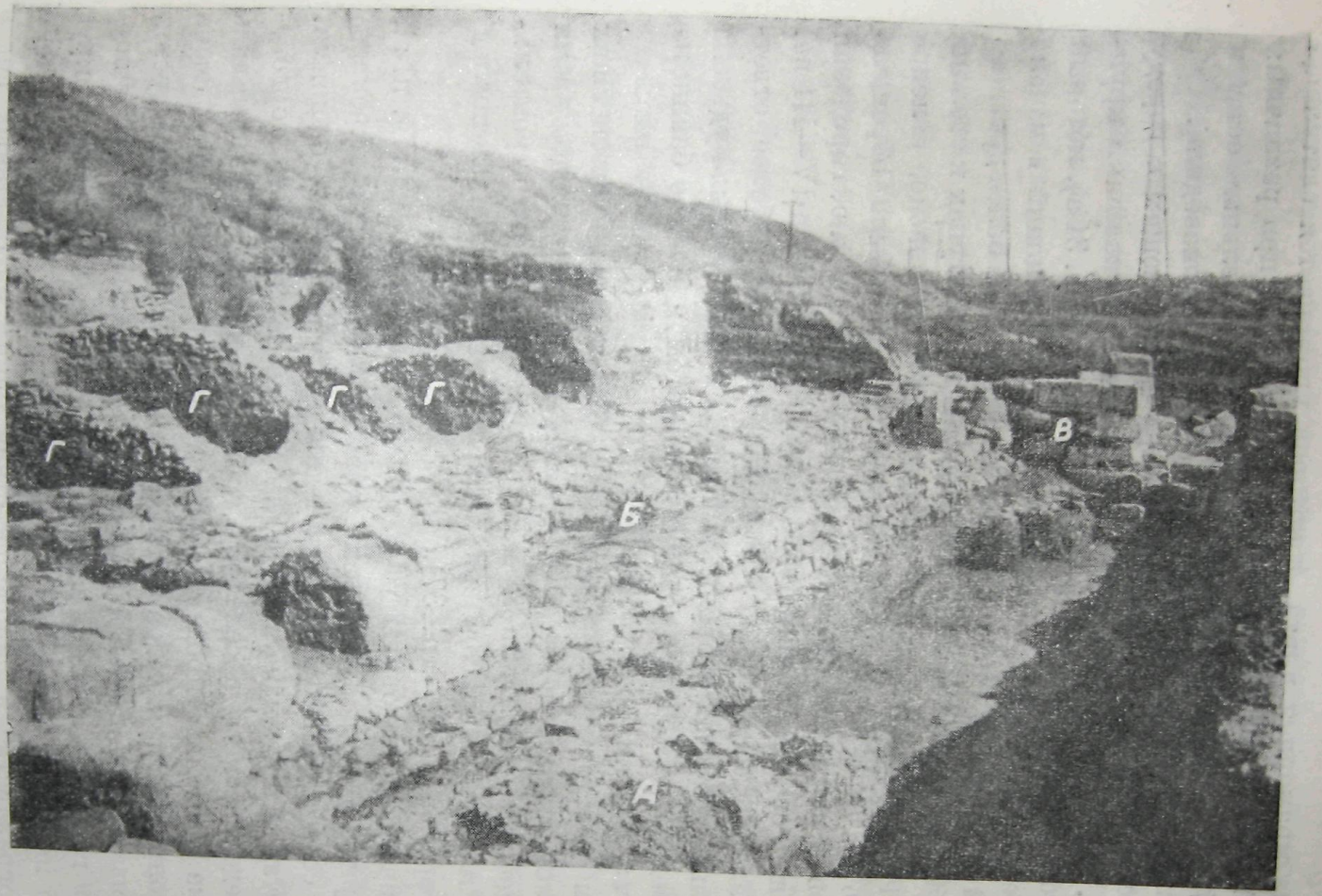

Рис. 31 б. Южная оборонительная стена Тиритаки.

А – фундамент стены V в. до н. э.; *Б* – стена IV–III вв. до н. э. *В* – угловая башна *I*; *Г-Г* рыбозасолочные ванны I – II вв. – н. э.

найдена мраморная плита, в которой упоминается святилище бога Асклепия (IPE, II, 30). Вокруг колодца при различных случайных земляных работах встречались отдельные остатки античных построек, но раскопок здесь не производили.

С южной стороны Пантикапея, на прилегающих к городу полях, были разбросаны хутора и деревни. Ближайшим крупным поселением здесь был город Тиритака (рис. 31 а), который уже не раз упоминался ранее.[30] Город, возникший в начале второй половины VI в. до н. э. на месте остатков более древнего селища киммерийской эпохи, находился на подступах к столице Боспора, у входа в большой залив (ныне Чурубашское соленое озеро), и на его обороноспособность поэтому было обращено серьезное внимание. Построенная еще в Vв. до н. э. городская защитная ограда, толщиною 1.7 м, подверглась в IV—III вв. капитальной перестройке: толщина стены в наиболее ответственных участках обороны, например в южном, была удвоена и доведена до 3.4 м., возникли при этом и боевые башни на флангах куртин (рис. 31 б).

Мы уже отмечали открытие в Тиритаке интереснейших остатков архаического дома, являющегося в настоящее время древнейшим памятником боспорского городского строительства, известным благодаря археологическим раскопкам последнего времени (см. стр. 37).

Начиная с половины VI в. до н. э. и вплоть до IV в. н. э., в Тиритаке непрерывно шла жизнь. Основательно укрепленная со стороны суши оборонительными стенами и башнями, Тиритака первоначально была главным образом торгово-земледельческим поселением, жители которого занимались также и рыбным промыслом, поскольку данный район очень благоприятен для рыболовства. В ранне-эллинистическое время, в связи с тенденцией Боспора стать более независимым от импорта, в городе появились винодельни (см. стр. 103 сл.), а вокруг него широко раскинулись виноградники. С течением времени виноградарство и виноделие стали одним из основных видов хозяйственной деятельности жителей Тиритаки, что подтверждается многочисленной серией эллинистическо-римских

больших, капитально построенных виноделен, которые были специально оборудованы для переработки значительных количеств винограда.[31]

Наряду с этим в городе существовали ремесленные производства: выделывались украшения из золота, как об этом говорит находка бронзового штемпеля III в., предназначенного для чеканки медальонов с изображением Афродиты, изготовлялась глиняная посуда простейших сортов, хозяйственная утварь, а может быть и клейменые амфоры для вина, на что указывает находка керамического штемпеля с «фабричной маркой» в виде монограммы.[32]

Исключительный размах приобрели в Тиритаке рыбный промысел и заготовка соленой рыбы в римское время, в I—III вв. н. э. (см. стр. 352). Восточная и южная части города тогда были сплошь заняты винодельнями и рыбозасолочными заводами, состоящими из групп оцементированных чанов-цистерн, в которых производился засол сотен тонн рыбы, главным образом хамсы и сельди.

Тиритака представляет собою совершенно оригинальный тип боспорского города, значительная часть территории которого в эллинистическо-римское время была занята производственно-хозяйственными постройками. С севера на юг проходила улица; по обеим сторонам ее располагались жилые дома. Позади них, а отчасти между ними находились давильни для производства виноградного вина и рыбозасолочные цистерны.

Особенно богатых, роскошных домов здесь не было. Боспорская рабовладельческая знать, крупные купцы и промышленники предпочитали жить в соседнем Пантикапее, в Тиритаке же, вероятно, находились их хозяйственные экономии, земельные угодья с виноградниками, рыбные ловли и рыбозасолочные предприятия, обслуживавшиеся рабами.

Археологические раскопки Тиритаки позволили выявить яркую картину быта ее жителей в разные периоды, особенно в римское время. В высокой степени показательным является раскопанный в последние годы большой дом-усадьба III—IV вв. н. э. Он с поразительной обстоятельностью вводит нас в быт

наиболее зажиточного слоя жителей Тиритаки позднеримского времени, когда Боспорское царство уже клонилось к закату (см. стр. 378 сл.). Вместес тем раскопки Тиритаки очень ясно показывают, как на месте города, сильно пострадавшего от нашествия гуннов во второй половине IV в. н. э., снова возродилась жизнь в V—VI вв., уже в новых социально-политических условиях, после распада Боспора как рабовладельческого государства.

В 4 км. южнее Тиритаки на морском побережье[33] находился город Нимфей (Νυμφαῖον),[34] развалины которого лежат возле современной деревни Героевка (б. Эльтигень).

Местоположение Нимфея безошибочно локализуется на основании показаний перипла Анонима, который перечисляет города Боспора к югу от Пантикапея, с точным указанием расстояния между ними.[35] Согласно Анониму, «от города Пантикапея до города Тиристаки 60 стадий, 8 миль, от города Тиристаки до города Нимфея 25 стадий, $3^1/_3$ мили». И действительно, от Тиритаки, развалины которой находятся на окраине теперешнего поселка Камыш-бурун, до деревни Героевка, где сохранилось другое большое античное городище, расстояние составляет примерно 4 км.[36] Совершенно ясно, что мы имеем все основания видеть в этом городище остатки древнего Нимфея. Это был πόλις εὐλίμην, т. е. «город с хорошей гаванью».[37]

В перипле Псевдо-Скилака Нимфей отмечен в числе наиболее значительных городов Боспора, находившихся в восточном Крыму. Раскопки Нимфея, ведущиеся в последние годы,[38] показали, что город здесь основан около середины VI в. до н. э. как одно из ионийских поселений, возникавших в то время на берегах Боспора Киммерийского.

При раскопках развалин Нимфея в наиболее раннем его слое, расследованном на месте древнего святилища Деметры, найдено большое количество ионийской, преимущественно самосской, керамики VI в. до н. э.[39] Это явление, т. е. преобладание в архаическом слое ионийской керамики, представляется в некоторой степени общим для всех боспорских городов

и объясняется тем, что основателями колоний в Боспоре Киммерийском, в том числе и города Нимфея, были выходцы из ионийских городов Малой Азии и прежде всего из Милета, который вел торговлю отнюдь не только своими изделиями, но и продукцией многих малоазийских центров Ионии, а также товарами близлежащих островов — Самоса, Родоса и др. Однако необычное (в сравнении с другими боспорскими городами) обилие самосской керамики в расследованных раскопками архаических культурных наслоениях Нимфея, возможно, является отражением особенно активной роли самосцев, которую они играли как при основании Нимфея ионийскими колонистами, так и в ранний период жизни города. Само название последнего, может быть, обусловлено этим же обстоятельством. Известно, что Самос, с его знаменитым храмом Геры, назывался в древности городом Нимф (ἄστυ Νυμφέων), о чем сообщают некоторые греческие писатели (Афиней, Гесихий).

Наличие у Нимфея очень хорошей гавани, особо отмеченной Страбоном, несомненно, должно было обеспечить городу возможность быстрого роста и превращения его в важный торговый пункт.

Как и прочие греческие колонии Боспора Киммерийского, Нимфей, очевидно, вошел в объединение городов, которое в начале V в. возглавили Археанактиды, положив начало Боспорскому царству.

Основой благосостояния господствующих слоев населения Нимфея являлась, надо думать, торговля хлебом, обильные урожаи которого обеспечивались наличием плодородных земель вокруг города. В этой связи представляют интерес раскопанные в Нимфее развалины святилища Деметры, которое было расположено на берегу моря, у подножия скал. Святилище возникло еще в VI в. и просуществовало несколько столетий, неоднократно подвергаясь перестройкам. Сохранились остатки каменной ограды и стен святилища, основание алтарей, на которых совершались жертвоприношения. Найдено большое количество приношений, поступавших от почитателей Деметры, главным

образом в виде изящных терракотовых статуэток, изображающих или самую Деметру, или девушек-прислужниц (гидрофор), несущих сосуды с водой для очистительной церемонии, или девушек, исполняющих культовые танцы (рис. 32), и др.

Такие несложные по своему устройству святилища, вероятно, были и в других городах Боспора, население которых чтило Деметру как покровительницу земледелия.

Во времена Перикла, когда Афины усилили свою экономическую и политическую экспансию в области Понта Евксинского, Нимфей был превращен в опорный пункт афинян на территории восточного Крыма, поскольку экспорт хлеба оттуда представлял для Афин исключительно важное значение. К сожалению, в источниках не сохранилось достаточных сведений, которые могли бы разъяснить, каким образом афиняне обосновались в Нимфее и что собой представлял после этого город в государственно-политическом отношении.

Основным источником в данном вопросе является одна из речей известного афинского оратора Эсхина, произнесенная в 330 г. и носящая название «речи против Ктесифонта».[40] В ней Эсхин выдвинул нижеследующее обвинение против своего политического противника — не менее знаменитого афинского оратора Демосфена. По словам Эсхина, дед Демосфена по линии матери, Гилон, был государственным преступником, так как он передал «врагам» принадлежавший Афинам город Нимфей. Не дождавшись судебного приговора, Гилон бежал из Афин на Боспор и получил там от «тиранов» значительную награду. Ему было предоставлено селение Кепы, доходами от которого он мог пользоваться. Как враг афинского народа Гилон якобы был приговорен заочно к смертной казни. Позднее, однако, в Афинах поселились дочери Гилона, родившиеся от его брака на Боспоре с богатой скифянкой. Одна из дочерей стала впоследствии матерью оратора Демосфена.

Как убедительно показал акад. С. А. Жебелев, имеются очень серьезные основания усомниться в правильности и объективности изложенной Эсхином версии относительно действий Гилона.[41] Эсхин, желая опорочить в глазах афинян своего

злейшего врага Демосфена, вероятно сильно извратил фактическую сторону дела. Кажется мало вероятным, чтобы после совершения столь тяжкой измены, какую Эсхин приписывал Гилону, дочери последнего могли потом свободно жить в Афинах, вступать там в браки с афинскими гражданами.[42]

Рис. 32. Терракотовый рельеф с изображением танцовщицы, найденный в Нимфее. Конец V в. до н. э.

Но если роль Гилона в передаче Нимфея и была, по всей вероятности, нарочито искажена и преувеличена Эсхином, чтобы очернить своего соперника, то вряд ли Эсхин мог выдумать самый факт принадлежности или, по крайней мере, сильной зависимости Нимфея от Афин в какой-то период времени.

Возможно, Афины поступили с Нимфеем примерно так же, как с Синопой, куда при Перикле было направлено 600 афинских колонистов, после того как с помощью военной силы там был свергнут неугодный афинянам тиран Тимесилей.[43] Воспользовавшись каким-либо поводом, афиняне могли поселить и в Нимфее некоторое количество своих резидентов (клерухов), чтобы надежнее обеспечить снабжение Афин хлебом из Боспора Киммерийского. В период зависимости Нимфея от Афин он, вероятно, платил афинянам дань (φόρος), о чем

сохранилось краткое литературное известие, восходящее к достаточно надежному афинскому источнику.[44] В конце V в. Нимфей пытался наладить чеканку своих монет (табл. I, *11*), но попытка эта была кратковременной.

Как только в Пелопонесской войне над Афинами разразилась катастрофа, когда в результате поражения при Эгоспотамах афиняне потеряли свой флот и лишились возможности поддерживать господство на море, Боспор в лице тогдашнего правителя Сатира I не замедлил вновь утвердить свою власть над Нимфеем. Но так как это было лишь восстановление боспорского суверенитета над городом, уже и ранее принадлежавшим Боспору, то существенных осложнений во взаимоотношениях между Спартокидами и Афинами этот акт не вызвал.* К тому же потрясенные неудачной войной Афины были теперь, как никогда, заинтересованы в регулярном подвозе боспорской пшеницы и поэтому весьма дорожили добрыми отношениями со Спартокидами.

Последние рассматривали Нимфей не только как важный торговый приморский город, но и как стратегический пункт, который вместе с Тиритакой должен был защищать Пантикапейскую область и подходы к расположенной поблизости столице. Раскопками в Нимфее открыты на некотором протяжении остатки городской каменной оборонительной стены,[45] имеющей толщину 2.35 м.[46]

Из других сооружений, бывших в Нимфее и засвидетельствованных археологическими находками, особенно интересен фонтан в виде пирамиды, построенный в I в. до н. э. на средства знатной жительницы города. От фонтана сохранился мраморный блок, замыкавший свод арки. На нем высечена стихотворная надпись, говорящая от имени испившего воды путника: «Гликария, супруга Асандра! У твоей пирамиды

*Не безынтересно с этим сопоставить тот факт, что во время известного отступления 10 000 греческих наемников, описанного Ксенофонтом в «Анабазисе», Синопа, куда незадолго до этого были поселены афинские клерухи, была также уже совершенно независимым от Афин городом.

я с жадностью выпил воды, идущей из близкого источника с помощью Бромия [т. е. бога Диониса], и, утолив жажду, я сказал: и при жизни, и после смерти ты будешь спасать испытывающего жажду».[47]

Как показывают археологические исследования, жизнь в Нимфее продолжалась вплоть до III в. н. э.

За Нимфеем, еще южнее, на Такильском мысу, было расположено очень небольшое селение Акра (χωμίον Ἄκρα). Оно привлекало к себе в древности внимание потому, что от него берег поворачивал на запад, и, таким образом, Акра представляла собой крайний южный пункт пролива со стороны Крыма. Напротив же, т. е. на Таманском полуострове, такой наиболее южной точкой пролива считалось селение Корокондама (κώμη Κορακονδάμη), находившееся на теперешнем мысе Тузла. По словам Страбона, при замерзании пролива лед доходил на юге до этих двух пунктов — до Акры и Корокондамы.[48] От деревушки Акры в настоящее время следов почти не сохранилось. На высоком мысу, где ныне одиноко стоит заброшенный старый маяк, лишь кое-где заметны следы культурного слоя с фрагментами античной керамики.[49] В этом же районе обнаруживаются древние могилы, которые подтверждают существование в данном месте поселения античной эпохи.

При археологическом обследовании Такильского мыса в 1929 г. была, между прочим, вскрыта очень интересная могила, обложенная сверху кругом из камней (кромлехом). В центре круга на небольшой глубине оказалась облицованная изнутри массивными каменными плитами гробница. В ней лежал человеческий скелет, у ног которого найдено шесть черепов. В углу могилы стояла глиняная остродонная амфора III в. до н. э. с бронзовым черпаком (киафом), длинная ручка которого заканчивается отогнутой книзу головкой лебедя; под амфорой лежал чернолаковый килик. Очевидно, в могилу была помещена амфора с вином; для вычерпывания его предназначался киаф, для питья вина — чаша.

Загадочно присутствие в гробнице человеческих черепов. Может быть, здесь был похоронен воин вместе с трофейными

черепами убитых им врагов? Несмотря на греческую форму могилы и наличие в ней греческих вещей, погребен в ней был, повидимому, варвар, как на это указывает наличие каменного круга-кромлеха над гробницей.

В нескольких километрах на юго-запад от Такильского мыса, на высоком обрывистом берегу моря лежат развалины боспорского города Китея, часть которого уже обвалилась в море вследствие сильного подмывания здесь берега волнами. Но сохранившаяся площадь городища еще довольно значительна. Отчетливо видны следы глубокого рва, охватывавшего город с трех сторон, т. е. со стороны суши, заметны признаки оборонительных стен, которые тянулись параллельно рву. В прибрежной части городища, приблизительно посредине его возвышается большой искусственно насыпанный холм. Гавани, а стало быть, и торгового порта Китей не имел. Вокруг расстилаются плодородные пахотные земли, а море в этом районе славится хорошими рыбными ловлями — неподалеку от древнего городища и сейчас расположен один из крупных рыбных промыслов.

Город Китей упоминается у нескольких античных писателей. Псевдо-Скилак, автор перипла, составленного в 30-х годах IV в. до н. э., в числе эллинских городов, расположенных в восточном Крыму, называет город Κύταια.[50] Примерно к тому же времени восходит упоминание этого города в перипле, который сохранился в более поздней передаче Анонима. В перипле Анонима Китей отмечен с точным указанием его местоположения: «От Нимфея до деревеньки Акры — 65 стадий, $8^2/_3$ мили; от Акры до города Кит (Κύται), раньше называвшегося Кидеаками, — 30 стадий, 4 мили. От Афинеона [повидимому, теперь Судак? — *В. Г.*] до Кит живут скифы. Затем следует Киммерийский Боспор. От Кит до города Киммерика 60 стадий, 8 миль».[51]

У Плиния по соседству с Акрой также отмечен oppidum Cytae, однако между ними помещен, вероятно по ошибке, еще и город Зефирий, который никем, кроме Плиния, не упоминается.[52] Стефан Византийский, не определяя точно местоположение Китея, который он называет Κύτα, отмечает в то же время, что город этот находился в Скифии.[53] Птолемей также знал город Κύταιον, но помещал его на своей карте среди городов не прибрежных, а лежавших в глубине полуострова.[54]

Тождество городища, лежащего на берегу Черного моря к западу от мыса Такиль, с Китеем отлично подтверждено превосходной по своей исторической ценности эпиграфической находкой. В 1918 г. на берегу моря рыбаки нашли выпавшую из насыпи городища каменную плиту от храмового стола с греческой надписью III в. н. э., а также боковые его подставки в виде каменных скульптурно украшенных плит; все это ныне хранится в Керченском археологическом музее.[55]

Надпись сообщает о сооружении «отчизной китейцев» (πατρὶς Κῑτειτων), т. е. общиной города Китея, храма, который был посвящен безымянному «богу гремящему» (см. стр. 376). Жители в надписи именуются Κιτεῖται; стало быть, город назывался Κῖτα или Κῖται (очевидно, дифтонг αι читался в III в. н. э. как звук, близкий ипсилону).

Китей, располагая обширными земельными угодьями, был одним из крупных земледельческих поселений Боспорского царства. В городе, несомненно, сосредоточивалось много зернового хлеба, который обильно выращивался на прилегающих к городу плодородных землях.

Китей окружали очень мощные каменные оборонительные стены с башнями и ров. Часть укреплений была расследована Ю. Ю. Марти в 1928 г. с северо-восточной стороны городища.[56]

Первая стена, хорошо облицованная тесаными плитами и имеющая в ширину 2.5 м, построена в IV в. до н. э. Позже, в римское время, к ней вплотную с внешней стороны была пристроена другая стена толщиной в 3 м, но очень грубой кладки; эта вторая стена имела свои башни. Такая мощность оборонительных стен Китея объясняется его важным значением в качестве военно-опорного пункта, который должен был одним из первых принять на себя удар в случае вторжения

кочевников со стороны крымских степей в Пантикапейскую область.

Внутри города находились большие склады зерна, хранившегося в больших глиняных пифосах и зерновых ямах. Старики-крестьяне близлежащих деревень еще помнят, как при добывании строительного камня на городище (в дореволюционное время оно служило своего рода каменоломней для окрестного населения) нередко натыкались на огромные глиняные сосуды-пифосы, стоявшие подряд группами, очевидно представляя собой остатки обширных хозяйственных амбаров. Хлеб и рыба, заготовлявшиеся в Китее, вероятно отвозились в ближайшие порты Нимфея или Киммерика, так как Китей своего порта не имел.

Город экономически процветал в IV—III вв., а затем в римское время, как об этом можно судить по строительству монументальных сооружений вроде храма «бога гремящего» и по некоторым археологическим находкам, подтверждающим высокий уровень благосостояния господствующего слоя населения. К числу такого рода находок относятся, в частности, мраморные солнечные часы II в. н. э., украшенные рельефным изображением головы быка. Не менее показательным представляется наличие к северу от городища обширного некрополя, в котором имеются подкурганные погребения в каменных гробницах-склепах IV—III вв. и большие семейные усыпальницы-катакомбы китейских богачей римского времени. Последние устроены в виде высеченных на значительной глубине в скале склона Чатыр-тау обширных комнат с лежанками-нишами для гробов (все катакомбы разграблены в давние времена).

Стены некоторых катакомб сохранили следы росписи II—III вв. н. э. В одной из катакомб стены были украшены изображениями пеших и конных воинов, колесницы и орнаментальных растительных мотивов. В другой катакомбе на стене нарисован красной краской корабль, символизирующий переезд души умершего в загробный мир.

Как показали археологические исследования Китея, производившиеся Ю. Ю. Марти в 1927—1929 гг., город имел

смешанное население с безусловным преобладанием в нем скифов, сильно эллинизованных в той их части, которая входила в состав верхнего социального слоя жителей города. Обилие варварской лепной керамики, негреческие имена в надгробных надписях,[57] характер погребений, особенно курганных, в доримское время — все это рисует Китей как боспорский город с ярко выраженным греко-скифским населением и полуварварской культурой, хотя Псевдо-Скилак и называл Китей в числе πόλεις Ἑλληνίδες. Негреческое название города позволяет думать, что он и возник-то на месте варварского селища. Интересно, наконец, замечание Псевдо-Скилака, что «от Афинеона до Кит живут скифы». Стало быть, еще в IV в. до н. э. Китей считался крайней восточной границей, до которой преобладающим населением в восточном Крыму были скифы, а не греки.

Если от Китея двигаться по берегу моря на юго-запад, то на расстоянии приблизительно 6 км от названного города окажется обширный так называемый Кыз-аульский могильник античной эпохи[58] и небольшие уцелевшие на побережье остатки древнего поселения, название которого неизвестно. Гораздо более значительным населенным пунктом был район мыса Елчин-кале, где находится гора Опук. К этому месту приурочивается боспорский город Киммерик (πόλις Κιμμερικόν), о котором обстоятельные сведения дает все тот же перипл Анонима, сохранивший очень ценные данные о приморских городах Боспора времени раннего эллинизма. Указав на расстояние в 60 стадий (около 12 км), отделявшее город Китей от Киммерика, Аноним далее сообщает, что город Киммерик «имеет пристань для кораблей (ὅρμος ναυσί), защищенную от западных ветров; напротив в море в недалеком расстоянии имеются два скалистых небольших острова. . . От города Пантикапея до Киммерика 240 стадий, 32 мили».[59] Это расстояние между Киммериком и Пантикапеем приводит нас к горе Опук, а указание на скалистые острова, бывшие против Киммерика, окончательно убеждает в правильности локализации здесь этого города. В настоящее время на расстоянии

$3^1/_2$ км против горы Опук в море выступают так называемые Скалы-корабли (Элькен-кая) — причудливых очертаний скалы, издали действительно напоминающие своими силуэтами парусные корабли.[60] Очевидно, это остатки тех скалистых островков, о которых сообщает Аноним.

Гора Опук (ее высота 183 м), занимающая обширную площадь, очень интересна в природном отношении. Она поднимается внушительным массивом на берегу моря и очень величественно, рельефно выделяется на фоне равнинного ландшафта степи и соленых озер, составляющих окружение этой горы, как бы прижавшейся к морю. Гора Опук имеет форму столового массива, состоящего из меотических известняков, и завершается обширным вершинным плато с крутыми, а местами совершенно отвесными, обрывистыми краями, делающими вершину чрезвычайно трудно доступной.

В сторону моря гора образует ряд резких уступов, сопровождающихся разрывами породы, большими трещинами, хаотическим нагромождением глыб известняка и неожиданными выступами скалы, свидетельствующими о происходивших тут некогда бурных тектонических явлениях.

Гора Опук была использована в древности как место, чрезвычайно удобное для устройства сильно укрепленного поселения, чему весьма способствовали здесь сами природные условия. С восточной стороны на скале горы видны и сейчас следы спускавшейся вниз древней оборонительной стены, толщиной 3.5 м, которая, изгибаясь, доходила почти до моря. Она преграждала доступ к южной части массива горы, обращенной в сторону моря, где на одной из площадок склона расположен замечательный каптированный источник. В этой безводной местности наличие такого неиссякающего источника прекрасной родниковой воды, обслуживающего всю округу, представляет огромное значение, и, несомненно, жители древнего Киммерика всегда оберегали его от возможности вражеского захвата. В тесной связи с восточной оборонительной стеной находятся укрепления, построенные на восточной окраине каменистого плато горы, служившей акрополем. Еще

и сейчас на вершине горы хорошо видны фундаменты стен, построенные из больших блоков известняка и представляющие собой остатки бывшей здесь крепостцы. Под защитой восточной стены и примыкавшей к ней крепости, занимавшей край плато, находилась южная часть поселения Киммерика, которая, повидимому, была ограждена каменной стеной еще и с запада.[61]

Однако основное поселение находилось не с южной, а с западной стороны горы Опук. Оно занимало достаточно обширную территорию и было также ограждено мощными каменными стенами и башнями, а на скалистом холме находился сильно защищенный акрополь. Следы этих древних сооружений были отчетливо видны в начале XIX в.; их детально описал в свое время Дюбрюкс.[62] Но позднее все остатки каменных сооружений Киммерика были варварски уничтожены в дореволюционное время при добывании здесь строительного материала. Сохранилось лишь основание приморской стены Киммерика, толщиной 2.15 м, тянущейся по ровному песчаному берегу с востока на запад на протяжении почти 300 м вплоть до Элькинского озера. С западной стороны Киммерик прикрывается Элькинским озером и расположенным еще западнее вторым озером (Узунларским), к северному берегу которого выходит своим южным концом Киммерикский (Аккосов) древний оборонительный вал, пересекающий Керченский полуостров в северном направлении до Казантипского залива (Азовское море). Логическим завершением этого оборонительного рубежа на юге и была мощная система укреплений Киммерика.

Киммерикский вал и ров обороняли важнейшую и наиболее населенную часть Боспорского царства, территорию его столичной области (ἡ Παντικαπαίων γῆ). Дальше на запад поселения были более редки, а больших городов и вовсе не было (почти до самой Феодосии). Это обстоятельство придавало Киммерикскому валу чрезвычайно важное значение. Даже тогда, когда при царе Асандре (около середины I в. до н. э.) первая линия обороны была выдвинута далее на запад устройством

нового вала, старый Киммерикский вал и тесно связанный с ним на юге узловой пункт обороны Пантикапейской области — Киммерик — продолжали, несомненно, играть существенную роль в защите главнейших жизненных центров Боспора в восточном Крыму.

Представляется в высшей степени вероятным, что Страбон ошибочно отнес описание города Киммерика, существовавшего на берегу Черного моря на Керченском полуострове, к другому селению с таким же названием, бывшему на противоположной, азиатской стороне Боспора, где-то в северной части Таманского полуострова. Упомянув селение Киммерийское (κώμη Κιμμερική) как пункт, служащий местом отправления для плывущих по Азовскому морю, Страбон несколько ниже сообщает: «Киммерик (Κιμμερικόν) был прежде город, построенный на полуострове и замыкавший перешеек рвом и валом».[63]

Описание это как нельзя лучше подходит к Киммерику, развалины которого сохранились у горы Опук. Именно этот Киммерик завершал на юге систему обороны перешейка (от Узунларского озера до Казантипского залива), который был укреплен рвом и валом.[64]

На всей территории этого древнего Киммерика в настоящее время заметны следы жизни, происходившей здесь в античную эпоху, начиная с IV в. до н. э., т. е. в период, когда этот населенный пункт играл не только определенную экономическую роль в Боспорском царстве (прежде всего как торговый порт), но и выполнял одновременно важные военные функции как крепость, стоявшая на одном из важнейших оборонительных рубежей европейской части владений Боспора.

На вершине горы, где был акрополь, а также с южной и особенно с западной ее сторон обнаружены культурные отложения, которые относятся к эллинистическому и римскому времени, как об этом позволяют судить разведочные археологические обследования, производившиеся в Киммерике уже в наше, советское время. Более точные выводы смогут дать

в дальнейшем только археологические раскопки. Однако уже само название данного населенного пункта заставляет думать, что история города Киммерика не ограничивалась рамками античной эпохи, когда этот пункт входил в состав Боспора. Представляется маловероятным, что наименование Киммерика возникло случайно, не будучи обусловлено какой-то исторической традицией, уходящей в предскифскую эпоху.

Очень интересной в этой связи представляется одна случайная находка, сделанная в начале 30-х годов на западном склоне горы Опук во время земляных работ и поступившая в Керченский археологический музей. Из земляной насыпи с большой глубины была извлечена глиняная статуэтка упоминавшаяся уже нами раньше (см. стр. 31). Колонкообразное туловище завершается большой уплощенной головой округлых очертаний с рельефно обозначенным носом и слегка намеченными глазами в виде едва заметных выпуклых кружочков; голова имеет вверху выступ со сквозной дыркой для подвешивания фигурки. Туловище совершенно не расчленено: чуть намечены руки в виде небольших выступов, слабым рельефом показаны груди.

Подобного типа примитивные культовые женские статуэтки-идолы хорошо известны по памятникам культуры эпохи бронзы восточного Средиземноморья.[65] Многочисленные аналогии, которые могут быть приведены из указанного круга памятников, позволяют считать найденную в Киммерике статуэтку-идола произведением доскифской поры. Повидимому, территория горы Опук была использована уже в киммерийскую эпоху, и это обстоятельство послужило позднее для боспорцев основанием соответственно именовать построенный ими укрепленный портовый город, вокруг которого многое еще, вероятно, напоминало более древних насельников восточного Крыма. При этом будет вполне уместно поставить вопрос: насколько обоснованно традиционное объяснение происхождения первых двух древних оборонительных валов — Тиритакского и Киммерикского, пересекающих Керченский полуостров, — как сооружений, возникавших будто бы по мере роста территории Боспорского

государства? Не могут ли быть оба названных вала и связанные с ними рвы более древними и лишь использованными позднее боспорцами для защиты Пантикапейской области? Нельзя не обратить внимания на тот факт, что эти валы своими южными концами связаны с поселениями (Киммерик и Тиритака), очевидно существовавшими в киммерийскую эпоху, т. е. еще в начале I тысячелетия до н. э.

Указанное обстоятельство заставляет вспомнить неоднократно упоминаемый Геродотом «ров», отделявший восточную часть Крыма от остальной его территории. Согласно рассказу Геродота,[66] при возвращении скифов из похода в Переднюю Азию (куда они вторглись, преследуя киммерийцев), в Крыму им было оказано сопротивление со стороны остававшихся там скифских рабов. Чтобы воспрепятствовать возвращению своих господ, скифские рабы будто бы вырыли широкий ров, простиравшийся от Таврических гор до Меотиды, под прикрытием которого неоднократно вступали в сражение со скифами.

Зерно истины в этом рассказе состоит, вероятно, в том, что между возвратившимися из продолжительного похода скифами и продолжавшим жить в северном Причерноморье населением имели место столкновения. Но независимо от того, какие именно реальные события нашли отражение в этом полулегендарном рассказе, важно то, как во времена Геродота объясняли происхождение оборонительного рва (а стало быть и вала), уже существовавшего в Крыму. Этот ров имел меридиональное направление и простирался от прибрежья Черного моря (у Геродота оно определяется как район Таврических гор) до Азовского моря. Происхождение его (что особенно интересно) связывалось отнюдь не со строительной деятельностью греков, а с жившим в Крыму еще до греческой колонизации местным населением.

Скифы, совершая из крымских степей вторжения в земли синдов во время замерзания пролива, пересекали тот же ров[67] (такие переходы скифы, вероятно, совершали до того, как Керченский полуостров был освоен греческими колонистами, обосновавшимися в боспорских городах).

Ров, «вырытый потомками слепых», рассматривался около середины V в. до н. э., когда Геродот при посещении Ольвии собирал сведения о Скифии, в качестве восточной границы владений царских скифов в Крыму.[68] Лежавшая далее на восток за этим рубежом территория, очевидно, принадлежала тогда уже Боспору. Из сказанного следует, что распространенный взгляд на древние валы, пересекающие Керченский полуостров, как на пограничные рубежи, созданные полностью боспорцами, вряд ли может быть признан вполне обоснованным. Уже во времена Геродота, как мы видим, о валах (или об одном из них, самом значительном) ходили неясные легендарные рассказы, свидетельствующие все же, что возникновение указанных сооружений восходит к значительно более древней, доколонизационной поре.

Весьма вероятно, что Κιμμέρια τείχεα (киммерийские укрепления), о которых упоминает Геродот[69] при перечислении того, что оставалось от киммерийцев в северном Причерноморье в классическую эпоху, представляли собой те же оборонительные земляные сооружения в восточном Крыму. Если это так, то придется признать, что прилегающие к Керченскому проливу территории действительно являлись одной из важных и основательно защищенных областей киммерийцев. Эти рвы и валы были, видимо, позднее использованы, а возможно, и существенно перестроены, обновлены боспорцами, оберегавшими свою «европейскую» территорию от возможности набегов степных кочевников. В I в. до н. э. по образцу этих более древних валов был сооружен еще один новый оборонительный вал, находившийся значительно западнее первых.

За Киммерикским валом к востоку тянулись плодородные пахотные земли Пантикапейской области. Здесь за пределами береговой полосы было рассеяно немало мелких деревень и более крупных укрепленных поселений. Из последних некоторые играли важную роль в общей системе обороны «европейской» территории Боспора и подходов к его столице.

Севернее Чурубашского озера, у деревни Ивановки (в 10 км от Киммерикского вала), лежат хорошо сохранившиеся раз-

валины одного из таких поселений-крепостей. Как и все наиболее значительные развалины боспорских поселений на Керченском полуострове, оно было тщательно описано и обмерено в 20-х годах прошлого столетия Дюбрюксом.[70]

На возвышенности, слегка покатой, ограниченной с двух сторон очень крутыми склонами, отчетливо видны следы втянутого с северо-северо-востока на юго-юго-запад трапециевидного, почти прямоугольного в плане поселения, обрамленного могучими оборонительными стенами и башнями. С двух сторон крепости заметны признаки бывших ворот. Раскопкой (в 1947—1948 гг.) установлено, что юго-восточная сторона крепостной ограды состояла (как в Китее) из двух прилегающих одна к другой каменных стен, общей толщиной около 6.4 м. Внешняя стена (ее ширина около 4 м) сложена из громадных необработанных глыб известняка, тогда как внутренняя стена хотя и построена из неотесанных камней, но отличается большей тщательностью кладки и производит впечатление весьма капитально выполненного фортификационного сооружения.

Со стороны города к оборонительной стене примыкают хорошо сохранившиеся развалины каменных построек первых веков нашей эры. Раскопками раскрыт обширный городской квартал с жилыми зданиями и очень интересным варварским сьятилищем III в. н. э., в котором обнаружен каменный жертвенник с лежащим на нем человеческим черепом, отрубленная голова была принесена в жертву божеству, почитавшемуся местным населением.

Несомненно, данному населенному пункту придавалось очень важное стратегическое значение в римское время.

Городище у деревни Ивановки представляет собой, повидимому, остатки древнего города Илурата (Ἴλουρατον), который упоминается Птолемеем как ближайший к Тиритаке населенный пункт, расположенный северо-западнее последней.

Наименее мы пока осведомлены о боспорских поселениях на побережье Азовского моря, не подвергавшемся еще надлежащему археологическому обследованию. Из античных писателей только Птолемей называет три города, расположенные

на побережье Азовского моря, в пределах теперешнего Керченского полуострова. Порядок следования их с востока на запад таков: Парфений, Зенонов Херсонес (Ζήνωνος Χερσόννησος) и Гераклий.[71] Парфений, судя по тому, что сообщает о нем Страбон, лежал еще в проливе, в наиболее узком месте последнего.

Следовательно, из названных Птолемеем населенных пунктов на Азовском побережье надлежит искать Зенонов Херсонес и Гераклий. Первый из них некоторые исследователи предлагали отождествить с древним городищем, лежащим к северо-востоку от деревни Мамá у мыса Зюк.[72] На высокой скале здесь сохранились развалины довольно значительного поселения античной эпохи, имевшего каменные городские стены. Культурные наслоения городища насыщены фрагментами кéрамики, монетами, обломками расписной штукатурки и другими вещевыми остатками. В конце прошлого столетия здесь был найден обломок надписи римского времени, содержавший, повидимому, список членов религиозного союза — фиаса (IPE, IV, 206). Вокруг городища расположен обширный некрополь, подвергавшийся раскопкам.[73] Все говорит за то, что на мысе Зюк было одно из достаточно крупных поселений Боспора. Но предположительная локализация здесь Зенонова Херсонеса не встретила полного признания. В. В. Латышев считал более вероятным на мысе Зюк помещать Гераклий,[74] упоминаемый Птолемеем как город на берегу Азовского моря, а Страбоном — как населенный пункт, расположенный близ Мирмекия.[75]

Вернемся теперь к Черноморскому побережью, где мы наше ознакомление с боспорскими поселениями прервали в Киммерике.

Далее за Киммериком на запад, на берегу моря находилось селение Казека (Καζέκα), о котором говорят периплы Арриана и Анонима.[76] Первый указывает расстояние, отделявшее Казеку от Пантикапея (240 стадий), второй — от Киммерика (180 стадий). Слабо сохранившиеся развалины Казеки, в значительной своей части разрушенной обвалами берега вследствие морского прибоя, находятся близ мыса Таш-качик.

Соленое озеро, расположенное около деревни Качик, будучи в древности заливом, повидимому служило гаванью. Кроме фундаментов древних строений, заметных на городище, близ него еще в прошлом столетии были видны высеченные в скале гробницы.

Крайним на западе городом Боспорского государства была Феодосия, как известно, завоеванная Спартокидами в первой половине IV в. до н. э. и ставшая после этого одним из важнейших боспорских торговых городов. Она обладала первоклассной морской гаванью и была опорным пунктом на границе Боспора и горной области тавров.

Раскопки остатков античного города Феодосии еще не производились. Во время постройки феодосийского порта в 1894 г. была срыта часть холма, являвшегося в древности акрополем. Собранные тогда при земляных работах керамические находки из античных культурных наслоений включают группу фрагментов чернофигурных ваз, на основании которых с полной несомненностью выясняется существование Феодосии как греческой колонии уже во второй половине VI в. до н. э.[77] Расцвет Феодосии падает на IV в. до н. э., что находит подтверждение не только в значительном количестве хорошего качества импортной аттической краснофигурной керамики на городище, но и в богатстве курганных греческих погребений этого времени. Часть их была расследована в окрестностях Феодосии в середине прошлого столетия археологом Сибирским на средства известного художника-живописца Айвазовского. Среди найденных в этих погребениях различного рода украшений из золота особенно замечательна пара золотых серег (или височных украшений) IV в. до н. э., представляющих собою шедевр древнегреческого ювелирного искусства (рис. 33).

Каждая серьга в верхней части состоит из золотого богато орнаментированного диска, наружная поверхность которого слегка вдавлена. Края лицевой стороны диска украшены несколькими рядами зерни; далее расположено восемь накладных изящных пальмет. У основания каждой пальметы и между ними помещены маленькие розетки. Центр диска занимает рельефный пышный многолепестковый цветок.[78]

К диску прикреплена подвеска, заканчивающаяся внизу висящими на цепочках пятью тонко украшенными амфорочками, в промежутках между которыми (чуть повыше) висят четыре гладкие амфорочки еще меньшего размера. Верхние концы цепочек, поддерживающих амфорки, приделаны к люнетке, занимающей середину серьги. Люнетка, усеянная снаружи крохотными розетками, обрамлена с внешней стороны весьмью более крупными розетками, которые чередуются с изображением головы грифона. Над люнеткой на специальном орнаментированном основании размещена фигурная композиция — главное, центральное украшение серьги. Здесь по краям стоят фронтально расположенные крылатые фигуры; в промежутке между ними изображена четверка мчащихся влево от зрителя коней, которыми управляют две крылатые фигуры, как бы парящие в воздухе над конями. Тонкость работы, мастерство исполнения совершенно изумительны. Особенно поражает миниатюрность всех деталей, сделанных с исключительным изяществом и тонкостью.

Рис. 33. Золотая серьга из курганного погребения в окрестностях Феодосии. IV в. до н. э. (Эрмитаж).

Феодосийские серьги являются одним из замечательных образцов той ювелирной микротехники, которая пользовалась широкой славой еще в древности. Творцами ее считались знаменитый Феодор Самосский, а также мастера Мирмекид и Калликрат.[79]

Феодосия была одним из очагов скифского восстания, поднятого в конце II в. до н. э. во время передачи власти боспорским царем Перисадом Митридату Евпатору.

Судя по эпиграфическим памятникам, Феодосия сохраняла свое значение как торговый и стратегический пункт Боспора до IV в. н. э. включительно, хотя на протяжении первых веков н. э. были и такие периоды, когда Феодосия переживала состояние глубокого упадка. Арриан при составлении своего перипла в 30-х годах II в. н. э. назвал Феодосию «городом опустевшим». Но та настойчивость, с какой Боспор удерживал за собой Феодосию уже гораздо позже, в начале IV в. н. э., показывает с полной определенностью, что Феодосия не утратила своего важного военно-экономического значения для Боспорского государства и в самые поздние времена существования последнего.

Не менее заселенной, чем Керченский полуостров, была противоположная азиатская сторона Боспорского царства, *особенно в пределах современного Таманского полуострова.*[80] Там также было несколько больших городов, значительное число более мелких населенных пунктов и просто деревень. Большинство поселений располагалось на побережье пролива, а также Азовского и Черного морей. Такие поселения были связаны с морской торговлей, рыбными промыслами и сельским хозяйством. Другие, лежащие в отдалении от береговой полосы, представляли собой преимущественно земледельческие, а иногда и чисто скотоводческие селища.[81] Но, в отличие от крымской территории Боспора, природно-географические условия которой со времен античности никаких существенных изменений не претерпели (если не считать превращения некоторых морских заливов в замкнутые бассейны-озера), Таманский полуостров, напротив, с тех пор значительно изменился. Без учета этого обстоятельства не может быть правильно восстановлена топография азиатской стороны Боспора.

Основным фактором, которым определялся в античную эпоху иной характер географического ландшафта Таманского полуострова, была река Кубань. Дельта Кубани, отличающаяся своей изменчивостью, была в древности более разветвленной и несколькими своими протоками впадала в нынешний Таманский залив, называвшийся в древности Корокондамитским озером (Κορακονδαμῖτις λίμνη). О наиболее значительном и, несомненно, судоходном рукаве, говорит Страбон: «В озеро впадает один рукав (ἀπορρώξ) Антикита» (т. е. Кубани).[82]

Таким образом, Таманский полуостров представлял собой в античную эпоху группу островов. Из них два острова назывались по имени самых значительных городов, которые на этих островах были расположены. Поэтому при описании Боспора Киммерийского Аммиан Марцеллин отмечает, что в проливе (последний у Аммиана Марцеллина назван Пантикапским) «по правую сторону лежат острова Фанагор и Гермонасса» (»in dextro latere insulae sunt Phanagorus et Hermonassa»).[83] То же сообщает и Стефан Византийский: «К Таврике прилегают два острова: Фанагора и Гермонасса».[84]

Кроме указанных островов, связанных с одноименными им городами, в античной литературе мы найдем упоминание еще ряда городов и селений, бывших на территории нынешнего Таманского полуострова. Однако точное местоположение большинства из них до сих пор окончательно не установлено, несмотря на многократно предпринимавшиеся попытки внести в этот вопрос необходимую ясность. Это объясняется не только отсутствием достаточной определенности в сообщениях древних писателей, — а нередко и противоречивостью даваемых ими сведений, — но также и тем, что остатки древних поселений на азиатской стороне Боспора систематическому планомерному изучению еще не подвергались.

Если обратиться к античной литературной традиции, то следует признать, что наиболее полную и яркую картину размещения населенных пунктов на восточной стороне Боспора Киммерийского дает Страбон.[85] Из его описания прежде всего следует, что на юге крайней точкой пролива считалось селение Корокондама,[86] лежавшее напротив деревушки Акры, расположенной на Крымском побережье.

Корокондамитское озеро, которое позже называлось еще также озером Описсас (λίμνη Ὀπισσᾶς),[87] должно быть отождествлено с современным Таманским заливом. Древние называли его озером очевидно потому, что ограничивающие залив с северо-запада и юго-запада длинные косы — Северная (Чушка) и Южная (Тузла) — делают указанный залив почти замкнутым бассейном, напоминающим озеро. Но древние греки отлично понимали, что так наз. Корокондамитское озеро в действительности представляло собой залив и что озером его можно называть лишь условно. Последнее хорошо подтверждается периплом Анонима, в котором прямо сказано, что Корокондамитское озеро «образует очень большой залив».[88]

Селение Корокондама, как сообщает Страбон, находилось «на перешейке или узкой полосе между озером и морем». От Корокондамы, по словам того же автора, морское плавание шло сразу же на восток. Резко выраженный поворот Таманского берега к востоку начинается теперь, строго говоря, от мыса Панагия. Но искать Корокондаму у мыса Панагия нельзя, так как это место не соответствует описанию Страбона, который указывает, что Корокондама находилась на перешейке, за которым тотчас же начиналось Корокондамитское озеро. Мыс Панагия сюда явно не подходит, и поэтому наиболее вероятной надо признать локализацию селения Корокондамы[89] на мысе Тузла, где начинается Южная коса и где сохранились остатки и античного поселения и связанного с ним некрополя, который незадолго до первой мировой войны успешно раскапывался В. В. Шкорпилом.[90]

Другие боспорские поселения, бывшие на азиатской стороне, определяются Страбоном (на основании данных какого-то более раннего периплa) соответственно движению корабля, вплывающего в Корокондамитское озеро. Страбон пишет: «Вплывшему в Корокондамитское озеро представляется важный город Фанагория, Кепы, Гермонасса и Апатур, святилище Афродиты. Из них Фанагория и Кепы расположены на названном острове по отношению к плывущему [по озеру] на левой стороне, другие же города на правой стороне в Синдике, за Гипанисом. В Синдике же лежит недалеко от моря Горгиппия, столица синдов, и Аборака».[91]

Чтобы правильно осмыслить это описание, приведенное Страбоном, надо представить себе движение корабля, который, войдя в Корокондамитское озеро, т. е. нынешний Таманский залив, двигался с запада на восток, направляясь к устью реки Антикит, впадавшей одним своим рукавом в залив в том месте, где ныне находится Шимарданская бухта. Поэтому-то у Страбона специально отмечено наличие устья Антикита в Корокондамитском озере.

Стало быть, по отношению к кораблю, плывшему через залив к устью реки, Фанагория и Кепы лежали слева, они находились на острове, который, как мы знаем, носил название острова Фанагора по имени самого значительного города, бывшего на этом острове. Другие из упомянутых Страбоном городов — Гермонасса и Апатур — находились по правую сторону, т. е. южнее Кеп и Фанагории.

Если принять при этом во внимание, что Гермонасса находилась севернее селения Корокондамы, стало быть где-то в пределах Корокондамитского озера (Таманского залива), то вышеприведенное указание Страбона о Гермонассе и Апатуре ведет нас в сторону современной станицы Таманской и прилегающего к ней района.

В настоящее время считается общепризнанным отождествление города Фанагории с тем огромным, самым большим городищем Таманского полуострова, которое лежит на побережье Таманского залива в 3 км к юго-западу от поселка Сенная, северо-восточнее Шимарданской бухты, где некогда было устье Антикита. Эта локализация представляется единственно возможной, и она вполне отвечает данным Страбона. В самом деле, никакое другое городище, лежащее к северу от бывшего устья реки Антикит, впадавшей в Таманский залив, не может итти в сравнение с городищем у Сенной. Не только исключительные размеры его и мощность культурных напластований, но и наличие обширного курганного могильника вокруг городища говорят за то, что здесь в древ-

ности был очень большой и богатый город. Остатки монументальных архитектурных сооружений, которые неоднократно обнаруживались при раскопках этого городища, наконец находка серии эпиграфических памятников, свидетельствующих о находившихся в городе храмах и святилищах (в частности храма Афродиты, что вполне соответствует сообщениям античных писателей о существовании в Фанагории святилища Афродиты — Апатуры), — все это решительно говорит в пользу признания городища у Сенной за остатки азиатской столицы Боспорского царства — Фанагории, о которой уже писал в своем «Землеописании» Гекатей Милетский.[92]

Значение Фанагории весьма четко определено Страбоном, по словам которого «главным городом (μητρόπολις) европейских боспорцев является Пантикапей, а азиатских — Фанагорий. . .»[93]

Находясь близ судоходного протока Кубани, Фанагория была главнейшим торговым городом на этой речной артерии, распространявшим свое влияние на все Прикубанье. Столь важное экономическое значение Фанагории, а наряду с этим ее доминирующее стратегическое положение на восточной стороне пролива были теми условиями, в силу которых Боспорское государство не могло бы считать себя хозяином Боспора Киммерийского, если оно не обладало бы этим городом. И нет никаких оснований для того, чтобы предполагать какое-то особое положение Фанагории при Спартокидах в сравнении с другими крупными городами Боспора.

Найденная у станицы Ахтанизовской надпись о посвящении храма Артемиде Агротере, с упоминанием в тексте надписи тогдашнего правителя Боспора — Левкона I (IPE, II,344) показывает, что территория, прилегающая к Фанагории, входила при первых Спартокидах в состав Боспорского царства, а стало быть принадлежала ему и сама Фанагория. Невозможно представить себе такое положение, чтобы город был автономен, независим от Боспорского государства, но вся непосредственно примыкающая к городу территория была бы подвластна не ему, а боспорским царям. Со времени Перисада I известны посвятительные надписи

(IPE, II, 347), происходящие из самой Фанагории, в которых обозначаются имена боспорских царей с полной их титулатурой. Следовательно, в Фанагории и ее округе правителям Боспорского государства оказывались (по крайней мере со времени Левкона I) те же почести и признавалась их власть так же, как это имело место во всех прочих городах Боспора.

Самостоятельная чеканка монет Фанагорией в доримское время — это та же дань полисной традиции боспорских городов, с которой вынуждены были считаться Спартокиды не только в Фанагории, но даже и в Пантикапее — резиденции боспорских царей. В понятие «Боспор», фигурирующее в титулатуре Спартокидов, несомненно входили все основные города европейской и азиатской сторон Боспора Киммерийского, включая Фанагорию. Более самостоятельного положения Фанагория достигла лишь в ранне-римское время в связи с той ролью, которую она сыграла в гибели Митридата Евпатора. Но полная автономия, полученная тогда Фанагорией от Рима, была весьма кратковременной и длилась не более двух десятилетий (см. стр. 311—312, 340); в дальнейшем город был подчинен боспорским царям, правда с сохранением некоторых прав на внутреннее самоуправление.

Фанагорийское городище — развалины некогда очень большого и цветущего античного города — занимает теперь территорию около 35 га; толщина культурных напластований, образовавшихся в результате многовекового существования города в античную и средневековую эпохи (до XII—XIII вв.), составляет в среднем 4—5 м, а местами она гораздо больше.

Город имел морской порт, от которого сохранились под водой остатки мола в виде монументальной каменной стены, выдающейся в залив.[94] Юго-западнее города, вероятно, находился речной порт у реки Антикита.

Тот факт, что о Фанагории писал Гекатей Милетский, делает несомненным существование Фанагории как теосской колонии, во всяком случае, уже в конце VI в. до н. э. Археологические материалы, добытые из нижних культурных напластований Фанагории при недавних раскопках, позволяют счи-

тать, что жизнь в Фанагории уже шла на протяжении последних десятилетий VI в. до н. э.[95] Но поскольку нижние слои Фанагории изучены еще на сравнительно небольшой территории, нельзя считать эту дату вполне окончательной при определении времени возникновения Фанагории как античного поселения.

Фанагория, несомненно, была окружена монументальными оборонительными стенами и башнями, но они еще раскопками не обнаружены.

В городе существовали различные промышленные эргастерии и ремесленные мастерские, производившие глиняную посуду,[96] черепицы,[97] терракотовые статуэтки, металлические изделия[98] и т. д.

Об оживленной торговле Фанагории говорят многочисленные образцы привозной расписной, чернолаковой, краснолаковой керамики, а также обильно представленные в культурных наслоениях обломки амфор для вина. В числе керамических находок имеются изделия Аттики, городов западного побережья Малой Азии, Хиоса, Родоса, Коса, Делоса, Фасоса, Гераклеи Понтийской, Херсонеса Таврического и др.[99]

В Фанагории, как и в Пантикапее, были монументальные общественные здания и богатые частные дома. При археологических раскопках неоднократно обнаруживались признаки таких построек. В прибрежной части фанагорийского городища во время раскопок 1938—1939 гг. обнаружено много цветной расписной и лепной штукатурки, украшавшей во II—I вв. до н. э. стены домов.[100]

В 50-х годах XIX в. при разведочных раскопках археологи наткнулись на часть городской площади, где в древности были расположены общественные здания, а также стояли статуи и плиты с надписями. Раскопками обнаружены стержни колонн, много архитектурных фрагментов, а также серия мраморных пьедесталов от статуй с посвятительными надписями.[101]

В одной из надписей указывается, что бывший жрец посвятил статую богу Аполлону Врачу в царствование Спартока III (IPE, II, 348). Аполлон, следовательно, был почитаем не только в Пантикапее, но и в Фанагории, что вполне понятно, так как

и здесь основное ядро жителей состояло из ионийцев, в числе которых, конечно, не мало было милетцев. Культ Аполлона удерживался в Фанагории долго, как показывает надпись римского времени (123 г. н. э.) о сооружении посвятительного памятника Аполлону Бесконечному (Ἀπόλλων ἀτελής) в фанагорийском пригороде Диоклеях (IPE, II, 351).

Две из найденных в Фанагории надписей сообщают о воздвигнутых в царствование Перисада I статуях в честь богини Афродиты Небесной (IPE, II, 347; IV, 418). О почитании Афродиты в Фанагории говорит также Страбон, по словам которого «в Фанагории есть известное святилище Афродиты Апатуры».[102]

Храм Афродиты в Фанагории обладал собственным обширным хозяйством, включая земельные угодия, на которых эксплоатировалось местное закрепощенное сельское население — пелаты.

Культ Афродиты и ее храм в Фанагории вместе с принадлежавшим последнему хозяйством стали предметом особенного внимания боспорских царей и знати в римский период в связи со все более усиливавшимся проникновением сарматских элементов в социальную и культурную жизнь Боспора. Эти сарматские влияния шли, главным образом, с азиатской стороны Боспора, где культ Афродиты как синкретического греко-варварского божества плодородия всегда был в большом почете и пользовался широкой популярностью.

Где-то неподалеку от Фанагории находился еще и Апатур — поселение, возникшее в связи со святилищем Афродиты Апатуры (о его возможной локализации мы скажем ниже). В надписях Афродита часто именуется «владычицей Апатура» (Ἀπατούρου μεδέουσα).

Близ Фанагории находился также храм Артемиды Агротеры (Сельской), воздвигнутый на средства некоего Ксеноклида, сына Посия (IPE, II, 344), в царствование Перисада I. Остатки этого храма и надпись о его сооружении были обнаружены в начале XIX в. на западном берегу Ахтанизовского лимана, на горе, после того как в ней образовались трещины от сотрясения, вызванного извержением соседнего грязевого вулкана.[103]

Во время обвала прибрежной части той же горы, происшедшего в начале XIX в., на берег Ахтанизовского лимана (у мыса Рахмановского) упали и были там найдены торсы двух статуй — мужской и женской, а также пьедестал от этих статуй[104] с сохранившейся на нем греческой надписью следующего содержания: «Комосария, дочь Горгиппа, жена Перисада, по обету посвятила сильному богу Санергу и Астаре при Перисаде, *архонте Боспора и Феодосии и царе синдов и всех меотов и фатеев*» (IPE, II, 346).

Оба божества — Σανέργης и Ἀστάρα, — которым воздвигла этот памятник жена боспорского царя Перисада I, принадлежат к числу божеств восточных.[105] Астара соответствует финикийской Ашторет и вавилонской Иштар, от которых ведет свое происхождение эллинская Афродита. Упоминаемый в надписи бог Санерг, очевидно, тождествен малоазийскому божеству Сандону, который по своему значению соответствовал греческому Гераклу. Сочетание Астары и бога Санерга, олицетворявшего собою мощь, сверхъестественную силу, несомненно отвечало определенным религиозным представлениям боспорцев, которые отразились в местном мифе о спасении Афродиты героем Гераклом от преследовавших ее гигантов (см. стр. 213).

Заимствование культа иноземных божеств — Астары и Санерга, поклонение им на Боспоре, очевидно, обусловливалось тем, что образы этих божеств были близки популярной здесь богине Афродите и ее спасителю — герою Гераклу.

Самый факт проникновения на Боспор имен восточных божеств в IV в. до н. э. свидетельствует о живых культурных и экономических связях, существовавших тогда у Боспора с Малой Азией, откуда, как можно думать, и проникли на Боспор имена Астары и Санерга.

Как видно из приведенного выше страбоновского описания Корокондамитского озера (Таманского залива) и примыкающих к нему местностей, в том же районе, где находилась Фанагория, севернее устья Антикита лежал город Кепы, возникший в свое время как милетская колония.[106] Город этот несколько раз упоминается в греческой литературе в связи с некоторыми событиями внутренней истории Боспорского царства. Известно, что Кепы были предоставлены боспорскими правителями афиняну Гилону, деду Демосфена, за какие-то его заслуги перед Боспором (см. стр. 176). Получение Кеп «в дар» Гилоном, вероятно, выражалось в праве извлекать доходы с прилегавших к городу земель и с жившего на них сельского населения.[107]

Во время династической распри, возникшей между сыновьями Перисада I, в город Кепы, как известно, бежал Притан после неудачной его попытки поднять в Пантикапее восстание против Евмела. Но в Кепах Притан был убит, повидимому, кем-то из подосланных Евмелом людей.[108]

Город продолжал существовать и позднее, на что указывают упоминания его у римских писателей Плиния[109] и Помпония Мелы. [110]

Местоположение Кеп пока не поддается точному выяснению. Предполагается, что развалины Кеп представлены городищем, которое расположено несколько севернее Фанагории, на месте бывших хуторов Артюхова и Пивнева (иногда поэтому городище называют Артюховским).[111] Городище это, имеющее следы бывшего акрополя, окружено курганами; раскопки одного из них, производившиеся в прошлом столетии, ознаменовались открытием группы погребений рубежа III—II вв. до н. э. (вероятно, это был фамильный некрополь) с замечательным набором художественных вещей.

В северной части Таманского полуострова было еще несколько поселений, о которых имеются упоминания в античной литературе; но местоположение их определяется в настоящее время лишь с известной долей вероятности. Где-то на северном побережье Таманского залива лежало селение Патраей (κώμη Πατραεύς), отделявшееся расстоянием 180 стадий (т. е. около 23 км) от Корокондамы.[112]

Имеются некоторые основания думать, что городище, находящееся у Запорожского зерносовхоза (район бывшего хутора Чиркова), представляет собою остатки селения Патраей.[113] Рас-

стояние от этого пункта до Тузлы, где локализуется Корокондама, действительно близко к 130 стадиям.

В 1931 г. на городище, с которым отождествляется Патраей, были произведены небольшие разведочные археологические исследования.[114] Они показали, что древнее поселение здесь возникло в VI в. до н. э. До начала нашей эры поселение находилось на западной высокой части городища. В римское время размеры поселения увеличились, и оно охватывало уже всю территорию городища, включая и круглое укрепление (так наз. батарейку).

Раскопками на этом городище были открыты интересные развалины большой винодельни первых веков н. э. Сохранились три больших смежных прямоугольных в плане резервуара, стены которых образованы каменной кладкой; внутри резервуары покрыты многослойной розоватой штукатуркой (известковый раствор с примесью толченой керамики), количество слоев которой достигает 17. Уцелели также часть цементной давильной площадки и один каменный слив, по которому с площадки виноградное сусло стекало в резервуар. Такой тип винодельни с тремя резервуарами хорошо известен по раскопкам Мирмекия и Тиритаки, где открыто несколько очень хорошо сохранившихся виноделен подобного же устройства. Летом 1948 г. экспедицией А. С. Башкирова на городище предполагаемого Патраей была открыта вторая большая винодельня II в. н. э. с несколькими давильными площадками, из которых одна предназначалась для окончательной отжимки виноградного сока с помощью рычажного пресса.

Обнаружение виноделен римского времени в боспорском поселении на Таманском полуострове представляет существенный интерес, так как доказывает наличие и на азиатской стороне Боспора вполне развитого винодельческого промысла с применением таких же технических средств, как и в поселениях европейской части Боспора.

Значительно севернее Патраея на побережье пролива, в наиболее узкой его части, у выхода в Азовское море, находилось селение Ахиллий (Ἀχίλλειον). Этот пункт считался

в античную эпоху «крайней точкой Азии у устья Меотиды или Танаиса».[105] Ширина пролива у Ахиллия исчислялась приблизительно в 20 стадий, т. е. около 3,5—4 км. На другой стороне в этом узком месте пролива, по словам Страбона, лежало селение Парфений, а по данным перипла Анонима — селение Порфмий. Следует отметить, что в действительности от любой точки побережья Керченского полуострова до противоположного берега Таманского полуострова (в северной их части) расстояние значительно больше, чем то, которое указывают древние авторы. Очевидно, те 20 стадий, о которых сообщает Страбон и другие как о расстоянии между двумя противолежащими сторонами пролива в наиболее узкой части последнего, соответствовали промежутку между Крымским побережьем в районе теперешнего Еникале (там находились древние Парфений — Порфмий) и Северной косой, вероятно считавшейся в античную эпоху своего рода продолжением селения Ахиллия.

Наиболее вероятными остатками Ахиллия не без основания принято считать большое городище, расположенное у начала Северной косы. На этом городище неоднократно встречались при различного рода земляных работах развалины античных зданий, части каменных стен и отдельные архитектурные детали.[116] Наличие курганов в районе данного городища подтверждает, что некогда здесь существовал крупный населенный пункт, по своему местоположению наиболее близко отвечающий Ахиллию. Как сообщает Страбон, в Ахиллии существовало святилище Ахилла — бога-покровителя моряков. Представляется весьма вероятным, что это святилище находилось непосредственно на косе, подобно святилищу Ахилла на Тендровской косе, существование которого там засвидетельствовано эпиграфическими находками (IPE, I², 328—332).

Имеются сведения, что еще в начале XIX в. при тихой погоде были различимы под водой в южной части Северной косы с восточной стороны последней какие-то мраморные колонны; указывалось даже количество этих колонн — шесть.[117] В среде местного населения ходили рассказы о якобы пред-

принимавшейся одним из жителей неудачной попытке извлечь одну из указанных колонн. Сведения эти, к сожалению, никем впоследствии не были подвергнуты надлежащей проверке. Между тем, если бы в действительности существование подобного рода подводных древних архитектурных остатков около Северной косы подтвердилось, то в них мы имели бы, скорее всего, следы размытого морем святилища Ахилла.

Совершенно невыясненным остается местоположение селения Киммерий, которое находилось невдалеке Ахиллия, по Страбону — в 20 стадиях (XI, 2, 6). Псевдо-Скилак сообщает, что «при самом выходе из устья [т. е. из пролива в Азовское море, — *В. Г.*] лежит город Киммерий (πόλις Κιμμερίς), названный так от варваров киммерийцев, основанный тиранами Боспора».[118]

Говоря, очевидно, о том же пункте, но называя его Киммерийским селением (κώμη ἡ Κιμμερική), Страбон отмечает одну существенную его особенность: «оно служит местом отправления для плывущих по озеру».[119] Следовательно, это место было исходным пунктом для кораблей, уходящих из Боспора в плавание по Азовскому морю. Несмотря на то, что в Таманский залив, как мы знаем, впадала Кубань (Антикит), корабли, отправлявшиеся из боспорских гаваней в Азовское море, очевидно предпочитали итти прямо в море через пролив, а не по кубанским протокам, где приходилось бы преодолевать сильное встречное течение. При обратном курсе, вероятно, считалось более целесообразным входить в пролив через Антикит, используя попутное течение.

Восточнее Киммерия, в расстоянии 120 стадий, было расположено селение Тирамба (Τυραμβή), близ которого находилось устье реки Антикита, выходившее в Азовское море.[120] Это, несомненно, тот самый проток Кубани, который в течение долгого времени был забит илом, вследствие чего бездействовал, и только в 90-х годах прошлого столетия восстановился (так наз. Пересыпное гирло), благодаря чему Ахтанизовский лиман получил непосредственное соединение с Азовским морем, как это и было в древности. Таким образом, в античную эпоху

можно было из района Фанагории плыть по выходившему в Корокандитское озеро (Таманский залив) рукаву Антикита, двигаясь на восток, и далее через нынешний Ахтанизовский лиман итти на север, где проток Антикита (т. е. теперешнее Пересыпное гирло) позволял выйти прямо в Меотиду.

Упоминаемое Страбоном селение Тирамба сохранилось в виде незначительных остатков городища, расположенного рядом с современной станицей Пересыпной.[121] Большая часть этого городища, лежащего на высоком обрывистом берегу, уже обвалилась вследствие интенсивного подмывания берега.

Производившиеся на городище разведочные работы и небольшие раскопки на некрополе, состоящем из грунтовых могил и земляных склепов,[122] подтверждают, что Пересыпное городище представляет собою остатки значительного античного поселения, культурные напластования которого восходят по крайней мере к IV—III вв. до н. э.

Поблизости от Пересыпного городища начинается древний, так наз. Киммерийский вал, который идет в юго-западном направлении и выходит к Таманскому заливу несколько выше места предполагаемых Кеп. Этот вал долгое время было принято объяснять как древнее военно-оборонительное сооружение, преграждавшее доступ на территорию северо-западной части Таманского полуострова, носящей в настоящее время название полуострова Фонтан[123] (нередко его называют также Киммерийским полуостровом). Наличие здесь в античную эпоху селения Киммерий заставляет предполагать тесную связь данного района с киммерийцами в доколонизационный период.

Однако в последнее время, в результате неоднократно производившегося обследования так наз. Киммерийского вала, точка зрения на его происхождение изменилась. Вал этот, очевидно, возник первоначально не как военно-оборонительное, а как гидротехническое сооружение. Это была земляная дамба, которая защищала низменные части Фонтановского полуострова от разлива вод, проходивших по одному из ныне несуществующих протоков Кубани. Следы последнего хорошо прослеживаются в настоящее время вдоль вала.[124] Отсутствие рва

у вала еще более подкрепляет вывод о гидротехническом назначении так наз. Киммерийского вала, построенного, несомненно, в древности, когда Кубань своей многорукавной дельтой дробила нынешний Таманский полуостров на серию островов.

Любопытно сохранившееся у Страбона упоминание бывшего где-то неподалеку от селения Ахиллий курганообразного насыпного памятника (μνῆμα χωστόν) Сатира — «мужа, прекрасно правившего Боспором» (ἀνδρὸς τῶν ἐπιφανῶς δυναστευσάντων τοῦ Βοσπόρου).[125] Повидимому, у Страбона подразумевается боспорский архонт — царь Сатир I. Где находился памятник-курган Сатира, в точности неизвестно. Широко распространенным является предположение, что местом его служила сопка на вершине горы Куку-оба (Горелая гора), господствующая над всем Фонтановским полуостровом.[126] Независимо от локализации памятника, представляет безусловный интерес сам факт его сооружения в древности на территории современного Таманского полуострова. Это доказывает, что уже первые Спартокиды проявляли большую активность на азиатской стороне, так как постройка «памятника» Сатиру I, несомненно, была обусловлена какими-то его важными достижениями по расширению и укреплению рабовладельческого Боспорского государства на азиатской стороне последнего.

С южной стороны Таманского залива были расположены два значительных поселения, о которых, как известно, говорит Страбон при описании Корокандамитского озера, — Гермонасса и Апатур. Гермонасса представляла собой крупный город, второй по значению город азиатской стороны Боспора. Показательно, что византийские составители хрестоматии «Географии» Страбона, передавая в сжатом виде страбоновскую характеристику азиатской стороны Боспора, указывают на два находившиеся там «важных города» (πόλεις... ἀξιόλογοι) — Фанагорию и Гермонассу.[127] Понятно поэтому, что Гермонассу можно помещать только на месте теперешней станицы Таманской, где находится обширное древнее городище, по своим масштабам уступающее лишь Фанагории. Значительная часть

городища застроена современной станицей; до XVIII в. на нем стояла турецкая крепость. Остатки античной Гермонассы к тому же перекрыты очень толстыми наслоениями средневековой эпохи. В X—XII вв. на этом месте был древнерусский город Тмутаракань.[128]

Систематических раскопок таманского городища никогда не производилось. Попытка организовать такие раскопки была, правда, предпринята в 1930—31 гг.,[129] но после двух раскопочных сезонов работы, прервались; в 1938—1940 гг. велись только раскопки некрополя.

Таманское городище окружено очень большим древним некрополем, в том числе богатыми курганами, что подтверждает важное значение бывшего здесь в античную эпоху поселения и наличия в нем богатых жителей. Находка греческих надписей, в частности посвятительных надписей на пьедесталах статуй, также говорит за то, что на месте Тамани был значительный античный город. В нем с полным основанием можно видеть Гермонассу, о которой в периэгесе Дионисия сказано, что это «прекрасно построенный» (εὔκτιτος) город, населенный, так же как и Фанагория, выходцами из Ионии.[130]

В свете всего того, что дают археологические памятники Тамани для характеристики бывшего здесь античного поселения, вопрос о локализации Гермонассы можно считать вполне решенным,[131] тем более, что отождествление Гермонассы с Таманью хорошо согласуется и с топографическими указаниями древних писателей. Плиний, говоря о Боспоре Киммерийском (проливе), отмечает, что первым при входе в него по правую сторону лежит город Гермонасса (oppida in additu Bospori, primo Hermonassa).[132]

В тех случаях, когда удавалось достигнуть нижних культурных наслоений таманского городища, залегающих на глубине 9 м, а иногда и больше, от современной поверхности, обнаруживались наиболее ранние следы жизни, восходящие ко второй половине VI в. до н. э. Последнее подтверждается находками ионийской керамики, украшенной чернолаковыми поясками, чернофигурных расписных сосудов и пр.

На берегу Таманского залива часто местные жители находят древние монеты; появление их там вызывается происходящими время от времени обвалами крутого и очень высокого лёссового берега вместе с лежащими на нем древними культурными напластованиями. В числе таких находок было не мало серебряных монет Пантикапея конца VI и V вв., а также фанагорийских и синдских монет конца V в.[133] Все это, а равным образом находки в таманском некрополе[134] вполне определяют существование Гермонассы уже во второй половине VI в. до н. э.

О богатстве Гермонассы, о наличии в ней крупных богачей-землевладельцев и купцов из среды боспорских греков и эллинизованных синдов можно судить по таким находкам, как знаменитый Пуленцовский клад. В 40-х годах прошлого столетия казачий есаул Пуленцов организовал на таманском городище кладоискательские раскопки. На большой глубине его рабочие обнаружили вазу, наполненную золотыми монетами. Большинство монет было ими расхищено и лишь 21 монета передана Пуленцову. В число их входило 17 золотых пантикапейских статеров IV в. до н. э. Среди них преобладали статеры с изображением на лицевой стороне головы сатира, на оборотной — шагающего по хлебному колосу грифона с дротиком в клюве. Остальные 4 монеты представляли собой электровые статеры города Кизика.[135]

Богатство греко-синдской знати, жившей в Гермонассе, подтверждается и роскошью известного погребения в превосходном мраморном саркофаге второй половины IV в. до н. э., открытого в кургане на Лысой горе близ Тамани в 1916 г. (см. стр. 284).

Разведочным раскопом, который был произведен в 1930 г. в прибрежной части таманского городища, была открыта часть отлично вымощенной улицы или площади, свидетельствующая о благоустроенности античной Гермонассы.[136] В городе находился храм или святилище Афродиты, на что указывает находка украшавших такое сооружение фрагментов мраморного скульптурного рельефа, изображающего борьбу гигантов с Гераклом.[137] Сюжет этот связан с местным мифом о защите Афродиты Гераклом от покушавшихся на богиню гигантов. Существовали также, вероятно, святилища Аполлона Врача и Аполлона Дельфиния (покровителя мореплавания), посвятительные надписи которым времен Спартокидов обнаружены в Тамани при земляных работах на территории древнего городища.[138]

Представляется также весьма вероятным, что с каким-то храмом Гермонассы был связан и найденный в Тамани большой список граждан IV в. до н. э., имена которых (в числе около 40) высечены на каменной плите. Интересно, что почти все имена чисто греческие, а диалектологические особенности указывают на то, что это были выходцы из Ионии, главным образом из Милета.[139]

Гермонасса не утратила своего значения и в римское время. В надписи времени царя Римиталка (131/32—153/54 гг.), найденной в Тамани, сообщается о постройке башни.[140] Следовательно, Гермонасса была укреплена, и ее оборонительные сооружения в римское время усовершенствовались путем возведения новых башен.

Находка украшавшей какое-то монументальное сооружение плиты с именем главного аланского переводчика и изображением знака-тамги боспорского царя Савромата II (см. стр. 429) показывает, что в Гермонассе римского времени находился важный административный центр Боспора, через который поддерживались сношения с соседними аланскими племенами, ставшими в римское время господствующей силой в низовьях Дона, а также приазовских и северокавказских степях.[141]

Основываясь на показаниях Страбона, следует считать, что в ближайшей к городу Гермонассе местности находилось селение Апатур, являвшееся одновременно святилищем Афродиты (Ἀπάτουρον τὸ τῆς Ἀφροδίτης ἱερόν), одноименным святилищу этой же богини в Фанагории. Что такое поселение-святилище действительно существовало на азиатской стороне Боспора, подтверждают упоминания его у других писателей — Плиния[142] и Птолемея.[143]

Насколько Апатур занимал видное место в жизни населения Синдики уже в VI—V вв., показывает тот факт, что даже какой-

то залив (κόλπος) на азиатской стороне Боспора носил название Ἀπάτουρον.[144] Позднее, около начала нашей эры, Апатур, вероятно, захирел, что дало основание Плинию при характеристике азиатских городов Боспора упомянуть Апатур как почти опустевший город (paene desertum Apaturos). Повидимому, в римский период центр культа Афродиты сосредоточился целиком в Фанагории, тогда как раньше доминирующую роль играл Апатур.

Наличие на азиатской стороне Боспора двух крупных святилищ Афродиты показывает, насколько большой популярностью пользовался культ этой богини в районе Фанагории — Гермонассы, хотя распространен он был по всему Боспору. В некоторых боспорских городах существовали фиасы (религиозные союзы), в которых объединялись почитатели Афродиты.[145] Обращает на себя внимание тот факт, что Афродита носила на азиатской стороне эпитет Апатуры.[146] Известно, что почти во всех греческих городах, населенных ионийцами (исключая Колофон и Эфес), издавна с большой торжественностью совершался ежегодный праздник Ἀπατούρια — родовой праздник ионян, символизировавший религиозную общность фратрий.[147] Во время праздника в списки фратрии вносились новорожденные дети граждан, а мужья записывали в свои фратрии новобрачных жен. Праздник этот в разных местах имел своим патроном различных богов. В Афинах покровителем Ἀπατούρια считались Зевс Фратрий и Афина Фратрия, в Трезене в такой роли выступала Афина Апатурия, в Истрии — бог Гефест, и т. д. На Боспоре ионийцы — жители городов азиатской стороны — связали с указанным выше традиционным родовым празднеством богиню Афродиту, получившую вследствие этого и соответственный эпитет Апатуры, нигде в другом месте к Афродите не применявшийся.

Популярность культа Афродиты прежде всего на азиатской стороне Боспора, как мы уже отмечали выше, объясняется, несомненно, тем, что греческие религиозные представления, связанные с идеей обожествления производительных сил природы, встретились с существовавшими у местного меото-синдского и

скифо-сарматского населения аналогичным культом женской богини. Согласно Геродоту (IV, 59), скифское божество, аналогичное греческой богине Афродите Небесной (Урании), носило имя Ἀργίμπασα (по Гесихию — Ἀρτίμπασα). Изображение этого божества представлено на многих предметах, найденных в варварских погребениях северного Причерноморья и представляющих собою изделия греческих мастеров, но приноровленных к художественно-идеологическим запросам и религиозным представлениям местного населения. Наиболее ранним примером такого рода произведений может служить греческой работы серебряное с золотой обкладкой зеркало из Келермесского кургана второй четверти VI в. до н. э., на котором центральное место всей изобразительной композиции занимает богиня — владычица зверей (πότνια θηρῶν).[148] Образ этого женского божества, очевидно, отвечал определенным религиозным верованиям того варварского населения Прикубанья, с которыми в VI в. пришли в соприкосновение ионийцы-колонисты, поселившиеся в Синдике. Идейная близость местного образа женского божества к греческой Афродите облегчила их слияние.

Афродита стала общим кумиром как боспорских греков, так и варваров, населявших область Прикубанья и, прежде всего, Синдики. Вероятно, местным по своему происхождению был и тот распространенный в районе Фанагории миф об Афродите Апатуре, который передает Страбон.[149]

Афродита действовала, согласно легенде, посредством обмана (ἀπάτη), поэтому применявшийся к ней на Боспоре эпитет Апатуры был истолкован при помощи указанного мифа, т. е. как обозначение определенного свойства этой богини (Афродита Апатура, т. е. Обманчивая), хотя в действительности этот эпитет был совсем иного происхождения.[150]

Где же находился город-святилище Апатур, лежавший, повидимому, сравнительно недалеко от Гермонассы?

К сожалению, до настоящего времени местоположение несомненно где-то существующих остатков Апатура еще не выяснено, хотя догадки по этому поводу, большей частью, однако, не имеющие под собою прочных оснований, высказывались не раз.

Из всех такого рода предположений, безусловно, заслуживает наибольшего внимания попытка локализировать Апатур в районе известных курганов М. и Б. Близницы,[151] расположенных близ станицы Вышестеблиевской, на вершине хребта, тянущегося от Дубового рынка в сторону Тамани. К северу от названных курганов имеются древние городища. Непосредственно на склоне хребта с курганами находится городище, окруженное валами. Представляется весьма вероятным, что именно здесь и нужно искать остатки Апатура, особенно если принять во внимание, что в кургане Б. Близницы, представлявшем собой родовой некрополь какой-то знатной полугреческий-полуварварской семьи, были погребены жрицы не богини Деметры, как обычно принято считать, а скорее всего жрицы Афродиты святилища Апатура (стр. 288 сл.).

Одна интересная эпиграфическая находка сильно подкрепляет мысль о необходимости поисков Апатура в указанном районе, т. е., переводя на показания современной карты Таманского полуострова, в округе станицы Вышестеблиевской, расположенной около Цукурского лимана. В 1871 г. на берегу Цукурского лимана была найдена мраморная двойная герма (голова ее отбита) с посвятительной надписью: Δήμαρχος Σκύθεω ἀνέθηκεν Ἀφροδίτηι Οὐρανίηι Ἀπατούρο(υ) μεδεούσηι, ἄρχοντες Λεύκωνος Βοσπόρο(υ) καὶ Θεοδοσίης, что значит: «Демарх, сын Скифа, посвятил Афродите Урании [т. е. Небесной], владычице Апатура, при Левконе, архонте Боспора и Феодосии» (IPE, II, 343).

Спрашивается, откуда мог попасть этот посвятительный памятник на берег Цукурского лимана? Вероятнее всего, что герма с надписью стояла некогда в Апатуре, из развалин которого впоследствии она была извлечена и использована как строительный материал в ближайших окрестностях этого древнего поселения.

Наиболее отдаленным от Керченского пролива городом Боспора на азиатской его стороне была Горгиппия, находившаяся на черноморском побережье (на том месте, где стоит в настоящее время Анапа).[152] По словам Страбона, «в Синдике

находится смежная с морем Горгиппия, столица Синдов».[153] Город получил указанное название в IV в. до н. э. в честь Горгиппа — члена царского дома Спартокидов, управлявшего Синдикой после присоединения этой области к Боспору.[154] Имя Горгиппа имеется на черепичных клеймах,[155] находимых в современной Анапе при земляных работах, затрагивающих древние культурные наслоения. Такого рода клейменые кровельные черепицы изготовлялись, несомненно, в керамическом эргастерии, бывшем в Горгиппии в IV в. и принадлежавшем наместнику города или правителю всей синдской области — Горгиппу.

Еще до того как Боспор овладел Синдикой, на месте Горгиппии существовал синдский город и гавань, которые так и назывались греками: город Синдика, или Синдская гавань. В наиболее раннем перипле Псевдо-Скилака в числе городов азиатской стороны Боспора названа Синдская гавань (Σινδικὴς λιμήν).[156] Установленное в IV в. официальное название города — Горгиппия — представлено на монетах, чеканенных Горгиппией во II в. до н. э. и в митридатовское время;[157] Горгиппия упоминается, как мы знаем, у Страбона; в эпиграфических документах римского времени, находимых в Анапе, встречается упоминание наместника Горгиппии, как должностного лица высшей правительственной администрации Боспора. Но наряду с этим у многих античных писателей тот же город фигурирует под названием Синдики (Σινδική) или Синдской гавани.

Очевидно, на всем протяжении античной эпохи за городом сохранялись два названия: официальное, появившееся в IV в. до н. э., и обыденное, восходящее еще к догреческому синдскому поселению, бывшему на месте Горгиппии до включения данного района в состав боспорских владений. В этой связи следует отметить замечание Помпония Мелы о том, что город Синд (Sindos) в области Синдонов (т. е. Синдов) основан самими жителями этой области.[158] Двойственность наименования одного и того же города хорошо отражена Стефаном Византийским. В своем географическом словаре он пишет: «Горгиппия (Γοργίππεια), город в Синдике . . .», а в другом месте он же

отмечает: «Синдик (Σινδικός), город с гаванью, смежный с Скифией, некоторые называют Горгиппою (Γοργίππη)».[159]

С переходом Синдики под власть Спартокидов главный город этой области был официально переименован в Горгиппию, и превращен в один из важных торговых центров Боспора, в связи с чем туда наехало из боспорских городов большое количество греков-купцов, судохозяев и др. Поэтому в перипле Псевдо-Скилака сказано: «. . . Синдская гавань населена эллинами, пришедшими из соседних местностей».[160] Что касается прилегающей к Горгиппии местности, то на всем пространстве к северо-западу от названного города, в сторону Керченского пролива, коренное население состояло из синдов. В перипле Анонима об этом говорится так: «. . . От Гермонассы до Синдской гавани живут некие синды, являющиеся варварами, но обладающие мягкими нравами».[161] Согласно показаниям Арриана, «от Синдики до так называемого Боспора Киммерийского и боспорского города Пантикапея [расстояние равнялось] 540 стадиям»,[162] т. е. около 94 км, что довольно близко соответствует тому расстоянию, которое в настоящее время проходят корабли, направляющиеся из Керчи в Анапу.

Остатки древней Горгиппии застроены современной Анапой. Раскопок в Анапе никогда не производилось, но при археологическом обследовании Анапы в 1927 г. на ее территории были обнаружены следы древнего поселения к востоку от современного мола и в береговых обнажениях бухты.[163] Культурный слой местами достигает 2—2.5 м, причем в нижних его горизонтах обнаруживаются греческая чернолаковая керамика, обломки остродонных греческих глиняных амфор, начиная с IV в. до н. э. При разрытии культурных напластований во время различных строительно-земляных работ в Анапе очень часто находили античные греческие надписи, монеты, керамику, скульптурные изделия.

Так как Горгиппия археологическим раскопкам никогда не подвергалась (да и возможность такого рода исследований фактически крайне ограничена, поскольку остатки античного города застроены современной Анапой), то единственным пока

источником, который в какой-то мере может обрисовать хотя бы некоторые черты Горгиппии как одного из городов Боспорского царства являются надписи. Довольно значительная серия древних горгиппийских надписей собрана в результате случайных находок при разного рода строительных работах на территории Анапы.[164] Несмотря на крайнюю отрывочность и фрагментарность античных эпиграфических документов, происходящих из древней Горгиппии, все же они позволяют выяснить ряд важных сторон ее исторического прошлого.

Наиболее ранней надписью Горгиппии (из числа известных в настоящее время) является фрагментарно сохранившееся посвящение богине Артемиде Эфесской, воздвигнутое в конце IV в. до н. э. каким-то жителем города.[165] Надпись эта позволяет предполагать существование в Горгиппии уже в IV в. до н. э. монументальных культовых сооружений типа греческих храмов или святилищ.

Значение Горгиппии как крупного города, игравшего важную роль не только в хозяйственной, но также и в культурной жизни Боспора, ярко обрисовывается на основании замечательного эпиграфического документа первой половины III в. до н. э., а именно списка граждан, одержавших победу в спортивных состязаниях, устраивавшихся в Горгиппии во время праздника Гермеи (см. стр. 240). Большое количество имен, значащихся в этом списке (IPE, IV, 432), говорит за то, что указанное празднество, сопровождавшееся агонами, совершалось в Горгиппии регулярно на протяжении многих лет и что оно пользовалось, несомненно, большой популярностью. Возможно, в нем принимали участие не только жители Горгиппии, но также и представители других городов Боспора. Неоднократно встречающиеся в списке такие личные имена, как Синд и Скиф, показывают, что в городе проживало наряду с греками немалое количество эллинизованных варваров из среды, прежде всего, местного синдского населения.

Важное значение Горгиппии подтверждается также и тем, что в период подчинения Боспорского царства Митридату Евпатору Горгиппия чеканила свои монеты от имени города

подобно столичным центрам Боспора — Пантикапею и Фанагории.[166]

Римский период для Горгиппии, несомненно, был временем большого подъема. Экономической основой последнего являлось, как и при Спартокидах, торговое дело. Горгиппия была одним из важных портов, через который производился экспорт сельскохозяйственных продуктов Прикубанья. Торговыми операциями занимались многочисленные горгиппийские купцы и судохозяева, организовавшие в римское время особое религиозное общество, которому покровительствовали боспорские цари и представители правительственной знати.[167] В городе находился храм Посейдона, о поддержании которого в надлежащем состоянии заботилось общество горгиппийских судохозяев (см. стр. 370). Смешанный этнический состав населения Горгиппии, свойственный всем крупным торговым городам Боспора, нашел свое проявление в том, что в Горгиппии, как и в Пантикапее, наряду с греческими храмами в первые века нашей эры существовала иудейская синагога (προσευχή), обслуживавшая религиозные потребности живших в городе евреев.[168]

Античный облик Горгиппии как города определялся, очевидно, соответствующей его планировкой и архитектурным оформлением, о чем мы, правда, пока можем только слабо догадываться по некоторым случайным находкам архитектурных фрагментов и скульптурных произведений. Из них заслуживает специального упоминания найденная в Анапе незадолго перед второй мировой войной прекрасно исполненная мраморная статуя II в. н. э. (рис. 34), изображающая горгиппийского наместника (у статуи, хранящейся ныне в Государственном музее изобразительных искусств, утрачена нижняя часть ног).[169]

Статуя изображает стоящего пожилого бородатого мужчину, одетого в хитон и гиматий.[170] Представлен он в позе, которая в античной скульптуре обычно применялась при изображении выдающихся ораторов или писателей. Костюм мужчины — чисто греческий, но на шею его надеты свойственные не грекам, а варварам украшения: массивная гривна (металлический

Рис. 34. Мраморная статуя наместника Горгиппии. II в. н. э. (Москва, Государственный Музей изобразительных искусств).

шейный обруч), концы которой спереди заканчиваются змеиными головками, и подвеска в виде головы быка. Тонко и с большим реализмом исполненный портрет знатного горгиппийца своим сочетанием греческой одежды и варварских украшений хорошо передает синкретический характер культуры Боспорского греко-варварского государства римского времени. Горгиппийская статуя вместе с тем свидетельствует, что на Боспоре в римское время работали высококвалифицированные скульпторы, выполнявшие портретные статуи по заказу представителей боспорской знати.

Повидимому, неподалеку от Горгиппии, на территории той же Синдики, находилось упомянутое Страбоном селение Аборака (Ἀβοράκη),[171] локализация которого пока невозможна из-за полного отсутствия каких-либо уточняющих его местоположение данных. За Синдским портом (т. е. Горгиппией) на черноморском побережье находилось селение с гаванью, именуемое у Страбона Бата (Βατά);[172] оно было расположено в 400 стадиях (около 70 км) от Синдского порта. Вероятно, тот же пункт обозначен в перипле Псевдо-Скилака под названием Патус (Πάτους).[173] Если принять во внимание, что Псевдо-Скилак упоминает Патус в числе таких эллинских, т. е. боспорских, городов, находившихся в Синдике, как Фанагория и Кепы, то мы вправе думать, что в период наивысшего процветания Боспорского государства его крайние пределы по побережью Кавказа достигали названного выше пункта, включая последний. Его не без основания принято относить к району теперешнего Новороссийска. Птолемей различает два пункта: селение Бата (κώμη Βάτα) и гавань с таким же наименованием, расположенную поблизости от селения.[174] Повидимому, селение Бата лежало несколько западнее входа в Цемесскую (Новороссийскую) бухту, может быть, у мыса Мысхако, с восточной стороны которого протекает одноименная речка, впадающая в море. Здесь неподалеку от устья речки, чуть восточнее, расположена небольшая, но очень удобная для укрытия кораблей бухточка. Гавань Бата лежала очевидно непосредственно на месте теперешнего Новороссийска.[175]

В окрестностях Новороссийска имеется много памятников старины, но район этот еще очень слабо разведан в археологическом отношении. Связь этой местности с Боспорским царством подтверждается рядом случайных археологических находок. В 1913 г. западнее Новороссийска был найден клад боспорских монет. Во время разного рода земляных работ в Новороссийске неоднократно встречались древние погребения с античными вещами. При плантаже бывшей соборной площади в городе Новороссийске была обнаружена гробница, сложенная из боспорских кровельных черепиц III в. до н. э., на одной из которых оказалось оттиснуто двойное клеймо с надписью. В верхнем клейме содержится одно слово Βασιλική («царская»), на нижнем написано διὰ Βατάκου. Это значит, что черепица изготовлена на царском черепичном заводе, главным мастером (керамевсом) или арендатором которого был Батак (см. стр. 144). Такие черепицы, вероятно, изготовлялись в Горгиппии, откуда их торговцы доставляли и в район Баты.[2]

Очень интересные находки, подтверждающие принадлежность района Новороссийска Боспору, были сделаны в 1898 г., примерно в 15 км от Новороссийска, недалеко от морского побережья, в местности, где протекает р. Чухабль, западнее горы Мысхако.

При рытье земли под виноградники там натолкнулись на мощные (толщиной более 2-х метров) каменные фундаменты какого-то древнего здания, разделенного внутри на три помещения, в развалинах которого был обнаружен ряд замечательных бронзовых вещей начала I в. н. э., в том числе часть бронзового треножника, инкрустированная серебром ручка бронзового сосуда с головой Силена в плющевом венке и прекрасно исполненный женский бронзовый бюст, являющийся портретным изображением боспорской царицы Динамии, голова которой увенчана фригийской шапкой, украшенной инкрустированными серебряными звездами.

Высказывалось предположение, что на месте, где найдены упомянутые выше вещи, может быть существовал в античную

эпоху храм. Не исключено, что это была резиденция боспорской царицы Динамии после ее разрыва с Полемоном I (см. стр. 316), когда Динамия удалилась на азиатскую сторону Боспора под защиту синдо-меотских племен.

Фанагория, Гермонасса, Кепы, Горгиппия были главными центрами, откуда греческое культурное влияние распространялось на азиатские владения Боспора — Синдику и прикубанские районы. В более сильной степени оно сказывалось в районах, расположенных близ названных крупных боспорских городов. По мере же удаления от них все более преобладал местный, негреческий уклад жизни, в который лишь частично проникали элементы греческой культуры.

Произведенные недавно раскопки в одном из античных городов на нижней Кубани (в 2 км западнее станицы Варениковской) открыли интересные остатки боспорского периферийного поселения, созданного и существовавшего, несомненно, при активном участии боспорцев.[176] Город, возникший на рубеже VI—V вв. (возможно, на месте туземного селища), играл важную торговую роль и выполнял определенную стратегическую задачу в общей системе обороны городов азиатской части Боспора.

Следует отметить, что общее положение боспорских городов, лежавших на территории Таманского полуострова, оценивалось в древности как весьма благоприятное в смысле их безопасности. Разветвленная многорукавная дельта Кубани, наличие обширных глубоко врезающихся в материк лиманов и болот, несомненно, должны были сильно затруднять проникновение сюда кочевников со стороны северокавказских степей. В перипле Псевдо-Скимна эта «недоступность» боспорских городов азиатской стороны весьма обстоятельно и верно отмечена на основании какого-то источника, очень хорошо знавшего топографию Боспора.[177]

Используя благоприятные природные условия, Боспорское государство все же предпринимало строительство укрепленных городов, которые должны были обеспечить надежное прикрытие с востока подступов к основным экономическим центрам,

расположенным в береговой полосе. В соответствии с этой задачей город, развалины которого находятся близ станицы Варениковской, был при Спартокидах окружен сильной каменной оборонительной стеной и превращен, таким образом, в мощную крепость. Население здесь занималось земледелием,

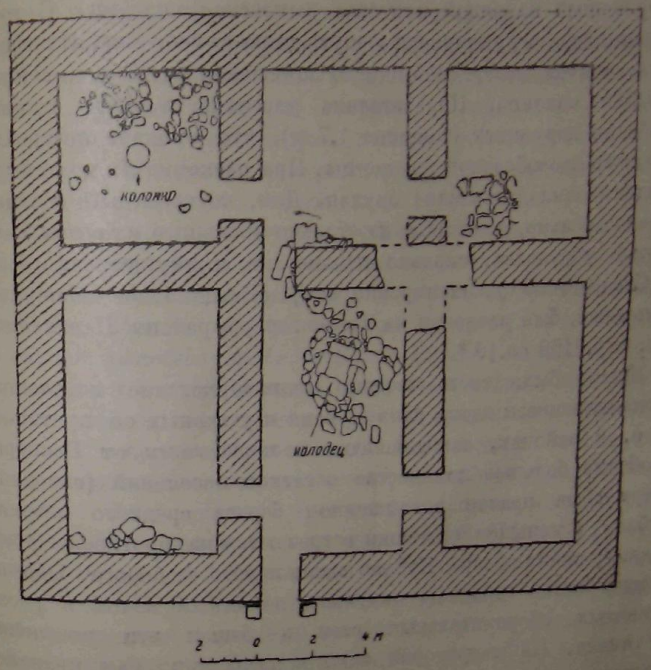

Рис. 35. План дома III в. до н. э., раскопанного на Семибратнем городище.

рыболовством, ремеслами и вело торговый обмен. В культурных слоях доримского времени в изобилии содержатся привозная греческая керамика, много синопских, фасосских, гераклейских амфор, в которых доставлялись вино, растительное масло и другие продукты.

Значительный интерес представляет открытое раскопками большое здание, построенное в I—II в. до н. э. и представляющее образец монументального частного дома, принадлежавшего, вероятно, зажиточному землевладельцу (рис. 35).

Дом имеет в плане форму четырехугольника длиной 22.5 м и шириной 19.5 м.[178] Вход с юга ведет во двор, где находится окруженный каменной плитовой вымосткой колодец. С трех сторон двора сгруппированы внутренние помещения. Их всего пять, причем посередине одного помещения уцелела каменная круглая колонна. Поразительна массивность стен здания, особенно наружных (толщина 1.7 м), что придает постройке характер своеобразной крепостцы. При раскопках в доме были найдены земледельческие орудия. Дом, построенный солидно и основательно, отличался не столько роскошью или изысканностью убранства, сколько прочностью и внушительностью.

Сходный по распланировке дом, но еще более обширный и мощный, был раскопан на Темир-горе, в районе Пантикапея (см. стр. 169 сл.).[179]

Иными были чисто местные меото-сарматские поселения, располагавшиеся вдоль реки Кубани и у южных ее притоков, т. е. в районах, находившихся в зависимости от Боспора. Особенно большое количество остатков поселений (городищ) имеется на правом возвышенном берегу среднего течения Кубани; в меньшем числе они встречаются на противолежащей террасе, окаймляющей Кубань вдоль левого ее берега. Обычно каждое такое городище окружено земляным валом и рвом; каменных оборонительных стен и башен эти поселения не имели. На территории самого поселения, как правило, возвышается холмообразная, овальная в плане, насыпь, расположенная чаще всего на обрывистом краю террасы, занимаемой поселением. От остальной территории городища возвышенная часть отделена глубоким рвом, а иногда и валом. По своим размерам рядовые поселения невелики, занимаемая ими площадь составляет большею частью от 1.5 до 3 га; в более редких случаях она достигает 7 и даже 12 га. Искусственно созданный холм, имеющийся почти в каждом поселении, очевидно предназначался для оборонительных целей.[180] Такое возвышение являлось своего рода акрополем, откуда можно было вести наблюдение за окружающей местностью и оказывать сопротивление вторгшемуся врагу.

Меото-сарматские поселения на Кубани, помимо своеобразия своих укреплений, отличались от боспорских греческих городов и внутренним устройством. Дома жителей обыкновенно представляли собой постройки из деревянных жердей, камыша и хвороста, обмазанных глиной с примесью рубленой соломы.[181] Обилие ям-зернохранилищ, которые устраивались в домах и примыкающих к ним дворах, а также множество каменных зернотерок, находимых при раскопках, подтверждают тесную связь этих поселений с земледелием.

В районе среднего течения Кубани особо выделяется городище, расположенное на возвышенном мысу правого берега реки, в 18 км западнее Краснодара, у станицы Елизаветинской. Это остатки одного из самых больших прикубанских поселений античной эпохи.[182] Более древняя западная часть указанного городища имеет в прибрежной полосе два значительных холма, окруженных рвами и входивших, очевидно, в систему укреплений поселения. С северной стороны оно было защищено валом и рвом, с запада, юга и востока — рекой Кубанью. Первоначально поселение занимало относительно ограниченную территорию, но в течение IV—III вв. оно чрезвычайно разрослось. Расширяясь к востоку, поселение охватило собою и ту местность, которая раньше, в V—IV вв., была занята под курганный некрополь, являвшийся местом захоронения богатой местной знати.[183]

В отличие от рядовых кубанских античных поселений, елизаветинское городище выделяется не только своими огромными размерами, но также исключительным обилием привозных вещей. Здесь при раскопках наряду с местной керамикой обнаружено большое количество чернолаковой и другой греческой импортной керамики, много пантикапейских монет IV—II вв. и клейменных амфор — родосских, синопских, фасосских. Встречены также статуэтки богинь Деметры и Кибелы

греческой работы, бронзовые эллинистические перстни с выгравированными на щитках изображениями Аполлона, Артемиды, Геракла и др.; обильно представлены импортные стеклянные бусы.

Находка глиняных боспорских черепиц, в том числе с клеймами, свидетельствует, что в этом поселении были не только обычные местного типа глинобитно-камышевые дома, но и более фундаментальные постройки с черепичными кровлями, устроенными по греческому образцу.

По всей вероятности, елизаветинское городище представляет собой остатки большого земледельческо-ремесленного меото-сарматского поселения, являвшегося одновременно и крупнейшим торговым центром, через который боспорские купцы вели широкий товарообмен с Прикубаньем. В таком поселении наряду с туземным населением жило немалое количество заезжего торгового люда из крупных боспорских городов — Пантикапея, Фанагории и др. Кроме того, сюда же переселялось и некоторое число боспорских ремесленников. Продукция их, соответственно приспособленная к запросам местного населения, могла иметь обеспеченный сбыт. Интересно, что открытые при раскопках елизаветинского городища гончарные обжигательные печи оказались такого же устройства, как и печи, употреблявшиеся боспорскими керамистами в Пантикапее и Фанагории.[184]

Процесс роста оседлого населения на Кубани и соответственно с этим увеличение количества поселений в значительной мере были связаны с экономическим влиянием Боспора. Как показывают археологические обследования кубанских древних городищ, на некоторых из них жизнь началась уже в конце VI в. — начале V в. до н. э., но особенно интенсивно стали возникать оседлые кубанские поселения с конца V в. и позднее, когда исключительно широкий спрос на хлеб, исходивший от боспорских купцов, несомненно стимулировал усиленный переход к оседлому земледельческому быту местных кочевых и полукочевых племен.

Насколько самобытный характер носили местные поселения, расположенные на отдаленной окраине Боспора, в районах Прикубанья, показывает известное уже нам описание резиденции вождя племени фатеев, приводимое Диодором Сицилийским (см. стр. 74).

Самым дальним пунктом Боспорского государства, его крайним северным форпостом был город Танаис, лежавший близ впадения р. Танаис (ныне Дон) в Азовское море. Развалины Танаиса находятся на правом возвышенном берегу северного рукава донской дельты, носящего теперь название Мертвого или Гнилого Донца, возле селения Недвиговка.

При раскопках на недвиговском городище наряду с разнообразными вещественными остатками античной эпохи найдена серия греческих надписей II—III вв. н. э., содержащих сведения о постройке различных сооружений, списки членов религиозных обществ и др. Указанные надписи вполне подтверждают существование в этом месте донской дельты боспорского города Танаиса. Но жизнь здесь началась, судя по археологическим материалам, только в III—II вв. до н. э.[185] В предшествующее время роль боспорской колонии в низовьях Дона играло другое поселение, возможно также носившее название Танаиса, развалины которого, окруженные большим курганным могильником, лежат недалеко от станицы Елисаветовской, километрах в 17 юго-восточнее недвиговского городища.[186]

Елисаветовское поселение первоначально являлось, повидимому, небольшим местным селищем, которое было превращено в конце V в. до н. э. боспорскими купцами в крупный торговый город.[187] Он примыкал тогда к большому протоку Дона. Однако довольно скоро, вследствие обмеления протока, судоходство по нему оказалось настолько затрудненным, что расположенный здесь город стал терять свое торговое значение. Ввиду этого боспорцы принуждены были в III в. до н. э. подыскивать другое место для устройства эмпория (торжища), к которому могли бы легко приставать суда, приходившие из Азовского моря, и откуда товарам было бы обеспечено дальнейшее продвижение вверх по Дону. Остатки этого второго

города и представлены недвиговским городищем, культурные наслоения которого охватывают период с III—II вв. до н. э. по IV в. н. э.

Страбон сообщает о городе Танаисе следующее: «При впадении реки в озеро [т. е. в Азовское море] лежит одноименный [реке] город Танаис, основанный эллинами, владеющими Боспором. . . Он служил общим торжищем для азиатских и европейских кочевников и для [купцов], приплывающих по озеру [т. е. Азовскому морю] из Боспора. Кочевники доставляли рабов, шкуры и разные другие свои товары; прибывающие же из Боспора купцы взамен привозили платья, вино и прочие предметы, свойственные цивилизованному образу жизни. Перед городом на расстоянии 100 стадий [17.8 км] лежит остров Алопекия, на котором живет смешанное население».[188] В другом месте тот же автор отмечает, что «город Танаис — самое большое торжище варваров после Пантикапея».[189]

Интересные сведения о нижнем Придонье сообщает также Плиний в своем труде Naturalis historia (VI, 20). По его словам, «[Реку] Танаис скифы называют Сином (Sinum), а Меотийское озеро Темарундой (Temarunda), что значит [по-скифски] „мать моря“. У устья [реки] Танаис есть также город. Его окрестностями первоначально владели карийцы, затем клазоменцы и меоны, потом пантикапейцы». Это сообщение ценно прежде всего тем, что оно передает нам античную историческую традицию о проникновении в район нижнего Танаиса (Дона) карийцев, меонов (жителей Лидии) и клазоменцев еще до того, как в устье Танаиса была основана боспорцами, точнее пантикапейцами, постоянная торговая колония.

Сообщение о сношениях карийцев и меонов с Придоньем заслуживает доверия в такой же мере, как и указание на клазоменцев. Вспомним, что и Страбон отметил бывшие на побережье Азовского моря клазоменские наблюдательные вышки (σκοπαί), связанные, вероятно, с рыбным промыслом (см. стр. 111 сл.). Очевидно среди первых ионийцев, достигших с торгово-промысловыми целями берегов Меотиды и устья Танаиса, весьма активную роль играли греки из города Клазомены. Но еще

раньше туда добирались мореходы-пираты карийцы, проложившие первые пути в Меотиду из Эгейского моря, со стороны его западного, т. е. малоазийского побережья.

Само собой разумеется, что торговый обмен между греческими купцами и племенами нижнего Придонья мог осуществляться регулярно и в достаточно больших размерах только после создания крупного торгового города, каковым и стал Танаис. Торговые сношения греческих купцов с местным населением велись и в других поселениях нижнего Дона. Остатки одного такого наиболее удаленного в глубь страны торгового пункта античной эпохи представлены темерницким городищем (на территории современного Ростова). Были также рынки и в некоторых более мелких древних поселениях, в частности непосредственно у входа в дельту Дона (на месте теперешнего города Азова) и др.

Самым крупным и важнейшим торговым центром являлся все же город Танаис, который был подчинен боспорским царям и в котором проживало значительное число греческих колонистов, хотя по численности местное негреческое, скифо-сарматское население было преобладающим.

Находясь далеко от правительственных центров Боспора, Танаис неоднократно проявлял тенденцию стать автономным городом. Это стремление к независимости исходило, повидимому, главным образом от верхов негреческой части населения города — танаитов.[190]

Что это местное население, — точнее его верхний социальный слой, втянутый в торговую деятельность, — играло в Танаисе далеко не второстепенную роль, видно из того, что внутренняя администрация Танаиса, как об этом известно из эпиграфических документов римского времени, была специально приспособлена к двум как бы равноправным группам населения. «Эллинархи» управляли греческими жителями, «архонты танаитов» ведали делами местного негреческого населения. Представителем верховной власти Боспора являлся царский наместник — пресбевт. С большой долей вероятности можно предполагать, что указанный порядок управления

Танаисом сложился в основных своих чертах гораздо раньше, в доримское время. Во всяком случае, на отдаленной окраине Боспора, несомненно, с местным населением приходилось очень считаться и даже идти на компромисс с ним при создании внутренней администрации города.

Что касается стремления танаитов к полной независимости от Боспора, то вряд ли оно могло проявляться, и тем более сомнителен успех подобных попыток, если они имели место в период, когда Спартокиды были в зените своего могущества. Но с ослаблением Боспорского государства в поздне-эллинистическое время, особенно во II в. до н. э., Танаис, очевидно, добился полной автономии. Подтверждением этому служит указание Страбона, что некоторые племена меотов, занимавшие восточные районы Приазовья, «подчинялись владетелям торжища на [реке] Танаис, другие — боспорцам».[191]

Следовательно, в течение какого-то периода Танаис не только не был подчинен Боспору, но и сам распространил свою власть на ближайшие районы Приазовья. Период этот, очевидно, не был очень продолжительным. С усилением Боспорского государства к началу нашей эры Танаис вынужден был снова признать себя нераздельной частью Боспора, а повторная попытка к неповиновению, проявленная в конце I в. до н. э., как увидим ниже, обошлась Танаису дорого.

Более древний Танаис, развалины которого расположены у ст. Елисаветовской, представлял собою весьма обширный город (площадь городища составляет почти 40 га) с двойной каменной оборонительной оградой (рис. 36). Одна ограда была построена вокруг центральной возвышенной части поселения, другая охватывала весь город, выходивший своей северной стороной к некогда полноводному широкому протоку реки, который ныне превратился в болотистую низменность. Потребность в сооружении второй линии оборонительной стены была вызвана, повидимому, быстрым ростом города, привлекавшим своей торговлей большое количество окрестных жителей.

Наиболее зажиточное население занимало центральную часть города, где больше всего обнаруживаются следы каменных домов, тогда как на окраине города, между внешней и внутренней оградой, признаков каменных построек очень мало. Господствующей формой строений здесь были глинобитные дома, каркас которых сооружался из кольев и камыша и покрывался затем глиняной обмазкой. Резко выделялись на фоне этих туземных построек каменные дома с черепичными крышами, принадлежавшие греческим колонистам и зажиточным представителям местного населения, которые перенимали от греков материальную культуру и бытовые навыки.

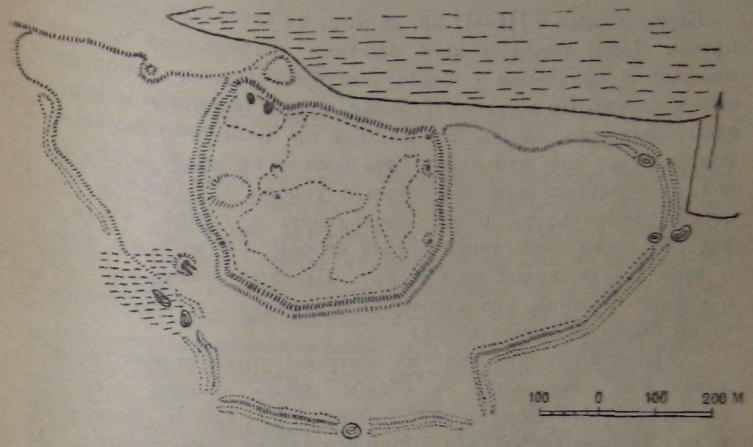

Рис. 36. План древнего городища у станицы Елисаветовской.

В некоторых домах греческого типа внутренние помещения были отделаны цветной штукатуркой, обломки которой, равно как и обломки обработанного мрамора, встречаются при археологическом обследовании городища.[192]

Во время разведочных раскопок, производившихся на территории древнего Танаиса, т. е. на елисаветовском городище, обращало на себя внимание, наряду с большим количеством

греческой привозной керамики, изготовленной в боспорских городах или доставленной из Греции и Малой Азии, изобилие местной негреческой посуды, вылепленной от руки, без гончарного круга. Преобладание такой керамики соответствует определенному этническому составу города, в котором весьма значителен был процент негреческого, скифо-сарматского населения.

Перенесенный в III—II вв. до н. э. на северный судоходный проток Дона, город Танаис занимал значительно меньшую площадь в сравнении с более ранним городом, располагавшимся южнее. По остаткам Танаиса, представленным недвиговским городищем, видно, что в плане он имел трапециевидную форму и был снабжен двумя оградами — внешней и внутренней. Внутренняя каменная стена с угловыми башнями ограждала центральную, почти квадратную в плане, часть города:[193] перед этой стеной с трех сторон — с востока, севера и запада — проходил еще и ров. Главный въезд находился с южной стороны, где примерно посередине оборонительной стены были городские ворота.

Характер внутригородских построек, прежде всего жилых домов, был, повидимому, в общем очень сходен с типами такого же рода сооружений, бывших в раннем поселении у ст. Елисаветовской. Но оборонительные сооружения Танаиса, развалины которого находятся на недвиговском городище, значительно более развиты, стены и башни построены гораздо основательнее, монументальнее. Это несомненно была сильная крепость, обороноспособности которой придавалось очень большое значение.

Глава восьмая

БОСПОРСКИЕ НЕКРОПОЛИ

В окрестностях каждого города или селения на Боспоре было расположено кладбище, по-гречески некрополь — город мертвых. Изучение некрополей, как и городов, позволяет осветить многие стороны культуры Боспорского государства в различные периоды его существования. И дело не только в том, что древние могилы, нередко являющиеся сложным архитектурно-художественным сооружением, содержат множество различных вещей, в том числе немало ценных привозных и местных изделий, которыми сопровождался умерший в его мнимую загробную жизнь. Некрополи позволяют с особенной яркостью проследить развитие сложного процесса культурного взаимодействия между греками и варварами, процесса формирования той своеобразной греко-скифской или греко-сарматской культуры, творцами которой являлись обе стороны — и греки, и варвары, населявшие Боспорское государство.[1]

Самым обширным и богатым был некрополь боспорской столицы — Пантикапея, тянущийся непрерывной полосой по южному и северному склонам горы Митридат в западном направлении, начиная от внешних границ города (архаический некрополь был в V в. до н. э. застроен городом) вплоть до Золотого кургана. Другой большой пантикапейский некрополь находился к северу от города, на территории так называемого Глинища, где он в значительной своей части застроен совре-

менными кварталами Керчи. Отсюда некрополь, состоящий из погребений, главным образом, эллинистического и римского времени, распространяется к северу и северо-востоку вдоль берега Керченской бухты, где через некоторое расстояние сливается с некрополем города Мирмекия.

Преобладающими были грунтовые ямные могилы. Яма, в которой хоронили покойника вместе с его погребальным инвентарем, покрывалась сверху досками или каменными плитами. Иногда яму не только покрывали плитами, но и выкладывали ими стенки внутри, что придавало могиле вид каменного ящика.

Каменные плиты заменялись нередко кровельными черепицами, и тогда получалась черепичная могила.[2] Подземные склепы в виде комнат, сложенных из плит или вырубленных в твердой материковой породе, устраивались довольно редко в доэллинистический период, но они стали употребительны в эллинистическое и особенно в римское время. Почти во все периоды на Боспоре у жителей его городов преобладал обряд трупоположения, хотя параллельно с этим применялось и трупосожжение, к которому особенно часто прибегали в архаический и поздне-эллинистический периоды.

Вокруг Пантикапея рассеяно множество курганов, часть которых заключает в себе монументальные склепы. Курганы, сооружение которых на месте захоронения умерших было местным, варварским, обычаем, нередко тянутся цепочками, образуя своеобразные аллеи. Величественная вереница курганов на горе Юз-оба простирается на протяжении многих километров южнее Керчи.

В соответствии с греческими обычаями, на могилах ставились каменные надгробия — стелы; их воздвигали, обычно, родственники умерших (иногда надгробия заказывались заблаговременно, еще при жизни).[3] Надгробий было особенно много на пантикапейском некрополе, в меньшем количестве такие стелы украшали некрополи других городов.[4]

В V в. надгробия еще были редки; они имели тогда вид простой известняковой плиты с вырезанным на ней именем покойника. С конца V в., в связи с ростом богатства, вошло

в обычай ставить дорогие надгробия, нередко мраморные, доставлявшиеся из Афин. Надгробиям этим придавалась форма высокой плиты, завершенной красивым декоративным анфемием в виде пышной рельефной пальметы и волют. Следуя привозным образцам, пантикапейские мастера стали вскоре изготовлять подобные надгробия и анфемии из местного известняка.

Начиная с III в. до н. э., на надгробиях появляются скульптурные рельефы с изображением фигур покойников, представленных часто в кругу своих близких, среди детей, вместе со слугами-рабами, которые обыкновенно изображались сбоку в виде маленьких фигур. Рельефы нередко расписывались красками. Фигуры людей, т. е. героизированных покойников, представлены в надгробных рельефах в нише, т. е. находящимися как бы в преддверии храма, увенчанном фронтоном с акротериями и розетками. В надписях под рельефами приводятся имена умерших с указанием на их родственные отношения, если надгробие посвящено нескольким членам семьи. Встречаются, но редко, и такие надписи, в которых отмечена профессия, род занятий покойного. Известны надгробия флейтистки, купца, судостроителя, учителя гимнасия, любителя литературы (филолога), грамматика, ученого. В надгробиях мужчин порой указывали, что они погибли при исполнении воинского долга. На одном из надгробий написано, что похороненный под ним гражданин «лежит в земле боспорской, сраженный копьем» (IPE, II, 298). В другом пантикапейском надгробии говорится, что покойный «убит бурным Аресом номадов», т. е. скифским богом войны; иными словами, погиб он в войне со скифами (IPE, II, 171). Известно надгробие, на котором еще более образно сказано, что умерший «наткнулся на страшное варварское копье».[5]

В надгробных надписях указывалась нередко родина покойного, если он не был уроженцем того города, где скончался. В надписях на пантикапейских надгробиях упоминаются граждане боспорских городов Феодосии, Гермонассы, Нимфея и Кеп. Заканчивались надписи обычно словом «прощай» или

«прощайте». Состоятельные люди заказывали местным поэтам стихотворные эпитафии, которые высекались на надгробиях; в них восхваляются достоинства умерших, выражается горе близких по поводу утраты.

Будучи произведением не первоклассных скульпторов, а лишь скульпторов-ремесленников, многие надгробия, вышедшие из лучших мастерских в III—I вв. до н. э., все же отличаются незаурядным исполнением. В рельефах, обычно изготовлявшихся из местного известняка-ракушечника, передан внешний облик людей, типизированный, без портретных черт сходства, но с тщательной проработкой деталей. Нередко мастеру удается передать в изображенных фигурах настроение траура, печали.

На некоторых пантикапейских надгробиях дано изображение умершей четы, трогательно пожимающей руки, — знак неразлучности, верности. Одно из надгробий I в. до н. э. показывает воина, облокотившегося на щит, и сидящую рядом в кресле его сестру; сбоку маленькая фигура прислужницы с сосудом (рис. 37). Изображение на надгробиях мужчин-воинов чаще всего в виде вооруженного всадника, сопровождаемого слугой-оруженосцем, стало особенно популярным начиная со II—I вв. до н. э., когда Боспор переживал время почти непрерывных войн и внутренних волнений, что, естественно, нашло свое отражение и в сюжетах надгробных рельефов.

Наряду с греческими надгробиями в ходу были и антропоморфные надгробия местного типа, в которых как бы продолжается традиция древних, еще киммерийских менгирообразных стел. Они представляли собою схематическое изображение человеческого образа: простая прямоугольная плита обычно имеет сверху округлой формы выступ.[6] Известны такого рода надгробия с греческими надписями IV—III вв. до н. э. и более поздние, но на них часто надписей нет.

Надписи на надгробиях — чрезвычайно ценный источник для изучения этнического состава населения боспорских городов в различные периоды их истории. Негреческие имена встречаются и в надписях доримского времени, но их стано-

Рис. 37. Надгробие Каллисфении, жены Баста, и ее брата Коллиона. I в. до н. э. (Керчь, Археологический музей).

вится особенно много в надгробиях первых веков н. э. вследствие прогрессирующего смешения населения Боспора, вызванного притоком в города жителей из состава местных скифо-сарматских племен. Вместе с тем весьма показательно, что общий подсчет засвидетельствованных надписями имен дает значительно меньший процент местных имен в центральных городах Боспора, чем в городах периферийных. При всей условности этих статистических выкладок, характерно, что в надписях таких городов, как Пантикапей, насчитывается лишь 25% негреческих имен, тогда как в Танаисе их не менее 40%.[7]

Состав и количество вещей в могилах варьируются в зависимости от различных причин. Прежде всего это зависело *от материального состояния умершего, отчасти от его этнической* принадлежности, которой определялись известные погребальные обряды и приемы устройства самой могилы. Правда, тесное и длительное общение греческого и местного населения Боспора, культурное взаимодействие между этими двумя группами не могли не отразиться и на погребальных обрядах, которые становились с течением времени все более близкими и сходными. Поэтому далеко не всегда по устройству могилы и содержащимся в ней вещам (это относится к некрополям крупных боспорских городов) можно определить, кто в ней был похоронен: представитель ли местного населения или грек. Если в более ранние периоды еще возможно подметить различия между греческими и негреческими погребениями, то по мере развития культурной ассимиляции эти черты различия стираются настолько, что уже в поздне-эллинистический и особенно в римский периоды такое разграничение делается почти невозможным.

В могилы богатых обычно попадали дорогие вещи, нередко высокохудожественные произведения, не говоря уже о том, что само погребальное сооружение часто являлось сложным сооружением, тогда как в могилах рядовых граждан и бедняков погребальный инвентарь или ограничивался небольшим количеством самых дешевых вещей, или он вовсе отсутство-

вал. Кроме предметов, связанных с одеждой и погребальным убором (к ним относятся *различного* рода украшения, в том числе ювелирные изделия, как то: золотые венки, диадемы, перстни, браслеты, серьги, ожерелья, бусы, фибулы и т. п.), в могилах обычно встречаются глиняные сосуды, формы и характер выделки которых менялись с течением времени. Значительная часть этих сосудов, ставившихся в могилы, предназначалась для хранения воды или вина (амфоры, энохои, гидрии) и для питья (килики, канфары, скифосы) и т. п.

Пища существенной роли в погребальном инвентаре греческих могил не играла, в противоположность могилам скифским и сарматским, куда клали закланных лошадей или куски жертвенного мяса. Лишь изредка в греческих могилах встречаются такие «угощения», как орехи, каштаны, миндаль, фрукты; неоднократно обнаруживалась также яичная скорлупа.

В погребениях боспорцев нередки монеты; довольно часто их находят во рту покойника. Этот обычай был связан с поверьем, что за перевоз души покойника в загробное царство через реку Стикс необходимо уплатить перевозчику Харону соответствующую плату.

Для многих погребений классического и ранне-эллинистического времени в столичных некрополях Боспора характерно наличие предметов, связанных с определенными сторонами греческого быта. В женских могилах встречаются веретена для изготовления пряжи, зеркала, туалетные шкатулки и коробочки, сделанные из кости или дерева (нередко с белилами и румянами). Особенно показательны многочисленные находки в мужских могилах пантикапейского некрополя V—III вв. сосудов (лекифы, арибаллы, алабастры) для масла, которым натирали тело перед гимнастическими упражнениями, а также железных стригилей (скребков), которыми очищали тело после окончания спортивных занятий в палестре.

В городах Боспора, как и у себя на родине, в метрополии, греки стремились к тому, чтобы каждый свободный гражданин, принадлежавший к господствующему классу, был физически

хорошо развит. Соответственно с этим была построена система воспитания детей и юношей, гимнастика и спорт в ней занимали первостепенное место.[8] Физическая тренировка, закалка тела, стремление развить смелость и стойкость путем различного рода спортивных упражнений и состязаний являлись средством подготовки молодежи к выполнению обязанностей воинов — надежного оплота класса рабовладельцев.

Об участии боспорцев в спортивных состязаниях (агонах), которыми сопровождались различные религиозные празднества, устраивавшиеся в городах Боспора, свидетельствует найденный в Анапе (древняя Горгиппия) большой агонистический список, т. е. перечень победителей, высеченный на мраморной плите в первой половине III в. до н. э. (IPE, IV, 432). На обеих сторонах плиты помещены имена 226 мужчин, одержавших победу на играх, проводившихся в Горгиппии, во время праздника Гермеи (Ἑρμαῖα).

Как показывает само название, праздник этот имел прямое отношение к почитанию бога Гермеса, культ которого был широко распространен в Греции и Малой Азии. Гермес являлся *одним из популярнейших древнегреческих богов*. С его именем было связано немало красочных и увлекательных сказаний, мифов, повествующих о разнообразнейших приключениях и деяниях этого бога, которому приписывались поразительно многосторонние функции.

Это был вестник богов, посредник между богами и людьми и в то же время бог торговли, покровитель рынков, торговых городов, дорог и путешественников, бог рудных богатств и подземных сокровищ, попечитель стад и пастбищ, дарователь неожиданных благ и удач, проводник душ умерших в загробное царство Аида, и т. д.[9]

Гермес в представлении древних греков был воплощением ловкости, проворности, подвижности и расторопности. Все эти качества делали Гермеса идеальным образцом греческого эфеба — юноши, проходящего военное обучение и упорно совершенствующего свою физическую закалку упражнениями в палестре и гимнасии, в гимнастических играх и состязаниях.

Очень часто поэтому греческие палестры и гимнасии чтили Гермеса как своего патрона; кроме того, во многих греческих городах устраивались в честь его юношеские спортивные празднества, называвшиеся Ἑρμαῖα.[10] В Афинах, в частности, считали Гермеса основателем гимнасия и там периодически справляли посвященный ему спортивный праздник Гермеи. Возможно, обычай праздновать Гермеи был перенят боспорцами из Афин в период наиболее тесных экономических и культурных взаимосвязей в IV в. до н. э.[11] В горгиппийском агонистическом списке перечислены лица, одержавшие победу в двух видах состязаний: в длинном беге (δόλιχος) и в εὐεξία («благосостоянии»). Первый вид состязаний — продолжительный бег — заключался в том, что участники должны были несколько раз (7—12, а иногда до 24 раз, что составляло почти 4000 м) обежать стадий, т. е. специальную беговую площадку, на которой происходили состязания. Второй вид состязаний, обозначенный в списке термином εὐεξία, требовал от спортсменов, чтобы они соревновались на хорошее состояние тела и здоровья.[12]

Кроме Гермеи, праздновавшейся в Горгиппии, в наиболее крупных боспорских городах устраивались, несомненно, еще и другие религиозные торжества, которые также сопровождались агонами. В этом нас вполне убеждает посвятительная надпись из Тамани времен Перисада I с упоминанием некоего Местора, бывшего агонофетом, т. е. судьей агонов (IPE, II, 345). Поскольку эта надпись посвящена Аполлону, можно думать, что агоны в Гермонассе или Фанагории[13] производились в IV в. до н. э. в связи с культом названного божества.

Боспорцы участвовали в состязаниях не только в своих городах, но и далеко за их пределами, в Греции, на общеэллинских празднествах. В различных пунктах Боспора неоднократно обнаруживались так называемые панафинейские амфоры — расписные чернофигурные вазы, выдававшиеся в качестве приза на агонах, которые совершались в Афинах во время праздника великих Панафиней. Этот праздник, посвященный богине Афине, происходил раз в четыре года и проводился

с особенной пышностью и торжественностью, причем всегда сопровождался многообразными гимническими (спортивными), конными и музыкальными состязаниями. Победителям выдавалось в виде награды масло от священных олив, а также ценные расписные панафинейские амфоры, изготовленные в аттических керамических мастерских. На амфоре обычно был изображен тот вид состязаний, в котором одержал победу получивший настоящий приз. Кроме того, на другой стороне вазы изображалась богиня Афина между двух колонок с петухами, и, как правило, там же наносилась надпись: τὸν Ἀθήνεθεν ἄθλον, подтверждающая, что ваза являлась «призом из Афин», а обозначение наряду с этим еще имени архонта служило определением времен состязания (часть амфор выпускалась без надписей, такие амфоры обычно принято называть «псевдопанафинейскими».[14]

В настоящее время известно 8 найденных на Боспоре панафинейских амфор, часть которых дошла лишь в виде фрагментов. Самая ранняя из этих амфор (псевдопанафинейская) обнаружена в пантикапейском некрополе и относится к концу VI в. — началу V в. до н. э.[15] На ней изображен флейтист; следовательно победа была одержана в музыкальном состязании. Сходный сюжет — изображение музыканта, играющего на кифаре, — представлен на панафинейской амфоре 30-х годов V в., найденной в кургане у ст. Елисаветовской на нижнем Дону.[16]

Очень интересна панафинейская амфора (конца V в.), обнаруженная в кургане близ ст. Елизаветинской на Кубани. На одной стороне амфоры мы видим обычное изображение Афины, на другой — сцену кулачного боя (рис. 38). Потерпевший поражение боец упал; справа от состязающихся стоит судья, наблюдающий за ходом борьбы. На руках бойцов четко обозначены ремни, которыми обвивались кисти для предохранения их от повреждений.[17]

Не менее эффектна панафинейская амфора конца IV в., найденная в Ак-бурунском кургане; она была разбита на месте совершенной при погребении тризны. На амфоре изображены трое юношей, соревнующихся в беге.[18]

Рис. 38. Панафинейская амфора, найденная в кургане у станицы Елизаветинской. Конец V в. до н. э. (Эрмитаж).
1 — группа кулачных бойцов и зритель — сцена состязания; *2* — богиня Афина.

Перечисленные выше амфоры свидетельствуют, что боспорцы одерживали победы в самых разнообразных агонах, совершавшихся на панафинейских торжествах.[19]

Следует, однако, отметить, что некоторые панафинейские амфоры обнаружены на Боспоре в явно негреческих погребениях. Таковы, в частности, амфоры конца V в. до н. э., происходящие из курганов в районе нижнего Дона и на средней Кубани.

Между тем известно, что в таких общеэллинских агонах, как панафинейские, могли участвовать только греки. Очевидно, панафинейские амфоры, полученные в качестве приза жителями боспорских городов, нередко затем выгодно продавались самими владельцами приза или их близкими родственниками, после смерти награжденного, представителям богатой варварской знати.

Ярким памятником, отражающим палестрический быт пантикапейцев во времена Спартокидов, является погребальный склеп IV в. до н. э., открытый в 1908 г. в Керчи и представляющий собою сооружение, несложное в архитектурном отношении, но чрезвычайно ценное своей росписью.[20]

Склеп состоит из дромоса (коридора) и усыпальницы в виде небольшого четырехугольного помещения, стены которого сложены из каменных плит, а потолок представляет собой плоскую, хорошо отесанную плиту. Оштукатуренные стены украшены росписью, стиль и общая композиция которой выполнены в весьма архаической манере. Роспись состоит из трех горизонтальных цветных полос: нижняя — бледножелтая, над ней — темнокрасная, выше полоска белого цвета и затем идет полоса цвета охры. Увенчивается роспись стены фризом, исполненным живописью, в нем изображены предметы из обихода палестрита, представленные — поодиночке и попарно — как бы висящими на гвоздях. Показаны сосуды для масла — аribаллы и алабастры, стригиль, полотенца с вытканными на них узорами, повязки, диадемы и венки из оливковых веток, которыми увенчивались победители на гимнических состязаниях. Склеп служил семейной усыпальницей: в нем было похоронено пять человек. Погребальный инвентарь состоял из сосудов,

в числе которых — две краснофигурные аттические пелики, чернолаковый килик с тисненым узором на дне, глиняный алабастр, пять краснофигурных лекифов с пальметками, два арибаллических лекифа, украшенных сетчатым узором и белыми точками. Кроме того, в склепе обнаружены два железных стригиля. Весь этот набор сосудов для масла, а равным образом стригили свидетельствуют, что быт людей, похороненных в склепе, был тесно связан с палестрой, физической тренировкой.

Очень интересны боспорские подкурганные склепы IV в. до н. э. Они являются одним из ярких показателей высокого уровня материальной культуры, строительного искусства Боспора в IV в. до н. э.

Больше всего таких склепов, скрытых под курганными насыпями, раскопано в районе Керчи; в меньшем числе они известны на Таманском полуострове и около Анапы. Объясняется это тем, что царский двор и наиболее состоятельная боспорская знать находились в Пантикапее, и поэтому именно здесь были воздвигнуты самые монументальные и роскошные усыпальницы, на постройку которых тратились огромные средства.

Боспорская архитектура конца V и IV вв. до н. э. имеет одну примечательную в техническом отношении особенность. Античное зодчество тогда еще не владело (до середины IV в. до н. э.) искусством возведения клинчатых сводов с распором, как определенной формы покрытия.[21] При таком условии постройка каменных гробниц, покрытия которых должны были выдержать нагрузку огромной земляной насыпи кургана, являлась делом достаточно трудным. Разрешена эта задача была посредством применения уступчатых покрытий, построенных по принципу так называемого ложного свода. Внутренние пространства погребальных комнат и ведущих к ним коридоров-дромосов покрывались уступчатыми потолками, образованными из горизонтально уложенных каменных плит так, что каждый вышележащий ряд кладки несколько выступал над нижележащим, тем самым постепенно суживая перекрываемое пространство.

Эта технически простейшая конструкция была использована искусными боспорскими строителями для создания в высокой степени художественно выразительных монументальных сооружений, отличительной чертой которых являются величественная суровость и предельная простота, великолепно гармонирующие с погребальным назначением склепов.

В ряду такого типа гробничных построек надо особо выделить монументальные склепы с купольными — или, вернее, псевдокупольными — покрытиями.[22]

В нескольких километрах к западу от Керчи в 1832 г. был раскопан археологом В. Д. Карейшей громадный курган, под насыпью которого в разных его частях оказалось три ограбленных склепа. Возможно, найденные в них некогда сокровища и послужили основанием к возникновению у местного населения названия этого кургана — Алтын-оба, что значит Золотой курган.[23]

Курганная насыпь, имевшая в высоту свыше 21 м и в окружности около 240 м, была снаружи облицована грандиозной циклопической кладкой, состоявшей из огромных полигональных блоков известняка, остатки которой уцелели до настоящего времени.[24]

В северо-западной части кургана был обнаружен самый большой и выдающийся своей архитектурой склеп, состоящий из круглой купольной гробницы и ведущего в нее дромоса (рис. 39).[25] Круглая в плане гробница, диаметром 6.4 м и высотой 9 м, сложена насухо из хорошо отесанных блоков известняка. 17 горизонтально лежащих рядов кладки образуют уступчатый конический купол, который замкнут сверху одной плитой. Выступы кладки начинаются с самого низа, начиная со второго ряда плит. Дромос длиной 4.75 м ведет к входному проему погребальной камеры, причем и дромос и проем имеют уступчатые покрытия.

Еще более импозантна и более сложна по конструкции купольная гробница в так называемом Царском кургане, расположенном в 4 км северо-восточнее Керчи. Это замечательное сооружение было открыто археологом А. Ашиком в феврале

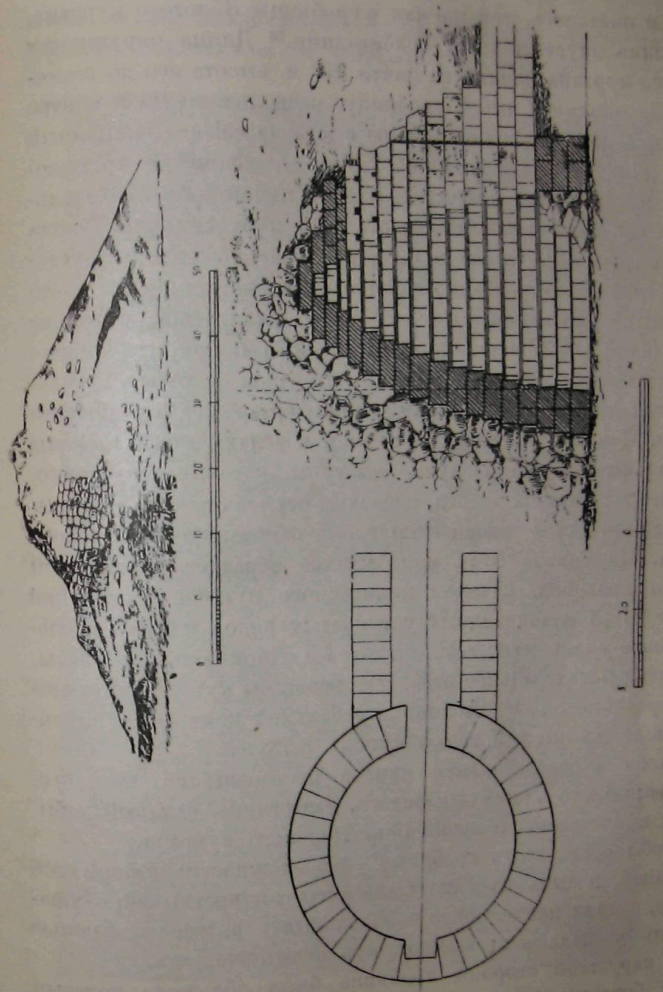

Рис. 39. Золотой курган.
1 — общий вид; 2 — план склепа; 3 — продольный разрез склепа

1837 г. и оказалось, так же как и гробницы Золотого кургана, совершенно опустошенным грабителями.[26] Длина окружности Царского кургана равняется почти 250 м, высота его до раскопок была около 17 м.[27] В гробницу, расположенную в центре кургана, ведет — по направлению с юга на север — каменный дромос длиной 36 м и шириной 2.8 м, имеющий на протяжении 20 м уступчатое покрытие, близко напоминающее стрельчатый свод, замкнутый на высоте 7.14 м от земляного пола дромоса (рис. 40). Стены и свод дромоса сложены из рустованных плит, что особенно усиливает впечатление монументальности сооружения. Погребальная квадратная в плане камера (длиною 4.37 м и шириною 4.22—4.25 м), покрыта коническим уступчатым куполом (рис. 41). Переход от четырехугольника стен склепа к круглому куполу разрешен следующим образом. Начиная с 5-го ряда кладки, в углах склепа сделаны диагональные, слегка вогнутые выступы, которые постепенно, все более выдвигаясь вперед, образуют ступенчатые пандативы, необходимые для перехода к круглому основанию конического купола. На уровне 10-го ряда кладка образует правильный круг, являющийся началом конического купола. Последний состоит из 13 кольцевидных уступчатых рядов кладки последовательно уменьшающегося диаметра и одной большой плиты, замыкающей центральное отверстие вершины купола, имеющее в поперечнике 83 см; высота погребальной камеры от каменного пола до высшей точки купола 8.73 м.

Дромос и погребальная камера построены из местного, так называемого аджимушкайского, известняка, который добывается и в настоящее время близ Царского кургана.

Чтобы обезопасить гробницу от возможности деформации ее кладок, насыпь кургана была устроена чрезвычайно тщательно, с применением ряда специальных мер, имевших целью придать ей надлежащую плотность и устойчивость.

С наружной стороны гробница была обложена толстым слоем бутовых камней. Покрывающая их насыпь состояла из глины, перемежающейся с прослойкой морской травы и толстым слоем (1.10 м) крупного бута. Такая структура

насыпи вполне предохраняла ее от опасности размыва атмосферными осадками и от возможности оползней.

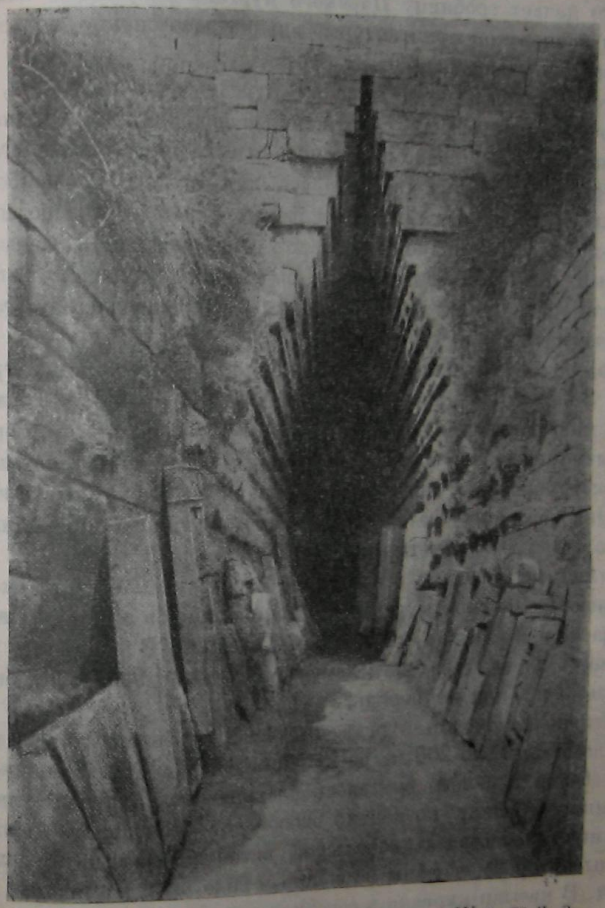

Рис. 40. Дромос склепа в Царском кургане. IV в. до н. э.

Тонко прочувствованные внутренние пропорции гробницы, крайне простые, лишенные каких-либо элементов декоратив-

ности формы, с их суровой гладью отвесных стен камеры и уводящим ввысь строгим ритмом ступеней конического купола, — все это делает гробницу Царского кургана блестящим памятником боспорской архитектуры, вполне заслуженно пользующимся мировой известностью.

Кто был погребен в Царском кургане, мы не знаем, но исключительный размах сооружения и исполнение его, несомненно, лучшими зодчими Боспора заставляют предполагать, что гробница эта предназначалась для одного из наиболее богатых и прославившихся боспорских царей IV в. до н. э. Это мог быть или Левкон I, или, что еще вероятнее, Перисад I, который, по словам Страбона, был даже «признан богом» за свои заслуги перед Боспорским рабовладельческим государством.

Но если такие большие сооружения, как купольные гробницы Золотого и Царского курганов, единичны,[28] то гораздо более многочисленны подкурганные склепы меньших размеров, покрытые не коническими ступенчатыми куполами, а сходными по конструктивному принципу уступчатыми покрытиями в виде пирамидообразного шатра, своим прямоугольным основанием строго отвечающего четырем сторонам камеры.

Отличным образцом такого рода сооружений служит склеп в Мелек-Чесменском кургане, расположенном в северной части города Керчи, на так называемом Глинище. В древности эта местность лежала за пределами города Пантикапея и была использована под некрополь.

Мелек-Чесменский курган, имеющий в высоту почти 8 м и окружность около 200 м, раскопан в 1858 г. А. Е. Люценко.[29] Погребение в склепе оказалось расхищенным, уцелели лишь останки ребенка, несколько досок от маленького гроба, обломки алабастра и небольшой витой бронзовый браслет, концы которого сделаны из золота в виде змей с эмалевой чешуей. В насыпи кургана с северной стороны при дополнительном исследовании кургана были обнаружены следы поминальной тризны и остатки костра, на котором совершалось погребальное жертвоприношение.[30] Среди обломков разбитой

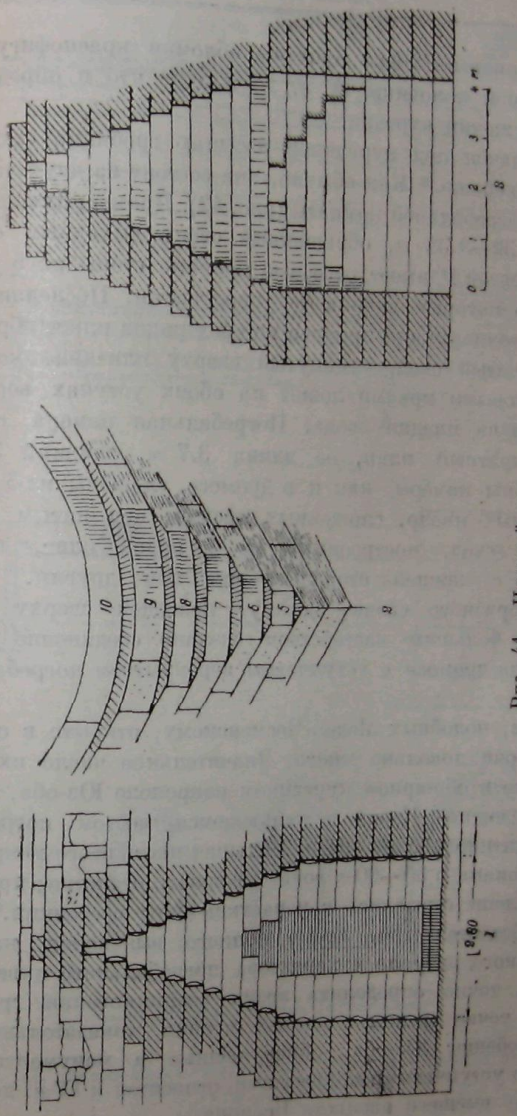

Рис. 41. Царский курган.
1 — вход в склеп; 2 — ступенчатый покрытие; 3 — поперечный разрез склепа.

во время тризны посуды найдены обломки краснофигурных сосудов второй половины IV в. до н. э.,[31] что и определяет время сооружения кургана.

Находящаяся под курганной насыпью гробница сохранилась очень хорошо.[32] Как обычно, она состоит из двух частей: дромоса и погребальной комнаты (рис. 42). Дромос, длиной 9 м, шириной 1.32—1.38 м, обращенный своим выходным отверстием на восток,[33] имеет отвесные боковые стены из 5 рядов плит, выше которых начинаются перекрытия. Последние состоят в восточной части дромоса из трех рядов плит, образующих уступчатый свод, замкнутый сверху плитами, которые своими боковыми краями лежат на обоих уступах верхнего третьего яруса кладки свода. Погребальная камера склепа имеет квадратный план, ее длина 3.7 м, ширина 3.64—3.69 м. Стены камеры, как и в дромосе, сложены из 5 рядов чисто тесаных квадр, сложенных насухо; над пятым рядом начинается свод, построенный из 7 рядов плит, выдвигающихся с каждой стороны один над другим. Центр пирамидообразного свода замкнут лежащей сверху одной плитой. С большим мастерством сделано соединение уступчатого свода дромоса с уступчатым перекрытием погребальной камеры.

Склепов, подобных Мелек-Чесменскому, открыто в окрестностях Керчи довольно много. Значительное число их было обнаружено в обширном курганном некрополе Юз-оба, расположенном южнее Керчи и являющемся местом погребения высшей пантикапейской знати. Большая часть этого некрополя была раскопана в 50—60-х годах прошлого столетия; при этом многие склепы оказались в нерасхищенном состоянии.[34] Последнее обстоятельство, кроме полного выяснения картины погребального ритуала и характера погребального инвентаря, позволяет точно определить время возникновения гробниц. И с этой точки зрения в высшей степени показательно, что все погребения Юз-оба, обнаруженные в монументальных склепах с уступчатыми покрытиями, относятся к IV в. до н. э., к периоду высшего расцвета Боспора.

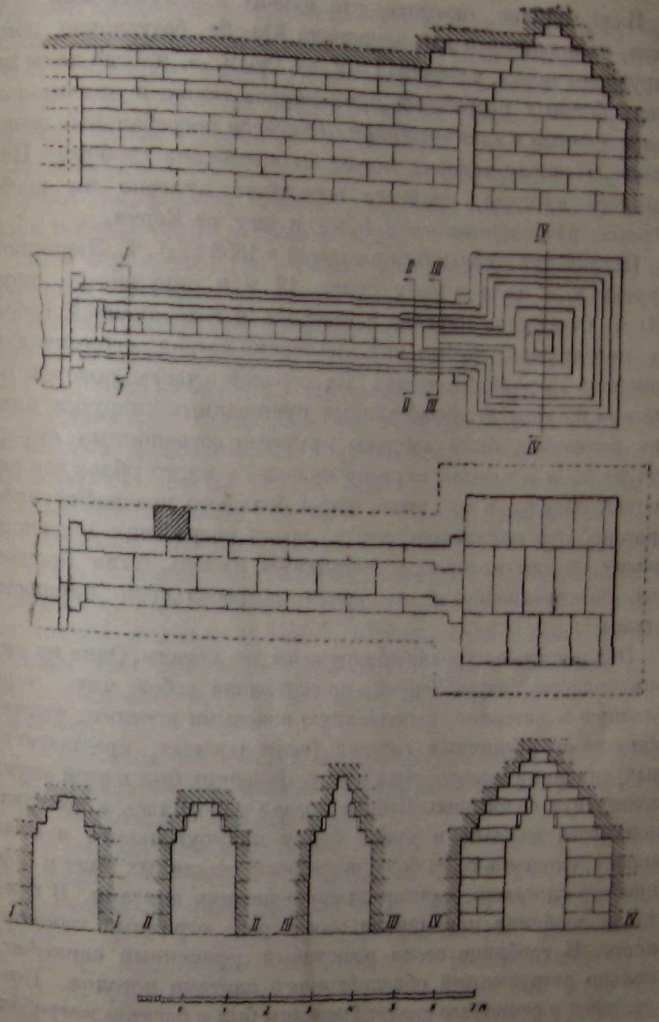

Рис. 42. Склеп Мелек-Чесменского кургана — план и разрезы. IV в. до н. э.

Надо, однако, отметить, что наряду с уступчатыми склепами, являющимися для некрополя Юз-оба, безусловно, доминирующим типом, в течение I—V вв. до н. э. иногда даже для очень богатых погребений применялись также и значительно более простые в архитектурном отношении погребальные сооружения. К числу таковых может быть отнесена гробница Павловского кургана, крайнего восточного кургана на хребте Юз-оба, расположенного в 5 км к югу от Керчи.

Павловский курган был раскопан в 1858 г. А. Е. Люценко.[35] Курган этот имел высоту свыше 12 м и окружность около 200 м. Основание кургана с северной и юго-западной сторон на протяжении нескольких десятков метров ограничивала каменная ограда (крепида). За оградой, часть которой построена из хорошо обработанных рустованных снаружи плит, при раскопках были найдены разбитые остродонные амфоры для вина, а в насыпи кургана оказалось много обломков различной посуды, в том числе куски большого краснофигурного кратера. Это показывает, что во время погребения совершили тризну, после которой в могильную насыпь была брошена вся употреблявшаяся во время погребального пиршества утварь.

Под насыпью кургана обнаружены две могилы. Одна из них, оказавшаяся разграбленной, представляла собою яму, вырубленную в материке, наполненную жженными костями, углями, обломками различных сосудов (чернолаковых, краснофигурных), кусками железа, меди и т. д. Покойник был в этой могиле подвергнут сожжению. Вторая могила находилась в центральной части кургана и имела форму прямоугольного в плане склепа, сложенного из больших хорошо отесанных плит и перекрытого плоскими, горизонтально лежащими плитами. В целом такая гробница напоминала своего рода огромный каменный ящик. В гробнице стоял роскошный деревянный саркофаг,[36] сильно разрушенный обвалившимися плитами потолка. Покоившийся в саркофаге скелет женщины был в богатом погребальном уборе. В саркофаге уцелели куски погребального полога и одежды покойницы.[37] Голову ее украшал золотой, имитирующий пряди волос, начельник (стленгида), к которому были подвешены превосходные золотые серьги в виде летящих Ник.[38] Шею охватывало тонкой работы золотое ожерелье, на пальцах левой руки было три золотых перстня. Около левой руки лежало большое бронзовое позолоченное зеркало. Возле ног находились два алабастра (сосуды для благовоний). На ногах хорошо сохранились кожаные башмаки. Близ головы оказались корзиночка и расписной ларец.

Вне саркофага в гробнице лежали девять алабастров и три аттические расписные вазы: две краснофигурные пелики и одна чернолаковая гидрия с каннелированным туловищем. Особенно интересна краснофигурная пелика роскошного стиля с сюжетом из цикла элевсинских мистерий.[39] В росписи вазы главное место занимает богиня Деметра, изображенная в окружении различных мифологических персонажей. Рядом с Деметрой представлена фигура юного Плутоса, держащего в руках золотой рог изобилия — символ богатства, источником которого являлся хлебный урожай. Чуть дальше изображена дочь Деметры — Кора. Над Деметрой парит на крылатой колеснице Триптолем, царь Элевсина, первый (согласно мифу) сеятель, научивший людей земледелию. Наличие вазы с таким изображением дает основание предполагать, что в каменной гробнице Павловского кургана была погребена жрица богини Деметры.

В гробнице оказалась и серебряная пантикапейская монета с изображением на лицевой стороне головы молодого сатира, а на оборотной — головы льва.

Более характерными для некрополя Юз-оба являются гробницы с уступчатыми покрытиями, аналогичными Мелек-Чесменскому кургану. Помимо серии одиночных склепов указанного типа в одном из курганов Юз-оба, раскопанном в 1860 г., был открыт очень интересный двойной склеп (гробница № 48) с уступчатыми покрытиями. Высота этого кургана — около 8.5 м, окружность — почти 160 м. В насыпи кургана и здесь были обнаружены при раскопках разбитые краснофигурные сосуды — следы погребальной тризны. Корот-

кий, но широкий дромос вел в склеп, за которым следовал такой же (но меньших размеров) второй склеп, соединенный с первым узким проходом.[40]

Середину первого склепа, перекрытого четырьмя рядами уступов, выдвинутых только с двух боковых сторон (рис. 43), занимал стоявший на каменном возвышении большой, отлично сохранившийся деревянный саркофаг с двускатной крышей, украшенный резьбой, а также токарными украшениями, позолоченными и раскрашенными.[41]

В саркофаге, у левой руки покойника, оказались три золотых перстня, из которых один украшен замечательным резным (по золоту) изображением змеи, обвившейся вокруг лука и натягивающей ртом тетиву со стрелою; у правой руки камышевая трость, в изголовье — железный нож и стригиль, с боков — по одному алабастру.

Возле саркофага стояли желобчатая чернолаковая амфора с золочеными гирляндами, чернолаковое блюдечко и большая краснофигурная лекана (сосуд для омовений), в котором обнаружены косточки от слив.

Во втором, меньшем склепе, перекрытом двумя рядами уступов (со срезанными углами), также стоял большой деревянный саркофаг, украшенный по бокам вырезанными из дерева и позолоченными изображениями оленей и нападающих на них грифонов, крылья которых сделаны из слоновой кости. В саркофаге, возле костяка, найдены золотые перстни и несколько сосудов: чернолаковая амфора с желобчатым туловищем, чернолаковая чаша, алабастр и бронзовое позолоченное зеркало с резным узором около ручки.

Особенно интересен один из перстней — он украшен вертящимся овальным халцедоном, на котором с большим мастерством вырезан летящий журавль; надпись гласит: «сделал хиосец Дексамен».

Как видно из приведенных примеров, курганы Юз-оба содержат погребения, в которых почти нет элементов варварского культурного уклада. Погребальный реквизит невелик количественно, но в состав его входят и шедевры деревообделочного

искусства — саркофаги, и тончайшей ювелирной работы золотые перстни, иногда с великолепными резными камнями, и прекрасные расписные вазы — лучшие изделия аттических керами-

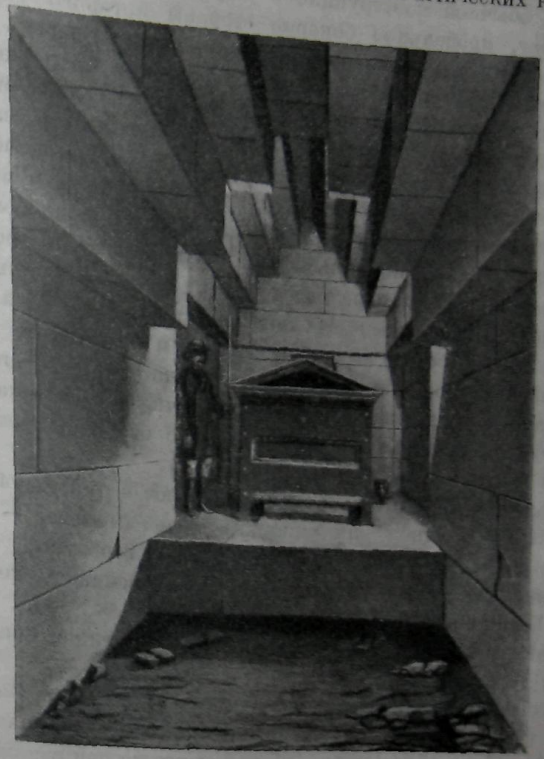

Рис. 43. Склеп с уступчатым покрытием в кургане на горе Юз-оба. IV в. до н. э.

ческих мастерских IV в. до н. э. О греческих чертах быта говорят и такие предметы, как железные стригили.

В целом курганы Юз-оба, несомненно, являются некрополем греческой и эллинизованной верхушки Пантикапея.

В 1839 г. был раскопан крайний курган на западном конце Юз-оба, близ хутора мирзы Кекуватского.[42] Здесь внутри склепа обычной конструкции с уступчатым покрытием стоял саркофаг, продольные боковые стороны которого украшены по красному фону накладными, вырезанными из дерева и позолоченными, фигурами грифонов, нападающих на разных животных. В саркофаге лежал мужской скелет; голова его была увенчана золотым венком из оливковых ветвей с плодами, весом в 342 г. Золотой перстень с резными фигурами лежащих львов украшал правую руку, в каждой руке было по пучку стрел (общее количество их достигало 300) с бронзовыми позолоченными наконечниками. У ног скелета лежали бронзовый аттический шлем и пара позолоченных бронзовых поножей,[43] тут же находился меч с обложенной золотом ручкой, украшенной в скифском зверином стиле,[44] и точильный камень. В склепе за пределами саркофага стояли остродонная фасосская амфора для вина с клеймом на ручке и аттическая краснофигурная пелика роскошного стиля с изображением состязания Аполлона и Марсия.[45]

Наличие стрел в руках покойника, меч с рукояткой, украшенный в обычной для скифских мечей манере, — все это доказывает, что здесь был погребен, вероятно, знатный пантикапеец, может быть, грек, но усвоивший некоторые черты скифского быта.

Таковы наиболее характерные богатые пантикапейские гробницы IV в. до н. э.

Склепы с уступчатыми покрытиями этого же времени нам еще встретятся несколько ниже, при описании знаменитого кургана Куль-оба (см. стр. 267 сл.), а также при ознакомлении с большими курганами на азиатской стороне Боспора. Забегая несколько вперед, мы здесь же отметим, что курганные склепы с уступчатыми покрытиями на Таманском полуострове и в районе Анапы хотя не отличаются чем-либо существенно-принципиальным от аналогичных сооружений Пантикапея, имеют все же некоторые черты своеобразия, как, например, обрамление входа в дромос антами, иногда увенчанными фронтоном, устройство в дромосах плоских покрытий, украшение склепа живописью, профилированными карнизами. Привнесение элементов декоративности придает склепам с уступчатыми покрытиями на азиатской стороне Боспора несколько менее строгий облик в сравнении с пантикапейской группой аналогичных склепов. Возможно, это надо объяснить тем, что на азиатской стороне Боспора применение склепов с уступчатыми сводами относится, главным образом, к концу IV в. и началу III в., тогда как более строгие и простые склепы пантикапейского района принадлежат предшествующим десятилетиям того же века. В Пантикапее гробницы с уступчатыми сводами строились изредка и в более позднее эллинистическое время.

Примером подобных сооружений может служить так называемый склеп пигмеев, открытый в Керчи в 1832 г.[46] Но такого рода склепы эллинистического времени лишены своей былой строгой суровой монументальности, так как внутри они покрывались штукатуркой, по которой наносилась роспись декоративного характера. К тому же уступы покрытия делались уже не с четырех или трех сторон, а только с двух сторон; получавшиеся же на коротких торцовых стенах своеобразные уступчатые «люнетки» украшались росписью.

В общем следует считать, что время расцвета строительства склепов с уступчатыми покрытиями — IV век до н. э.

Уже во второй половине IV в. в Пантикапее появляются гробницы с более совершенными, клинчатыми сводами, которые становятся в III в. господствующей формой покрытий в боспорских погребальных склепах. Один из таких наиболее ранних склепов с полуцилиндрическим сводом был раскопан в 1860 г. (гробница № 47)[47] в курганном некрополе Юз-оба, где, как известно, преобладают гробницы с уступчатыми покрытиями.

Гробница № 47 (рис. 44) состоит из дромоса (длиной 4.65 м и шириной 1.75 м) и продолговато-прямоугольной в плане камеры (длиной 4.75 м, шириной 3.35 м).[48] Последняя покрыта полуцилиндрическим клинчатым сводом (высота камеры до ше-

лыги свода — 3.35 м), тогда как в дроомсе применен ложный стрельчатый свод, но без выраженной уступчатости, а с плавно стесанной поверхностью, имитирующей подлинный свод. Как видно, внедрение в строительную практику Боспора новой, технически более совершенной формы свода не сразу вытеснило старую конструкцию ложного свода; первоначально обе формы употреблялись *одновременно в различных частях одного и* того же сооружения.

Как любопытную деталь гробницы № 47 следует еще отметить, что дромос пристроен к склепу не с узкой его торцовой стороны, а сбоку, вследствие чего продольная ось дромоса перпендикулярна к продольной оси погребальной камеры.

В склепе найден полуразрушившийся саркофаг со следами позолоты. У правой руки покойника лежала золотая масличная ветвь, у левой — золотой перстень с резным изображением Ники, едущей в колеснице. В ногах оказались глиняные вазы: чернолаковая амфора с каннелированным туловищем и позолоченной гирляндой на шее и краснофигурная лекана, крышка которой украшена сценой женского туалета.[49] Кроме того, *в склепе были обнаружены два алабастра и серебряная пантикапейская* монета середины IV в. до н. э. с изображением бородатого сатира на лицевой стороне и головы быка — на оборотной.

Перечисленный вещевой инвентарь доказывает с полной *определенностью* датировку погребения — IV в. до н. э., *что* вместе с тем подтверждает первое появление на Боспоре гробниц с клинчатыми сводами в указанное время.*

Гробницы боспорских курганов IV в. до н. э.,[50] представляющие собой одну из очень интересных и пока-

* Из перечисленных выше памятников погребальной архитектуры Пантикапея IV в. до н. э. только склепы Царского и Мелек-Чесменского курганов доступны в настоящее время для обозрения. Гробницы Золотого кургана не сохранились, а склепы курганов Юз-оба после окончания раскопок были вновь засыпаны, вследствие чего ознакомиться с ними в натуре теперь невозможно.

зательных групп памятников материальной культуры Боспора периода Спартокидов, естественно вызывают вопрос: не *являются* ли эти сооружения лишь результатом переноса

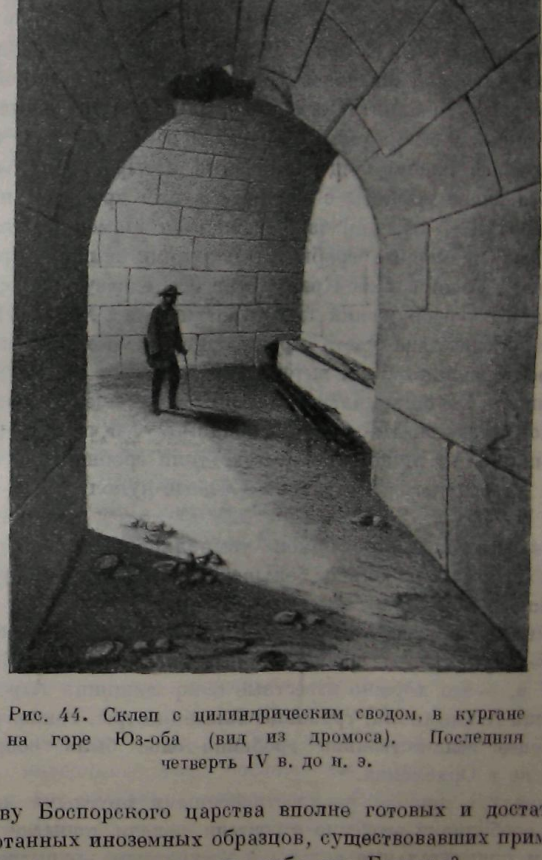

Рис. 44. Склеп с цилиндрическим сводом в кургане на горе Юз-оба (вид из дромоса). Последняя четверть IV в. до н. э.

на почву Боспорского царства вполне готовых и достаточно разработанных иноземных образцов, существовавших примерно *в то же время* или ранее где-либо вне Боспора?

Исследователями давно уже было обращено внимание на то обстоятельство, что боспорские уступчато-купольные склепы напоминают эгейские ульевидные гробницы, так называемые толосы (θόλος — круглое в плане строение), которые были широко распространены в Греции во второй половине II тысячелетия до н. э.[51]

В XVI в. до н. э. в эгейской Греции господствующий до того тип так называемой шахтовой гробницы сменился новой формой камерных гробниц. Последние представляли собой подземные, высеченные на склонах холмов в материковой породе (чаще всего в скале) пещерообразные четырехугольные или круглые в плане комнаты с ведущим к ним дромосом и входным отверстием, обычно закрывавшимся каменной плитой. Такого рода камерные гробницы получили широкое распространение в Греции и на Крите, став господствующей формой погребальных сооружений на протяжении XVI—XII вв. до н. э. Вследствие часто происходивших обвалов породы, в которой гробницы были вырублены, возникла мысль о целесообразности облицовывать внутреннее помещение гробницы каменной кладкой. Последнее, повидимому, и привело к изобретению в XVI в. до н. э. нового типа гробницы — толоса, т. е. ульевидного склепа с псевдо-купольным покрытием.[52]

Став излюбленной формой усыпальниц богатой знати, толосы открыли довольно большой простор для творческих возможностей эгейских строителей.

Самые грандиозные, технически совершенные, богато украшенные купольные гробницы были созданы в Микенах в XIV в. — это хорошо известные «сокровищница Атрея» или гробница Агамемнона, гробницы Клитемнестры, Гениев и др.[53] Не менее величественная гробница-толос была сооружена тогда же в Орхоменах.[54]

Наряду с широко распространенными круглыми купольными гробницами эгейские строители делали попытки применять и прямоугольные склепы с уступчатым покрытием. Но этот тип сооружений не получил столь успешного развития, как круглые гробницы-толосы. Сохранившиеся образцы такого рода сооружений на Крите весьма примитивны.[55]

С упадком эгейских культурно-политических центров и материальным оскудением микенской знати стали довольно быстро исчезать и купольные гробницы. Их строили все реже и хуже, а к началу железного века в Греции почти вовсе перестали применять; лишь в северной части Греции, в Фессалии и на Крите они удерживаются до IX—VIII вв.[56] Однако образцы этой гробничной архитектуры как памятники старины, наиболее совершенные произведения которой находились в Микенах, были известны в Греции в античную эпоху. И когда появлялась необходимость в строительстве монументальных подкурганных гробниц (а спрос на них возникал чаще всего на периферии античного мира: в Малой Азии, Этрурии, Фракии и т. д., где греки приходили в соприкосновение с варварскими обществами, находившимися на стадии военной демократии), зодчие обращались к эгейским гробницам-толосам как к исходным образцам.

Так было в Этрурии, где в VII—VI вв. возникла серия подкурганных гробниц-толосов, с уступчатыми псевдо-куполами, поддерживаемыми иногда мощным подпорным каменным столбом, установленным в центре гробницы.[57]

В строительстве купольных гробниц Этрурии VII—VI вв. до н. э. нашла применение и эгейская форма усыпальниц с квадратной камерой. Больше того, именно в Этрурии, повидимому, окончательно сложился и получил законченное выражение конструктивный тип прямоугольной в плане усыпальницы, покрытой уступчатым коническим куполом, который поддерживают угловые ступенчатые пандативы[58] (т. е. в принципе так же, как в склепе Царского кургана), хотя в Этрурии общее оформление таких гробниц неизмеримо грубее и примитивнее названного выше боспорского склепа.

Купольные гробницы микенского образца вошли в употребление в V—IV вв. до н. э. и во Фракии как курганные усыпальницы варварской фракийской знати.[59] Гробница-толос IV в. до н. э., открытая в 1891 г. западнее Лозенграда, близ

селения Ракошица, в южной Фракии,[60] представляет собой близкую аналогию купольной гробнице Золотого кургана. Правда, дромос лозенградской гробницы имеет плоское, а не уступчатое покрытие, нижние части стен самой гробницы отвесны, и уступчатая кладка купола начинается не с самого низа, как в Золотом кургане; кроме того, уступы купольной кладки лозенградской гробницы профилированы посредством желобообразных вырезов, чего в Золотом кургане нет. Наконец, несколько различны и общие пропорции: в лозенградской гробнице высота почти равна ее диаметру, тогда как в Золотом кургане высота гробницы почти на $^1/_3$ больше диаметра. И все же, несмотря на эти различия, в частности, оба указанные сооружения весьма близки между собой.

Во Фракии известно еще несколько купольных гробниц, открытых недавно, в начале 30-х годов текущего столетия, на территории южной Болгарии, в районе селения Мезек.[61] Это прежде всего круглая в плане гробница Маль-тепе IV в. до н. э. Она имеет длинный дромос, вход в который завершен уступчатым перекрытием, совершенно тождественным уступчатым сводам дромосов в боспорских склепах типа Мелек-Чесменского кургана. Но самый дромос Маль-тепе и два находящихся перед купольной гробницей четырехугольных склепа хотя и покрыты ложным сводом, но все же значительно отличаются от боспорских склепов, так как выдвинутые с двух сторон плиты перекрытия косо стесаны и поэтому последнее имеет форму двух сомкнутых вверху наклонных плоскостей. В Курт-кале круглая купольная гробница (второй половины IV в. до н. э.) сочетается с расположенной перед ней квадратной камерой, имеющей уступчатый свод особой, неизвестной на Боспоре, конструкции (с диагональным расположением уступов).

Что касается круглых купольных гробниц, то и в Маль-тепе и в Курт-кале они чрезвычайно сходны с микенскими толосами типа микенской сокровищницы Атрея и по технике кладки и по характеру эллиптической кривой купола, хотя по своим масштабам фракийские гробницы значительно меньше микенских.

Некоторыми болгарскими археологами высказывалась мысль, что фракийские купольные гробницы являются прямым продолжением микенских культурных традиций, удержавшихся во Фракии вплоть до классической эпохи.[62] Тезис этот в отношении купольных гробниц остается пока не доказанным, поскольку во Фракии такого рода сооружения известны по памятникам не ранее IV в. Таким образом, между самыми поздними эгейскими гробницами-толосами Фессалии и Крита (IX—VIII вв.) и наиболее ранними фракийскими аналогичными сооружениями получается разрыв по крайней мере в четыре столетия, и, следовательно, преемственность в смысле непрерывной линии бытования данных архитектурных форм на территории Фракии, начиная с поздне-микенской эпохи, не установлена. Но если принять во внимание, что в VII—VI вв. строительство монументальных гробниц по принципу микенских толосов продолжало жить в Этрурии, а также в Малой Азии, то следует признать, что античное зодчество, в широком его понимании, не забывало микенского наследия и в более раннее время, т. е. еще до возникновения подобных гробниц во Фракии.

Возможно, опыт строительства фракийских купольных гробниц был использован при возведении первых подкурганных склепов с уступчатыми покрытиями на Боспоре в IV в. до н. э. Культурные связи Боспора с Фракией, несомненно, существовали; важную роль в их развитии могло играть, в частности, фракийское происхождение династии Спартокидов. Все это делает вполне вероятным вышеуказанное предположение, тем более, что вторая область, откуда Боспор испытывал определенное культурное воздействие — Малая Азия — и где также известны гробницы с уступчатыми покрытиями,[63] не дает столь близких аналогий Боспору, как, например, указанная выше фракийская гробница, открытая близ Лозенграда.

Однако следует особо подчеркнуть, что хотя строительство курганных каменных склепов с уступчатыми покрытиями на Боспоре и возникло в IV в. или в конце V в. до н. э., веро-

ятно, под влиянием Фракии оно приобрело в Пантикапее и на азиатской стороне совершенно самостоятельное развитие, результатом которого явилось создание оригинальных и вполном смысле боспорских архитектурных памятников. Ни в Этрурии, ни во Фракии, ни в Малой Азии мы не найдем таких величественных, превосходно выполненных — и технически. и с точки зрения художественного воплощения архитектурного замысла — сооружений, как, например, гробница Царского кургана. Глубоко своеобразны и многочисленные гробницы типа Мелек-Чесменского кургана, представленные серией вариантов, свидетельствующих о непрекращавшихся творческих поисках боспорских строителей.

Заметим, что нигде вне Боспора нет столь совершенно разработанной конструкции прямоугольного склепа, покрытого пирамидальным уступчатым сводом. Все прямоугольные в плане гробницы с уступчатыми покрытиями во Фракии и Малой Азии устроены гораздо примитивнее, чаще всего путем последовательного диагонального расположения горизонтальных плит сначала над угловыми частями самой камеры, а затем над угловыми промежутками каждого нижележащего ряда плит.[64]

Использовав конструктивные принципы микенских купольных гробниц, возможно через фракийское посредничество, зодчие Боспора создали весьма интересные и в высокой степени оригинальные памятники гробничной архитектуры, наиболее выдающиеся образцы которой являются, безусловно, ценным вкладом в сокровищницу мирового зодчества.

Мы рассмотрели выше некоторые погребальные комплексы пантикапейского некрополя эпохи расцвета Боспора, характеризующиеся в своих основных чертах греческим обрядом, который соответствовал преобладавшему в указанное время греческому укладу культурной жизни в боспорских городах. Однако в некрополе Пантикапея и в ближайших к нему районах известны погребения той же эпохи, совершенные по скифскому обряду и сопровождающиеся скифскими вещами.

Самым замечательным погребальным памятником этого рода является знаменитый курган Куль-оба (по-татарски «холм пепла»), расположенный в 6 км западнее Керчи. Открытие в названном кургане погребения произошло случайно. В сентябре 1830 г. холм Куль-оба был облюбован как подходящее место для добычи строительного камня на постройку казармы в Керчи. Ломая камень, солдаты наткнулись на скрытую в насыпи кургана древнюю гробницу. К месту открытия были немедленно вызваны из Керчи представители власти. Сюда же прибыли и археологи Дюбрюкс, Ашик, Карейша; под их наблюдением было произведено расследование кургана. Дюбрюкс составил детальное описание склепа, а также обнаруженных в нем захоронений и вещей. Найденные в склепе кургана предметы были вскоре отправлены в Петербург, где они вошли в музейное собрание Эрмитажа, образовав там основное ядро мировой коллекции древностей Боспора Киммерийского.[65]

Исследование кургана, к сожалению, не обошлось без весьма досадного осложнения Описание гробницы и изъятие из нее вещей было произведено вчерне в течение трех дней. На третий день с наступлением вечера работы были прерваны, но с тем, чтобы их потом еще продолжить. Пользуясь тем, что приставленный к месту раскопок караул был снят, ночью в склеп проникли посторонние люди, которые, выворотив каменные плиты пола, обнаружили тайник. В нем оказалось ценных вещей, повидимому, не меньше, чем было найдено внутри склепа. Все эти находки из тайника были похищены, и лишь незначительную часть их удалось впоследствии скупить у населения Керчи.[66]

В архитектурном отношении склеп Куль-оба является сооружением такого же типа, как и рассмотренные выше склепы Юз-оба. Короткий дромос с уступчато-стрельчатым покрытием ведет к входу в склеп. Последний представляет собой четырехугольное, почти квадратное, помещение, перекрытое уступчатым пирамидообразным сводом, состоящим из семи горизонтальных, последовательно выдвигающихся вперед

рядов квадровой кладки (рис. 45).[67] В склепе были похоронены три человека: двое мужчин и одна женщина.

Восточную половину склепа занимало погребение знатного скифа-воина, лежавшего в деревянном саркофаге или на катафалке. Рядом с покойником находилось его оружие — железный меч с обтянутой золотом рукояткой, на которой посредством тиснения изображены в скифском стиле борющиеся звери; рукоятка кожаной нагайки, оплетенная золотой лентой; горит с золотой обивкой, украшенной рельефными изображениями. На обивке представлены гиппокамп (фантастическая лошадь с рыбьим туловищем) и дерущиеся звери: грифон и лев терзают оленя, леопард нападает на антилопу, конец обивки горита занят маской льва; вытисненное на обивке имя Порнах[68] является подписью мастера, изготовившего эту вещь. Вместе с оружием лежал точильный камень в золотой оправе и роскошная золотая фиала — плоская чаша, богато орнаментированная чеканными изображениями, занимающими почти всю поверхность чаши. Последние образуют прекрасный узор, в который мастерски вкомпанованы много раз повторяющиеся маски горгоны и бородатая голова скифа; вокруг центральной части чаши изображены ритмично чередующиеся дельфины и рыбы.

На голове воина были золотая диадема и остатки остроконечной войлочной шапки, которую украшали нашивные золотые бляшки со штампованными изображениями. Головному убору принадлежат четыре пластинки; на каждой из них изображено двое скифов, пьющих вино из одного ритона. На шее воина была золотая гривна, представляющая жгут, сплетенный из шести толстых проволок, весом в 461 г. Оба конца гривны завершаются втулками, украшенными снаружи тончайшим филигранным орнаментом ов и пальмет, с применением голубой и синей эмали; из втулки выступают передние части фигур конных скифов (рис. 46).

На оба запястья было надето по массивному золотому браслету также чрезвычайно тонкой ювелирной работы. Концы витого жгута заканчиваются втулками в виде бордюров, орна-

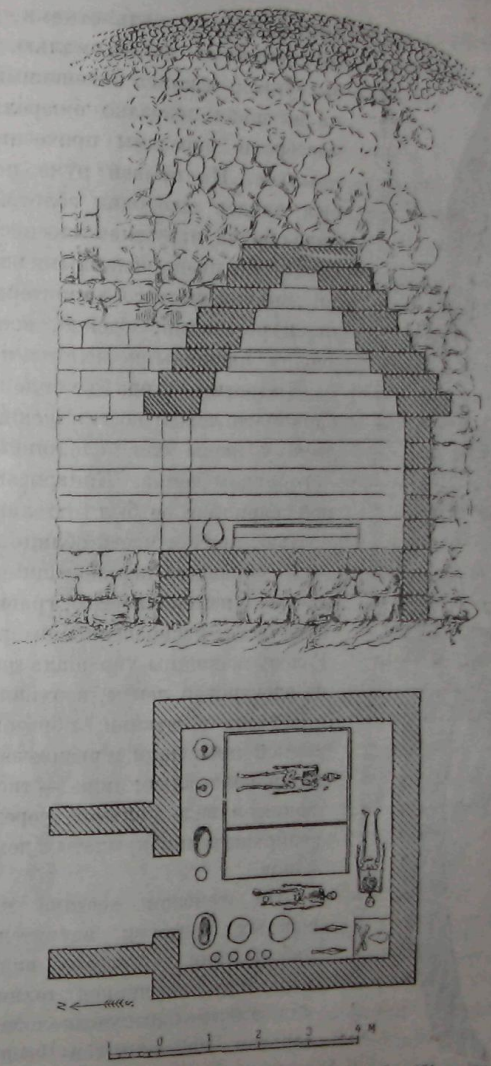

Рис. 45. Разрез и план склепа кургана Куль-оба. IV в. до н. э.

Рис. 46. Фигурки конных скифов на золотой гривне из кургана Куль-оба. IV в. до н. э. (Эрмитаж).

ментированных пальметками, и пояском ов, покрытых синей эмалью. Из втулок выступают сфинксы с женскими головами, на их шеях показано ожерелье; резьбой мастерски переданы прически, оперенье крыльев. На правой руке погребенного был найден еще один золотой браслет в виде обруча, наружная плоскость которого богато украшена чеканными изображениями мифологического характера и рельефными розетками. Одежда воина обильно усеяна нашивными золотыми бляшками.

Напротив входа в склеп в другом саркофаге лежал костяк женщины, повидимому жены или наложницы погребенного рядом воина. Кипарисовый расписной саркофаг ее был отделан слоновой костью, причем часть облицовочных пластин украшена поражающими своей тонкостью и изысканностью, гравированными и отчасти раскрашенными рисунками.[69] Голову женщины украшала диадема в виде электровой ленты, верхний край которой усеян розетками, образованными из тонкой проволоки и расцвеченными синей и зеленой эмалью; ниже — тисненые украшения в виде пальмет, чередующихся с изображениями крылатых демонов и грифонов.

На женском костяке найдены три золотых подвески изумительно тонкой работы; они по своему виду, стилю и характеру ювелирной техники представляют очень близкую аналогию подвескам-серьгам, найденным в Феодосии и описанным уже раньше (см. стр. 192 сл.).

Наряду с указанными подвесками там же оказалась пара более крупных золотых подвесок с медальонами, на которых изображена голова Афины в шлеме (рис. 47), воспроизво-

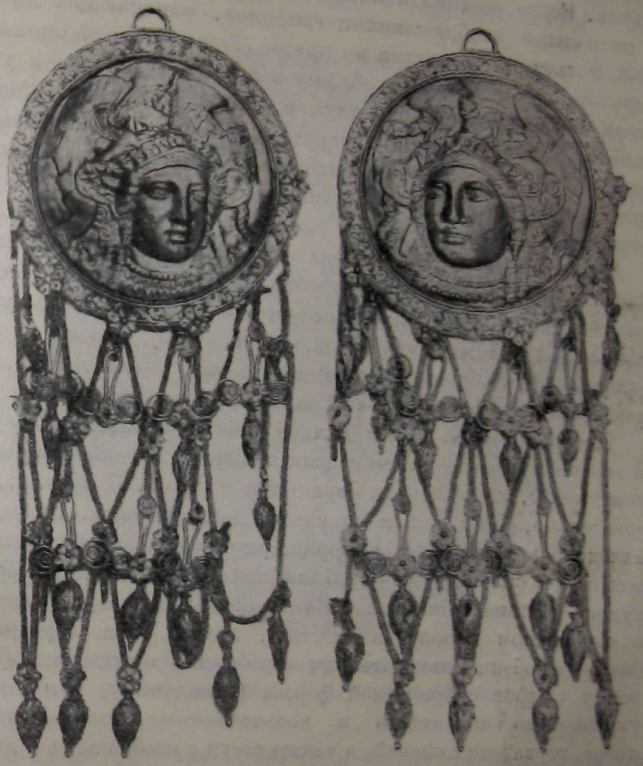

Рис. 47. Золотые височные подвески с изображением головы богини Афины из кургана Куль-оба. Конец V в. до н. э. (Эрмитаж).

дящая голову статуи Афины-Девы, созданной из слоновой кости и золота в 40-х годах V в. до н. э. гениальным художником Фидием для храма Парфенона в Афинах. Бордюр, окай-

мляющий медальоны, украшен розетками и листиками плюща, покрытыми синей эмалью. На шее женского костяка были ожерелье и золотая гривна с концами в виде фигур лежащих львов. Возле костяка найдены два широких золотых браслета с тисненными изображениями грифонов, нападающих на оленей, и львиными масками по краям. Там же лежало бронзовое зеркало, ручка которого обложена листовым золотом и украшена звериными изображениями скифского стиля. Между голенями стоял известный электровый сосуд с изображением скифов (см. стр. 128 сл.). Одежда женщины была украшена золотыми и электровыми нашивными бляшками, число которых достигало нескольких сот.

Вдоль южной стены склепа лежал костяк слуги-конюха. Возле его головы найдены простые железные ножи с костяными ручками и один железный нож с золотой ручкой, украшенной изображениями львов. Несколько дальше, в углу склепа, в углублении, сделанном в полу, оказались кости лошади, греческий бронзовый шлем и бронзовые поножи.

Около северной стены склепа стояли бронзовые сосуды, в том числе позолоченные гидрия и амфора, а также два скифских котла, наполненных бараньими костями. В могилу, следовательно, были положены запасы пищи и вина. Последнее находилось в глиняных амфорах, расставленных около западной стены склепа. Там же были найдены серебряные сосуды художественной чеканной работы: несколько сосудов лежало в серебряном позолоченном тазе, другие — на серебряном блюде. Особенно замечательны серебряные сосуды излюбленной у скифов сферической формы (повидимому, культовые), украшенные чеканными и позолоченными изображениями львов, терзающих оленей, а также сосуд с изображением диких уток, ловящих и поедающих рыб (рис. 48). За серебряными сосудами, ближе к юго-западному углу, были обнаружены два длинных железных наконечника копий. На каменном полу склепа найдено несколько сот бронзовых наконечников стрел и копий.

Из тайника, устроенного под каменным полом склепа и подвергшегося, как известно, разграблению, извлечена чеканной

работы золотая бляха (весом 266 г) в виде стилизованной фигуры лежащего с подогнутыми ногами оленя, трактованного в характерной для скифских звериных изображений манере. На туловище оленя помещены изображения льва с повернутой назад головой, прыгающего зайца и сидящего грифона. Под

Рис. 48. Серебряный сосуд с изображением уток из кургана Куль-оба. IV в. до н. э. (Эрмитаж).

шеей оленя представлена лежащая собака также с повернутой назад головой. Причудливо возвышаются над спиной рога оленя, причем задний рог заканчивается головой барана. Вместо хвоста у оленя изображена птичья голова. На шее оленя читаются греческие буквы ΠΑΙ, являющиеся, повидимому, сокращенно переданным именем мастера.

По своим стилистическим признакам бляха относится еще к V в. и представляет собой наиболее раннюю вещь в комплексе находок Куль-обы.[70]

Не только наличие греческих букв, но и ряд художественных признаков (в особенности облик животных, представленных на теле оленя) свидетельствуют, что бляха сделана, скорее всего, греческим мастером, который хорошо усвоил «скифский стиль» звериных изображений. Соответственно этому стилю он воспроизвел образ оленя, но снабдил его и некоторыми дополнительными изображениями зверей, переданными, однако, уже в стилистическом отношении не по-скифски, а по-гречески.

Кто был погребен в кургане Куль-оба, где оказалось такое множество драгоценных вещей, великолепных художественных изделий, подавляющее большинство которых было, несомненно, изготовлено в первой половине IV в. до н. э. мастерами, работавшими в Пантикапее?

Одежда погребенных (башлык на голове воина, шейные гривны, масса нашивных бляшек), обилие оружия, в том числе характерных скифских предметов вооружения (нагайка, горит и т. д.), большое количество предметов, на которых изображены скифы, притом нередко в ритуальных сценах (штампованные бляшки с изображением побратимства скифов и др.), а также вещей, украшенных излюбленными у скифов звериными изображениями, — все это с полной определенностью указывает на принадлежность Куль-обского погребения представителю скифской знати. За это говорит и самый обряд погребения: очевидно, жена и конюх-раб были умерщвлены и погребены как ритуальные жертвы вместе со своим господином. Типично скифским является и обычай помещать в могилу закланную лошадь, а также котлы с мясом.

Правда, в Куль-обе скифский погребальный ритуал носит явные следы греческого культурного влияния. Отсюда монументальный погребальный каменный склеп, а вместо захоронения лошадей мы видим здесь погребение лишь части конской туши.

Лишенной каких-либо серьезных доказательств была гипотеза, выдвигавшаяся некоторыми исследователями прошлого столетия (Дюбуа, Нейманн и др.) и сводившаяся к мысли, что Куль-оба — это гробница боспорского царя, т. е. погребение одного из Спартокидов IV века. Каково бы ни было этническое происхождение Спартокидов, являвшихся выходцами из негреческой варварской среды, они все же настолько эллинизовались, что их внешний культурный облик был в основных своих проявлениях вполне греческим. Достаточно вспомнить, как изображены боспорские правители на афинском рельефе 346 года (ср. рис. 5). Если бы Спартокиды в культурном отношении, в личном своем обиходе сохраняли столько негреческих, варварских элементов, как это рисуется погребальным комплексом Куль-обы, афиняне, конечно, не преминули бы отметить хоть какой-нибудь характерный признак «варварства» в облике сыновей Левкона I. Между тем, там нет ни малейшего намека на это, что особенно важно, так как афиняне в IV веке безусловно хорошо знали боспорских архонтов-царей.

Вряд ли основательно также нередко высказывающееся предположение о том, что в кургане Куль-оба был погребен скифский царь, т. е. правитель, вождь племени кочевых скифов. Хорошо известно, что могилы скифских царей V—IV вв. до н. э. в виде огромных курганов находились в Приднепровье, в районе древнего Геррос (окрестности теперешнего Никополя), где был тогда центр царских скифов и ставка их правителей. Царские могилы не только были расположены в определенном месте, но они еще и ревниво оберегались скифами как священные могилы предков.[71]

Чтобы ответить на вопрос, кто мог быть похоронен в гробнице Куль-оба, следует вспомнить сообщаемые Геродотом сведения[72] об организации управления подвластной кочевым скифам территории. Она разделялась на ряд округов, каждый из которых был подчинен номарху (νομάρχης). Номархи, избиравшиеся, очевидно, из состава высшей родоплеменной знати, кочевали в окружении сильной дружины вместе со своими

стадами на подвластной им земле, собирали дань с земледельческого населения, изгоняли чужие орды кочевников, проникавшие на территорию, которую скифы считали своей. Геродот описывает, как ежегодно скифские номархи совершали определенный ритуальный обряд. Он состоял в том, что номарх приготовлял кратер вина, которое могли пить только те скифы из дружины номарха, которые убили врагов; кто не умертвил ни одного врага, тот вина не получал. Таким неудачникам не только не подносилась чаша с вином, но они, как недостойные и опозорившиеся, должны были сидеть во время трапезы отдельно. Зато сумевшие убить много врагов получали две чаши вина, причем осушать их надо было одновременно. В функции номархов входила прежде всего военная защита округов, и, стало быть, они были облечены большой властью на подчиненных им территориях. Очевидно, крымские степи, т. е. земли, прилегавшие на Таврическом полуострове к владениям Боспорского царства и другим греческим городам-колониям, имели своего, по крайней мере одного, номарха. Нетрудно представить себе, насколько влиятельной фигурой представлялся такой номарх и как важно было греческим городам установить добрососедские отношения с местным скифским правителем, которому поэтому оказывались, надо думать, не только почести и знаки внимания, но и щедро подносились подарки.

Повидимому, номархи часто навещали столицу Боспорского царства, куда влекли их культурные блага, свойственные такому крупному торговому городу. И не исключено, что, подобно скифскому царю Скилу, который имел свой роскошный дом в Ольвии,[73] крымские номархи имели нечто подобное в Пантикапее. Естественно, что после смерти одного из таких номархов, поддерживавших дружественные взаимоотношения с Боспором, он был пышно погребен в гробнице в окрестностях Пантикапея.

Подобных скифских гробниц под Пантикапеем было, вероятно, несколько. Близ кургана Куль-оба в 1821 г. при случайных обстоятельствах была открыта (и, к сожалению, расхищена) очень сходная по устройству и по составу погребального инвентаря богатая скифская гробница, часть вещей из которой попала к командиру гребной флотилии Патиниотти, именем которого обычно называют и самый курган.

Куль-оба свидетельствует об огромных богатствах, которыми обладала скифская знать в IV в. до н. э. Вместе с тем куль-обский погребальный комплекс показывает высокий культурный уровень скифов, обладавших не только собственным развитым искусством, но и умевших ценить прекрасные греческие художественные изделия. Этому обстоятельству мы и обязаны тем, что скифская гробница в куль-обском кургане оказалась своего рода сокровищницей древнеэллинских художественных произведений.

Интересны погребения эллинизованных богатых скифов V—IV вв. до н. э., открытые в 60—70-е годы прошлого века в некрополе Нимфея.[74] Здесь так же, как и в Пантикапее, преобладающими являются могилы с греческим обрядом погребения и с греческим набором вещей. В то же время имеется ряд погребений, принадлежащих явно не грекам, а скифам. Погребения этого типа представляют собою могилы, сложенные из каменных плит и чаще всего покрытые курганной насыпью. В одной из таких могил[74] обнаружен скелет мужчины, лежавший в деревянном саркофаге. На покойнике было богатое золотое ожерелье греческой работы и многочисленные нашивные золотые бляшки с тисненными изображениями животных, сфинкса, головы Афины и пр. На левой руке оказался золотой перстень с резным изображением Ники на щитке. Возле костяка лежали греческий бронзовый шлем,[75] кнемиды, чешуйчатый панцырь, наконечники стрел, части конского уздечного набора, остатки железных мечей, кинжалов и наконечников копий. В ногах находились черпалка (киаф) с ручкой, заканчивающейся лебединой головкою, ситечко для процеживания вина, два чернолаковых сосуда, бронзовое зеркало и др.

Рядом с могилой в материке оказалось углубление, в котором лежало несколько лошадиных скелетов. Такого рода погребений в нимфейском некрополе открыт целый ряд. Для

всех их характерно сочетание человеческой могилы с погребением лошадей; в одном случае было обнаружено погребение лошади и собаки.[76] Не менее показательно наличие в этих могилах оружия, состоящего из определенного сочетания предметов скифского и греческого вооружения (скифское: чешуйчатые панцыри, наконечники стрел, мечи, кинжалы; греческое: шлемы, кнемиды), а также предметов скифского убора и одежды (золотые гривны, нашивные золотые бляшки).

Наряду с указанными элементами скифского обихода в могилах наблюдается обилие чисто греческих вещей, вошедших в быт скифов (металлические и глиняные расписные сосуды, ювелирные изделия и пр.).

Встреченные в насыпи курганов разбитые сосуды и жженые кости животных свидетельствуют о происходившей во время погребения тризне и жертвоприношении. Такая же картина, как известно, наблюдается и в тех курганах, где обряд погребения греческий, например в курганах Юз-оба и др.

Как видно из вышесказанного, в пантикапейском некрополе, а равным образом и в некрополях соседних городов, ярко отразился процесс культурного сближения верхнего слоя местного населения с греками.

Вместе с тем в некрополях нашло свое отражение изменение экономического состояния Боспора на протяжении периода, когда государством управляли Спартокиды. Богатство и роскошь, являющиеся характерной особенностью многочисленных погребений, расположенных вокруг Пантикапея, связаны с определенной эпохой экономического расцвета Боспора, охватывающего период с конца V в. по начало III в. до н. э.

С середины III в. богатые погребения становятся редким явлением. Наиболее распространены в ранне-эллинистическое время могилы, сложенные из плит. В том случае, если они принадлежат состоятельным гражданам, в них встречаются отдельные сосуды, а иногда и целые сервизы серебряной утвари, а также золотые погребальные венки, ювелирные вещи, среди которых все чаще появляются изделия из золота в сочетании с цветными камнями.

Столь излюбленные в IV в. до н. э. аттические краснофигурные вазы заменяются в III в. яркими полихромными, так называемыми акварельными вазами местного производства, вероятно, специально изготовлявшимися для нужд погребаль-

Рис. 49. Чернолаковая ваза. III в. до н. э. (Эрмитаж).

ного культа. Обычной в могилах эллинистического времени становится также разнообразная (преимущественно привозная) посуда, покрытая тусклым коричневатого тона лаком и украшенная снаружи орнаментальными украшениями в виде разводов плюща, веток лавра, оливкового дерева и т. п. (рис. 49).

Эти украшения исполнены резьбой и написаны белой или розоватой краской (жидкой глиной), наложенной поверх лака.[77]

Довольно часты находки в эллинистических могилах (конец III в. и II в.) винных кувшинов с узким длинным горлом и приземистым туловищем; сосуды эти покрывались светлой кремовой обмазкой и расписывались поясками, на плечах их наносилось изображение музыкальных инструментов, венков, гирлянд.[78]

Со второй половины III в. и особенно во II в. в могилы кладут очень модные в то время рельефные сосуды, изготовленные в формах и представляющие собою имитацию металлической посуды. Наиболее излюбленными были чаши (их условно называют «мегарскими») полусферической формы с уплощенным дном; снаружи они сплошь покрыты рельефными украшениями.[79]

Преобладающая часть вышеупомянутых вещей представляла собой импорт из греческих городов западного побережья Малой Азии (Пергам), островов Эгейского моря (Делос и др.), некоторое количество чернолаковой керамики привозилось из Афин.[80]

Поздне-эллинистический период, в особенности митридатовское время (первая половина I в. до н. э.), отличался значительным упадком материального благосостояния жителей боспорских городов, что, естественно, не могло не отразиться и на некрополях. До сих пор не открыто ни одной могилы указанного времени с более или менее богатым вещевым инвентарем. Обычны лишь рядовые могилы со скромным набором дешевых вещей, в числе которых наиболее часты малоазийские кувшинчики и чаши, покрытые красной глазурью («лаком») и нередко украшенные поверх глазури несложными узорами, написанными белой краской, глиняные простые флакончики (бальзамарии) местной выделки для косметического масла, и т. п.

В очень большом ходу в это время был обряд трупосожжения. Прах покойников хоронили в урнах, часто при этом используя обыкновенные хозяйственные сосуды, служившие, например, для хранения соленой рыбы.[81]

Те наблюдения и выводы, к которым приводит ознакомление с некрополем боспорской столицы и ближайшей ее округи эпохи Спартокидов, встречают себе полную параллель в некрополях азиатской стороны Боспора, т. е. нынешнего Таманского полуострова. Аналогичные типы могил и склепов, те же погребальные обряды и наборы вещей были там господствующими в определенные периоды, как и на европейской стороне. Локальные особенности довольно незначительны. Из-за недостатка камня на Таманском полуострове, например, часто встречается применение сырцовых кирпичей для сооружения могил. Некоторой местной особенностью (это касается главным образом Фанагории) является широкое использование курганов для многочисленных захоронений представителей одной семьи, вследствие чего курган, очевидно, превращался в своеобразный обширный фамильный некрополь.

В городских некрополях азиатской стороны Боспора наряду с преобладающими погребениями греческого типа достаточно часто встречаются захоронения эллинизованных местных жителей со смешанным греко-варварским обрядом погребения и соответствующим ему составом погребального инвентаря.

Особенная пышность и обилие дорогих вещей свойственны курганным погребениям синдской знати, обычно расположенным поодаль от больших греческих городов, на высоких холмах, на кряжах возвышенности. IV в. до н. э. является и для азиатской части Боспора временем наибольшего блеска и богатства, нашедшего свое отображение в роскошных погребениях разбогатевшей греческой и варварской верхушки общества.

В 1869 г. на берегу Таманского залива в некрополе Фанагории археолог В. Г. Тизенгаузен раскопал гробницу, обнаруженную в центре одного кургана. Гробница была сложена из сырцовых кирпичей и перекрыта сверху бревнами. Устройство гробницы соответствует местной туземной традиции. Но состав вещей говорит за то, что в гробнице была погребена женщина, принадлежавшая к составу богатой верхушки греческого населения Фанагории. В могиле не оказалось ничего, характерного для местных варварских обычаев. Принадлежность умершей

к зажиточному слою фанагорийцев доказывается не столько обилием драгоценных золотых вещей, сколько замечательным набором исключительных по художественной ценности вещей, свидетельствующих о чисто эллинском вкусе их владельцев.

Золотых вещей в могиле оказалось немного: золотые бляшки с изображением Медузы, бляшки в форме цветка, повидимому от диадемы, бронзовые спиралевидные ушные подвески, обтянутые золотом, перстень. В могиле были найдены еще бронзовое круглое зеркало, серия довольно обычных краснофигурных и чернолаковых сосудов, ряд терракотовых статуэток и несколько фигурных сосудов. Из них подлинными шедеврами греческого искусства являются три полихромных сосуда-лекифа для туалетного обихода: один в виде бюста Афродиты, помещенного внутри морской раковины, другой в виде сирены и третий в виде сфинкса. Все они вышли из аттической художественной мастерской в начале IV в. до н. э.[82]

Наиболее великолепен последний сосуд, представляющий фигуру сфинкса (рис. 50). Сфинкс сидит на плоском постаменте, окрашенном сверху в голубой, а по бокам в яркорозовый цвет. Мощное звериное туловище с большими птичьими полосатоголубыми крыльями, массивные тяжелые львиные лапы причудливо сочетаются с прекрасной женской головой. Утонченно нежное лицо обрамлено позолоченными пышными волосами, голова увенчана красного цвета стефаной (род чепца), украшенной спереди золотыми розетками. Вьющиеся локоны падают на плечи; на шее три ряда золотых бус. Белки с голубым отливом, синие зрачки, ресницы, обозначенные черными точками, — все это придает глазам чарующую выразительность. Белизна тела и шеи сфинкса эффектно контрастирует с ярким румянцем щек и красными губами. Пространство сосуда между лапами окрашено сплошь в розовый цвет, по которому написаны белые пальметки и волюты.

Изысканность и гармоничность росписи свидетельствует о том, каких замечательных художественных эффектов умели достигать греческие художники классической эпохи, применяя полихромную раскраску пластических произведений.

Рис. 50. Фигурная расписная ваза-сфинкс из Фанагории. Начало IV в. до н. э. (Эрмитаж).

Сфинкс в верованиях греков был охранителем душ умерших; поэтому эту фигурную вазу и поместили в могилу.

Богатые жители боспорских городов, крупные рабовладельцы были в состоянии тратить огромные средства на покупку роскошных художественных вещей, которые нередко специально предназначались для погребальных целей. Мы уже не раз упоминали о находках в боспорских гробницах деревянных саркофагов, являющихся высоко художественными произведениями боспорских мастеров деревообделочников (рис. 51). Но иногда для боспорских богачей громадные мраморные художественные саркофаги доставлялись извне на кораблях. В 1917 г. в кургане, называемом Лысая гора, близ Тамани, на территории некрополя города Гермонассы был найден в каменном склепе, разграбленном кладоискателями, прекрасной работы мраморный саркофаг (весом почти в 5 тонн), изготовленный в Греции и привезенный на Боспор морским путем. Двускатная крышка саркофага напоминает крышу храма (фронтон с акротериями, архитектурные формы карниза и т. д.), на его гладких стенках высечены прямоугольные углубленные полосы, окрашенные в розовый цвет; на этом розовом фоне выступали рельефные позолоченные круглые розетки.[83]

Помимо обширных массовых некрополей, окружавших древние боспорские города Таманского полуострова, ряд больших курганов расположен в некотором отдалении от крупных городов и представляет, очевидно, места погребений эллинизованной синдской знати.

Близ станицы Вышестеблиевской, неподалеку от Цукурского лимана, на высоком хребте лежат два кургана, носящие названия Малой и Большой Близниц. Раскопки кургана Большая Близница, производившиеся в течение ряда лет, начиная с 1864 г.*, ознаменовались выдающимися открытиями, давшими богатейший материал для изучения культуры Боспора эпохи расцвета. О грандиозности кургана можно судить по окруж-

* Раскопки были начаты археологом И. Е. Забелиным и успешно продолжены затем А. Е. Люценко, В. Г. Тизенгаузеном, а позднее С. И. Веребрюсовым.

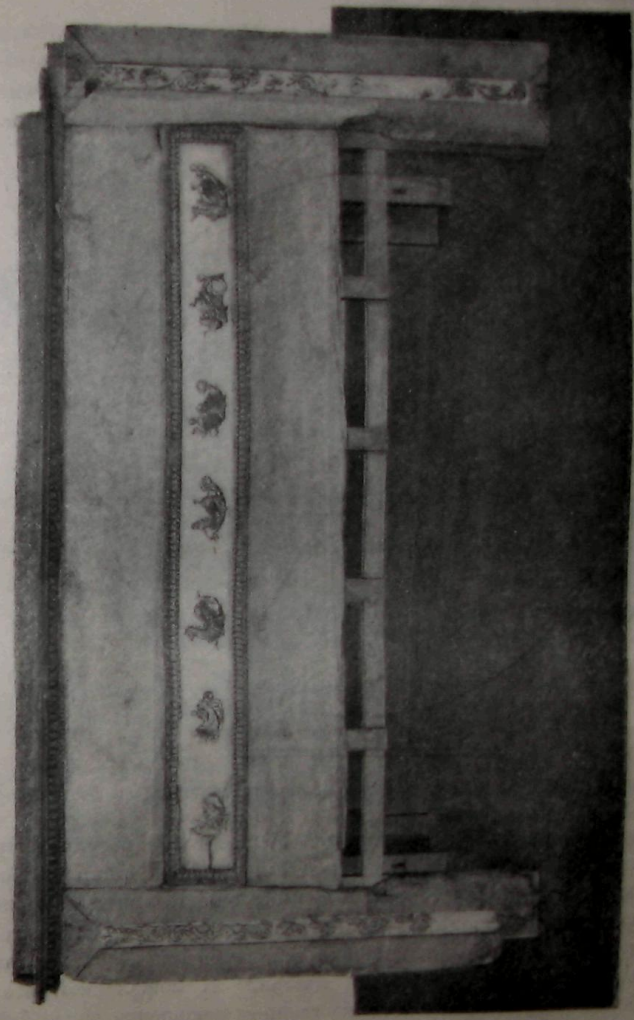

Рис. 51. Деревянный саркофаг из Анапы с резными позолоченными украшениями в виде фигурок Нереид. III в. до н. э. (Эрмитаж).

ности его, равной 340 м, и высоте — 15 м. Курган являлся некрополем одной знатной и очень богатой семьи, члены которой выполняли, повидимому, жреческие функции. В кургане (план на рис. 52) обнаружены три рядом расположенных ка-

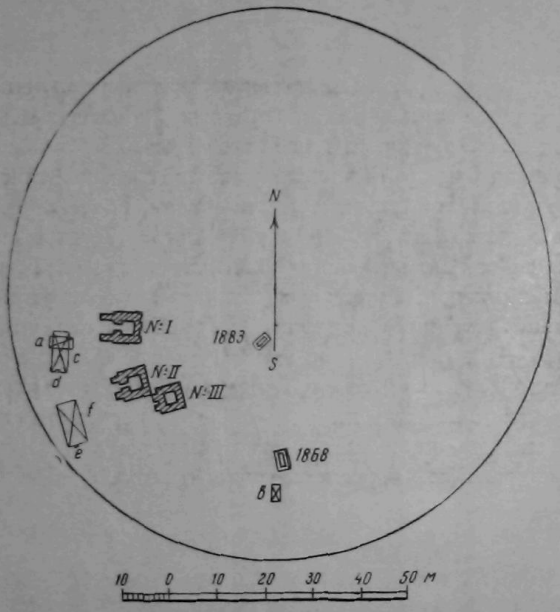

Рис. 52. План кургана Большая Близница.

менных склепа с характерными для IV в. до н. э. уступчатыми перекрытиями. Средний (II) склеп был украшен стенной росписью: по верхней части стен в дромосе склепа проходил фриз с растительными узорами, а в погребальной камере на плите, замыкавшей свод, была написана голова богини Деметры или Коры, увенчанная венком из цветов.[84] К сожалению, этот наиболее совершенный в художественном отношении склеп был еще в древности полностью ограблен. Нетронутыми оказались оба соседних склепа (I и III).

В склепе I стоял кипарисовый саркофаг, от которого уцелели лишь обломки (он был разрушен упавшими камнями перекрытий склепа). Саркофаг украшала тонкая резьба, инкрустация слоновой кости, а каннелированные ионийские колонки увенчивались капителями с глазками из синего стекла. В саркофаге лежал скелет женщины в богатейшем ритуальном уборе жрицы. Голову ее украшал золотой калаф — убор, к внешней

Рис. 53. Золотой калаф и стленгида из склепа I, в кургане Большая Близница. IV в. до н. э. (Эрмитаж).

поверхности которого прикреплены рельефные фигуры варваров (скифов или аримаспов), борющихся с грифонами (рис. 53).

К головному убору относится и золотая стленгида, начельник; внешняя сторона его отделана в виде волнистых волос, и на обоих концах стленгиды, приходившихся над ушами, изображено по крылатой Нике.[85] К нижнему краю калафа прикреплялись изящнейшие золотые серьги, вернее височные подвески. На диске каждой серьги изображена богиня Фетида, везущая на морском коне, в сопровождении дельфинов, выкованное Гефестом оружие Ахиллу. В состав украшений входила

и вторая пара серег, меньшего размера, но чрезвычайно тонкой ювелирной работы (подобные серьги найдены еще в Кульобском кургане, близ Керчи, а также в Феодосии и Херсонесе). Шею украшали два золотых ожерелья.

На руках было по золотому браслету, состоящему из витого кольца, заканчивающегося двумя бегущими львицами. Четыре золотых перстня украшали пальцы левой руки. Особенно изящен перстень с резным изображением богини Афродиты, сандалии которой завязывает стоящий перед нею на коленях Эрот. Афродита с Эротом изображены и на другом перстне.

Необычайно богатой была одежда жрицы. Около двух тысяч нашивных золотых бляшек различной формы и размеров усеивало ее платье. В числе бляшек имеются пластинки с поясным изображением Деметры, Коры,[86] Геракла, бляшки с головой Афины, Гелиоса; значительное число бляшек изображает девушек, совершающих священную пляску, другие бляшки представляют голову Медузы, грифона, сфинкса, голову быка, оленя и т. д.

Расписная краснофигурная ваза (пелика), оказавшаяся в числе предметов погребального инвентаря, интересна в том отношении, что на ней представлена сцена защиты Гераклом девушки от напавшего на нее кентавра (мифическое существо с туловищем лошади, но человеческими грудью, руками и головой).[87] Поверженный героем кентавр молит о пощаде, освобожденная девушка поспешно удаляется, причем к ней приближается юный Эрот.

Ваза с таким изображением не случайно попала в гробницу. Очевидно, владельцев вазы привлекал мифологический сюжет росписи, в котором основную роль играет героический подвиг Геракла, доблестно защищающего честь девушки от грубого посягательства со стороны кентавра, которому свойственны низменные инстинкты. Именно на азиатской стороне среди боспорского населения пользовался особой популярностью местный миф, в котором рассказывалось, как Геракл спас богиню Афродиту от напавших на нее гигантов (мифические великаны, восставшие против богов). Афродита спрятала Геракла в пещеру, и там она принимала гигантов поодиночке. Не подозревавшие обмана гиганты шли в пещеру, где они попадали в руки Геракла, убивавшего их.

Во всех тех вещах, которые найдены в склепе и перечислены выше, нет ничего, что противоречило бы греческим вкусам. Но в погребальный инвентарь жрицы, помимо поименованных предметов, входят и несколько уздечных наборов, украшения конской сбруи: бронзовые удила, фалары, колокольчики, ремни. Присутствие их в могиле приводит к выводу, что в кургане Большая Близница были погребены не греки, а представители местной знати, подвергшиеся сильному эллинскому культурному влиянию. Но они сохраняли и свои традиции, выражавшиеся, в частности, в варварской пышности погребального ритуала, обилии золотых вещей, наличии предметов конского убора.

Этот вывод подкрепляется и находками в склепе III. Здесь в богатом деревянном саркофаге найдены останки воина, похороненного, в соответствии с варварским обычаем, вместе со своим оружием. К сожалению, от саркофага уцелели лишь обломки, по которым все же можно составить представление, насколько изящны были резные и токарные украшения, дополнявшиеся инкрустацией из слоновой кости.

Золотых вещей в склепе оказалось немного: превосходный золотой оливковый венок, украшавший голову покойника, два золотых перстня и некоторое количество золотых штампованных бляшек от одежды. Зато покойника сопровождало его обильное оружие, представленное бронзовым позолоченным шлемом,[88] большим железным мечом, небольшим кинжалом, семью длинными наконечниками копий, множеством бронзовых наконечников стрел, бронзовым панцырем и бронзовыми позолоченными кнемидами. Найденная в склепе чернолаковая пелика с желобчатым туловищем подтверждает принадлежность данного погребения второй половине IV в. до н. э.

Кроме склепов, в кургане открыты гробницы более простого устройства. Одна из них (на рис. 52 обозначена цифрой *1868*) имела вид каменного ящика. В нем была погребена жен-

щина также в ритуальном уборе жрицы. Голову ее украшал калаф, вероятно сделанный из кожи и украшенный по наружной стороне золотыми рельефными фигурками: менада, едущая на бескрылом грифоне, менада с тирсом, пляшущий сатир и т. п., которые были прикреплены к кожаной основе золотыми гвоздиками.[89] Как и в склепе I, здесь в состав головных украшений покойницы входили золотая стленгида-начельник, имитирующая завитки волос, и золотые серьги.

Из трех ожерелий, найденных в гробнице, наиболее роскошным и поражающим мастерством исполнения является ожерелье в виде ажурного фриза. Оно изображает пасущихся в поле козлов и баранов, а также бегущих гончих собак и притаившихся зайцев (рис. 54).[90] Животные изображены в самых разнообразных положениях, живо схваченных с натуры. Высокий художественный уровень исполнения сочетается с замечательной наблюдательностью художника-ювелира. В числе золотых украшений много разнообразных золотых бляшек, которые были нашиты на одежду. Среди них имеются пластинки с рельефными изображениями головы Афины, Нереид на морском коне, женских фигур с крыльями вместо рук и ног (точно такие же пластинки найдены были в склепе V) и т. д.

В могилу была положена серия миниатюрных сосудов из бронзы и глины, а также значительное число статуэток; из них две костяные, остальные 26 — терракотовые, причем в большинстве эти статуэтки импортные, аттического происхождения. Одна статуэтка изображает раба-педагога; он с лирой в руке сопровождает своего юного воспитанника. Другие статуэтки представляют актеров, исполняющих с яркой экспрессией роли различных персонажей народной греческой комедии: здесь опьяневший Геракл и пьяная флейтистка, карикатурные кулачные бойцы и уродливые старухи, беременная женщина и др. Очевидно, эти прекрасно исполненные изделия греческих коропластов, с большой силой выразительности, реалистично и непринужденно передающие смешные гротескные образы героев комедии, высоко ценились, и как дорогие художественные вещи они были помещены в могилу.[91]

Близ центра кургана открыта вторая гробница, сложенная из каменных плит в виде ящика, но покрытая не плитами, а деревянными брусьями (на рис. 52 обозначена цифрой *1883*). В саркофаге, украшенном узорами из костяных пластинок,

Рис. 54. Золотое ажурное ожерелье из гробницы кургана «Большая Близница. IV в. до н. э. (Эрмитаж).

лежал костяк женщины в богатом уборе. Голову ее украшал роскошный золотой венец и пара золотых серег, на шее было золотое ожерелье, на руках — пара золотых браслетов, сделанных в виде скрученного жгута с головами баранов на концах. В могиле лежали также бронзовое зеркало, костяное веретено, 7 терракотовых статуэток и несколько глиняных

ваз, в том числе краснофигурный лекиф и три чернолаковых сосуда.

Кроме трех склепов и двух плитовых гробниц, под курганной насыпью Большой Близницы были обнаружены жженые могилы. Одна из них оказалась в юго-западной части кургана (на плане обозначена буквой *a*). Это место костра, на котором был сожжен труп покойника, очевидно женщины, как показывают найденные у места сожжения вещи. Она была сожжена в гробу или на катафалке, от которого на костре осталось свыше 600 бронзовых гвоздей. Здесь же найдены золотая монета — статер Александра Македонского, чеканенный посмертно, в последнее десятилетие IV в. до н. э.,[92] куски золотого лаврового венка, золотой перстень с пострадавшим от огня скарабеем, золотые пляшущие фигуры, вероятно от серег (одна почти совершенно расплавилась) и золотые бусы. Возле костра лежало множество золотых украшений от одежды: литые фигурки сфинксов, бляшки с головой Медузы, бляшки в виде розеток, цветков, треугольников и т. п. Найденные золотые нити показывают, что в ткань одежды было воткано золото. Круглое бронзовое зеркало, естественно, входило в погребальный инвентарь женщины.

Наличие в кургане, в котором на протяжении второй половины IV в. до н. э. хоронили членов одной семьи, и трупоположения и трупосожжения наглядно показывает существование на Боспоре этих двух погребальных обрядов.

В том же пункте, где обнаружена жженая могила, но несколько глубже, открыто место тризны (на плане обозначено буквой *c*), совершенной во время одного из погребений. На площадке, обложенной сырцовыми кирпичами, были заметны следы большого костра. Очевидно во время тризны сжигались закланные жертвенные животные и происходило угощение участников похорон. Сосуды, употреблявшиеся во время заупокойной трапезы, подлежали уничтожению. Поэтому на площадке, где совершалась тризна, найдены разбитые сосуды, в том числе краснофигурное рыбное блюдо с изображением

прибытия похищенной Зевсом Европы на остров Крит, и две терракотовые статуэтки.

Во время тризны жертвы богам приносились не только сожжением жертвенного мяса, но и возлияниями крови жертвенных животных. Для этой цели был устроен особый жертвенник (на плане отмечен буквой *d*), представляющий собою прямоугольную каменную плиту. Последняя имела в центре отверстие, соединяющееся с воронкообразным углублением, сделанным под плитою в земле; отверстие закрывалось полукруглым камнем с железной скобой. Через это отверстие во время погребальной церемонии вливалась жертвенная жидкость, посвящавшаяся подземным богам, от которых по верованию древних зависело благополучие души покойника, переселившейся в загробное царство Аида.

Второе место тризны (на плане отмечено буквой *f*) открыто в юго-западной части кургана. Тут также обнаружена сильно обожженная площадка, обнесенная стенкой из сырцовых кирпичей. Уголья, зола, перегоревшие кости разных животных, а также множество разбитых глиняных сосудов, в том числе два краснофигурных рыбных блюда, являются остатками погребальной тризны. К площадке также примыкал каменный жертвенник-алтарь (*e*) со сквозным воронкообразным отверстием.[93]

В нескольких местах в насыпи кургана встречались простые остродонные амфоры для вина, положенные рядами.

Для характеристики культуры азиатской части Боспора представляют также большой интерес курганы, раскопанные А. Е. Люценко и В. Г. Тизенгаузеном на Васюринской горе, недалеко от Большой Близницы. В 1868—69 гг. в одном из курганов на Васюринской горе был раскопан замечательный склеп первой половины III в. до н. э., хотя и оказавшийся разграбленным, но давший тем не менее весьма ценный материал.[94] Вход в склеп (рис. 53) сделан в виде широкого спуска-лестницы, ведущей к входу в сени, вестибюль, за которым следует погребальная камера (3.6 — 3.73 × 4.65 — 4.70 м). Оба помещения имеют полуцилиндрические клинчатые своды, свидетельствующие, что в ранне-эллинистическое время

на Боспоре такие своды уже вытеснили технически более примитивные уступчатые своды, господствовавшие в IV в. до н. э.

Насколько умело и свободно владели боспорские строители в первой половине III в. до н. э. конструкцией клинчатого свода, доказывает тот факт, что сводчатые перекрытия в курганных склепах выдержали громадную нагрузку земляной насыпи в течение более двух тысяч лет. В целях достижения надлежащей прочности сооружения стены склепа до пят свода были впущены в материк. По обеим сторонам входа, на площадках над стенами, обрамляющими спуск в склеп, оказались каменные гробницы в виде ящиков, покрытых сверху плитами (показаны на рис. 55). В этих ящиках были погребены четыре лошади вместе с их парадной богатой сбруей. Значительная часть этих конских захоронений была расхищена грабителями; нетронутой осталась лишь одна лошадь, сбруя которой и найдена при раскопках.

Головы коней были украшены круглыми и овальными бронзовыми позолоченными бляхами с чеканным орнаментом и накладным стеклом, серебряными с позолотой удилами, железными (обтянутыми листовым золотом) налобниками в виде грифонов.[95]

У нижней ступени лестницы, т. е. у самого входа в склеп, оказались скелет собаки и бронзовое кольцо с обломками бронзовой цепочки. Очевидно, у входа в склеп после похорон была оставлена на привязи собака.

Покрытые тонким слоем штукатурки стены внутреннего помещения склепа были расписаны. Роспись состоит из следующих частей. Низ стен окрашен в виде сплошной черной полосы (цоколь); над нею идут желтоватого цвета крупные квадраты (ортостаты), окаймленные вдавленными черными линиями — имитация облицовки плитами цветного мрамора. Еще выше проходит пояс узких, продолговатых чередующихся прямоугольников желтого и черного цвета, над которыми выступает рельефный карнизик (гусек), украшенный орнаментом (лесбийский киматий). Средняя часть стены представляет

сплошное красное поле, которое увенчано архитектурным карнизом, исполненным посредством росписи; поверх карниза на декоративных выступах — балюстрах, расположенных как бы по внешнему краю крыши, в некоторых местах изображены сидящие птицы.

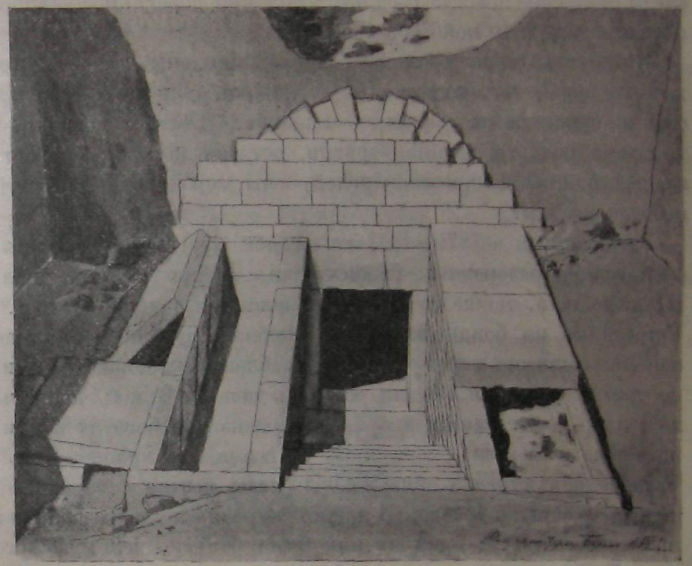

Рис. 55. Лестничный спуск в склеп и конские гробницы в *Васюринском* кургане. III в. до н. э.

Роспись склепа, несомненно, воспроизводит ограду героона, т. е. священного участка, на котором хоронят членов знатного рода. Такой обнесенный стеной участок находился обычно под открытым небом.

На своде склепа изображен ковер с кистями по углам. Центральная часть ковра имеет вид синего поля, окруженного с четырех сторон широкими темнокрасными бордюрами, от которых на синее поле направлены с узких сторон длинные, узкие острые зубцы, а с широких *сторон* — так называемые

городки. Ковер, написанный на своде, имитирует навес-балдахин, который обычно на Востоке устраивался над погребальным катафалком.

Внутри разграбленного склепа вещей почти не осталось. Найдены лишь два мраморных стола, на которых сохранились следы стоявших некогда сосудов,[96] обломки деревянного саркофага и фрагменты некоторых сосудов.

По другую сторону склепа были обнаружены две расположенные рядом четырехугольные площадки, обнесенные невысокими стенками из сырцового кирпича. Здесь совершалась во время похорон пышная тризна, остатки которой представлены огромным количеством углей, золы, пережженных костей и битой посуды.

Раскопанный в 1871—1872 гг. второй курган на Васюринской горе с разоренным грабителями склепом (без росписи) III в. до н. э. также сочетается с конскими захоронениями.[97] Устроенные по бокам входа две конские гробницы в виде каменных плитовых ящиков были ограблены кладоискателями, но третья земляная могила осталась целой. В ней найдены не только кости лошади и принадлежавшая ей богатая сбруя, но также и железная колесница со всеми ее украшениями.[98] У подножия кургана обнаружены следы костра с черепками посуды — остатки тризны. В насыпи кургана найдены обломки мраморных статуй; одна из них была больше человеческого роста.[99] Очевидно, на кургане были воздвигнуты статуи, изображавшие похороненных в нем знатных людей.

В Васюринских курганах с особенной яркостью выступают черты культурной ассимиляции, характерные для Боспора. Архитектура склепов, роспись, скульптура, изделия художественного ремесла (керамика и пр.) — греческие, но сочетается все это с явно негреческими, местными варварскими элементами ритуала. Знатного покойника везли на парадной колеснице, запряженной богато убранными конями к месту погребения. После того как покойник был водворен в гробницу, наполненную дорогими вещами, везшие колесницу и катафалк кони убивались. Их хоронили тут же, близ гробницы хозяина, со всем их пышным убором, нередко вместе с колесницей. Иногда покойника сжигали на костре. Похороны завершались тризной, во время которой совершались жертвоприношения и заупокойный пир.[100]

В курганах, расположенных вдали от крупных греческих городов Боспора (например, на Кубани) местные черты варварской культуры и в могильном устройстве и в погребальном ритуале выступают отчетливее и определеннее, в более чистом виде.[35] Близ больших торговых городов Боспорского государства греческие культурные влияния сказывались сильнее, и поэтому здесь местные варварские обычаи получали более эллинизованную форму, что приводило как бы к возрождению на периферии античного мира тех обрядов и обычаев, которые были свойственны грекам на их родине в раннеархаическую эпоху, когда они еще находились на высшем этапе варварства.

Глава девятая

ВОССТАНИЕ САВМАКА. МИТРИДАТ ЕВПАТОР. ПОДЧИНЕНИЕ БОСПОРСКОГО ГОСУДАРСТВА РИМУ

Как мы уже говорили, во второй половине III в. и особенно на протяжении II в. до н. э. положение Боспора, несмотря на некоторые периоды стабилизации и даже временное улучшение, постепенно все более клонилось к упадку. Этому способствовали существенные изменения, происходившие в указанное время в жизни местных племен, которые населяли северное Причерноморье и с которыми Боспор был экономически тесно связан. Прежняя мощь кочевых скифов, имевших ранее свой центр в Приднепровье, была поколеблена в результате сильного напора сарматских племен, переходивших реку Танаис (Дон) и опустошавших скифские земли.[1] Вторжение сарматов нарушало ранее установившиеся межплеменные взаимоотношения и регулярный товарообмен с греческими городами. Положение осложнялось еще и тем, что одновременно усилился нажим на Скифию и с запада, откуда стали учащаться набеги кельтских племен. Скифы принуждены были перенести свой центр из Приднепровья в Крым,[2] где возникший в конце IV в. до н. э. скифский город Неаполь (его развалины находятся на окраине города Симферополя) стал теперь главным «столичным» центром скифской державы.[3] В самом скифском обществе, в его внутренней структуре произошли серьезные перемены. Экономические связи с греческими колониями, оживленный торговый обмен ускорили процесс классообразования у скифов. Рост социальной дифференциации увеличивал слой богатых при одновременном усилении института рабства и эксплоатации земледельцев-общинников скифской знатью, стремившейся как можно больше получить сельскохозяйственных продуктов в целях обмена их на эллинские товары и предметы роскоши. По примеру греческих городов скифы в III—II вв. строят свои укрепленные города с мощными каменными оборонительными стенами и башнями, скифские цари начинают чеканить монеты со своими именами, привлекая для всех этих дел на службу мастеров и специалистов из соседних эллинских городов.

Скифское рабовладельческое государство не хотело мириться с тем, что выходы к морю находились в чужих руках, и стало упорно добиваться овладения приморскими крупными торговыми городами, чтобы извлекать из них соответствующие коммерческие выгоды.

Ольвия первая испытала на себе трудности усложнившейся обстановки. Скифы во второй половине III в. начали предъявлять Ольвии все более возраставшие требования. Одновременно с этим стали выступать со своими претензиями и некоторые сарматские племена, желавшие получить от Ольвии соответствующую долю дани. Ольвия принуждена была выплачивать «дары» вождям различных племен, державших город в постоянном страхе и угрожавших войной в случае неуплаты очередных «даров».

Племенные передвижения и межплеменные войны, участившиеся и почти не прекращавшиеся в это время в степях северного Причерноморья, нарушали налаженный раньше товарообмен с местным населением, затрудняли нормальный приток хлеба и других товаров в Ольвию, что порой создавало настоящий голод,[4] особенно в неурожайные годы.

Примерно в таком же положении оказались во II в. до н. э. и другие античные города северного Причерноморья. Известный греческий историк Полибий (II в. до н. э.), описывая торговлю с причерноморскими городами и указывая на то, что «в Понте есть много полезного для жизни других народов»,

перечисляет следующие товары, вывозимые из Понта: скот, рабы, мед, воск и соленая рыба. Что касается хлеба, то, по словам Полибия, его порой вывозят, а иногда, наоборот, ввозят в Понт.[5] Подобное утверждение, конечно, было бы совершенно немыслимо в IV в., а отчасти и в III в. до н. э., когда причерноморские города и, прежде всего, Боспорское царство снабжали Грецию и малоазийские центры огромным количеством зернового хлеба, пшеницей. Полибий несомненно отразил ту ситуацию в Понте, которая сложилась около середины II в. до н. э., когда в силу вышеуказанных обстоятельств экономическое положение и торговые возможности античных городов на северном побережье Черного моря были ослаблены настолько, что порой они сами ощущали недостаток в хлебе.

Не менее ярким показателем деградации является и тот факт, что боспорские правители в это время не только не были в состоянии вести борьбу с морскими пиратами — этим бичом морской торговли, — но и не гнушались порой покровительствовать пиратской деятельности жителей горной части Кавказа (ахеян, зигов и гениохов), населявших приморские районы южнее теперешней Анапы и промышлявших морским разбоем. Последний осуществлялся с помощью небольших легких судов, вмещавших 25—30 чел. Плавая на этих так называемых «камарах», пираты нападали на грузовые суда, на приморские местности и отдельные населенные пункты. Награбив, пираты отправлялись на Боспор, где им предоставлялась возможность свободно заходить в гавани, заниматься там продажей награбленного и закупать нужный провиант.[6]

В конце концов у Ольвии осталось лишь одно средство к самосохранению: отдать себя под покровительство скифов и тем самым предотвратить гибель города от набегов других варварских племен, все чаще и чаще подступавших к нему. Существование протектората скифских царей над Ольвией в первой половине II в. до н. э. доказывается ольвийскими монетами, носящими имя скифского царя Скилура.[7] Укрепившись в Ольвии и значительной части Крыма, скифы пытались

распространить свою власть и на другие греческие города, но встретили решительное сопротивление, особенно со стороны Херсонеса. Последний, не желая терять политической свободы, повел борьбу с Скилуром, а затем и с его сыном Палаком. Херсонесцы в интересах своей обороны использовали, прежде всего, враждебные отношения между скифами и сарматами. Вступив в союз с вождями сарматских племен, херсонесцы получили военную помощь от сарматов, что до некоторой степени временно ослабило нажим скифов.[8]

В 179 г. был заключен договор о дружбе между понтийским царем Фарнаком I и Херсонесом (IPE, I², 402).[9] В договоре Фарнак давал обязательство содействовать защите Херсонеса, «если соседние варвары выступят походом на Херсонес или подвластную херсонесцам страну, или будут причинять обиду херсонесцам». Несмотря на все эти предупредительные дипломатические меры, во второй половине II в., когда скифы пошли войной на Херсонес, последний потерял вскоре все свои владения на западном побережье Крыма, и военные действия перекинулись непосредственно в окрестности города Херсонеса. Боспорское царство не располагало в это время силами, которые оно могло бы предоставить в помощь Херсонесу, так как одновременно с Херсонесом притязания скифов были направлены на Боспор. При таких обстоятельствах Херсонес решил обратиться за помощью к понтийскому царю Митридату II Евпатору.[10] Для защиты Херсонеса от стоявших почти у города скифов Митридат отправил в 110 г. из Понта целую армию, возложив командование на своего полководца Диофанта. Вмешательство Митридата было продиктовано желанием закрепиться в северном Причерноморье, что могло дать понтийскому царю важные стратегические преимущества в назревавшей острой военной борьбе с Римом в Малой Азии.[11]

О ходе военных операций Диофанта против скифов сообщает херсонесский декрет — почетная надпись, высеченная на мраморном пьедестале бронзовой статуи Диофанта, которая была в ознаменование его заслуг установлена в Херсонесе, подле алтарей наиболее чтимых богов (IPE, I², 352).

По прибытии в Херсонес войска Диофанта переправились на северную сторону теперешней Севастопольской бухты. Вскоре произошло сражение, в котором скифы, возглавляемые царем Палаком, потерпели поражение и были рассеяны.

Прервав временно военные действия против скифов, Диофант, чтобы обезопасить тыл, предпринял наступление на тавров, подчинил их и основал на таврской земле город Евпаторий (повидимому, в районе теперешней Балаклавы), который должен был служить опорным пунктом.[12] Затем Диофант отправился на Боспор, и там, по словам херсонесского декрета, он в короткое время совершил «много великих деяний». Повидимому, Диофанту удалось принудить часть скифов, действовавших против Боспора, прекратить нажим. Одновременно Диофант получил согласие от боспорского царя Перисада на передачу власти Митридату, так как Перисад не был в состоянии «бороться с варварами, требовавшими бóльшей дани, чем прежде».[13]

Выполнив свою миссию в Крыму, на что ушло более двух лет, Диофант вернулся с армией в Понт.

Однако вскоре (примерно через год) скифы опять стали теснить Херсонес. На помощь ему Митридат вторично послал войска под начальством Диофанта. Достигнув Херсонеса, Диофант сначала занялся отвоеванием северо-западных херсонесских владений (Керкинитида, Прекрасная гавань и др.), захваченных скифами. Пользуясь тем, что силы Диофанта находились в западных районах Крыма, Палак успел собрать большое войско и привлечь на свою сторону сарматское племя роксоланов (ревксиналов), жившее в степях между Днепром и Доном. Однако последовавшее затем генеральное сражение закончилось всё-таки для скифов полной неудачей. Диофант снова занял скифские укрепленные города.

После этого Диофант вернулся в Херсонес и приступил к осуществлению основной задачи. Совместно с отборными отрядами херсонесского ополчения понтийские войска двинулись в центральную часть Крыма, заставили скифов сдать

крепости Хабеи и Неаполь и признать себя подвластными царю Митридату. От последствий этого поражения скифы теперь не могли оправиться скоро.

Закончив войну со скифами в центральном Крыму, Диофант прибыл на Боспор и «устроил тамошние дела прекрасно и выгодно для царя Митридата». Передача власти понтийскому царю Митридату Евпатору была теперь вполне завершена. Царский дом Спартокидов, правивший Боспором свыше трехсот лет, сошел с исторической сцены. Социальные верхи Боспорского государства предпочли отказаться от политической самостоятельности и быть под властью иноземного понтийского царя, сохраняя, однако, прежние позиции классового и экономического господства, нежели оказаться в зависимости от крымского государства скифов, что, несомненно, повело бы к потере греческой рабовладельческой верхушкой ее преобладающего положения в хозяйственной и политической жизни Боспора.

Но в то время, когда Диофант находился на Боспоре и вел переговоры об установлении власти Митридата, там вспыхнуло восстание скифов, возглавленное Савмаком.[14] Восставшие убили царя Перисада и намеревались сделать то же с Диофантом, но ему удалось бежать на корабле, присланном за ним из Херсонеса. О размерах восстания, охватившего всю европейскую часть Боспора, можно судить по длительности и основательности подготовки военной экспедиции, отправленной из Понта, опять под руководством Диофанта, спустя около полугода после начала восстания. В состав экспедиции входили как сухопутная регулярная армия, так и военный флот. Базой для развертывания военных действий был избран Херсонес, откуда Диофант, дополнив армию херсонесскими войсками, размещенными на трех кораблях, двинулся (весной 107 г. до н. э.) на Боспор. Диофанту удалось, после овладения основными центрами европейской части Боспора — Феодосией и Пантикапеем, подавить восстание и расправиться с его вожаками. Савмак, захваченный в плен, был отправлен в Понт и там, очевидно, казнен.

Подробности скифского восстания на Боспоре не известны. Независимо от того, какие конечные политические цели преследовались руководителями движения, в восстание, несомненно, вовлечены были широкие слои угнетенных масс — зависимое сельское население, состоявшее в восточном Крыму в основном из скифов, а также рабы. Показательно, что Феодосия и Пантикапей были едва ли не самыми крупными очагами восстания, которые Диофанту пришлось брать силой, чтобы ликвидировать мятеж. Между тем, названные города были главным средоточием рабов, эксплоатируемых в промышленных эргастериях, во флоте и т. д. Поэтому активное участие рабов в восстании вряд ли подлежит сомнению.

Политическая программа восставших и государственный строй, установленный на Боспоре в период пребывания Савмака у власти, не известны. Сохранившиеся монеты с именем Савмака показывают, что он был провозглашен царем. Восстание скифов на Боспоре является одним из эпизодов революционного движения социальных низов, широко охватившего античный рабовладельческий мир во II в. до н. э.

Начавшись в Италии и Сицилии, мощная волна восстаний докатилась до Греции, Македонии и Малой Азии. Большое восстание вспыхнуло в 133 г. в Пергамском царстве. Повстанцы, возглавляемые Аристоником, провозгласили «солнечное царство», т. е. светлое царство свободы, в соответствии с чем подданные Аристоника именовались «гелиополитами» (гражданами солнечного государства).[15] Подавление восстания Аристоника (в 129 г.) потребовало от Рима больших усилий и жертв. На выпущенных Савмаком монетах (табл. III, *43*) изображена голова Гелиоса (бога солнца), что, возможно, являлось отражением той же идеи «солнечного царства», создание которого незадолго до того пытался осуществить Аристоник в Пергаме.

После ликвидации восстания скифов Боспор, Херсонес, а затем также Ольвия оказались под властью Митридата и вошли в состав Понтийского государства. Митридат, овладев греческими городами северного Причерноморья, резко изменил отношение к причерноморским варварским племенам: фракийцы, бастарны, сарматы, скифы, тавры, т. е. племена, жившие на пространстве от Дуная до Дона и вокруг Азовского моря, стали теперь союзниками (φίλοι) Митридата.[16]

В напряженной и длительной борьбе, которую пришлось вести Митридату с Римом, Боспор должен был служить поставщиком живой силы, хлеба и сырья для войск Митридата. Население Крыма и азиатской части Боспора ежегодно выплачивало дань Митридату натурой в размере 180 000 медимнов (около 450 000 пудов) хлеба и деньгами в сумме 200 талантов серебра.[17] Размеры дани были не очень велики, но по мере того, как затягивалась борьба с Римом, повинности Боспора росли.

Тревожная обстановка, связанная с войнами против Рима, постоянные подготовки к ним расстраивали экономическую жизнь Боспора, особенно торговлю с заморскими странами. Господствующие слои Боспора стали разочаровываться в Митридате, тем более, что им представлялась опасной его дружба со многими причерноморскими племенами, силы которых нужны были Митридату для борьбы против Рима. Выбрав удобный момент во время первой войны Митридата с Римом (89—84 гг.), Боспор отложился от Митридата. Однако значение Боспора было настолько велико, что Митридат не мог примириться с этой потерей. По окончании первой войны с Римом и возвращении в Понт Митридат в 83 г. начал вести приготовления к войне с Боспором: собирал большое войско, строил суда.[18] Но лишь по окончании второй войны с римлянами, в 80 г., Митридату удалось подчинить Боспор. Последний привлек на свою сторону для борьбы против Митридата некоторые местные племена. Митридатовский военачальник Неоптолем дважды нанес поражение варварам: летом он разбил их в морском сражении, происходившем в проливе, а зимою он там же, когда пролив был скован льдом, одержал победу в конном бою.[19] Сломив сопротивление, Митридат поручил управление Боспором и остальными греческими колониями северного Причерноморья своему сыну Махару.[20]

Во время третьей войны Митридата с Римом, тянувшейся около 10 лет (74—63 гг.), северное Причерноморье играло важ-

ную роль источника пополнения митридатовских войск. Последние поставлялись скифскими и таврскими племенами, которые были союзниками Митридата со времени первой войны.[21] В той связи интересно отметить, что в войсках Митридата особенно славился некий Олфак, правитель подвластного Боспору племени дандариев, занимавших один из районов на Кубани, у Азовского моря. Олфак отличался на войне силой и смелостью, обладая к тому же незаурядным умом; он выполнял наиболее ответственные поручения Митридата.[22]

Боспор оказался последним плацдармом, на котором происходил заключительный этап борьбы Митридата с Римом. Здесь, наконец, решился исход этой длительной и ожесточенной борьбы, завершившейся полным крушением митридатовских планов и личной его гибелью.[23]

Митридат, разбитый в 66 г. римскими легионами в Малой Армении, куда он вынужден был отступить под натиском превосходящих сил Помпея, брошенный своим бывшим союзником — армянским царем Тиграном, с небольшим отрядом отступил в Колхиду, где и провел зиму в городе Диоскуриаде.[24] Отсюда он решил пробиваться на Боспор, имея намерение там снова организовать борьбу против римлян. Крейсировавший вдоль кавказского побережья римский флот[25] не помешал Митридату благополучно, хотя и не без трудностей, пройти через кавказское побережье (отчасти этот путь был совершен на кораблях) и достигнуть пределов Боспора. При этом попутно был заключен союз с правителями ряда прикубанских синдо-меотских племен.[26]

В Пантикапее в это время находился в качестве наместника Махар, который еще в 70 г., считая поражение отца неизбежным, послал римлянам драгоценные подарки и объявил себя другом и союзником Рима.[27] В критический для Митридата момент, когда римская армия под командованием Лукулла осаждала Синопу, Махар послал римлянам те продовольственные запасы, которые были заготовлены на Боспоре для войск Митридата. Синопа держалась привозным хлебом, и поэтому указанные действия Махара весьма облегчили римлянам взя-

тие осажденного города. Понятно, что приближение теперь Митридата к Пантикапею не вызвало энтузиазма у Махара, так как неизбежно должна была последовать расплата за совершенное вероломство. Махар пытался скрыться в Херсонес, предварительно предав сожжению корабли в пантикапейской гавани, чтобы затруднить преследование. Но Митридат все же сумел организовать погоню, и Махар, убедившись в безнадежности своего положения, покончил жизнь самоубийством.[28]

Узнав о бегстве Митридата на Боспор, Помпей, командовавший римской армией, счел необходимым преследовать Митридата. С этой целью решено было выступить из Армении и двигаться через Албанию, занимавшую восточную область Кавказа у Каспийского моря, в районе нижнего течения реки Куры. Целесообразность такого направления подсказывалась тем, что албаны согласились не препятствовать передвижению войск Помпея на север. Однако при приближении к реке Куре римские войска подверглись нападению и вынуждены были вести против албанов серьезные военные действия. Только после того, как албаны потерпели поражение, они заключили с Помпеем мир и выразили готовность помогать римлянам.

Положение Помпея оставалось тем не менее трудным, так как против римлян была настроена вся западная половина Кавказа и, прежде всего, воинственные и сильные иберийские племена, населявшие территорию современной Грузии. Итти при таких условиях дальше, оставляя за собой враждебный тыл, открыто сочувствовавший Митридату, Помпей не мог. Так как Иберия не желала пропускать римские войска, Помпею пришлось и здесь действовать силою оружия.

Разбив иберов в кровопролитном сражении, Помпей вышел наконец со своей армией в Колхиду на побережье Черного моря, к устью реки Фасис (Рион). Тут произошла встреча Помпея с римской эскадрой, которая под командованием Сервилия охраняла Понт. Двинуться дальше в сторону Боспора Помпей все же не решился, учитывая трудности похода через местности, не имеющие дорог и населенные воинственными, в большинстве враждебно настроенными к римлянам племе-

нами. К тому же пришло известие о вновь вспыхнувшем восстании албанов, подавление которого отняло не мало сил у армии Помпея.

Все эти осложнения, обусловленные сопротивлением кавказских племен и стоившие римлянам немалых потерь, принудили Помпея отказаться от похода против укрепившегося на Боспоре Митридата через Кавказ. Помпей поручил римской эскадре вести блокаду Боспора с моря, а сам со своими войсками двинулся на юг в сторону Аравии с целью завоевания других восточных областей.

Обосновавшись в Пантикапее, Митридат снова подчинил себе крупные торговые города северного Причерноморья: Нимфей, Феодосию, Херсонес и др. Затем он сделал попытку вступить через посредство послов в мирные переговоры с римлянами. Однако переговоры оказались безуспешными, так как Помпей, возглавлявший римские вооруженные силы на Востоке и находившийся тогда в Сирии, потребовал безоговорочной капитуляции, включая личную сдачу Митридата на милость победителя.[29]

Между тем у Митридата окончательно сложился план нового наступления на Рим через Альпы, для чего предполагалось обойти Понт с севера, выйти к Дунаю и далее двигаться через Фракию, Паннонию и Македонию. В целях осуществления этого грандиозного похода Митридат снова вступил в союз со многими причерноморскими племенами, поддерживавшими его и раньше. Для укрепления дружбы Митридат обручил своих дочерей с вождями наиболее сильных скифо-сарматских племен.[30] Правящие слои этих племен, находившихся в соседстве с Боспором, видели в торгово-рабовладельческой верхушке причерноморских городов своих конкурентов, вытеснить которых неудачно когда-то пытались Скилур и Палак. Создавшаяся обстановка делала теперь Митридата не только союзником варваров в борьбе против надвигавшихся римлян, но и сулила варварской знати благоприятные перспективы возможного вытеснения греков с господствующих экономических позиций в крупных торговых центрах.

Пользуясь тем, что римляне не предпринимали активных военных действий, а ограничились лишь морской блокадой Боспора, Митридат начал спешную подготовку к походу на Рим. Усиленно набирались солдаты, причем в армию рекрутировались не только свободные, но и рабы. Производилась массовая заготовка оружия, стрел, строились корабли и военные машины, что требовало огромного количества сырья — леса, скота и пр. Для покрытия чрезвычайно возросших расходов были усилены поборы со всех слоев населения, «не исключая самых бедных».[31]

Злоупотребления сборщиков податей озлобляли и без того недовольное население боспорских городов, особенно страдавшее от римской морской блокады. Эскадре, проводившей блокаду, было приказано ловить и казнить всех купцов, пытавшихся пробраться в боспорские гавани.[32] Это средство борьбы оказалось весьма действенным. Блокировав Крым, римляне полностью парализовали торговые операции боспорских городов, что лишало последние основного источника их экономического благополучия. В довершение всех бед произошло сильнейшее землетрясение в Крыму, разрушившее многие города.[33] Недовольство торгового населения крупных боспорских городов, обусловленное прежде всего прекращением морской торговли, усиливалось еще и политикой Митридата, открывшего полный доступ в армию рабам и настойчиво добивавшегося очень тесного сближения с варварскими племенами, из которых набирался теперь основной состав митридатовского войска.

Результаты недовольства не замедлили проявиться. Когда Митридат, создав ядро своей новой армии, направил часть войск на кораблях в Фанагорию, чтобы закрепить за собой и азиатскую сторону пролива, Фанагория подняла восстание, подавить которое Митридат оказался не в силах. Несколько сыновей и дочь Митридата, руководившие военными действиями и уже успевшие захватить акрополь Фанагории, вынуждены были в конце концов сдаться в плен, так как повстанцы окружили акрополь и подожгли его.[34] Дополнительно посланные Митридатом корабли не смогли изменить положения:

удалось лишь спасти дочь Митридата Клеопатру, которая, будучи окружена восставшими фанагорийцами, мужественно сопротивлялась. Восстание Фанагории, как долгожданный сигнал, было тотчас же подхвачено другими городами: Нимфеем, Феодосией, Херсонесом, потеря которых была для Митридата тяжелым ударом. Началось брожение и в войсках Митридата. Сын его Фарнак, видя критическое положение отца, поспешил перейти на сторону римлян и стал тайно склонять митридатовских солдат к измене.[35]

Планы Митридата были построены с расчетом на получение большой помощи от союзных варварских племен,[36] при этом главные надежды возлагались на кельтские племена, соединиться с которыми Митридат предполагал морским путем через Дунай. Но заговор Фарнака окончательно сорвал осуществление этого плана. Спасаясь от взбунтовавшихся солдат, провозгласивших Фарнака царем, Митридат укрылся в пантикапейском дворце. Не желая попасть в плен и быть выданным римлянам, он решил лишить себя жизни, приняв яд вместе с дочерьми. Но яд на Митридата не подействовал, и по его просьбе он был умерщвлен одним из приближенных (63 г.).[37]

Известие о гибели Митридата — закоренелого, непримиримого и опаснейшего врага Рима — вызвало ликование в лагере римлян. В Риме праздновали победу над Митридатом в течение десяти дней. Набальзамированное тело Митридата на корабле доставили в Синопу, где по распоряжению Помпея оно было погребено в царских гробницах. Одновременно к Помпею Фарнаком были отправлены из Боспора в виде подарка различные ценности, а также заложники из состава греческого и местного населения.

После гибели Митридата Понтийское царство оказалось во власти римлян. Богатая городами западная часть южного Причерноморья (до реки Галис) была превращена в римскую провинцию Вифинию. Восточная половина Понтийского царства вместе с Колхидой стала вассальным владением, которое продолжало именоваться Понтийским царством, но управлялось зависимыми от Рима династами. Так продолжалось до

времени императора Нерона, при котором и эта часть Малой Азии была обращена в провинцию Римской империи.

Когда с Митридатом было покончено, Фарнак обратился к Помпею с просьбой утвердить его правителем всех бывших владений Митридата или хотя бы одного Боспора. Фарнак был провозглашен «другом и союзником римлян», но получил только Боспорское царство вместе с Херсонесом, исключая, однако, Фанагорию.[38] Последняя была объявлена автономной за то, что первой из боспорских городов подняла восстание в тот момент, когда Митридат намеревался двинуться в поход на Италию. Фарнак, проявивший свою преданность Риму, был признан Помпеем подходящим лицом для занятия боспорского трона, тем более что как сын Митридата он мог пользоваться некоторым авторитетом и популярностью в среде варварской знати, видевшей в Митридате (в период его войны с Римом) своего покровителя и вождя. Фактически же Фарнак должен был стать покорным исполнителем предначертаний Рима.

При Фарнаке границы Боспора на севере достигали Танаиса; в Крыму боспорские владения простирались далеко на запад, поскольку в состав их входил Херсонес. Попытки некоторых племен на азиатской стороне выйти из повиновения круто пресекались Фарнаком. Так, например, он затопил область племени дандариев, пустив воды Кубани через какое-то старинное русло, специально для этой цели расчищенное.[39] Воспользовавшись разгоревшейся в Риме гражданской войной, борьбой между Цезарем и Помпеем, Фарнак решил отвоевать у римлян бывшие владения своего отца Митридата в Малой Азии.

Не только внутренняя борьба в Риме, но и ряд событий в области Понта, происходивших на протяжении 50-х годов, порождали в Фарнаке иллюзии о возможном успехе задуманного им предприятия. С одной стороны, неудачные попытки римлян вторгнуться из Македонии во Фракию давали основание усомниться в наличии у Рима в это время надлежащих сил. Еще более могло служить поводом для подобных размышлений то положение, которое создалось в западном При-

черноморье около 50 г. Родственные фракийцам племена гетов, населявшие придунайские земли, будучи объединены в мощный племенной союз своим выдающимся правителем Биребистой, перешли в наступление и в течение короткого срока оказались хозяевами почти всех причерноморских городов западной части Понта, начиная от Ольвии и вплоть до Месембрии.[40] При этом ряд городов, в числе которых была и Ольвия, подверглись столь основательному разгрому, что возродиться потом смогли не сразу и далеко не в прежних размерах. Римляне и здесь оказались не в состоянии оказать отпор натиску гетов, чтобы защитить от них причерноморские города.

Все это могло, в глазах Фарнака, служить неплохим предзнаменованием для намечавшегося им антиримского предприятия в Малой Азии, тем более, что необходимое для этой цели войско он мог без особенного труда собрать благодаря поддержке, которую ему оказывали правители смежных с Боспором варварских племен, особенно сарматских. Сираки и аорсы поставляли Фарнаку, как сообщает Страбон, весьма значительное количество войска, главным образом конницы.[41]

Однако, прежде чем предпринять поход в Малую Азию, Фарнак должен был подчинить себе Фанагорию, которая пользовалась, как известно, дарованной ей римлянами автономией и легко могла стать базой для нанесения удара Фарнаку с тыла во время пребывания его с войском в Малой Азии. Осажденные войсками Фарнака, жители Фанагории принуждены были сдаться, признать власть Фарнака и выдать ему заложников.[42]

Выступая в поход на Малую Азию, Фарнак на время своего отсутствия назначил наместником Боспорского царства некоего Асандра, бывшего, может быть, одним из потомков старой династии Спартокидов. Когда Фарнак, овладев Колхидой и Арменией, занял Синопу и уже двигался дальше в западные области Малой Азии, ведя борьбу с римскими войсками, Асандр восстал против Фарнака и объявил себя самостоятельным правителем Боспора. Асандр рассчитывал, что после неизбежного поражения Фарнака он получит признание римлян.[43]

В виду приближения войск Юлия Цезаря, явившегося в Малую Азию из Египта, Фарнак ничего не мог предпринять против захвата власти на Боспоре Асандром. Разбитый вскоре Цезарем на голову у города Зелы, Фарнак бежал в Синопу, откуда после сдачи города был отпущен римлянами с небольшим отрядом войска.

Проиграв войну в Малой Азии, Фарнак намеревался восстановить свою власть на Боспоре. Из Синопы Фарнак на кораблях добрался до Боспора и высадился в районе Феодосии. Собрав здесь некоторое количество войска из скифов и сарматов, Фарнак повел наступление на Пантикапей. Однако Асандр оказал сильное противодействие и одержал победу. Фарнак умер от раны, полученной во время сражения (47 г. до н. э.).[44]

Надежды Асандра получить утверждение Рима не оправдались. Цезарь не доверял Асандру, поскольку тот восстал против Фарнака и захватил власть, не имея на то согласия римлян. Поэтому Цезарь поручил своему другу, пергамцу Митридату, являвшемуся побочным сыном царя Митридата Евпатора, расправиться с Асандром и стать во главе Боспорского государства.[45]

Митридат Пергамский или Митридат VII, как его называют, предпринял поход на Боспор. Проходя через Кавказ, в стране мосхов он подверг разграблению, вероятно с целью изыскания средств, местное богатое святилище Левкафеи и находившийся при нем оракул.[46] Но конечной цели своей Митридат все же не достиг: свергнуть Асандра он не смог и был в 47 г. убит.[47] Асандр, таким образом, продолжал оставаться правителем Боспора, распространяя одновременно свою власть и на Херсонес. Вступлением в брак с Динамией, дочерью Фарнака и внучкой Митридата, Асандр постарался укрепить свое положение в качестве властителя Боспорского государства, придав ему более законный характер. По тактическим соображениям, не желая вызывать излишнего раздражения римлян, Асандр именовал себя в первые три года правления не царем, а лишь архонтом, о чем свидетельствуют золотые статеры с именем Асандра (табл. III, *54—55*).

Цезарь, готовясь к походу на Парфию, проявлял определенный интерес к понтийским делам. Он удовлетворил в 45 г. просьбу херсонесцев о предоставлении им политической автономии, поселил римских колонистов в некоторых южных городах Черного моря.[48] Но предпринять какие-либо действенные меры против Асандра, узурпатора боспорского трона, Цезарь не решался, сознавая, очевидно, что такое предприятие может потребовать немалых сил, особенно если Асандр привлечет на свою сторону соседние с Боспором местные племена.

Тотчас же после убийства Цезаря в 44 г. Асандр стал титуловаться царем, что видно по его золотым статерам, начиная с четвертого года царствования. Считаясь с фактическим положением дел, Рим в лице Августа признал Асандра царем[49] Боспорского государства, предав забвению все происшедшее ранее, при Цезаре.

В целях воспрепятствования вторжениям скифов в боспорские владения, Асандр сильно укрепил перешеек Керченского полуострова, где были построены на значительном протяжении стена (вернее, земляной вал) и большое число башен.[50]

На монетах Асандра чеканились изображения Ники, носа корабля или Ники, стоящей на корабельном носу, в ознаменование какой-то выдающейся морской победы, одержанной Асандром, скорее всего над пиратами. Возможно, эта победа и сыграла решающую роль в утверждении Асандра царем Боспора в Риме. Активность морских сил Боспора при Асандре подтверждается надписью, сохранившейся на мраморной базе от статуи, которая была поставлена навархом (командующим флотом) Панталеоном и посвящена Посейдону Сосинею (Спасителю кораблей) и Афродите Навархиде (Судоначальнице), повидимому в благодарность за одержанные боспорским флотом победы (IPE, II, 25).

Боспор, следовательно, располагал в это время достаточно сильным флотом. В его состав, несомненно, входили военные корабли, построенные в свое время на Боспоре Митридатом Евпатором для борьбы с римским флотом, блокировавшим Боспор. Успешная борьба боспорского флота при Асандре

с пиратами имела очень большое значение для восстановления нормальных морских торговых сношений Боспора, дезорганизованных в период войн Митридата с Римом.

После смерти Асандра в 17 г. управление Боспором перешло к его жене Динамии. Первый год ее царствования (17/16) был ознаменован выпуском золотых статеров, на лицевой стороне которых был представлен портрет Динамии, а на обороте помещено изображение звезды и полумесяца, которые являлись династическими символами Ахеменидов (табл. III, 59). Динамия выступила на арену политической жизни как внучка Митридата Евпатора, нарочито подчеркивая свою принадлежность к древнему персидскому царскому роду. Но это был лишь кратковременный эпизод, когда Динамия сделала попытку представить себя достаточно независимой правительницей Боспора.

Прежде всего дело осложнилось тем, что на Боспоре появился некий Скрибоний, выдававший себя за внука Митридата Евпатора, которому якобы Август вверил Боспор.[51] Скрибоний женился на Динамии, надеясь таким путем упрочить свои права на власть. Появление Скрибония на Боспоре независимо от воли римлян и к тому же выступавшего с претензией на роль прямого преемника Митридата Евпатора, было воспринято в Риме как весьма неприятное и чреватое опасностями событие. Возникал призрак возрождения антиримского движения, которое некогда с такой настойчивостью вел Митридат.

В виду этого ведавший делами Рима на Востоке и пользовавшийся большим доверием Августа его зять Агриппа поручил преданному римлянам понтийскому царю Полемону изгнать Скрибония. Пантикапейцы хотели избежать войны с Римом и поэтому, не дожидаясь прибытия Полемона, убили Скрибония. Боспорцы в то же время, возможно под влиянием вдовствующей царицы Динамии, пытались помешать водворению Полемона, вследствие чего последнему пришлось действовать силою. Когда стало известно, что Агриппа готовится идти из Малой Азии войной на Боспор, чтобы помочь Полемону, боспорцы вынуждены были сложить оружие и подчиниться

римскому ставленнику Полемону (14 г.), женою которого, по решению императора Августа, вскоре стала та же Динамия.[52]

Совместное правление насильственно водворенного на Боспор Полемона и Динамии длилось недолго; вскоре между ними наступил разрыв.[53] Полемон женился на Пифодориде, дочери знатного малоазийца Пифодора Траллианского и родственнице (по линии матери) римского императорского дома.[54] Полемон, кроме Боспора, владел одновременно еще тремя царствами: Киликией, Понтом и Малой Арменией. Порвавшая с Полемоном Динамия, повидимому, удалилась вместе с Аспургом, сыном от Асандра, на азиатскую сторону Боспора, где они нашли поддержку у местных племен, видевших в лице Динамии внучку и преемницу знаменитого царя Митридата Евпатора. Весьма возможно, что Динамию связывали еще и родственные узы (по материнской линии) с правителями одного из местных племен Прикубанья.

Очевидно не без участия Динамии и Аспурга возник ряд заговоров и восстаний против Полемона в азиатской части боспорских владений. В частности, большое восстание вспыхнуло в Танаисе, при подавлении которого город был сильно разрушен.[55] Особенно враждебно по отношению к Полемону были настроены аспургианы — сарматское племя, расселившееся в Синдике, между Фанагорией и Горгиппией; из состава населения этого племени была, повидимому, скомплектована личная дружина Аспурга. Полемон, осведомленный о настроениях аспургиан, хотел на них напасть внезапно, но его намерения были своевременно разгаданы; он попал в плен к аспургианам и был убит в 8 г. до н. э.[56]

Законной преемницей Полемона являлась его жена Пифодорида. Однако, учитывая реальную обстановку на Боспоре и желая избежать осложнений с местными племенами, император Август предпочел утвердить правительницей Боспора старую царицу Динамию. Пифодориде же были предоставлены владения ее мужа в Малой Азии.[57]

Восстановленная в правах властительницы Боспорского царства, Динамия старалась засвидетельствовать свою верность Риму. Даже главные города Боспора были переименованы: Пантикапей стал называться Кесарией в честь Августа, а Фанагория получила наименование Агриппии — в честь Агриппы[58] (табл. IV, *57 — 58*). Переименование это, видимо, слабо привилось: ни в литературе, ни в надписях новое название боспорской столицы после Динамии не встречается.

Медные монеты, выпущенные при Динамии от имени общины жителей Кесарии (Пантикапея) и Агриппии (Фанагории), были последним выпуском городской боспорской монеты. В дальнейшем в денежном обращении Боспора были только царские монеты, причем уже со времени Асандра чеканка монет ограничилась двумя металлами — золотом и медью; серебро уже не применялось.

Динамия воздвигла статуи с благодарственными посвящениями в честь императора Августа (в Фанагории) и его жены Ливии (в Пантикапее). На боспорских монетах изображались портреты Августа и Агриппы, имя же самой Динамии обозначалось монограммой без упоминания ее царского титула. Портреты римских правителей сопровождались обозначением дат выпуска монет по боспорской (понтийской) эре.[59]

Таким образом, к концу I в. до н. э. вполне определяется положение Боспора как государства, зависимого от Рима, каковым оно и продолжало быть на протяжении первых веков нашей эры.

Боспор оказался втянутым в I в. до н. э. в сферу римской политики косвенным образом, вследствие того, что заключительный акт эпопеи Митридата Евпатора разыгрался на территории Боспора. Но именно это обстоятельство, а главное — подготовка Митридатом хотя и не осуществленного, но все же достаточно грозного по замыслу и не столь уж фантастического, как могло бы показаться с первого взгляда, похода на Рим со стороны северного Причерноморья, из пределов Боспора, с вовлечением в борьбу против Рима скифо-сарматских племен, — убедили римлян в том, что Боспор представляет собою немаловажный район в северо-восточной части античного мира, и что к нему нельзя относиться безучастно. Боспор,

как показала история войн с Митридатом, являлся не только источником хлеба и сырьевых ресурсов, но и важным в стратегическом отношении плацдармом, на котором могли при известных обстоятельствах рождаться весьма опасные для Рима движения. Чтобы предотвратить такую возможность, римляне взяли Боспор под свое наблюдение и стали назначать угодных им правителей, начав с Фарнака, в котором, правда, скоро вынуждены были разочароваться.

Пока римляне были заняты «рождением империи», Боспору уделялось сравнительно немного внимания. Благодаря этому, помимо и даже вопреки Риму, мог утвердиться на Боспоре Асандр, повидимому выходец из местной боспорской знати. Но с установлением императорской власти Августа и с упорядочением римских дел на Востоке Боспор начинает привлекать все больше внимания и превращается в государство, правители которого строго назначаются римским императором, требующим от зависимых царей Боспора дружественной политики, соответствующей интересам Рима.

На основании закона об исключительном праве императора чеканить золотые монеты в Римской империи и подвластных государствах, с 16 г. до н. э. на Боспоре прекратилась чеканка золотых монет.[60] С 9 г. выпуск золотых монет возобновился и продолжался затем более или менее систематически, но по весу эти монеты должны были соответствовать римскому ауреусу; при этом на обеих сторонах монет изображались головы римского императора и членов императорского дома, а имена боспорских царей обозначались там скромными монограммами, как это уже отмечалось выше по поводу монет царицы Динамии.

Рим стремился к тому, чтобы греческие города в северном Причерноморье выполняли функции опорных пунктов, помогающих охранять дальние подступы к границам Римской империи.

Глава десятая

БОСПОРСКОЕ ЦАРСТВО В ПЕРВЫЕ ВЕКА НАШЕЙ ЭРЫ

Обстановка, которая сложилась на Боспоре в период последней войны Митридата с Римом, была настолько тяжелой и губительной для экономики торговых городов, а чересчур далеко заходившая связь с варварами северного Причерноморья, на которых старался опереться Митридат, повидимому, казалась настолько опасной и угрожающей коренным интересам господствующих слоев общества, что все это предопределило решительный переход основных городов Боспора на сторону Рима. Неизбежным последствием этого перехода должно было явиться ограничение политической свободы, установление зависимого от Рима положения; но в сложившейся ситуации последнее, вероятно, воспринималось как меньшее зло, которое компенсировалось прежде всего тем, что боспорские города получали снова возможность нормального развития торговли, являвшейся всегда основой их экономической жизни.

Рим, заинтересованный в том, чтобы причерноморские города, и в первую очередь Боспор, были его военно-политическими форпостами на отдаленной периферии, помогал последнему в поддержании соответствующей военной мощи, необходимой для удержания всех обширных плодородных территорий, которые теперь, как и при Спартокидах, опять вошли в границы Боспорского государства. Но римская опека над Боспором далеко не сразу обеспечила внутреннее политическое умиротворение. После гибели Митридата VI Евпатора в тече-

ние многих десятилетий на Боспоре не прекращалась борьба за власть. Потомки Митридата и местного царя Асандра, пришлые правители Полемон и Пифодорида, призванные к власти волею римлян, — все они являлись действующими лицами почти непрерывного ряда войн и восстаний, измен и убийств, которыми, как мы видели, была заполнена вся вторая половина I в. до н. э.

Несмотря на это, Боспор постепенно вступает в период нового экономического подъема, за которым следует эпоха подлинного второго экономического и культурного расцвета Боспорского государства, охватывающего I—II вв. и отчасти III в. н. э. Боспор смог быстро оправиться от разрухи митридатовского времени, как только восстановилась нормальная внешняя и внутренняя торговля, снова ожили многочисленные ремесла и промыслы в боспорских городах, а в гаванях закипела погрузка и разгрузка многочисленных кораблей, смело теперь бороздивших Понт Евксинский, в значительной части очищенный от пиратов.

Как и в эпоху Спартокидов, краеугольным камнем экономики Боспора в первые века нашей эры был экспорт хлеба, рыбных и животноводческих продуктов. Потребителем боспорского хлеба являлись теперь, главным образом, малоазийские города, особенно на южном побережье Черного моря, связи с которыми приобрели отныне первостепенное значение.[1] Не мал был также спрос на хлеб и другие виды провианта со стороны римских гарнизонов, расквартированных в области Понта. Вместе с тем Боспор вновь быстро стал ёмким рынком сбыта для импортных товаров, широким потоком направлявшихся из заморских центров в боспорские порты, а отсюда транзитом переправлявшиеся не только по всему Боспору, но и далеко за его рубежи. Ткани и платье, вино и оливковое масло, предметы украшения, керамическая и стеклянная посуда — все это, как приходившее извне, так и изготовленное на месте в боспорских городах, находило обеспеченный сбыт в населенных пунктах Боспора; значительное количество товаров перепродавалось соседним племенам кочевников.

Интенсивно работали местные ремесленно-промышленные производства в крупных боспорских городах, среди которых главное место попрежнему занимали Пантикапей и Фанагория. Многочисленные ремесленники, строители, живописцы, скульпторы, металлисты-ювелиры и пр. обслуживали потребности боспорского населения и, прежде всего, опять разбогатевших купцов, судохозяев, землевладельцев и варварскую знать, торговавшую хлебом.

В римский период культура Боспора интенсивно принимала сарматский, т. е. сильно варваризованный характер. Боспор, как известно, с ранних пор был тесно связан с местными племенами, составлявшими основную массу рядового земледельческого населения; в то же время верхи этих племен в известной своей части сливались с греками, образуя общий господствующий слой боспорского населения, объединенный общими экономическими и классовыми интересами. Но если на первых порах это слияние шло под знаком политического и культурного преобладания греков, то с течением времени положение сильно изменилось. В среду жителей боспорских городов влилось столь большое количество варваров, что роль местных культурных элементов все более усиливалась, а во II—III вв. они уже определяли собою основные черты всего культурного облика Боспора.

К началу I в. н. э. в состав владений Боспора входили не только те территории, которые ему принадлежали еще в IV—III вв. до н. э., в период наивысшего подъема государства при Спартокидах, но и Херсонес, продолжавший оставаться после Митридата под протекторатом Боспора.

Херсонес после устранения Митридата не получил автономии, а перешел под власть Фарнака и вынужден был оставаться в составе Боспорского царства. Как известно, Херсонес добивался у Юлия Цезаря освобождения от боспорской опеки. Просьба была удовлетворена, но свободой Херсонесу воспользоваться не пришлось.[2] Наступившие вскоре перемены в Риме в связи с убийством Цезаря не позволили Херсонесу реализовать предоставленное ему Цезарем право автономии,

и Херсонес продолжал оставаться под властью Боспора в лице царя Асандра. По словам Страбона, труд которого составлялся в период правления Августа, Херсонес «с тех пор [т. е. со времени Митридата] и доныне... подчинен владыкам Боспора».[3]

В 25 г. до н. э. в Риме была подтверждена автономия Херсонеса (с указанного года Херсонес вел свою новую эру), но свобода и на этот раз была лишь формальной, так как одновременно, по настоянию Рима, Херсонес в целях защиты от таврскифов вынужден был войти в военно-оборонительный союз (συμμαχία) с Боспором. На деле такой союз приобретал форму политического протектората более сильного Боспора над своим более слабым союзником. В одной из херсонесских надписей, отмечающей заслуги некоего херсонесского гражданина, указано, что последний стоял во главе вспомогательного отряда войск, посланного в помощь царю Полемону (IPE, I², 419). Очевидно, херсонесские ополченцы должны были участвовать в осуществлении военных походов боспорского царя Полемона I.

Со своей стороны Боспор оказывал помощь Херсонесу, что видно из херсонесской надписи, посвященной Полемону I и именующей последнего «спасителем херсонесцев» (IPE, I², 704). Сохранившиеся отрывочно другие надписи также подтверждают зависимое положение Херсонеса. Одна из них говорит о торжественной встрече херсонесцами посла боспорской царицы Динамии (IPE, I², 354), другая является частью посвятительной надписи на постаменте статуи боспорского царя Аспурга (IPE, I², 573). Таким образом, во второй половине I в. до н. э. и в первой половине I в. н. э. Боспор обладал не только своими старыми территориями, но и распространил господство на западные районы Крыма.

О вновь обретенной Боспором силе красноречиво говорит один важный документ — надпись на каменном постаменте статуи царя Аспурга, царствовавшего с 8 по 38 г. н. э. (IPE, II, 36). Статуя была воздвигнута *«начальником острова»*, т. е. правителем одного из крупных владений Боспора на азиатской стороне. В надписи Аспург именуется «великим царем» в соответствии с понтийско-иранской традицией, унаследованной от Фарнака, который впервые на своих монетах чеканенных на Боспоре, *поместил пышный титул*: «великий царь царей». Вместе с тем Аспург в надписи назван «другом кесаря и другом римлян» (φιλόκαισαρ καὶ φιλορώμαιος). В официальную титулатуру боспорских царей со времени Асандра была включена эта формула, выражающая политическую зависимость боспорских правителей от Рима, начавшуюся, собственно, еще с Фарнака.[4] Следует, однако, помнить, что степень этой зависимости была не во все периоды одинаковой и во всяком случае она почти никогда не была столь полной и абсолютной, как этого хотелось римлянам. Не только Асандр в свое время удержался у власти вопреки воле Цезаря, но и Аспург, как известно, достиг трона, опираясь на поддержку родственного ему, вероятно по линии матери (Динамии), варварского племени аспургианов, с помощью которых был устранен римский ставленник Полемон I. Рим вынужден был считаться с реальным положением дела и с потенциальною силою входивших в состав Боспора местных племен.

В той же надписи Аспурга сказано, что он царствует над *всем Боспором и Феодосией, синдами, меотами, тарпитами*, торетами, псессами и танаитами». Стало быть, все прежние земли восточного Крыма, Таманского полуострова и Приазовье вплоть до Танаиса составляли и теперь территорию Боспорского царства. Интересно, что Херсонес в числе его владений не упомянут, так как формально с 25 г. до н. э. Херсонес пользовался автономией («свободой»), оставаясь все же фактически под боспорским протекторатом.

Далее в надписи отмечается, что Аспург подчинил скифов и тавров. Скифы занимали в основном центральную степную и предгорную часть Крыма, тавры попрежнему обитали в горном Крыму. Подчинение тех и других, а одновременно с этим зависимое положение Херсонеса делали Боспор в известном смысле хозяином значительной *части Крыма*. Вероятно, в связи с указанной победой над скифами и таврами

на монетах Аспурга изображалась голова бога войны Ареса (Марса) и трофей оружия.

Женою царя Аспурга была фракиянка Гипепирия.[5] Связи с фракийской династией обусловили присвоение себе Аспургом второго фракийского имени Рискупорид (в то время во Фракии правил Рискупорид III), начальная буква которого чеканилась в его монетных монограммах.[6] Имя Рискупорид потом стало одним из наиболее популярных у правителей Боспора римской эпохи, очевидно почитавших Аспурга-Рискупорида основателем династии. Это значение Аспурга подтверждается еще и тем, что почти все боспорские цари в римское время, кроме собственных личных имен, носили династические римские имена Тиберия Юлия, впервые употребленные, повидимому, Аспургом в честь императора Тиберия, который получил имя Тиберия Юлия Цезаря после усыновления его Августом.[7] Таким образом, династия, управлявшая Боспором в первые века нашей эры, с одной стороны, в какой-то мере сознавала себя преемницей Митридата VI. На протяжении I—II вв. среди боспорских царей встречаются имена (Митридат, Евпатор), ясно показывающие, что память о выдающемся предке долго не угасала. В то же время эта династия была связана узами тесного родства с фракийским царским домом, что отразилось и на именах боспорских царей (кроме фракийского имени Рискупорид, употребительны были также имена Котис, Римиталк и др.) и на официальной мифологической генеалогии, в которой с конца I в. н. э., наряду с Посейдоном и Гераклом, фигурирует фракиец Евмолп. Последнее было, несомненно, продолжением традиции, шедшей еще от Спартокидов (см. стр. 56).

Но больше всего династия боспорских правителей была связана с местными сармато-меото-синдскими племенами. Та роль, которую сыграли аспургианы в осуществлении прав Аспурга на власть, общность имени этого правителя с названием племени заставляют предполагать родственную связь между ним и племенем, — связь, восходящую, может быть, еще к Фарнаку, брак которого с представительницей варварской

знати азиатской стороны Боспора можно считать весьма вероятным.

Особенно усилились эти связи с варварской средой к концу I в. н. э., когда у правителей Боспора появляется имя Савромат, явно местного происхождения, восходящее к этническому названию, к имени племени. Впоследствии, во II—III вв., это имя не раз повторяется и становится особенно популярным. Не менее показательным является применение с середины II в. н. э. сарматских тамгообразных знаков в качестве царских эмблем.

При всем этом боспорские цари, как и весь верхний слой общества Боспора, в I—II вв. н. э. продолжали в своем быту сохранять основные элементы греческой культуры, что, прежде всего, выражалось в сохранении греческого языка как основного языка Боспорского государства. В этой же связи интересно отметить сообщение греческого писателя Филострата о том, как один боспорский правитель (имя его Филострат не называет), «получивший тщательное эллинское образование, приехал в Смирну для ознакомления с Ионией» и добивался там встречи с философом Полемоном, который жил во времена императоров Траяна и Адриана.[8] Следовательно, еще в середине II в. н. э. боспорские цари далеко за пределами своего государства пользовались репутацией людей, образованных по-эллински.

Характер взаимоотношений Боспора с Римом не оставался неизменным на всем протяжении рассматриваемого периода. По мере расширения римских владений в западном Причерноморье и передвижки здесь имперской границы на север, возрастало и значение греческих городов северного Причерноморья как опорных пунктов римского влияния, которые должны были обеспечивать римские коммуникации в Черном море и способствовать охране подступов к рубежам империи, сдерживая активность варварского населения степей северного Причерноморья.

Уже при императоре Тиберии (14—37 гг.) Фракия стала зависимым от Рима царством. С превращением в 46 г., при

императоре Клавдии, Фракии в римскую провинцию Дунай стал пограничной зоной, прикрывавшей важные части империи. В целях дальнейшего укрепления позиций Рима на нижнем Дунае, в 56 или 57 г. в тесную зависимость от империи был поставлен город Тира, где разместился римский гарнизон.[9] Пограничной линией стал теперь Днестр. Параллельно с указанным развитием римской экспансии к северу от Дуная, усиливалась интенсивность вмешательства Рима во внутренние дела Боспора. После смерти Аспурга (37/38 г.) император Гай Калигула (37—41 гг.) поручил управление Боспорским и Понтийским царствами Полемону II,[10] сыну фракийского царя, внуку (*по материнской линии*) Полемона I (*от его* брака с Пифодоридой), некогда неудачно подвизавшегося на Боспоре.

Этот акт Калигулы являлся грубым нарушением династической традиции Боспора, так как у Аспурга были прямые наследники. С произволом Калигулы не пожелал примириться сын Аспурга Митридат, имя которому было дано, несомненно, в память о Митридате VI Евпаторе. Митридат VIII, вопреки решению Калигулы, объявил себя царем Боспора и стал выпускать (с 39/40 г.) свои монеты. Получивший от Калигулы боспорский трон Полемон II находился в Понте, до Боспора он так и не добрался в виду занятой там Митридатом VIII позиции.

Интересно, что на выпущенных Митридатом VIII золотых монетах, наряду с традиционным портретом римского императора и изображением Ники, было выбито полностью имя Митридата и его царский титул, что являлось дерзким вызовом Риму. На медных монетах Митридата вообще не имеется никаких намеков на Рим. На лицевой стороне монет чеканилось изображение головы Митридата или его матери Гипепирии с полным титулом и именем, а на обороте — оружие, львиная шкура, палица Геракла и трезубец — генеалогические эмблемы, указывавшие на происхождение царского дома от мифических героев Геракла и Евмолпа, сына Посейдона.[11]

Двоевластие на Боспоре было прекращено императором Клавдием, который счел целесообразным, не разжигая распрей, ликвидировать его мирным путем. Это было тем более необходимо, что Митридат VIII, подчеркивавший связь своего рода с Митридатом Евпатором, мог бы поднять на борьбу за свои права местные племена. Клавдий признал в 41 г. Митридата VIII правителем Боспора, а Полемон II получил взамен часть Киликии (в Малой Азии).[12]

Такой ход событий еще более окрылил Митридата, который, не желая быть марионеткой римлян, задумал вообще отложиться от Рима. Но эти планы были выданы императору Клавдию, повидимому, братом Митридата Котисом. Последний был объявлен царем Боспора, а для расправы с непокорным Митридатом были посланы в 44 или 45 г. из Мэзии на Боспор римские легионы под командованием Дидия Галла и Гая Юлия Аквилы.[13] Митридат бежал из Пантикапея на азиатскую сторону и здесь, по выражению Тацита, «блуждал по разным местам», встречая несомненно сочувствие у местных племен, куда вторгаться римляне не решались.

Как только главные римские военные силы были уведены из Пантикапея и там остались лишь немногие когорты под начальством Гая Юлия Аквилы, Митридат, опираясь на поддержку варварских племен азиатской стороны Боспора, в особенности на сильное сарматское племя сираков, возглавлявшееся тогда царем Зорсином, собрал войско и перешел в наступление. Положение Котиса оказалось критическим в виду малочисленности оставшихся римских войск.

Аквила и Котис, однако, сумели воспользоваться отсутствием сплоченности у сарматских племен. Через послов, направленных к Евнону, царю соседнего с сираками племени аорсов, им удалось склонить последних к выступлению против своих соседей. Евнон согласился действовать конницей, тогда как римские когорты и боспорское войско Котиса должны были осаждать города.

Борьба развернулась прежде всего на Кубани, где у Митридата был отнят город Соза, находившийся на территории

племени дандариев. Затем войска Аквилы и Котиса, действовавшие совместно с аорсами, преследуя Митридата на север, вторглись в область сираков. Перейдя реку Панду, они осадили город Успу, находившийся в трех днях пути от Танаиса. Расположенный на возвышенном месте, город Успа был укреплен рвом и стенами, построенными из плетней и прутьев с насыпанной между ними землей. Выведя выше этих стен осадные башни, римские войска стали вести обстрел и забрасывать город факелами, причиняя городу большие опустошения. Власти города стали просить пощады, предлагая выдать за это 10 тысяч рабов. Но просьба удовлетворена не была, и ворвавшиеся в город войска устроили страшную резню. Митридат бежал к царю аорсов Евнону, который предоставил ему убежище, будучи «тронут большой знатностью мужа, переменой судьбы и не лишенной достоинства просьбой».

Римские власти не могли примириться с тем, что на свободе — и тем более в среде варваров — оставался столь опасный враг. Завязалась дипломатическая переписка с Евноном о выдаче Митридата. Переговоры окончились для римлян успешно. Евнон согласился выдать Митридата с условием, что последнему будет сохранена жизнь. Плененный Митридат был доставлен морским путем сначала в Вифинию, а оттуда в Рим, где позднее, в 68 г., был казнен по приказу императора Гальбы за участие в заговоре Нимфидия.[14]

Водворившийся с помощью римских легионов Котис I стремился проявить свою лойяльность Риму. При Котисе на Боспоре учреждается культ обоготворенных римских императоров, причем верховным пожизненным жрецом этого культа становится боспорский царь (IPE, II, 32).

Со времени Котиса I и до первой четверти III в. в титул боспорских царей, наряду с эпитетами φιλόκαισαρ καὶ φιλορώμαιος, включалось еще и жреческое звание ἀρχιερεὺς τῶν Σεβαστῶν διὰ βίου — «пожизненный первосвященник Августов».

В связи с установлением культа римских императоров в столичных городах Боспора появились соответствующие храмы или святилища, где могли производиться надлежащие священнодействия. Такой Καισαρεῖον упоминается в одной из надписей Фанагории II в. н. э. (IPE, II, 362).

На монетах Котиса I чеканились изображения голов императора Клавдия и его жены Агриппины, их сына Британника, а позднее — императора Нерона и Поппеи. Сам Котис обозначал себя монограммой, и лишь на мелких монетах он решался поместить свой портрет и портреты своих родителей. На монетах сына Котиса — Рискупорида II — чеканились изображения инсигний — знаков царской власти, дарованных римским императором боспорскому царю как правителю союзного государства. На одной стороне таких монет помещалось изображение курульного кресла, на нем венец, рядом — скипетр с бюстом императора. На обороте — щит, копье, голова коня, шлем, меч в ножнах, боевой топор, т. е. полное кавалерийское вооружение. Такие же эмблемы, т. е. изображения царских регалий, помещали на монетах и следующие правители, вплоть до начала III в. Наряду с эмблемой указанного типа со времени Рискупорида II вошли также в употребление изображения царя, сидящего со скипетром в руке на курульном кресле, представлявшем собой атрибут, свойственный римским наместникам. Предметы кавалерийского вооружения на монетах подчеркивали роль боспорских царей как военачальников, возглавлявших армию, на которую возлагалась оборона городов северного Причерноморья от посягательств варваров.

Между тем как раз к середине I в. н. э. стала опять усиливаться активность крымских скифов. Нажим их на Ольвию оказался настолько значительным, что она вынуждена была признать себя зависимой от скифских царей, подобно тому как это случилось во II в. до н. э. Ольвия стала выпускать монеты с именами скифских царей Фарзоя и Иннисмея.[15] Затем скифы обратили свои силы против Херсонеса и подошли непосредственно к городу. Положение оказалось весьма серьезным; при этом обнаружилось, что Боспор не может оказать эффективной помощи Херсонесу. Боспор, повидимому, не пожелал ввязываться в войну со скифами из-за Херсонеса.

Римские власти сочли необходимым послать свои вооруженные силы на выручку Херсонеса. Из Мэзии в Крым в 62 г. на кораблях была отправлена армия под начальством мэзийского легата *Плавтия Сильвана*, которая и принудила скифов прекратить осаду Херсонеса.[16]

Вслед за этой операцией император Нерон приказал расквартировать в Крыму и на Кавказском побережье отряды римских войск общей численностью около 3 тысяч пехоты. Кроме того, в целях контроля морских путей сообщения и борьбы с пиратами важнейшие гавани были взяты под наблюдение специально посланной для этого эскадрой в 40 кораблей;[17] основной базой эскадры был избран Херсонес.[18] Тогда же на южном берегу Крыма появились римские гарнизоны, которые несли охрану прибрежной зоны.[19]

Не удовлетворившая Рим позиция Боспора в связи с наступлением скифов привела к более глубокому вмешательству в дела Боспора, тем более что широкие завоевательские замыслы Нерона, намечавшиеся на северо-востоке, заставляли обратить особое внимание на этот район, т. е. Боспор, как на важный тыл при предстоящих наступательных действиях. С 60 г. на Боспоре прекратилась чеканка монет обычного типа (золотых статеров) с монограммами царя Котиса I. Вместо этого в 62 г. были выпущены *медные монеты с изображением императора* Нерона и полным обозначением его титула и имени (Νέρωνος Καίσαρος), а также золотые статеры с головами Нерона и Клавдия и обозначением имени Нерона монограммой.[20]

Одновременно с установлением непосредственного протектората над Боспором (что выразилось не только в утрате царем Котисом права чеканки монет от своего имени, но, может быть, повлекло за собою и ввод на Боспор некоторого количества римских оккупационных войск (из состава мэзийской армии) в 63 г. было превращено в римскую провинцию Понтийское царство с учреждением при этом военно-административного центра и базы флота в городе Трапезунте.[21] Таким образом, почти все побережье Черного моря — на севере, западе, юге и востоке — теперь оказалось под властью Нерона.

Боспорское царство, как и во времена Митридата Евпатора, должно было, по замыслу римских правителей, составить в административно-политическом отношении единое целое с бывшим Понтийским царством и Колхидой, а также расположенной севернее ее на Кавказском побережье областью гениохов.

Все эти мероприятия Нерона являлись *лишь подготовительными этапами* к осуществлению более обширных планов, направленных в конечном счете на то, чтобы максимально расширить Римскую империю на Востоке.[22] Поскольку пути к реализации *этих чрезмерно широких замыслов были преграждены* в Передней Азии непобедимым соперником Рима — Парфией, взоры римлян обратились к Кавказу.

В 60-х годах Нерон готовился предпринять завоевательный поход на Кавказ с тем, чтобы, *покорив Албанию*, выйти на Каспийское побережье и установить связь между Черным и Каспийским морями. В случае удачи такого предприятия римляне приобрели бы стратегические позиции исключительной важности, в частности в их руках оказались бы проходы, соединявшие север с Закавказьем (Дарьяльское ущелье, Каспийские ворота) и через которые проникали, угрожая римским владениям в Малой Азии, северные причерноморские кочевники. Вместе с тем римляне не только оказались бы полными хозяевами богатств Кавказа, но и овладели бы важными торговыми дорогами, в частности в их распоряжении оказался бы путь из Черного моря в Каспийское по рекам Риону и Куре, что открывало возможности установления торговых связей с Центральной Азией, Индией и Китаем, минуя враждебную Парфию. Готовясь к каспийской военной экспедиции, римляне сосредоточивали войска (к концу царствования Нерона на восточных рубежах была сконцентрирована почти половина всей римской регулярной армии), строили дороги, сеть укреплений.[23]

При этом римское правительство, естественно, было заинтересовано в том, чтобы обеспечить себе на севере и юге прочные фланги намечавшегося театра военных действий. С этой

точки зрения Боспор представлял собою очень важный в стратегическом отношении район. Особенно существенной являлась возможность использования Боспора в качестве одной из основных тыловых баз, питающих римские вооруженные силы. Уже во время войны, которую вел римский полководец Корбулон в 57—59 гг. в Армении, Боспор посылал транспорты с продовольствием для римской армии.[24] Многочисленные причерноморские римские гарнизоны и крупные войсковые соединения, расквартированные в Малой Азии, несомненно получали продовольственное снабжение из Северного Причерноморья, и прежде всего из Боспора. В 60-х годах, когда намечалась война за овладение Кавказом, Боспор, повидимому, особенно интенсивно должен был готовить запасы провианта для предстоявшей кампании.

Но замыслы Нерона не были осуществлены. С его смертью и наступившими вслед за тем внутренними осложнениями в Риме, завоевательские планы отпали. Рухнула и попытка превратить Боспорское царство в римскую провинцию, с заменой боспорских царей римскими наместниками. Для этой цели у Рима явно недоставало сил. Преемники Нерона вынуждены были отказаться от наступательной политики.

Сложность обстановки в северном Причерноморье, наличие сильных алано-сарматских племен, на которые могли бы при желании опереться боспорские правящие круги в случае полного разрыва и конфликта с Римом, — все это заставляло избрать иную тактику. Надежнее было действовать через зависимых, но пользующихся определенной самостоятельностью боспорских правителей, достаточно тесно связанных с тем варварским миром, удерживать который от наступления на стратегически важные для Римской империи опорные пункты в северном Причерноморье было их важнейшей задачей.

Со смертью Нерона, с 68/69 г., на Боспоре снова возобновилась прежняя чеканка монет, теперь боспорского царя Рискупорида II, сына Котиса (68/69—91/92 гг.) с обычным обозначением имени царя в виде монограммы и портретами императора Веспасиана и его сына Тита. Под статуей Веспасиана, поставленной в Фанагории Рискупоридом, римский император назван «владыкой всего Боспора» (IPE, II, 355).

Однако несколько позже, с 81 г., Рискупорид перестал удовлетворяться скромными монограммами на монетах и стал выпускать золотые статеры с полным своим именем, царским титулом и портретом императора на оборотной стороне монеты. Последнее весьма показательно в том отношении, что проявление такой самостоятельности со стороны Рискупорида II совпадает с правлением императора Домициана. Это было время, когда племенной союз даков, возглавляемый вождем Децебалом, перешел в наступление и нанес весьма серьезное поражение римлянам.

Спасая положение на Дунае, римское правительство принуждено было для усиления там армии вывести из северного Причерноморья гарнизоны. Боспору вновь поручено было взять на себя защиту греческих городов северного Причерноморья и главным образом Херсонеса.* Благодаря этому Боспор почувствовал себя более свободно, и с этого времени на боспорских статерах почти всегда стали помещать изображения царей Боспора с их титулом и полным начертанием имени; лишь на обороте монеты чеканилась голова римского императора и дата выпуска.

Одновременно, с конца I в. н. э., увеличивается роль боспорской армии, которую Рим поддерживал ежегодными субсидиями; за получением этой субсидии уполномоченные боспорского царя обычно ездили в римскую провинцию Вифинию (Малая Азия).[25] Боспорская армия, состоявшая в римское время из гражданского ополчения, иногда поставляла римскому войску вспомогательные отряды в виде конных (alae) и пехотных полков (cohortes).[26] Уже при Августе, в первые годы нашей эры, боспорское вспомогательное войско участвовало в римской армии, действовавшей на Востоке.[27] Когда

* Только при Антонине Пие Херсонесу после долгих хлопот удалось освободиться от боспорской опеки. В ознаменование этого события Херсонес стал чеканить монеты с подписью ἐλεύθερας, что свидетельствовало о принадлежности монет «свободному» городу.

в 136 г. римлянам в Малой Азии пришлось вести против аланов войну, в составе римской армии, наряду с другими союзными войсками, действовали боспорцы в качестве пеших стрелков-лучников и копейщиков.[28] Боспорские солдаты изображены на Траяновой колонне в одном из боев римских вспомогательных войск с даками.[29]

Боспорская армия в основном обороняла рубежи своего государства, и правители Боспора, видимо, не были очень склонны тратить силы на защиту других греческих городов северного Причерноморья, хотя это Рим и вменял в обязанность Боспору.

Наступление тавроскифов на Ольвию при Антонине Пие (138—161 гг.) опять вынудило Рим двинуть из нижней Мэзии войска, которые совместными с ольвийским гарнизоном усилиями оттеснили тавроскифов.[30] После этого вновь гарнизоны римских солдат были размещены в Ольвии и в Крыму, где Херсонес играл роль опорного пункта римских сил, возглавляемых трибуном, командующим всеми сухопутными и морскими силами на Крымском полуострове, которые оставались там до середины III в. н. э.

Еще до появления в Крыму римских войск Херсонес, озабоченный надвигавшейся на него тавроскифской опасностью, вступил в переговоры с боспорским царем Римиталком (131/132—153/154 гг.) и заключил с ним военный союз (IPE, I, 199), хотя незадолго до того Херсонес добился снятия с него боспорской опеки. Вводя войска в Крым, Антонин Пий усилил внимание и к Боспору. Известно, что император вызывал в Рим Римиталка для разбора какого-то спорного вопроса, возникшего между боспорским царем и представителем римской провинциальной администрации.[31]

В пределы Боспора римские войска во II—III вв., повидимому, не вводились. Известны две каменные надгробные плиты II—III вв., найденные в Керчи, из которых одна принадлежит командиру (центуриону) Фракийской когорты (IPE, II, 290), другая — солдату Кипрской когорты (IPE, II, 293). Но эти единичные памятники вряд ли дают основание для вывода о длительном пребывании на Боспоре указанных римских войсковых соединений.

Достаточно боеспособное войско Боспора вполне обеспечивало защиту границ государства, хотя военные столкновения все учащались. На боспорских медных монетах появляются военные и триумфальные изображения.[32] Уже на монетах Рискупорида II представлен царь, попирающий побежденного врага (табл. V, 74); на монетах Савромата I (93/94—123/124 гг.) показана горящая крепость, к которой привязан побежденный варвар. Царь изображается то в виде вооруженного всадника, одетого в тунику или подпоясанный сарматский панцырь и скачущего с копьем в руке,* то сидящим на медленно шагающей лошади со скипетром в левой руке и вытянутой вперед правой рукою (жест обращения к войску).**

Росписи в пантикапейских погребальных склепах II в. содержат картины боевых столкновений боспорцев с соседними племенами кочевников. Эпиграфические документы свидетельствуют, что Боспор во II и начале III в. успешно отстаивал свою территорию от напора смежных племен. Надпись 123 г., высеченная на базе статуи «друга кесарей и друга римлян, благодетеля отечества» Котиса II (123/124—132/133 гг.), воздвигнутой боспорским адмиралом (навархом), говорит о победе, одержанной Котисом над скифами (IPE, II, 27).

Происходящая из Танаиса надпись 193 г. рассказывает о победе Савромата II (174/175—210/211 гг.) над скифами и сираками, о присоединении к боспорским владениям Таврики «по договору», а также об очищении южной части Понта Евксинского от морских пиратов силами боспорского флота, что имело весьма важное значение для Боспора, так как города южного Причерноморья являлись в римский период главными партнерами в торговом обмене.

В результате победы Савромата II тавроскифы должны были признать над собою протекторат Боспорского царства. На этом основании сын Савромата II царь Рискупорид III

* На монетах Рискупорида II, Савромата I, Котиса II.

** На монетах Савромата II и Рискупорида III.

(210/211—226/227 гг.) именовал себя «царем всего Боспора и таврскифов».[33] Следует признать, что II в. и первые десятилетия III в. — это время наивысшего расцвета, которого достигло Боспорское царство в период своего вторичного подъема, начавшегося еще в начале нашей эры.

Несмотря на все внешние выражения верности Риму, при всякой возможности боспорские цари старались сбросить с себя римскую опеку, освободиться от вмешательства римлян во внутренние дела Боспора. Савромат II, одержав ряд крупных побед, не преминул воспользоваться наступившей в Риме после смерти императора Коммода неурядицей и поспешил провести финансовую реформу, повысив, вопреки установленному римскими властями положению, номинальную стоимость медной монеты.[34] Вместе с тем на боспорских медных монетах исчезли всякие намеки на Рим. Лишь позднее, когда ситуация изменилась, Савромат II, вынужденный несколько больше считаться с Римом, стал надчеканивать боспорские монеты небольшими изображениями головы императора Септимия Севера.

В связи с указанными выше успехами боспорского оружия на медных монетах Савромата II получили место соответствующие этим событиям триумфальные изображения. В числе них особенно выразительны обороты монет со стоящей в полный рост фигурой царя, увенчиваемого Никой; царь держит в правой руке палицу, в левой — трезубец (табл. VI, *89*). Наличие названных атрибутов должно было символизировать высокое происхождение царской династии, ведшей свой род от Геракла и Евмолпа. Но вместе с тем это был аллегорический намек на одержанные победы как сухопутными, так и морскими силами Боспора под главенством Савромата II. К этому же циклу монетных типов, прославляющих победы Савромата II, принадлежат изображения различных подвигов Геракла, царских доспехов, орла с победным венком в клюве. Не менее показательным является обычный для Савромата II монетный тип с изображением сидящей на троне богини Афродиты и стоящих подле нее Эрота или Ники (табл. VI, *85*). Присутствие последней свидетельствует, что Афродите Урании, которая почиталась в то время в качестве главной покровительницы Боспорского царства, оказывались особые почести за одержанные в конце II в. н. э. победы.

Во всех военных столкновениях, которые отражены в эпиграфических документах и литературных источниках II—III вв., противниками Боспора обычно выступают тавры и скифы, действовавшие со стороны Крыма, а наряду с этим, как это видно из упомянутой выше надписи Савромата II, сираки — одно из сильнейших сарматских племен, полуоседлое-полукочевое,[35] жившее в северной части Приазовья, согласно Страбону, на реке Ахардее, которая брала начало с Кавказских гор и впадала в Меотиду[36] (возможно, теперь река Егорлык, один из притоков Маныча).

Сираки принадлежали к числу сарматских племен, которые занимали степи, ограниченные с одной стороны Меотидой и нижним Доном, а с другой — Каспием. Эти кочевники представляли основную угрозу Боспору, особенно с тех пор, когда активную роль среди них стали играть родственные сарматам аланы, влившиеся в районы Придонья и Северного Кавказа в начале нашей эры.[37] Поэтому-то боспорцы придавали очень серьезное значение обороноспособности города Танаиса. Он важен был не только как первостепенный торговый город, через который происходил весьма оживленный обмен товарами между боспорскими купцами и придонскими кочевниками, но и как крепость и военная база, откуда Боспор мог воздействовать на кочевые воинственные племена. Весьма показательно, что во второй половине II в. и в первые десятилетия III в. н. э. (датированные танаидские надписи доходят до 237 г.) в Танаисе, наряду с работами по ремонту торговой гавани (эмпорий) и рыночной площади (агора), усиленно восстанавливались городские оборонительные стены, башни, ворота.

Из надписи 163 г., т. е. времени правления царя Евпатора, известно, что стены Танаиса восстановил царский наместник — пресбевт Трифон. Это событие Трифон увековечил установкой в стене каменного рельефа с собственным изображением в виде воина-всадника, мчащегося на оседланной и взнузданной

лошади с большим копьем в руках (рис. 56). На воине надеты штаны, рукавный хитон и поверх его длинный сарматский чешуйчатый панцырь, перепоясанный в талии. За спиной развевается перекинутый через левое плечо плащ. На голове конусообразный шлем. Рельеф сопровожден надписью: «Трифон, сын Андромена посвятил». Свое изображение Трифон посвятил какому-то божеству, имя которого не названо.[38]

В строительных работах в Танаисе принимали участие не только местные боспорские архитекторы. В надписях 20—30-х годов III в. неоднократно упоминается архитектор Аврелий Антонин, судя по имени, — римлянин. Очевидно, он был специально приглашен в Танаис как опытный строитель-инженер, которому поручались ответственные фортификационные работы (IPE, II, 429—434).

Боспор в течение первых десятилетий III в. до н. э. продолжал оставаться достаточно сильным государством, поддерживавшим широкие сношения с южным Причерноморьем. Города Малой Азии, извлекавшие не мало выгод от торгового обмена с Боспором, неоднократно выражают в это время благодарность боспорским царям за их заботу о развитии торговли. В 221 г. город Амастрия через своих послов воздвиг в Пантикапее статую в честь Рискупорида III. В посвятительной надписи, высеченной на базе, Рискупорид назван царем Боспора и окрестных народов, другом римлян и другом эллинов, благодетелем амастрийцев (IPE, II, 42). Аналогичную надпись воздвигли в 223 г. жители вифинского города Прусы (IPE, II, 43).

В 20-х годах III в. граница боспорских владений в Крыму проходила западнее Феодосии, включая, повидимому, территорию теперешнего селения Старый Крым, где в первые века нашей эры существовало торговое поселение, в котором имели свои интересы купцы малоазийских городов, поддерживавшие регулярные сношения с Боспором. К такому выводу обязывает найденный в Старом Крыму памятник с надписью, посвященный боспорскому царю Рискупориду III представителями уже упоминавшегося выше города Прусы (IPE, IV, 194).

Положение Боспорского государства сильно меняется и притом резко ухудшается с середины III в. н. э., когда к Боспору Киммерийскому хлынули новые варварские племена. Сдержать их, отстоять рубежи государства боспорцы оказались уже не в состоянии, тем более что в это время ослабла поддержка

Рис. 56. Танаидский посвятительный рельеф с изображением Трифона, сына Андромена. II в. н. э. (Эрмитаж).

со стороны Рима, а вместе с тем осложнилась и внутренняя обстановка в самом Боспоре.

Со второй половины III в. наступает период, который приходится рассматривать как заключительный этап в истории Боспорского государства (см. последнюю главу).

Классовая сущность государственно-политического строя Боспора в римское время не отличалась чем-либо существен-

ным от строя времени Спартокидов. Это попрежнему была неограниченная монархия, социальной базой которой являлся рабовладельческий класс, состоявший в основном из землевладельцев и купцов.

Однако при Спартокидах, как известно, долго удерживались некоторые пережитки греческого полиса, города-государства, т. е. той изначальной формы политической организации греческих колоний в Боспоре Киммерийском, объединение которых привело к созданию Боспорского государства, возглавленного единоличными правителями. Эти пережитки полисной системы находили свое проявление и в двойственном наименовании боспорских правителей (архонты — цари), и в чеканке монет от имени городской общины и, наконец, в спорадическом созыве в Пантикапее народного собрания, игравшего, правда, лишь пассивную, совещательную роль.

С течением времени остатки традиций, восходивших к демократическому строю колоний до их объединения, все более изживались. В римский период в государственно-политическом строе Боспора уже нет ничего, что могло хотя бы отдаленно напомнить рабовладельческий демократический полис. Некоторым исключением являлся, пожалуй, город Фанагория. Автономия, полученная Фанагорией после устранения Митридата Евпатора, была вскоре, как известно, аннулирована Фарнаком. Однако преемники Фарнака были вынуждены в какой-то мере вернуть Фанагории ранее дарованное ей право на самоуправление. Народ (δῆμος) агриппийцев, т. е. фанагорийцев, назван в надписи на пьедестале статуи, воздвигнутой агриппийцами в честь царицы Динамии, которая именуется ими «спасительницей и благодетельницей» (IPE, II, 356).

Интересно, что Фанагория, повидимому, иногда даже непосредственно сносилась с Римом, как об этом можно судить по найденной в Риме надписи, в которой сохранилось имя посла (πρεσβευτής) боспорской Фанагории.[39] Во II в. н. э. в фанагорийских эпиграфических документах встречается упоминание «народа и совета», «народа агриппийцев» (IPE, II, 359 и 360), что подтверждает длительное существование в Фанагории своих органов власти демократического типа, хотя реальное значение их было, повидимому, очень ограниченное, поскольку Фанагория все же входила в состав Боспорского государства и верховной властью для нее был, в конечном счете, боспорский царь.

Боспорская монархия уже при Спартокидах приобрела ярко выраженный характер единоличной власти царя, правившего «милостью божией». Расширение и усиление власти монарха соответствовало экономическим и классовым интересам рабовладельческих верхов Боспорского государства, которым нужна была сильная централизованная власть, способная отстоять, опираясь на крепкую армию, территориальную целостность многоплеменного государства и притом в его максимальных размерах, могущая держать в подчинении массы коренного эксплоатируемого населения, производившего хлеб, умеющая обеспечить бесперебойный торговый обмен с заморскими странами и с окружавшими Боспор племенами.

В развитии политического строя Боспорского государства, помимо внутренних факторов, сыграли немаловажную роль и внешние восточно-эллинистические, особенно понтийско-иранские, влияния, наиболее интенсивное проникновение которых на Боспор связано с временем царствования Митридата Евпатора и его ближайших преемников.

Восточные черты боспорской монархии римского времени проявлялись не только в официальной пышной титулатуре правителей: «великий царь царей», «великий царь», «царь царей». Стало обычным то, что подданные теперь называли царя своим богом и владыкой (ὁ ἴδιος θεὸς καὶ δεσπότης), спасителем (σωτήρ), благодетелем (εὐεργέτης).

Пышен самый двор боспорских царей с обширным штатом придворных чинов и дворцовой челяди.[40] Здесь мы находим, начиная со II в. н. э., не только «министра» двора (ὁ ἐπὶ τῆς αὐλῆς) и личного царского секретаря (ὁ ἐπὶ τῆς πιναχίδος), но и много других должностных лиц: царские постельники (κραβάτριος) во главе с главным спальником (ἀρχικοιτωνείτης), хранители царских сокровищ (ὁ περὶ αὐλὴν γαζοφύλαξ), началь-

ник конюшни (ὁ ἐπὶ τοῦ ἱππῶνος) и, наконец, рабы-евнухи, обслуживавшие, вероятно, царский дворец.*

В отличие от чрезвычайной скудости данных о внутреннем государственном устройстве Боспора при Спартокидах, эпиграфические документы римской эпохи содержат довольно значительное количество сведений, характеризующих структуру государственного аппарата в первые века нашей эры. Хотя при указанном положении источников невозможно сделать надлежащее сравнение между римским периодом и более ранним временем, всё же есть основания предполагать, что при Спартокидах административно-государственное устройство Боспора было проще, чем в более позднее, римское время.

Царедворцы, составлявшие ближайшее окружение царя, носили в римский период наименование «лучших при воротах» (ἀριστοπυλῖται) или назывались просто βασιλικοί. Они составляли высшую придворную знать, из которой царем выбирались соответствующие кандидаты для занятия наиболее почетных и важных государственных должностей. В числе последних, повидимому, первой по рангу была должность наместника царства (ὁ ἐπὶ τῆς βασιλείας). По мнению одних исследователей, это было должностное лицо, которому царь поручал управление всем государством на правах ближайшего своего помощника; другие склонны в нем видеть (этот взгляд, повидимому, стоит ближе всего к истине) лишь наместника европейской части царства, т. е. самой важной территории, где находилась царская резиденция, столица государства; наконец, третьи считают, что облеченный указанным званием *сановник управлял только царской резиденцией.*[41]

Государство было разделено в административном отношении на ряд округов; каждый из них находился в ведении наместника, назначенного царем.

Если управление европейской частью Боспора действительно являлось компетенцией наместника царства — ὁ ἐπὶ

* На одном из боспорских надгробий римского времени высечена надпись: «Амфисом, принадлежащий к евнухам, прощай» (IPE, II, 121).

τῆς βασιλείας, то наиболее важной частью боспорских владений на азиатской стороне (в пределах современного Таманского полуострова) управлял, несомненно, особый наместник, носивший звание начальника острова (ὁ ἐπὶ τῆς νήσου), а лежащая далее на восток территория Синдики, известная в римское время больше как область племени аспургианов, *находилась* в подчинении у начальника области аспургианов (ὁ ἐπὶ τῶν Ἀσπουργιανῶν). Так как на обоих крайних рубежах государства, восточном и западном, находились важнейшие в экономическом и стратегическом отношении пограничные города, с одной стороны — Феодосия (в Крыму), с другой — Горгиппия (на Кавказском побережье), то соответственно этому были учреждены должности наместника Феодосии (ὁ ἐπὶ τῆς Θεοδοσίας) и наместника Горгиппии (ὁ ἐπὶ τῆς Γοργιππίας).

Иногда одно лицо занимало одновременно две должности, например один из наместников царства, т. е. правитель европейской части Боспора, *был вместе с тем и наместником Феодосии* (IPE, II, 29).

Из всех боспорских городов Танаис имел наиболее своеобразную и, вероятно, только ему присущую организацию внутреннего управления, о чем мы упоминали при рассмотрении положения Танаиса во времена Спартокидов. В римский период высшая власть в городе принадлежала царскому послу — пресбевту (πρεσβευτής), который выбирался обычно из числа видных царедворцев, нередко занимавших ранее весьма ответственные государственные должности в других областях Боспора.

Среди танаидских пресбевтов, имена которых *сохранились* в надписях, известны лица, являвшиеся наместниками области аспургианов или наместниками царства. В отдельных случаях пост танаидского пресбевта поручался выдвинувшимся представителям танаидской торгово-рабовладельческой знати. Но в Танаисе, наряду с греками-колонистами, была настолько значительной — и по численности и по своему социально-экономическому удельному весу — группа местного сарматского населения, собственно танаитов, что боспорским царям

пришлось соответственно с этим организовать внутреннее управление Танаисом. Этим и было вызвано учреждение двойной администрации: эллинарх возглавлял греческую часть населения, тогда как архонт Танаиса или танаитов управлял сарматской частью населения, которая хотя и была, несомненно, сильно эллинизована, но все же отличалась какими-то своими общественными интересами, с которыми царям Боспора приходилось считаться.

Такое административное устройство Танаиса находилось, возможно, в связи с тем внутренним делением города, которое в танаидских надписях выражалось понятием πόλις καὶ ἔμποροι («город и купцы»), что обозначало собственно город и торговую его часть.[42] Каждая из названных частей была, повидимому, некогда заселена какой-то определенной в этническом отношении массой жителей. В римское время все это могло иметь достаточно условный характер. Присущая всем боспорским городам этническая смешанность, обусловленная широко распространенными смешанными браками, в Танаисе, да еще в римское время, была особенно значительной. Поэтому представляется весьма вероятным, что возникновение структуры танаидского административного управления с двумя правителями восходит к более раннему времени, когда этнические группы были более определенны и каждая из них отличалась своими специфическими социально-экономическими интересами. Возникший ранее порядок мог сохраняться в римское время уже по традиции.

Весьма существенную роль в государственном управлении Боспора играли финансовые органы. Функции «министра финансов» исполнял, повидимому, так называемый начальник отчетов (ὁ ἐπὶ τῶν λόγων). Специальная коллегия ведала доходами государства (οἱ ἐπὶ προσοδικοῦ ἐπιστολογραφίου).[43] Одним из основных источников государственного дохода являлись сборы пошлин с товаров, ввозимых и экспортируемых за пределы государства. На Боспоре в римское время практиковалась откупная система сбора пошлин и податей. Во всяком случае, из текста надписи, найденной в Анапе, известно, что

в Горгиппии во II в. н. э. существовала финансовая коллегия (ἐγκυκλίων οἰκόνομοι), которая ведала сдававшимися на откуп налогами.[44]

Об организации судебного дела на Боспоре сведений нет, но на основании надписи в одном из пантикапейских погребальных склепов III в. н. э. мы знаем, что существовала должность судебного исполнителя (δικῶν πράκτωρ).

Для руководства делами религиозных культов назначался управляющий «священными делами» (ὁ ἐπὶ τῶν ἱερῶν). О такой государственной должности сообщают, главным образом, надписи II в. н. э., происходящие из Фанагории и относящиеся к бывшему там храму Афродиты. Капитальные работы по ремонту и перестройке храма Афродиты Апатурийской в Фанагории, о чем известно из надписи 105 г., времени Савромата I (IPE, II, 352), велись под руководством управляющего «священными делами». Равным образом, восстановление пришедшей в упадок некоторой части храмового хозяйства, представлявшей дар некоего богатого боспорца и состоявшей из земельных угодий, а также работавших на этих землях зависимых земледельцев (пелатов), производилось в середине II в. н. э. по распоряжению царя Римиталка опять-таки под наблюдением управляющего «священными делами» (IPE, II, 353).

Необходимо особо отметить наличие в боспорском государственном аппарате римского времени специальных переводчиков, обеспечивавших связь с соседними племенами. В Тамани была найдена украшавшая какое-то здание каменная плита, на которой высечен знак-тамга царя Савромата II, а ниже знака написано, что сооружение воздвигнуто в 208 г. заботами «главного аланского переводчика» (ἀρχερμηνέως Ἀλανῶν).[45] Аланы, заняв в I—II вв. господствующее положение среди родственных им сарматских племен на Северном Кавказе, между Доном, Азовским морем и Каспием, представляли во II в. н. э. внушительную силу, с которой должна была серьезно считаться Римская империя. Аланы угрожали римским владениям в Малой Азии, куда они неоднократно

прорывались через Дарьяльское ущелье на Кавказе. Вторжение аланов в 136 г. было с трудом отбито; тогда же римские военачальники смогли изучить тактику аланского войска, описание которой было дано в труде писателя Арриана, являвшегося римским наместником малоазийской провинции Каппадокии и непосредственно участвовавшего в войне с аланами.[46]

Рим стремился обезопасить от аланов свои малоазийские владения, используя для этой цели в качестве защитного буфера зависимые кавказские государства: Армению и Иберию. Боспор также рассматривался как важный в стратегическом отношении район, правители которого субсидируемые Римом, должны были стараться парализовать наступательную активность алано-сарматских кочевых племен. Последние были не только пограничными соседями Боспора, но некоторая часть их вливалась в состав оседлого населения азиатской стороны Боспора, и прежде всего — Прикубанья, являвшегося одной из основных частей Боспорского государства. Торговые связи и политические взаимоотношения Боспора с северокавказскими аланами приняли во II в. настолько оживленный и значительный характер, что Боспору понадобилось завести специальный штат аланских переводчиков, во главе которых стоял главный переводчик, упоминаемый в названном выше эпиграфическом документе из Тамани. Этот шеф переводчиков, по имени Ирак (Ἡρακᾶς), состоявший на государственной службе, был выходцем из среды аланов или сарматов, что подтверждается и его иранским именем.[47]

В боспорских надписях римского времени имеется значительное количество негреческих имен, причем их особенно много в таких окраинных городах Боспорского царства, как, например, Танаис. Негреческие имена жителей Боспора гораздо более многочисленны в римское время, чем в предшествующую эпоху, и особенно на окраине государства. Очень показательно, что почти $^2/_3$ общего числа негреческих собственных имен Танаиса могут быть объяснены, если исходить при толковании их из иранских языков.[48] Наличие такого рода имен в боспорских городах справедливо объясняется

непрерывным притоком сарматского населения, язык которого, так же как и язык алан, принадлежал к иранской языковой группе.

Некоторые негреческие имена, известные нам из боспорских эпиграфических документов, являются фракийскими. Их наличие на Боспоре встречает разноречивые объяснения. Некоторые исследователи склонны видеть в носителях этих имен потомков древних киммерийцев, населявших северное Причерноморье еще в доскифскую эпоху и в этническом отношении родственных фракийцам.[49]

Не следует однако забывать, что часть фракийских воинов-наемников, широко привлекавшихся в боспорскую армию во времена Спартокидов, очевидно, обрела оседлость на территории Боспора на правах военных поселенцев (κάτοικοι), как это практиковалось в эллинистических государствах.

К этому надо добавить, что в римское время связи Боспора с Фракией были обусловлены еще и тесными родственными отношениями между боспорской царской династией и фракийской правящей знатью. Как известно, женой царя Аспурга была фракиянка Гипепирия; династию Тиберия Юлиев мы вправе считать полуфракийской.

В различных областях Малой Азии, в том числе в причерноморских городах Вифинии и Понта, уже с давних пор было довольно много еврейского населения.[51] Широко налаженные со времени Митридата Евпатора сношения северного Причерноморья с Малой Азией вызвали усиленный приток в боспорские города малоазийских переселенцев, в том числе евреев, которых влекла на Боспор возможность торгово-промышленной деятельности. Эпиграфические документы подтверждают наличие евреев в составе боспорского населения уже в первой половине I в. н. э.[52] Можно думать, что переселение их на Боспор началось несколько раньше. Влившиеся в боспорские города поселенцы-евреи оказали влияние на некоторые стороны культурной жизни Боспорского царства и особенно на религиозные верования его греко-варварского населения, о чем еще речь будет впереди.

Интересно, что ряд собственных имен боспорских надписей находит объяснение в кавказских языках: грузинском, армянском и др.[53] Очевидно, оживленная торговля, происходившая в боспорских городах, привлекала сюда и представителей местных племен Кавказа. Встречающиеся спорадически на Кавказе (например в Грузии и др. районах) боспорские монеты подтверждают существование этих связей, которые поддерживались, очевидно, не только морским путем через Диоскуриаду и Фасис, но и по сухопутной меотидско-колхидской торговой магистрали.[54]

Несмотря на то, что в первые века нашей эры состав населения боспорских городов становился в этническом отношении всё более неоднородным и смешанным, особенно вследствие непрерывного притока выходцев из местных негреческих племен, тем не менее на всем протяжении истории Боспорского царства, до самого конца, основным государственным языком оставался греческий. Следует, однако, отметить, что греческий язык в Боспорском царстве не избежал некоторой варваризации под влиянием тех местных языков, на которых говорило негреческое население Боспора. Это нашло свое проявление в ряде уклонений от обычных в греческом языке грамматических правил и оборотов речи, которые не соблюдены в некоторых боспорских греческих надписях римского времени. Особенно сильно варваризация греческого языка, как показывают надписи, сказывалась во II—III вв. н. э. в Танаисе, где сарматское население было безусловно преобладающим.[55]

Глава одиннадцатая

ЭКОНОМИКА И КУЛЬТУРА БОСПОРА В РИМСКУЮ ЭПОХУ

Плиний Старший, перечисляя в своем труде города Боспора, расположенные на Крымском побережье Керченского пролива, называет некоторые из них, в том числе и Нимфей, городами «бывшими».[1] Это утверждение находится в явном противоречии с выводом, к какому приводят археологические исследования. Последние показывают, что ни одно более или менее значительное боспорское поселение, расположенное к югу или северу от Пантикапея на морском побережье, не прекратило своего существования в начале нашей эры. Наоборот, повсюду сохранились следы значительного хозяйственного и культурного оживления, подъема, наступившего в I в. н. э. и продолжавшегося позднее. Чем же в таком случае можно объяснить странное утверждение Плиния: собственная ли это его погрешность, или он был введен в заблуждение источником, откуда заимствовал сведения о северном Причерноморье? Скорее можно думать, что Плиний добросовестно передает то, что ему удалось найти в литературных источниках или разузнать путем расспросов у людей, бывавших в причерноморских краях.[2]

Однако источник Плиния, очевидно, отразил то состояние боспорских поселений, в котором они оказались во второй половине I в. до н. э., после митридатовского царствования. Острый социально-экономический кризис II в. до н. э., вос-

стание скифов во главе с Савмаком и подавление этого революционного взрыва огнем и мечом Диофантовской армии, далее длительный период митридатовских войн, закончившийся жестокой блокадой Боспора римским флотом, — все это не только пагубнейшим образом отразилось на экономике Боспорского государства, но вместе с тем повлияло на состояние его городов. Из последних многие, особенно те, благополучие которых основывалось на экспортной торговле, неизбежно должны были захиреть. Упадок этот достиг, повидимому, такой степени, что некоторые из когда-то цветущих городов на рубеже нашей эры казались «бывшими», т. е. как бы уже несуществующими, хотя в действительности жизнь в них, вероятно, понемногу тлела.

В I в. н. э., с наступлением экономического возрождения Боспорского государства, ожили его города и сельские поселения. Правда, новый подъем не был сразу же столь высоким, чтобы можно было восстановить всё в масштабах первого расцвета Боспора времен Спартокидов. Это видно, между прочим по строительным работам в боспорских городах, где прежде всего пришлось позаботиться о восстановлении оборонительных сооружений. В римское время, несомненно, производилось обновление и перестройка оборонительных стен и башен боспорской столицы Пантикапея.

Капитально перестраивались городские стены города Китея, важного сельскохозяйственного поселения, где в римское время был воздвигнут новый пояс каменной крепостной стены с башнями.[3] Известно также, что в боспорском городе Гермонассе, расположенном на месте современной Тамани, во времена царя Римиталка строились новые башни, вероятно для усиления существовавшей там крепости.[4] Сооружались кое-где на Боспоре даже новые крепости (например, Илурат). Особенно большое внимание уделялось состоянию оборонительной системы города Танаиса. Но всё же материальных ресурсов Боспора, повидимому, нехватало, чтобы обеспечить надежными боевыми стенами все поселения, как это было ранее. В ряде городов обветшавшие оборонительные сооружения постепенно разрушались и не восстанавливались, а на местах их остатков возникали различные постройки. Так, повидимому, было в Нимфее[5] и некоторых других городах.

В организации военной обороны основных территорий Боспорского царства в римское время большое значение придавалось пограничным валам как в Крыму, так и на азиатской стороне. Известно, что при царе Асандре был сооружен мощный вал с башнями, преграждавший доступ на крымскую территорию Боспора. В качестве второй и третьей линии обороны, повидимому, использовались старые валы, более близко расположенные к Пантикапею и обеспеченные постоянными гарнизонами, которые были размещены в прилегавших к валу населенных пунктах. На боспорской территории, защищенной оборонительными рубежами, начиная с I в. н. э., стало быстро оживать сельское хозяйство, поскольку спрос на хлеб резко возрастал в связи с усиленным развитием морской торговли, открывавшей широкую дорогу боспорской пшенице.

Во всех боспорских поселениях при археологических раскопках наблюдается обилие жерновов от ручных мельниц, зернотерок, а равным образом обнаруживается множество больших ям-зернохранилищ, относящихся к первым векам нашей эры. Они свидетельствуют о крупных запасах зернового хлеба, собиравшихся в указанное время на Боспоре в восточной части Крыма и на Таманском полуострове, особенно же в Прикубанье.

Попрежнему на Боспоре культивировали мягкую пшеницу, ячмень и просо. Очень интересна сравнительно недавно сделанная находка в одном из сарматских погребений на нижнем Дону сосуда с сохранившимися в нем зернами гречихи (Fagopyrum esculentum). Находка эта дает основание говорить о внедрении в сельское хозяйство ранне-римского времени некоторых новых культур. Культура гречихи проникла в северное Причерноморье в начале нашей эры из Азии; из Причерноморья же она распространилась дальше, в Западную Европу, где гречиха стала известна в эпоху средневековья. Говоря о сельском хозяйстве в римское время, нельзя не отме-

тить очень интенсивного развития в этот период виноградарства и виноделия, начало которого на Боспоре восходит, как известно, еще к эллинистическому времени, к IV—III вв. до н. э., когда впервые в боспорских городах стали возникать крупные винодельческие производства промышленного значения.

Важное место в экономике Боспора римского времени занимал рыбный промысел, издавна являвшийся одним из источников его богатства.

В сравнении с более ранним периодом, когда Боспор экспортировал главным образом дорогие виды консервированной рыбы, преимущественно осетровые, теперь, в римское время, гораздо большее значение приобрела заготовка дешёвых сортов рыбы — сельди, хамсы и т. п., являвшихся продуктом широкого потребления. Последнее объясняется тем, что значительная часть боспорского экспорта рыбы теперь предназначалась для снабжения римских войск, расквартированных в Крыму и других припонтийских районах, особенно в Малой Азии. В их продовольственном снабжении Боспор занимал одно из первых мест, являясь питающим эти армии тылом, и, конечно, значительное количество не только хлеба, но и боспорской дешёвой соленой рыбы направлялось прежде всего туда.

Некоторые близкие к Пантикапею города превратились в I—II вв. в своеобразные крупные промысловые поселения, специализировавшиеся на обширном производстве виноградного вина, которое шло, в основном, на внутренний рынок, и массовой заготовке соленой рыбы, предназначавшейся для внешнего сбыта, как об этом сказано выше.

Очень яркую картину такого промыслового поселения римского времени дают раскопки города Тиритаки. В течение I—II вв. н. э. на территории этого города возникло большое число специальных сооружений, предназначавшихся для переработки рыбы. Из тесаных каменных плит или из бута на цементном растворе строились врытые в землю так называемые рыбозасолочные ванны (рис. 57),* представляющие собой

* В Тиритаке раскопками уже открыто 59 таких «ванн».

четырехугольные глубокие вместилища типа больших чанов, в которых рыба подвергалась засолке. Внутренние стенки этих ванн покрывались обычно несколькими слоями штукатурки, состоявшей из известкового раствора, к которому примешивалась измельченная черепица (цемянка). Вследствие

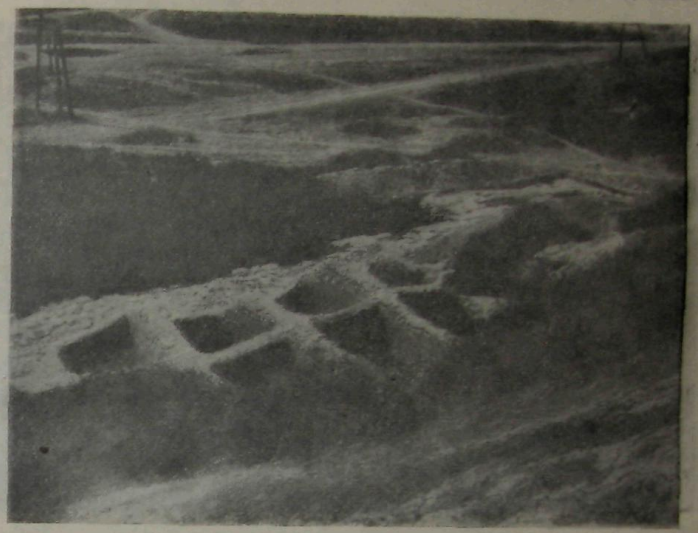

Рис. 57. Группа рыбозасолочных ванн в южной части Тиритаки (участок *I*). I—II вв. н. э.

этого раствор приобретал розовый цвет и становился водоупорным, т. е. получал свойства цемента[6] благодаря соответствующему химическому взаимодействию между известью и железистыми окислами подмешанной к раствору керамической крошки, игравшей роль гидравлической добавки.

Ванны, построенные чаще всего группами по нескольку штук (рис. 57 и 58), отличаются большой тщательностью работы. Они очень прочны и внешним своим видом производят впечатление монументальных построек. Особенно солидно устроены у них днища, состоящие из толстого слоя бетона.[7] В дорим-

ский период подобных ванн на Боспоре не строили, и, очевидно, необходимость в такого рода сооружениях возникла только в начале нашей эры в связи с исключительно широким развитием на Боспоре рыбного промысла, что было вызвано, в свою очередь, огромным спросом на дешевую консервиро-

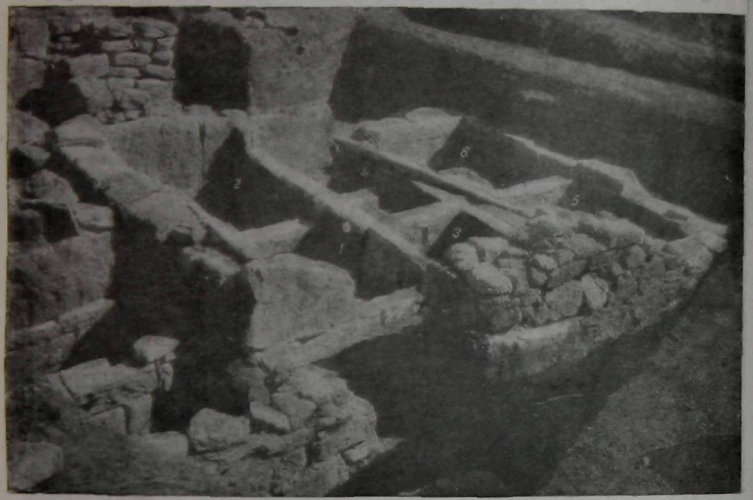

Рис. 58. Группа рыбозасолочных ванн (*1—6*) в восточной части Тиритаки на участке *X*. I—II вв. н. э.

ванную рыбу. Боспорские строители, несомненно, усвоили приемы римской строительной техники (к таковым относится подмешивание цемянки в вяжущий раствор — opus signinum, производство бетона и пр.), что и позволяло удовлетворять запросы боспорской рыбной промышленности в специальных засолочных сооружениях крупного масштаба.

На рис. 59 представлен план одного из раскопанных участков города Тиритаки. На сравнительно небольшой территории расположено несколько групп ванн и рядом с ними одна винодельня, возникшие в первые века нашей эры.[8] Ничего,

кроме указанных хозяйственно-производственных построек, в этой части города нет.* Количество ванн в различных группах, их емкость не одинаковы. Одна группа представляет

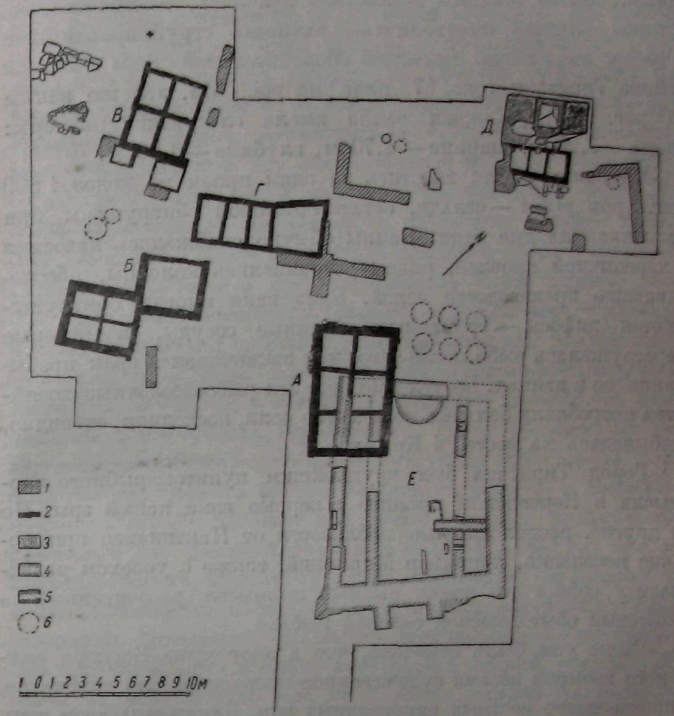

Рис. 59. План, раскопанной части города Тиритаки (участок *XIII*), где обнаружены группы рыбозасолочных ванн (*А, Б, В, Г*) и винодельня (*Д*) — первых веков н. э.; *Е* — базилика VI в. н. э.

* На плане показаны также обнаруженные раскопками остатки древнехристианской базилики (*Е*). Она была построена в V—VI вв. н. э., когда большая часть прежних хозяйственных сооружений римского времени уже бездействовала. Фундаменты базилики отчасти были построены на бетонных днищах группы рыбозасолочных ванн (*А*).

сочетание из 4 ванн, другие состоят из 5 и 6. Размеры этих сооружений, их вместимость зависели от производственных возможностей отдельных хозяйств, которым принадлежали ванны. Самым мощным хозяйством являлось, несомненно, то, которое владело шестнадцатью ваннами, сгруппированными в четыре ряда около городской оборонительной стены в южном районе Тиритаки (рис. 57, план на рис. 31а, эти же ванны на рис. 31б).[9] Каждая ванна имела следующие размеры: длина — 3.20 м, ширина — 1.70 м, глубина — 1.80 м.

Эти ванны могли вместить за один прием не менее 1 600 центнеров рыбы — сельди, остатки которой обнаружены при раскопках на дне ванн. Ванны обычно снабжались навесами с черепичной кровлей, рядом устраивались колодцы, обеспечивавшие производство водой. Близ ванн иногда обнаруживаются пифосы — громадные глиняные сосуды, в которые перегружалась рыба после того, как заканчивался срок пребывания ее в ваннах. Безусловно, все эти рыбозасолочные хозяйства потребляли большое количество соли, последняя, очевидно, добывалась на месте, в Крыму.

Город Тиритака был крупнейшим пунктом рыбного промысла в Керченском проливе в первые века нашей эры. Но и другие, расположенные поблизости от Пантикапея приморские поселения, например Мирмекий, также с успехом развивали у себя в это время рыбный промысел, рассчитанный на массовый сбыт дешёвой соленой рыбы.

Выше уже было отмечено, что в экономике Боспора римского времени весьма существенное место занимало виноделие, производство местных виноградных вин. Доказательством тому служат многочисленные материальные остатки этой отрасли хозяйства, открытые раскопками в Тиритаке, Мирмекии, а также и в некоторых других городах Боспора (Пантикапей, Патраей). Мы уже говорили о винодельнях эллинистического времени (см. стр. 103 сл.). Винодельни первых веков нашей эры отличаются несколько более сложным устройством, что является результатом известного технического прогресса. Они обычно состояли из трех расположенных рядом основных давильных

площадок и такого же числа резервуаров (рис. 60а и 60б; ср.: на рис. 59 план винодельни *Д*).[10] Давильные площадки образованы из толстого слоя розового цемента, т. е. известкового раствора с примесью мелко битой керамики. На боковых площадках виноград мяли ногами; получавшийся сок направлялся в оба крайних резервуара. Средняя давильная площадка, отделявшаяся от боковых деревянными низкими перегородками, которые вставлялись в устроенные в цементном полу пазы, служила для окончательной отжимки сока посредством пресса. Перемятый виноград, уложенный в мешки или корзины, помещали на каменную платформу средней давильной площадки и затем подвергали действию пресса. Последний состоял из рычага в виде деревянного бруса длиной около 9 м, один конец которого вставлялся в углубление, устроенное в стене винодельни, а другой использовался для подвешивания каменных гирь. Такие каменные гири со специально вырубленными углублениями, в которые вставлялись деревянные рамы, найдены в нескольких винодельнях. Таким образом, на подвергавшуюся прессованию массу винограда действовала непосредственная тяжесть самого массивного рычага, а также вес каменных гирь.[11] Добытый под таким сильным механическим давлением сок давал вино более низкого качества, чем сок первой отжимки, и поэтому их не смешивали. Со средней давильной площадки, из-под пресса сусло направлялось в средний резервуар. Интересно устройство резервуаров — отстойников. Это прямоугольные в плане вместилища, стенки которых сложены из плит насухо или из бутовых камней на растворе, тщательно оштукатурены внутри несколькими слоями розового (вследствие подмеси цемянки) раствора. Для удобства вычерпывания жидкости из резервуаров днища у них делались с сильным наклоном и заканчивались круглой впадиной, откуда легко было извлечь остатки сусла вместе со скапливавшимся на дне осадком. Чтобы оцементированные стенки резервуаров не разрушались под воздействием сусла, их поверхность покрывалась особой ярко-красной краской — гематитом, которая создавала защитную пленку, предохранявшую штукатурку от разъедания ее вино-

Рис. 60а. Общий вид винодельни II—III вв. до н. э. в Тиритаке на участке *XVII*.
А, А — давильные площадки; *Б* — площадка для пресса; *В* — резервуары.

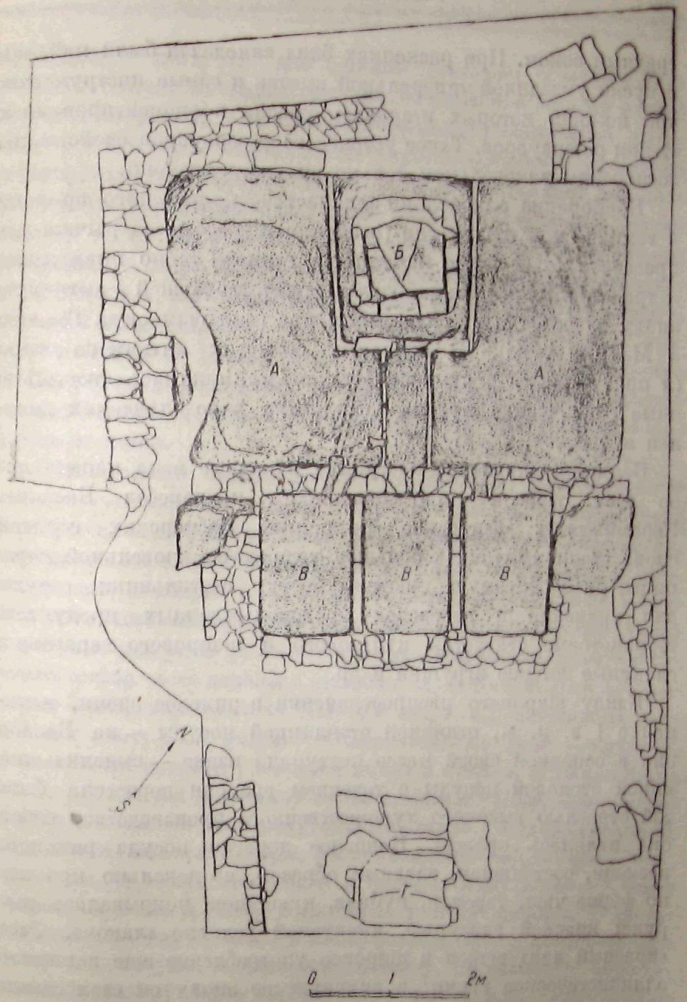

Рис. 60б. План винодельни II—III вв. н. э. в Тиритаке на участке *XVII*.
А, А — давильные площадки; *Б* — площадка для пресса; *В* — резервуары; *Г* — каменные тиры от рычажного пресса.

градным соком. При раскопках близ виноделен были найдены и куски указанной минеральной краски и самые инструменты, при помощи которых втиралась краска в оцементированные стенки резервуаров. Такое устройство резервуаров свойственно боспорским винодельням только римского времени.

Боспорские винодельни эллинистическо-римского времени в техническом отношении (особенно в устройстве рычажных прессов с подвесными каменными гирями) тесно примыкают к традициям техники виноделия, существовавшей в античную эпоху в восточном Средиземноморье (включая сюда Грецию и Малую Азию). В западных областях античного мира (и прежде всего в римской Италии) применялась несколько иные технические приемы устройства винодельческих давилен и прессов.

Большое оживление наступило в первые века нашей эры во всех отраслях промышленности и ремесел Боспора. Керамические мастерские различных боспорских городов снова стали выпускать большое количество кровельной черепицы, разнообразную простую посуду, светильники, сосуды для хранения и перевозки продовольственных продуктов, терракотовые статуэтки культового и жанрового характера, глиняные детские игрушки и др.

Ввиду широкого распространения в римское время, начиная с I в. н. э., отличной стеклянной посуды — на Боспор она в основной своей массе поступала извне — выделка глиняной столовой посуды с течением времени перестала быть той отраслью высокого художественного производства, какой она являлась прежде. Наиболее дорогая посуда римского времени, состоявшая, главным образом, из довольно простых по форме чаш, тарелок, кубков, кувшинов, покрывалась снаружи красной глазурью, именуемой условно «лаком». Этот «красный лак» вошел в широкое употребление еще в позднеэллинистическое время; в римскую же эпоху он стал самым излюбленным покрытием поверхности столовых сосудов. Так называемая краснолаковая посуда, бывшая в ходу на Боспоре в римское время, нередко имеет и некоторые украшения

простейшего типа. На дне тарелок довольно обычным был узор, состоящий из врезанных концентрических кругов и вдавленных штрихов, а в центре помещалось оттиснутое штемпелем изображение человеческой ступни, розетки или клейма с именем гончара. На наружной поверхности сосудов делались рельефные украшения или в виде узора, исполненного барботином, т. е. жидкой глиной, — такие сосуды были модны в начале I в. н. э., — или повторяющегося орнамента, оттиснутого штампом, или исполненного резьбой по глине до обжига. Лучшая краснолаковая посуда привозилась на Боспор преимущественно из Малой Азии. Местные боспорские мастерские в Пантикапее, Фанагории и других городах, следуя привозным образцам, делали и у себя подобную жекерамику более простых типов.

Очень много изготовлялось на Боспоре хозяйственной посуды — кувшинов, амфор, пифосов, которые нужны были для рыбной промышленности и винодельческого промысла, для хранения и транспортировки зерновых продуктов. В римское время, особенно с III в., на Боспоре широко вошли в обиход громадные амфоры местного изготовления, высотой свыше 1 метра и емкостью до 65—70 литров. Наружная поверхность таких амфор часто делалась желобчатой. В Пантикапее и Фанагории были открыты печи (III—IV вв. н. э.), служившие для обжига этого рода амфор.[12] Обжигательные печи — круглые, большие, их диаметр равняется почти 5 метрам. Нижняя часть печи, впущенная в землю, служила топкой. Посередине топки стоял массивный четырехугольный столб, поддерживавший под обжигательной камеры, расположенной над топкой. Горячие газы из топки проникали в обжигательную камеру через жаропроводные трубки, устроенные в поду камеры. Обжигательная камера, куполообразной формы, имела дымовыводное отверстие. Сосуды, подлежащие обжигу, ставились в обжигательную камеру через особый загрузочный ход. Остродонные амфоры устанавливались в камере на специальные глиняные муфтообразные подставки. Подобные подставки применялись и для других видов керамики, помещаемой в печь.

Гончарные обжигательные печи аналогичной конструкции римского времени известны в Греции,[13] а также в римских провинциях Западной Европы. Равным образом, такие же обжигательные подставки, какие обнаружены в пантикапейской и фанагорийской печах, применялись в Малой Азии, в прирейнских римских мастерских, в Галлии и т. д. Все это доказывает, что керамическое производство Боспора в первые века нашей эры вполне отвечало современному ей уровню техники. Такое положение, несомненно, являлось результатом достаточно оживленных культурных и экономических связей, существовавших между Боспором и другими областями античного мира в римское время. Одним из проявлений этих связей был приток извне некоторого количества ремесленников, находивших на Боспоре широкое поле деятельности в связи с общим экономическим подъемом и большим спросом на промышленные изделия.

Мастерские боспорских металлистов, в числе многообразных изделий из железа и бронзы, выпускали особенно в большом количестве различные виды оружия: мечи, кинжалы, панцыри, наконечники копий, стрел и пр., изготовлявшиеся в это время преимущественно по образцам сарматского вооружения. Рост богатства господствующих слоев общества открывал большие возможности для ювелирного ремесла. Боспорские ювелиры в римское время производили множество золотых украшений.

Не мало вещей изготовлялось специально для погребального культа. Сюда относятся не только искусно изготовленные саркофаги, но и часто находимые в могилах золотые венки, диадемы, украшения в виде тисненых золотых пластинок, пряжек и поясных украшений из тонкого листового золота, совершенно непригодные для применения в быту и предназначавшиеся только для убранства умерших.

К сожалению, в литературных и эпиграфических источниках почти совершенно нет данных, на основании которых можно было бы воспроизвести конкретную картину состояния экономики Боспора в первые века нашей эры с точки зрения

организации отдельных хозяйств и выяснения практиковавшихся в них способов эксплоатации труда непосредственных производителей. Следует думать, что рабы и в римский период являлись основной рабочей силой в главнейших отраслях экономики Боспора, тогда как в сельском хозяйстве попрежнему, наряду с рабами, — не менее широко, но, повидимому, даже гораздо более интенсивно, чем во времена Спартокидов, — использовался труд закрепощенных земледельцев — пелатов, состоявших из коренных местных жителей; живя в деревнях и обрабатывая землю, они обязаны были отдавать значительную часть урожая владельцам земельных угодий. Наличие пелатов во II в. н. э. на землях, принадлежавших фанагорийскому храму Афродиты, как известно, засвидетельствовано эпиграфическим документом. Нет оснований считать, что пелаты эксплоатировались только на землях, являвшихся собственностью храмов. В храмовом хозяйстве, несомненно, применялись те же формы эксплоатации непосредственных производителей, которые практиковались и в частных хозяйствах боспорских землевладельцев.[14]

Новым явлением в социальной жизни Боспора, характерным для римского периода, было некоторое распространение вольноотпущенничества, о существовании которого на Боспоре в доримское время мы ничего не слышали. Среди эпиграфических документов имеются уже двенадцать надписей — манумиссий I—III вв., происходящих из Пантикапея, Фанагории, Горгиппии и являющихся юридическими актами, на основании которых раб получал свободу.[15]

Самым ранним из датированных документов этого рода является горгиппийская надпись 41 г. н. э. В ней говорится, что некий Поф «посвятил в иудейской молельне свою рабыню» с тем, чтобы она была «неприкосновенна и необижаема от всякого наследника» (IPE, II, 400). Надпись начинается с религиозной посвятительной формулы, в которой упоминается необычный для греческого пантеона безыменный «бог высочайший»; заканчивается же акт перечислением греческих богов: Зевса, Геи и Гелиоса, которых призывают опекать осво-

божденную рабыню. В этой манумиссии нашел своеобразное отражение религиозный синкретизм в виде сочетания элементов иудейской и греческой религии, что представляло собой одну из характерных особенностей развития религиозной идеологии римского времени на Боспоре.

В приведенной выше горгиппийской манумиссии, как и во всех известных до сих пор такого рода документах, найденных на Боспоре, освобождение раба производится под видом посвящения последнего божеству. Обычай освобождать раба в виде посвящения раба божеству был широко распространен в Греции.[16] Все боспорские манумиссии имеют характер посвящения отпускаемого на свободу раба или Зевсу и Гере, или Зевсу, Гере и Гелиосу, или безыменному «богу высочайшему» синкретический культ которого, как это мы увидим из дальнейшего, получил весьма большую популярность в среде привилегированных слоев общества Боспора в римское время.

Большая часть из дошедших до нас актов об отпущении рабов на волю исходит от проживавших в боспорских городах евреев или людей, близких к ним по религиозным взглядам. В таких манумиссиях освобождение раба очень часто сопровождается требованием, чтобы вольноотпущенник «постоянно присутствовал» (προσκαρτέρησις) при иудейской молельне (προσευχή)[17] и смиренно поклонялся там богу (ϑωπεία). Следовательно, выход из рабства происходил при условии, что отпускаемый на волю будет исповедывать иудейскую религию и выполнять ее обряды, регулярно посещая синагогу.

Юридическое оформление акта об отпущении раба совершалось при языческом храме, или в еврейской молельне, если владельцем раба был человек, исповедывавший иудейскую религию. При этом в последнем случае отпускаемый раб переходил под опеку иудейской общины, которая должна была заботиться о том, чтобы воля владельца раба, выраженная в манумиссии, действительно выполнялась.[18] В некоторых манумиссиях особо оговорено, что освобождение совершено с «согласия наследников». Следовательно, вольноотпущенник

не мог быть снова обращен в раба после смерти своего бывшего владельца наследниками последнего.

Манумиссии в доримское время на Боспоре неизвестны. Появление их в I в. н. э. является фактом показательным. Вольноотпущенничество вообще было одним из симптомов процесса разложения рабовладельческой системы,[19] который со всё более возрастающей силой охватывал Римскую империю не только в ее центральной основной части, но и на периферии, хотя там этот процесс развивался в менее ярких формах и не так интенсивно. В этой связи надо отметить, что акты об отпущении рабов на Боспоре не представляют все же массового явления; они довольно редки, можно сказать, единичны, и поэтому не дают оснований считать, что в социальной структуре рабовладельческого Боспора в I—II вв. произошли какие-либо очень резкие изменения в смысле уменьшения значения рабского труда в экономике Боспорского государства. Судя по сообщению Страбона о невольничьем рынке в Танаисе,[20] работорговля занимала соответствующее место в хозяйственной жизни Боспора на рубеже нашей эры, и вряд ли она сократилась в I—II вв. н. э., принимая во внимание большой подъем во всех отраслях материального производства Боспора. Между тем такой подъем мог иметь место только при наличии достаточно обильной дешёвой рабочей силы, приток которой обеспечивался, прежде всего, торговым обменом боспорских купцов с кочевниками, систематически поставлявшими рабов.

Нужно вместе с тем отметить, что продолжавшие в римский период развиваться оживленные торгово-меновые взаимоотношения между боспорскими городами и соседними местными племенами все более усиливали у последних элементы товарного хозяйства. Это, в свою очередь, было связано с неуклонным ростом социальной дифференциации и усилением рабовладельческих отношений. Мы уже говорили о процессе классообразования у скифов, приведшего к созданию крымского скифского государства в эллинистическую эпоху. Аналогичный процесс разложения общинно-родового строя происходил в эллинистическо-римский период и в сарматских племенах, окру-

жавших владения Боспора, особенно на азиатской стороне. Процесс этот, хотя и несколько более замедленными темпами, всё же и там неуклонно развивался, несмотря на то, что устои родового строя у сарматов были гораздо более прочными, чем у скифов.

Это подтверждается, в частности, живучестью матриархальных отношений у сарматов, что выражалось, прежде всего, в почетном положении женщины в сарматских племенах; последнее многократно отмечалось античной литературой как нечто такое, чего не наблюдалось у скифов. Греческие писатели особо подчеркивали роль женщины в военном деле и гинекократию как характерные особенности общественной организации «женоуправляемых» сарматов в доримский период. Это же послужило основанием для возникновения легенды, подробно изложенной у Геродота (IV, 110—117) и объясняющей происхождение сарматов (по Геродоту — савроматов) от воинственных амазонок.[21]

Однако и у сарматов, особенно у той оседлой их части, которая населяла Прикубанье и южное Придонье, т. е. районы наиболее интенсивного экономического и культурного воздействия Боспора, мы видим в I—II вв. н. э. достаточно глубокую социальную дифференциацию, выражавшуюся, в частности, в наличии рабов. Вспомним сообщение Тацита о городе сираков Успа, жители которого были готовы выдать осаждавшим их римским войскам, преследовавшим Митридата VIII, 10 тысяч рабов.[22] Если приведенная Тацитом цифра неточна и, может быть, преувеличена, то все же она в какой-то мере отражает факт наличия в сарматских городах в I в. н. э. значительного количества рабов, являвшихся, вероятно, не только рабочей силой в различных отраслях хозяйства, но и предметом торговли.

Главные статьи боспорского экспорта в римское время оставались те же, что и во времена Спартокидов: хлеб, рыба, продукты животноводства (кожи, шерсть), — вот основные товары, которые вывозились через боспорские торговые гавани в заморские страны. Но направление экспорта значительно

изменилось. Боспорские товары шли теперь преимущественно в города южного Причерноморья. О важном значении торговых сношений с Малой Азией в первые века нашей эры говорит, в частности, тот факт, что проживавшие в городах Боспора в течение I—III вв. греки-иностранцы состояли почти исключительно из граждан малоазийских городов Синопы (больше всего), Амастрии, Гераклеи, Амиса.[23] Преобладание Малой Азии во внешней торговле Боспора и большая заинтересованность малоазийских купцов в развитии этих коммерческих связей подтверждаются и теми уже упоминавшимися выше благодарственными посвятительными надписями в честь боспорских царей, которые были установлены в начале III в. н. э. в городах Боспора от имени жителей городов Амастрии и Прусии.

Такое направление внешней торговли, т. е. первостепенное значение в ней товарообмена с городами Малой Азии, было присуще в римское время не только Боспору, но и всем остальным греческим колониям северного Причерноморья. Убедительнейшим образом это показывает одна ольвийская надпись конца II в. н. э., в которой перечислены города, наградившие знатного ольвийца Теокла золотыми венками за его заслуги перед иностранными купцами (IPE, I², 40). Из 18 чужеземных городов, названных в надписи, большинство является причерноморскими; это, главным образом, торговые центры Малой Азии.[24] Из городов, расположенных вне бассейнов Черного и Мраморного морей, значится один лишь Милет. Последнее обстоятельство не представляет особого исключения, свойственного Ольвии. Боспор также поддерживал торговые сношения в I—II вв. с западными малоазийскими городами, что доказывается определенными группами импортных промышленных изделий, главным образом керамических, имевших распространение на Боспоре. Из Пергама и расположенных поблизости от него ремесленных центров, а также с о. Самоса доставлялась лучшая краснолаковая столовая глиняная посуда.[25] Стеклянная посуда поступала, главным образом, из Египта, а отчасти, повидимому, из Сирии. Из

Египта привозилось также много украшений в виде бус из разноцветного стекла, фаянса, а также значительное количество различного рода амулетов и фигурных подвесок, сделанных из особой пасты.

Сношения с Грецией не играли в римское время сколько-нибудь заметной роли. Относительно ограниченные размеры имели торговые связи Боспора с более отдаленными районами центральной части Средиземного моря — с Италией. Несмотря на то, что Боспор находился в политической зависимости от Рима, непосредственные его сношения с центральной властью империи не носили систематического характера, так как политическая опека над Боспором осуществлялась римскими императорами через малоазийскую провинциальную администрацию Вифинии,[26] а в военном отношении Боспор находился под наблюдением мэзийского римского командования.[27]

На протяжении первых веков нашей эры в Рим, как и раньше в эллинистическое время, импортировались, повидимому, лишь наиболее тонкие и дорогие сорта понтийской консервированной рыбы, слывшей там издавна предметом большой роскоши.[28]

Вполне регулярного и притом особенно значительного ввоза западных промышленных изделий на Боспор не было. В некотором количестве поступали на Боспор бронзовые италийские и другие западноримские металлические вещи превосходной работы: бронзовые сосуды, канделябры, фибулы; из глиняной италийской посуды на Боспор попадали лишь единичные предметы, равно как и металлические украшенные эмалевыми узорами изделия галльских мастерских.[29] Часть названных вещей привозилась на Боспор не по Средиземному морю, а через дунайский путь, дававший выход на черноморский рынок промышленной западно-римской продукции.[30] Кое-что сбывалось на Боспор спорадически бывавшими там римскими солдатами.

Главнейшими торговыми центрами Боспорского царства в римское время были: Пантикапей, Фанагория, Горгиппия, Танаис.

Несколько неясным является вопрос о значении Феодосии в римское время. Арриан в своем описании Понта Евксинского, составленном в 30-х годах II в. н. э., называет Феодосию «городом безлюдным» (πόλις ἐρήμη), указывая вместе с тем, что это «древний греческий город, ионийский, основанный милетянами; упоминание о нем имеется во многих литературных сочинениях».[31] Сообщение о Феодосии как о «городе опустевшем, имеющем гавань», повторено и в более позднем перипле Анонима, который добавляет: «ныне же Феодосия на аланском или таврском наречии называется Ардабда, т. е. Семибожный».[32] На основании этих сообщений некоторые ученые делают вывод, что в начале II в. н. э. Феодосия была «разорена дотла» одной из орд аланов, прорвавшихся в Крым.[33]

Однако указанное заключение находится в явном противоречии с тем фактом, что в государственном штате Боспора вплоть до начала IV в. существовала должность наместника Феодосии. Следовательно, Феодосия имела для Боспора в римское время весьма существенное значение и не только как стратегически важный пункт, но, очевидно, и как пункт торговый. Памятник, воздвигнутый малоазийскими послами в честь Рискупорида III и найденный (база статуи с надписью) в Старом Крыму (см. стр. 338), подтверждает активное участие в торговом обмене Феодосии и прилегающей к ней округи в первой половине III в. н. э. Не исключено, что Феодосия действительно подверглась в начале II в. нападению со стороны какой-то орды, может быть аланов, что привело город к временному обезлюдению. Вряд ли, однако, из этого следует делать заключение о полном разорении города и прекращении в нем жизни. Скорее можно думать, что после кратковременного упадка полностью или частично возродившаяся Феодосия продолжала во II—III вв. играть роль важной торговой гавани европейской части Боспора.

Весьма усилилось в римский период значение Горгиппии. После Фанагории это был второй по важности торговый порт азиатской части Боспора, через который экспортировалось большое количество прикубанского хлеба. За это говорит,

между прочим, такой факт, как существование в Горгиппии в конце II в. — начале III в. религиозного общества (фиаса), членами которого являлись купцы-судовладельцы (навклеры), поклонявшиеся Посейдону.[34] В состав фиаса входило не менее 45 навклеров, что указывает на наличие в Горгиппии достаточно внушительной флотилии торговых судов. В период царствования Савромата II горгиппийский фиас навклеров произвел на свои средства работы по реставрации храма, посвященного покровителю членов общества — богу Посейдону. Были поставлены новые статуи, а самый храм, по словам надписи, сообщающей об этом знаменательном событии, был «воздвигнут от основания». Царь Савромат сделал фиасу пожертвование на указанные строительные работы, разрешив купцам-судохозяевам вывезти 1 000 артаб (29 тонн?) пшеницы беспошлинно.[35] Соответствующую сумму неоплаченной таможенной пошлины фиас получал право израсходовать на сооружение храма. Внимание, оказанное Савроматом купеческому религиозному союзу, свидетельствует о близости интересов купцов и боспорского царя. Весьма вероятно, что, подобно своим предшественникам — Спартокидам, боспорские цари в римское время также вели крупные торговые операции.

Через приморские города азиатской стороны Боспора в торговый обмен было втянуто все Прикубанье, дававшее не только большое количество пшеницы, шедшей на экспорт, но и поглощавшее много промышленных товаров, изделий ремесла, — как импортных, так и боспорских.

Численный рост земледельческих поселений, возникновение на Кубани новых селений в I в. н. э. явились в значительной степени результатом возросшего спроса на продукты сельского хозяйства, что всё более усиливало переход к оседлому быту известной части кочевых сарматских племен, вливавшихся в состав коренного оседлого меото-скифского земледельческого населения. Тем самым росло здесь влияние сарматской культуры. Скифские элементы, свойственные культуре меото-синдского населения Прикубанья в архаический и классический периоды, начиная с эллинистического времени, все

более изживались. Их вытеснял сарматский культурный уклад, который стал уже вполне господствующим в первые века нашей эры. Многочисленные курганы, раскопанные на правом берегу среднего течения Кубани (в римское время река носила сарматское наименование — Вардан), тянущиеся почти непрерывной цепью на протяжении нескольких десятков километров, дают представление о сарматизированной культуре Прикубанья в последние века до нашей эры и в первые века нашей эры. Они же, с другой стороны, убедительно показывают, насколько значительно было здесь культурное влияние Боспора, его городов, втягивавших население Прикубанья в оживленный торговый обмен.[36]

В кубанских курганных погребениях первых веков нашей эры найдено значительное количество дорогих вещей, которые доставлялись боспорскими купцами в кубанские поселения и выгодно обменивались на продукты сельского хозяйства.

Мужские погребения обычно содержат оружие: чешуйчатые или кольчатые панцыри, стрелы, дротики, мечи, кинжалы. Металлические изделия не ограничивались оружием. Достаточно распространенными были позолоченные бронзовые кувшины и тазы, нередко имеющие рельефные чеканные украшения, бронзовые круглые зеркала, бронзовые и золотые фибулы, золотые гривны (шейные обручи), ожерелья, браслеты, перстни с резными камнями, множество мелких тисненых нашивных золотых бляшек для украшения одежды.

К числу дорогой утвари принадлежат разнообразные стеклянные сосуды: чаши, кубки, флаконы для благовоний, причем стекло это различных цветов — белое, голубое, зеленое, пестрое. Керамические изделия представлены довольно часто встречающимися фигурными сосудами, краснолаковыми блюдцами. Очень обильны в могилах бусы — из золота, жемчуга, стекла, горного хрусталя, лигнита, халцедона, сердолика, бирюзы, аметиста, янтаря, египетской пасты.

Вместо ранее практиковавшегося скифского обычая сопровождать погребение знатного человека большим количеством заклания лошадей, теперь в могилу предпочитали класть

только конскую узду или кусок жертвенного мяса; обряд принесения в жертву лошадей, начиная с эллинистического времени, применялся здесь редко. Часть вещей, входящих в состав погребального инвентаря кубанских курганов римского времени, представляла собой импорт из отдаленных заморских промышленных центров, поступавший в крупные торговые центры Боспора и оттуда распространявшийся далее в глубь страны. Таковы в значительной своей части стеклянная посуда, пастовые бусы и амулеты, бронзовые кувшины и светильники на треножниках; импортными были, вероятно, и некоторые ювелирные украшения. Кое-что изготовлялось ремесленниками в местных кубанских поселениях (бронзовые котлы, простые глиняные сосуды). Большая же часть вещей — это изделия оружейных, ювелирных и иных мастерских, работавших, главным образом, в Пантикапее, а также в других городах Боспорского царства.

Подобно Прикубанью, обширным рынком сбыта товаров являлась для греческих купцов и область Дона, где роль крупнейшего торгового пункта попрежнему играл боспорский город Танаис, довольно скоро оправившийся от разрушений, причиненных ему царем Полемоном I во время подавления мятежа. При посредничестве Танаиса в торговый обмен были вовлечены в римское время не только кочевые племена и оседлое земледельческое население Придонья, но и алано-сарматские кочевые племена нижнего Поволжья, как об этом свидетельствуют раскопки древних могильников на территории Саратовской области. Судя по находкам из курганных погребений этого района, в первые века нашей эры туда доставлялись боспорское вино в глиняных кувшинах, изредка в амфорах, глиняные сосуды хорошей выделки, железное оружие, бронзовые зеркала и фибулы. Наряду с предметами боспорского происхождения (повидимому, немало такого рода вещей изготовлялось непосредственно в самом Танаисе), в приволжских степях находили также сбыт изделия, импортированные на Боспор из отдаленных заморских стран, например египетские амулеты из голубой пасты в виде жуков-скарабеев или фигурок лежащих львов, дорогие стеклянные и пастовые бусы.[37]

Из Танаиса велись также торговые сношения с населением северо-восточной части Приазовья, занятого преимущественно сарматским племенем сираков. Боспорские купцы в римское время вели торговые операции не только в крупных приморских городах, но и углублялись, главным образом, по рекам довольно далеко во внутренние области.

На одном из каменных надгробий, найденном в Керчи, сохранилась греческая стихотворная эпитафия I в. н. э., которая гласит, что в могиле похоронен купец (ἔμπορος), умерший в земле сираков, очевидно во время одной из своих торговых экспедиций. «Ныне же каменная плита имеет написанным меня, Христиана, сына Азиатика, до брака нашедшего злосчастную смерть среди иноплеменников», — меланхолически возвещают высеченные на плите строки эпитафии, сочиненной каким-то местным пантикапейским стихотворцем.[38]

Степные пространства, лежащие между Доном и Аральским морем и предгорьем, заселенные алано-сарматскими племенами аорсов, а южнее между Азовским морем, Каспием и Кавказским предгорьем — сираками, пересекались дорогами, которые связывали северное Причерноморье с Востоком — с Закаспийскими областями и Кавказом. Страбон, характеризуя племена аорсов, пишет, что они «владели обширною страною, господствовали почти над бóльшей частью Каспийского побережья и вели караванную торговлю индийскими и вавилонскими товарами, получая их от армян и мидян.[39]

Через приволжские и каспийско-приаральские степи проходил торговый путь на Восток, известная еще Геродоту дорога из Причерноморья к уральскому и казахстано-алтайскому золоту. В римское время по этой дороге осуществлялась связь также и со Средней Азией, которая, в свою очередь, поддерживала сношения с Китаем. Таким путем проникали в район нижней Волги, на Кубань и на Керченский полуостров китайские изделия. В пантикапейских погребениях римского времени были найдены: китайский шелк, китайского типа

нефритовые украшения рукоятей мечей.[40] Существование вышеуказанных связей подтверждается и находками боспорских монет римского времени в Заволжье,[41] на Алтае,[42] в Средней Азии.[43]

Возрождение городов Боспора в I—II вв. н. э., несомненно, сопровождалось значительными строительными работами. В крупных городах, особенно столичных центрах, строилось и перестраивалось много общественных зданий и частных домов. Государственным и культурным центром продолжал оставаться Пантикапей. Здесь была царская резиденция, тут жило много придворной знати и государственных чиновников. Равным образом, в столице было сосредоточено немало богатых купцов, судохозяев, промышленников, ремесленников, художников. Но культурный облик боспорской столицы каким он был в римское время, может быть охарактеризован, главным образом, лишь по некрополю, по огромному числу раскопанных в Керчи могил первых веков нашей эры, давших обильный и чрезвычайно яркий вещевой материал. Что касается самого города, то как о Пантикапее, так и о других боспорских поселениях римского времени мы знаем еще мало, вследствие того, что они весьма недостаточно подвергались раскопкам, о чем уже было сказано выше.

Некоторые большие сооружения — храмы и другие монументальные постройки, возникшие в Пантикапее в доримское время, — продолжали, вероятно, существовать в первые века нашей эры, подвергаясь лишь частичным перестройкам. Однако в связи с бурными событиями на рубеже II—I вв. до н. э. немало крупных монументальных зданий Пантикапея подверглось порче и разрушению. Характерно, что на пантикапейском акрополе при раскопках, которые там время от времени велись в XIX в., неоднократно находили в стенах построек римского периода использованные в качестве строительного материала части богатых сооружений классического и эллинистического времени, погибших, скорее всего, во время указанных выше событий.

Из сколько-нибудь определенных и значительных архитектурных сооружений римского времени, открытых в Пантикапее, можно назвать термы (бани), которые были раскопаны на северном склоне горы Митридат в 1898 г.[44] Термы представляют собой небольшое здание, к которому примыкает мощный двор. Внутри терм имеется топочное помещение, в котором сохранилась печь и большая яма, куда сваливали золу. Рядом находилось горячее отделение — кальдарий, с бетонированным полом и желобом для стока воды. Кроме того, было теплое отделение — тепидарий, в котором находился полукруглый бассейн, и холодное отделение — фригидарий, причем в обеих комнатах пол выложен кирпичами. В термы вода шла по водопроводным трубам. При раскопках возле терм были открыты две водопроводные магистрали; одна состояла из свинцовых труб, другая — из глиняных.

О культовых сооружениях римского времени в боспорской столице достоверно известно лишь, что царь Савромат предпринял восстановление храма бога войны Ареса и находившейся в храме статуи (IPE, II, 47).

Культ женского божества, пользовавшийся на Боспоре всегда наибольшим почетом как земледельческий культ богини плодородия, в римское время в Пантикапее выражался в почитании, прежде всего, богини Кибелы. Последнее, несомненно, являлось отражением весьма интенсивных культурных связей с Малой Азией, которая была изначальной родиной культа Кибелы и местом наибольшего его распространения. Найденная на пантикапейском акрополе большая мраморная статуя Кибелы, о которой мы уже ранее упоминали, как известно, относится к римскому времени; это копия II в. н. э. с классического греческого оригинала. Ее появление на вершине столичного акрополя, где находилось святилище Кибелы, следует рассматривать как результат особой заботы об этом святилище, проявленной со стороны ревностных почитателей Кибелы, может быть в лице одного из боспорских царей. Надо к тому же добавить, что в нижней части города Пантикапея, севернее горы Митридат, в районе предполагаемой агоры были найдены также мраморная сильно поврежденная статуэтка Кибелы римского времени и надписи еще III в. до н. э. с упо-

минанием ее же имени.[45] Серия каменных посвятительных рельефов I—II вв. с изображением Кибелы, обнаруженных в Пантикапее и соседних городах (Тиритака, Нимфей), подтверждает популярность культа Кибелы в римское время на европейской стороне Боспора (особенно в Пантикапее), хотя одновременно здесь продолжал существовать и культ богини Деметры.

На азиатской стороне господствующее положение продолжал занимать культ Афродиты, значение которого в Боспорском царстве все более возрастало по мере усиления связи правящих верхов Боспора с варварской меото-сарматской знатью азиатской части боспорских владений. Во II в. н. э. культ Афродиты стал на некоторое время едва ли не главным государственным культом Боспора, как это можно предполагать на основании появления на монетах Савромата II изображения сидящей на троне Афродиты, представляющего, вероятно, воспроизведение культовой статуи фанагорийского храма Афродиты или храма в святилище Апатура.[46]

В начале II в. н. э. были произведены крупные работы по перестройке фанагорийского храма Афродиты (IPE, II, 150). Одновременно в Горгиппии был построен новый храм Афродиты Судоначальницы — покровительницы мореплавателей. Сооружение этого храма производилось на средства одного знатного боспорца, исполнявшего должность наместника Горгиппии.[47] Столетием позднее там же были осуществлены на средства местных купцов-судовладельцев большие работы по восстановлению храма Посейдона, о чем уже говорилось выше.

В первой половине III в. экономическое положение Боспора было еще настолько благоприятным, что некоторые боспорские города имели достаточные средства, чтобы строить новые храмы.

В 234 г. в городе Китее, согласно надписи на храмовом столе (рис. 61), был заново сооружен храм «богу гремящему» (θεὸς βροντῶν) с прилегающим к нему домом и оградой, причем наблюдение за строительными работами было возложено на

бывшего начальника царской конюшни, т. е. крупного царедворца, который вложил денежный капитал (12 золотых) в храмовую казну с тем, чтобы проценты с этого капитала шли ежегодно на священные нужды.[48]

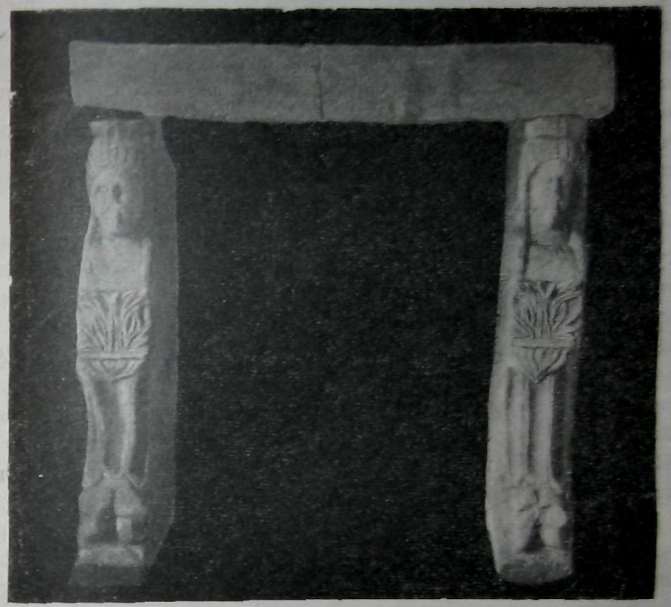

Рис. 61. Храмовый стол с надписью из Китея. III в. н. э. (Керчь, Археологический музей).

К новым явлениям в культурной жизни Боспора, характерным для римского времени, следует отнести возникновение в I—II вв. н. э. иудейских молелен. Такие молельни были в Пантикапее, а также в некоторых других городах, например в Горгиппии, где проживали значительные группы еврейского населения.

Так как из всех боспорских городов наиболее систематическим и планомерным раскопкам до сих пор подверглась

лишь Тиритака, то об этом поселении мы имеем и наиболее ясное представление. В римское время в Тиритаке, повидимому, не велось какого-либо строительства новых оборонительных сооружений. Но внутри города в I—II вв. почти всё было заново перестроено и притом с определенным практическим уклоном, в результате чего Тиритака приобрела вид хозяйственно-промыслового поселения. Многие десятки монументальных вместительных рыбозасолочных ванн, описание которых было дано раньше, заняли значительную часть территории поселения. По соседству с ваннами разместились большие винодельни, представлявшие собой специальные здания, оборудованные для переработки винограда.

Окрестные земельные угодия использовались как под виноградники, так и под зерновые культуры, о чем говорят, прежде всего, ямы-зернохранилища и глиняные пифосы, в которых при раскопках обнаруживаются запасы злаков — пшеницы и ячменя, проса, иногда чечевицы. Через центральную часть поселения проходила лишь одна основная уличная магистраль, по обеим сторонам которой располагались жилые дома, принадлежавшие тиритакским рыбопромышленникам и виноделам. Вся остальная площадь города, как уже отмечалось, была занята, главным образом, производственными постройками.

Дома жителей Тиритаки первых веков нашей эры не отличаются ни богатством, ни роскошью. Владельцы этих домов по своему материальному положению принадлежали не к верхушке боспорского общества, а к среднему его слою. Не исключено, что часть жителей Тиритаки находилась в определенной зависимости от богатых боспорцев, проживавших в Пантикапее и лишь содержавших в Тиритаке свои экономии, рыбопромышленные и иные хозяйственные заведения, которые обслуживались соответствующей челядью, рабами или арендаторами.

На рис. 62 представлен план одного тиритакского большого дома римского времени, раскопанного в 1946 г. и являющегося пока единственным образцом рядового боспорского городского жилого дома-усадьбы первых веков нашей эры.

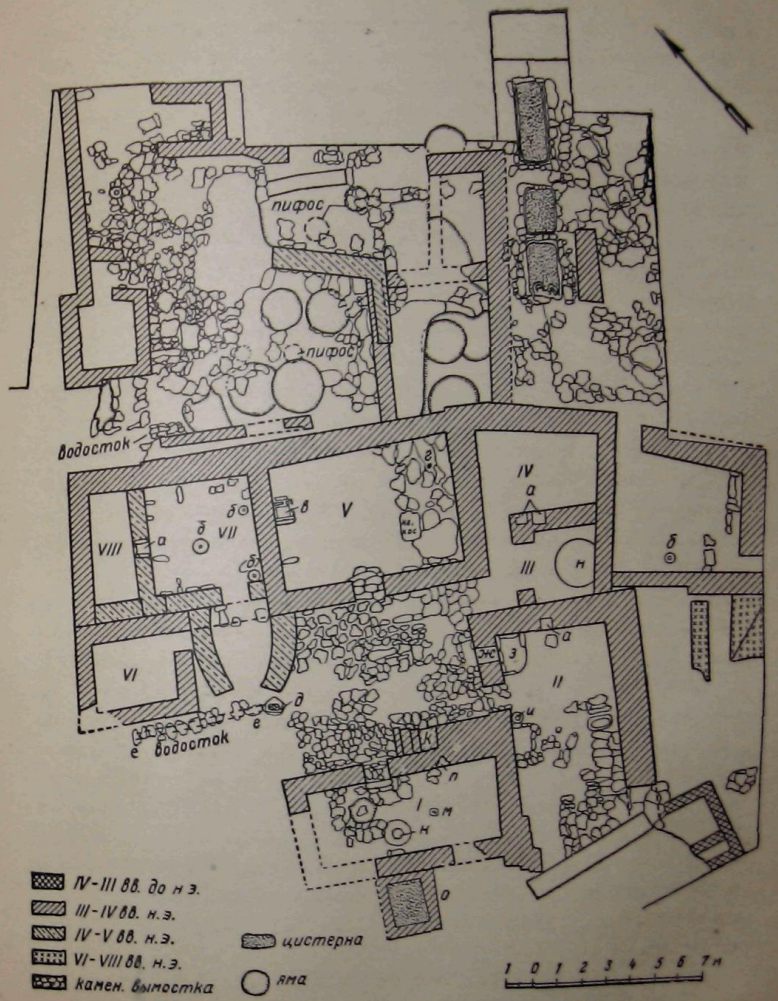

Рис. 62а. План дома III—IV вв. н. э., раскопанного в Тиритаке на участке *XV*.

Дом этот относится к III — V вв. н. э., но такого типа жилые усадьбы, очевидно, строились и раньше.

Центральную часть усадьбы составлял вымощенный известняковыми плитами двор, откуда с западной стороны был

Рис. 62б. Дом III—IV вв. н. э., в Тиритаке — вход в помещение *I* со стороны двора.
I — помещение; *к* — лестница на второй этаж; *н* — пифос.

выход на улицу. Стекавшая с кровель дома вода выводилась за пределы усадьбы посредством водосточного канала *(е—е)*, устроенного во дворе и направленного в сторону улицы. Вокруг двора сгруппированы жилые и хозяйственные помещения, часть которых имела второй этаж. Над южным помещением (*I*), несомненно, был устроен второй этаж: об этом можно заключить по остаткам ступеней каменной лестницы (*к*), пристроенной к стене помещения со стороны двора.

Стены дома сложены из бута и камней, подвергнутых лишь грубой обтеске. Хорошо отесанные крупные плиты при-

менены лишь в кладке угловых частей здания, а также для облицовки дверных проемов. В качестве вяжущего материала использована глина.

Помещения получали дневной свет через оконные отверстия, обращенные во двор. Одно из таких окон (*ж*) почти полностью сохранилось в помещении *II*; признаков остекления окон не обнаружено. Надо, однако, отметить, что в это время на Боспоре, как и в западных областях Римской империи, уже было известно применение оконных стекол, и обломки их неоднократно встречались при раскопках Пантикапея, Фанагории и др. городов.[49] Но оконные стекла являлись еще настолько большой роскошью, что ими могли пользоваться лишь в особенно богатых домах. Внутри комнат тиритакского дома стены были покрыты слоем глиняной обмазки и подвергнуты побелке. Обмазка стен и побелка неоднократно обновлялись и освежались.

Для того, чтобы попасть в помещение *I*, нужно пройти через дверной проём (рис. 62б) и по двум ступенькам спуститься вниз. Прямо перед входом в пол комнаты вкопан большой глиняный пифос (*и*), в котором хранился запас пшеницы. Часть пола покрыта каменными плитами. При раскопках этой комнаты в ней было найдено много больших амфор, различных сосудов, светильников и пр. Здесь же оказалась круглая «ниша» (*п*), устроенная в северо-восточной стене комнаты. «Ниша» эта находится у самого пола; она сделана в нижнем ряду кладки стены и снаружи оказалась закрытой слоем глины. После изъятия последней, в «нише» обнаружились кости барана, поросенка и осетра, сверху на них лежал глиняный светильник. Очевидно, это остатки «строительной жертвы». Во время закладки дома, когда приступали к постройке, была совершена умилостивительная жертва богам, чтобы обеспечить успех постройке и благополучие будущим жителям дома. Обширное помещение *II* имело большой построенный в северном углу очаг (*з*), служивший для приготовления пищи. В стене над печью устроена ниша (*а*), куда можно было ставить посуду, а также осветительные приборы (глиняные светильники). Подобные ниши

имеются и в других комнатах дома. В помещении *II* у входа стоит каменная ступа (*и*). Надо к этому добавить, что почти во всех помещениях были найдены каменные жернова, как круглые, наиболее распространенные в римское время, так и четырехугольные (зернотерки), более древнего типа. Помещения *III* и *IV* служили для хозяйственных целей. В помещении *IV* найдено множество амфор, в которых хранились зерно, соленая рыба, вино.

Чтобы проникнуть в помещение *V*, надо так же, как и в помещение *I*, расположенное напротив, спуститься по нескольким ступеням вниз. И тут часть помещения вымощена плитами, среди которых одна плита оказалась надгробием с надписью; жители утилизировали в качестве строительного материала старые надгробные камни местного некрополя. Над указанной вымосткой, а также вдоль западной стены находилось несколько открытых очагов (*в*), которыми обогревалось помещение и на которых готовили пищу.

Некоторые из найденных в помещении *V* вещей имели отношение к женскому быту. Многочисленные пряслица от веретен свидетельствуют о производившейся пряже шерсти; тут же найдена и цилиндрическая костяная коробочка с остатками румян, применявшихся для косметических надобностей. В глиняном сосуде, в котором оказался спрятанным клад монет (подробнее о нем см. на стр. 482), обнаружены так называемые чернильные орешки (Gallae), т. е. особые образования на дубовых листьях, применявшиеся, как можно предполагать, в виноделии или в качестве красителя шерсти. В хозяйственном быту жителей дома обработка шерсти и приготовление домотканного платья занимали существенное место.

Но больше всего в доме встречено предметов рыболовного дела: каменные грузила от неводов в виде обработанных продолговато-округлых кусков известняка с перехватом посередине для обвязывания веревкой, костяные иглы для плетения сетей — доказательство того, что в доме занимались изготовлением снастей, — все это в большом количестве при раскопках обнаруживалось почти во всех помещениях. Вла-

делец дома был рыбопромышленником, которому, возможно, принадлежала какая-нибудь из групп рыбозасолочных ванн, открытых поблизости дома на восточной окраине Тиритаки. Одна четырехугольная оцементированная внутри ванна (*о*), открытая за юго-западной стеной помещения *I*, являлась, возможно, также собственностью владельца данного дома. Дом погиб во время нашествия гуннов в IV в. н. э., когда ворвавшийся в город враг предал огню все дома, жители которых бежали, бросив свое имущество. Таким образом, тиритакский дом в том виде, в каком застигла его катастрофа, отражает не только поздний период жизни Тиритаки, но и является иллюстрацией к заключительному этапу истории этого города, а вместе с тем и всего Боспорского государства.

Экономическое процветание Боспора, наступившее в I в. н. э., прекрасно отражено боспорскими некрополями, и прежде всего некрополем Пантикапея, сотни и тысячи раскопанных могил которого, относящиеся к первым векам нашей эры, дают обильнейший материал для важных выводов и широких обобщений о состоянии и развитии культуры Боспора в римский период.

Новый рост материальной мощи господствующих слоев рабовладельческого общества Боспора, накопление больших богатств в руках землевладельческой, торговой и промышленной верхушки нашли свое отражение как в обилии дорогих вещей, которыми стали снова сопровождать умерших при их погребении, так и нередко в весьма дорогом устройстве самих погребальных сооружений.

Хотя в римское время продолжали иногда прибегать к обряду трупосожжения, который был очень распространен на Боспоре в поздне-неолитическое время, все же основным способом захоронения в первые века нашей эры снова становится трупоположение.

Наиболее употребительными в раннее время были старые типы могил, известные на Боспоре с очень давних пор, и, прежде всего, грунтовые могилы, т. е. вырытые в земле ямы, покрытые сверху каменными плитами или досками; иногда

внутренние стены могилы также обкладывались каменными плитами. Довольно распространенной разновидностью грунтовых могил были могилы подбойные, заложенные со стороны могильной ямы плитами или досками. Более богатыми гробницами состоятельных боспорцев являлись подземные склепы в виде комнат, с ведущим к входу коридором-дромосом и ступенчатой лестницей-спуском. Такие склепы обычно строились из каменных плит, перекрывались они полуциркульным сводом, а внутри часто были украшены стенной росписью.

С конца I в. до н. э. наряду с этого рода погребальными сооружениями, которые хорошо были известны на Боспоре уже с конца IV в. до н. э., стала входить в обиход более усложненная конструкция семейных погребальных камер, чаще всего вырубленных в скалистом или глинистом грунте. В стенах таких гробниц, называемых обычно «катакомбами», устраивались большие ниши-лежанки, куда ставились гробы. В склепах-катакомбах, являвшихся, как правило, семейными усыпальницами, при многократном их использовании погребения совершались не только в нишах-лежанках; нередко гробы ставились просто на пол камеры.

Комнатные склепы и катакомбы украшались живописью, яркой и многокрасочной в I—II вв., монохромной и с геометризованными рисунками в III в., когда боспорская декоративная живопись, как, впрочем, и все искусство, особенно сильно варваризуются.

На могилах в I—II вв. было принято попрежнему ставить украшенные рельефами надгробия, изготовлявшиеся местными скульпторами-ремесленниками. К концу II в. н. э. производство надгробий со скульптурными рельефами вырождается и прекращается вовсе. В дальнейшем употреблялись надгробия, на которых были одни только надписи, вырезанные или написанные красной краской.

Подобно тому, как во времена Спартокидов иногда богатые боспорцы привозили изящные мраморные надгробия из Аттики, в римское время (в I в. н. э.) надгробия порой также доставлялись извне. Это бывало чаще всего в тех случаях, когда

после смерти уроженцев малоазийских городов, проживавших на Боспоре, их родственники привозили надгробия из Малой Азии.[50]

Надгробия, особенно с рельефами первых веков нашей эры, так же как и боспорские надгробия более раннего времени, представляют исключительный по важности исторический источник.

Одним из наиболее популярных сюжетов скульптурных рельефов на боспорских надгробиях римского времени было изображение сцены пира, на котором вместе с покойником присутствуют близкие его родственники. Обычно мужчина изображался возлежащим на ложе, впереди которого стоял трехногий столик, уставленный яствами и сосудами для вина. Сбоку, чаще всего у ног мужчины, представлена сидящая в кресле его жена, а по краям рельефа показаны маленькие фигуры прислужников-рабов. Этот весьма излюбленный сюжет в надгробных памятниках древней Греции отражает глубоко укоренившееся в сознании эллинов представление о том, что люди и после смерти нуждаются в земной пище, которая является материальной связью между умершими и живыми. На этом был основан обычай приносить регулярно, в определенные сроки угощение покойникам на могилу. Невыполнение этого обряда грозило близким родным бедствиями вследствие мести умерших, жаждавших пиршества. В сцене пира на надгробиях воспроизводилась воображаемая трапеза, в которой принимал участие покойник, якобы покидавший на время загробный мир, царство Аида, чтобы в кругу своих самых близких вкусить земные яства и тем самым снова, хотя бы кратковременно, приобщиться к жизни и ее радостям.[51]

Другой характерной особенностью боспорских надгробий римского времени является многочисленность рельефов с изображениями воинов. Как для других сюжетов, так и для изображений воинов были выработаны некоторые довольно прочно установившиеся схемы, по которым строилась обычно скульптурная композиция рельефа. Нередко на рельефе изображалась лишь фигура одиноко стоящего воина, опирающегося

иногда рукой на колонку; позади чаще всего виден висящий на стене горит, рядом с колонкой стоит щит.

Имеются рельефы, на которых стоящий воин представлен рядом с сидящей в кресле его женой. На некоторых рельефах мы видим воина, стоящего вместе со своими товарищами по оружию; порой они образуют целую группу вооруженных воинов, держащих в левой руке большие овальные щиты, а в правой руке — по два копья. Но чаще на стелах представлены не пешие, а конные воины. Как правило, конного воина сопровождает другой всадник или пеший воин (рис. 63). Конный воин сидит на стоящей или спокойно шагающей лошади; гораздо реже на рельефе изображали мчащегося всадника. Конные воины вооружены: с левой стороны на боку висит меч и горит с луком, справа к бедру прикреплен короткий кинжал. Никогда не изображались воины в панцырях; единичны случаи, когда конный воин держит в руках копье; совсем редки изображения воинов в шлеме, хотя, как показывают росписи пантикапейских склепов, панцырь и шлем являлись обязательной составной частью оборонительного вооружения боспорских воинов во время сражения. Очевидно, надгробные рельефы изображают воинов не в походно-боевой обстановке, а в парадном виде воина-героя, победителя, выступающего перед зрителем без полного набора ратных доспехов.

Из текста некоторых надписей порой удается выяснить, что хотя умерший изображен на рельефе в виде воина, всё же военная служба *не была его основной профессией. Это положение* может быть отлично подтверждено, например, найденным в Керчи надгробием, относящимся к I в. н. э. Интересующее нас надгробие было воздвигнуто вольноотпущенником Сосием на могиле своего бывшего господина Стратоника (рис. 64). Надгробие в виде прямоугольной плиты завершается вверху декоративным анфемием и содержит два расположенных один над другим рельефа. В верхнем рельефе изображен Стратоник, одетый в длинный гиматий и держащий в левой руке свиток. Четыре таких же свитка лежат рядом на столе,

поддерживаемом высокой подставкой. Вблизи изображена маленькая фигура слуги. Рукописи в виде свитков, изображенные на рельефе, показывают, что Стратоник был человеком науки или литературы. Надпись под рельефами, как мы увидим, подтверждает правильность такого предположения. Но второй, нижний рельеф изображает того же Стратоника в виде конного воина. В правой руке всадник держит сосуд, в левой — поводья. На правом боку воина висит горит с луком, на бедре с этой же стороны показан короткий кинжал с кольцеобразным навершием рукояти. Перед всадником стоит мальчик-слуга, держащий в правой поднятой кверху руке сосуд. Между мальчиком и всадником изображена, как символ верности, собака, вставшая на задние лапы и повернувшая голову к хозяину. Позади Стратоника видна часть фигуры второго всадника; лошадь его стоит на низком пьедестале. В надписи под рельефом говорится: «Храня и мудрость и дивный характер, ты погиб, Стратоник, оставив слезы печальному отцу. Божественный друг, дорогой прежним, будущие века узнают из [твоих] книг твою прелестную мудрость. Стратонику, сыну Зенона, своему господину, воздвиг это надгробие, памяти ради, вольноотпущенник Сосий».[52]

Из текста эпитафии следует, что Стратоник был писателем или, скорее, философом. Это очень интересный штрих, характеризующий культурную жизнь Боспора. Но поскольку на нижнем рельефе Стратоник изображен в виде воина, следует заключить, что он нес и воинскую службу, при исполнении которой, быть может, его и постигла смерть.

Обилие изображений воинов на боспорских надгробиях обусловлено, прежде всего, тем, что основной состав армии в римское время рекрутировался из граждан боспорских городов. Вооруженное ополчение господствующего класса рабовладельцев составляло теперь главное ядро боспорского войска, призванного защищать свое государство от кочевников, напор которых на границы Боспора всё более усиливался и принимал угрожающий характер. С другой стороны, оно предназначалось для подавления внутри государства всяких

Рис. 63. Надгробие Клеона, сына Клеон... I в. г. э. (Эрмитаж).

попыток к восстанию эксплоатируемых масс, ждавших удобной возможности, чтобы сбросить с себя гнет.

Вверять оборону государства наемному войску или войскам союзных племен, как это практиковалось при Спартокидах, в римское время Боспор позволить себе не мог.

Популярность изображений конного воина на надгробиях-рельефах I—II вв. объясняется еще и тем, что образ реального воина соединялся в религиозном воображении боспорцев с образом бога-всадника, культ которого, очень широко распространенный во Фракии,[53] проник, повидимому, и на Боспор. Ассоциирование образа покойника с божеством было одним из проявлений античного религиозного мышления, представлявшего умершего в образе героя-сверхчеловека, постигшего тайны загробного мира.

Под рельефом с изображением воина-всадника на одном из надгробий I в. н. э., происходящем из города Фанагории, сохранилась очень выразительная стихотворная эпитафия, в которой местный поэт отразил указанные представления боспорцев — и вообще древних греков — о загробном мире. От лица близкого эпитафия говорит, обращаясь к умершему: «Ты, Тимофей, незапятнанный муж своей отчизны, умер, окончив три десятка лет. О, несчастный, я скорблю о тебе у многооплакиваемой могилы. Теперь, когда ты умер, да имеешь ты место с героями» (IPE, II, 362).

В римское время, как и раньше, в могилы вместе с останками умерших помещали различные их вещи и, прежде всего, глиняную посуду — блюда, чаши, миски, кувшины, глиняные светильники. Самыми дорогими были импортные краснолаковые сосуды, наиболее изящные образцы которых встречаются в погребениях зажиточных боспорцев первой половины I в. н. э., когда в пантикапейский некрополь в особенном изобилии попадали изысканные изделия художественного ремесла импортного происхождения. Из таких произведений керамического производства начала нашей эры отметим изготовленный в Пергаме замечательный краснолаковый кувшин, украшенный великолепными рельефными изображениями двух

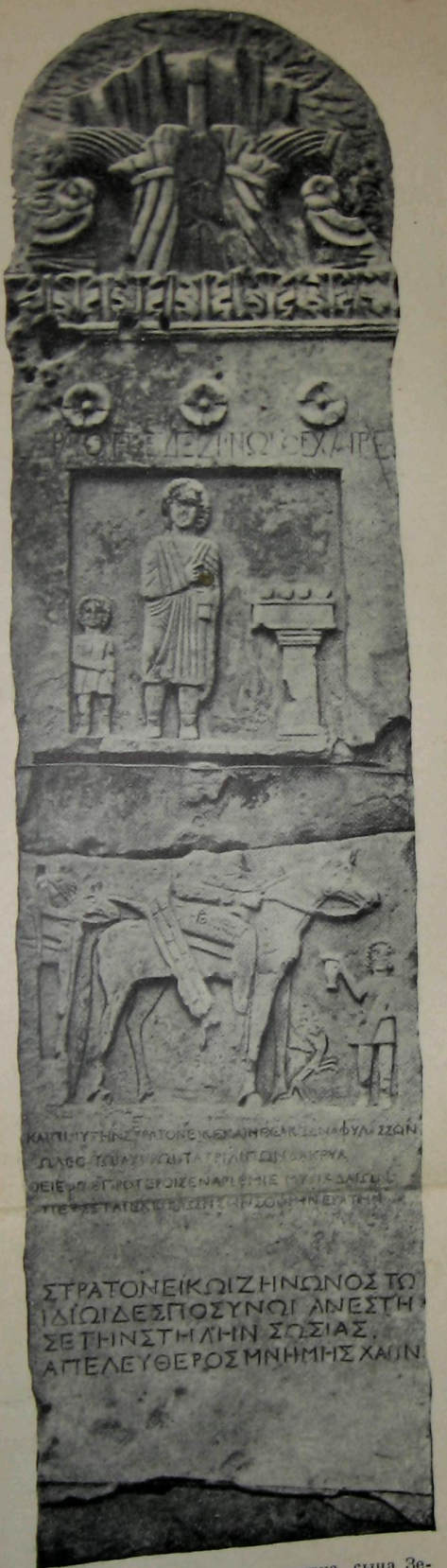

Рис. 64. Надгробие Стратоника, сына Зенона. I в. н. э. (Керчь, Археологический музей).

цапель, которые нападают на змею, извивающуюся в промежутке между головами цапель (рис. 65). Сосуд найден в одной из пантикапейских могил. На голове погребенного в ней был обнаружен при раскопках золотой венок из листьев апия

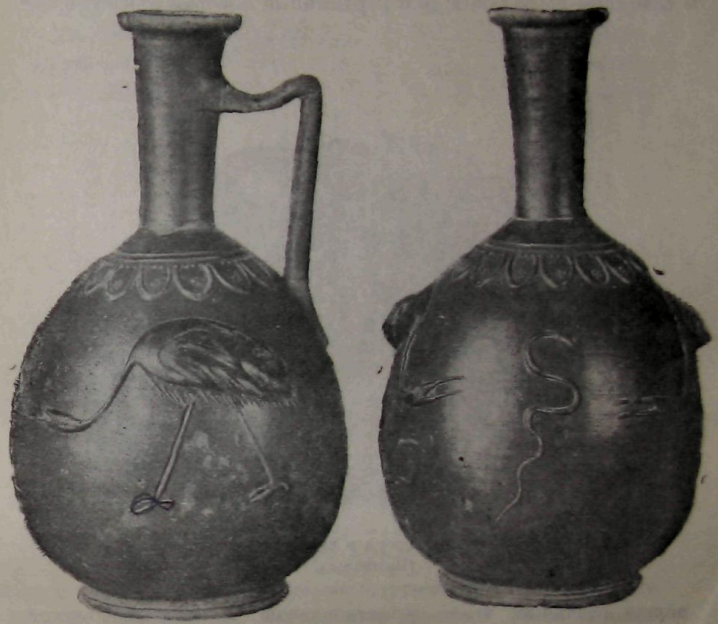

Рис. 65. Сосуд с изображением цапель, нападающих на змею. Начало I в. н. э. (Эрмитаж).

(сельдерея), а по обеим сторонам головы стояли: простой глиняный флакон — бальзамарий и указанный краснолаковый пергамский кувшин.[54]

Довольно часты в могилах римского периода фигурные сосуды в виде человеческих голов или в виде животных. Например, в одной гробнице I в. н. э., раскопанной также на территории пантикапейского некрополя, найден небольшой гли-

няный сосуд, изображающий слона с поднятым хоботом (рис. 66). Сосуд этот, вероятно, был сделан в Александрии (Египет).[55] Нередко в составе погребального инвентаря оказываются терракотовые статуэтки, а в детских могилах еще и глиняные погремушки или игрушечные повозки, воспроизво-

Рис. 66. Фигурный сосуд в виде слона. I в. н. э. (Эрмитаж).

дящие реальные, т. е. существовавшие в действительности типы грузовых и кочевнических телег (рис. 67).[56]

Особый интерес вызывают многочисленные терракотовые статуэтки, изготовлявшиеся в пантикапейских мастерских и изображающие в весьма схематизированном виде своеобразные человеческие полуфантастические образы, с сильно подчеркнутыми — иногда до карикатурности утрированными — деталями лица и других частей тела, что дает основание называть эти внешне уродливые фигурки «гротесками» (рис. 68). У них часто непомерно велики оттопыренные уши, сильно

выступают носы; нижние конечности, вылепленные отдельно, обычно подвешивались к туловищу, сохраняя свою подвижность. Некоторые статуэтки имеют на голове рога или причудливые головные украшения, в руках они иногда держат предметы неясного назначения. Нередко эти загадочные существа представлены играющими на музыкальных инструментах.[57] Повидимому, часть таких статуэток изображала различных демонов, свойственных религиозным представлениям жителей

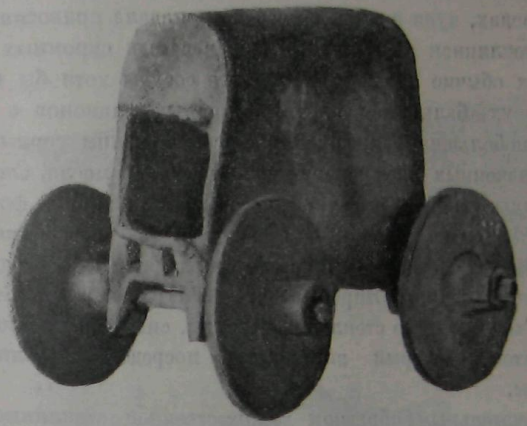

Рис. 67. Глиняная игрушка, изображающая кочевническую повозку I в. н. э. (Эрмитаж).

боспорских городов. Некоторые статуэтки той же серии представляли исполнителей ритуальных действий, имевших отношение к какому-то местному популярному культу, может быть связанному с поклонением богине Кибеле или богу Сабазию.

Наряду с глиняной посудой и более редко встречающимися металлическими сосудами (бронзовыми, серебряными) в могилах первых веков нашей эры весьма многочисленны сосуды, исполненные посредством дутья из бесцветного прозрачного или цветного стекла. Присутствие стеклянной посуды резко отличает погребальный реквизит первых веков нашей эры

от доримского времени, когда литые сосуды — и притом из непрозрачного цветного стекла — были редкими предметами роскоши. В пантикапейских и других боспорских некрополях римского времени стеклянные сосуды входят в состав почти каждого погребения. Если мы вспомним многочисленные находки разнообразных стеклянных сосудов (нередко очень дорогой выделки) в сарматских курганных погребениях на Кубани, то тем более будет понятно исключительное обилие стеклянной посуды в Пантикапее и других крупных боспорских городах, куда в первую очередь попадала привозившаяся извне стеклянная продукция. Даже в самых скромных захоронениях обычно находят стеклянные сосуды хотя бы в виде одного-двух бальзамариев, т. е. простых флаконов с коническим небольшим туловищем и высоким узким горлышком, предназначенных для хранения косметического масла. Стеклянные сосуды отличной выделки и чрезвычайно изящной формы — изделия лучших фабрик — встречаются в погребениях I, отчасти II вв. Позднее начинают преобладать более стандартные и рядовые типы. Впрочем, еще и в III в. н. э. на Боспоре были в ходу дорогие стеклянные сосуды, снаружи украшенные орнаментом, который выполнялся посредством шлифовки и резьбы.

Замечательным образцом художественной стеклянной посуды I в. н. э. является росписной сосуд из курганной могилы, которая была раскопана В. В. Шкорпилом на окраине Керчи. В деревянном саркофаге там была погребена какая-то богатая жительница Пантикапея. Найденные в ногах скелета круглое бронзовое зеркало и стеклянное пряслице от веретена, а равным образом наличие золотых украшений, в том числе пара прекрасных золотых серег, украшенных альмандинами и стеклышками, — все это с полной очевидностью указывает на то, что в могиле была похоронена женщина, принадлежавшая к состоятельному слою жителей боспорской столицы. В саркофаге обнаружено несколько стеклянных сосудов. Самым замечательным из них является упомянутый сосуд-амфориск из зеленого стекла, изумительно тонко расписанный снаружи

Рис. 68. Терракотовые статуэтки II—III вв. н. э. (Эрмитаж).

эмалевыми красками. На плечах сосуда изображены ветки маслины, туловище охвачено живописно переплетающимися ветками плюща и винограда, на которых разместились три жёлто-красные птички.[58] Вся эта яркая роспись в сочетании с темнозеленым фоном самого стекла создает впечатление исключительной художественно-декоративной изысканности. Сосуд является изделием одной из лучших александрийских стеклоделательных фабрик.

Обилие ювелирных изделий в погребениях римского времени служит подтверждением весьма возросшего материального благосостояния господствующего класса Боспора. В могилах очень часто встречаются золотые венки, которыми увенчивались умершие. Венки эти состоят из тонких золотых листьев, приклеенных к материи или прикрепленных к золотой полоске, застегивавшейся сзади. Спереди венок нередко украшался медальоном, представлявшим собой оттиск боспорской царской или римской императорской монеты.[59] Золотыми листиками, сделанными обычно в форме листьев сельдерея или лавра, иногда осыпали одежду покойника. Одежда или покрывало у богатых украшались также мелкими штампованными нашивными бляшками, преимущественно простой геометрической формы. Типы таких бляшек, встречающихся в большом количестве не только в городских некрополях Боспора, но также и в сарматских погребениях первых веков нашей эры в азиатской части боспорских владений, значительно отличаются от бляшек, употреблявшихся раньше как в греческих, так и в скифских погребениях.[60] В преобладании геометрического стиля, свойственного бляшкам римского времени, некоторые исследователи не без основания усматривают проявление ориентализирующих влияний, проникавших на Боспор через посредство алано-сарматских племен, населявших арало-каспийские степи. Интересно в этой связи отметить, что найденные в 1944 г. Фархадской археологической экспедицией в Средней Азии, при раскопках Мунчак-тепе в районе среднего течения Сыр-дарьи (близ города Беговат), золотые нашивные бляшки начала нашей эры представляют весьма близкую

аналогию бляшкам, распространенным на Боспоре в римское время.[61]

Драгоценные украшения, как-то: серьги, ожерелья, браслеты, кольца с резными камнями, обычные в женских погребениях, дают богатейший материал для суждения о развитии ювелирного искусства Боспора в римское время, поскольку значительная часть этих ювелирных изделий изготовлялась преимущественно в Пантикапее. Излюбленным приемом украшения ювелирных изделий теперь являлось усеивание поверхности золотых вещей яркими цветными камнями. Этот стиль в ювелирном деле достиг своего наиболее пышного расцвета к концу II в. и особенно в III в.

Женские погребения римского периода изобилуют разнообразными бусами, среди которых встречается много импортных египетских изделий в виде различного рода подвесок-амулетов. Достаточно часто в могилах встречаются бронзовые зеркала, а также туалетные деревянные и костяные цилиндрические коробочки для хранения румян, белил и других косметических снадобий. Реже в могилу клали ящики-ларцы, иногда снабженные замками и предназначенные для складывания туалетных вещей: гребней, зеркал или принадлежностей рукоделия, в числе которых бывают медные иглы для шитья, железные ножницы, мотки ниток, костяные или деревянные веретена и т. д.

Погребение богатых обыкновенно совершалось в дорогих саркофагах. К числу наиболее роскошных принадлежит большой мраморный саркофаг II в. н. э., украшенный по бокам скульптурными рельефами и имеющий крышку с изображением двух возлежащих фигур: мужчины и женщины, также исполненных скульптурно.[62] Саркофаг этот (хранится ныне в Эрмитаже) был найден в 1834 г. на Карантинном мысу, где находятся развалины боспорского города Мирмекия, в сильно поврежденном состоянии, т. к. гробница, где стоял саркофаг, подверглась разграблению еще в древности. Этот единственный в таком роде саркофаг римского времени из числа найденных на Боспоре, несомненно, был привезен сюда из Греции или

Малой Азии по заказу какой-то очень богатой семьи боспорцев.

Известна серия обнаруженных в Пантикапее римских мраморных саркофагов, высеченных из мрамора, с совершенно гладкими стенками и тяжелой двухскатной крышкой, украшенной по углам акротериями. Такие саркофаги, иногда огромных размеров, внешне предельно просты, но вместе с тем очень выразительны своей суровой монументальностью.[63] Применялись также небольшие каменные саркофаги, сделанные из местного известняка, снаружи обычно никак не украшенные, но зато внутри покрытые росписью по оштукатуренным стенкам. Изготовлявшиеся в Пантикапее, эти саркофаги представляли собой как бы имитацию в миниатюре больших расписных склепов. Но наиболее распространенными были деревянные, чаще всего кипарисовые гробы и саркофаги, изготовлением которых занимались специальные мастерские, причем в Пантикапее, несомненно, находились, как и во времена Спартокидов, самые искусные мастера, делавшие красивые и дорогие саркофаги для столичной знати.

Деревянные саркофаги I—II вв. напоминали своим внешним видом римский храм. Внизу выделялся подий — гладкое основание, цоколь, на котором покоились стены. К внешним сторонам последних примыкают колонны или пилястры, соединенные иногда между собой вверху арочками; выше расположены венчающие части, т. е. антаблемент, и далее все сооружение завершается двухскатной крышей, на которой порой делалась имитация черепичной кровли.[64] Обычно такой саркофаг служил лишь как бы парадным футляром, внутрь которого — чаще всего через одну из узких боковых сторон — вставлялся простой дощатый гроб.

Промежутки между колонками или пилястрами украшались написанными краской гирляндами или сделанными из стружки розетками, а также гипсовыми или терракотовыми прилепами; иногда для украшения саркофагов применялись резные деревянные ажурные рельефы.[65] Употребление гипсовых или терракотовых раскрашенных прилепов было очень

модно, особенно во II в. н. э. Изготовление прилепов для саркофагов составляло особую отрасль художественного ремесла. Помимо чисто декоративных украшений — акротериев, баляснок, цветков и розеток, — весьма распространены были гипсовые прилепы в виде головы Медузы (рис. 69), голов различных зверей (львиные и др.), трагических масок, изображений эротов на дельфинах, гусях, лебедях, богини со змеиным туловищем. Иногда стенки саркофагов украшались набором терракотовых фигур Ниобид.[66] Значительная часть этих украшений имела отношение к загробному культу и представляла магические обереги, долженствующие защищать умершего от влияния злых сил.

Обширное поле деятельности для художников-живописцев открывал и заказы богатых боспорцев на украшение росписью погребальных склепов. Большое число таких расписанных склепов римской эпохи, сохранившихся до наших дней, открыто в Пантикапее. Эта исключительная по своей исторической ценности группа памятников позволяет проследить развитие декоративной живописи Боспора в первые века нашей эры и выяснить ее стилистическую эволюцию на протяжении всей римской эпохи. Продолжая сохранять и в римское время некоторые элементы более ранней эллинистической традиции, декоративная живопись Боспора вместе с тем ярко отражала новые культурно-художественные веяния, присущие данной эпохе, когда искусство Боспора испытывало, с одной стороны, весьма сильные восточно-эллинистические влияния, шедшие главным образом через Малую Азию, а с другой со все более нарастающей силой впитывало элементы местного варварского искусства.

Выше было отмечено, что живопись применялась не только для украшения склепов; иногда расписывались и каменные саркофаги. Один из таких замечательных саркофагов I в. н. э., найденный в Керчи в 1900 г., заслуживает особого внимания, так как на одной из внутренних его сторон изображена мастерская пантикапейского живописца.

Этот саркофаг, хранящийся в настоящее время в Эрмитаже,

представляет собой продолговатый блок известняка с вырубленным в нем углублением, предназначавшимся для погребения покойника.[67] Сверху саркофаг закрывался каменной крышкой, состоящей из двух плит. Внутренние стенки саркофага отштукатурены и расписаны, причем фоном всех изображений служит розоватая штукатурка, по которой рассеяны написанные красками лепестки и листики роз.

На короткой стороне в изголовье написана гирлянда из лент и цветов, на противоположной стенке представлен стол с сосудами и пляшущие возле него уродливые карлики-пигмеи, изображению которых придавался магический смысл: своим исступленным танцем безобразные карлики должны были отпугивать злых духов. На длинных боковых сторонах нарисовано по три коринфских колонны. В промежутках между ними, т. е. в интерколюмниях, мы видим различные изображения — сцены загробного пира, двух всадников, юношу с лошадью, троих музыкантов, из которых двое играют на флейтах, а один на ручном органе, и, наконец, в одном из интерколюмниев показана мастерская живописца.

Перечисленные сюжеты росписи представляют, с одной стороны, воспроизведение некоторых эпизодов из реальной жизни, но наряду с этим имеется ряд картин, отражающих религиозные представления (таковы сцены пира, пляшущие пигмеи, и пр.). Схороненный в саркофаге пантикапеец был по профессии художником-живописцем, о чем свидетельствует одна из картин росписи. Но вместе с тем как боспорский гражданин он должен был нести и воинскую службу. Об этом говорит сцена с всадниками, а также изображение стоящего у колонки юноши, по обеим сторонам которого показаны лошадь и висящий на стене горит. Очевидно в молодые годы художник был воином и состоял на службе в боспорском ополчении.

Обратимся теперь к изображению мастерской художника (рис. 70). Неподалеку от мольберта представлен сидящий за работой молодой художник-портретист, одетый в типичный боспорский костюм. Последний представляет комбинацию

Рис. 69. Гипсовые и терракотовые (верхний ряд) украшения саркофага I—II вв. н. э.: голова Медузы; эроты на дельфинах; нагая плачущая с земли.

античной греческой и местной варварской одежды, соответствующей климатическим условиям северного Причерноморья. На художнике надет короткий рукавный хитон, штаны, плащ и сапоги. Живописец разогревает восковую краску, которую он держит с помощью специального инструмента над жаровней. Между мольбертом и живописцем на высокой подставке расположен раскрытый ящик, имеющий внутри серию квадратных отделений с красками.

На стене висят три готовых портрета; один четырехугольный еще на подрамнике, два других заключены в изящные круглые рамы. Таким образом, с полной определенностью устанавливается, что в Пантикапее были художники, применявшие для писания портретов энкаустику, т. е. восковые краски. Однако ни одного подлинного образца пантикапейской станковой портретной живописи до нас не дошло.

Значительно лучше обстоит дело со стенной декоративной живописью. Интереснейшим памятником стенной росписи ранне-римского времени является так называемый склеп Анфестерия начала I в. н. э., который открыт в 1876 г. на территории некрополя, занимающего северный склон горы Митридата, где находится большая часть пантикапейских расписных склепов.[68]

Склеп Анфестерия, как и почти все другие подобные склепы, был открыт уже в разграбленном состоянии, без вещей. Он вырублен в твердой глинистой материковой породе и в плане представляет собой продолговатую просторную комнату с плоским сводом. Входной арочный проём устроен с северной стороны, сверху к нему вел лестничный спуск; самый же вход, как это обычно делалось, закрывался большой приставной плитой.

Стены склепа покрыты тонким слоем штукатурки и расписаны. Большая часть росписи стен изображает четкую правильную квадровую кладку из рустованных плит (рис. 71). Швы между отдельными плитами обозначены черной краской а очертания рустов — красными линиями. На определенной высоте от пола роспись, имитирующая кладку, прекращается,

Рис. 70. Мастерская живописца — деталь росписи каменного саркофага. I в. н. э. (Эрмитаж).

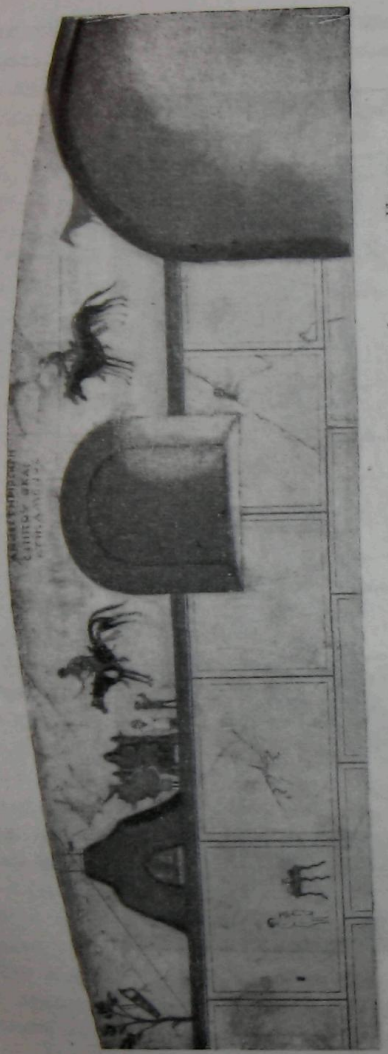

Рис. 71. Стенная роспись в склепе Анфестерия. I в. н. э. Керчь.

и на остальном пространстве южной и западной стен, ограниченных сверху линией сводчатого потолка, размещены фигурные изображения.

Наиболее интересна роспись западной стены, в которой устроены небольшая ниша (таких ниш в склепе три) и дверь, ведущая в пристроенную несколько позднее другую гробницу. Над нишей сделана краской надпись: Ἀνθεστήριος Ἡγησίππου ὁ καὶ Κτησαμενός («Анфестерий, сын Гегесиппа, он же Ктесамен»), — это имя владельца склепа.

По обе стороны ниши нарисованы красками изображения, образующие в общем целую картину. Слева от зрителя нарисовано дерево, на котором висят горит и футляр для лука и стрел; правее представлена войлочная юрта. Внутри нее через открытое входное отверстие видны две человеческие фигуры, сидящие на

возвышении. Кочевническая юрта воспроизведена весьма тщательно, с обозначением деталей, свидетельствующих об очень хорошей осведомленности художника, несомненно видевшего такие сооружения в натуре. Выступающие над шатром деревянные шесты, т. е. вертикальные стойки, скрепленные вверху горизонтальными палками, показывают, что кибитка была обтянута войлоком по деревянному каркасу, состоящему из жердей. Верх ее был открыт для доступа света и для выхода дыма из внутреннего очага. Темный четырехугольник, показанный над юртой, являлся щитком для закрывания верхнего отверстия во время ненастья. К юрте прислонено длинное копье. Возле юрты (справа в кресле) сидит женщина, обращенная лицом к зрителю; по обе стороны от нее стоят прислужники-подростки. К женщине подъезжает на оседланной лошади вооруженный всадник, держащий в правой руке нагайку. На нем надеты штаны, вероятно кожаные, и голубая подпоясанная рубашка, украшенная светлыми кружками, представляющими нашивные металлические бляшка. К всаднику обращается мальчик, подносящий сосуд. Далее по правую сторону ниши изображен другой всадник, держащий наперевес длинное копье и ведущий на поводу лошадь. Несколько дальше видна еще часть одной лошади. Ниже юрты нарисован столик, уставленный сосудами; рядом стоит мальчик с сосудом в руках.

Перечисленные выше изображения представляют собой такое же сочетание сцен, воспроизводящих моменты реальной жизни, с символическими культовыми сценами, как это мы уже наблюдаем в расписном саркофаге. Сидящая в кресле в торжественной позе женщина — хорошо известное по боспорским надгробиям героизированное изображение образа покойницы, сливавшейся, в религиозном воображении, с образом богини подземного царства. Культовый же характер носит изображение стола с угощением — обычная составная часть сцен загробного пира.

Но наряду с этим в стенной росписи мы видим и такие элементы, которые отражают реальный мир и действительную

жизнь тех, кто был погребен в склепе. Анфестерий, очевидно, был воином; поэтому он представлен в виде вооруженного конника, которого сопровождает слуга, ведущий запасную лошадь. Труднее объяснить, почему изображена кочевническая юрта. Может быть, в этом проявилось желание подчеркнуть ту степную обстановку, в которой протекала походная жизнь воина Анфестерия. Но возможно и другое предположение, а именно, что сам Анфестерий или его ближайшие предки вели когда-то кочевой или полукочевой быт, будучи представителями варварской знати, той ее части, которую экономические и культурные преимущества жизни в городах Боспора соблазняли настолько, что они охотно туда переселялись, в какой-то мере эллинизировались там, вливаясь в состав верхнего социального слоя Боспорского государства. Как известно, в результате наплыва в боспорские города такого рода жителей из состава местных племен, с которыми греков тесно связывали общие экономические интересы, культура Боспора всё более приобретала своеобразный местный колорит.

В художественном отношении роспись склепа Анфестерия еще во многом продолжает традиции эллинизма, что проявляется, прежде всего, в передаче посредством живописи архитектурной структуры стен. Но тут же проявились и те новые элементы, которые рождались и развивались в боспорском искусстве римского времени в соответствии с вкусами полугреческой-полуварварской среды. Характерным в этом отношении является стремление к яркой красочности при общей плоскостности изображаемого и достаточно условной передаче соотношения частей, пропорций. Интересно, что одна из лошадей, изображенных на южной стене, окрашена в яркозеленый цвет. Художник ради цветового эффекта прибег к краскам, совершенно не отвечавшим действительности. Но вместе с тем он по-своему стремился к реалистичности образов. Это достигалось посредством очень тщательного изображения бытовых деталей: костюмы, вооружение, убор коня, шатер, — все это воспроизведено старательно, верно и, можно даже сказать, любовно.

Ярким образцом декоративной живописи с чисто мифологическими сюжетами росписи, выполненной в так называемом цветочном стиле, наиболее характерном для боспорской живописи I—II вв. н. э., является так называемый склеп Деметры, открытый в Керчи в 1895 г.[69]

Склеп представляет собой почти квадратную в плане комнату (2.20 × 2.75 м), покрытую полуцилиндрическим сводом. Оштукатуренные стены (в них имеются три ниши), а также свод склепа украшены росписью. Линия начала свода условно обозначена декоративным сухарным карнизом, который исполнен красками так, что создается иллюзия его скульптурной рельефности. В отличие от склепа Анфестерия, вся поверхность стен до указанного декоративного карниза оставлена в цвете штукатурки и не дифференцирована, т. е. не имеет росписи, подражающей кладке или облицовке стен. По обеим сторонам каждой ниши написаны лишь ветки винограда. Направо от входа изображена женская фигура Калипсо с наброшенным на голову покрывалом в знак траура. Слева от входа представлен обнаженный, но обутый в сандалии с крылышками бог Гермес, держащий в руке свой жезл — кадуцей. В представлениях греков, Гермес и Калипсо встречали души умерших у входа в Аид и провожали их в загробное царство под землей; поэтому-то и здесь в склепе они изображены у входа.

Полукруглое поле стены (люнетка) над входом расписана изображением пышных ярких гирлянд, состоящих из растительных веток, скомбинированных с различными плодами (груши, яблоки, гранаты). Все это должно было символизировать райскую обитель блаженных, в которую попадают души после смерти.

Противоположная люнетка занята изображением мифологической сцены увоза Персефоны, дочери богини Деметры, похитившим ее богом преисподней — Плутоном. Все свободное пространство люнетки, не занятое фигурами, заполнено, как и на потолке, разбросанными лепестками и листьями.

В колеснице, запряженной четверкой коней, стоит полуобнаженный Плутон, придерживающий маленькую куклообраз-

ную фигурку Персефоны (рис. 72). Над лошадьми видна миниатюрная фигурка парящего в воздухе возничего, который держит в одной руке поводья, в другой — кнут. Внешность Плутона имеет восточные черты: лицо обрамлено густой окладистой бородой, сливающейся с пышной курчавой шевелюрой.

Сводчатый потолок склепа украшен изображением растительных гирлянд, плодов, перехваченных лентой, пучков маков и птиц, сидящих на гирляндах. В центральной части свода находится круглый, окаймленный венком медальон, внутри которого на темнооливковом голубоватом фоне написано погрудное изображение богини Деметры (рис. 73). Пышные каштановые волосы окаймляют строгое лицо богини и падают на плечи. Шея охвачена золотым ожерельем, ниже видна часть синего хитона, покрывающего плечи и грудь. Сжатые губы, широко открытые скорбные глаза, устремленный вдаль взор убедительно и с большой экспрессией передают душевное состояние матери, бродящей в поисках за дочерью и напряженно вглядывающейся вдаль.

Высокое мастерство, с каким написана Деметра, заставляет вспомнить о существовании в Пантикапее живописцев-портретистов. Очевидно в этом жанре там работали художники, вполне владевшие лучшими традициями эллинистического искусства, что нашло свое отражение и в работе мастера, рисовавшего Деметру.

В ином стиле выполнена картина увоза Персефоны. Здесь наблюдаются значительная обобщенность и плоскостность фигур, стремление к геометризации форм, несоблюдение пропорций и, как следствие этого, анатомические неправильности. Вместе с тем художник старается тщательно передать некоторые детали, которыми он как бы желает подчеркнуть реальность изображенных образов и предметов (таковы узоры на колеснице, кнут и поводья в руках возничего и т. д.).

Картина выполнена мастером, у которого античные греческие приемы живописи уже в значительной мере переработаны в духе боспорского искусства, формировавшегося под всё более усиливавшимся влиянием местных вкусов. Так проис-

Рис. 72. Похищение Персефоны — роспись на южной стене склепа, открытого в 1895 г. I в. н. э. Керчь.

ходило, впрочем, всюду, где античный греко-римский мир тесно соприкасался с варварскими обществами. Склеп Деметры, как одно из немногих исключений, был открыт неразграбленным. Вдоль боковых, восточной и западной, стен стояли деревянные саркофаги. Возле восточного саркофага найдены синий с белыми пятнами стеклянный сосуд, украшенный рельефными орнаментами (произведение сидонской фабрики в Сирии), а также высокий бронзовый канделябр и лежавшая рядом с ним серебряная раковина; два золотых перстня обнаружены под саркофагом. Около западного саркофага оказались: погребальный золотой лавровый венок, золотые дутые бусы и две золотые бляшки, воспроизводящие монеты начала I в. н. э., а также сосуд из бледнозеленого стекла с рельефными украшениями, подобный тому, что стоял с восточной стороны.

Первые захоронения были совершены в склепе еще до середины I в. н. э., но несколько позднее (вероятно, в конце этого же столетия), при повторном использовании склепа прах ранее погребенных людей был изъят из саркофагов и сложен в преддверие склепа, а в саркофаги были помещены новые покойники. Вместе с ними появилась в склепе лошадиная уздечка, которая была повешена на одну из стен.

Предметы лошадиной сбруи в пантикапейском склепе свидетельствуют об определенных процессах, происходивших в социальной и культурной жизни Боспорского царства. Если взять в целом пантикапейский некрополь I в., то следует признать, что он еще не содержит ничего, что заметно расходилось бы с греческими обычаями, нравами и верованиями. Греческие основы культуры боспорской столицы, видимо, еще продолжали сохраняться. Изменился облик вещей, но набор их, в смысле функционального значения, остался прежний, хотя уже и нет того ярко выраженного палестрического характера быта мужчин, который свойственен был столичному населению Боспора в эпоху Спартокидов, что соответственно сказывалось тогда на составе могильных вещей. Но с конца I в. и особенно на протяжении II в. н. э. в пантикапейском некрополе чрезвычайно отчетливо выступают такие черты,

которые свидетельствуют об интенсивном проникновении в среду жителей боспорских городов обычаев, присущих не греческому, а сарматскому населению Причерноморья.

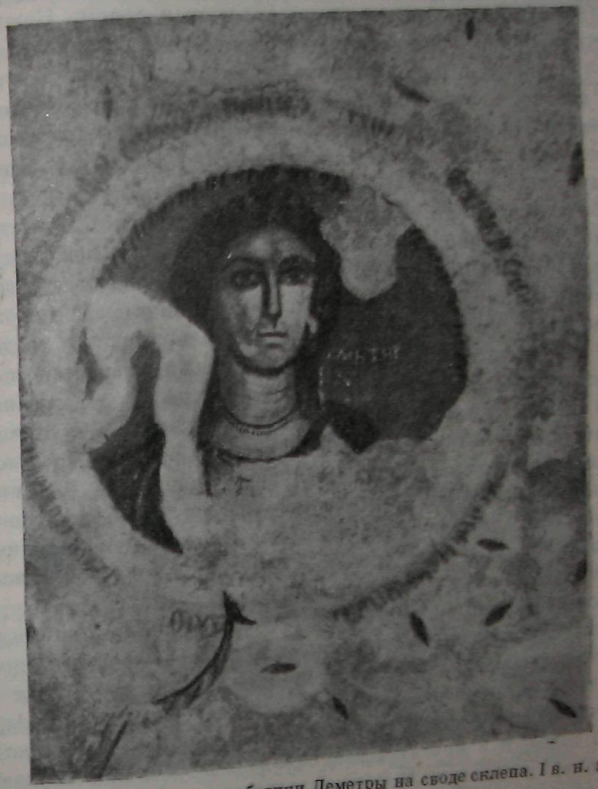

Рис. 73. Изображение богини Деметры на своде склепа. I в. н. э. Керчь.

Появляется значительное количество погребений, в которых пантикапейцы похоронены вместе с принадлежавшим им оружием — мечами, кинжалами, ножами, стрелами. Больше того,

в могилы нередко кладут конскую сбрую, узду, а иногда хоронят рядом с человеком и его лошадь. Боспорская столица, как и все государство, постепенно все более варваризуются.

Мужская часть свободного населения боспорских городов в это время была тесно связана с военным делом. Каждый мужчина, принадлежавший к господствующему классу, должен был с оружием в руках защищать свое государство. Боспорское войско, в задачу которого теперь входило, прежде всего отражение натиска со стороны кочевых алано-сарматских племен, заимствует у последних их оружие и военную тактику.

Сарматы в военном отношении отличались от скифов, хотя, подобно скифам, они также были конными воинами. Скифское войско представляло собой легко вооруженную подвижную конницу; скифы были конными лучниками, основным оружием которых был лук. Стремительно атакуя в конном строю врага, скифы уже с дальних дистанций осыпали противника градом стрел и только окончательный завершающий удар наносили с помощью короткого меча. У сарматов, наоборот, главная часть войска представляла тяжело вооруженную конницу, для которой лук являлся вспомогательным оружием, а основным наступательным оружием служили длинное копье (пика) и длинный меч.[70] При этом сарматский воин гораздо основательнее был защищен: на него надевался обычно длинный тяжелый панцырь — пластинчатый или в виде кольчуги, голова покрывалась коническим шлемом.

Оснащение армии оружием сарматского типа, организация главных вооруженных сил, состоявших из гражданского ополчения, по образцу сарматской конницы — таковы характерные черты боспорского войска в первые века нашей эры. Аналогичная картина своеобразной военизации быта наблюдается в это время и в других причерноморских греческих городах, например в Ольвии. Красочное описание последней оставил нам греческий писатель Дион Хрисостом, который побывал в Ольвии около 100 г. н. э. По словам Диона, город жил в постоянном ожидании набегов со стороны степи, и поэтому население было всегда начеку, в боевой готовности.

Ольвийцев Дион описывает одетыми в полуварварскую одежду и притом вооруженными: мужчины носили на поясе большой меч.[71] Заимствование у варваров их вооружения и военной тактики свойственно было не только Боспору и причерноморским городам. В известном смысле так же поступали и римляне, которые на протяжении императорской эпохи систематически перестраивали, модифицировали военную тактику и вооружение, применяясь к наиболее серьезным своим противникам: парфянам, аланам и другим «варварским» народам.[72]

Встречающиеся в пантикапейских могилах I—III вв. н. э. сарматского типа мечи имеют длину до 1.10 м.[73] Они состоят из обоюдоострого железного клинка, который завершается вверху стержнем, служащим основой рукояти. Последняя обыкновенно облицовывалась деревом, обтягивалась иногда золотом и, как правило, украшалась сверху красивым набалдашником (рис. 74). Набалдашник состоял из круглого или четырехугольного диска, который делался большей частью из халцедона или стекла, реже из оникса, топаза; иногда этот диск заключался с боков в золотую оправу, усеянную цветными камнями, например рубинами. Сверху под диском выступала выпуклая золотая шляпка, украшенная вставками цветных камней и узорами из зерни.

Рис. 74. Железный кинжал (*а*); золотой набалдашник рукояти (*б*) украшен цветной инкрустацией. III в. н. э.

Мы уже отмечали, что в могилах пантикапейцев, начиная с конца I в. н. э., часто встречается оружие. Вот, например,

усыпальница богатой пантикапейской семьи II в., раскопанная в 1841 г. на окраине Керчи.[74] Под курганной насыпью был обнаружен монументальный каменный склеп, состоявший из двух погребальных комнат с полуцилиндрическим сводом и богато профилированным входом. В одной из комнат стояло 14 деревянных гробов, в которых покойники лежали на подстилке из лавровых листьев. В нишах, устроенных в стенах, находились стеклянные сосуды, глиняные светильники и некоторые золотые вещи (браслет, ожерелье). Около гробов обнаружена яичная скорлупа, каштаны, орехи, а в углах комнаты лежали птичьи и бараньи кости — остатки пищи, положенной в склеп при похоронах.

Наиболее богатым было одно из женских погребений. Одежду женщины украшали золотые бляшки, в ушах были золотые серьги с бирюзой, на пальце руки — перстень с гранатом. В гробу, в котором, повидимому, покоились останки главы семьи, оказался золотой венец с оттиском монеты императора Марка Аврелия (172—173 гг.), а рядом со скелетом лежал железный меч.

Оружие в могиле становится обычной принадлежностью погребального реквизита. В некоторых пантикапейских гробницах II в. н. э. найдено не по одному, а по два меча; иногда же умерших сопровождает целый набор оружия: железные мечи, кинжалы, наконечники копий, ножи.

Еще более разнообразное проявление сарматизации культуры Пантикапея и других боспорских городов можно видеть в распространении уже отмеченного выше обычая класть конскую сбрую в могилу или, — что, впрочем, бывало редко, — хоронить вместе с человеком и его лошадь.

Примером может служить открытая в Керчи гробница II в. н. э., состоявшая из камеры, в которой был похоронен мужчина-воин, и расположенного рядом каменного ящика с конским погребением.[75] Лоб покойника был украшен венком из золотых лавровых листьев, на шее были золоченые меловые бусы, на руке — золотой дутый браслет с утолщенными концами; около скелета лежал золотой перстень с резным камнем, 6 мед-

ных наконечников стрел и небольшой деревянный сундук с замком довольно сложного устройства; в нише, имевшейся в одной из стен гробницы, стояли три сосуда. В соседнем отделении гробницы, где была похоронена лошадь, оказались металлические части двух сбруй для верховой езды.

Культура боспорских городов приобрела в рассматриваемый период своеобразный облик, обусловленный сильным влиянием культуры негреческого населения северного Причерноморья. И уже становится невозможным на основании такого рода погребального ритуала, какой мы встречаем в вышеуказанной пантикапейской гробнице, предполагать непременно погребение эллинизованного варвара, что было бы вполне закономерным в более ранние, доримские времена. Полугреческая-полуварварская культура свойственна теперь всем слоям рабовладельческого общества Боспорского царства с его весьма смешанным этническим составом, представлявшим своеобразную амальгаму, в которой уже не было четко различимых групп греческого и негреческого населения.

Жизнь Боспорского царства с течением времени приобретала все более напряженный характер в связи с усиливавшимся натиском кочевых орд. Оборона рубежей государства имела исключительно важное значение, поскольку военные столкновения учащались. Это нашло свое отражение в пантикапейских погребальных склепах второй половины I и II вв. н. э., когда в росписях, украшавших стены склепов, появились целые батальные картины, повествующие о военных подвигах боспорцев. Сюда, прежде всего, относится замечательный расписной склеп I—II вв., открытый в Керчи археологом А. Ашиком в 1841 г.[76] К сожалению, склеп этот вскоре был разрушен, и местонахождение его потеряно, вследствие чего о росписях склепа можно иметь представление лишь по очень неточным, искажающим стиль росписей, рисункам, исполненным крайне посредственным художником тотчас же после открытия склепа.

По богатству росписи, пышности ее, обилию картин и разнообразию сюжетов этот склеп, состоявший из двух комнат, соединенных одна с другой, не имел в Пантикапее себе равных.

Тут мы видим и мифологические сцены (похищение Персефоны и увоз ее богом Плутоном в колеснице, поиски Персефоны ее матерью Деметрой) и картину загробного пиршества, которое покойник совершает в присутствии своих многочисленных близких и слуг. Наряду с этим много места занимают изображения охотников, музыкантов и гладиаторов. Присутствие их дает основание предполагать, что в Пантикапее в римское время иногда устраивались гладиаторские игры. Это было, вероятно, не простым подражанием Риму, где такие игры, как известно, были очень популярны, но и своеобразным выражением лойяльности боспорских царей по отношению к Риму, поскольку организация таких дорогостоящих римских зрелищ производилась, вероятно, в Пантикапее на царские средства.[77]

Весьма интересна роспись одной из стен склепа, на которой изображено пышное погребальное шествие. На двух катафалках, увенчанных балдахинами, лежат завернутые в саваны покойники, у которых оставлены открытыми только головы. Катафалки несут многочисленные слуги-носильщики. В изголовьи каждого покойника стоит женщина, в ногах — мужчина. Покойников провожают музыканты и процессия людей.

Не менее замечательна написанная на другой стене картина боя; она занимает нижний пояс стены и расположена под изображением загробного пира. Два отряда конных воинов с копьями наперевес скачут во весь опор навстречу один к другому. Левая группа, представляющая, повидимому, противников боспорцев, состоит из всадников, имеющих головы непокрытыми. На воинах надеты длинные подпоясанные кафтаны, через грудной разрез которых видны покрывающие тело панцыри, и штаны, плотно облегающие ноги. Головы противоположной группы всадников покрыты коническими шлемами; поверх одежды этих воинов надеты панцырные рубашки: у одних короткие, доходящие до талии, у других более длинные.* Между

* Художник, копировавший росписи, несомненно, внес искажение изображение всадников, одетых в длинные панцырные рубашки. Неправильно поняв этот род защитного вооружения, он представил всадников с длинными панцырями, сидящими на лошадях по-женски, что совершенно немыслимо.

двумя сближающимися отрядами видны уже сраженные воины. Они лежат вместе с павшими конями на земле, образуя беспорядочную груду тел.

Исключительно пышный характер стенных росписей этого склепа делает весьма вероятным предположение, что склеп принадлежал одному из боспорских царей и являлся богатой семейной усыпальницей.

Не менее выдающимся по своему историко-художественному значению следует признать пантикапейский склеп II в. н. э., открытый в 1872 г. на северном склоне Митридата и сравнительно хорошо сохранившийся до наших дней. Первым исследователем и издателем росписей названного склепа был известный русский художественный критик В. В. Стасов, вследствие чего этот склеп обычно называют «стасовским».[78]

Склеп имеет форму трапециевидной в плане комнаты, высеченной в глинистом грунте. В сравнении с ранее упомянутыми склепами внутренняя архитектура стасовского склепа отличается некоторыми особенностями. Наряду с обычными небольшими нишами, вырубленными в стенах и предназначенными для размещения в них вещей, в стене, расположенной против входа, высечена глубокая большая ниша-лежанка, т. е. углубление, в которое устанавливался гроб с покойником. Наличием лежанки стасовский склеп напоминает так называемые керченские катакомбы — особый тип подземных гробниц с нишеобразными лежанками (чаще всего тремя), вошедший в широкое употребление с конца I в. н. э.

К обеим коротким боковым стенам стасовского склепа пристроены лежанки, сложенные из каменных плит и также служившие местом погребения. Эти каменные ложа предназначались еще и для другой цели: ими были замаскированы особые ниши-тайники, сделанные в нижней части стен склепа для того, чтобы в них можно было укрыть наиболее ценные вещи.

Все стены, равно как и потолок склепа, оштукатурены и украшены живописью.

Нижняя половина стен расписана в инкрустационном стиле. Живопись воспроизводит роскошную облицовку стен плитами цветного пестрого мрамора. Наиболее нарядна роспись центральной части нижнего яруса стены, где находится лежанка в виде ниши. Здесь над пурпурным цоколем изображены четыре ионийские колонки, промежутки между которыми как бы инкрустированы разноцветными мраморными плитами, образовавшими серию геометрических фигур, последовательно вписанных одна в другую: прямоугольник, ромб, круг с треугольниками, сплошной круг. Все это увенчано сухарным карнизом, исполненным в иллюзионистской манере. Верхние части стен, в том числе и стенки ниши-лежанки, украшены различными изображениями людей и животных, представленных на фоне листьев и цветочных лепестков.

Таким образом, в стасовском склепе соединены два стиля декоративной живописи: инкрустационный, являвшийся продолжением эллинистических традиций, и цветочный, получивший распространение на Боспоре уже в римское время. По своему содержанию росписи верхней части стен могут быть разделены на две группы. Значительная часть картин изображает обширный парк-зверинец, в котором среди высокой травы и пальмообразных деревьев представлены различные звери: пантеры, лев, олень, собака, кабан, медведь, а также птицы — павлин и др. (рис. 75). В одном месте показан порхающий вместе с птицами Эрот, другой Эрот парит, держа в руках гирлянды. Все это должно было, очевидно, напоминать роскошный, полуфантастический парадиз-рай, который рисовался воображению художника наподобие экзотического парка-зверинца, вроде тех, какими обладали могущественные восточные цари.

Другой тип картин росписи связан с сюжетами, более близкими к реальной жизни тех пантикапейцев, которые нашли упокоение в настоящем склепе. Это — ряд эпизодов из военной жизни, к которой, несомненно, имел непосредственное отношение владелец склепа, бывший, повидимому, крупным военачальником. По обе стороны центральной ниши-лежанки на южной стене склепа представлены подвиги этого знатного воина-пантикапейца.

На картине, занимающей правую часть стены, показано боевое столкновение боспорцев, предводительствуемых своим военачальником, с вражеским войском (рис. 76).* Слева скачет конный воин, одетый в длинную панцырную рубашку, голова

Рис. 75. Изображение животных — роспись склепа, открытого в 1872 г. II в. н. э. Керчь.

его защищена коническим решетчатым шлемом; в руках он держит копье. За спиной развевается плащ, благодаря чему усиливается впечатление быстрого движения. Позади всадника идут два пеших воина с овальными щитами и копьями. На них также надеты панцырные длинные рубашки с разрезом внизу и шлемы. Вся эта группа воинов, очевидно, представляет боспорцев. С противоположной стороны к ним прибли-

* На нашем рисунке 76 наиболее интересная часть росписи дана дважды. Внизу она представлена по точной зарисовке худ. М. В. Фармаковского, исполненной, однако, лет тридцать спустя после открытия склепа, когда роспись пострадала от сырости и некоторые важные детали уже утратились. Вверху воспроизводится зарисовка 1872 г. худ. Ф. И. Гросса, хотя и менее точная, но зато передающая картину с такими деталями, которые позднее исчезли.

жается вражеский всадник, стреляющий на ходу из лука. Панцыря на нем нет, но у пояса его висит меч. Воина-лучника преследует сзади боспорский всадник с копьем; он в таком же панцыре и шлеме, как и воины левой группы. В промежутке между обеими группами сражающихся показаны с большим реализмом жертвы боя, каковыми являются, разумеется, воины противника боспорцев. Под ногами коня пантикапейского военачальника находится истекающий кровью воин, в левый бок которого вонзилось копье со сломанным от удара древком. Правее лежит второй воин с отрубленной головой. Возле него изображена падающая лошадь с вонзившимся в шею копьем, древко которого также сломано. Из раны лошади и ее морды, из шеи обезглавленного воина текут потоки крови.

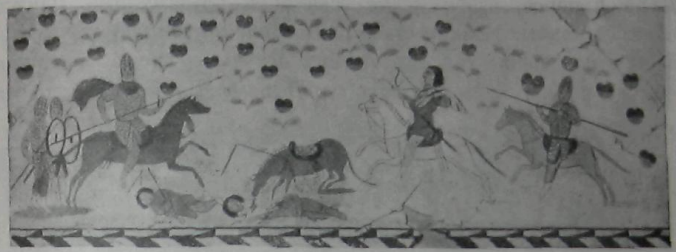
Фигуры воинов и коней выполнены довольно схематично, однако художнику всё же удалось передать динамику массового конного сражения, стремительность движений, увлеченность боем участников схватки. Вместе с тем в картине весьма заметно выступает характерная для боспорской декоративной живописи любовь к реалистической передаче деталей, мелких бытовых подробностей. Старательно изображены стриженые гривы лошадей, седла, уздечки, ленты или ремни, свисающие из-под седла; у раненой лошади показаны седло и попона; в обоих копьях художник не забыл представить и те кожаные петли (amentum), которые находились на древке, для того чтобы вернее управлять копьем при метании его в противника.

По другую сторону центральной ниши-лежанки изображен бой между пешим воином-варваром, возможно тавром, и боспорским конным воином.

Внутри ниши-лежанки одна из ее стенок украшена изображением военного отряда, состоящего из 5 боспорских пехотинцев с щитами и копьями; из них двое одеты в длинные панцыри и имеют на голове конические шлемы. Отряд возглавляется знаменосцем (рис. 77).

Многократное изображение военных сцен как бы особо подчеркивает тесную связь погребенных в склепе с военной деятельностью при их жизни.

Росписи стасовского склепа являются замечательными иллюстрациями жизни Боспора в I—II вв. н. э., но наряду с этим как художественные произведения они — яркое свидетельство

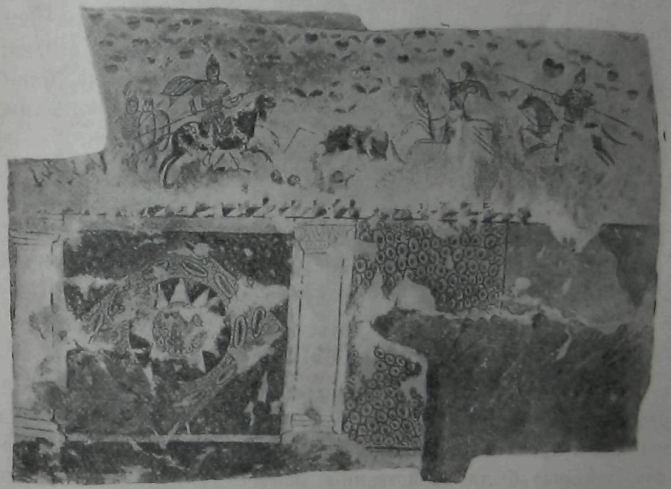

Рис. 76. Изображение боя — роспись склепа, открытого в 1872 г. Керчь.

связей, существовавших между Боспором и восточно-эллинистическим миром, и прежде всего тесных связей с Малой Азией. Весьма интересными представляются черты значительной художественной общности между росписями стасовского склепа

и стенными росписями той же эпохи, открытыми при недавних раскопках античного города Дура Европос в восточной части Сирии. В сценах охоты, которые представлены в росписях Дура Европос, изображение всадников чрезвычайно близко образам конных воинов стасовского склепа, лошади представлены в положении так называемого летучего галопа, всадники обычно повернуты к зрителю верхней частью корпуса почти

Рис. 77. Отряд боспорского войска — роспись склепа, открытого в 1872 г. Керчь.

в полный фас; очень близки по стилю изображения зверей, растительности.[79] В Пантикапее и парфянской Дура Европос мы видим проявление общих художественных приемов и мотивов, которые были свойственны искусству эллинистического Востока. Это могло иметь место потому, что между Боспором и Малой Азией поддерживался живой экономический контакт, влекший за собою и приток на Боспор элементов восточно-эллинистической культуры, которые нашли свое отражение в пантикапейской декоративной живописи. Надо вместе с тем подчеркнуть, что привнесенные извне элементы художественной

культуры подвергались здесь, безусловно, значительной местной творческой переработке.

Характерные черты культуры первой половины III в. н. э., когда сарматизация Боспорского царства достигла наибольшей интенсивности, чрезвычайно ярко выступают в царских гробницах, раскопанных в Керчи.

В 1837 г. в одном из курганов, расположенном за Керченским предместьем Глинище, была раскопана гробница, в которой оказался мраморный саркофаг с останками царя Рискупорида III или одного из членов его семьи.[80] Внутри саркофага и вне его в могиле было найдено большое число драгоценных вещей.

Рис. 78. Золотая маска из царской гробницы, открытой в 1837 г. III в. н. э. (Эрмитаж).

На черепе лежала рельефная золотая маска (весом 264 г), исполненная художником, повидимому, по гипсовому слепку, снятому с лица умершего (рис. 78). Это — единственный случай такой находки на Боспоре, заставляющий вспомнить знаменитые золотые маски микенских владык из «шахтовых гробниц», раскопанных в 70-х годах прошлого столетия Шлиманом. Однако обычай класть на лицо умершего золотую маску, нашедший свое проявление в пантикапейской гробнице,

пришел на Боспор не из древних Микен, отделенных почти двадцатью веками от Рискупорида III, а из современной Боспору Парфии, где лица покойников иногда покрывались золотыми пластинками.[81]

Кроме маски, голову покойника украшал пышный золотой венец, состоявший из деревянного кедрового каркаса, к которому снаружи прикреплены золотые листья; передняя же сторона украшена золотой чеканной бляхой с сирийскими гранатами по углам. На бляхе изображен царь, сидящий верхом на лошади и обращенный к возжженному алтарю. Очевидно, царь представлен во время исполнения культового обряда.[82]

В саркофаге были найдены также золотые перстни, пара золотых серег, украшенных гранатами, два массивных широких золотых браслета очень тонкой ажурной работы с открывающейся на шарнирах четыреугольной пластинкой (особенно изящно орнаментированной и усеянной гранатами), золотая гривна, фибулы (золотая и бронзовая), бусы из стекла и сердолика, несколько сот золотых штампованных бляшек, украшавших одежду. Рядом с человеческим скелетом в саркофаге лежала лошадиная сбруя: серебряные удила и ремни оголовья уздечки, украшенные золотыми пластинками с рельефными геометрическими узорами и сердоликовыми вставками (рис. 79); две пластинки этой уздечки украшены рельефной звездой и тамгой. Оружие представлено двумя предметами — мечом и ножом.

О принадлежности покойника к царской династии, помимо исключительного обилия ценностей, говорит обнаруженный в саркофаге серебряный скипетр. В гробнице оказалась также серия дорогих бронзовых и серебряных сосудов. В числе последних особенный интерес вызывает большое серебряное блюдо, в центре которого выгравирован лавровый венок и монограмма, повидимому обозначающая два слова: Ἀντ(ωνείνου) β(ασιλέως). Такая же монограмма имеется и на крае блюда, которому придана форма широкого бордюра, украшенного, как и центральная часть блюда, венком из лавровых листьев. На оборотной стороне вычеканена точечными буквами надпись Ῥησκουπόρει

βασιλέως («царя Рискупорида») и обозначение веса блюда. Есть основание думать, что блюдо это было подарено боспорскому царю Рискупориду III римским императором Кара-

Рис. 79. Части кожаной лошадиной уздечки, украшенной золотыми чеканными бляхами с сердоликовыми вставками, из гробницы с золотой маской. III в. н. э. (Эрмитаж).

каллой, собственное имя которого было Марк Аврелий Антонин.[83] Подарок от римского императора Рискупориду III, повидимому, был обусловлен большой заинтересованностью Каракаллы в дружественных взаимоотношениях с Боспором. Для ведения начатой в 216 г. войны против Парфии Каракалла

несомненно, нуждался в снабжении своей малоазийской армии продовольствием, что в значительной мере зависело от Боспора. Экономическое положение последнего в указанное время было достаточно сильным, как об этом можно судить по обширным и оживленным внешним торговым связям Боспора, прежде всего с Малой Азией, что засвидетельствовано рядом эпиграфических документов, нами уже выше упоминавшихся.

Рис. 80. Кинжал из царской гробницы, открытой в 1841 г. III в. н. э. (Эрмитаж).

В 1841 г. в окрестностях Керчи, близ Аджимушкайских каменоломен, под одной из курганных насыпей были открыты два склепа с очень богатыми погребениями, повидимому членов той же семьи царя Рискупорида III.[84] Интересно, что в последнем случае оказались использованными старые погребальные склепы, построенные еще во времена Спартокидов, в IV—III вв. до н. э. В одном из таких склепов, покрытом уступчатым сводом, стоял деревянный обитый свинцом гроб, в котором сохранился костяк погребенного. Череп его был украшен пышным золотым венком, подобным найденному в гробнице с золотой маской. Разница состоит лишь в том, что передняя бляха украшена изображением царя верхом на коне, а позади него представлена крылатая Ника, увенчивающая всадника победным венком.[85]

Рядом со скелетом, на котором уцелели куски тканной золотом одежды, лежало оружие: меч, кинжал, копье, нож и точильный камень. Особенным изяществом отличается отделка кинжала: его рукоятка обтянута золотом и инкрустирована сердоликами; сверху рукоятку увенчивают халцедоновый диск и золотая розетка, украшенная эмалью и стекловидными цветными вставками, что создает впечатление тончайшей миниатюрной узорчатой мозаики (рис. 80).

Кроме оружия, возле костяка лежала богатая конская уздечка, ремни которой покрыты точно такими же золотыми пластинками с сердоликами, какие обнаружены в гробнице с золотой маской.[86] Наличие узды в гробнице должно быть сопоставлено с обнаруженным над сводом коридора склепа захоронением лошади. Находка в склепе двух золотых кружков, являющихся оттисками с монет Рискупорида III, позволяет определить время как данного погребения, так и гробницы с золотой маской, в которой найдено немало почти тождественных вещей.

Из приведенной характеристики царских гробниц пантикапейского некрополя первой половины III в. н. э. видно, насколько глубоко проникли элементы сарматской культуры в уклад жизни боспорских городов.

Наличие оружия, конской сбруи, а иногда и целых лошадиных захоронений становится теперь обычным явлением в столичном некрополе, свидетельствуя тем самым, что господствующий класс Боспора, его правящие верхи вполне усвоили обычаи и вкусы, свойственные сарматскому населению, его знати.

Вместе с тем содержимое богатых пантикапейских гробниц первой половины III в. н. э. позволяет сделать вывод о широком и успешном развитии на Боспоре в это время многих местных производств и, в частности, художественных ремесел. Особенно яркого расцвета достигло на Боспоре во II—III вв. н. э. ювелирное искусство. В пантикапейских мастерских был блестяще разработан так называемый инкрустационный полихромный стиль.[87]

Металлические изделия, и прежде всего различного рода золотые украшения, делались так, что их поверхность усеивалась разноцветными камнями, сердоликами, гранатами, рубинами, бирюзой, а также стеклянными цветными вставками, причем полихромная инкрустация обыкновенно сочеталась с геометрическими узорами из зерни и филиграни.

Тенденция украшать поверхность металлических изделий полихромией посредством инкрустационной техники находила свое проявление уже в архаическую эпоху в некоторых изде-

лиях скифского стиля, образцы которых представлены в таких известных кубанских курганных погребениях, как Келермес и др.

При общем господстве в ту пору пластических форм орнаментации в виде своеобразно стилизованных звериных образов, все же и тогда в этом «скифском зверином стиле» порой сказывалось стремление к украшению металла вставками разноцветных камней, которыми нарушалась внешняя монотонность предмета с точки зрения красочного восприятия.

Эти ранние зачатки полихромного инкрустационного стиля получили на Боспоре сильный толчок к развитию в раннеэллинистическое время, когда в северное Причерноморье значительно усилился приток восточных, особенно иранских, художественно-культурных элементов. Это интенсивное проникновение шло на Боспор, с одной стороны, из Центральной Азии и смежных с нею стран через сарматские племена, а с другой — из Малой Азии через южные причерноморские города, с которыми Боспор в это время стал вести особенно оживленные сношения. Обильное применение эмали и цветных драгоценных камней ярких цветов является характерной особенностью многих чрезвычайно изысканных и порой поразительно роскошных ювелирных произведений, вышедших, несомненно, из боспорских мастерских и выполненных руками ювелиров, хорошо известных по таким замечательным находкам, как, например, знаменитая диадема из Артюховского кургана, и т. п.

Полугреческое-полуварварское Боспорское царство и сопредельные сильно эллинизованные варварские области северного Причерноморья явились исключительно благоприятной средой, в которой полихромный стиль смог плодотворно развиваться, поскольку он здесь особенно близко отвечал художественным вкусам населения.

В римское время Боспор становится крупнейшим центром развития полихромного инкрустационного стиля всего Северного Причерноморья. В пантикапейских мастерских вырабатывается характерный для первых веков нашей эры ювелирный

стиль, в котором сочетаются геометрические орнаментальные формы, образуемые зернью и филигранью, с обильными цветными вставками из драгоценных камней и стекла. С течением времени вся эта нарядная декоративная полихромия все более приобретает тенденцию как бы превратить всю поверхность металлических художественных изделий в своеобразную сплошную мозаику, в которой многочисленные инкрустированные цветные камни и стекла почти закрывают собой металлическую основу предмета.

Особого внимания заслуживает довольно многочисленная серия вещественных памятников римской эпохи с местными тамгообразными знаками, уже не раз упоминавшимися выше. Эти знаки (именуемые нередко «загадочными знаками»), употребление которых прослеживается на Боспоре с I в. н. э. до начала IV в. н. э., встречаются на различных бытовых предметах: поясных пряжках, металлических украшениях конской сбруи, и т. п.[88] Такие же знаки примерно с середины II в. н. э. начинают встречаться и на каменных плитках с официальными надписями.

На танаидской надписи, происходящей из Недвиговского городища и содержащей сообщение о постройке городской стены при царе Евпаторе в 163 г., над текстом надписи высечен знак, который, очевидно, был присущ названному царю.[89] Точно такой же знак имеется на каменных плитах, найденных в Тамани, т. е. на месте боспорского города Гермонассы,[90] и в Прикубанье на берегу реки Саги, близ хутора Батарейного, где в древности было какое-то боспорское пограничное укрепление.[91] На поименованных плитах представлен, следовательно, знак царя Евпатора, причем этот знак на таманских плитах помещен между двумя фигурами крылатых Ник с венками в руках, что придает знакам ярко выраженный геральдический характер.

На ранее уже упоминавшейся таманской плите с надписью, в которой говорится о постройке в 208 г. какого-то сооружения под попечением главного аланского переводчика Ирака, также высечен знак, символизирующий боспорского царя Савро-

мата II, во времена царствования которого производились указанные строительные работы (рис. 81). Последний знак имеет несколько иную конфигурацию, нежели знак царя Евпатора, хотя между ними имеется и не мало общего. Все такого рода плиты в свое время были вставлены в стены важных сооружений крепостных башен, общественных зданий и т. п., знак на плите, очевидно, воспринимался зрителями как символ царя, как своего рода царский герб. Подобные же знаки известны на некоторых обиходных предметах, имеющих отношение к одежде или конскому убору. Они же иногда встречаются на погребальных стелах с рельефами, где бывают вырезаны или возле греческой надписи, или между фигурами людей, или на изображении лошади.[92]

Кроме одиночных знаков, известны довольно многочисленные случаи, когда они начертаны группами. Иногда целые плиты испещрены такими как бы беспорядочно расположенными знаками, представляющими собой линейно-геометрические фигуры, подобные вышеуказанным, причем среди них встречаются знаки, по нескольку раз повторяющиеся. В известном уже нам стасовском склепе в Керчи на стене у входа под слоем штукатурки были обнаружены многочисленные тамгообразные знаки. В Керчи найдены также плиты, сплошь заполненные вырезанными на их поверхности знаками.

Памятники с подобными «загадочными знаками» известны не только на Боспоре. Их находили в районе Кривого Рога,[93] а также в Ольвии.[94] В Ольвии были найдены две фигуры мраморных львов, на которых начертано множество знаков, в том числе таких, которые по своей форме близки и даже тождественны боспорским. Тамгообразные знаки имеются и на монетах скифских царей Фарзоя и Инисмея I в. н. э., а также на боспорских монетах царя Фофорса.

Из всего сказанного следует, что такого рода знаки были в ходу во всей причерноморской Сарматии, хотя надо признать, что на Боспоре они имели наиболее широкое распространение. Повидимому, практика применения графических знаков исходит из среды алано-сарматского населения. Показательна

в этом отношении находка на кубанских городищах многочисленных глиняных плиток (назначение которых пока еще не

Рис. 81. Плита со знаком царя Савромата II. (Керчь, Археологический музей).

выяснено) с тамгообразными знаками, правда несколько более примитивными, чем те, что представлены на памятниках римского времени из боспорских городов.[95]

В сарматизованных городах Боспора во II—III вв. н. э. тамгообразные знаки, повидимому, приобрели наиболее развитой вид; здесь же они получили и самое широкое распространение. Первоначально знаки представляли собою идеограммы, выражающие принадлежность к определенному роду, но затем они стали и персональными символами, эмблемами знатных семей и их отдельных представителей. Тамгообразные знаки у боспорских царей были неодинаковы: каждый из царей имел свой индивидуальный знак. Нельзя считать исключенным, что тамгообразные знаки являлись одновременно и зачатками сарматской письменности. Под таким углом зрения представляет большой интерес находка в Ольвии в 1946 г. фрагментов каменной, увенчанной профилированным карнизом плиты, на которой тамгообразные знаки размещены не бессистемно, а в строгом порядке, в строку, что, естественно, заставляет предполагать здесь некий «текст», содержание которого скрыто в неподдающихся еще дешифровке тамгообразных письменах.

Независимо от того, вправе ли мы видеть в тамгообразных знаках зародыши сарматской письменности или нет, их применение в качестве родовых и личных символов в сочетании с греческими надписями само по себе весьма показательно. Это еще один яркий штрих, который подтверждает своеобразие культуры Боспора римской эпохи, когда элементы греческие и местные («варварские») чрезвычайно тесно переплелись.

Чтобы дать представление о всех сторонах жизни Боспора в римское время, необходимо еще коснуться вопроса о религии боспорцев в этот период.

Мы уже отмечали ряд греческих культов, имевших большую популярность на Боспоре в первые века нашей эры. В общем это были уже издавна установившиеся культы, связанные с образами определенных богов греческого пантеона, среди которых основное место занимали, как известно, женские божества. Последнее обстоятельство отражало, прежде всего, глубокую связь широких слоев населения Боспора с аграрным хозяйством, что и выдвигало на первый план культ женских божеств, будь то Деметра, Артемида, Афродита или Кибела.

Культ этих богинь пустил на Боспоре глубокие корни еще и потому, что здесь, как известно, среда благоприятствовала ему, поскольку у местного населения, особенно на азиатской стороне боспорских владений, где жили синдо-меотские племена, существовали верования, сходные с греческими по их идейному содержанию. Они здесь также были тесно связаны с образом «великой богини», олицетворявшей плодородие природы, ее производительные силы.

Но в римское время, параллельно с этой традиционной линией развития религиозной жизни Боспора, наблюдаются некоторые новые и притом весьма интересные явления. Прежде всего бросается в глаза большое распространение на Боспоре во II—III вв. н. э. так называемых фиасов или синодов, представлявших собою религиозные общества, союзы. Об их существовании и внутренней организации сообщают многочисленные надписи, найденные в различных боспорских городах. На основании этих надписей надо считать установленным, что религиозные союзы существовали во всех крупных городах: Пантикапее, Феодосии, Фанагории, Горгиппии, Танаисе (отсюда происходит наибольшее число надписей, связанных с фиасами), а также и в более мелких поселениях, как Киммерик и т. п.

Религиозные общества были хорошо известны в античном греческом мире, начиная с эллинистического времени, преимущественно как объединения почитателей тех богов, которые чаще всего не принадлежали к числу официально почитаемых в данном городе или государстве.[96] Значительное количество таких обществ возникало вокруг культа иноземных, в частности восточных, божеств, приобретавших с течением времени особенно большую популярность в широких слояхна селения многих греческих городов особенно потому, что, не являясь государственными культами, они были доступны всем слоям общества, не исключая и неполноправных граждан (метэков) и даже совсем бесправных рабов.

Религиозные союзы были организациями частного характера, внутренний устав которых вырабатывался самими членами. Союзы преследовали религиозно-культовые цели. Вместе

с тем они нередко обладали значительным имуществом, денежными средствами и т. д., что вызывало необходимость в создании соответствующих органов управления внутри союза. Вступающие в тот или иной союз, уже организованный какой-либо инициативной группой, должны были удовлетворять определенным нравственно-религиозным требованиям; иногда необходимо было еще и платить вступительный взнос. Члены союза обычно обязаны были оказывать взаимную помощь.

Наиболее ранним эпиграфическим документом, свидетельствующим о существовании религиозных союзов на Боспоре, является пантикапейская надпись середины II в. до н. э., времени царствования Перисада IV Филометора (IPE, II, 19). Памятник этот был воздвигнут в честь богини Афродиты Урании, владычицы Апатура, членами религиозного союза (θιασῖται) во главе с председателем, который именуется в надписи συναγωγός. Так как отбитая часть надписи утрачена, невозможно установить численный состав этого фиаса, его полный список. В Пантикапее, следовательно, уже при Спартокидах в эллинистическое время существовал религиозный союз, который объединял почитателей богини Афродиты, главный центр культа которой находился, как известно, на азиатской стороне Боспора — в Фанагории и в Апатуре.

Существование религиозных союзов на Боспоре в доримское время является несомненным фактом; однако такие союзы были тогда явлением редким. Положение существенно изменилось в римское время, когда религиозные союзы стали существовать почти во всех боспорских городах и в них было вовлечено значительное количество людей.

В числе этих союзов мы встречаем такие, которые были организованы почитателями божеств, издавна пользовавшихся успехом на Боспоре. Таков фиас Афродиты, засвидетельствованный римской надписью из Гермонассы (Тамани).[97] Сюда же принадлежит и уже упоминавшийся фиас горгиппийских навклеров, т. е. купцов-судохозяев, объединившихся вокруг культа бога Посейдона. Во главе этого религиозного союза стояли: жрец (ἱερεύς), синагог (συναγωγός) и два попечителя (φροντισταί), из коих один, видимо, заведывал денежными делами фиаса, выполняя функции ἱερῶν οἰκονόμος.[98] Следует отметить, что жрецом фиаса являлся бывший наместник царства, синагогом был наместник Горгиппии, а в числе рядовых членов фиаса находились государственные финансовые чиновники. Близок к фиасу был и сам царь Савромат II, который почтил союз ценным даром. Это достаточно ярко характеризует социальный облик названного горгиппийского фиаса.

Однако большим успехом на Боспоре в римское время пользовались не такие фиасы, в которых поклонялись богам греческого пантеона. Исключительное распространение в рассматриваемую эпоху получили религиозные союзы, объединявшие почитателей ранее неизвестного на Боспоре безыменного бога, называемого обычно в надписях «богом высочайшим» (θεὸς ὕψιστος).[99] Он впервые упоминается в отмечавшейся уже нами горгиппийской манумиссии 41 г., в которой сообщается об освобождении одним местным жителем-рабовладельцем принадлежавшей ему рабыни (IPE, II, 400). Текст этой отпускной надписи начинается с посвящения «богу высочайшему, вседержителю благословенному» (θεῶι ὑψίστωι παντοκράτορι εὐλογητῶ), а далее указывается, что отпускаемая на волю посвящается в еврейскую молельню (προσευχή).[100]

Названный эпиграфический документ, как и ряд других боспорских манумиссий, исходивших от проживавших на Боспоре евреев и содержавших аналогичное упоминание «бога высочайшего», убеждают в том, что распространившийся на Боспоре в римское время культ этого божества складывался под влиянием монотеистических идей иудейской религии. Показательно, что некоторые эпитеты (παντοκράτωρ εὐλογητός — «вседержитель благословенный» и др), употреблявшиеся на Боспоре по отношению к безыменному «богу высочайшему», встречают прямые аналогии именно в иудейской религиозной терминологии. Но при этом надо отметить, что в тех случаях, когда надписи с упоминанием «бога высочайшего» сопровождались изобразительным символом, таковым обычно являлся орел, т. е. атрибут, свойственный древнегреческому Зевсу.

Все это приводит к выводу, что культ «бога высочайшего», привлекший к себе во II—III вв. н. э. на Боспоре обширное число приверженцев, был культом синкретическим, т. е. соединял в себе черты различных божеств, а именно — иудейского бога Яхве и греческого верховного бога Зевса. Некоторые исследователи склонны видеть в этом культе θεοῦ ὑψίστου еще и результат некоторого влияния христианской религии.[101]

Религиозный синкретизм, нашедший свое наиболее яркое проявление на Боспоре в культе «бога высочайшего», не представляет собой чего-либо необычного на общем фоне данной эпохи. Общеизвестна пестрая смесь культов в Риме и в римских провинциях в период империи, когда многие культы иноземных, и прежде всего восточных, божеств получали широчайшее распространение, успешно вытесняя старых, одряхлевших греко-римских богов, не удовлетворявших идеологическим требованиям античного общества на данной стадии его развития.[102] Одной из характерных черт этих культов, тесно переплетавшихся, а иногда и сливавшихся с некоторыми образами традиционных античных божеств, являлась их монотеистическая тенденция, выражавшаяся, прежде всего, в том, что то или иное божество часто представлялось как единственное «высочайшее» существо, безраздельно владычествующее над миром.

Необходимо особо подчеркнуть, что θεὸς ὕψιστος, ставший столь популярным на Боспоре в римское время и синкретически соединявший в себе черты нескольких божеств, воспринимался его почитателями не только как «бог высочайший», «внемлющий» (ἐπήκοος), «справедливый» (δίκαιος), но и как «бог всемогущий» (παντοκράτωρ). Настойчиво акцентировались сила и могущество бога. В этой связи представляется весьма выразительным эпитет, который применен в надписи на китейском храмовом столе, где, повидимому, тот же θεὸς ὕψιστος именуется «богом гремящим» (θεὸς βροντῶν). Такой эпитет обычно прилагался к Зевсу, а в Малой Азии еще и к Сабазию.[103]

Культ «бога высочайшего» привлекал к себе на Боспоре во II—III вв. множество приверженцев, которые и организовали большое количество религиозных союзов — фиасов — во всех важнейших боспорских городах.

В более ранний период число членов в фиасах обычно было невелико и ограничивалось чаще всего несколькими десятками человек. Позднее фиасы стали более многочисленными, и количество членов в некоторых религиозных союзах достигало 150 человек. Фиасы имели свою регламентированную внутреннюю организацию, построенную по принципу известной иерархии.

При некоторых оттенках и различиях в организационной структуре фиасов, имевших место на протяжении примерно двух столетий, в общем они отличались довольно однородным устройством.

Во главе фиаса обыкновенно стояло несколько человек, составлявших высшую руководящую коллегию союза. Почти всегда в официальных надписях первым упоминается жрец (ἱερεύς), который выполнял обрядовые функции, совершал жертвоприношения во время культовых собраний, и т. д.[104] В одной из надписей назван еще и ἱερομάστωρ, который был, повидимому, помощником жреца, выполнявшим различные подготовительные работы к священнодействиям. Почетным председателем фиаса, как правило, являлся «отец схода» (πατὴρ συνόδου), а фактически управляющим делами общества, созывающим собрания его членов, организующим культовые трапезы и т. п., был «сводитель» (συναγωγός).

Кроме того, почти во всех фиасах существовали должности «филагата» (φιλάγαθος) и его помощника «парафилагата» (παραφιλάγαθος), в обязанности которых, повидимому, входила проверка (δοκιμασία) моральных достоинств лиц, вступающих в фиас, а равным образом и наблюдение за нравственностью уже состоявших в фиасе.

Как можно судить по некоторым надписям, члены фиасов (θιασῶται, συνοδεῖται) называли друг друга братьями (ἀδελφοί), рассматривая, следовательно, фиас как одну семью, возглавляемую «отцом», причем, повидимому, в отличие от тех полноправных фиасотов, отцы которых уже состояли членами

фиаса, вновь принятые фиасоты назывались «приемными братьями» (ἀδελφοὶ εἰσποιητοί).[105] В некоторых фиасах их члены («братья»), делились на группы, во главе которых стояли старшины (πρεσβύτερος). Делопроизводство фиаса возлагалось на секретаря (γραμματεύς), а упоминающийся в некоторых надписях πραγματᾶς исполнял, очевидно, функции казначея.

Помимо выполнения соответствующих религиозных обрядов и определенных требований, касающихся нравственной жизни членов союза, в задачи фиасов входила забота о надлежащем воспитании детей в духе исповедываемой религии с тем, чтобы дети могли затем стать достойными сочленами данного религиозного союза. В соответствии с этим среди должностных лиц в фиасах обычно упоминается воспитатель или руководитель юношей (νεανισκάρχης) и наряду с ним гимнасиарх (γυμνασιάρχης). В надписи одного из горгиппийских фиасов упоминается «попечитель сирот» (ὀρφανοφύλαξ). Фиасы заботились о погребении своих сочленов и об установке на могиле надгробного памятника. На таких надгробных стелах обычно перечисляются имена руководителей фиаса, а также имя умершего фиасота, в память которого (μνήμης χάριν) воздвигнуто данное надгробие.

Фиасы издавали списки своих членов, имена которых высекались на каменной плите. Такие списки обычно начинались посвятительной формулой: «богу высочайшему». Вслед за тем упоминался с полным титулом соответствующий боспорский царь, во времена которого существовал данный религиозный союз. Лишь после этого следовало перечисление состава членов фиаса, начинавшееся словами: ἡ σύνοδος ἡ περί («сход, имеющий во главе . . .»). И дальше в строго определенном порядке, соответственно рангам, перечислялись должностные лица фиаса и их имена: жрец, «отец», синагог, филагат, парафилагат, неанискарх, гимнасиарх, секретарь. По окончании перечня руководящей верхушки фиаса следовала фраза: οἱ λοιποὶ θιασῶται («прочие фиасоты. . .»), за которой излагался поименный список рядовых членов фиаса.

В Танаисе имеются и такие списки личного состава фиасов, которые построены по несколько иной формуле. Они также начинаются с посвящения «богу высочайшему», но после слов ἡ σύνοδος ἡ περί на первом месте упоминается «бог высочайший», а затем уже следует жрец, синагог и т. д. Таким образом, бог здесь является как бы главенствующим членом фиаса. Подобные списки фиасов, имеющие мистический оттенок, более редки, нежели списки отмеченного выше типа.

Чем же следует объяснить столь значительную популярность на Боспоре во II—III вв. н. э. религиозных союзов, в которых были объединены многочисленные последователи безыменного «бога высочайшего»? Какие слои общества были представлены в этих фиасах и что их туда влекло? Судя по тем данным, которые могут быть почерпнуты из сохранившихся списков, в фиасы «бога высочайшего» входила преимущественно боспорская знать, во всяком случае ей принадлежало в фиасах руководящее положение. Это может быть подтверждено такими фактами. В танаидском списке фиасов 220 и 225 гг. назван в качестве жреца некий Хофразм, сын Форгабака, из других же танаидских эпиграфических документов мы узнаем, что одновременно с выполнением указанной функции в фиасах Хофразм занимал важный пост в административном управлении Танаиса (повидимому, он был эллинархом), а несколько позднее (в 236 г.) тот же Хофразм становится пресбевтом, иначе говоря — царским наместником Танаиса.

Не менее интересно, что среди членов фиаса, жрецом которого был упомянутый Хофразм, имеется Зенон, сын Фаннея, о котором из другой надписи мы знаем, что он в течение некоторого времени исполнял должность пресбевта Танаиса и был наместником области аспургианов (IPE, II, 430). Таким образом, не подлежит сомнению, что боспорские фиасы в римское время включали в себя представителей рабовладельческой верхушки. Об этом же говорит и вхождение в некоторые горгиппийские фиасы лиц, принадлежавших к составу военного командования боспорской армии — стратегов, лохагов; известен случай, когда функции жреца в фиасе

выполнял лохаг. Достойно внимания еще и то обстоятельство, что на всех надгробиях II в. н. э. со скульптурными рельефами, которые были воздвигнуты фиасами в память своих сочленов, умершие всегда представлены в виде воинов. Это дало повод одному из исследователей высказать предположение, что фиасы объединяли исключительно воинов. Такое заключение, естественно, вызвало возражение, как недостаточно обоснованное.[106] В самом деле, до нас дошло всего лишь с десяток такого рода надгробий, где фиасоты изображены воинами, тогда как религиозные союзы объединяли многие десятки и сотни людей. И все ли они имели отношение к военному делу, неизвестно.

Однако вхождение в фиасы царедворцев и представителей высшей рабовладельческой знати, равно как и военной верхушки, заставляет сделать вывод, что религиозные союзы «бога высочайшего», ставшие чрезвычайно популярными на Боспоре во II—III вв. н. э., являлись объединениями людей господствующего класса. Очевидно, это была одна из форм сплочения сил боспорских рабовладельцев, которых привлекал культ «бога высочайшего», т. е. синкретического божества, ассоциировавшегося в значительной степени с Зевсом и импонировавшего, прежде всего, своим всесильным могуществом. В период, когда социально-политическая обстановка становилась все более напряженной, когда неотвратимо назревал и приближался крах рабовладельческой системы, естественно, что упования господствующих слоев общества возлагались на сильного «гремящего» бога, поклонение которому явилось одновременно и средством объединения рабовладельцев в виде широкой организации религиозных союзов.

Глава двенадцатая

РАСПАД БОСПОРСКОГО ЦАРСТВА

Середина III в. н. э. является тем рубежом в истории Боспорского царства, который знаменует собой начало его упадка.

Наступление резкого перелома в жизни Боспора, переход ее в состояние острого кризиса, за которым уже следовала полоса неудержимо развивавшегося упадка, несомненно были обусловлены теми общими изменениями в северном Причерноморье, которые произошли в результате вторжения сюда новых племен, нарушивших установившийся ранее строй жизни.

Вторжение новых племен в причерноморские области повлекло за собой весьма тяжелые последствия не только для Боспорского царства, но и для всей Римской империи. Однако столь серьезное значение племенных передвижений III в. н. э. в смысле разрушительного их воздействия объясняется не столько исключительной силой натиска со стороны варварских племен, но в еще большей мере определялось слабостью сопротивления, которое могла оказать в это время Римская империя, переживавшая, особенно начиная с 30-х годов III в., период сильнейшего социально-политического кризиса. Этот кризис предвещал уже приближение неизбежной гибели римского рабовладельческого государства.

В конце II в. н. э. у римских границ в Дакии и Нижней Мэзии стали появляться передвигавшиеся с севера новые племена, оказывавшие нажим на жившее здесь старое оседлое

население. В 180 г. на территорию римской Дакии переселилось довольно значительное число обитавших на территории современной Галиции независимых даков, которые искали убежища от разорявших их селения варваров.

Предполагают, что это были первые группы готов, продвинувшиеся вплотную к границам Римской империи со стороны реки Вислы.[1] В начале III в. готы уже делали попытки пересекать границу и вторгаться на территории принадлежавших Риму земель, расположенных севернее Дуная. Летом 214 г. римские силы впервые пришли в непосредственное соприкосновение с тревожившими Дакию отдельными отрядами готов, над которыми император Каракалла тогда одержал победу.[2] Но в Риме, очевидно, уже начали понимать, что назревает весьма серьезная угроза как границам империи, тянувшимся севернее Дуная, так и северному побережью Черного моря с его греческими городами. Именно это и побудило Рим предпринять ряд мер по усилению своих военно-стратегических позиций в северном Причерноморье. Сюда относится произведенное в начале царствования императора Септимия Севера присоединение Ольвии к римской провинции Нижней Мэзии.[3] Присутствие римского гарнизона в Ольвии, стоявшего там со времен Антонина Пия, оказалось недостаточным, и в целях более эффективного использования города в качестве опорного пункта были предприняты указанные выше специальные меры.

Развернувшееся в первые десятилетия III в. усиленное строительство в Танаисе, особенно восстановление его оборонительных сооружений: крепостных стен, башен, ворот, также стояло, надо думать в связи с нависшей угрозой вторжения новых племен. Присутствие в Танаисе римского архитектора, который был руководителем строительных работ, вероятно являлось определенной помощью Боспору от Рима, который был, несомненно, заинтересован в надлежащей обороноспособности этого крайнего северо-восточного форпоста.

Довольно интенсивное проникновение в северное Причерноморье готских отрядов, повидимому, падает на 20—30-е годы III в. н. э., когда значительное количество их скопилось на римских границах западнее Ольвии и когда они еще не решались переходить пограничную линию.

Прекращение чеканки монет в Ольвии при Александре Севере, т. е. не позднее 235 г. (год смерти императора), — факт весьма показательный.[4] Нет основания считать, что город в это время непременно перешел в другие руки, тем более что мы точно осведомлены о пребывании римского гарнизона в Ольвии еще в 248 г. (IPE, I², 167). Но прекращение выпуска ольвийских монет свидетельствует о резком упадке торговли и общего экономического благосостояния города. Причиной этого, несомненно, явилась беспокойная обстановка в степных районах, а возможно, и разорение прилегающих к Ольвии земель по Бугу и Днепру проникшими сюда отрядами готов.

Зимой 237/238 г. император Максимин вел в Сирмии большие военные приготовления,[5] и если бы намечавшийся поход состоялся, готы, может быть, оказались бы решительным образом оттеснены от Причерноморья. Однако как раз в это время в Риме вспыхнула междоусобная борьба за власть. Вместо похода против готов Максимин с войском отправился в Италию, чтобы расправиться там со своим соперником Гордианом.

Это обстоятельство явилось для готов сигналом для перехода к действию. Готы, а вместе с ними и карпы, в 238 г. хлынули через долины рек Серет и Прут, пересекли Дунай, обложили город Истр и принудили его уплатить контрибуцию, а затем стали громить другие придунайские поселения.[6] Чтобы как-нибудь приостановить продвижение вторгшихся варваров и добиться их обратного отхода, наместник Нижней Мэзии вынужден был согласиться выплачивать ежегодную дань. Когда выплата дани прекратилась, а вместе с тем распространились вести о вновь разгоревшейся гражданской войне в Риме, готы совместно с карпами, тайфалами, бастарнами, вандалами в 248 г. огромной массой ворвались в Нижнюю Мэзию и дошли на этот раз до города Маркианополя, где оказанное гарнизоном сопротивление заставило варваров повернуть назад. Но вскоре поход на римские владения возобновился: карпы принялись опустошать Дакию, а готы повели наступление на Мэзию.

Ареной ожесточенной борьбы стала почти вся Фракия. Несмотря на отдельные неудачи, готы перевалили на южную сторону Балканских гор и, воспользовавшись отсутствием надлежащей бдительности и боеспособности стоявшего там римского войска, нанесли ему тяжелое поражение, а затем овладели крупным городом Филиппополем, что было облегчено изменой коменданта города.[7] Огромное количество жителей Филиппополя было перебито,[8] а остальная часть обращена в рабов. При попытке преградить путь готам во время возвращения их на север с награбленной добычей, римские войска вместе с возглавлявшим их императором Децием попали в болотистую местность и завязли там. Воспользовавшиеся этим готы окружили римлян и истребили их почти полностью, при этом погиб и командовавший войском император.

Провозглашенный остатками дунайской армии в качестве очередного римского императора, Галл вынужден был заключить унизительный мир. За очищение территории, принадлежавшей Риму, последний обязан был платить готам ежегодную дань. Кроме того, они получали право беспрепятственно увести с собою всю захваченную добычу, не исключая и пленных жителей. Все эти события воочию показали слабость и неспособность Римской империи противостоять натиску варваров. Непрекращавшаяся борьба претендентов на императорский трон, внутреннее экономическое и политическое разложение империи являлись весьма благоприятными условиями для дальнейшего усиления агрессивной активности готов и других варварских племен. Время царствования императоров Валериана и Галлиена (253—268 гг.) было периодом наиболее бурных и опустошительных готских набегов, парализовавших на несколько десятилетий возможность нормальной жизни во всех прилегавших к Черному морю областях.

Когда речь идет о готских набегах на римские владения в III в. н. э., надо иметь в виду, что готы здесь действовали не одни, а совместно со многими другими варварскими племенами. Среди них были племена, родственные, этнически близкие готам, но было немало и таких племен, которые, не имея ничего общего с готами по своему этническому происхождению, были вовлечены в общее движение, направленное на опустошение владений Римской империи. Готы являлись одним из наиболее активных элементов в этих походах, что и давало основание нередко приписывать их всецело готам.

В 40—50-х годах III в. поток племенных передвижений, охвативший Причерноморье, подошел непосредственно к району нижнего Дона и берегам Азовского моря.

Последние датированные танаидские надписи из числа дошедших до нас относятся к 237 г. Интересно, что в этих надписях говорится о восстановлении башен и источника воды; стало быть, город в то время укреплялся, готовясь к отражению вражеского нападения.

Но все эти меры не смогли спасти города. Прекращение танаидских официальных надписей, которые в первой половине III в. н. э. были весьма многочисленны и свидетельствовали о бившей ключом жизни крупного торгового города, с полной определенностью говорит о постигшей Танаис беде.

Древние писатели сообщают о выходе к берегам Азовского моря племени боранов, в которых, повидимому, следует видеть готов.[9] Вероятнее всего, что именно бораны и овладели Танаисом — основной торговой и военно-опорной базой Боспора на крайней северной границе его владений. Тогда же нависла опасность и над главнейшими жизненными центрами Боспора в районе Керченского пролива, тем более что одновременно с выходом на Дон и Азовское море бораны-готы, повидимому, проникли и в Крым с севера, что создавало угрозу Боспору как с моря, так и с суши, откуда могли напасть бораны и, возможно, шедшие с ними другие варвары. Всех их некоторые древние писатели называли общим условным именем скифов, как обыкновенно принято было по традиции именовать жителей степных районов северного Причерноморья даже тогда, когда там основным населением стали уже не скифы, а сармато-аланские племена.

Мог ли Боспор рассчитывать в этот критический момент на помощь Рима? Ответ на указанный вопрос явится сам собой,

если мы вспомним, что в 40-х годах III в. бывшие в Крыму римские войска были выведены для усиления придунайской армии. Греческие города северного Причерноморья оказались предоставленными сами себе. Насколько безнадежно было ожидать какой-либо помощи от Рима, убедительно показывали события, происходившие тогда в западном Причерноморье. Внутренние неурядицы, непрекращавшаяся борьба за власть в Риме привели к тому, что в это чрезвычайно напряженное время значительная часть римских войск была переброшена из придунайских провинций в другие места.

Пользуясь обнаженностью границ, готы в 254 г. перешли Дунай и стали беспрепятственно хозяйничать во всей Фракии.[10] Готские отряды дошли до Фессалоник и только тут встретили надлежащее сопротивление гарнизона, что приостановило их дальнейшее продвижение. С обильными трофеями готы вернулись обратно на север. Такие походы за добычей стали происходить почти ежегодно, и в конечном счете готы совместно с карпами овладели всей Дакией. С 257 г. эта провинция перестала принадлежать Римской империи.[11] С большим трудом римлянам удалось удержать границу своих владений непосредственно по реке Дунаю.

Не рассчитывая при таких условиях на успех сопротивления своими силами, правящие верхи Боспора решили итти на соглашение с вторгшимися в пределы государства варварами и тем самым обезопасить свои главные города от захвата и разрушения. В силу этого соглашения бораны получили возможность свободного прохода через пролив из Азовского в Черное море, причем Боспор брал на себя обязательство предоставить свой флот для транспортировки варваров в другие районы Черноморья, где можно было получить хорошую добычу.

Первый поход из Азовского моря состоялся в 256 г.[12] На боспорских судах, которые, несомненно, обслуживались боспорскими же экипажами, пираты вышли в Черное море и взяли курс на Кавказское побережье. Высадка была произведена в районе города Питиунт, являвшегося не только крупным

торговым пунктом, но и сильной крепостью: город окружали мощные стены; охрану крепости нес гарнизон во главе с энергичным начальником Сукцессианом. Гарнизон вступил в упорную борьбу с окружившими город пиратами, и последние под страхом полного их уничтожения обратились в бегство, воспользовавшись для этого некоторыми судами, которые оказались в это время в гавани. Уцелевшие пираты вернулись на свои исходные места. Повидимому, по первоначальному замыслу, отправлявшиеся в поход бораны не предполагали возвращаться на север, что, разумеется, могло восприниматься боспорцами как в высшей степени благоприятное обстоятельство, сулившее возможность освободиться от крайне опасных пришлых соседей. Но надежды эти не оправдались вследствие постигшей пиратов неудачи.

Вскоре, а именно осенью 257 г., была повторно предпринята подобная же экспедиция, в которой вместе с боранами участвовали также остготы.[13] Учитывая опыт первой кампании, пираты решили теперь не отпускать боспорские корабли после высадки, как это было неосмотрительно сделано в первый раз, а держать их в постоянной готовности к обратному принятию высадившихся на берег в случае могущей произойти неудачи.

Флотилия подошла к кавказскому берегу в районе города Фасиса (близ устья реки Риона). После неудачной попытки разграбить находившееся там богатое святилище фасианской богини Кибелы экспедиция направилась к Питиунту, где годом раньше боранов постигла неудача. Город, застигнутый теперь врасплох, попал в руки пиратов. Гарнизон, во главе которого уже не было Сукцессиана, отозванного императором Валерианом для выполнения ответственного задания в Сирию, подвергся полному истреблению. Самый факт отозвания энергичного руководителя гарнизона города показывает, насколько еще в Риме не уяснили себе всей реальной опасности, которую представляли эти тогда еще только начинавшиеся морские походы готов.

Увеличив флот за счет захваченных в Питиунте кораблей и использовав многочисленных пленных в качестве гребцов,

пираты направились дальше на юг. Следующим объектом для нападения был избран город Трапезунт, который со времени императора Адриана стал одним из самых благоустроенных и богатых городов южного Причерноморья. Пираты без особенного труда овладели Трапезунтом, хотя его окружали мощные двойные стены и в нем находился большой гарнизон. Но войска эти представляли собой морально разложившуюся, недисциплинированную массу, которая без промедления разбежалась, как только начался штурм города. К пиратам попали огромные богатства и множество пленных, так как, помимо постоянного населения, в городе находилось еще и много окрестных жителей, укрывшихся здесь как в наиболее надежном месте. Кроме Трапезунта, опустошению подверглась вся прилегающая к нему область. Следует особо отметить указание древних писателей на то, что совместно с вторгшимися варварами действовало и некоторое количество местных жителей, которые разоряли дома богатых.[14] Очевидно, вторжение готов и неспособность местных властей противостоять им были использованы низами, т. е. бесправными и угнетенными группами населения, чтобы отомстить своим поработителям.

С богатыми трофеями вернулись пираты назад на Боспор. Ни малейшей попытки помешать на море этому возвращению сделано не было. Римского военного флота как реальной силы в это время в Понте уже не существовало, хотя в надписях западного Причерноморья в середине III в. еще упоминается classis flavia moesica gordiana.[15]

Успех похода оказался весьма соблазнительным, и вскоре подобная же экспедиция, но в еще более крупных масштабах, была организована готами с северо-западной стороны Причерноморья.

Весной 258 г. из Тиры новая экспедиция отправилась на юг; она состояла из флота и сухопутных сил, двигавшихся параллельно флоту по западному черноморскому побережью через города Истр, Томы, Анхиал. Выйдя к Боспору Фракийскому, сухопутные отряды на рыбачьих ладьях переправились на малоазийский берег, и здесь начался последовательный разгром

одного города за другим. Цветущие торговые города Малой Азии — Калхедон, Никомедия, Никея, Кий, Апамея, Пруса — подверглись разграблению, а некоторые города (Никея и Никомедия) сверх того были сожжены. Римский император Валериан, занятый в это время войной с персами, направился с войсками из Сирии в Малую Азию, но было уже поздно, так как готы, быстро закончив свое дело, успели уйти обратно вместе с добычей.

Весть о пленении имеператора Валериана персами в 260 г. послужила сигналом к дальнейшему усилению натиска варваров на империю. Аламанны проникли в Италию, языги и квады действовали в области среднего течения Дуная.[16]

В 263 г. готы предприняли поход с западной стороны Черноморья через Геллеспонт на Малую Азию. Был снова захвачен Калхедон, разрушены Илион и ряд ионийских городов, в том числе Эфес вместе с его знаменитым храмом Артемиды Эфесской.

Год спустя набег на Малую Азию был повторен со стороны Боспора Киммерийского. Высадившись, повидимому, в Трапезунте, пираты проникли в Каппадокию, Галатию, Вифинию а затем вернулись с добычей на Боспор.[17] В 266 г. разграблению подверглись лишь Вифиния и город Гераклея Понтийская.[18]

Самым страшным по своему размаху и по разрушительности был поход 267 года, предпринятый из Азовского моря явившимися сюда отрядами родственного, повидимому, готам племени герулов.[19] Как сообщают древние, герулы вышли из Азовского моря на 500 судах.[20] Очевидно все, что только можно было использовать из транспортных средств Боспора, оказалось в распоряжении герулов.

Огромная пиратская армада пересекла Черное море, вошла в устье Дуная и стала громить прилегавшие к Дунаю местности; но ввиду отпора, оказанного здесь римскими отрядами, пираты повернули в море и пошли по направлению к Боспору Фракийскому. Прорвавшись в Мраморное море, герулы напали на город Кизик, а затем, выйдя в Эгейское море, подвергли разорению острова архипелага Лемнос и Скирос. Наконец,

высадившись в Греции, пираты развернули опустошительнейшую деятельность на обширной ее территории. Афины, Коринф, Спарта, Аргос, вся Ахайя были разграблены самым основательным образом. Усилиями греческого ополчения под командой афинянина Дексиппа, а также римских войск и флота герулам был нанесен сильный урон. Они потеряли свои корабли и вынуждены были пробиваться на север по суше, через Беотию, Эпир, Македонию, причем попутно еще испытали ряд чувствительных ударов от римских войск, прежде чем им удалось перебраться за Дунай. Невзирая на это, уже в 268 г. снова был предпринят аналогичный поход в еще более расширенных размерах из устья Днестра, явившегося сборным пунктом для целой армии пиратов, в состав которой входили готы, герулы, певкины, гепиды и др.[21]

Проникнув в Эгейский бассейн, они стали нападать на побережье Греции, Малой Азии и на острова Крит, Родос, Кипр. Правда, сухопутные силы этой армии варваров, действовавшей на Балканах, при отходе на север были жестоко разгромлены у города Наисса (Ниш) римскими войсками во главе с императором Клавдием, а пиратский флот, сосредоточенный у берегов Греции, был уничтожен; но та часть готов, которая громила берега Малой Азии, все же смогла вернуться в Черное море.

Хотя в начале 70-х годов императору Аврелиану удалось достигнуть серьезных успехов в борьбе с готскими набегами на придунайские области, все же осенью 275 г., как только разнеслась весть об убийстве Аврелиана в Малой Азии, во время его похода против персов, из Азовского моря был предпринят еще один, но, кажется, уже на этот раз последний крупный поход на Малую Азию. Об этническом составе участников этого похода данных нет, так как в дошедших до нас источниках они именуются просто варварами или боспорскими скифами; все же имеются основания думать, что и теперь это были в основном те же герулы и остготы.[22]

Высадка была произведена в районе устья реки Фазис (Рион) с намерением, повидимому, ограбить ближайший город Фасис. Оттуда пираты прошли вдоль черноморского побережья

в Понт, а затем углубились на юг, в Галатию и Киликию, подвергая разграблению встречавшиеся на пути населенные пункты. Против готов выступил с войском император Тацит, который, нанеся им частичное поражение, поручил продолжение военных действий своему брату Флориану, а сам направился в Европу, но по дороге был убит заговорщиками. Флориан небезуспешно продолжал борьбу, и был даже такой момент, когда готам угрожало полное истребление. Но в это время против Флориана поднял восстание Проб, что заставило первого повернуть силы против своего конкурента. Этим воспользовались готы, и уцелевшие их отряды смогли вернуться осенью 276 г. на север.

Нетрудно представить себе, как должна была отразиться обстановка, сложившаяся в третьей четверти III в. в бассейне Черного моря, на экономическом состоянии Боспора. Само собою разумеется, что о каком-либо регулярном торговом обмене, который до того весьма оживленно велся между Боспором и, прежде всего, малоазийскими городами южного Причерноморья, не могло быть и речи. Черное море на несколько десятилетий превратилось в арену деятельности грандиозных пиратских армий, ставших полными хозяевами положения. При таких условиях обычному черноморскому и, в частности, боспорскому купцу делать было нечего, тем более что торговые центры Малой Азии — основные контрагенты Боспора в римский период — были одним из основных объектов нападения пиратов и в силу этого, конечно, не могли поддерживать тот обмен, на котором зиждилось их процветание, а вместе с тем и процветание Боспора. Событиями 50—70 гг. III в. н. э. боспорской торговле был нанесен такой удар, после которого восстановить прежнее положение уже было невозможно.

Вторжение готов и других племен, а также превращение Боспора в организационную базу набегов на причерноморские города и области губительно отразились не только на внутренней хозяйственной жизни Боспора, поскольку с потерей заморских рынков был парализован нормальный товарообмен. Обострились и стали выступать наружу внутренние социальные

противоречия, присущие Боспору как рабовладельческому, хотя и сильно варваризованному государству в период его упадка.

У ранне-средневекового историка Зосима сохранилась очень ценная характеристика обстановки, создавшейся на Боспоре в период готских нашествий. В 256 г. бораны предприняли первый поход из Азовского моря на Кавказское побережье, осуществив его, по словам Зосима, «при посредстве жителей Боспора, которые скорее из страха, чем из расположения, дали им [т. е. варварам] суда и показали путь к переправе». Зосим пересказывает то, что он почерпнул из недошедшего до нас сочинения «Σκυθικά», составленного афинянином Дексиппом.[23] В нем были описаны войны III в. н. э. между римлянами и племенами, находившимися севернее Дуная, а также в северном Причерноморье, т. е. войны, главным образом, с готами, именуемыми Дексиппом скифами. Дексипп был не только современником этих событий, но и непосредственным участником борьбы с готами, во время вторжения последних в Грецию в 267 г.

Вот что говорит устами Зосима афинянин Дексипп о внутреннем положении в Боспорском царстве около середины III в. «Пока у них [т. е. у боспорцев] были цари, получавшие власть по наследству, т. е. сын от отца, то вследствие дружбы римлян, благоприятно развивавшихся торговых сношений и ежегодно посылаемых им [т. е. боспорским царям] императорами даров они постоянно удерживали скифов, желавших переправиться в Азию. Когда же по исчезновении царского рода во главе правления стали недостойные и презренные люди, то, боясь за себя, они предоставили скифам проход через Боспор в Азию, переправив их на собственных судах. . .».[24]

Таким образом, по мнению современников, благополучие Боспора до середины III в. покоилось на хорошо налаженной торговле, стабильности системы государственного управления, т. е. устойчивом положении боспорской рабовладельческой монархии и денежных субсидиях Рима, предназначавшихся для поддержания хорошо вооруженной армии. При этих условиях Боспор оставался союзником Рима и помогал сдерживать

напор варваров («скифов») на римские владения. Под последними у Зосима имеется в виду Азия, т. е. малоазийские провинции Рима. И, действительно, Боспор, как известно, с помощью своего флота успешно вел борьбу с развитием пиратства в Черном море и тем самым способствовал безопасности южного Причерноморья. Вспомним хотя бы Савромата II, при котором в конце II в. н. э. благодаря действиям боспорского флота Черное море у южного берега, вдоль Вифинии и Понта, было сделано «свободным для мореплавателей» (см. стр. 335). Боспор вместе с тем, несомненно, сковывал в Приазовье и на Северном Кавказе активность кочевых алано-сарматских племен. Последних Рим имел все основания бояться, прежде всего, в Малой Азии, поскольку были случаи весьма грозного прорыва туда алано-сарматских племен через Кавказ.

Положение в середине III в. изменилось. Боспор перестал фактически выполнять обязанности римского союзника. Одну из главных причин такого изменения в поведении правителей Боспора Зосим, вернее стоящий за ним Дексипп, видел в нарушении внутреннего порядка на Боспоре. Из слов Зосима можно было бы даже заключить, что на Боспоре в середине III в. прекратилась прежняя династия и власть «незаконно» перешла в другие руки. В действительности имело место, повидимому, не полное устранение прежней боспорской династии Тиберия Юлиев, а лишь временный захват власти какими-то претендентами, которые, однако, спустя некоторое время были вытеснены, а положение старой правящей династии восстановлено.

На основании боспорских монет известно, что с 239/40 г. царем Боспора был Рискупорид V. Его статеры (табл. VI, 94) непрерывно выпускаются до 50-х годов включительно. Но в период, когда стали развиваться бурные события, связанные с пиратскими походами, предпринимавшимися из Азовского моря, параллельно с выпуском статеров Рискупорида V появляются «статеры» некоего царя Фарсанза.[25] Последние чеканились в 253/54 и 254/55 гг., причем внешне они имели вид обычных принятых на Боспоре монетных типов: на одной сто-

роне изображен бюст царя и круговая надпись βασιλέως Φαρσάνζου, на другой — бюст римского императора и дата выпуска по боспорской эре.

Выпуск монет от имени правителя, носящего необычное — и притом явно варварское — имя, одновременно с монетами Рискупорида V заставляет считать вполне вероятным, что в лице Фарсанза надо видеть одного из тех «недостойных и презренных людей» на боспорском троне, как именует их Зосим, появление которых якобы способствовало развитию варварских нашествий на римские владения со стороны Боспора Киммерийского. Но пребывание Фарсанза у власти было непродолжительным, поскольку монеты его охватывают лишь два года, тогда как монеты Рискупорида V продолжаются (с коротким перерывом в 257—261 гг.) до 267/68 г. Затем наступает длительный перерыв в чеканке боспорских монет на протяжении 7 лет (до 275/76 г.).

Весьма вероятно, что и в этот период на Боспоре происходила внутренняя борьба, о которой до нас сведения не дошли. Это были годы самых ожесточенных и разрушительных готских набегов на римские владения. Возможно, к этому времени относится загадочный царь Хедосбий, имя которого сохранилось на одном из фрагментов каменной плиты, найденной в 1913 г. в Керчи и относящейся, судя по форме букв надписи, ко второй половине III в. н. э.[26] Это единственный документ, в котором сохранилось имя царя Хедосбия; монет с его именем нет.

К сожалению, мы не знаем ни подробностей этой внутренней борьбы, происходившей на Боспоре, ни ее движущих сил. Резко отрицательное отношение к боспорским правителям, не принадлежавшим к старому роду и представлявшим собой, очевидно, «узурпаторов», переданное у Зосимы и являющееся, несомненно, отражением романофильского взгляда на положение вещей его первоисточника, т. е. Дексиппа, подсказывает определенный вывод. Можно думать, что стремление к ниспровержению установившихся на Боспоре порядков исходило в 50—60-х годах III в. от социальных низов, и прежде всего от угнетенной части населения, пытавшегося поднять

голову, пользуясь теми затруднениями, которые испытывало рабовладельческое Боспорское государство в результате вторжения новых варварских племен.

С наступлением перелома в политическом положении Рима при императоре Аврелиане (270—275 гг.), когда на некоторое время там удалось достигнуть относительной стабилизации, происходит изменение обстановки и на Боспоре. После готского похода 275—276 гг. больше не слышно о каких-либо значительных пиратских экспедициях из Боспора Киммерийского. В 275/76 гг.. снова появляются боспорские монеты, теперь с именем Савромата IV. По всей видимости, на Боспоре снова укрепилась старая царская династия Тиберия Юлиев.

Большой интерес представляет найденная в Керчи мраморная база с посвятительной надписью времени царя Тейрана, правившего Боспором после Савромата IV, с 275/76 г. до 279/80 г., и именуемого в надписи обычным титулом «друга кесарей и друга римлян» (IPE, II, 29). Памятник был воздвигнут в честь «богов небесных: Зевса Спасителя (Ζεὺς Σωτήρ) и Геры Спасительницы (Ἥρα Σώτειρα), за победу царя Тейрана и вечное пребывание [его] и за царицу Элию». Отсюда следует заключить, что при Тейране была одержана какая-то весьма крупная победа, расценивавшаяся господствующим классом Боспора как событие, равносильное спасению государства. Значительность этой победы подтверждается и сооружением специального памятника, воздвигнутого от имени всех царедворцев и представителей боспорской знати. Их имена перечислены на трех сторонах мраморной базы. Здесь упомянуты: жрец, который ранее был лохагом, т. е. начальником военного отряда; наместник царской области, он же и наместник Феодосии; тысяченачальник (хилиарх), совмещавший в своем лице начальника области аспургианов, и много других государственных чинов. Наличие в этом списке наместника Феодосии показывает, что боспорские владения в Крыму продолжали простираться до Феодосии. Равным образом, упоминание начальника области аспургианов подтверждает принадлежность Боспору основной его территории на азиатской стороне. Из тех

тяжелых испытаний, которые выпали на долю Боспора в период между 255—275 гг., он вышел относительно благополучно, во всяком случае сохранив и удержав за собою основные земли и главнейшие города по обе стороны Керченского пролива.

Нанесенный готскими морскими походами ущерб черноморской торговле, разорение причерноморских, и прежде всего малоазийских, городов, — все это самым болезненным образом должно было отразиться на экономике Боспорского государства, потерявшего к тому же почти весь свой флот, который с таким усердием использовался для пиратских экспедиций, сопровождавшихся каждый раз значительными потерями транспортных средств.

О том, каковы были последствия событий 50—70-х годов III в., можно судить по состоянию боспорских городов и поселений, из которых многие во второй половине III в. стали быстро хиреть. Такие боспорские города, как Нимфей, Мирмекий, Илурат и многие другие более мелкие поселения уже в начале IV в. обезлюдели и стали быстро замирать. Продолжали жить большие города: Пантикапей, Фанагория, а также крупные земледельческие поселения, вроде Китея, а равным образом поселения рыбопромысловые, как, например, Тиритака, хотя и в них масштабы хозяйственной жизни всё более и более сокращались.

Внешняя торговля, пришедшая в полный упадок в третьей четверти III в., уже не только не могла подняться до прежнего уровня, но даже и не была в состоянии приблизиться к нему в отдаленной степени. Оживление торговли с заморскими странами носило теперь весьма скромные размеры. Импорт товаров был в высшей степени ограниченным, равно как и вывоз сельскохозяйственных продуктов Боспора теперь уже велся далеко не в тех масштабах, как прежде. Хозяйственная жизнь Боспора приобрела более замкнутый характер, будучи слабо связанной с внешними рынками сбыта, расположенными вне северного Причерноморья. Обмен становился более местным, поскольку он протекал теперь преимущественно между городами Боспора и его же сельскохозяйственной периферией. Ремесленники, сосредоточившиеся в больших боспорских горо-

дах, изготавливали в это время хозяйственную и простую обиходную посуду, металлические изделия, предметы украшения и т. п. для сбыта населению боспорских земель, почти переставшему получать импортные товары. Продукты животноводства, сельского хозяйства, рыбного промысла шли преимущественно на удовлетворение местных потребностей.

Извне на Боспор в некотором количестве привозились стеклянные изделия, возможно также импортировалось немного керамической посуды.

Упадок морской торговли, особенно экспорта, сильно подорвал финансовые ресурсы государства. Уже на протяжении первой половины III в. н. э. монетное дело Боспора всё более и более отчетливо отражало напряженность состояния финансов государства. Истощение запасов золота вынуждало боспорских царей выпускать монеты, у которых сохранялся внешний тип и номинал золотых статеров — основной монеты Боспора со времени Августа (с 9 г. до н.э.), но с весьма пониженным фактическим содержанием золота. При Рискупориде III боспорские статеры (табл. VI, *91*) содержали 30% золота, остальное составляли серебро (40%) и медь (30%).[27] Параллельно продолжался еще выпуск медной монеты — денариев. Статеры, выпускавшиеся уже после Рискупорида III, при Котисе III и Савромате III, имеют лишь легкий желтоватый оттенок, что свидетельствует о преобладании в них серебра и незначительном присутствии золота. При Рискупориде IV (233/34—234/35 гг.) и Ининфимее (234/35—239/40 гг.) монеты приобретают серовато-белый цвет, так как они сделаны из биллона, т. е. низкопробного серебра. В состав этих монет входит 10—25% серебра, остальное — медь.[28]

Повидимому, в целях сохранения некоторой (хотя бы призрачной) видимости связи этих монет с золотом в сплав указанного низкопробного биллона вплоть до 60-х годов III в. подмешивалось ничтожное количество золота, примерно $^1/_2$%. Начиная с 275 г., боспорские «статеры» чеканились уже просто из меди. Государство не в состоянии было обеспечить даже добавку серебра, не говоря о золоте. Выпуск медной монеты,

который до того производился наряду с биллоновыми статерами, теперь, когда сами статеры стали медными, естественно, прекратился. Выродившиеся «статеры», чеканенные из чистой меди, продолжали внешне сохранять прежний тип. Одну сторону монеты занимал бюст боспорского царя, другую — бюст римского императора и дата выпуска монеты. Эти изображения теперь отличались, однако, весьма грубым схематическим исполнением. Такого рода «статеры» выпускались вплоть до начала 30-х годов IV в. н. э., когда чеканка монет на Боспоре совсем прекратилась, о чем еще будет речь ниже.

Весьма интересна, как штрих, ярко характеризующий условия жизни в рассматриваемый период, сделанная в 1937 г. при раскопках города Тиритаки находка большого монетного клада, содержавшего 2093 боспорских статера, из которых самые ранние относятся к 234 г., а самые поздние — к 276 г.[29] Клад, таким образом, охватывает время от Ининфимея до Тейрана. Какой-то тиритакский состоятельный житель, возможно один из местных рыбопромышленников, накопив в течение длительного времени деньги, решил их затем зарыть в землю. Монеты при этом были помещены в глиняный кувшин, а горло его закупорено каменной пробкой. Зарытие клада произошло или в 276 г., или в один из ближайших после этого годов. Но припрятывание монет в целях создания денежного запаса в основном падает на 50—60-е годы, т. е. на крайне тревожное и тяжелое для Боспора время. Очевидно, условия этого периода, порождавшие полную неуверенность в завтрашнем дне, вызвали у неизвестного обитателя Тиритаки желание застраховать себя от возможности оказаться в безнадежно бедственном материальном положении.

275—276 гг. — это время последнего большого готского морского похода, организованного из пределов Азовского моря. Вместе с тем известно, что воцарившийся тогда же Тейран одержал какую-то серьезную победу, торжественно и многозначительно отмеченную в указанной выше надписи на пьедестале памятника. Повидимому, воспользовавшись ослаблением сил готов, что было вызвано очередным их походом на Малую

Азию, Тейран удачно предпринял военные действия, которые привели к поражению обосновавшихся в районе Боспора готов. Естественно, что в период этих бурных событий и появилось желание понадежнее спрятать накопленные сбережения. Кроме того, резко ухудшившееся как раз в это время качество новых выпусков боспорских статеров, отныне ставших медными, могло явиться достаточно серьезным дополнительным стимулом для сбережения статеров предшествующих выпусков, чеканенных еще из биллона.

При исключительной скудости литературных и эпиграфических сведений о Боспорском царстве, относящихся к последнему периоду его существования, особенно значительный интерес представляет найденная в Керчи посвятительная надпись 306 г., которая проливает некоторый свет на положение Боспора в начале IV в.[30] Поводом к сооружению этой надписи, посвященной «богу высочайшему и милостивому», явилась постройка в Пантикапее иудейского молитвенного дома, т. е. синагоги (προσευχή), Аврелием Валерием Согом, сыном Олимпа, исполнявшим должность наместника Феодосии (ὁ ἐπὶ τῆς Θεοδοσίας). Последнее позволяет заключить, что еще в начале IV в. Боспор продолжал удерживать город Феодосию; следовательно, западная граница боспорских владений в Крыму оставалась прежней. Вместе с тем интересна характеристика общественной физиономии Сога, насколько о ней можно судить по заключенным в надписи сведениям. В надписи указано, что Сог σεβαστόγνωστος, т. е. известен августам. Под последними имеются в виду два римских императора-соправителя: Диоклетиан и Максимиан, которые и удостоили Сога почестями за какие-то заслуги. Очевидно, Сог успешно подвизался в течение некоторого времени на римской службе вне Боспора, в какой-то римской провинции. Такой вывод подтверждается указанием, что Сог назван также Олимпианом в провинции (ἐν τῷ ἐπαρχείῳ) и что он «много путешествовал, 16 лет отсутствовал». Свою преданность Риму Сог проявил даже и тем, что, согласно римскому обычаю, имел три имени. Из них одно было личным; оно подтверждает боспорское происхождение его носи-

теля, поскольку имя Сог было одним из весьма употребительных на Боспоре в римское время. Два других имени Сог, несомненно, носил в честь римского августа Аврелия Валерия Максимиана. Первый издатель надписи В. В. Латышев предполагал, что Боспорское царство в начале IV в. возможно было низведено до положения провинции, поскольку Боспор в надписи обозначен термином ἐπάρχειον, а не βασιλεία. Такое заключение, однако, нельзя признать обоснованным. Как уже отмечалось выше, под упоминаемой в надписи провинцией (ἐπάρχειον) подразумевается скорее не Боспор, а та область Римской империи, где Сог пребывал, находясь вне пределов Боспора, и где он получил еще одно, четвертое имя. Отсутствие в надписи Сога упоминания боспорского царя также не может служить аргументом в пользу предположения о превращении Боспорского царства в римскую провинцию. В посвятительных надписях культового характера,— а такой именно и является надпись Сога,—очень часто боспорские цари не упоминались.

Если нет основания говорить о превращении Боспора на рубеже III—IV вв. в римскую провинцию, то все же в связи с некоторой временной политической стабилизацией Рима, происшедшей при Диоклетиане, зависимость Боспора от Рима на известный период, приблизительно соответствующий времени правления Диоклетиана, очевидно, значительно усилилась. К такому выводу обязывает надпись (IPE, II, 363), высеченная в 307 г. на надгробном памятнике, который был воздвигнут в память Марка Аврелия Андроника, сына Паппы, бывшего наместником царства (πρὶν ὁ ἐπὶ τῆς βασιλείας), и его сына Алексарфа, военачальника (он был λοχαγός, т. е. начальник отряда войск). Памятник этот поставили власти Агриппии и Кесарии: Ἀγριππέων (καὶ) Καισαρέων ἄρχοντες.[31] Интересно, что в данном случае воскрешены были те новые названия боспорских столиц, которые возникли еще при императоре Августе, представляя собой тогда определенную форму выражения верности Риму со стороны правящих верхов Боспора.

Однако эти переименования Пантикапея в Кесарию, а Фанагории в Агриппию не получили, как известно, популярности

на Боспоре; особенно не встретило успеха новое название Пантикапея.[32] Вряд ли случайно нет ни одной боспорской надписи, в которой было бы употреблено название Кесарии. Оно фигурирует лишь на медных монетах времени Динамии. Видимо, правителям Боспора не очень импонировало переименование их столицы, произведенное в начале I в. н. э. и чересчур резко подчеркивавшее ограничение суверенитета Боспорского царства Римской империей.

Появление в начале IV в. в указанной выше надписи, текст которой был составлен какими-то лицами из состава боспорской правительственной администрации (ἄρχοντες), названий не только Агриппии, но и Кесарии, может быть объяснено лишь тем, что при соответственно сложившихся в то время политических взаимоотношениях между Римом и Боспором вторые, «романофильские» имена боспорских столиц потребовалось пустить в ход, чтобы продемонстрировать полную лояльность правящих верхов Боспора к Риму.

Боспор, однако, продолжал и в начале IV в. оставаться самостоятельным государством. На основании монет известно, что с 278/79 по 308/09 гг. правителем непрерывно был царь Фофорс (табл. VI, *95*), которого сменил Радамсад или Радамсадий (308/09—318/19 гг.) (табл. VI, *96*), а затем — Рискупорид VI (табл. VI, *97*). Сохранение прежнего типа боспорских статеров с изображением на одной их стороне бюста боспорского царя, а на другой римского императора показывает, что на протяжении первых десятилетий IV в. Боспор формально продолжал оставаться зависимым от Рима государством. Другой вопрос, насколько эта зависимость была теперь прочной и реальной. Вряд ли в тот период Римская империя была в состоянии действенно осуществлять свой протекторат над Боспором. Из всех пунктов северного Причерноморья один лишь Херсонес безусловно продолжал оставаться морской базой и стратегическим аванпостом, который империя с определенной последовательностью и настойчивостью продолжала удерживать за собой на протяжении IV в., тогда как отношения с Боспором были гораздо более сложными и далеко не столь ясными.

В сочинении византийского императора Константина Порфирородного «Περὶ ἐθνῶν» имеется подробное описание войны, которую якобы Боспор вел против Рима во времена императора Диоклетиана.[33] При этом в качестве тогдашнего правителя Боспора назван царь Савромат, сын Крисконора, хотя достоверно известно, что в тот период, при Диоклетиане, царем был Фофорс. Из рассказа об этой войне, имеющего характер своего рода исторической новеллы, мы узнаем, что царь Савромат собрал варваров (савроматов), обитавших в районе Азовского моря, и пошел походом сначала на страну лазов, а затем на римские владения в Малой Азии, где и успел продвинуться вдоль южного Причерноморья вплоть до реки Галис. В виду создавшегося трудного положения (у римлян нехватало сил, чтобы приостановить это наступление), император Диоклетиан обратился за помощью к Херсонесу. Херсонесцы собрали войско и вторглись на территорию Боспора. Пустив в ход военную хитрость, они овладели боспорской столицей Пантикапеем (у Константина она именуется Боспором) и захватили в плен жену и семейство царя. Отправленное затем в Малую Азию посольство из представителей Херсонеса и плененной боспорской знати имело задачей склонить Савромата прекратить войну и заключить мир с римским императором. В качестве репрессии, если это предложение будет отклонено, херсонесцы угрожали поголовным истреблением жителей Пантикапея. Савромату ничего не оставалось другого, как принять предложение. Военные действия были прекращены. Войско Савромата стало возвращаться на север, херсонесцы же освободили боспорскую столицу и захваченных в ней пленных.

Согласно Константину Порфирородному, несколько позднее, уже при императоре Константине, боспорцы с помощью варваров, живших у Азовского моря, неоднократно нападали на Херсонес, но всякий раз терпели поражение. Описание этих войн между Боспором и Херсонесом дано в сочинении Константина Порфирородного с обилием подробностей, имеющих часто ярко выраженный легендарный характер.

Все эти повествования византийского писателя-императора обычно расцениваются как легенды, лишенные всякой исторической ценности. Особенно резко осудил их известный историк Моммзен, считавший, что «херсонесские легенды», переданные Константином Порфирородным, «не могут приниматься во внимание» и, стало быть, не имеют никакой цены как исторический источник. Тем не менее трудно допустить, что указанные «херсонесские легенды» не имеют под собой решительно никакого реального основания. Представляется более вероятным, что, хотя и в сильно искаженном виде, в них всё же нашли отражение некоторые события, имевшие место в действительности. Рассказ о походе варваров во главе с боспорским царем Савроматом на Малую Азию, повидимому, был порожден многократными готскими набегами на Малую Азию, которые, как известно, совершались из пределов Боспорского царства. Нетрудно отгадать, почему в рассказе Константина Порфирородного поход варваров возглавляется боспорским царем. Основанием для этого могло послужить то хорошо известное обстоятельство, что боспорские цари оказывали активное содействие пиратским экспедициям, отправлявшимся из Азовского моря на юг. Очень хорошо также известно, какую роль играл при осуществлении этих экспедиций боспорский флот. Вряд ли участие боспорцев ограничивалось только флотом. Хотя литературные источники после 275—276 гг. не говорят о пиратских походах из Меотиды на Малую Азию, но рецидивы такого рода предприятий, несомненно, могли иметь место и позднее, в начале IV в. Следует в этой связи вспомнить, что еще в 323 г. в нападении на дунайские владения Рима принимали участие приазовские варвары.[34]

Во всяком случае, следует признать вполне установленным, что в результате вторжения ряда варварских племен в северное Причерноморье и Приазовье, вследствие вообще усилившейся активности варваров, Боспор, потерявший прежнюю действенную поддержку со стороны Рима, вынужден был в целях самосохранения всё более прибегать к компромиссной политике в своих взаимоотношениях с варварами, особенно с пришлыми.

Херсонесу, повидимому, удалось избежать такого положения; он продолжал и в это трудное время сохранять независимость, оставаясь союзником Рима. Не исключено, что Херсонес порой предпринимал некоторые военные диверсии в Крыму против активизировавшихся варваров. Поскольку последние получали от Боспора помощь, указанные выступления херсонесцев, естественно, могли получать истолкование как действия, направленные против варваров, поддерживаемых боспорскими царями. Такова была, как можно предполагать, реальная почва для возникновения позднее полулегендарных, расцвеченных фантазией рассказов, в которых Херсонес выступает в роли верного Риму союзника, рьяно ведущего борьбу против варваров и сомкнувшегося с ними Боспора.

Высказывавшееся некоторыми учеными мнение, что в первой половине IV в. боспорские владения в Крыму, «исключая его восточной окраины со столицей Боспора Пантикапеем», находились в руках готов, является совершенно бездоказательным.[35]

Возможно, некоторое количество готов (герулы, бораны и др.) из числа тех, которые пробрались в Крым, проникли и на боспорскую территорию. Однако, как мы уже могли убедиться по надписи Аврелия Валерия Сога, государственная граница Боспора на западе, т. е. в Крыму, оставалась в начале IV в. неизменной. Владения Боспора простирались до Феодосии, и, стало быть, говорить об одной лишь «восточной окраине», якобы сохранившейся за Боспором, нет оснований. Что происходило на азиатской стороне, мы в подробностях не знаем, но и здесь главные поселения и прилегающие к ним земли в границах хотя бы нынешнего Таманского полуострова продолжали оставаться боспорскими.

Несмотря на то, что Боспору удалось сохранить свою основную территорию, экономический упадок прогрессировал быстрыми темпами, поскольку при той общей обстановке, которая сложились во всем Черноморье в период распада Римской империи, оказался парализованным основной жизненный нерв Боспорского царства. Таким нервом во все периоды его существования являлся широкий торговый обмен с заморскими странами и, прежде всего, массовый вывоз туда сельскохозяйственного сырья. Теперь возможность такого обмена стала весьма ограниченной.

Оскудение государственной казны в условиях интенсивно развивавшейся натурализации, а вместе с тем и сокращения хозяйства привело вскоре к тому, что Боспор оказался уже не в состоянии выпускать даже медные деньги. В 332 г. пантикапейский монетный двор выпустил последние грубо исполненные деградированные «статеры» из чистой меди с бюстом и именем боспорского царя Рискупорида VI на лицевой стороне и бюстом императора Константина на обороте (табл. VI, 97).[36] В течение почти девяти веков Пантикапей чеканил монеты — сначала от имени гражданской общины пантикапейцев, затем — от имени боспорских царей. В этих монетах нашли яркое отражение как периоды подъема и расцвета Боспора, так и времена его заката. На 332 г. нумизматический источник изучения исторических судеб Боспора навсегда обрывается. Вряд ли можно из самого факта прекращения чеканки боспорских монет делать вывод, что на Боспор в то время обрушилось какое-то катастрофическое бедствие, которое сразу же вызвало полную и окончательную гибель государства. Процесс распада Боспорского государства протекал на протяжении довольно длительного периода, и прекращение чеканки монет являлось лишь одним из эпизодов процесса увядания Боспора, который тянулся еще и дальше в течение нескольких десятилетий.

После прекращения выпуска боспорских монет в денежном обращении, повидимому, долгое время еще находились монеты старых выпусков, а кроме того в некотором, правда, весьма ограниченном, количестве поступали римские монеты.

Что прекращение в 332 г. чеканки боспорских монет не связано было с каким-либо внезапным потрясением Боспора и не означало ликвидацию власти правившей до того Боспорским царством династии, — самым убедительным образом подтверждается надписью, найденной на Таманском полуострове.[37] К сожалению, из-за отсутствия более точных сведений относительно

места находки надписи, невозможно решить вопрос, из какого именно боспорского поселения происходит этот чрезвычайно важный эпиграфический документ. Самым существенным представляется тот факт, что излагаемое в надписи событие относится к 632 г. боспорской эры, т. е. к 335 г. н. э., ко времени Рискупорида VI. В надписи говорится о сооружении в указанном году оборонительной стены или укрепления (τεῖχος) под наблюдением зодчего (ἀρχιτέκτων) Евтиха. Весьма выразителен конец надписи, который состоит из двух слов: Νείκη πόλει, обозначающих пожелание победы городу. Поставленная далее цифра 638, повидимому, является датой установки надписи, которая была вделана в воздвигнутую стену; в переводе на наше летоисчисление получается 341 г. н. э.

Мы видим таким образом, что и после оборвавшегося в 332 г. выпуска боспорских монет жизнь в городах Боспора продолжалась, а во главе государства стоял все тот же Рискупорид. Но, вместе с тем, надпись показывает и крайне напряженную обстановку, в которой находились в рассматриваемое время города, расположенные на основной территории Боспорского государства и представлявшие собою его важнейшие опорные пункты. В наиболее ответственных местах воздвигались оборонительные сооружения, ибо опасность военного нападения извне, очевидно, все более возрастала.

Экономический упадок Боспора неизбежно влек за собой невозможность поддерживать на сколько-нибудь удовлетворительном уровне обороноспособность государства, что открывало широкие возможности для набегов на боспорские земли и его города соседних варварских племен, особенно кочевников.

В 362 г., как сообщает римский писатель Аммиан Марцеллин, к римскому императору Юлиану в Константинополь, ставший с 330 г. столицей империи, наряду с другими являвшимися с дарами посольствами «с севера и пустынных областей, через которые в море впадает Фасис, ехали посольства Боспоран (Bosporanis. . . legationes) и других ранее неизвестных народов с мольбою, чтобы за внесение ежегодной дани им дозволено было мирно жить в пределах родной земли».[38]

Приведенное сообщение Аммиана свидетельствует, что еще в 362 г. Боспор выступал на официальной политической арене как самостоятельная государственная область, обращавшаяся через специальных послов с определенными просьбами к римскому императору как к своему защитнику. Но из слов Аммиана вместе с тем видно, насколько трудные времена тогда переживал Боспор, для жителей которого мирная спокойная жизнь уже представлялась недосягаемым благом. Совершенно ясно, что экономически ослабевшее государство не в силах было защитить свои рубежи и обеспечить населению вполне мирное существование. Была ли оказана какая-либо реальная помощь боспорцам в результате их обращения к императору Юлиану — неизвестно. Вряд ли такая помощь, если она и была предоставлена, могла быть достаточно эффективной в то время, когда сама империя приближалась к своему концу, не имея возможности преодолеть ни внутренние, ни внешние трудности.

К новым явлениям в культуре Боспора рассматриваемого периода, т. е. первой половины IV в., относится распространение среди боспорского населения христианской религии. Самый ранний вещественный памятник, подтверждающий наличие на Боспоре христиан, относится к 304 г., — это найденное в Керчи весьма скромное по своему внешнему виду надгробие в виде четырехугольной каменной плиты, на которой высечены изображение креста и надпись: «Здесь покоится Евтропий 601». Цифрами обозначен год погребения по боспорской эре.[39] Известно еще несколько боспорских христианских надгробий IV в.

Следует думать, что христианство на Боспоре появилось не позже конца III в. Проникновение христианства на Боспор, по всей вероятности, шло из Малой Азии, где христианские общины существовали уже гораздо раньше. Напомним, что исследование боспорских фиасов, т. е. религиозных союзов II—III вв., в которых почитался «бог высочайший», дало возможность подметить в применявшейся боспорскими фиасотами религиозной терминологии некоторые признаки влияния христианства[40] (см. стр. 434). При тесных культурных и экономических связях, которые существовали между Боспором и Малой

Азией во II—III вв., проникновение оттуда христианских религиозных идей на Боспор следует считать безусловно возможным. Одним из существенных факторов, способствовавших распространению христианства в северном Причерноморье во второй половине III в., повидимому, явились пиратские набеги готов на Малую Азию, откуда, как известно, вместе с прочей добычей доставлялись на север и малоазийские пленники-христиане, в том числе даже представители клира. Такие пленники попадали не только в придунайские районы западного Причерноморья, но, вероятно, и на Боспор, где они могли также способствовать быстрому распространению христианства.

Христианство легко и быстро привилось на Боспоре благодаря наличию особенно благоприятной почвы, подготовленной всем предыдущим развитием религиозных течений. В числе их, как известно, большой популярностью во II—III вв. пользовался монотеистический культ «бога высочайшего», привлекший к себе массу адептов. Поскольку в формировании этого синкретического культа несомненна активная роль иудейских религиозных элементов, можно думать, что и свойственные иудаизму мессианские чаяния, надежды на приход спасителя, от которого ожидалось избавление мира от зла и бедствий, были не чужды известным слоям боспорского населения, особенно в тяжелый период второй половины III в. н. э.

В течение первых десятилетий IV в. христианство на Боспоре получило *настолько широкое признание*, что уже в 20-х годах там вполне могла оформиться христианская община во главе с епископом. В 325 г. на Никейском вселенском соборе боспорские христиане были представлены в лице своего епископа Кадма.[41] Участие боспорского епископа во вселенском соборе показывает, что Боспорское царство, несмотря на все более разраставшийся внутренний экономический, а вместе с тем и политический кризис, тем не менее *стремилось поддерживать* в первой половине IV в. внешние связи не только экономического, но и культурно-политического характера, хотя эти связи могли осуществляться теперь, конечно, крайне нерегулярно и далеко не с тем успехом, как в былые времена.

Особый интерес в этой связи представляет находка в пантикапейских склепах (катакомбах) двух художественно исполненных серебряных блюд (рис. 82), в центре которых помещен

Рис. 82. Серебряное блюдо с изображением императора Констанция II. (Эрмитаж).

медальон с *изображением* бюста императора Констанция II (337—361 гг.).[42] Как показывают надписи «D[omini] N[ostri Constanti Augusti votis XX», блюда эти были изготовлены в ознаменование двадцатилетия цезарства Констанция II, т. е. в 343 г. По всей вероятности, блюда являлись подарками Констанция II

представителям правящих верхов Боспора.[43] Стало быть, римские власти еще в 40-х годах пытались поддерживать дружественный контакт с Боспором. Но уже упоминавшееся выше посольство боспорцев к императору Юлиану в 362 г., отмеченное Аммианом Марцеллином, ясно показывает, что прочных постоянных связей у Боспора с Римской империей не было. Сколько-нибудь надежной и планомерной поддержки от римских правителей Боспор получать не мог, хотя порой, как видно, добивался ее.

Судя по тому, с какой просьбой ехало посольство боспорцев к императору Юлиану, Боспор, предоставленный своим собственным силам, в начале 60-х годов IV в. н. э. находился в тяжелом положении. Этих сил было явно недостаточно, чтобы отстоять свои владения от напора варваров, тем более, что, как и в Римской империи, варвары, наступавшие извне на Боспор, несомненно встречали внутри его активную поддержку со стороны угнетенного класса рабов и закрепощенных крестьян.

Естественно, что при том общем положении Боспора, в котором он оказался в половине IV в., грянувшее в 70-х годах нашествие гуннов не только не могло быть приостановлено или тем более отражено, но оно-то и явилось тем роковым толчком, который вызвал окончательный распад Боспорского царства.

Характерной особенностью последнего периода жизни Боспорского царства, охватывающего период второй половины III в. и первой половины IV в., является резкое снижение материального благосостояния населения. Это обстоятельство нашло свое отражение в некрополе Пантикапея. Если в первой половине III в. некоторые гробницы боспорской знати, правящей верхушки Пантикапея еще поражают своим богатством, обилием драгоценностей (вспомним царское погребение с золотой маской и др.), то во второй половине того же столетия ничего хотя бы отдаленно напоминающего былую роскошь мы уже не встречаем. Не только нет богатых гробниц знати, но и погребения представителей среднего слоя в это время бедны. В IV в. снова появляется некоторое количество погребений с довольно обильным и не очень бедным инвентарем, но такие

погребения в общем единичны, тогда как вещевой инвентарь рядовых могил этого периода крайне скромен и беден. Экономический кризис и тесно связанный с ним упадок внешней торговли, обусловленные уже известными нам причинами, неизбежно вели к сокращению населения и обеднению боспорских городов, не исключая и привилегированных групп господствующего класса, хотя, разумеется, степень материальной деградации последнего проявлялась не в такой резкой и интенсивной форме, как на среднем и низшем слоях общества.

Говоря о культуре Боспора в III—IV вв., т. е. в период проникновения в северное Причерноморье некоторых новых племен (готов, боранов, герулов), часть которых вплотную подошла к владениям Боспора, а отчасти и вторглась на боспорские земли, нельзя не поставить вопроса, насколько эти этнические перегруппировки, начавшиеся около середины III в., отразились на культурном облике Боспорского царства. Результаты археологических исследований как боспорских некрополей, так и городов позволяют заключить, что ни во второй половине III в., ни в IV в. в боспорской культуре никаких существенных изменений, которые следовало бы объяснить влиянием культуры пришлых племен, не произошло. Продолжал жить прежний греческо-сарматский культурный уклад, основные черты которого вполне сложились к середине III в., т. е. до появления готов.

Гробницы пантикапейского и других боспорских некрополей рубежа III—IV вв. по ритуалу и набору вещей ничем не отличаются от предыдущего периода.

Роспись склепов в это время приобретает чрезвычайно своеобразный схематизированный характер, обусловленный общим процессом варваризации искусства Боспора, протекавшим на протяжении первых веков нашей эры и достигшим наибольшей своей выразительности в III в. н. э.

Тенденция к геометризации и плоскостности передачи не только орнаментальных мотивов, но и образов реального мира начала очень явственно проявляться в боспорском изобразительном искусстве уже в I—II вв. Наиболее отчетливо это сказалось на боспорских надгробных рельефах, исполнявшихся местными

ремесленниками-скульпторами. Рельефы первой половины II в. носят на себе отпечаток сильнейшей варваризации скульптурного искусства. Фигуры на этих надгробиях изображены плоскостно, в духе варварского искусства, передавшего образы людей и животных языком условных геометризованных и до крайности обобщенных, но по-своему выразительных, форм.

Изготовление боспорских надгробных рельефов во второй половине II в. прекратилось. Но свойственный им стиль продолжает существовать и развиваться на протяжении III в., а отчасти, повидимому, и IV в. в декоративной живописи погребальных склепов.

Группа таких расписных склепов-катакомб III в. — первых десятилетий IV в. открыта на территории пантикапейского некрополя на северном склоне горы Митридат. Все они обнаружены ограбленными, без погребального вещевого инвентаря. Каждый такой склеп представляет собою хорошо известный с начала II в. н. э. тип гробницы, состоящей из лестничного спуска (дромоса) и высеченной в скале или глине комнаты, в стенах которой вырубались ниши для вещей и большие ниши-лежанки, куда устанавливались гробы. В позднее время стены таких гробниц штукатуркой не покрывались, и в тех случаях, когда склеп расписывался, роспись наносилась прямо по естественной поверхности стен — известняковой скале или глинистому материку. Роспись исполнялась красной краской; довольно редко применялись дополнительно еще синяя или черная краски.

Обычно в этих склепах геометрического стиля было принято обрамлять ниши и лежанки бордюрами в виде ленты с геометрическим узором, состоящим чаще всего из непрерывного ряда треугольников, иногда еще усеянных точками. На стенах возле лежанок или ниш группировались различного рода рисунки, не представляющие собой какой-либо одной связанной общим действием композиции. Большей частью это набор разных орнаментальных растительных и фигурных изображений, рассеянных по поверхности стен. Все они исполнены в определенной манере условно-линейной трактовки образов и, несомненно, по своему содержанию объединены в каждом случае определенными идеями религиозного культа. Наиболее богата роспись одного из таких склепов-катакомб, который был открыт в Керчи в 1901 г.[44] В нем устроены три лежанки: одна в стене против входа и две в боковых стенах.

Боковые лежанки обрамлены бордюрами из треугольников, дуг и свисающих гроздей винограда, изображенных чрезвычайно схематически. Несколько птиц клюют виноград. Под правой лежанкой нарисован диск, разделенный внутри волнистыми линиями. Очевидно, это символ солнца. Рядом с ним нарисован виноградный куст с широко раскинувшимися ветвями, с которых свисают плоды.

Под другой боковой лежанкой на стене изображен корабль без парусов; над ним солнце и круг, разделенный внутри радиальными линиями и усеянный точками. Простенки по обеим сторонам от входа также украшены росписью. Здесь птицы сидят на ветках, причем две птицы под нишей представлены гербообразно: обе они обращены к находящемуся между ними дереву, которое изображено с корнями (рис. 83, вверху). На другом простенке (рис. 83, внизу), схематически нарисованы расположенные рядом человеческие головы в причудливых головных уборах. Выше их показан грузовой парусный корабль. Несмотря на крайнюю схематичность рисунка, можно разобрать все важнейшие части судна. Посередине высится мачта; на ней вверху люди, очевидно, налаживают паруса; раздувшийся парус виден в передней части корабля. На палубе лежат два якоря (большой и поменьше), в кормовой части изображен круглый шалаш, очевидно, помещение капитана. Сзади отчетливо показаны двойной руль и плывущая на привязи ладья.

Как и в более ранних склепах, религиозно-символические изображения здесь, очевидно, сочетаются с характеристикой реальных условий жизни тех, для кого предназначалась усыпальница. Похоже на то, что это были купцы-судохозяева, владельцы торговых кораблей.

Особенно обильно и пышно расписана в склепе главная стена, расположенная против входа. На задней стене лежанки нарисован ковер, орнаментированный беспорядочно рассеян-

ными красными пятнами. Ниже лежанки изображен большой орел, сидящий на пальмовой ветви. По обеим сторонам его головы нарисованы круги, расчлененные внутри несколькими линиями, и вертикальные прямоугольники, также расчерченные внутри рядом косых линий. Слева и справа от орла изображены человеческие фигуры в фригийских колпаках; у каждой из них в руке высокий шестообразный жезл. За этими фигурами слева — дерево, кедр или пиния, с ветвей которого свисают шишки; справа — пышный куст винограда, вырастающий из большой изящной вазы. Над виноградом сверху — птицы; правее, за нишей, — всадник. По бокам около вазы нарисованы большие четырехугольники, заполненные внутри геометрическими узорами. Возможно, это также изображение ковра.

В других поздних пантикапейских склепах с подобной росписью геометрического стиля, кроме орнаментальных бордюров, дисков, олицетворявших солнце, стилизованных гирлянд, виноградных гроздей, птиц и зверей, встречаются изображения человеческих фигур, исполняющих, повидимому, ритуальные пляски в честь какого-то божества. Обычно такие фигуры людей, представленные в виде обобщенных темных силуэтов с расширяющейся книзу одеждой, держат в поднятых кверху руках различные предметы. Чаще всего в одной руке показан круглый щит или тимпан, в другой — палка. Вероятно, пляска сопровождалась ударами в тимпаны, а возможно, еще и звуками других инструментов.

Многое в этих поздних росписях идет от более раннего времени. Растительные мотивы, гирлянды, изображения плодов, птиц, зверей — все это является продолжением прежней традиции изображать на стенах гробниц воображаемую райскую обитель блаженных. Но то, что изображали художники в I—II вв. в более реалистической манере, теперь приобрело сильно варваризованный облик.

Кое-что, ранее не встречавшееся в гробничных росписях — солярные символы, изображение орла, фигур с палками-жезлами, плящущих людей с тимпанами, и т. д. — некоторые исследователи объясняли, исходя из предположения, что все это свя-

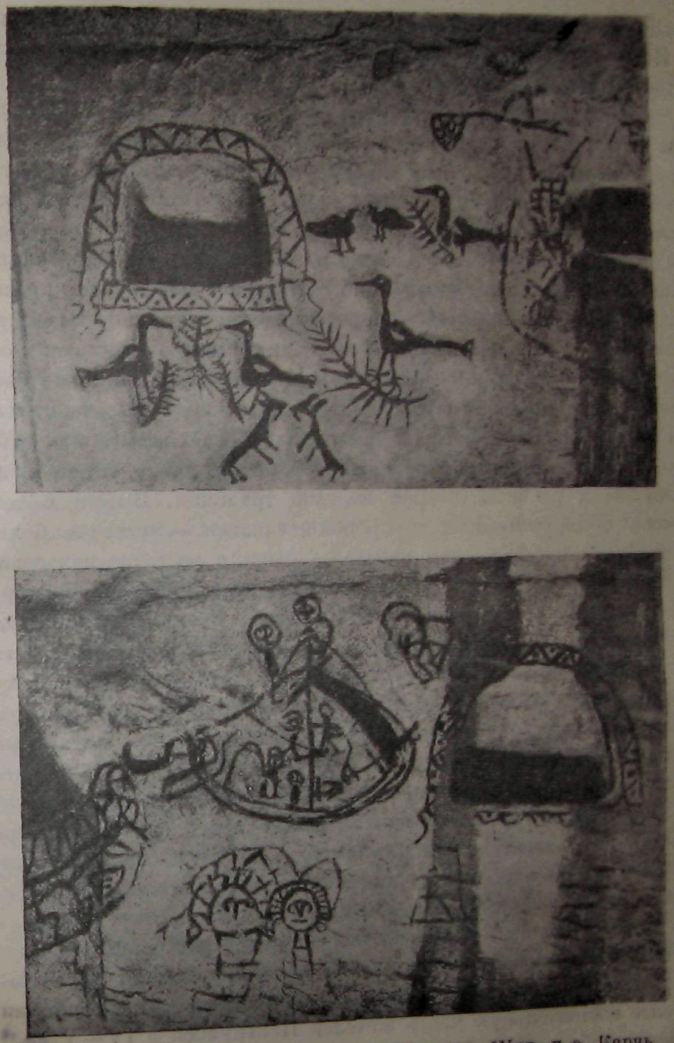

Рис. 83. Роспись склепа, открытого в 1901 г. III—IV вв. н. э. Керчь

зано с почитанием малоазийско-фракийского бога Сабазия. На этом основании все поздние склепы геометрического стиля предлагалось именовать «склепами сабазиастов».[45]

Вполне убедительного толкования культового значения и смысла всех изображений в поздних боспорских склепах еще не достигнуто. Возможно, склепы принадлежали почитателям безыменного «бога высочайшего», в образе которого слились черты как греческого Зевса, так и других греческих и негреческих божеств; в числе их могли быть Дионис, равно как и близкий ему бог Сабазий.[46] В период интенсивно развивавшегося религиозного синкретизма очень трудно выделить конкретные черты какого-либо определенного божества в том наиболее популярном боспорском культе, который в позднеримское время связан был с почитанием «бога высочайшего» Для культурной истории Боспора существенным является то, что и в поздних расписных гробницах мы видим продолжающееся развитие старой местной традиции. Вместе с тем здесь обнаруживается и продолжающаяся — пусть в более ослабленной форме, чем раньше, — связь с восточно-малоазийским миром,[47] влияние которого на культуру Боспора сказывалось в римский период всегда очень ощутительно.

О материальной культуре Боспора и, прежде всего, его столицы в IV в. можно судить по тому же пантикапейскому некрополю, который расположен на северной покатости горы Митридат, где находятся и упоминавшиеся выше расписные склепы геометрического стиля. Начиная от современной Госпитальной улицы в Керчи, по склону горы в западном направлении широкой полосой, с небольшими интервалами, тянется на протяжении нескольких километров, вплоть до вала, спускающегося с Золотого кургана, некрополь, состоящий из бесчисленных катакомб известного уже нам типа.

На ближайшей к Пантикапею окраине указанного некрополя, совпадающей с теперешней Госпитальной улицей, сосредоточена значительная группа катакомб, в которых хоронили более состоятельную часть жителей Пантикапея в IV—V вв.[48] Неразграбленных катакомб здесь раскопано мало. Большей частью они были опустошены уже в древности. Если археологам случалось открывать нерасхищенные катакомбы, то обычно в них обнаруживался ряд погребений, совершенных на протяжении ста, а порою и более лет. Катакомбы, служившие семейными усыпальницами, использовались, как правило, не одним поколением, а несколькими.

Интересно, что этот некрополь Госпитальной улицы, относящийся к IV—V вв., отражает культуру Боспора не только того периода, когда совершился окончательный распад Боспорского царства, но вместе с тем характеризует культуру города и после гуннского нашествия, когда, перестав быть столицей государства, Пантикапей всё же продолжал существовать в новых условиях прямого подчинения варварам.

Безусловно, имеет значение то обстоятельство, что и самый поздний пантикапейский некрополь Госпитальной улицы, относящийся к IV в., решительно не дает никаких оснований считать, что Боспор в то время подвергся сколько-нибудь значительному культурному влиянию со стороны готских племен, оказавшихся на протяжении определенного периода близкими соседями Боспора, с которыми последнему приходилось считаться как с вполне реальной силой.

В катакомбах IV—V вв. на Госпитальной улице продолжает существовать прежний прочно установившийся погребальный ритуал, хорошо известный в Пантикапее, начиная с II в., когда стала особенно интенсивно варваризоваться боспорская культура. Характерной особенностью этого греко-сарматского ритуала являлось погребение вместе с умершим его оружия и предметов конского убора, как бы символизировавших погребение вместе с человеком и его коня.

Приведем несколько примеров. Одна из наиболее богатых катакомб, относящихся примерно к середине IV в., была раскопана в 1904 г.[49] Закрывавшая вход в катакомбу с тремя лежанками каменная плита оказалась сдвинутой и все бывшие внутри погребения ограблены. Однако в тайнике, устроенном в виде углубления в полу под порогом, сохранились незамеченные грабителями вещи. Тут найдены серебряное блюдо с изображе-

нием Констанция II (см. стр. 467), золотой венок с оттиском монеты императора Гордиана, две серебряные ложки, гладкий золотой браслет, золотые пряжки, а также серебряные и золотые наконечники от поясных ремней, бусы и пуговицы. Наряду с этим оказалась целая серия предметов оружия: золотая пластинка от ножен меча с четырьмя сирийскими гранатами; золотые рукоятки от кинжала, одна из которых украшена инкрустацией из красных стекол; халцедоновый кружок — набалдашник меча, набалдашник с четырьмя гранатами в золотой оправе; два серебряных позолоченных умбона от щитов. Показательно вместе с тем наличие серебряных удил, украшенных золотыми пластинками с сирийскими гранатами, позолоченных колокольчиков от сбруи и бронзовых украшений седла.

Другая катакомба, открытая в районе той же Госпитальной улицы, оказалась неограбленной.[50] В ней было найдено 11 простых деревянных, сколоченных грубыми железными гвоздями гробов. Роскошных саркофагов, как прежде, теперь в Пантикапее уже не делали. На одном из погребенных, гроб которого стоял на полу, обнаружен золотой венок с оттиском монеты императора Валентиниана I (364—375 гг.), подтверждающим, что в настоящей усыпальнице захоронения производились на протяжении IV в. И здесь характерным является, прежде всего, присутствие оружия: железные мечи обычного боспорского типа с рукоятями, украшенными набалдашником в виде пронизи; наконечники копий; железные стрелы; железный умбон от щита. Традиционными являются золотые бляшки, которые были нашиты на одежду одного из погребенных. На ногах и ниже грудной клетки ряда костяков обнаружены многочисленные простые пряжки, применявшиеся не только для поясных ремней, но и в качестве застежек обуви.

Золотые серьги, украшенные вставками из янтаря и сердолика, фибула с круглым щитком, тоже украшенная янтарем и сердоликами, — все это изделия типично боспорские, изготовленные в полихромном инкрустационном стиле.

Наряду с несколькими очень простыми глиняными сосудами в склепе оказалась серия разнообразных стеклянных

сосудов, свидетельствующих о продолжавшемся подвозе извне изделий из стекла. Здесь мы видим одноручные сосуды типа графинов, тарелочки; особенно обильно представлены стаканчики из желтоватого стекла, часть которых украшена темно-синими напаянными сверху точками или такого же цвета поясом, состоящим из неправильных четырехугольников. Кроме того, в склепе был обнаружен замечательный конусовидный остродонный сосуд, напоминающий по форме рог, из синего стекла с накладным орнаментом красного, желтого и зеленого цветов, состоящим из нескольких поясков и шести рядов треугольников, выполненных выпуклыми точками.

Таковы некоторые наиболее богатые пантикапейские гробницы IV в. н. э. Они показывают, насколько прочно удерживался установившийся во II—III вв. погребальный ритуал, по которому полагалось класть в могилу оружие и убор коня. В одной из катакомб IV—V вв. на Госпитальной улице найдено большое седло из дерева и подпруга. Вместе с тем вещевой инвентарь поздних пантикапейских гробниц подтверждает, что и в то время в Пантикапее продолжали работать ювелирные мастерские, создававшие изделия в инкрустационном стиле. Общее впечатление от вещевого инвентаря гробниц IV в. заставляет признать существование прежней греко-сарматской культуры Боспора и в этот критический для него период. Лишь очень немногие формы некоторых предметов материальной культуры IV в. являются не совсем обычными, новыми. К числу их принадлежат распространившиеся в IV в. и обнаруживающиеся во многих погребениях большие массивные, так называемые пальчатые или лучистые, фибулы. Но если даже формы этих фибул, как и ряд не очень существенных привнесений в формы оружия, появились в результате общения боспорцев с некоторыми новыми этническими группами, то массовая выделка такого рода вещей и дальнейшая разработка этих образцов, их оформление явились безусловно делом боспорских ремесленно-художественных мастерских, обильно оснащавших свои изделия цветной инкрустацией из сердоликов, гранатов, бирюзы и цветных стекол.[51]

Пантикапей и в IV в. продолжал сохранять положение значительного центра художественных ремесел, продолжающего развивать свои традиции, свой многовековой творческий опыт, хотя общая социально-политическая обстановка все более усложнялась и вела неизбежно к потере Пантикапеем его значения столичного центра государства.

Точное время проникновения гуннов на территорию Боспорского царства неизвестно; вероятно, оно произошло около 370 г. Эта дата подсказывается тем фактом, что гуннские орды, стремительно двигавшиеся с востока, «подобно вихрю народов», по выражению ранне-средневекового историка Иордана,[52] и теснившие засевших в причерноморских степях остготов (гревтунгов), в 376 г. уже оказались у Дуная.[53]

Одна из волн гуннов пришла на запад прямо через придонские степи, населенные аланами. По словам Аммиана Марцеллина, «... гунны, пройдя через земли аланов, которые граничат с гревтунгами и обыкновенно называются танаитами, произвели у них страшное истребление и опустошение, а с уцелевшими заключили союз и присоединили их к себе».[54] Дальнейшее движение на запад и борьбу с готским племенным союзом, возглавлявшимся Эрменрихом, гунны, по словам Аммиана Марцеллина, вели уже сообща с аланами. Повидимому, коренное население северного Причерноморья, т. е. сармато-аланские племена, использовало вторжение гуннов, чтобы сбросить с себя ненавистный гнет готов, которые, не выдержав этих совместных ударов гуннов и аланов, вынуждены были быстро откатиться к Днестру, а затем к Дунаю. Другая волна гуннов прошла южнее по северо-кавказским степям, восточнее Меотиды. Двигавшиеся здесь гунны проникли на территорию азиатских владений Боспора, выйдя на Таманский полуостров к побережью Боспора Киммерийского. Тут была произведена переправа на противоположную сторону пролива, в результате чего гунны оказались на европейской территории Боспора, в Крыму. Переход этот через пролив был, очевидно, совершен в зимнее время по льду.

Так как самый факт форсирования морского пролива конными отрядами кочевников вызывал у древних писателей удивление, а возможность перехода в зимнее время по ледовому покрову им оставалась, повидимому, неизвестной, то в ряде сочинений ранне-средневековых авторов были высказаны по этому поводу различные догадки. Зосим, например, указывает, что ему удалось найти известие, согласно которому гунны смогли пройти Боспор Киммерийский, так как его занесло илом из реки Танаис[55] (как известно, в древности был распространен взгляд, что Азовское море является продолжением реки Танаис, т. е. Дона). Другие не конкретизировали обстоятельств перехода, ограничиваясь неопределенным выражением, что гунны «перешли тогда каким-то образом [Меотийское] озеро, впадающее в Понт Евксинский».[56]

Предполагается, что значительная часть гуннов из числа проникших в Крым с Таманского полуострова прошла через крымские степи и присоединилась затем к основной массе своих сородичей, двигавшихся на запад прямо через Придонье. Проходя степную область Крыма, гунны, очевидно, попутно загнали в горные районы Крыма остатки не успевших бежать готов. Херсонес несомненно был также затронут движением гуннов и очень пострадал. Территория Боспорского царства, все основные его земли оказались на пути второй южной волны гуннов, натиск которых Боспор отразить был не в состоянии.

Последствия этого события для Боспора были весьма безотрадными. Полное прекращение жизни на большей части поселений Боспорского царства, о чем свидетельствуют археологические наблюдения над древними боспорскими городищами, позволяет сделать заключение, что гунны действительно здесь прошлись огнем и мечом. Слова Аммиана Марцеллина о том, что на земле алан-танаитов гунны «произвели ... страшное истребление и опустошение», могут быть, очевидно, отнесены и к боспорским владениям по обеим сторонам Керченского пролива. Здесь произошло, повидимому, приблизительно то же самое, что очень обстоятельно и ярко описано у Зосима, Евнапия и других ранне-средневековых писателей относительно придунайских областей, где разрушительная деятельность гуннов, протекавшая у римских границ, была особенно на

виду и, естественно, привлекла к себе большое внимание современников. Ворвавшись в густо населенные местности, лежащие к северу от Дуная, гунны учинили там страшный разгром. Будучи отличными лучниками, они расстреливали массы мирных жителей — мужчин, женщин, детей, специально охотясь за ними. Население бросало свои жилища, имущество и спасалось бегством на другую сторону Дуная. Описывая это массовое истребление мирных жителей, писатель Евнапий подчеркивает, что жестокости гуннов «не было предела».[57]

Следы аналогичного погрома, учиненного гуннами, обнаруживаются и при археологических раскопках боспорских городов, многие из которых были превращены гуннским нашествием в безжизненные развалины.

Яркую картину этого трагического в истории Боспорского царства события вырисовывают археологические раскопки города Тиритаки. В течение первой половины IV в. в городке продолжалась еще довольно интенсивная жизнь. Население здесь, как и в ряде других боспорских поселений, занималось сельским хозяйством, виноделием, рыбным промыслом, ремеслами. Все это очень ярко иллюстрируют, в частности, материальные остатки того обширного поздне-римского дома-усадьбы, подробное описание которого было дано выше (см. стр. 378 сл.). Правда, в это время в быту у населения подавляющее количество вещей представляло собой местную продукцию, изготовленную или в Пантикапее, или непосредственно в самой Тиритаке. Привозных вещей очень немного, и это подтверждает незначительные размеры морской торговли в рассматриваемый период. Среди керамических изделий мы видим почти сплошь изделия местные, причем безусловно преобладающей является лепная керамика сарматского типа. Среди лепной посуды, изготовленной без применения гончарного круга, характерны сосуды с ручками, имеющими обращенный кверху выступ. Это предельно схематизированная, упрощенная форма изображения животного — барана, кабана и т. п., обращенного головой к устью сосуда. Такие сосуды были очень распространены в первые века нашей эры у алано-сарматского

населения Прикубанья. По мере усиления сарматизации культуры Боспора, вместе со многими другими элементами сарматской культуры в европейской части Боспора стали входить в обиход и сарматские сосуды с ручками, вылепленными в виде животных (рис. 84).[58] Возникновение этого мотива скульптурно оформленной ручки сосуда в форме животного было порождено суеверием. Ручке придавалось магическое значение оберега, который должен был защищать сосуд и его содержимое от влияния злых сил. С течением времени магический смысл зверообразных ручек утратился, и поэтому их стали упрощать, не стараясь уже передать реальные черты того или иного животного. Такие лепные сосуды, ручки которых отдаленно напоминают образ зверя лишь имеющимися у них выступами, встречены целой серией экземпляров в известном уже нам тиритакском доме. III—IV вв. н. э.

Рис. 84. Глиняный сосуд с ручкой в виде животного. II в. н. э. (Ростов в/Д., Музей).

Подвоз товаров извне в IV в. н. э. настолько сократился и стал нерегулярным, что население перестало получать импортное растительное масло (оливковое), являвшееся всегда не только важным пищевым продуктом, но и лучшим горючим для светильников. Пришлось поэтому искать подходящих заменителей. В 1939 г. при раскопках Тиритаки найдена отлично сохранившаяся глиняная амфора IV в. н. э., наполненная нефтью (на рис. 59 место находки отмечено крестиком).[59] Благодаря герметической укупорке нефть сохранилась в амфоре в жидком виде. Химический анализ показал, что нефть эта — местная, принад-

лежит она чонгелекскому месторождению. Стало быть, жители Тиритаки, а возможно также и других боспорских поселений, стремясь обеспечить себя горючим для осветительных приборов, добывали в IV в. н. э. нефть, извлекая ее из открытых ям и колодцев, повидимому, так же, как это практиковалось еще в конце XVIII в. местным населением Керченского полуострова.[60]

Тиритакский поздне-римский дом характеризует не только жизнь населения в IV в. н. э., но и свидетельствует о постигшей город катастрофе. Дом был сожжен во время вторжения гуннов около 370 г. Подобные же следы пожара, поглотившего городские строения, обнаруживаются в Тиритаке всюду при раскопках остатков зданий поздне-римского времени.

Под слоем углей и пепла в тиритакском доме-усадьбе, наряду с самыми разнообразными предметами домашнего обихода, был обнаружен в одном из очагов помещения *V* клад боспорских монет (на рис. 62а место находки клада обозначено буквой *г*). В глиняном горшке было спрятано 224 боспорских статера от 276 г. до 332 г., т. е. включая монеты самого последнего выпуска.[61] Очевидно, эти монеты особенно ценились после того, как в 332 г. Боспор прекратил чеканку собственных монет. Вместе с монетами в кладе обнаружены серебряные позолоченные серьги, а также бронзовый цилиндрический футляр для хранения амулета и несколько бронзовых перстней. Все это было предварительно завернуто в какую-то ткань или положено в мешочек и затем помещено в сосуд, в котором лежали чернильные орешки (см. стр. 381). Вторжение врага было, повидимому, настолько стремительным, что жители бежали, бросив свое имущество и не успев захватить с собою даже вполне портативные и легкие ценности.

Разрушению подверглись не только второстепенные населенные пункты, но и Пантикапей. В 70-х годах IV в. обширные участки Пантикапея превратились в руины. На месте разрушенного и заплывшего землей пантикапейского акрополя лет через 100, в V—VI вв., уже существовало кладбище.

Бурные события 70-х годов IV в. привели Боспорское царство к полному и окончательному распаду. Никаких

признаков его существования после этого не обнаруживается.

Само собой разумеется, что нашествие гуннов отнюдь не было причиной гибели Боспорского царства. Это был лишь тот удар, от которого обветшавшее здание развалилось. Процесс распада, как мы старались показать выше, развивался долго. При этом он теснейшим образом был связан с судьбами Римской империи, с помощью которой Боспор как рабовладельческое государство на протяжении I—III вв. еще мог политически противостоять окружавшему его миру причерноморских варваров, хотя по своему внутреннему строю и культуре Боспор в то время представлял собою греко-варварское, точнее греко-сарматское, образование. Это было государство, во внутренней жизни которого на первый план со все возрастающей силой выступали варварские элементы. В III—IV вв. варваризация Боспора достигла той степени, когда полное поглощение его варварами стало неизбежным. Такова была судьба не только рабовладельческого Боспора, но и всей Римской империи, с которой Боспор был политически и экономически связан в первые века нашей эры.

Рис. 85. Глиняная амфора с нефтью, найденная в Тиритаке. IV в. н. э. (Керчь, Археологический музей).

Внутренний социально-экономический кризис, перешедший в период своего наивысшего обострения в революцию рабов, слившейся с могучим напором варваров, были причиной падения Римской империи. «... Все „варвары“ объединились против

общего врага и с громом *опрокинули Рим*».* Вместе с тем распались и те периферийные рабовладельческие государства, которые на протяжении ряда веков, пользуясь поддержкой *империи*, сохраняли свою самостоятельность, хотя и ограниченную римским протекторатом.

Нашествие гуннов, несмотря на его разрушительность, отнюдь не вызвало прекращения жизни на территории бывшего Боспорского царства. Раскопки боспорских городов, например в той же Тиритаке, показывают, как на развалинах полуразрушенного города вскоре снова обосновались жители, частично отстраивая сгоревшие дома.

Алано-сарматское и остатки греческого, сильно варваризованного боспорского населения расселяются опять на месте многих старых сельских и городских пунктов Боспора, превращая и те, и другие главным образом, в места земледелия.

Быстро оживает и Пантикапей, теперь называемый обычно городом Боспором; на рубеже IV—V вв. он опять становится важным торгово-ремесленным центром.[62] Но уже теперь это не столица обширного рабовладельческого государства, а лишь крупный торгово-ремесленный центр варварской области в восточном Крыму, находившийся на протяжении V в. под властью алано-гуннского племенного союза.

Такого рода варварские образования, возникавшие в Европе в раннее средневековье на обломках античных рабовладельческих государств, несли внутри себя силы дальнейшего социально-*экономического прогресса, зачатки будущих феодальных* обществ. Варвары, овладевшие античным рабовладельческим миром, по выражению Энгельса, «вдохнули новую жизненную силу в умирающую Европу».

* И. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11-е, 1939, стр. 432.

Монеты боспорских городов и синдов. Конец VI в. — конец IV в. до н. э.

Монеты городской и царской чеканки. III—II вв. до н. э.

Монеты периода Митридата Евпатора и Асандра. I в. до н. э.

Монеты периода от Динамии до Нерона. I в. н. э.

Монеты периода от Рискупорида II до Р

Монеты периода от Евпатора до Рискупорида VI. 2-я половина II в. — I-я треть IV в. н. э.

ПРИЛОЖЕНИЯ

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

АДЖ	— М. И. Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России. СПб, 1913.
ВДИ	— Вестник древней истории.
ДАН—В	— Доклады АН СССР—В.
ДБК	— Древности Босфора Киммерийского. СПб, 1854.
ЖМНП	— Журнал министерства народного просвещения.
ЗОО	— Записки Одесского общества истории и древностей.
ИАК	— Известия Археологической комиссии.
ИГАИМК	— Известия Гос. Академии истории материальной культуры.
ИОГН	— Известия АН СССР. Отделение гуманитарных наук.
ИОН	— Известия АН СССР. Отделение общественных наук.
ИРАИМК	— Известия Российской Академии истории материальной культуры.
ИТОИАЭ	— Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии.
ИТУАК	— Известия Таврической ученой архивной комиссии.
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР.
ОАК	— Отчет Археологической комиссии.
Р	— М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. 1925.
СА	— Советская археология.
СГАИМК	— Сообщения Гос. Академии истории материальной культуры.
ТСАРАНИОН	— Труды секции археологии Института истории Российской ассоциации научных институтов общественных наук.
AA	— Archäologischer Anzeiger.
ABC	— S. Reinach. Antiquités du Bosphore Cimmérien. Париж. 1892.

BCH — Bulletin de correspondance hellénique.
CAH — The Cambridge Ancient History.
Daremberg — Saglio — Ch. Daremberg et Edm. Saglio, Dictionnaire des antiquités grecques et romaines. Париж. 1892—1919.
ESA — Eurasia septentrionalis antiqua.
JAI — Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts.
IPE — B. Latyschev. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini, I, II, IV.
R — Rostowtzew. Skythien und der Bosporus. Берлин. 1931.
RA — Revue archéologique.
RE — Pauly-Wissowa-Kroll. Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft.
SC — Scythica et Caucasica — В. В. Латышев. *Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе.* 1893—1906; т. I — *Греческие писатели*, т. II — *Латинские писатели.*

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава I

[1] Специального исследования, которое охватывало бы всю историю античной греческой колонизации и притом с учетом всего имеющегося в настоящее время фактического материала, включая археологический, не существует. Вопросы истории древнегреческой колонизации рассматриваются, но лишь попутно, во многих общих работах по истории античной Греции и несколько подробнее в специальных трудах, посвященных вопросам развития античной экономической жизни и торговли: J. Hasebroek. Griechische Wirtschafts- und Gesellschaftsgeschichte bis zur Perserzeit. Тюбинген. 1931, стр. 109 сл. — Ziebarth. Beiträge zur Geschichte des Seeraubs und Seehandels im alten Griechenland. Гамбург, 1929. — В нашей русской литературе лучший обобщающий очерк истории античной колонизации принадлежит С. А. Жебелеву (История Греции, I, под ред. С. И. Ковалева, М., 1936, гл. V, стр. 146—170). Старая литература указана в статье: Oehler. Ἀποικία RE, стб. 2828.

[2] Plat. Phaedo. 109B (ср.: С. Я. Лурье. Очерки по истории античной науки. М. — Л., 1947, стр. 370, примеч. 15).

[3] Р. В. Шмидт. Античное предание о дорийском переселении. ВДИ, № 2(3), 1938, стр. 50—65.

[4] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1934, стр. 143: «Военачальник, совет, народное собрание образуют органы образующегося строя военной демократии. Военной потому, что война и организация для войны становятся теперь регулярными функциями народной жизни. Богатства соседей подстрекают жадность народов, которым приобретение богатства представляется уже одной из важнейших жизненных целей. Они варвары: грабеж им кажется более легким и даже более почетным, чем упорный труд».

[5] J. Hasebroek, ук. соч., стр. 108—109.

[6] Herod., I, 163.

[7] Herod., IV, 152.

[8] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. X, 1924, стр. 128.

[9] Об организации античных греческих колоний, их взаимоотношениях с метрополией и местным населением колонизуемой области основной материал собран в книге: Busolt-Swoboda. Geschichte der Staatskunde, II, стр. 1266—1268. — Не совсем потерял значение общий очерк о древнегреческих колониях в учебной книге В. В. Латышева. Очерк греческих древностей, I, СПб., 1888, стр. 69 сл.

[10] О. Лагодовська. Проблемы усатовской культуры. Наукові записки, I, 1943, АН УССР, стр. 56, 63—64. — А. А. Иессен. Греческая колонизация северного Причерноморья, ее предпосылки и особенности. Л., 1947, стр. 15—16.

[11] Herod., IV, 33.— Kallim. Del., 278 = SC, I, стр. 393.; о пути, по которому доставлялись ἀπαρχαί, primitiae из северного Причерноморья на о. Делос, см.: Paus. I, 31, 2; Plin., N. h., IV, 91; P. Mela. De chronogr. III, 37.

[12] Ср.: K. Neumann. Die Hellenen im Skythenlande. Берлин, 1855, стр. 340.

[13] Arr. peripl., 35 = SC, I, стр. 227.

[14] Plin. N. h., VI. 20 = SC, II, стр. 180.

[15] Diod., IV, 56.

[16] Илиада, XIII, 1—7.

[17] Керамические находки, подтверждающие импорт изделий греческого художественного ремесла в Скифию до основания там колоний, сопоставлены в статье: Т. Н. Книпович. К вопросу о торговых сношениях греков с областью реки Танаиса в VII—V вв. до н. э. ИГАИМК, вып. 104, стр. 90 сл. (ср.: А. А. Иессен. Греческая колонизация . . ., стр. 50 сл.).

[18] Herod., IV, 85.

[19] Herod., IV, 103.

[20] А. Фрейман. Название Черного моря в домусульманской Персии. Зап. Коллег. востоковед., Л., 1930, стр. 650 сл.; другие объяснения древнегреческих названий Черного моря см.: И. И. Толстой. Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте, П., 1918, стр. 152—153; В. Смолин. К вопросу о названии Черного моря в древности. ИТУАК, № 53, стр. 90-95.

[21] Феокрит. Идиллия, XIII.

[22] Л. М. Славін. Ольвія. Київ. 1938.

[23] Plin. N. h. V, 112. Ср. замечание Страбона: «Милет славится многим, но особенно большим числом колоний, ибо весь Понт Евксинский, Пропонтида и многие другие места заселены милетцами» (XIV, I, 5). —Сенека писал: «Милет распространил в разные стороны население семидесяти пяти городов» (Sen. Consol. ad Helv. = SC, II, стр. 134).

[24] Bilabel. Die ionische Kolonisation. Лейпциг, 1920, стр. 50.

[25] Hiller von Gaertringen. Miletos. RE, стб. 1644. Aristoph., Ran. 542 Plin. N. h. VII. 190. XXIX, 33.

[26] С. Я. Лурье. Очерки по истории античной науки. М. — Л. 1947, стр. 36 сл., 56.

[27] Подробно см.: С. А. Жебелев. Возникновение Боспорского государства. ИОГН, № 10, 1930, стр. 806—809.

Глава II

[1] К. К. Гёрц. Археологическая топография Таманского полуострова. СПб., 1898, стр. 35 сл.

[2] Eust. ad Dion, 163 = SC, I, стр. 193.

[3] Об основании Пантикапея милетянами сообщает Страбон (VII, 4, 4): κτίσμα δ'ἐστὶ Μιλησίων; Плиний называет Пантикапей Melesiorum, т. е. основанный милетцами (Plin. N. h. IV, 87).

[4] О локализации античных городов на западном побережье Керченского пролива см. статью: В. Ф. Гайдукевич. О местоположении древней Тиритаки. МИА, № 4, 1941, стр. 85 сл.

[5] Ps. Skymn. peripl., 885 = SC, I, стр. 90.— Евстафий в комментариях к периплу Дионисия добавляет, ссылаясь на Арриана, что Фанагорию основал теосец Файнагор, бежавший от насилия персов (= SC, I, стр. 198). Версия об основании города Фанагором восходит к Гекатею (frg. 164 у Steph. Byz.), который упоминает и остров Фанагора и город Фанагорию (Φαναγόρεια) = SC, I, стр. 2. Город назывался также Φαναγορία (так у Страбона, Птолемея и др.). Страбон отмечает (XI. 2,10), что этот же город еще называли и Φαναγόρειον (Фанагорий). Разбор литературной традиции об основании греческих колоний на Боспоре см.: С. А. Жебелев. Возникновение Боспорского государства, стр. 805.

[6] К. К. Гёрц, ук. соч., стр. 87.

[7] В более ранней литературной традиции этот город именуется Κῆποι (Ps.-Scyl., 72 = SC, I, стр. 85; так же у Страбона). В периплe Анонима (§§ 73—74) наряду с Κῆποι употребляется Κηπός (= SC, I, стр. 281). В том же периплe засвидетельствовано, что Κηπός τε ἀποικισθεῖσα ὑπὸ Μιλησίων.

[8] Strab., XI, 2, 5.

[9] Dion. peripl., 553 = SC, I, стр. 183.

[10] Eust. ad Dion., 549 = SC, I, стр. 198.

[11] То же (со ссылкой на Арриана).

[12] Strab., XI, 11, 8.

[13] Все основные публикации археологического материала, добытого раскопками на Боспоре, т. е. на Керченском и Таманском полуостровах, и относящегося к VI в. до н. э., к периоду основания греческих городов в районе Боспора Киммерийского, приведены в указ. статье: С. А. Жебелев. Возникновение Боспорского государства, стр. 791 сл. К поименованным в этой работе публикациям следует добавить статью Н. Лосе-

вой, в которой изданы клазоменские вазы, найденные в 1926 г. в Тамани (N. Lossewa. Zwei klazomenische Vasen. AA, 1929, стр. 43).

[14] Архаическая керамика, найденная при раскопках Тиритаки и Мирмекия до 1934 г. включительно, опубликована в статье: Т. Н. Книпович и Л. М. Славина. Раскопки юго-западной части Тиритаки. МИА, № 4, стр. 40 сл. и в статье: В. Ф. Гайдукевич, Е. И. Леви, Е. О. Прушевская. Раскопки северной и западной частей Мирмекия. МИА, № 4, стр. 130 сл. — Раскопками последующих лет дополнительно получен многочисленный керамический материал VI в. до н. э., который еще не издан.

[15] С. А. Жебелев. Откуда ведет свое происхождение название «Мирмекий». МИА, № 4, стр. 149 сл.

[16] С. А. Жебелев. Боспорские этюды. ИГАИМК, вып. 104, стр. 8.

[17] Соображения о местоположении этого пункта на Таманском полуострове см. в статье: С. Ф. Войцеховский. Опыт восстановления рельефа Таманского полуострова, применительно к эпохе Страбона и позднейшему времени. Зап. Сев.-Кавк. краев. общ. археол., истор. и этногр., т. I (III), вып. 5—6, 1929, стр. 8—9.

[18] Изданы В. Ф. Гайдукевичем в ВДИ, № 1, 1937, стр. 219, а также Т. Н. Книпович и Л. М. Славиным в МИА, № 4, стр. 38—39 (ср.: А. А. Иессен. Греческая колонизация . . ., стр. 69).

[19] Кроме антропоморфных стел-менгиров, в Тиритаке найден ряд базальтовых шлифованных топоров-секир, относящихся примерно к тому же времени, что и стелы. Все это позволяет считать вполне установленным существование на месте Тиритаки пункта оседлой жизни в киммерийский период, в конце II — начале I тысячелетия до н. э. (ср.: В. Ф. Гайдукевич. Некоторые итоги раскопок Тиритаки и Мирмекия. ВДИ, № 3, 1947, стр. 189 сл.).

[20] Herod., IV, 12.

[21] Strab., XI, 2, 5.

[22] Herod., IV, 45.

[23] Anon. peripl. P. Eux., 69 и 76 = SC, I, стр. 280 и 282. — Steph. Byz. = SC, I, стр. 264. — О возможной локализации Порфмия в районе Еникальского маяка см.: К. Э. Гриневич. Археологические разведки в северо-восточной части Керченского полуострова. ИТОИАЭ, I, 1927.

[24] Herod., IV, 99.

[25] Herod., IV, 100.

[26] Herod., IV, 28. О враждебных отношениях между скифами и синдами (Σινδιανοί) говорит также Лукиан Самосатский (Luc. Tox. 55-SC, I, стр. 562).

[27] Herod., IV, 20.

[28] Herod., IV, 20 и 99.

[29] Steph. Byz. = SC, I, стр. 264.

[30] K. Neumann. Die Hellenen . . ., стр. 480.

[31] О расселении этих племен на азиатской стороне Боспора Киммерийского см.: В. В. Латышев. Краткий очерк Боспорского царства. Ποντικά. СПб, 1909, стр. 64 сл.

[32] Strab., XI, 2, 15.

[33] Xenoph. Anabas., IV, 7, 18; 8, 1 (ср.: В. Н. Худадов. Отступление десяти тысяч греков от Евфрата до Трапезунда через Закавказье. Ист. зап., I, М., 1937, стр. 123).

[34] Herod., IV, 72. — Характеристика социально-экономического строя скифов: С. А. Семенов-Зусер. Родовая организация у скифов Геродота. ИГАИМК, IX, I, 1931 (ср.: В. И. Равдоникас. Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадиальным развитием северного Причерноморья. ИГАИМК, XII, 1—8, стр. 62 сл.); М. И. Артамонов. Общественный строй скифов. Вестн. Ленингр. Гос. унив. № 9, 1947, стр. 70—87.

[35] В. Ф. Гайдукевич. Некоторые итоги раскопок Тиритаки и Мирмекия. ВДИ, № 3, 1947; см. также КСИИМК, XXII, стр. 28—29.

[36] Об архаическом доме Тиритаки см.: ВДИ, № 3—4, 1940, стр. 306 сл. и ВДИ, № 3, 1947.

[37] ИАК, вып. 60, стр. 10 сл.

[38] Более ценные вещи, предметы роскоши, которые доставлялись греческими купцами в VI в. преимущественно из Малой Азии, оседали не в греческих городах, а сбывались местному населению Скифии (ср.: А. А. Иессен. Греческая колонизация . . ., стр. 70 сл.).

[39] А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 493 сл. Архив ЛОИИМК АН. СССР.

[40] Ср.: Diod., XII, 36; XX, 22.

Глава III

[1] Diod., XII, 31, 1 = SC, I, стр. 473.

[2] С. А. Жебелев. Возникновение Боспорского государства, стр. 817 (там же приведена вся литература вопроса).

[3] Herod., IV, 18—19. — Hiller von Gaertringen. Miletos. RE, стб. 1597.

[4] Р. В. Шмидт. К исследованию боспорских оборонительных валов. СА, VII, стр. 268—279. — К. Э. Гриневич. Оборона Боспора Киммерийского. ВДИ, № 2, 1946, стр. 160 сл. — По установившейся традиции принято рассматривать оборонительный вал, ближайший к Пантикапею, как первый рубеж, ограждавший земли Пантикапея и смежных с ним городов в V в. до н. э. Не исключено, однако, что вал этот, равно как и расположенный дальше на запад второй, так наз. Аккосов вал, был только использован пантикапейцами, тогда как само возникновение

валов, возможно, относится к еще более глубокой древности, к киммерийской эпохе (ВДИ, № 3, 1947, стр 189—191); (Ср.выше: стр. 187 сл.)

[5] Ср.: Е. О. Прушевская. Обломок краснофигурного килика из Мирмекия. Тр. отд. античн. мира. Гос. Эрмитаж, I, 1945, стр. 119 сл., 128.

[6] E. H. Minns. Scythians and Greeks. Кембридж, 1913, стр. 206. сл.—R, стр. 315—316. —О датировке погребения см.: Schefold. Der skytische Tierstil in Südrussland, ESA, XII, 1938, стр. 19.

[7] Я. И. Смирнов. Восточное серебро, табл. IV, 15. — F. Sarre. Kunst des alten Persien, таб. 48. — JAI 53, 1338, стр. 762 (доклад H. Luschey об ахеменидо-персидской торевтике), рис. 2. — R, стр. 316, примеч. 1.

[8] Об импорте восточных изделий в северное Причерноморье в VII—VI вв. см.: А. А. Иессен. Греческая колонизация . . ., стр. 39 сл.

[9] CAH, VIII, стр. 571 и 587б.

[10] E. H. Minns, ук. соч., табл. IX, 25—27. — А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 493. — Ю. С. Крушкол. Золотая монета Синдики. ВДИ, № 4, 1946, стр. 164 сл.

[11] Kroll. Inaros. RE, стб. 1219—1220.

[12] Strab., VII, 1, 13.

[13] С. Лурье. Геродот, 1947, стр. 24—25.

[14] О времени понтийской экспедиции Перикла см.: С. А. Жебелев. Боспорские этюды, стр. 25.

[15] Plut., Pericl., 20.

[16] Strab. XII, 4, 2; Bethe. Astakos, RE, стб. 1774.

[17] Strab. XII, 3, 14; E. Meyer. Geschichte des Königreiches Pontos, стр. 30; Hirschfeld. Amisos, RE, стб. 1839; T. Reinach. Mithridate Eupator, Париж, 1890, стр. 27.

[18] Plut., Pericl., 20 (ср.: Ruge, Sinope. RE, стб. 253).

[19] Этот эпизод подробно разобран в работе: А. И. Тюменев. Херсонесские этюды. ВДИ, № 2(3), 1938, стр. 256 сл.

Глава IV

[1] Diod., XII, 31 = SC, I, стр. 473.

[2] Anon. perîpl. P. Eux., 77 = SC, I, стр. 283. — Перипл Анонима составлен в V в. н. э.; в нем скомбинированы сведения, заимствованные из разных, преимущественно более ранних, источников, в том числе из какого-то не дошедшего до нас перипла второй половины IV в. до н. э. (стр.: R, стр. 63 сл.).

[3] Isocr. Trapez., 5 = SC, I, стр. 357. — В упоминаемых у Исократа «беглецах», сношение с которыми рассматривалось боспорским правителем Сатиром I как государственная измена, повидимому, следует

видеть тех же φυγάδες, которые раньше находились в Феодосии, о чем известно из перипла Анонима.

[4] Strab., VII, 3, 8.

[5] Спарадок или Спардок — брат фракийского царя Ситалка (Thuc., II, 101, 5). Известны монеты, чеканенные Спарадоком в третьей четверти V в. до н. э. На них обозначено по-гречески его имя Σπαραδόκο (CHA, атлас, т. III, стр. 18—19). — Βηρισάδης — один из одрисских правителей 359—356 гг. (см.: Judeich. Berisades. RE, стб. 294).— W. Tomaschek. Die alten Thraker. II, 2, Sitz.-Ber. Akad., Wien, CXXXI, 1894, стр. 13 и 44.

[6] ИГАИМК, вып. 104, стр. 278.

[7] В. В. Латышев. Краткий очерк истории Боспорского царства. Ποντικά, стр. 113, примеч. 1.

[8] G. Perrot. Le commerce des céréales en Attique au quatrième siècle avant notre ère. Revue historique, IV, 1877, стр. 34 сл.

[9] Диодор — единственный греческий писатель, у которого упоминается основатель новой боспорской династии — Спарток, при этом последний назван у Диодора Σπάρτακος. Все последующие правители Боспора, носившие аналогичное имя (а таковых еще было, повидимому, три), засвидетельствованы эпиграфическими документами, монетами и литературными упоминаниями с именем Σπάρτακος.

[10] F. Dubois de Montpereux. Voyage autour du Caucase. . . et en Crimée, V, Париж, 1843, стр. 224.

[11] С. А. Жебелев. Боспорские этюды, стр. 14.

[12] Herod., IV, 80.

[13] Strab., VII, 4, 4.

[14] Хронологическая последовательность правителей династии Спартокидов представлена в работе: В. В. Латышев. Краткий очерк. . . , стр. 92 и 174—178 (ср.: E. H. Minns. Scythians . . ., стр. 583).

[15] Schol. Dem. adv. Lept., s. v. Θεοδοσία = SC, I, стр. 370. Harpocr., s. v. Θεοδοσία = SC, I, стр. 589.

[16] Polyaen. Strateg., VI, 9, 4 = SC, I, стр. 565.

[17] Demosth. adv. Lept., 33 = SC, I, стр. 365.

[18] Polyaen. Strateg., VIII, 55 = SC, I, стр. 567.

[19] Strab., XI, 2, 4.

[20] Polyaen. Strateg., VIII, 55.

[21] С. А. Жебелев. Боспорские этюды, стр. 16 сл.

[22] Город получил название в честь сына Сатира I Горгиппа — того Горгиппа, которого упоминает Полиен при описании борьбы меотов боспорским царем Сатиром и его союзником — синдским царем Гекатеем.

[23] Diod., XX, 22.

[24] В греческой литературе политическая организация Боспорского государства, боспорская монархия сопоставлялись с тиранией Гиерона

в Сицилии и Кипселидов в Коринфе (*Ael.* Var. hist., VI, 13 = SC, I, стр. 608).

[25] Polyaen. Strateg., VI, 9, 2 = SC, I, стр. 565.

[26] С. А. *Жебелев.* Основные линии экономического развития Боспорского государства. ИОН, № 8, 1934, стр. 602 сл.

[27] Не были ли события, связанные со сменой прежних правителей Боспора, Археанактидов, новой династией Спартокидов, результатом каких-то внешнедипломатических мероприятий Афин? Этот вопрос возникал у некоторых историков (Белох и др.), так как бросается в глаза совпадение понтийской экспедиции Перикла со временем воцарения Спартокидов. Однако дальше довольно вероятных догадок здесь дело не идет из-за полного отсутствия в источниках каких-либо более подробных сведений, которые характеризовали бы внутреннюю политическую жизнь Боспора и его взаимоотношения с Афинами 40—30 гг. V в. *до н. э.*

[28] Isocr.; Trapez.; в извлечениях приведена в SC, I, стр. 356—358. — Обстоятельный разбор «банкирской» речи Исократа см. *в статье:* Münscher. Isocrates. RE, IX, 2, стб. 2164—2166.

[29] С. А. Жебелев. Боспорские этюды, стр. 17.

[30] Lys., XIV, 4.

[31] Gisela M. A. Richter. A Greek Sword Sheath from South Russia. Metropolitan Museum Studies, 1932, february, стр. 116.

[32] С. А. Жебелев. Основные линии . . . , стр. 601.

[33] Demosth. adv. Lept., 31; adv. Lacr., 32 = SC, I, стр. 364 и 367.

[34] Рельеф издан: BCH, V, 1881, табл. V; в каталоге Svoronos. Das Athener Nationalmuseum, стр. 591 сл., № 1471, табл. CIV; в статье: Б. В. Фармаковський. Боспорські Спартокіди в атенському різьбярстві. Юбілейн. збірн. на пошану акад. Д. І. Багалія. Київ, 1927, стр. 1133 сл.

[35] Б. Н. Граков. Материалы по истории Скифии *в греческих* надписях Балканского полуострова и Малой Азии. ВДИ, № 3, 1939, надпись № 3, стр. 239 сл.

[36] Ael. Var. hist., VI, 13 = SC, I, стр. 608.

[37] Strab., VII, 4, 5.

[38] Ср. примеч. 4 к гл. III.

[39] Strab., XI, 2, 8.

[40] Strab., XI, 2, 5.

[41] Strab., XII, 4, 6. VII, 4 6

[42] Luc. Tox. 44 = SC, I, стр. 555. В новелле Лукиана («Токсарис или дружба») Токсарис рассказывает своему собеседнику греку Мнесиппу, что скифский посол Арсаком влюбился в дочь боспорского царя Левканора, прибыв к последнему за данью, которую постоянно платили скифам боспорцы (ὑπὲρ τοῦ ἄχθους, ὃν οἱ Βοσποριανοὶ ἀεὶ φέροντες);

о платеже дани (ἄχθος) боспорцами скифам говорится еще и в § 55 того же сочинения. — Под именем Левканора у Лукиана очевидно подразумевается боспорский царь Левкон, тогда как упоминаемый Лукианом другой правитель Боспора, Евбиот, отдаленно напоминает имя существовавшего в действительности боспорского царя Евмела. — О значении сочинения Лукиана Τόξαρις ἢ φιλία как исторического источника для северного Причерноморья см.: R, стр. 96—99.

[43] Dem. adv. Phorm. § 8 = SC, I, стр. 367.

[44] Strab., XI, 2, 11.

[45] Diod., XX, 22—24.

[46] В сохранившихся рукописных *текстах сочинения* Диодора (Diod., XX, 22) Арифарн, выступавший на стороне Евмела, назван царем фракийцев (Θρᾳκῶν), что, очевидно, является ошибкой переписчиков. А. Бёк (CIG, II, 102) внес конъектуру, предложив вместо Θρᾳκῶν читать Θαθίων. Фатеи действительно упоминаются в боспорских надписях как племя, подчиненное Боспору и жившее на азиатской стороне, где-то по соседству с меотами. У Помпония Мелы фатеи помещены между меотами и сираками (De chron., I, 114 = SC, II, стр. 118). Исправление Бёка принято большинством исследователей. Однако некоторые ученые склонны видеть в Θρᾳκῶν искажение слова Σιρᾳκῶν, а не Θαθίων, предполагая таким образом, что местом борьбы, описанной у Диодора, был район, заселенный сарматским племенем сираков (ср: В. В. Латышев. Περιπλ. стр. 388). Эту версию (вслед за Боннелем) принимает Ростовцев (CAH, VIII, стр. 577, примеч. 3). Сираки занимали, как это известно из Страбона, область северо-восточного Приазовья, ближе к Танаису, в районе реки Ахардей, которую обычно отождествляют с теперешней рекой Егорлык. Согласиться с указанной попыткой уточнения Диодора нельзя, так как из описания борьбы Евмела с его соперниками ясно следует, что она происходила в густо заселенном районе, где было значительное количество поселений и укрепленных пунктов (πόλισματα καὶ χωρία). Это вполне отвечает области Прикубанья IV в. до н. э., как она рисуется *в результате ведущихся там* в последнее время археологических исследований, но совершенно не вяжется с районом основного расселения сираков в северо-восточной *части Приазовья в доримское время.* Позднее, к началу нашей эры, сираки, распространившись на юг, повидимому частично обосновались и в Прикубанье, что можно предполагать по наличию на реке Вардан (т. е. Кубани) упоминаемого Птолемеем города Σιρᾶκα (Ptol., V, 8, 14 = SC, I, стр. 240). О сираках см.: Kretschmer. Σίρακες, RE, стб. 283 *сл.* — На одном антропоморфном надгробии IV в. до н. э., найденном в Тамани (древн. Гермонасса) имеется Θάτης как собственное имя отца умершего. Применение названия реки *в качестве* личного имени в Гермонассе также подсказывает, что Фат — прикубанская река. (В. В. Шкорпил. Боспорские надписи, найденные в 1910 г., ИАК, в. 40, стр. 10).

[47] В. Д. Блаватский. Битва при Фате и греческая тактика IV в. до н. э. ВДИ, № 1, 1946, стр. 101 сл.

[48] Войско у скифов состояло из конных лучников (ἱπποτοξόται). Оно в совершенстве владело искусством конного боя. Основное преимущество скифов заключалось в исключительном умении стрелять из лука с коня. Наряду с луком скифы употребляли в качестве оружия меч (ἀκινάκης), секиру (σάγαρις) и дротик (ἀκόντιον) — Herod. IV. 70. Слабой стороной скифского конного войска являлась его неприспособленность к борьбе в пешем строю. Тем не менее в древней Греции военная сила скифов оценивалась весьма высоко. По мнению Фукидида, ни один из современных ему народов, европейских или азиатских, не мог бы победить скифов один-на-один (Thuc., II, 97). Введенная впервые в афинском войске во время Пелопоннесской войны конница состояла, возможно, из наемного конного войска скифов или гетов. (E. Darko. Influences touraniennes sur l'évolution de l'art militaire des grecs, des romains et des byzantins. Byzantion, X, 1935, стр. 451).

[49] Diod., XX, 24.

[50] Б. Н. Граков. Материалы . . . , № 3, стр. 239—241).

[51] Там же, № 4, стр. 241—243.

[52] Там же, стр. 260.

[53] В. Ф. Гайдукевич. Некоторые новые данные о боспорских черепичных эргастериях времен Спартокидов. КСИИМК, XVII, стр. 22—27. Следуя за Ростовцевым, некоторые исследователи склонны войну Боспора с Гераклеей Понтийской из-за Феодосии, упоминаемую Полиеном, относить ко времени Левкона II (середина III в. до н. э.), а не Левкона I. Согласиться с такой гипотезой невозможно ввиду полной ее необоснованности. Если борьба Гераклеи с Боспором на рубеже V—IV вв. до н. э. вполне понятна как стремление оградить гераклейскую колонию Херсонес Таврический от агрессивных устремлений первых Спартокидов в западном направлении, то война Гераклеи в середине III в. с мощным и вполне сложившимся Боспорским царством представляется лишенной какого-либо смысла и логики. К тому же положение самой Гераклеи в середине III в. до н. э. (как это убедительно показала Е. И. Леви в своей диссертации «Гераклея Понтийская») было таково, что она безусловно не могла бы вести сколько-нибудь серьезную борьбу на столь отдаленном театре военных действий, каким был район Феодосии.

[54] В. Ф. Гайдукевич. Строительные керамические материалы Боспора. ИГАИМК, вып. 104, стр. 261 (№№ 92—93).

[55] Высказывавшееся рядом исследователей предположение (основанное на монетных данных), что в числе боспорских правителей на рубеже III—II вв. до н. э. был еще некий Ἄκος, или Ἄκης, представлявший собою, якобы узурпатора, вышедшего из скифской среды (см. E. H. Minns. Scythians . . ., стр. 585; ср.: С. А. Жебелев. Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре. ВДИ, № 3 (4), 1938, стр. 66 примеч. 3), следует рассматривать в настоящее время, после публикаций Д. П. Каллистова (ВДИ, № 1, 1948, стр. 150—155), и Л. П. Харко (ВДИ, № 2, 1948, стр. 135—141) как гипотезу, не имеющую под собой никаких оснований. Весьма характерно, помимо всего прочего, что известные до сих пор находки монет (золотые статеры) с именем царя Аки относятся к району юго-восточного Причерноморья, а отнюдь не Боспора. Независимо от того, был ли царь (колхидский?) с указанным выше именем реальной личностью или это имя возникло просто в результате неумелого копирования статеров Лисимаха в Колхиде, несомненно одно: к Боспору статеры «загадочного Аки» отношения не имеют.

[56] Б. Н. Граков. Материалы . . ., № 15, стр. 250.

[57] Там же, № 38, стр. 266.

[58] Там же, № 39, стр. 267.

Глава V

[1] А. И. Тюменев. Очерки экономической и социальной истории древней Греции, т. III, П., 1922, стр. 31 сл.

[2] A. Jardé. Les céréales dans l'antiquité grecque. Париж, 1925, стр. 97 — F. Heichelheim. Sitos. RE, Suppl. VI, стб. 846.

[3] F. Heichelheim, ук. соч., стб. 836.

[4] Demosth. adv. Lept., 31 сл. — SC, I, стр. 364—366. — A. Jardé, ук. соч., стр. 140—141. — С. А. Жебелев. Основные линии . . ., стр. 602.

[5] Медимн — мера сыпучих тел, равная 52, 53 л (F. Hültsch. Griechische und römische Metrologie. Берлин, 1882, стр. 703, табл. Xc). Жарде в своем капитальном труде о зерновых хлебах древней Греции при переводе древнегреческих объемных единиц на современные весовые меры исходит из расчета: 1 гектолитр пшеницы равняется в среднем 78 кг (A. Jardé, ук. соч., стр. 32). Отсюда мы можем вычислить вес 1 медимна пшеницы: 52.53×0.78 кг $= 40.955$ кг, т. е. около $2\frac{1}{2}$ пудов. Средний вес 1 гектолитра ячменя Жарде (там же, стр. 32, примеч. 10) принимает за 64 кг.

[6] Strab., VII, 4, 6.

[7] F. Heichelheim, ук. соч., стб. 836. — A. Kocevalov. Die Einfuhr von Getreide nach Athen. Rheinisches Museum für Philologie, LXXXI, 4, 1932, стр. 321 сл. — Вряд ли можно настаивать, как это делает Коцевалов, на цифре 800 000 медимнов; но он, повидимому, все же правильно подметил на основании анализа сведений, сообщаемых Демосфеном, и данных Страбона, что после вступления Феодосийского порта в действие Боспор экспортировал хлеба в Афины гораздо больше, нежели те 400 000 медимнов, о которых говорил Демосфен.

[8] Талант = 6000 драхм (в переводе на золотое исчисление нового времени — приблизительно 1455 руб.). Нормальная стоимость 1 медимна пшеницы в Афинах в IV в. до н. э. составляла 5—6 драхм (F. Heichelheim. Sitos. RE, Suppl. VI, стб. 887—888).

[9] Din. adv. Demosth., 43 = SC, I, стр. 372.

[10] Б. Н. Граков. Материалы . . . , № 32, стр. 262—263 (там же указана литература).

[11] Strab., VII, 4, 6.

[12] Скупка и вывоз рабов из северного Причерноморья начались очевидно одновременно с возникновением греческих колоний. Однако мы не располагаем данными, которые позволяли бы говорить о сколько-нибудь значительном и регулярном вывозе рабов из Скифии на внешние рынки через северопонтийские города (ср.: А. И. Тюменев. История античных рабовладельческих обществ, 1935, стр. 41). Сведения о рабах, происходивших из Скифии, по греческим эпиграфическим источникам, собраны в работе Б. Н. Гракова, Материалы . . . ВДИ, № 3, 1939 г. стр. 231—315. Из древнегреческих писателей только Страбон (XI, 2, 3) сообщает о торговле рабами в Танаисе. Что касается известного места из Полибия (IV, 4—5) о вывозе из припонтийских стран «рабов наилучшего качества», то эти слова греческого историка не относятся специально к северному Причерноморью. Вполне вероятно, что у Полибия подразумевалась прежде всего Фракия, откуда действительно всегда поступало много рабов в Грецию. — Весьма показательным документом является частично сохранившаяся афинская надпись 414 г. В ней содержится перечень рабов, принадлежавших некоему Кефисодоту, богатому метеку из Пирея. В числе 16 его рабов значится 5 фракийцев, 3 карийца, 2 сирийца, 2 иллирийца, 1 лидиец, 1 мальтиец и 1 скиф (Ditt. Syll.[3] 96, 14 сл.; Westermann. Sklaverei, RE, Suppl. VI, стб. 904—905). Цифровые данные указанной надписи находятся в прямом соответствии с тем хорошо известным фактом, что наибольшее количество рабов поступало в Грецию классической эпохи из Малой Азии (Фригия, Лидия, Кария, Пафлагония) и Фракии, отчасти из Иллирии. Северное Причерноморье в этом отношении занимало одно из последних мест. Известен лишь один факт доставки в Грецию крупной партии рабов из северного Причерноморья, около середины V в. до н. э. Но это были государственные рабы-скифы, выполнявшие в Афинах функции городских стражников. Таковых насчитывалось 300 человек, и по характеру основного оружия, которым они располагали, их обычно называли τοξόται, т. е. стрелками-лучниками. Время появления этих рабов точно не установлено. Некоторые историки полагают, что скифы-стражники (τοξόται) были доставлены в Афины Периклом во время его понтийской экспедиции (M. Duncker. Abhandlungen der griechisch. Geschichte, 1887, стр. 158), другие относят это к несколько более раннему времени, не ставя появление τοξόται в Афинах в связь с экспедицией Перикла (A. Plassart. Les archers d'Athènes. Revue des études grecques, XXVI, стр. 151 сл.). Пополнение скифских τοξόται могло легко производиться и на невольничьих рынках у границ Фракии (Caillemer. Démosioi, Daremberg — Saglio. II, стр. 92). Весьма возможно, что торговля рабами в северном Причерноморье и вывоз их за пределы Скифии несколько усилились в позднеэллинистическое время (III—II вв.) в связи с участившимися военными столкновениями между скифами и сарматами. Последнее несомненно повлекло за собой более интенсивный приток рабов на рынки северопричерноморских городов. Сокращение в то же время хлебного экспорта из греческих колоний могло временно выдвинуть работорговлю на передний план.

[13] Повидимому, в IV в. до н. э. лучшие ткани, импортировавшиеся на Боспор, были египетские, но поступали они через Афины (см.: М. Хвостов. Текстильная промышленность в греко-римском Египте. Казань, 1914, стр. 28—29).

[14] ОАК, 1862, стр. 28; на туловище амфоры красной краской написано «ἐλαῖαι».

[15] Ael. Var. hist., II, 41 = SC, I, стр. 608.

[16] По вопросу о значении керамических клейм как источника для изучения торговых связей руководящей является статья: Е. М. Придик. Керамические надписи из раскопок Тиритаки и Мирмекия в 1932—1934 гг. МИА, № 4, стр. 173— 178 (там же указана главнейшая литература вопроса).

[17] Б. Н. Граков. Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. М., 1929.

[18] С. А. Жебелев. Основные линии . . . , стр. 605.

[19] Б. Н. Граков, № 21, стр. 255—256.

[20] Там же, № 58, стр. 285—287.

[21] Там же, № 59, стр. 287—288.

[22] Strab., XI, 2, 2.

[23] Herod., IV, 24—27.

[24] ESA, VIII, 249.

[25] Arr. Anabas., IV, 15.4 = SC, I, стр. 515—516.

[26] Ср.: Herod., IV, 110—117.

[27] Г. Д. Белов. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935—1936 гг., стр. 319—320.

[28] ИАК, вып. 13, стр. 232.

[29] Strab., XI, 2, 17.

[30] К. М. Колобова. К вопросу о судовладении в древней Греции. ИГАИМК, вып. 61, стр. 48 сл.

[31] Strab., VII, 4, 4.

[32] Л. Колли. Следы древней культуры на дне моряком. ИТУАК № 43, 1909, стр. 125 сл.

Глава VI

[1] Demosth. adv. Lept., 31.

[2] Strab., VII, 4, 4.

[3] М. В. Покровский. Городища и могильники среднего Прикубанья (оттиск из Тр. Краснод. Гос. пед. инст., т. VI, вып. 1, 1937, стр. 3 сл.).

[4] К. Фляксбергер. Археологические находки хлебных растений в областях, прилегающих к Черному морю. КСИИМК, VIII, стр. 118.

[5] Strab., VII, 4, 6.

[6] В дошедшем до нас тексте «Географии» Страбона плодородие Крыма определено словами: τριάκοντα γοῦν ἀποδίδωσι. Предполагается (Крамер, Мейнеке и др.), что это место испорчено переписчиками и что в оригинале труда Страбона было написано не τριάκοντα γοῦν, а τριακοντάχουν. Однако указанная конъектура смысла по существу не изменяет. В обоих вариантах слова Страбона могут обозначать лишь одно: *плодородная почва Таврического полуострова дает тридцатикратный урожай*, как самый минимальный. Необходимо, однако, учесть, что согласно расчетам античных агрономов (Varr. de agr., I, 44: Col. de r. rust., II, 9; Plin. N. h., XVIII, 24, 198) при нормальных условиях обычно требовалось посеять 5 модиев (1 модий = 8.733 л) пшеницы на 1 югер (= 2523.3 кв. м) земли, понижение нормы до 4 модиев допускалось только на особенно плодородных землях. Иными словами, для получения нормального урожая считалось необходимым израсходовать при посеве от 136 до 174 литров зерна пшеницы на 1 га. Исходя из этих данных, мы должны были бы допустить, что античный земледелец в Крыму, если приведенные выше слова Страбона понимать как обозначение урожая «сам-тридцать», легко мог собрать урожай 136—174 литра × 30 = = 40.8 — 52.2 гектолитра, т. е. примерно от 200 до 250 пудов пшеницы с га. Между тем, известно, что даже наиболее плодородные земли Сицилии давали в античную эпоху 8—10 медимнов пшеницы с югера пашни (Cic. Verr. III, 47, 112), т. е. от 16.8 до 21 гектолитра с га (A. Jardé. Les céréales dans l'antiquité classique, Париж, 1925, стр. 58). Исследователями было обращено внимание на то, что нередко применяемый древнегреческими писателями термин πεντεκοντάχους, при определении урожайности земли, дает чрезмерно высокие, маловероятные цифры, если толковать указанный термин в обычном смысле «сам-пятьдесят». В виду этого Гиро (Guiraud. La propriété foncière en Grèce, Париж, 1893, стр. 554) предложил иное, более вероятное объяснение. По его мнению, греки, употребляя термин πεντεκοντάχους, определяли урожай в размере 50 χόες зерна с 1 плетра (χοῦς — греческая единица сыпучих тел = = 3.53 литра, плетр — греческая единица земельной площади = около

900 кв. м); в переводе на наши современные меры это обозначает, что 1 гектар земли давал 17 гектолитров зерна. Придерживаясь данного толкования, из слов Страбона, можно было бы заключить, что в Крыму получали 30 χόες пшеницы с 1 плетра пашни, иными словами, 10 гектолитров (около 50 пудов) зерна с гектара (ср.: R. Billard. L'agriculture dans l'antiquité, Париж, 1928, стр. 94).

[7] Об устройстве древнегреческого плуга см.: P. Leser. Entstehung und Verbreitung des Pfluges. Мюнстер, 1931, стр. 211—219.

[8] М. В. Покровский. *Городища и могильники* . . . , стр. 8.

[9] Там же, стр. 6.

[10] Яма-зернохранилище, внутренние стенки которой обмазаны глиной и обожжены, открыта в 1946 г. в Мирмекии. О применении ям-зернохранилищ в сельском хозяйстве Плиний писал: «. . . полезнее всего хранить хлеб в ямах, называющихся сирами (siros), как в Каппадокии, Фракии, Испании и отчасти в Африке. Прежде всего надлежит позаботиться, чтобы ямы были вырыты в сухом грунте и потом выстланы мякиной, после этого хлеб в ямы складывается с колосом. При условии, что воздух не проникает в хлеб, никакие вредители в нем безусловно не заведутся» (Plin. N. h. XVIII, 30).

[11] Найден при раскопках, производившихся в 1936 г. Л. П. Харко на городище Пересыпи. Ср.: ИАК, вып. 13, сер. 190. — Wiegand-Schrader. Priene, стр. 393 сл. — P. Clochè. Les classes, les métiers, le trafic, 1931, рис. 4—5.

[12] Brandt. Die schaffende Arbeit und bildende Kunst. Лейпциг, 1927, стр. 80—81, рис. 91.

[13] Orth. Kuchen. RE, стб. 2090.

[14] Ср. аналогичные сковороды, найденные в Ольвии и опубликованные Т. Н. Книпович (Ольвия, I, Киев, 1940, табл. XXXII). Глиняные сковороды (fictilis patina) для выпекания лепешек в золе или углях упоминает Плиний (Plin. N. h. XVIII, II).

[15] Herod., IV, 17.

[16] Theophr. de plant., *VII, 13, 8* = SC, I, стр. 385.

[17] Theophr. de plant., IV, 5, 3, = SC, I, стр. 385. — По предположению В. А. Петрова, в упоминаемых у Теофраста βολβοί следует видеть луковицы птицемлечника (*Ornithogalum*).

[18] К. Фляксбергер. Археологические находки . . . , стр. 118.

[19] Strab., VII, 3, 18.

[20] В. Ф. Гайдукевич. *Некоторые итоги раскопок Тиритаки и Мирмекия*. ВДИ, № 3, 1947.

[21] В. Ф. Гайдукевич, Е. И. Леви, Е. О. Прушевская. Раскопки западной части Мирмекия. *МИА*, № 4, стр. 115—123; ВДИ, № 1, 1937, стр. 216 сл.

[22] Плита, хранившаяся при Царском кургане, во время войны разбита.

[23] В. Ф. Гайдукевич. Боспорские города Тиритаки и Мирмекий на Керченском полуострове. ВДИ, № 1, 1937, стр. 225—226.

[24] ОАК, 1913, стр. 146, рис. 228.

[25] Athen., VII, 21 = SC, I, стр. 625.

[26] В. Ю. Марти. Возникновение и развитие рыбного промысла в Азовско-Черноморском бассейне. Природа, № 5, 1941, стр. 78 сл. — Он же. Новые данные о рыбном промысле в Боспоре Киммерийском по раскопкам Тиритаки и Мирмекия. СА, VII, стр. 94 сл.

[27] Strab., VII, 3, 18.

[28] Т. Н. Книпович и Л. М. Славин. Раскопки юго-западной части Тиритаки. МИА, № 4, стр. 51—52.

[29] Strab., XI, 2, 4.

[30] М. В. Покровский. Городища и могильники . . . , стр. 8, рис. 5.

[31] Там же, стр. 13—14.

[32] См. примеч. 8 к гл. V.

[33] Demosth. adv. Lacr., 34 = SC, I, стр. 368.

[34] Herod., IV, 73.

[35] Strab., XI, 2, 17.

[36] Такие пирамидки из необожженой глины были найдены в 1938 г. в Тиритаке при раскопках архаического дома.

[37] Реконструкция греческого ткацкого станка, выполненная на основании рисунка на чернофигурном аттическом лекифе VI в. до н. э., воспроизведена в статье: Grace M. Crowfoot. Of the Warp-weighet Loom. Annual of British School at Athens, т. XXXVII, стр. 36—47

[38] М. Хвостов. Текстильная промышленность . . . , стр. 21.

[39] О Каменском городище см.: Б. Н. Граков. Литейное и кузнечное ремесло у скифов. КСИИМК, XXII, стр. 43 сл. — Металлургия южного Причерноморья освещена в работе: Р. В. Шмидт. Очерки по истории горного дела и металлообрабатывающего производства в античной Греции. ИГАИМК, вып. 108, стр. 291 сл.

[40] Herod., III, 116.

[41] Strab., XI, 2, 19. — App. Mithr., 103.

[42] С. А. Жебелев. Основные линии . . . , стр. 666.

[43] В. Ф. Гайдукевич. Античный бронзовый штамп, найденный в Тиритаке. СА, VI, стр. 298 сл.

[44] Б. Ф. Фармаковский. Золотые обивки налучий (горитов) из Чертомлыцкого кургана и из кургана в М. Ильинцах. Сб. археол. статей в честь А. А. Бобринского, СПб, 1911, стр. 45—118. — Датировка горитов II в. до н. э., которую отстаивал Б. В. Фармаковский, в настоящее время не выдерживает критики (ср.: Schefold. Der skythische . . . , стр. 24).

[45] В. К. Мальмберг. Воин, защищающий павшего товарища, на чертомлыцких ножнах и других памятниках греческого искусства. Харьков, 1914 (оттиск из Сб. Харьк. ист.-фил. общ. в честь проф. В. П. Бузескула).

[46] Вошла в общее руководство по античному искусству: см.: A. Springer, A. Michaelis, P. Wolters, Die Kunst des Altertums. Лейпциг, 1923, стр. 310. — О датировке см.: Schefold. Der skythische . . . , стр. 24.

[47] ОАК, 1913, стр. 111—112.

[48] ОАК, 1913, стр. 122. М. В. Фармаковский. Горит из кургана Солохи. ИРАИМК, II, стр. 23—48.

[49] Лучшее издание кульобского сосуда см.: МАР, вып. 34, стр. 79 сл.

[50] То же.

[51] Е. М. Придик. Два серебряных ритона из коллекции Эрмитажа. ЗОО, т. XXX (ср.: ИАК, вып. 49, стр. 2 сл.).

[52] А. А. Передольская. Вазы Ксенофанта. Тр. отд. античн. мира. Гос. Эрмитаж, т. I, Л., 1945, стр. 47 сл.

[53] Об Артюховском кургане см.: R, стр. 245 сл. (приведена литература). О Зеленском кургане: R, 260 сл. и В. В. Шкорпил. Отчет о раскопках в г. Керчи, на Таманском полуострове и в Алуште в 1912 г. ИАК, вып. 60, стр. 30—31; серебряному сосудику (наш рис. 21, внизу слева) посвящена статья: Б. В. Фармаковский. Аканфовая ветвь на серебряном сосуде с Таманского полуострова. Сборник статей в честь В. П. Бузескула. Харьков, 1914, стр. 669 сл.

[54] Раскопки экспедиции Гос. Эрмитажа в 1939—1941 и в 1946—1948 гг. (руководитель М. М. Худяк).

[55] Т. Н. Книпович. Из истории художественной керамики северного Причерноморья. СА, VII, стр. 142.

[56] При характеристике боспорских полихромных ваз мы пользовались, кроме личных наблюдений, материалами из главы о местном керамическом производстве античных городов северного Причерноморья, написанной Т. Н. Книпович для коллективного труда «Античная культура северного Причерноморья».

[57] В. Ф. Гайдукевич. Строительные керамические материалы Боспора. ИГАИМК, вып. 104, стр. 211 сл.

[58] Там же, стр. 240 сл.

[59] М. В. Покровский, ук. соч., стр. 19 и 25.

[60] Сведения о гончарных печах Танаиса сообщены Т. Н. Книпович.

[61] Остатки стен из сырца были обнаружены при раскопках тиритакского архаического дома (ВДИ, № 3—4, 1940, стр. 306).

[62] В. Д. Блаватский. О применении троянки в римскую эпоху. ТСАРАНИОН, V, 1930.

[63] В. Ф. Гайдукевич. Строительные . . . , стр. 249—250.

[64] С. А. Жебелев. Основные линии . . . , стр. 596.

[65] Diod., XX, 23.

[66] Polyaen. Strateg., VI, 9, 3.

[67] Pollux., III, 83.

[68] Beloch. Griechische Geschichte, I², стр. 203. — А. Рановић. Зависимые крестьяне в эллинистической Малой Азии. ВДИ, № 2, 1947, стр. 28—39.

[69] Ruge, Mariandinoi, RE, стб. (ср.: Beloch, ук. соч., стр. 259—260, 305).

[70] Poseid. ap. Athen., VI, 253C. — Busolt, ук. соч., стр. 285, примеч. 1.

[71] Brandis. Bithynia. RE, стб. 512.

[72] Phyl. ap. Athen., VII, 271B. — Busolt, ук. соч., стр. 136.

[73] Polyb., IV, 52, 7.

[74] Swoboda. Κώμη. RE, Suppl. IV, стб. 961—962. — Busolt, ук. соч., стр. 137.

[75] M. Rostowtzew. Studien zur Geschichte des römischen Kolonates. 1910, стр. 260 и 266 (критика методологически порочной концепции Ростовцева о феодальных отношениях в эллинистической Азии дана в ук. выше статье А. Рановича).

[76] J. Oehler. Κυλλυριοί. RE, стб. 2460.

[77] Р. В. Шмидт. О непосредственных производителях на Крите. Пробл. истории докапит. формац., № 9—10, 1935, стр. 54.

[78] Busolt, ук. соч., стр. 177, примеч. 6.

[79] Herakl. ap. Athen., XII, 524. — Hiller von Gaertringen. Miletos. RE, стб. 1594.

[80] Strab., VII, 4, 6.

[81] Ср.: С. А. Жебелев. Основные линии . . . , стр. 597—598.— С. А. Жебелев склонен был преуменьшать роль пелатов в экономике Боспора, видя в них лишь ἱεροβοῦλοι.

[82] Ф. Мищенко еще в 70-х годах прошл. столетия, характеризуя социально-экономическую структуру Боспорского царства и опираясь при этом на соображения, высказанные ранее Бёком (известный издатель греческих надписей), писал: « Смешанное население Боспорского царства из греческих колонистов, главным образом малоазиатских, ионян и туземных скифов, состояло под единоличным управлением архонтов или царей эллинского или фракийского происхождения, которым варварские народы платили дань преимущественно хлебом» (Ф. Мищенко. Торговые сношения афинской республики с царями Боспора. Унив. изв., Киев, № 7, 1878, стр. 484). Ср.: F. Heichelheim. Sitos. RE, Suppl. VI, стб. 863.

Глава VII

[1] Strab., VII, 4: μητρόπολις τῶν Βοσποριανῶν (ср.: Ps.-Scymn. peripl., 835 и Anon. peripl. P. Eux., 75: τοῦ Βοσπόρου βασίλειον).

[2] Amm. Marc., XXII, 8.

[3] Anon. peripl. P. Eux., 76 = SC, I, стр. 282: πόλις ἐπίσημος. — Некоторые писатели особо подчеркивали, что Пантикапей большой, обширный город: средневековый писатель Евстафий в комментариях к периэгесе Дионисия (§ 311), повторяя страбоновское описание Пантикапея — «кругом заселенный холм в 20 стадий, главный город местных боспорцев (μετρόπολις τῶν ἐκεῖ Βοσπορανῶν)», — добавляет, что это «большой город» (πόλις μεγάλη) = SC, I, стр. 197. — Очевидно, имевшиеся в распоряжении Евстафия литературные источники приводили его к такому заключению. Стефан Византийский говорит еще сильнее, называя Пантикапей πόλις μεγίστη, т. е. «очень большой город» = SC, I, стр. 264.

[4] Strab., VII, 4, 4.

[5] Strab., XI, 2, 10.

[6] Обзор истории археологических исследований Пантикапея дан в статье: Ю. Ю. Марти. Проблема раскопок древнего Пантикапея. ТСАРАНИОН, IV, стр. 306—322.

[7] П. Дюбрюкс. Описание развалин и следов древних городов и укреплений, некогда существовавших на европейском берегу Боспора Киммерийского . . . , ЗОО, IV, стр. 36 сл.

[8] А. Ашик. Воспорское царство. Одесса, 1848, I, табл. IV.

[9] Раскопки В. В. Шкорпила: ИАК, вып. 27, стр. 45.

[10] ДБК, стр. 13 (изображение на фронтисписе).

[11] V. Škorpil. Kybelin kult w říši Bosporské. Sbornik praci filologickych . . . professoru J. Kralovi, Прага, 1913, стр. 196 сл.

[12] Hesych. Κιμμερὶς θεὰ ἠμήτηρ τῶν θεῶν = SC, I, стр. 853.

[13] Статуя хранится в Гос. Эрмитаже, воспроизведена в книге: Ю. Ю. Марти. Сто лет Керченского музея. Керчь, 1926, рис. 9.

[14] Попытку обнаружить остатки пантикапейского театра в 1910 г. сделал В. В. Шкорпил, но неудачно; см.: ИАК, вып. 47, стр. 43—44.

[15] Polyaen. Strateg., V, 44 = SC, I, стр. 564.

[16] Athen., VIII, 347 D.

[17] R, стр. 112 сл.

[18] О Сириске см.: М. И. Ростовцев. Сириск — историк Херсонеса Таврического. ЖМНП, 1915, апрель, стр. 151—170.

[19] Strab., II, 1, 16.

[20] Ю. Ю. Марти. *Новые эпиграфические памятники Боспора*. ИГАИМК, вып. 104, стр. 57 сл.

[21] R, стр. 148—149.

[22] Б. В. Фармаковский. Боспорськи Спартокіди в атенському різьбярстві. Юбілейн. збірн. на пошану акад. Д. І. Багалія, Київ, 1927, стр. 1136 сл. (изображение статуи на стр. 1135). — O. Waldhauer, Journ. of Hell. Studies, XLIV, стр. 51.

[23] ОАК, 1896, стр. 66 сл.; 1898, стр. 13 сл.; 1899, стр. 19 сл.

[24] АДЖ, табл. XXXVII.

[25] АДЖ, стр. 123—125, табл. XL—XLII.

[26] АДЖ, стр. 119—123, табл. XXXVII, 2—4 и XXXIX.

[27] В. Ф. Гайдукевич. Археологическое изучение Мирмекия. МИА, № 4, стр. 96 сл. Там же отчет В. Ф. Гайдукевича, Е. И. Левиной и Е. О. Прушевской о раскопках Мирмекия в 1934 г. (стр. 110 сл.). О раскопках Мирмекия в 1935—1938 гг. и в 1946 г. см.: ВДИ, № 1, 1937, стр. 216 сл.; № 3—4, 1940, стр. 300 сл.; № 3, 1947, стр. 203—204.

[28] В. Ф. Гайдукевич. Укрепленная villa-rustica на Темир-горе. СА, VII, стр. 45 сл.

[29] Археологические исследования в РСФСР 1934—1937 гг. М. — Л., 1941, стр. 262—265.

[30] Отчет Ю. Ю. Марти, Т. Н. Книпович, Л. М. Славина, В. Д. Блаватского и М. М. Кобылиной о раскопках Тиритаки (городища и некрополя) в 1932—1934 гг. см.: МИА, № 4, стр. 11—84. О раскопках в последующие годы (до 1939 г. включ.) см.: ВДИ, № 1, 1937, стр. 216—239; № 3—4, 1940, стр. 306—314; КСИИМК, IV, стр. 54—58. О раскопках в 1946 г. и общих итогах исследований Тиритаки за 10 лет см.: ВДИ, № 3, 1947, стр. 187 сл.

[31] В. Ф. Гайдукевич. Некоторые итоги раскопок Тиритаки и Мирмекия. ВДИ, № 3, 1947, стр. 193—194.

[32] Штемпель найден во время раскопок, производившихся в 1947 г.; аналогичный штемпель в 1946 г. найден при раскопках городища Пантикапея на горе Митридат (Л. Ельницкий. Эпиграфические новинки из Керчи. ВДИ, № 3, 1947, стр. 206—208).

[33] Тиритака и Нимфей были расположены на противоположных сторонах входа в морскую бухту, превратившуюся впоследствии в соленое Чурубашское озеро, которое отделяется теперь от моря песчаной перемычкой так называемых плавней. По ним проходят сухопутные дороги, соединяющие кратчайшим путем Камыш-бурун (древняя Тиритака) с Героевкой (древний Нимфей); в древности этот путь был водным (F. Dubois de Montpéreux. Voyage autour du Caucase . . . et en Crimée, т. V, Париж, 1843, стр. 247).

[34] У Страбона (а вслед за ним и у Стефана Византийского), Птолемея, Аппиана, Гарпократиона, а также в перипле Анонима город называется Νύμφαιον, Псевдо-Скилак именует этот же город Νυμφάια. Перечень всех источников по Нимфею см.: Diehl. Nymphaion. RE, Suppl. VI.

[35] Anon. peripl. P. Eux. = SC, I, стр. 272.

[36] Ср.: В. Ф. Гайдукевич. О местоположении древней Тиритаки. МИА СССР, № 4, стр. 86 сл.

[37] Strab., VII, 4, 4.

[38] О новейших раскопках Нимфея, ведущихся с 1938 г. см.: ВДИ, № 3—4, 1940, стр. 314 сл. — М. М. Худяк. Работы Нимфейской

экспедиции 1939 года. Тр. отд. античн. мира, Гос. Эрмитаж, т. I, Л., 1945, стр. 147 сл. — Он же. Работы Нимфейской экспедиции Государственного Эрмитажа в 1939—1941 гг. КСИИМК, XIII, стр. 119 сл.

[39] М. М. Худяк. Работы. . . , стр. 124.

[40] Aesch. in Ctes., 171 = SC, I, стр. 370.

[41] Рассмотрению эпизода о так называемой измене Гилона посвящена одна из статей С. А. Жебелева в его «Боспорских этюдах» (ИГАИМК, 104, стр. 24—37; там же приведена вся основная литература вопроса). Выводы С. А. Жебелева приняты Э. Дилем в указ. его статье о Нимфее (в RE). Возражения см.: К. Э. Гриневич. Оборона Боспора Киммерийского. ВДИ, № 4, 1946, стр. 160 сл.

[42] Совершенный дедом Демосфена какой-то проступок был, очевидно, менее серьезен, чем изобразил Эсхил; это видно из слов Демосфена, признававшего, что Гилон был приговорен к денежному штрафу (Demosth., XXVIII, 2; A. Schäfer. Demosthenes, I², стр. 261, 264, 267).

[43] Plut. Pericl., 20. — Ruge. Sinope. RE, стб. 253.

[44] Hargocr., s. v. Νυμφαῖον = SC, I, стр. 589.

[45] М. М. Худяк. Работы. . . , стр. 120.

[46] Нимфей упоминается в связи с событиями митридатовского времени (App. Mithr., 108) именно как крепость, укрепленное место (φρούριον), благоприятное в военном отношении (εὐκαίρον ἐς πόλεμον).

[47] В. В. Шкорпил и М. И. Ростовцев. Эпиграмма из Эль-Тегеня. ИАК, вып. 37, стр. 12—22.

[48] Strab., XI, 2, 5.

[49] Ю. Ю. Марти. Городища Боспорского царства к югу от Керчи — Киммерик, Китей, Акра. ИТОИАЭ, II, стр. 103—126. — См. также: Ю. Ю. Марти. О результатах работ экспедиции Керченского музея по обследованию городищ Киммерика, Китея и Акры на Керченском полуострове летом 1927 г. (докл.). Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе. Севастополь, 1927, стр. 54.

[50] Ps. Scyl. peripl., 68 = SC, I, стр. 84.

[51] SC, I, стр. 282—283.

[52] Plin. N. h., IV, 86 = SC, II, стр. 173. — Плиний называет города Китей, Зефирий, Акру, Нимфей и Дию (Dia) городами «бывшими» (см. об этом стр. 349).

[53] Steph. Byz. = SC, I, стр. 262.

[54] Ptol., III, 6, 5 = SC, I, стр. 234.

[55] В. В. Латышев. Неизданные Боспорские надписи. ИРАИМК, II, стр. 84 сл. — Ю. Ю. Марти. Новые эпиграфические памятники Боспора. ИГАИМК, вып. 104, стр. 60 сл.

[56] Ю. Ю. Марти. Городища Боспорского царства. . . , стр. 120 сл. — Он же. Раскопки Китея в 1928 г. ИТОИАЭ, III, стр. 146—

130. — О н ж е. Раскопки Керченской экспедиции 1928 года. Крым, № 1 (9), 1929, стр. 6 сл.

[57] На китейском надгробии IV в. высечено варварское имя Χανάχης (ИГАИМК, вып. 104, стр. 73); в китейском склепе II—III вв., с изображением корабля на стене, написано также явно негреческое имя Ζάβαργος.

[58] Могильник раскапывался экспедицией Керченского музея в 1930 г.; был открыт ряд погребений с обильным вещевым инвентарем, могилы простые грунтовые и преимущественно плитовые II в. до н. э. — II в. н. э. Отчет о раскопках кызаульского могильника, подготовленный к печати В. Ф. Гайдукевичем, еще не опубликован.

[59] Anon. peripl. P. Eux., 76 = SC, I, стр. 283.

[60] Изображение скал см.: Ю. Ю. М а р т и. Городища Боспорского царства. . . , рис. 4, а также в статье: Б. Ф. Д о б р ы н и н. Геоморфология и ландшафты Керченского полуострова. Крым, № 1 (9), 1929, стр. 105.

[61] Следы стены, ограждавшей южную зону Опука с запада, обозначены на плане горы Опук, снятом военными топографами в 1852 г. при подготовке материалов к изданию «Древностей Боспора Киммерийского» (план, подписанный подполковником Рябовым, хранится в Библиотеке ЛОИИМК).

[62] П. Д ю б р ю к с. Описание развалин. . . , стр. 80.

[63] S t r a b., XI, 2, 5.

[64] Киммерик, находившийся на азиатской стороне Боспора, был селением незначительным в эллинистическое и ранне-римское время, поэтому Страбон и применил к нему слово κώμη (XI, 2, 4). Но то описание Киммерика, которое он встретил, вероятно, в другом источнике и которое (относясь в действительности к Киммерику европейской стороны) давало представление о гораздо более крупном и важном населенном пункте, настолько не соответствовало уже данной азиатскому Киммерику характеристике как κώμη, что Страбон счел нужным сопроводить приводимое им в § 5 описание Киммерика словами «прежде был город», чтобы смягчить то противоречие, которое, повидимому, было замечено им самим.

[65] Winifred L a m b. Excavations at Thermi in Lesbos. Кембридж, стр. 150 сл.

[66] H e r o d., IV, 3.

[67] H e r o d., IV, 28.

[68] H e r o d., IV, 20.

[69] H e r o d., IV, 12 (ср.: ВДИ, № 3, 1947, стр. 191).

[70] Описание городища см.: П. Д ю б р ю к с. Описание развалин. . . , ЗОО, IV, стр. 12 сл. — Составленное Дюбрюксом подробное описание городища, лежащего около дер. Ивановки, опубликовано в ЗОО без планов, которые считались потерянными. Они в 1935 г. обнаружены нами в Архивах ИИМК и Гос. Эрмитажа и в скором времени будут изданы.

[71] P t o l., III, 6, 4 = SC, I, стр. 233.

[72] Локализация Зенонова Херсонеса на мысе Зюк принадлежит Ю. Кулаковскому (ОАК, 1894, стр. 9).

[73] ОАК, 1894, стр. 8—9.

[74] См. комментарии к найденной на мысе Зюк надписи (фрагмент списка фиасотов): IPE, IV, 206 (стр. 123) и МАР, 17, стр. 37.

[75] S t r a b., XI, 2,6.

[76] Arr. peripl., 30 = SC, I стр. 224. — Anon. peripl. P. Eux., 77 = SC I, стр. 283. — K. N e u m a n n, ук. соч., стр. 471. — Краткое описание городища, составленное С. Веребрюсовым, см.: Архив ИИМК, дело АК, № 7, 1882, лист 21.

[77] Э. Ш т е р н. Феодосия и ее керамика. Муз. Одесск. общ. истор. и древн., III, Одесса, 1906. — План Феодосии с обозначением археологических памятников см.: Н. Б а р с а м о в и А. П о л к а н о в. Феодосия. Феодосия, 1927.

[78] ABC, стр. 53, № 5, табл. XIIa.

[79] P l i n. N. h., VII, 21; XXXIV, 19.

[80] Вопросам исторической топографии посвящен труд: К. К. Г ё р ц. Археологическая топография Таманского полуострова. Собр. соч., СПб., 1898 (см. рец.: М. К у т о р г а. О Таманском полуострове. М., 1871). — Много интересных и ценных соображений по вопросам исторической топографии Таманского полуострова было высказано еще в конце прошлого столетия М. О. Поночевным, кубанским уроженцем, по профессии, кажется, педагогом, обладавшим классическим образованием, а главное — хорошо знавшим край. Труд М. О. Поночевного в виде статьи под заголовком «Географический очерк Босфорского царства» (Кубанский сборник, т. II. Екатеринодар, 1891, 60 страниц + 3 карты) не привлек к себе в свое время внимания специалистов и был забыт, хотя содержит немало чрезвычайно полезных наблюдений относительно древней топографии азиатской стороны Боспора. — В советский период был произведен ряд успешных обследований Таманского полуострова, задачей которых являлось составление археологической карты. См.: А. С. Б а ш к и р о в. Археологическое обследование Таманского полуострова в 1926 г. «Тр. этногр.-археол. музея I МГУ», № 3, стр. 26—40. — О н ж е. Археологическое обследование Таманского полуострова летом 1927 г. ТСАРАНИОН, т. III, стр. 71 сл. — С. Ф. В о й ц е х о в с к и й. Опыт восстановления рельефа Таманского полуострова, стр. 4—9. — К. Э. Г р и н е в и ч. Городище Тамань. Сб. статей того же автора «Опыт методологии археологической науки», 1926, стр. 19—25. — А. А. М и л л е р. Таманская экспедиция. СГАИМК, № 1. 1931. — О н ж е.

Выставка работ экспедиций Государственной Академии истории материальной культуры. СГАИМК, № 7—8, 1932, стр. 44—45. — Он же. Таманская экспедиция ГАИМК в 1931 г. СГАИМК, № 7—8, 1932, стр. 67—68.

[81] А. А. Миллер. Выставка работ экспедиций. . . , стр. 45.

[82] Strab., XI, 2, 9.

[83] Amm. Marc., XXII, 8, 30 = SC, II, стр. 327.

[84] SC, I, стр. 266.

[85] Strab., XI, 2, 6—10.

[86] Кроме Страбона, Корокондаму упоминают Аноним и Птолемей: Anon. peripl. P. Eux., 64 = SC, I, стр. 279. — Ptol., V, 8, 6 = SC, I, стр. 237.

[87] Anon. peripl. P. Eux., 64 = SC, I, стр. 279.

[88] Не лишено остроумия замечание К. Гёрца, предлагавшего переводить термин λίμνη, применяемый Страбоном по отношению к Таманскому заливу, словом «лиман», исходя из предположения, что древние воспринимали этот залив как один из лиманов, образуемых Кубанью, подобно лиманам Цукурскому и Курчанскому (К. К. Гёрц. Археологическая топография. . . , стр. 33).

[89] Не входя в разбор делавшихся попыток дать лингвистическое толкование наименования Корокондамы, отметим все же одно обстоятельство, привлекающее к себе внимание. Местность с совершенно аналогичным наименованием — Κορακονδάμη — существовала еще и в южном Причерноморье близ Синопы (см.: Steph. Byz., s. v.). Не восходят ли оба эти названия (таманское и синопское) к киммерийцам? Как известно, Синопа была захвачена киммерийцами во время их вторжения в Малую Азию. Возможно, в связи с указанным вторжением киммерийцев появилось и соответствующее топонимическое наименование, тождественное тому, которое существовало в районе Боспора Киммерийского (E. Bonnel. Beiträge zur Altertumskunde Russlands, т. I, СПб., 1882, стр. 226—227). Это, безусловно, любопытный штрих, который следует учесть в связи с выдвигавшимся вопросом об этническом родстве синдов с киммерийцами. Попутно отметим, что Помпоний Мела, отмечая два русла Кубани, проходящие через Таманский полуостров, называет эту реку Coracanda (P. Mela. De chron., I, 2 = SC, II, стр. 118). Ни у одного другого античного автора Кубань с таким именем не встречается. Название это созвучно наименованию селения Корокондама. Не имеем ли мы в передаче Помпония Мелы древнейшее местное киммеро-синдское наименование Кубани? К. Мюллер объяснял это место у Помпония Мелы порчей текста (C. Müller. Geographi Graeci minores, II, стр. 138). Очень интересен тот факт, что близ городища Корокондамы, к юго-востоку от мыса Тузлы, встречаются погребения, повидимому, эпохи бронзы (может быть, киммерийские?). Хорошо знавший памятники старины Таманского района В. В. Соколов писал

об упомянутых выше погребениях следующее: «Судя по находкам (каменные молотки, топоры, и проч.), кладбище относится к отдаленнейшей эпохе» (В. В. Соколов. Карта древних поселений и могильников в районе станицы Таманской. ИТУАК, № 56, стр. 39—59; там же на стр. 46 дана краткая характеристика тузлинского городища).

[90] ОАК, 1910 и 1913.

[91] Strab., XI, 2, 10. — Из слов Страбона, пожалуй, можно заключить, что та территория, на которой находились Фанагория и Кепы, в состав Синдики не входила. Но этому явно противоречит Псевдо-Скилак, согласно которому в Синдике были расположены следующие эллинские города: город Фанагора, Кепы, Синдская гавань, Патус (Ps.-Scyl. peripl., 72 = SC, I, стр. 85). В силу этого было бы рискованным, опираясь на толкование текста Страбона, исключать из Синдики ту часть Таманского полуострова, где находились Фанагория и Кепы. Первоначально, повидимому, весь Таманский полуостров (группа островов) принадлежал области синдов.

[92] Ни в одном из найденных до сих пор на фанагорийском городище эпиграфических памятников нет упоминания имени города Фанагории. Необходимо, однако, отметить, что в одной надписи времени Перисада I, высеченной на мраморной базе, которая предназначалась для установки статуи, посвященной «Афродите Урании, владычице Апатура», отчество посвятителя — Φανα[γό]ρης (IPE, IV, 418). Этот факт безусловно интересен. Имя собственное Фанагор встречено в боспорской эпиграфике один лишь раз и, как видим, только на памятнике, происходящем из городища, где локализуется Фанагория. Кажется весьма вероятным, что имя Фанагора могло быть популярным в Фанагории именно потому, что ойкистом этой теосской колонии, как известно, считался Фанагор.

[93] Strab., XI, 2, 10.

[94] Поскольку каменная гряда, т. е. сохранившаяся под водой кладка, совпадает по своему направлению с восточной границей античной Фанагории, В. Д. Блаватский высказал интересное предположение, что предполагаемый мол, возможно, представляет собой остатки оборонительной стены города, уцелевшей на месте разрушенного морем городища. (В. Д. Блаватский. Раскопки в Фанагории в 1940 г. ВДИ, № 1, 1940, стр. 221, прим. 1).

[95] Разведочные археологические исследования Фанагории с 1927 по 1930 гг. вел Л. П. Харко (Л. Харко. Экспедиционная деятельность ГМИИ. Жизнь музея. Бюлл. Гос. музея изящн. искусств, авг., 1930, стр. 77—79). В течение ряда лет, с 1936 по 1940 г., в Фанагории производились систематические раскопки московскими археологами под руководством В. Д. Блаватского. В результате этих работ были определены основные границы древнего города, выяснена стратиграфия его культурных напластований, собран разнообразный вещевой материал

и т. д. См.: В. Д. Блаватский. Раскопки Фанагории в 1938—1939 гг. ВДИ, № 3, 1940, стр. 298—300. — Он же. Раскопки в Фанагории в 1940 г. ВДИ, № 1, 1940, стр. 220—223. — Он же. Отчет о раскопках Фанагории в 1936—1937 гг. Тр. Гос. Истор. музея, XVI, стр. 57 сл. Археологические работы в Фанагории были возобновлены в 1947 г. под руководством М. М. Кобылиной.

[93] В 1930 г. во время разведочных работ К. Э. Гриневич и Л. П. Харко открыли на окраине Фанагории большую керамическую обжигательную печь поздне-римского времени. Печь была доследована В. Ф. Гайдукевичем в 1931 г. (работа эта производилась в составе Таманской экспедиции ГАИМК), и опубликована им же в специальной монографии (ИГАИМК, вып. 80, 1934). Подобные гончарные печи обнаруживались неоднократно в Фанагории и раньше, но на них не обращали должного внимания (см. ук. работу В. Ф. Гайдукевича, стр. 108—111).

[97] ИГАИМК, вып. 104, стр. 298.

[98] *Во время раскопок керамической печи в 1931 г. была случайно* найдена при земляных работах на северной окраине городища Фанагории античная каменная двухстворчатая форма для отливки металлических шарообразных изделий, вероятно служивших в качестве каких-то украшений. Форма поступила в Керченский археологический музей.

[99] В. Д. Блаватский. Раскопки в Фанагории в 1940 г., ВДИ, № 3—4, 1940, стр. 296.

[100] Там же.

[101] К. К. Гёрц. Археологическая топография. . . , стр. 95 сл., 108.

[102] Strab., XI, 2, 10.

[103] К. К. Гёрц. Археологическая топография. . . , стр. 156 (план храма). — О распространении культа Артемиды на Боспоре свидетельствуют надписи: IPE, II, 344, 421; ИАК, вып. 37, стр. 38; вып. 49, стр. 64; вып. 63, стр. 118—119.

[104] К. К. Гёрц. Исторический обзор археологических исследований и открытий на Таманском полуострове с конца XVIII столетия до 1859 г. СПб., 1898, стр. 7—10. — Некоторое время спустя обе статуи были затеряны. В 1926 г. Н. П. Розанова разыскала считавшуюся потерянной женскую статую памятника Комосарии среди древностей, хранящихся в Царском кургане (Керчь); вторая статуя (мужская) не обнаружена.

[105] E. H. Minns. Scythians. . . , стр. 617 (ср.: Rostovtzeff. Le culte de la Grande déesse dans la Russie méridionale. Revue des études grecques, XXXII, 1919, стр. 464; М. И. Ростовцев. Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре. ИАК, вып. 49, стр. 16—17).

[106] Ps.-Scymn. peripl., 899 = SC, I, стр. 90.

[107] В схолиях к Демосфену указывается, что, «бросив Нимфей» и не желая подвергнуться за это судебному преследованию, Гилон «бежал из [Афин] к правителям Понта [т. е. Боспора] и получил от них для пользования доходами так называемые Кепы, какие-то местности. . .» (SC, I, стр. 369). Это показание схолий представляет, безусловно, большой интерес. В подлиннике схолий это место читается так: «Γύλων . . . φυγὼν παρὰ τοῖς τοῦ Πόντου δυνάσταις καὶ τοὺς καλουμένους Κήπους, τόπους τινάς, καρποῦσθαι λαβὼν παρ'αὐτῶν. . .». У Латышева καρποῦσθαι переведено: «на пропитание», что не может быть признано удачным. Глагол καρπόομαι имеет значение: «получать доходы, извлекать выгоды», καρπόομαι ἔθνη — значит: «собирать дань с народов», отсюда ὁ καρπός — обозначает не только плоды полей, растений и т. д., но и «подати натурою». В связи с этим напомним, как Страбон, например, рассказывает, что в Понте царице Пифодориде принадлежал храм Мена Фарнакова и город-деревня (κωμόπολις) Америя, населенный многочисленными неродулами. Храм вместе с тем имел целую область (χώρα ἱερά), доходами с которой пользовался всегда жрец: χώραν ἱεράν, ἣν ὁ ἱερώμενος ἀεὶ καρπουται (Strab. XII, 3,31). Каким образом эти доходы получались? Путем эксплоатации ἱερόδουλοι, которые, как и во всех прочих древних малоазийских храмах, представляли собой не рабов в тесном смысле этого слова, а зависимых крестьян, которые, живя на χώρα ἱερά, выполняли определенные повинности и выплачивали храму «оброк» (см.: Hepding. Hieroduloi, RE). Именно в таком значении, нам кажется и следует понимать показание схолий к Демосфену относительно Гилона. Гилон получил Кепы с некоторой относящейся к этому местечку (χωρίον) территорией (τόπους τινάς) для того, чтобы пользоваться доходами путем собирания фороса, дани (καρποῦσθαι) с обрабатывавших эти угодия зависимых крестьян — пелатов.

[108] Diod., XX, 24 = SC, I, стр. 477.

[109] Plin., N. h., VI, 18: Coepae Milesiorum = SC, II, стр. 180.

[110] Pomp. Mela. De chronogr., I, 112 = SC, II, стр. 118.

[111] А. С. Башкиров. Археологические обследования. . . 1926 г., стр. 37. — М. О. Поночевный, ук. соч., стр. 33.

[112] Strab., XI, 2, 8. — Возможно, Гекатей Милетский под городом Патрасием (Πάτρασις, πόλις πρὸς τῷ Πόντῳ) подразумевал тот же *населенный пункт* (см.: Steph. Byz. s. v. Πάτρασις = SC, I, стр. 3).

[113] М. О. Поночевный, ук. соч., стр. 28.

[114] А. А. Миллер. Таманская экспедиция ГАИМК в 1931 г. СГАИМК, 1932, № 7—8, стр. 67—68.

[115] Anon. peripl. P. Eux., 69 = SC, I, стр. 280. — Strab., VII, 4, 5; XI, 2, 2. — Ptol., V, 8, 5: Ἀχίλλειον ἐπὶ τοῦ στόματος = SC, I, стр. 237. — Steph. Byz., s. v. Πάτρασις = SC, I, стр. 255—256.

[116] А. С. Башкиров, ук. соч., стр. 34—35. — М. О. Поночевный, ук. соч., стр. 25—26.

[117] К. К. Гёрц. Археологическая топография. . . , стр. 144—145.

[118] Ps.-Scymn. peripl., 896—898 = SC., I, стр. 90.

[119] Strab., XI, 2, 4. — Упоминаемый Страбоном ниже (XI, 2, 5) «бывший город Киммерик», *повидимому, относится к Киммерику, бывшему у горы Опук на Керченском полуострове* (см. выше стр. 186); ср.: М. О. Поночевный, ук. соч., стр. 24. — Что касается местоположения селения Киммерий, то удовлетворительного ответа на этот вопрос в настоящее время нет. Отнесение Киммерия к городищу «Кучугуры» *на Азовском побережье в довольно значительном отдалении от пролива* (см.: А. С. Башкиров, ук. соч., стр. 34) не отвечает той характеристике Страбона, согласно которой Киммерий лежал в 120 стадиях западнее Тирамбы. В. Ф. Войцеховский предложил свою догадку о локализации Киммерия на берегу Денского залива, стало быть южнее Ахиллия (В. Ф. Войцеховский, ук. соч., стр. 9). *Однако это противоречит* указанию древних, что Киммерий лежал на самом краю Таманского полуострова, т. е., очевидно, на берегу Азовского моря (ср.: Pomp. Mela. De chorogr., I. 112: et in ipso ore Cimmerium).

[120] Strab., XI, 2, 4.

[121] В. Войцеховский. *Опыт восстановления рельефа Таманского полуострова. . . .* стр. 8. — А. С. Башкиров, ук. соч., стр. 30.

[122] Раскопки некрополя производил в 1947 г. Н. В. Анфимов.

[123] К. К. Гёрц, ук. соч., стр. 129 сл.

[124] А. С. Башкиров, ук. соч., стр. 36—37. — А. А. Миллер. Таманская экспедиция ГАИМК. СГАИМК, № 1, 1931, стр. 27.

[125] Strab., XI, 2, 7.

[126] К. К. Гёрц, ук. соч., стр. 135 сл. — М. О. Поночевный, ук. соч., стр. 28.

[127] SC, I, стр. 169.

[128] И. П. Козловский. Тмутаракань и Таматарха — Матарха — Тамань. ИТОИАЭ, II, стр. 58—72.

[129] А. М. Миллер. Таманская экспедиция ГАИМК. СГАИМК, № 1, 1931, стр. 26—29. — Он же. Таманская экспедиция ГАИМК в 1931 г. СГАИМК № 3—4, 1932, стр. 58—60. — Он же. Таманская экспедиция ГАИМК в 1931 г. СГАИМК, № 7—8, 1932, стр. 67—68.

[130] Dion. peripl., 650—651 = SC, I, стр. 183.

[131] Ср.: К. Э. Гриневич, ук. соч., стр. 19—26.

[132] Plin., N. h., VI, 18 = SC, II, стр. 180.

[133] К. К. Гёрц. Археологическая топография. . . , стр. 53.

[134] В. В. Соколов. Карта древних поселений и могильников в районе станицы Таманской. ИТУАК, вып. 56, стр. 39—63. — *Из новых* находок, относящихся к архаической Гермонассе, см. публикацию Н. Лосевой о клазоменских *расписных* вазах из Тамани (АА, 1929, стр. 43). Раскопки таманского некрополя, производившиеся в 1938 г. Боспорской экспедицией ИИМК АН СССР и давшие ряд погребений архаического периода, не опубликованы.

[135] Е. А. Пахомов. Клады Азербайджана и других республик и краев Кавказа. Баку, 1938, стр. 7 (*указана литература*).

[136] А. А. Миллер, ук. соч., СГАИМК, № 1, 1931, стр. 29.

[137] Л. П. Харко. Фрагмент фриза с изображением гигантов из станицы Таманской. СА, VII, стр. 81 сл.

[138] Ю. Ю. Марти. Новые эпиграфические памятники Боспора. ИГАИМК, вып. 104, стр. 57—60.

[139] В. В. Шкорпил. Боспорские надписи, найденные в 1913 г. ИАК, вып. 54, стр. 67—70.

[140] В. В. Шкорпил. Новонайденные боспорские надписи. ИАК, вып. 63, стр. 111.

[141] J. Flav. Bell. jud., VII, 4, 7, = SC, I, стр. 484.

[142] Plin., N. h., V, 18 = SC, II, стр. 180.

[143] Ptol., VI, 8, 5 = SC, I, стр. 237.

[144] Steph. Byz., s. v. Ἀπάτουρον = SC, I, стр. 254 и стр. 2.

[145] IPE, II, 19 — посвятительная надпись, найденная на северо-восточном склоне горы Митридат в 1876 г. Известняковая плита с надписью увенчана фронтоном, на плоскости которого изображена Афродита Урания, *летящая на лебеде*; богиня держит в левой руке скипетр, за лебедем рядом с Афродитой показана часть фигуры Эрота (ОАК, 1877, стр. 246, 249 сл. — О. Ф. Вальдгауэр. Афродита Урания и Афродита Пандемос. ИРАИМК, II, стр. 212—213). Плита была посвящена фиасом Афродите Урании, владычице Апатура «за архонта и царя Перисада Филометора, сына царя Перисада, и царицу Камасарию Филотекну, дочь Спартока, и Аргота. . . , супруга царицы Камасарии. . .». Памятник этот относится *примерно к середине* II в. до н. э. Упоминаемые в надписи боспорский царь Перисад Филометор и царица Камасария Филотекна, повидимому, те же лица, которые *упоминаются в списках* жертвователей храма Аполлона в Дидимах (Б. Н. Граков. Материалы. . . , №№ 38—39, стр. 266—267; ср. СНА, VIII, стр. 842, *примечания*). *Фрагмент* другой посвятительной надписи Афродите, исходящий также от фиаса, найден в Тамани и относится уже к римскому времени (Ю. Ю. Марти. *Неопубликованные* археологические памятники. . . , ВДИ, № 1, 1941, стр. 198—199).

[146] В боспорских надписях Афродита *называется* иногда без всякого дополнительного эпитета; иногда же она упоминается или как Афродита Урания (IPE, II, 347), или Афродита Апатурийская (IPE, II, 352: Ἀφροδίτης Ἀπατουριάς), или Афродита Урания Апатура, владычествующая

(IPE, II, 28: Ἀφροδίτης Οὐρανίας Ἀπατούρου μεδέουσα), или Афродита владычица Апатура (IPE, II, 19, 349; IV, 418: Ἀφροδίτης Ἀπατούρου μεδέουσα); наконец, известна была на Боспоре и Афродита Навархида, т. е. Судоначальница (IPE, II, 25).

[147] Toepfer. Apaturia. RE, стб. 2672 сл. — В. В. Латышев. Очерк греческих древностей, ч. 2, СПб., 1899, стр. 141. — ОАК, 1859, стр. 125—129. — K. Neumann, ук. соч., стр. 560.

[148] АА, 1905, стр. 58. — Г. И. Боровка. Бронзовый олень из Ульского кургана. ИРАИМК, II, стр. 201 сл. — В ближайшее время должно появиться специальное исследование М. И. Максимовой о келермесском зеркале. К этому же кругу памятников, свидетельствующих о доминирующей роли женского божества в религиозных представлениях меото-синдского населения Прикубанья, принадлежит известная золотая треугольная бляха — украшение головного убора из кургана Карагодеуашх, а также золотой ритон из Мерджаны (ИАК, вып. 49, табл. II, 1 и табл. XI, 1. — M. Rostovtzeff, ук. соч., стр. 476 сл.; там же перечислены и другие памятники, на которых представлена скифо-сарматская «великая богиня»).

[149] Strab., XI, 2, 10 (ср.: Jessen. Apature. RE, стб. 2671—2672).

[150] Toepfer. Apaturia. RE, стб. 2673.

[151] М. О. Поночевный, ук. соч., стр. 37.

[152] В. В. Латышев. Ποντικά, стр. 279—283.

[153] Strab., XI, 2, 10.

[154] О Горгиппе см.: В. В. Латышев, ук. соч., стр. 75—77. — Мысль В. В. Латышева о первоначальном раздельном царствовании Левкона I и Горгиппа (первый — на европейской стороне, второй — на азиатской) вызывает сомнение прежде всего потому, что надпись, на которую ссылается В. В. Латышев в подкрепление своей гипотезы (IPE, II, 343; в ней Левкон I назван архонтом Боспора и Феодосии, без упоминания азиатских владений), найдена как раз на азиатской стороне. Это, скорее, позволяет думать, что в то время, когда создавалась эта надпись с укороченным титулом Левкона I, власть его распространялась все же не только на европейскую часть, но также и на *греческие города азиатской стороны Боспора. Не подлежит сомнению одно:* Горгипп принадлежал к царскому роду Спартокидов; это была влиятельная фигура, что следует вывести из факта постановки статуи Горгиппа в Афинах (Din, c. Demosth., 43 = SC, I, стр. 372). Столь же несомненным следует признать близкое отношение Горгиппа к синдской столице, правителем которой он, безусловно, был.

[155] В. Ф. Гайдукевич. Строительные керамические материалы Боспора. ИГАИМК, вып. 104, стр. 303.

[156] Ps.-Scymn. peripl., 72 = SC, I, стр. 85.

[157] А. Н. Зограф, ук. соч., стр. 540; А. В. Орешников. Этюды по нумизматике Черноморского побережья, ИРАИМК, II, стр. 121—126.

[158] Pomp. Mela. De chronogr. I, 110 = SC, II, стр. 118.

[159] Steph. Byz., s. v. Γοργίππεια и Σύνδικος = SC, I, стр. 258 и 266.

[160] Ps.-Scymn. peripl., 888—889 = SC, I, стр. 90 (то же дословно повторено в: Anon. peripl. P. Eux., 74 = SC, I, стр. 281).

[161] Anon. peripl. P. Eux., 65 = SC, I, стр. 279.

[162] Arrian peripl., 29 = SC, I, стр. 224 (так же и в: Anon. peripl. P. Eux., 67 = SC, I, стр. 280).

[163] А. С. Башкиров. Археологические обследования... 1927 года, стр. 75.

[164] Надписи Горгиппии см.: IPE, II, 399—420; IV, 430—445; ИАК, вып. 3, стр. 52; ИАК, вып. 27, стр. 48; ИАК, вып. 37, стр. 36—63.

[165] В. В. Латышев. Неизданные Горгиппийские надписи. ИАК, вып. 37, стр. 37—38.

[166] А. В. Орешников. Этюды по нумизматике..., стр. 125.

[167] Надпись, содержащую данные об этом обществе времен Савромата II, см.: В. В. Латышев, ук. соч., стр. 38—43 (см. также: С. А. Жебелев. Боспорские этюды, стр. 45—56).

[168] IPE, II, 400—401.

[169] М. Кобылина. Новейшие открытия в античной скульптуре. Искусство, № 2, 1941. — Найденный поблизости от статуи фрагмент пьедестала с надписью позволяет предположить, что статуя была поставлена наместником Горгиппии — Геродором, сыном Неокла, — своему отцу Неоклу, сыну Геродора, в 187 г., в 12-й год царствования Савромата II.

[170] Сохранившаяся высота статуи — 1.95 м.

[171] Strab., XI, 2, 10. — Вряд ли имеет под собою серьезное основание высказывавшееся предположение о возможности отождествления античного синдского поселения Аборака с районом горы, озера и речки Абрау, расположенных близ Новороссийска (см.: М. О. Поночевный, ук. соч., стр. 41—42).

[172] Strab., XI, 2, 14.

[173] Ps.-Scyl. peripl., 72 = SC, I, 85.

[174] Ptol., V, 8, 8 = SC, I, стр. 237.

[175] М. О. Поночевный, ук. соч., стр. 39—40. — В своих расчетах Поночевный, однако, исходит из локализации Синдского порта не на месте Горгиппии-Анапы, а значительно западнее — в районе Бугазского озера. Основанием для такой локализации служит Поночевному имеющееся у Страбона указание на то, что от Корокондамы до Синдского порта расстояние равняется 180 стадиям (Strab., XI, 2, 14). Представляется, однако, весьма вероятным, что это расстояние приве-

дено Страбоном (скорее, переписчиками его труда) ошибочно. Оно коренным образом расходится с показаниями периплов Арриана и Анонима, согласно которым от Пантикапея до Синдики (стало быть, до Синдского порта) было 540 стадий. Это расстояние ведет нас к Горгиппии-Анапе (где был в древности и Синдский порт), а отнюдь не к Бугазу.

[176] Н. В. Анфимов. Новые данные к истории азиатского Боспора (Семибратнее городище). СА, VII, стр. 258 сл.

[177] Ps.-Scymn. peripl., 890—895 = SC, I, стр. 90 (почти дословно повторено в: Anon. peripl. P. Eux., 74 = SC, I, стр. 281).

[178] Н. В. Анфимов, ук. соч., стр. 258 сл.

[179] В. Ф. Гайдукевич. Укрепленная villa rustica на Темиргоре. СА, VII, стр. 45 сл.

[180] Сведения о скифо-сарматских городищах Прикубанья почерпнуты из доклада Н. В. Анфимова, прочитанного им на пленуме ИИМК по изучению материальной культуры древнего Причерноморья 26 апреля 1946 г. — М. В. Покровский и Н. В. Анфимов. Карта древних поселений и могильников Прикубанья. СА, IV. — М. В. Покровский. Городища и могильники. . .

[181] Н. А. Захаров. Краснодарское городище. Ростов н/Д., 1928, стр. 10 (оттиск из Зап. Сев.-Кавк. общ. археол., истор. и этногр., вып. 3—4). — Он же. Первые шаги систематического изучения кубанских городищ. Краснодар, 1927, стр. 12 (оттиск из Сб. статей по эк. и культ. Сев.-Кавк. ассоц. н.-иссл. инст., № 26). Ср.: В. А. Городцов. Елизаветинское городище и сопровождающие его могильники по раскопкам 1935 г. СА, I, стр. 174.

[182] В. А. Городцов, ук. соч., стр. 171—185. — Он же. О результатах археологических исследований Елизаветинского городища и могильника в 1934 г., стр. 71—76. — М. В. Покровский. Городища и могильники. . . , стр. 17 сл.

[183] Раскопки Елизаветинских курганов производил Н. И. Веселовский в 1913—1914 гг. (ОАК, 1913—1915, стр. 148 сл.).

[184] М. В. Покровский. Городища и могильники. . . , стр. 19.

[185] Т. Н. Книпович. Опыт характеристики городища у станицы Елизаветовской по находкам экспедиции ГАИК в 1928 г. ИГАИМК, вып. 104, стр. 194.

[186] А. А. Миллер. Раскопки в районе древнего Танаиса. ИАК, вып. 35, стр. 86 сл. — Т. Н. Книпович. Опыт. . . , стр. 112 сл.

[187] Там же, стр. 188 сл.

[188] Strab., XI, 2, 3.

[189] Strab., VII, 4, 5.

[190] Танаитами называлось не только местное население самого Танаиса, но и туземное племя, обитавшее в районе Донской дельты. См.: IPE, II, 36. — Ptol., III, 5, 10 = SC, I, стр. 232.

[191] Strab., XI, 2, 11.

[192] Т. Н. Книпович. Опыт. . . , стр. 179.

[193] Е. Н. Minns. Scythians. . . , стр. 568.

Глава VIII

[1] Обзор всех боспорских некрополей см.: М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, 1925, стр. 159 сл. — Из новейших исследований боспорских некрополей должны быть отмечены: раскопки некрополя Китея в 1928—1929 гг. (Ю. Ю. Марти. Раскопки Китея. . . , стр. 124 сл.; за 1929 г. отчет не опубликован); раскопки некрополей кызыльского в 1930 г. и таманского в 1931 г. (отчеты не изданы); раскопки некрополя Тиритаки (В. Д. Блаватский. Раскопки некрополя Тиритаки в 1933 г. МИА, № 4, стр. 61 сл. — М. М. Кобылина. Раскопки некрополя Тиритаки в 1934 г., МИА, № 4, стр. 75 сл.); раскопки некрополя Фанагории (В. Д. Блаватский. Раскопки в Фанагории в 1940 г. ВДИ, № 1, 1941, 221—222).

[2] Устройство черепичных гробниц см.: ИГАИМК, вып. 104, стр. 264.

[3] АДЖ, стр. 511, примеч. к гл. II, стр. 46.

[4] Боспорские надгробия изданы в книге: G. Kieseritzky und C. Watzinger. Griechische Grabreliefs aus Südrussland. Берлин, 1909. — Ю. Ю. Марти. Поздне-эллинистические надгробия Боспора как историко-культурный документ. СА, VII, стр. 31—43.

[5] ИАК, вып. 10, стр. 52.

[6] Образцы антропоморфных боспорских надгробий см.: ИАК, вып. 10, стр. 72; вып. 40, стр. 101, 107.

[7] С. А. Жебелев. Боспорские этюды, стр. 45.

[8] С. А. Семенов-Зусер. Физическая культура и зрелища в древнегреческих колониях северного Причерноморья. Харьков, 1940. — Г. Е. Жураковский. Очерки по истории античной педагогики. М., 1940. — E. N. Gardiner. Greek athletic sportes and festival. Лондон, 1910. — Он же. Athletics of the ancient World. Оксфорд, 1930.

[9] L. Preller. Griechische Mythologie, т. I. Берлин, 1872, стр. 307 сл.

[10] Там же, стр. 337 сл. — Reisch. Agones. RE, стб. 856 сл.

[11] Возможно, культ Гермеса на азиатской стороне Боспора стоял в тесной связи с широко распространенным там культом Афродиты Урании. Согласно некоторым версиям, Гермес был сыном Урана и Гимеры, братом Афродиты Урании. Почитание Гермеса одновременно с Афродитой представляло собой нередкое явление в Греции (L. Preller, ук. соч., т. I, стр. 310—311). Интересно отметить, что боспорский житель Демарх, сын Скифа, посвятил при Левконе I Афродите Урании, владычице Анатура мраморную герму (IPE, II, 343). О совместном почитании Афродиты и Гермеса см.: Paus., II, 19, 6; VI, 26, 5; VIII, 31, 3.

[12] R e i s c h. Agones. RE, стб. 838.

[13] Посвятительная надпись агонофета Местора обнаружена Кёлером в Таманской церкви. Это дает основание предполагать, что надпись была, вероятнее всего, найдена на таманском городище и что она, таким образом, принадлежит древней Гермонассе. Однако не исключено, что база с посвятительной надписью извлечена из так называемой Суворовской крепости Тамани, при сооружении которой в XVIII в. были использованы в качестве строительного материала камни и с фанагорийского городища.

[14] G. B r a u c h i t s c h. Die Panathenaischen Preisamphoren. Лейпциг, 1910. — Н. Р а д л о в. Две панафинейские амфоры, найденные в южной России в 1911 году. ИАК, вып. 45, стр. 76—91. — А. И. П и о т р о в с к и й. Панафинейская амфора Елизаветинского кургана. ИРАИМК, III. — A. S m e t s. Groupes chronologiques des amphores panathenaiques inscrites. L'antiquité classique, 1936, стр. 91—101.

[15] В. В. Ш к о р п и л. Отчет о раскопках в г. Керчи и на Таманском полуострове в 1911 г. ИАК, вып. 56, стр. 7—8. — АА, 1912, стр. 338 сл. — Н. Р а д л о в, ук. соч., стр. 76. — А. И. П и о т р о в с к и й, ук. соч., стр. 100 и 103.

[16] А. М и л л е р. Раскопки у станицы Елисаветовской в 1911 году. ИАК, вып. 56, стр. 222—224. — Н. Р а д л о в, ук. соч., стр. 83. — А. И. П и о т р о в с к и й, ук. соч., стр. 101 и 103. — Амфора найдена в ограбленном кургане. По сохранившимся в могиле остаткам погребения установлено, что рядом с покойником лежала крупная часть лошадиной туши.

[17] ОАК, 1913, стр. 150 сл. — А. И. П и о т р о в с к и й, ук. соч., стр. 81—83. — A. S m e t s, ук. соч., стр. 97 сл. — Амфора найдена в разграбленном курганном погребении; она стояла с внешней стороны каменного склепа, возле его южной стены. Там же оказались семь простых глиняных остродонных амфор, панцырь из железных полос, деревянный ларец, железный чешуйчатый панцырь и меч. Каменный склеп, у которого было деревянное покрытие, оказался внутри полностью ограбленным; по брошенным грабителями вещам (медные и железные наконечники стрел, железные мечи и наконечники копий) видно, что погребение сопровождалось большим количеством оружия. В кургане были обнаружены похороненные лошади (всего в нем насчитано около 200 скелетов лошадей).

[18] ОАК, 1875, стр. XXXII. — ОАК, 1876, стр. 5 и 109. — А. И. П и о т р о в с к и й, ук. соч., стр. 101—102.

[19] Кроме перечисленных, отметим еще следующие находки панафинейских амфор: а) в Зеленском кургане (Таманский полуостров) среди разбитой на месте тризны керамики найдена верхняя часть панафинейской амфоры с тремя уцелевшими буквами, по которым восстанавливается имя афинского архонта Νεάνδρος, исполнявшего эту должность в 320—319 гг. до н. э. (В. В. Ш к о р п и л. Отчет о раскопках в г. Керчи, на Таманском полуострове и в Алуште в 1912 году. ИАК, вып. 60, стр. 32—33. — А. И. П и о т р о в с к и й, ук. соч., стр. 103.— A. S m e t s, ук. соч., стр. 101); уцелевшая часть амфоры не позволяет установить, к какому виду состязаний относился данный приз; б) на восточном склоне горы Митридат найден небольшой обломок стенки панафинейской амфоры с частью надписи, содержавшей имя того же архонта Неайхма (В. В. Ш к о р п и л, ук. соч., стр. 35); в) на земле Артюхова (Таманский полуостров) в конце XIX в. найдены обломки двух панафинейских амфор, которые были в 1913 г. куплены Археол. комиссией (ОАК, 1913, стр. 99).

[20] АДЖ, стр. 70—82, табл. XXVI—XXVIII.

[21] D. R o b e r t s o n. A Handbook of Greek and Roman Architecture, 2-е изд., Кембридж, 1945, стр. 231—232; о клинчатом своде в греческой архитектуре см.: Я. Г. Г е в и р ц. О сводах в постройках Ольвии. Тр. Всерос. Ак. худ., I, 1947, стр. 1—14.

[22] Обзор боспорских склепов с уступчатыми и цилиндрическими покрытиями см.: АДЖ, стр. 98—112. — С. А. К а у ф м а н. Об уступчатых склепах Боспора. Сообщ. инст. истор. и теор. архитект. Акад. архитект. СССР, № 6, 1947, стр. 1—32.

[23] Основанием для возникновения у местного населения различного рода легенд о Золотом кургане и скрытых в нем сокровищах могли служить как исключительный размах всего сооружения, так и в особенности наличие у кургана поразительной по своей мощности и грандиозности циклопической наружной облицовки из полигональных блоков. Еще до того как Карейша приступил к раскопкам кургана, проникнуть в него пытался генерал Розенберг, по приказу которого было сделано на кургане разрушение части его каменной обкладки посредством взрыва (K. N e u m a n n. Die Hellenen im Skythenlande. Берлин, 1855, стр. 498—499).

[24] Склепы Золотого кургана и значительная часть его циклопической облицовки были разрушены в XIX в., когда курган был превращен в карьер, где добывался камень для строительных нужд.

[25] ДБК, стр. CXXIV, черт. Aa. — С. А. К а у ф м а н, ук. соч., стр. 3.

[26] А. А ш и к. Боспорское царство, ч. II. Одесса, 1848.

[27] ДБК, стр. CXXVIII, черт. Ab. — С. А. К а у ф м а н, ук. соч., стр. 2 сл. (на стр. 6—7 воспроизведены чертежи склепа по новым обмерам архит. А. И. Каплуна). — J. D u r m. Die Kuppelgräber von Pantikapaion. Jahreshefte des Österreich. archäolog. Instit., т. X, 1907, стр. 230—242.

[28] В 1858 г. в 3 км к северу от Керчи, по дороге в деревню Булганак, А. Е. Люценко раскопал курган, в котором был обнаружен каменный

склеп с узким преддверием с юго-восточной стороны, одной архитектуры с тем, который выстроен в Царском кургане, но меньших размеров» (ОАК, 1859, стр. 18—19). Вокруг основания кургана обнаружена невысокая толстая каменная стена-крепида, как в Павловском кургане. Склеп Булганакского кургана, повторяющий конструкцию склепа Царского кургана, оказался совершенно разграбленным и даже сам был частично разобран, особенно верхние его части.

[29] ОАК, 1859, стр. 21—25.

[30] ОАК, 1862, стр. III сл.

[31] R, стр. 176.

[32] Ю. Ю. Марти. Описание Мелек-Чесменского кургана и его памятников в связи с историей Боспорского царства. Одесса, 1913. — С. А. Кауфман, ук. соч., стр. 6 сл.

[33] В настоящее время вход в дромос Мелек-Чесменского кургана снаружи имеет вид портала, увенчанного большим фронтоном. Последний построен в 1870 г., в связи с приведением кургана в музейное состояние. В архиве Керченского музея (до войны) хранилась фотография входа в дромос Мелек-Чесменского кургана, сделанная сразу же после раскопок, — никаких признаков портала на снимке, конечно, нет.

[34] Общий обзор курганов на Юз-оба с гробницами, имеющими уступчатые и цилиндрические покрытия, см.: АДЖ, стр. 99—109.

[35] ОАК, 1859, стр. 6—15. — R, стр. 178—179.

[36] C. Watzinger. Griechische Holzsarkophage aus der Zeit Alexanders des Grossen. Лейпциг, 1905, стр. 45—46.

[37] ОАК, 1878—1879, прилож., стр. 40 сл., табл. III, 1—3.

[38] Находки из гробницы Павловского кургана см.: ОАК, 1859, атлас, табл. III.

[39] И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства. СПб., 1889, т. I, стр. 72. — Furtwängler-Reichhold. Griechische Vasenmalerei, II, стр. 56—61, табл. 70. — С. С. Лукьянов и Ю. П. Гриневич. Керченская кальпида 1906 г. и поздняя краснофигурная живопись. МАР, № 35, стр. 38.

[40] ОАК, 1860, стр. III сл. и атлас, табл. VI, рис. 1. — АДЖ, стр. 104—105, табл. XXXIV. — С. А. Кауфман, ук. соч., стр. 10.

[41] C. Watzinger, ук. соч., стр. 35.

[42] R, стр. 177.

[43] ABC, стр. 21—22, табл. IV, 2 (золотой венок); XVIII, 6 (золотой перстень); XXVIII, 4 (шлем); XXVIII, 8 (кнемиды), XXVII, 16 и 17 (стрелы), XXVII, 9 (рукоять меча), VII (краснофигурная пелика), XXXIV, 2, a, в, c (обломки саркофага).

[44] МАР, 34, табл. V, 3 (к статье М. И. Ростовцева); шлем издан в исследовании: Б. З. Рабинович. Шлемы скифского периода. Тр. отд. ист. первоб. культ. Гос. Эрмитаж, I, 1941, стр. 142 сл., табл. XIV.

[45] Furtwängler-Reichhold, ук. соч., II, стр. 136 сл., табл. 87. — С. С. Лукьянов и Ю. П. Гриневич, ук. соч., стр. 40. K. Schefold. Kertscher Vasen, 1930, табл. 18.

[46] АДЖ, стр. 137—149, табл. XLV, 5 и LXXXII, 1 и 2.

[47] ОАК, 1860, III сл., атлас, табл. VI.

[48] АДЖ, стр. 103—104, табл. XXIII.

[49] ОАК, 1861, атлас, табл. I.

[50] Вследствие того, что самые выдающиеся купольные гробницы Боспора открыты разграбленными, без каких-либо вещей, вопрос о времени возникновения их (т. е. таких сооружений, как гробницы Золотого и Царского курганов) может быть решен лишь с известной долей вероятности. Наиболее архаичной в конструктивном отношении является купольная гробница Золотого кургана. Способ соединения дромоса с камерой, устройство пола дромоса на значительно более высоком уровне, чем пол камеры, — все это может служить веским основанием для отнесения Золотого кургана к наиболее ранней стадии строительства уступчатых склепов на Боспоре, возможно еще к V в. до н. э. Что касается Царского кургана, то некоторым критерием для решения вопроса о датировке этого в техническом и художественном отношении совершенного памятника боспорского зодчества служит, в частности, кладка дромоса из плит, снабженных рустами. Очень интересно, что характер, «стиль» этих рустов оказался совершенно тождественен рустам на кладке крепиды Павловского кургана, что и было в свое время специально отмечено А. Е. Люценко (ОАК, 1859, стр. 6). Последнее обстоятельство вполне определенно указывает на IV в. (и притом не раньше его середины) как на вероятное время сооружения Царского кургана. Так как склепы, подобные (в конструктивном отношении) Царскому кургану, но меньших размеров, повидимому, сооружались на Боспоре не один раз (см. [28]), то не исключено, что ко времени сооружения Царского кургана у боспорских зодчих уже имелся известный опыт по строительству данного типа «купольных» гробниц.

[51] Вопрос об историческом генезисе боспорских склепов с уступчатыми покрытиями рассматривается у С. А. Кауфман, ук. соч., стр. 11 сл.

[52] О возникновении и развитии эгейских купольных гробниц см. статью: Karo. Mykenische Kultur. RE, Suppl. VI, стб. 587 сл. (приведена вся основная литература вопроса). — Он же. Mykene. RE, XVI, стб. 1018 сл. — Открытие купольных гробниц на Крите (ср.: С. А. Кауфман, ук. соч., стр. 14) позволяет теперь, повидимому, считать доказанным критское, а не микенское происхождение гробниц-толосов. Впрочем, это не меняет основного, ранее установленного положения, что купольные гробницы все же получили свое главное развитие не на Крите, а на территории материковой Греции в элладскую (микенскую) эпоху.

Насколько именно там в техническом отношении продвинулось строительство купольных гробниц, свидетельствуют несомненно имевшие место попытки (в Форике, Какавате) возводить толосы с применением настоящих купольных конструкций (см.: Karo. Mykenische Kultur. RE, Suppl. VI, стб. 589). О купольных гробницах интересный материал приведен также в статье: V. Chapot. Tholus. Daremberg—Saglio, т. IX, стр. 269 сл.

[53] H. Bossert. Altkreta. Берлин, 1923, рис. 199—205. — Perrot-Chipiez. Histoire de l'art dans l'antiquité. Париж, 1894, VI, табл. III. — Wace. Mycenae. Antiquity, 1936, декабрь, стр. 405 сл.

[54] H. Schliemann. Orchomenos, 1881, табл. 1 и 2. — H. Bossert, ук. соч., рис. 206 (фрагмент орнаментированного каменного потолка боковой гробницы).

[55] С. А. Кауфман, ук. соч., стр. 17. — R. C. Bosanquet. Excavations at Praesos. Annual of the Britisch School at Athens, VIII, стр. 245—248.

[56] W. A. Heurtley and T. C. Skeat. The Tholos Tombs of Marmariane. Annual of the British School, XXXI, стр. 5—13. — С. А. Кауфман, ук. соч., стр. 18 (со ссылками на: Pandlebury. The Archeology of Crete. 1939, стр. 313). — Å. Åkerström. Studien über die etruskischen Gräber. Упсала, 1934, стр. 156, прим. 1—6.

[57] Å. Åkerström, ук. соч., стр. 141 (купольные гробницы VII в. в некрополе Poggio delle Granate), стр. 163 (купольная гробница VI в. Casal Maritimo. Об этом же памятнике см.: Studi etrusci, IV, стр. 58—68. — P. Mangazzini, La tomba a tholos de Casalgia, Studi Etrusci, VIII, стр. 59—75 и рис. 25—26 (гробница датируется VI в. до н. э.).

[58] Å. Åkerström, ук. соч., стр. 156 сл., 187 сл. — Особенно близка склепу Царского кургана этрусская гробница, открытая близ Популонии в S. Cerbone и воспроизведенная (по Экерстрёму) у С. А. Кауфман (ук. соч., стр. 29).

[59] О фракийских купольных гробницах см.: Изв. на Българск. археол. инст., XI, 1, 1937, стр. 1—116.

[60] F. W. Hasluck. A. Tholos Tomb at Kirk Kilisse. Annual of the Brit. School at Athens, XVII, стр. 76—79, табл. XX. — Изв. на Българск. археол. инст., XI, стр. 92 сл., рис. 104—107.

[61] Изв. на Българск. археол. инст., XI, I, 1937, стр. 1 сл. — С. А. Кауфман, ук. соч., стр. 20 сл., рис. 17—21.

[62] Г. Казаров. Фракия, САН, т. VIII, гл. XVII, стр. 533.

[63] С. А. Кауфман, ук. соч., стр. 22—23.

[64] Так устроены, например, перекрытия в вестибюле, т. е. в помещении, расположенном перед купольной гробницей Курт-кале (Изв. на Българск. археол. инст., XI, 1, 1937, стр. 81—83). Аналогичным

образом устроены уступчатые своды в обоих склепах гробницы «С», открытой в 1933 г. близ Каралар — 40 км западнее Анкары (Remzi Oguz Arik et J. Coupry. Les tumuli de Karalar et la sépulture du roi Deiotaros II. R. A., 1935, VI, 136—140). Дата караларской гробницы «С» точно не определена; повидимому, это сооружение эпохи эллинизма.

[65] Отчет Дюбрюкса об открытии гробницы в кургане Куль-оба см.: ДБК, стр. XVII—XXVIII = ABC, стр. 6—16. — До сих пор это единственная наиболее полная публикация комплекса находок из гробницы Куль-оба.

[66] Еще в 1859 г. в Керчи было приобретено путем покупки 18 золотых блях, происходивших из кургана Куль-оба (ОАК, 1859, стр. XI).

[67] ДБК = ABC, черт. А. — Вещи из склепа Куль-оба изданы в ДБК = ABC: золотые рукоятки меча (табл. XXVII, 10), золотая обивка горита с надписью ΠΟΡΝΑΧΟ (табл. XXVI, 2), точильный камень (табл. XXX, 7), золотая фиала (табл. XXV), золотая диадема воина (табл. II, 1 и 2), фигуры пьющих скифов (табл. XXXII, 10), золотая гривна с конными скифами (табл. VIII, 1), золотой браслет со сфинксами на концах (табл. XIII, 1), золотой браслет с мифологическими изображениями и розетками (табл. XIII, 3), слоновая кость — украшения саркофага (табл. LXXIX и LXXX), электровая женская диадема (табл. II, 3), большие золотые подвески с изображением головы Афины (XIX, 1), малые золотые подвески (табл. XIX, 4 и 5), золотая гривна (табл. VIII, 2), золотой браслет с изображением грифонов, нападающих на оленей (табл. XIII, 2), бронзовое зеркало с золотой ручкой (табл. XXXI, 7), электровый сосуд с изображениями скифов (табл. XXXIII), нож с костяной ручкой (табл. XXX, 9), нож с золотой ручкой (табл. XXX, 10), бронзовые гидрия и амфора (табл. XLIV, 7 и 12), скифские котлы (табл. XLIV, 11 и 13), серебряные ритоны (табл. XXXVI, 4 и 5), серебряные сосуды: с изображением уток (табл. XXXV, 5), с изображением борющихся зверей (XXXIV, 1 и 3), серебряный килик с надписью ΈΡΜΕΩ и крышкой, украшенный пальметками (табл. XXXVII, 4 и 4а), золотые бляшки с различными изображениями (табл. XX, 1—15, XXI, 1, 2, 4, 8, 10—13, 21—23, XXII, 2, 5, 10, 11, 15, 19), золотая бляха в виде оленя (табл. XXVI, 1). — О Куль-обе см. также: И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности. . . , II, стр. 85—90. — R. стр. 376—380. — Schefold. Der Skythische. . . , стр. 20. — A. Furtwaengler. Kleine Schriften. I, стр. 480 сл. — E. Minns. ук. соч., стр. 200—206.

[68] О датировочном значении надписи Πορνάχο (на горите) и Ἑρμέω (на серебряном килике) см.: М. И. Ростовцев. К вопросу о датировке погребений Куль-обы, Чертомлыка и Солохи. ИАК, вып. 60, стр. 70—72.

[69] А. А. Передольская. Слоновая кость из кургана Кульоба. Тр. отд. истор. иск. и культ. античн. мира. Гос. Эрмитаж, 1945, т. 1, стр. 69—82.

[70] A. Furtwaengler. Der Goldfund von Vettersfelde, стр. 17= Kleine Schriften, I, стр. 482); ср.: W. H. Roscher. Ausführliches Lexikon der griech. und röm. Mythologie, т. I, стр. 1771.

[71] Herod., IV, 127.

[72] Herod., IV, 62; IV, 66.

[73] Herod., IV, 78.

[74] R, стр. 344—348.

[75] ОАК, 1877, стр. 233 сл., атлас, табл. III.

[76] R, стр. 345.

[77] Об этой группе эллинистической керамики см.: М. И. Ростовцев. Пиксида расписного склепа кургана Васюринской горы, ЗОО, XXX, стр. 136—150. — Т. Н. Книпович. К вопросу о торговых сношениях античных колоний северного Причерноморья в эпоху эллинизма. СА, XI.

[78] G. Leroux. Lagynos. Париж, 1913.

[79] Еще в начале текущего столетия Цаном было высказано предположение, что некоторые «мегарские» чаши изготовлялись в северном Причерноморье, в Ольвии или Пантикапее (R. Zahn. Hellenistische Reliefgefässe aus Südrussland. JAI, XXIII, 1908, стр. 45—77). Основанием для указанного вывода послужил оттиск штемпеля, встречающийся на дне некоторых «мегарских» чаш: в нем представлен бюст богини Тихи, а надпись передает имя гончара — Κιρβεῖ. Поскольку окончание родительного падежа на ει в именах, оканчивающихся на ις, характерно для греческих городов северного Причерноморья, представляется весьма вероятным, что гончар Кирбейс, изготовлявший «мегарские» чаши с рельефным изображением бюста Тихи на внешней стороне дна, был жителем Ольвии или Пантикапея. Во время раскопок на пантикапейском городище в 1946 г. В. Д. Блаватским был найден фрагмент глиняной формы, служившей для выделки «мегарских» чаш. Эта находка является решающим доказательством фабрикации в Пантикапее в III—II вв. такого рода сосудов. О «мегарских» чашах см.: F. Courby. Les vases grecques à reliefs. Париж, 1922.

[80] Т. Н. Книпович, ук. соч., СА, XI.

[81] АДЖ, табл. XLV, 1—4.

[82] Б. В. Фармаковский. Три полихромные вазы в форме статуэток, найденные в Фанагории. П., 1921.

[83] В. В. Соколов. Курганы Лысой горы близ Тамани и находки в них. ИТУАК, вып. 56, стр. 60—63. — К. Э. Гриневич. Мраморный Таманский саркофаг. ТСАРАНИОН, IV, 1928, стр. 162—177. — Саркофаг до Великой Отечественной войны хранился в Таманском музее.

Во время войны, когда Керчь и Тамань были захвачены немцами, последние перевезли саркофаг в Керчь и установили его в Мелек-Чесменском кургане. При отступлении немецко-фашистские захватчики разбили крышку саркофага на мелкие куски. Летом 1944 г. саркофаг был перевезен в Москву, в Исторический музей и подвергнут там реставрации.

[84] АДЖ, стр. 10—29 (приведена вся основная литература). — R, стр. 330 сл.

[85] М. И. Ростовцев и П. К. Степанов. Эллино-скифский головной убор. ИАК, вып. 63, табл. V, 1.

[86] АДЖ, табл. IX, 1—2.

[87] С. С. Лукьянов и Ю. П. Гриневич. Керченская калпида . . ., стр. 47—48; K. Shefold. Untersuchnguen zu den Kertscher Vasen. 1934, стр. 69—70, табл. 31, 1.

[88] Б. З. Рабинович. Шлемы . . . стр. 150 сл.

[89] И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности. . . . I, стр. 5.

[90] Там же, стр. 60.

[91] Некоторые статуэтки, как показала А. А. Передольская, имели культовое значение («О сюжетах некоторых терракот, найденных в кургане Большая Близница». Доклад на пленуме ЛОИИМК, посвященном изучению истории материальной культуры древнего Причерноморья, 24 апреля 1946 г.).

[92] А. Н. Зограф. Статеры Александра Македонского из керченских и таманских находок. Тр. отд. античн. мира. Гос. Эрмитаж, I, стр. 86 сл.

[93] АДЖ, табл. X, 1.

[94] АДЖ, стр. 30—69. — R, стр. 373.

[95] АДЖ, табл. XVIII—XX.

[96] АДЖ, табл. XVI—XVII.

[97] АДЖ, табл. XXI.

[98] АДЖ, табл. XXIII—XXIV.

[99] АДЖ, табл. XXII.

[100] М. И. Ростовцев. Боспорское царство и Керченские курганы. Тр. перв. всеросс. съезда преп. древн. яз. СПб., 1912, стр. 331 сл.

Глава IX

[1] Diod., II, 43. — Красочно описаны битвы савроматов со скифами у Лукиана Самосатского (Luc. Tox., 42 = SC, I, стр. 553 сл.).

[2] В степном Крыму кочевые скотоводческие племена уже жили в доскифское время — в эпоху бронзы и раннего железа. От той поры дошли до нас курганы со скорченными костяками. Археологи (Н. Л. Эрист и др.), изучавшие эти памятники, отмечали некоторую связь их с культурой

кизил-кобинских стоянок и могильниками дольменов в горном Крыму, относящихся к эпохе поздней бронзы и раннего железа и принадлежавших, очевидно, таврам. В то же время (т. е. в «киммерийскую эпоху») в приморских районах Гераклейского полуострова, а также в восточном Крыму, на Керченском полуострове, существовали селища, в которых обитало оседлое население, занимавшееся рыбным промыслом, скотоводством, а может быть и примитивным земледелием. Остатки этих селищ представлены каменными и отчасти костяными орудиями, в том числе полированными топорами-секирами и топорами-молотами, известными по находкам в Херсонесе (В. Е. Данилевич. Остатки неолитической культуры на территории Херсонеса. Сборник Харьковского ист.-фил. общ., т. XIX. — В. А. Городцов. Каменные орудия, найденные в почве древнего Херсонеса и его окрестностей. Вторая конференция археологов СССР. Севастополь, 1927, стр. 45—46), а теперь еще и в Тиритаке (ВДИ, № 3, 1947, стр. 189) и Мирмекии. С появлением племен кочевых скифов в Северном Причерноморье последние проникают в степные районы Крыма, а вместе с тем здесь появляются и скифские курганы.

Обитавшее с глубокой древности коренное население горного Крыма продолжало жить на своих прежних местах — это известные племена тавров. Повидимому, и доскифские племена крымских кочевников в какой-то мере уцелели, постепенно однако слившись с общей массой кочевых скифов, ставших хозяевами степного Крыма. Все более возраставший спрос на хлеб, исходивший от торговых приморских городов, стимулировал переход кочевников-скотоводов к земледелию. Первоначально они занимались им, вероятно, не порывая с кочевым бытом. Но во второй половине IV в. до н. э. и особенно в III в. до н. э. часть кочевников стала интенсивно переходить к оседлому земледелию, в связи с чем начали возникать скифские земледельческие поселения. Они появились в западной полосе Крыма, в центральных предгорных районах и т. д. Одно из таких наиболее крупных скифских поселений, развалины которого находятся на окраине Симферополя и которое отождествляется с скифским городом Неаполем (см. след. примечание), превратилось в III — II вв. до н. э. в столицу скифского царства. Скифских городищ, схожих с симферопольским, но меньших размеров, известно в предгорных районах Крыма много. Они расположены преимущественно при выходе речек из гор в степи на возвышенных мысах, ограниченных обыкновенно с двух сторон обрывами и отгороженных с третьей стороны оборонительной стеной или валом. Крымскими археологами в течение 20—30-х гг. текущ. столетия были обнаружены и зарегистрированы такого рода городища близ Симферополя — Сарайлы-кият (совхоз Красный), Залесье, Мамут-султан, к востоку — Мазанка, Соловьевка, Хан-эли, Нейзац, Чердаклы, Юхары-тайган, Аргин, на западе — Алма-кермен, Булганак, Биюк-яшлав, Алма-тамак, Тас-тепе, Мамашай. Ту же

культуру дают могильники у Ени-салы и Тавеля (эти данные приводились Н. Л. Эрнстом на Крымском пленуме ГАИМК в 1936 г.). В действительности количество тавроскифских городищ значительно больше. Таким образом, предгорная полоса между морем на западе и Карасубазаром на востоке была на протяжении эллинистической эпохи достаточно густо заселена тавроскифами, занимавшимися хлебопашеством и скотоводством. Наряду с этим в крымских степях продолжали занимать господствующее положение скифские кочевые племена. Плиний отметил, что внутри Крыма расселено 26 племен (Plin. N.h., IV, 85 = SC, II, стр. 173). С тех пор, как Крым оказался основной территорией кочевых скифов, вытесненных сарматами из Приднепровья, многие поселения в Крыму были превращены в III—II вв. до н. э. в мощные укрепленные пункты, а в целях защиты Крыма с севера, откуда скифам угрожали сарматы, повидимому был сооружен на Перекопском перешейке ров и вал. Бывший в районе перешейка город Тафры (по гречески τάφρος — ров) получил, вероятно, свое название от пересекавшего перешеек большого оборонительного рва (Pomp. Mela, II, 4; Plin. N. h., IV, 85; Ptol., III, 6; Steph. Byz. Τάφραι). Жители этого района назывались тафриями. (Strab., VII, 3, 19).

[3] Остатками столицы крымского государства скифов обычно принято считать городище Керменчик, лежащее на Петровских скалах у юго-восточной окраины Симферополя. Городище, издавна эксплоатировавшееся в качестве каменоломни, подверглось очень сильному разрушению. При добывании камня в 1827 г. на городище случайно были найдены каменная стела — рельеф с изображением молодого всадника-скифа и три мраморных плиты с греческими надписями, одна из них содержит упоминание скифского царя Скилура (IPE, I², 668), две другие представляют собой посвящения некоего Посидея, сына Посидея Зевсу Атабирийскому и Афине Линдийской (IPE, I², 670—671). Тогда же на городище был найден клад римских монет I—III вв. (начиная от Нерона и кончая Макрином). В связи с указанными находками на городище Керменчик были произведены исследования тогдашним директором Одесского и Керченского музеев Бларамбергом, который обнаружил обломок каменной стелы с скульптурным изображением голов скифов — старика и юноши (Blaramberg. De la position des trois forteresses Tauro-Scythes dont parle Strabon. Одесса, 1831). Бларамберг отождествил эти изображения с Скилуром и его сыном Палаком, а само городище Керменчик признал за Неаполь — скифский город, упоминаемый у Страбона, а как позже выяснилось, — и в херсонесском декрете, изданном в честь митридатовского военачальника Диофанта. Правильность отождествления упомянутых выше скульптурных изображений с Скилуром и Палаком подтвердил недавно П. Н. Шульц в специальном исследовании, предпринятом в связи с обнаружением в Всерос. Акад. худож. гипсовых слепков,

являющихся точными копиями найденных в 1827 г. рельефов (П. Н. Шульц. Скульптурные портреты скифских царей Скилура и Палака. КСИМК, XII, стр. 44—57). На городище Керменчик производили раскопки А. С. Уваров (в 1853 г.), — им была найдена посвятительная надпись, воздвигнутая там же Посидеем Ахиллу «владыке острова» (IPE, I², 672); Х. Ящуржинский (в 1886 г.); Н. И. Веселовский (в 1889 г.). — См.: А. И. Маркевич. К столетию исследования на городище Неаполя около Симферополя. ИТОИАЭ, III. — В 1926 г. интересные наблюдения и сбор археологического материала были сделаны Н. Л. Эрнстом и С. Н. Забининым во время сооружения на территории городища Керменчик большого водохранилища, потребовавшего срытия культурных напластований на значительной площади древнего поселения. См.: Н. Л. Эрнст. Неаполь Скифский (к столетию со времени первых раскопок).— Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе. Севастополь, 1927, стр. 23—28. В 1945 г. на городище Керменчик начались планомерные археологические работы, проводимые Тавроскифской экспедицией под руководством П. Н. Шульца. Проведенные названной экспедицией раскопочные кампании дали весьма важные и ценные результаты. — См.: П. Н. Шульц. Тавроскифская археол. экспедиция в Крыму. Сов. Крым. Симферополь, 1946. вып. 2; Он же. Раскопки Неаполя Скифского. КСИИМК, XXI, стр. 16—21; Он же. Работы Тавроскифской экспедиции (1945—1946 гг.). Памятники искусства. Бюллетень Гос. Музея изобр. искусств им. А. С. Пушкина, № 2, 1947, стр. 21—30. — Н. Н. Погребова. Мавзолей Неаполя Скифского. КСИИМК, XXI, стр. 22—32; Она же. Находки в мавзолее Неаполя Скифского. Памятники искусства. Бюллетень Гос. музея изобраз. искусств им. А. С. Пушкина, № 2, 1947, стр. 31—36. — Раскопками в Керменчике открыты остатки оборонительной стены, ограждавшей город с южной стороны, изучены культурные напластования городища (конец IV в. до н. э. — III в. н. э.) и ряд остатков городских строений. Особенно ценным было открытие в 1946 г. возле оборонительной стены с внешней ее стороны каменного склепа, в котором оказались многочисленные погребения (72 костяка) членов какого-то знатного скифского рода, может быть, царского. В усыпальнице, служившей местом погребения с II в. до н. э. по II в. н. э., наряду с обильным вещевым погребальным инвентарем (среди них — совершенно замечательный деревянный саркофаг, стоявший, повидимому, на катафалке, набор оружия основного погребения в каменном ящике, масса разнообразных нашивных золотом бляшек, бус, пастовых подвесок, сердолик с превосходным резным изображением головы бородатого скифа в остроконечной шапке и т. д.) обнаружены 4 лошадиных скелета.

Не менее интересным следует признать открытие в некрополе, расположенном на окраине городища, высеченных в скале склепов со стенной росписью. Особенно важен склеп № 9, роспись которого (I—II вв. н. э.) дает яркое представление о местной переработке приемов и мотивов декоративной живописи, основным центром развития и рассадником которой в ту эпоху в Крыму был, несомненно, Боспор.

Если суммировать все имеющиеся в наличии фактические данные о симферопольском городище Керменчик, то они дают полное основание признать в нем главный город, столицу скифского или тавроскифского государства в Крыму, которое было связано во II в. до н. э. с именами таких правителей как известные Скилур и Палак, а позднее (середина I в. н. э. — время вторичного подъема крымского скифского царства) Фарзой и Инисимей (А. В. Орешников. Этюды по нумизматике Черноморского побережья. ИРАИМК, I, стр. 225—232). Находка на городище надписей, в том числе прямо упоминающих царя Скилура, находка рельефов с изображениями скифских царей, внушительность оборонительных сооружений города (основная ограда состояла из нескольких последовательно пристроенных одна к другой каменных стен, общая толщина которых составляла 8,40 м; кроме того, была еще протейхизма толщиной около 4 м), — все это показывает, что скифское городище под Симферополем представляет собой остатки не рядового поселения, а важного «столичного» центра, организованного, очевидно, Скилуром на месте возникшего еще в IV в. до н. э. земледельческого поселения. Упоминавшиеся выше посвятительные надписи Посидея свидетельствуют, что в скифской столице жили не только тавроскифы, но и греки, последние в качестве купцов, ремесленников и даже придворных советников. Характерно, что Посидей был по происхождению родосец. Это подтверждают имена родосских божеств (Афина Линдийская, Зевс Атабирийский), которым Посидей воздвигал памятники в скифской столице. III—II вв. до н. э. — время большой торговой активности Родоса в Причерноморье (ср. надписи: IPE, I², 30 — ольвийский декрет III в. в честь родосца Гелланика; IPE, I², 340 — херсонесская проксения III в. родосцу Тимагору; IPE, II, 35 — надпись двух родосских купцов на постаменте статуи боспорского царя Перисада II, посвященной «всем богам»); к этому надо добавить, что III—II вв. — время исключительно обильного ввоза в северное Причерноморье родосского вина, о чем свидетельствует огромное число клейменых амфорных ручек, находимых в эллинистических слоях античных городов.

Упоминание в надписи Посидея его «победы над пиратствующими сатархеями» (IPE, I², 672) показывает, что он выполнял, повидимому, по поручению Скилура должность адмирала (наварха) и в связи с этим заботился о безопасности торговых морских путей, ведших к Ольвии, бывшей в то время под протекторатом скифов.

Имеются ли достаточные основания отождествлять симферопольское городище Керменчик со скифским городом Неаполем? Страбон (VII, 4, 7) упоминает три скифских крепости (τὰ φρούρια) в Крыму — Палакий, Хаб

и Неаполь, — построенные Скилуром и его сыновьями, каковых было по одной версии 50, по другой — 80 (Strab., VII, 4, 3). Названные укрепления служили опорными пунктами (ὁρμητηρίοις) в борьбе скифов с митридатовским войском. Никаких сведений, определяющих более точно местоположение крепостей Παλάκιον, Χάβον и Νεάπολις, Страбон не сообщает. В диофантовской надписи упоминаются Хабеи (Χαβαῖοι) и Неаполь (IPE, I², 352, 13 и 29) как города, лежавшие «в середине Скифии» (εἰς μέσαν τὰν Σκυθίαν). Повидимому, под одним из них подразумевается главный скифский город, бывший на месте симферопольского городища Керменчик. Но были ли это Хабеи или Неаполь? Поскольку в диофантовской надписи Неаполь в обоих случаях назван вторым, взятием которого как бы завершались боевые действия Диофанта, можно думать, что Неаполем именовался основной скифский государственный центр в Крыму. Но это, разумеется, лишь догадка. Никаких более веских доводов привести пока невозможно, и поэтому локализация Неаполя на месте городища Керменчик должна рассматриваться как предположительная, хотя и весьма вероятная. Ни у Плиния, перечисляющего ряд внутренних негреческих городов Крыма (Plin. N. h., IV, 85), ни у Птолемея город Неаполь не упоминается. Возможно, город имел еще и свое чисто местное, тавроскифское наименование, обозначавшее примерно то же, что у греков выражалось словом Νεάπολις, т. е. Новгород.

Попытка Уварова подтвердить локализацию Неаполя на месте Керменчика ссылками на надписи, оказавшиеся на амфорных ручках и содержавших якобы имя города Неаполя, была совершенно правильно в свое время отвергнута Беккером (P. Becker. Die Herakleotische Halbinsel in archäologischer Beziehung. Лейпциг, 1856, стр. 46), хотя сам он напрасно искал Неаполь на месте Инкермана. Найденная позднее в Херсонесе надпись в честь Диофанта лишила всякого основания гипотезу Беккера, поскольку, согласно этой надписи, и Хабеи, и Неаполь находились в глубине Крыма.

[4] Состояние Ольвии в последние десятилетия III в. до н. э. с поразительной яркостью и конкретностью отражено текстом декрета в честь ольвийца Протогена (IPE, I², 32), оказавшего городу значительные услуги в момент наиболее тяжелого положения, которое последний переживал «вследствие войн и неурожаев» (διὰ τε τοὺς πολέμους καὶ τὰς ἀφορίας), как сказано в названном декрете. Вместо прежней, преимущественно мирной, обстановки, в которой протекали взаимоотношения Ольвии с окружавшими ее скифскими племенами, теперь наступила тревожная пора войн и почти непрерывного нажима на Ольвию со стороны причерноморских варварских племен, что весьма отрицательно отзывалось не только на экономическом, но и на политическом положении города. Затруднения, которые испытывала Ольвия в связи с обострением ее взаимоотношений с соседними варварскими племенами, вселяли надежды на освобождение ольвийским рабам и зависимому населению, обитавшему в окрестностях Ольвии. Последнее обстоятельство создавало еще большую неуверенность и страх у господствующих слоев рабовладельческой Ольвии. Подробный разбор декрета в честь Протогена см.: В. В. Латышев. Исследования об истории и государственном строе г. Ольвии. СПб., 1887, стр. 66 сл. — В определении времени, к которому относится ольвийский декрет в честь Протогена, ученые до сих пор не достигли согласованного решения. Одни исследователи склонны повышать дату декрета, относя его еще к первой половине III в. Ростовцев считает, что декрет относится ко времени около 260 г., поскольку эта дата лучше всего, по его мнению, согласуется с упоминаемой в декрете угрозой нападения на Ольвию галатов, под которыми следует, вероятно, видеть племя бастарнов (Gnomon, 1934, т. X, 1, стр. 2 сл.). Другая крайняя точка зрения выражается в том, что протогеновский декрет относят ко времени около 180 г. (Ф. Слюсаренко, Грецько-скитські взаємовідносини II ст. пер. Хр. Науковий юбілейний збірник в честь Масарика. Прага, 1925, стр. 268 сл.). Как показывают археологические исследования Ольвии, на протяжении первой половины III в. город, несомненно, находился еще в состоянии экономического благополучия, что выражалось как в оживленной торговле, так и в обширном городском строительстве. Все это совершенно не вяжется с тем бедственным положением Ольвии, которое рисует декрет в честь Протогена. Поэтому отнесение последнего к столь раннему времени, как предлагает Ростовцев, представляется мало вероятным. Более правильна датировка, принятая большинством исследователей, — около 230 г., т. е. время, близкое к концу III в. — началу II в. до н. э.

[5] Polyb., IV, 4—5 = SC, I, стр. 440—441.

[6] Strab., XI, 2, 12.

[7] А. В. Орешников. Этюды по нумизматике Черноморского побережья. ИРАИМК, I, стр. 225 сл.

[8] Polyaen. Strat., VIII, 56 = SC, I, стр. 568.

[9] Комментарии к надписи см.: Р. Х. Лёпер. Херсонесские надписи. ИАК, вып. 45, стр. 23—39. — Договор был заключен при посредничестве Рима в связи с окончанием четырехлетней войны, которую Фарнак I вел с коалицией малоазийских царей Пергама, Вифинии и Каппадокии. Во время этой войны понтийский царь овладел рядом греческих городов на малоазийском берегу Черного моря: Синопою, Котиорой, Керасунтом и Тием. В связи с этим ряд других городов, в том числе Гераклея Понтийская, опасаясь быть присоединенными к Понтийскому царству, примкнули к коалиции противников Фарнака. Херсонес выступал, очевидно, на стороне своей метрополии, стремясь не допустить потери ею своей независимости. Вместе с тем Херсонесу

удалось, повидимому, использовать поддержку со стороны сарматов, которые в этой войне, как можно думать, являлись союзниками Херсонеса, поскольку их объединяла общая вражда к скифам. В мирном договоре 179 г. принимал участие сарматский царь Гатал (Polyb., XXV, 2 = SC. I, стр. 444).

[10] *Юридическим основанием для обращения Херсонеса за помощью* к понтийскому царю мог служить мирный договор о дружбе 179 г.

[11] Strab., VII, 4, 3.

[12] Strab., VII, 4, 7.

[13] Strab., VII, 4, 4.

[14] С. А. Жебелев. Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре. ВДИ. № 3 (4), 1938, стр. 49—71. — Большой заслугой С. А. Жебелева является то, что он вскрыл глубокий социальный характер восстания скифов на Боспоре во главе с Савмаком, справедливо видя в этом восстании движение угнетенных масс Боспорского рабовладельческого государства против своих эксплоататоров. Выводы С. А. Жебелева, принятые большинством советских историков, встретили критическое к себе отношение со стороны некоторых ученых (Коцевалов, Ростовцев и др.). Основное возражение критиков С. А. Жебелева сводится, прежде всего, к толкованию слова ἐκτρέφαντα. С. А. Жебелев привел ряд веских доказательств в пользу того, что указанное слово, производное от глагола ἐκτρέφειν, нужно толковать в смысле «вскормленник». Стало быть, Савмак — царский раб, «вскормленник» боспорского царя Перисада. Критики оспаривают такое толкование, предложенное С. А. Жебелевым; *они указывают, что глагол ἐκτρέφειν, имея значение* не только «вскармливать» (раба), но и «воспитывать» (свободного) не может в слове ἐκτρέφαντα, употребленном в декрете, служить доказательством принадлежности Савмака к рабам.

Наиболее решительно против концепции С. А. Жебелева выступил недавно проф. С. Я. Лурье (имеем в виду его доклад «Декрет в честь Диофанта», прочитанный 23 сентября 1948 г. на заседании секции истории древнего Крыма на Сессии по истории Крыма, организованной Крымской научно-исследовательской базой АН СССР в Симферополе). Исходя из грамматического анализа известной части текста диофантовской надписи, С. Я. Лурье доказывает, что предшествующие исследователи, занимавшиеся херсонесским декретом в честь Диофанта, читали этот эпиграфический документ неверно. Согласно С. Я. Лурье, выражение ἐκτρέφαντα αὐτόν относится вовсе не к Савмаку, а к Диофанту. Таким образом, по мнению С. Я. Лурье, интересующее нас место в декрете надо читать так: «Когда скифы, во главе с Савмаком, произвели государственный переворот и убили боспорского царя Перисада, воспитавшего его [т. е. Диофанта] . . .» и т. д. Выходит, что Савмак не был ни рабом Перисада, как полагал С. А. Жебелев, ни воспитанником Перисада, как

думало большинство исследователей раньше. Воспитанником Перисада, в интерпретации С. Я. Лурье, был Диофант, который официально именуется в херсонесском декрете гражданином г. Синопы. Но входя в детали, можно все же сказать, что с филологической стороны доказательства, выдвигаемые противниками С. А. Жебелева, отнюдь не бесспорны. Но оставим *филологическую сторону вопроса*. Допустим, что мы не знаем, кто был Савмак по своему социальному положению, т. е. был ли это раб или свободный, более того — будем даже исходить из последней версии. Остается все же бесспорным факт восстания скифов под руководством Савмака, который, судя по его имени, был сам скифом. С. Я. Лурье думает, что государственный переворот на Боспоре произвели скифы из крымского царства, возглавлявшегося тогда Палаком. Это они, якобы, проникли на Боспор, овладели его столицей, устроили там восстание и убили Перисада, очевидно, желая превратить Боспор в скифское государство. Согласиться с такой реконструкцией событий, связанных с восстанием Савмака, конечно, нельзя. Не подлежит сомнению, что восставшие во главе с Савмаком скифы были местные, боспорские жители, а отнюдь не какой-то пришлый элемент из центральной части Крыма, как предполагает С. Я. Лурье, возвращаясь, в сущности, к старой гипотезе Низе (B. Niese. Die Erwerbung der Küsten des Pontos durch Mithridates. Rheinisches Museum für Philologie, XLII, 1887, стр. 567 сл.), вполне справедливо отвергнутой Брандисом и С. А. Жебелевым. После того как Диофант дважды разгромил царство Палака и его важнейшие опорные пункты, скифы центрального Крыма, конечно, не в состоянии *были овладеть Боспором. Не следует забывать*, что еще до появления Диофанта скифы не смогли взять Херсонеса, хотя здесь они и были близки к цели. Спрашивается: каким образом после только что понесенного тягчайшего поражения, после вторичной сдачи Диофанту своих основных укрепленных городов, крымские скифы, действуя из района Неаполиса, могли овладеть главнейшими городами Боспора, включая его столицу, убить боспорского царя и поставить во главе государства своего правителя?

Мысль о захвате Боспора скифами извне надо решительно оставить. Восстание здесь было внутреннее, поднятое несомненно местным скифским населением, обитавшим на Керченском полуострове и в расположенных там же городах. Восстание это приняло большой размах, поскольку повстанцам удалось взять в свои руки самые крупные города европейской части Боспора — *Феодосию* и *Пантикапей*. Диофанту пришлось отвоевывать эти города с помощью целой армии. Следовательно, в восстании принимала участие широкая масса скифского населения, подавление которого оказалось нелегкой задачей для Диофанта.

К каким же слоям боспорского населения принадлежала эта масса? Ответ может быть один — к социальным низам. Это были, несомненно,

зависимые земледельцы, обитавшие в селах, а также ремесленники и рабы, сосредоточенные преимущественно в городских поселениях, особенно в крупных городах. Опираясь на указанные слои скифского населения, Савмак мог не только совершить государственный переворот в Пантикапее, но и оказать сопротивление войскам Диофанта, которым пришлось силой брать боспорские города, чтобы задушить восстание. Не исключено, что вожаки восстания руководствовались в своих действиях идеей превращения Боспора в конечном счете в скифское государство. Но для широких масс скифского населения Боспора основным движущим мотивом, зовущим к восстанию, могло быть, прежде всего, стремление освободиться от гнета боспорских рабовладельцев, независимо от того, были ли это греки или эллинизованные варвары.

Под этим углом зрения основные выводы исследования С. А. Жебелева о восстании боспорских скифов, возглавленных Савмаком, о его движущих силах остаются непоколебленными.

[15] Strab., XIV, 1, 38. — Wilcken. Aristonikos. RE, стб. 962—964. — О. Юлкина. Пергамский декрет 133 г. до н. э. ВДИ, № 4, 1947, стр. 163 сл.

[16] App. Mithr., 15

[17] Strab. VII, 4, 6.

[18] App. Mithr., 64. — T. Reinach. Mithridate Eupator roi de Pont. Париж, 1890, стр. 301—302.

[19] Strab., II, 1, 16; VII, 3, 18.

[20] App. Mithr., 67.

[21] App. Mithr., 69.

[22] Plut. Mithr., 16.

[23] О последнем периоде борьбы Митридата с Римом во время пребывания его на Боспоре см.: Н. И. Новосадский. Последние годы борьбы Митридата с Римом. ТСАРАНИОН, IV, стр. 345—356.

[24] Я. А. Манандян. Маршруты понтийского похода Помпея и путь отступления Митридата в Колхиду. ВДИ, № 3—4, 1940, стр. 89 сл.

[25] Dio Cass., XXXVII, 3. — Plut. Pomp., 34.

[26] App. Mithr., 102.

[27] Plut. Luc., 24.

[28] App. Mithr., 102. — По другой версии, Махар был убит подосланными Митридатом людьми (Dio Cass., XXXVI, 50).

[29] App. Mithr., 107.

[30] App. Mithr., 102 (ср.: там же, 108).

[31] App. Mithr., 107. О внутреннем положении Боспора при Митридате до того, как последний, потерпев поражение в Малой Азии, обосновался в Пантикапее, мы знаем очень мало. По всей видимости, Митридат, желая расположить к себе торговое население крупных городов Боспора, предоставил им формально несколько большие права

на внутреннее самоуправление, чем это было при Спартокидах. Показательно, что именно при Митридате возрождается чеканка монет Горгиппии (табл. III, *48*, *51*), обильно чеканит свои монеты в то же время Фанагория (табл. III, *49*) и Пантикапей (табл. III, 47, 50).

[32] Plut. Pomp., 39.

[33] Dio Cass., XXXVII, 11, 4.

[34] App. Mithr., 108.

[35] App. Mithr., 110.

[36] Взаимоотношения Митридата с варварскими племенами в этот заключительный момент деятельности понтийского царя рассмотрены в статье: Д. П. Каллистов. Этюды из истории Боспора в римский период. ВДИ, № 2 (3), 1938, стр. 281 сл.

[37] App. Mithr., 111.

[38] App. Mithr., 113.

[39] Strab., XI, 2, 11.

[40] Т. В. Бороздина. К истории западно-понтийских городов в 80—40-х годах I в. до н. э. ВДИ, № 3, 1946, стр. 201 сл.

[41] Strab. XI, 5, 8. — Об этническом родстве аорсов с сарматами см.: Plin. N. h. IV, 80 = SC, II, стр. 171.

[42] App. Mithr., 120.

[43] Dio Cass., XLII, 46, 4. — О военных действиях Фарнака в М. Азии см.: Anon. (Caesar). Bell. Alex., 34—41, 69—76.

[44] App. Mithr., 120. — Dio Cass., XLII, 47.

[45] Dio Cass., XLII, 48, 4.

[46] Strab., XI, 2, 17.

[47] Strab., XIII, 4, 3.

[48] М. И. Ростовцев. Цезарь и Херсонес. ИАК, вып. 63, стр. 1—21.

[49] Luc. Macr., 17 = SC, I, стр. 546.

[50] Strab., VII, 4, 6.

[51] Dio Cass., LIV, 24, 4.

[52] Dio Cass., LIV, 24, 5—6.

[53] М. И. Ростовцев. Бронзовый бюст царицы Динамии и история Боспора в эпоху Августа. М., 1914, стр. 18 (оттиск из: Древности. Тр. Моск. археол. общ., т. XXV).

[54] Strab., XII, 3, 29. — А. Л. Бертье-Делагард. О монетах властителей Боспора Киммерийского, определяемых монограммами. ЗОО, XXIX, стр. 188—189. — А. В. Орешников. Пифодорида и ее род в Понтийском царстве. ИТУАК, вып. 34, стр. 1—16.

[55] Strab., XI, 2, 3 — С. А. Жебелев. Боспорские этюды, стр. 37—45. — Мы исходим здесь из версии, что Аспург был сыном Асандра от его брака с Динамией (М. И. Ростовцев. Бронзовый бюст царицы Динамии, стр. 16, прим. 2; иначе: А. Л. Бертье-Делагард. О монетах..., стр. 182, 196). Необходимо, однако,

отметить, что в единственном эпиграфическом документе, в котором упомянут отец Аспурга (IPE, II, 36), последний носит имя Асандроха, а не Асандра. На этом основании некоторые исследователи (например, Кисслинг в статье Gorgippia, RE, стб. 1628, а в последнее время Андерсон в CAH, X, стр. 268) утверждают, что Асандрох не тождественен Асандру. Отсюда следует вывод: Аспург был сыном не боспорского царя Асандра, а некоего, ближе нам не известного, Асандроха, в котором хотят видеть представителя варварской знати азиатской части Боспора. До появления соответствующих новых эпиграфических документов этот вопрос вряд ли будет решен окончательно. Но и при настоящем состоянии источников не может не показаться чересчур странным столь близкое совпадение имени отца Аспурга Асандроха с именем боспорского царя Асандра, если только допустить, что это были разные лица. Далее бросается в глаза еще одно обстоятельство, а именно: очень тесные и соответствующие давнишним династическим традициям Боспора связи Аспурга с Фракией и фракийской правящей знатью, повидимому вплоть до присвоения себе Аспургом фракийского царского имени Рискупорида. Все это было бы лишено исторической последовательности, если бы Аспург, происходя от неизвестного Асандроха, не был связан с предшествующими правителями Боспорского царства. Между тем, при допущении, что Асандр был отцом Аспурга, указанные связи с Фракией можно легко объяснить, поскольку в лице Асандра весьма вероятен потомок старой боспорской династии Спартокидов. (В. В. Латышев. Ποντικά, стр. 97, прим. 1; ср.: ИАК, вып. 37, стр. 21)

[56] Strab., XI, 2, 11.

[57] Strab., XII, 3, 29.

[58] А. В. Орешников. Этюды по нумизматике. . ., II, стр. 130 сл.

[59] Понтийская эра начинается с осени 297 г. (Р. Х. Лепер. Херсонесские надписи. ИАК, вып. 45, стр. 29 сл.). Это летоисчисление было введено на Боспоре, вероятно, при Митридате Евпаторе. На боспорских монетах обозначение даты чеканки по боспорской (=понтийской) эре впервые введено при Фарнаке на золотых статерах 54 г. (=243 г. босп. эры).

[60] А. Л. Бертье-Делагард. О монетах. . . . стр. 154—155.

Глава X

[1] М. И. Ростовцев. Понт, Вифиния, Боспор. Русск. историч. журн., № 1—2, 1917, стр. 116 сл.

[2] Он же. Цезарь и Херсонес. ИАК, вып. 63, стр. 19.

[3] Strab., VII, 4, 3.

[4] Политическая зависимость Боспора от Рима, по определению Страбона (VII, 4, 7), заключалась в том, что римляне [т. е. римские императоры] «назначают» (καταστήσωσιν) боспорских царей. В другом месте Страбон (VI, 4, 2) называет современный ему Боспор «подвластным» (ὑπήκοος) Риму.

[5] М. И. Ростовцев. Бронзовый бюст царицы Динамии. . ., стр. 20 сл. — А. Л. Бертье-Делагард. О монетах. . ., стр. 47 сл.

[6] Там же, стр. 180.

[7] Там же, стр. 187—188.

[8] Philostr. Vitae soph., 1, 25, IV = SC, I, стр. 637.

[9] Gnomon, т. X, I, 1934, стр. 10.

[10] Dio Cass., LIX, 12, 1 = SC, I, стр. 622.

[11] А. Л. Бертье-Делагард. О монетах. . ., стр. 160.

[12] Dio Cass., LX, 8 = SC, I, стр. 622.

[13] Tac. Ann., XII, 15—21 = SC, II, стр. 238—241.

[14] Plut. Galba, 13 и 15.

[15] А. В. Орешников. Этюды по нумизматике. . ., I, стр. 227 сл.

[16] L. Halkin. Tiberius Plautius Aelianus légat de Mésie sous Neron. L'antiquité classique, III, 1, 1934, стр. 124. — Следуя за Дессау (Dessau. Geschichte der römisch. Kaiserzeit, II, 1, стр. 211 и 532), Алькэн полагает, что уже одно появление флота с римским войском побудило скифов снять осаду города и отступить; до военных действий дело не дошло. Доказательством этого является, по его мнению, то обстоятельство, что в надгробной надписи на мавзолее Плавтия Сильвана результат его военной экспедиции в Херсонес скромно охарактеризован выражением «ab obsidione summovere». Противоположного взгляда придерживается Ростовцев, который считает, что Дессау и примыкающие к нему в этом вопросе историки недооценивают значительности сил скифов в середине I в. н. э. По мнению Ростовцева, Плавтий Сильван смог оттеснить скифов только в результате упорной борьбы (Gnomon, X, 1, 1934, стр. 9). Ср.: В. Н. Дьяков. Оккупация Таврики в I в. н. э. ВДИ, № 1, 1941, стр. 92.

[17] Fl. Joseph. Bell. jud., II, 16.4 = SC, I, стр. 483.

[18] М. И. Ростовцев. Римские гарнизоны на Таврическом полуострове и Айтодорская крепость. ЖМНП, кн. 3, 1900, стр. 140—159.

[19] Н. И. Репников. О характере римской оккупации южного берега Крыма. СА, VII, стр. 121—127. — В. Н. Дьяков. ук. соч., стр. 94 сл.

[20] E. H. Minns. Scythians. . . . табл. VII, 21 и 22.

[21] W. Schur. Die Orientpolitik des Kaisers Nero. Лейпциг, 1923 стр. 87 и 91 (указаны источники). — А. И. Амиранашвили. Иберия и римская экспансия в Азии. ВДИ, № 4 (5), 1938, стр. 171.

[22] W. Schur. Die Orienpolitik. . .. стр. 90, 112—113. — Критический разбор работы Шура дан в статье: О. В. Кудрявцев. Восточная политика Римской империи в начале правления Нерона. ВДИ, № 2, 1948, стр. 83—95.

[23] W. Schur, ук. соч., стр. 111. Ср.: Я. Манандян. Цель и направление подготовлявшегося Нероном Кавказского похода. Вопросы истории, № 7, 1946, стр. 66—74.

[24] Tac. Ann., XIII, 39.

[25] Luc. Alex. v. pseud., 57 = SC, I, стр. 544.

[26] АДЖ, стр. 331—332.

[27] О самой ранней надписи с упоминанием cohors Bosporanorum см.: ИАК, вып. 63, стр. 20, примеч. 1 (надпись из Антиохии Писидийской).

[28] Arrian. Acies c. Alanos, 3 и 18 = SC, I, стр. 520.

[29] АДЖ, стр. 332 = Cichorius. Trajansäule, т. II, стр. 305 и 301.

[30] М. И. Ростовцев. Военная оккупация Ольвии римлянами. ИАК, вып. 58.

[31] J. Capit. v. Ant. P., 9 = SC, II, стр. 294.

[32] ИАК, вып. 49, табл. IV.

[33] В. В. Шкорпил. Новонайденные боспорские надписи. ИАК, вып. 63, стр. 112.

[34] А. Н. Зограф. Реформа денежного обращения в Боспорском царстве при Савромате II. ВДИ, № 2 1938, стр. 287 сл.

[35] Strab., XI, 2, 1.

[36] Strab., XI, 4, 8.

[37] Ю. Кулаковский. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев, 1899, стр. 54. — А. А. Спицын. Историко-археологические разыскания. ЖМНП, 1909, янв., стр. 67 сл.

[38] АДЖ, стр. 330—331.

[39] E. H. Minns. Scythians. . ., стр. 613 = CIL, VI, 5207: Ἀσπουργος Βιομάσου υἱὸς ἑρμηνεὺς Σαρματῶν Βωσπορανός, ср.: IPE, II, 86².

[40] Свод данных литературных и эпиграфических о государственном устройстве Боспора в римский период см.: E. H. Minns. Scythians. . .. стр. 612 сл. (там же все ссылки на источники). Мы даем лишь ссылки на те новые источники, которые у Миниза в указанной части его труда не упоминаются.

[41] С. А. Жебелев. Боспорские этюды, стр. 51.

[42] К. М. Колобова. К вопросу о судовладении в древней Греции, стр. 71 сл.

[43] Ю. Ю. Марти. Неопубликованные археологические памятники. ВДИ, № 1, 1941, стр. 211—212.

[44] С. А. Жебелев. Боспорские этюды, стр. 52.

[45] ИАК, вып. 40, стр. 113.

[46] SC, I, стр. 512. — Северные причерноморские кочевники, участвовавшие в 35 г. на стороне иберов в борьбе последних против парфян за армянский трон, названы у Тацита сарматами (Tac. Ann. VI, 33; ср.: Т. Моммзен. История Рима, V, стр. 366—369). Во время борьбы, разгоревшейся на Боспоре в 40-х гг. из-за нежелания Митридата VIII подчиняться Риму (см. стр. 327), принимали участие сарматские племена аорсов и сираков, но аланы и в это время в источниках еще не упоминаются. Между тем Иосиф Флавий, описывая нападение северных кочевников на мидян, а затем на Армению в 68 г., говорит, что это нападение совершили аланы. По словам того же автора, «племя аланов представляет собою [часть] скифов, живущую вокруг Танаиса и Меотийского озера» (Fl. Joseph. Bell. jud., VII, 7, 4). Таким образом, можно заключить, что аланы только в 50—60-х гг. I в. н. э. выдвинулись как вполне реальная сила в северном Причерноморье и возглавили вскоре союз сарматских племен восточного Приазовья и северного Кавказа.

[47] В. Миллер. К иранскому элементу в припонтийских греческих надписях. ИАК, вып. 47, стр. 94—95.— Сарматские племена в последние века до нашей эры и начале нашей эры широко распространились не только в восточном направлении в сторону Дуная, а также и по степным районам северного Кавказа и долине р. Кубани, но одновременно глубоко проникли в горные кавказские области. Страбон, описывая город Диоскуриаду как крупный торговый центр окрестных кавказских племен, отмечал, что туда сходятся с целью торгового обмена представители, по одной версии, 70, а по другой (менее правдоподобной) — 300 племен, говорящих на разных языках, вследствие разобщенного быта этих племен и их «дикости». Однако указанных кавказцев, по словам Страбона, объединяло этническое родство, выражавшееся в принадлежности всех их к племени сарматов (Σαρμάται) (Strab., XI, 2, 16).

[48] В. Миллер. Эпиграфические следы иранства на юге России. ЖМНП, 1886, окт., стр. 268.

[49] С. П. Шестаков. Кіммерійци в археології України. Юбілейн. збірн. на пошану Д. І. Багалія. Киев, 1927, стр. 305.

[50] ИАК, вып. 10, стр. 15.

[51] E. Schürer. Geschichte des jüdischen Volkes im Zeitalter J. Chr. Лейпциг, 1909, стр. 4, 23.

[52] Там же, 93 стр. (ср.: IPE, II, 400).

[53] А. Л. Погодин. О сношениях Боспорского царства с варварскими народами. Сб. статей по археол. и этногр., СПб., 1902, стр. 107 сл.

[54] О меотидско-колхидском торговом пути, соединявшем северное Причерноморье с Кавказом и Передней Азией через Колхиду см.: Я. Манандян, ук. соч., стр. 73—74.

[55] К. М. Колобова. К вопросу о сарматском языке. ИГАИМК, вып. 100, стр. 416 сл.

Глава XI

[1] Plin. N. h., IV, 86 = SC, II, стр. 176.

[2] Плиний получил ряд сведений о северном Причерноморье от находившегося в Риме в качестве пленника и заложника бывшего боспорского царя Митридата VIII (Plin. N. h., VI, 39). Ср.: Cichorius. Römische Studien. Лейпциг, 1922, стр. 435. — М. И. Ростовцев. Военная оккупация. . . , стр. 4.

[3] Ю. Ю. Марти, ук. соч., ИТОИАЭ, III, стр. 123.

[4] В. В. Шкорпил. Новонайденные боспорские надписи. . . стр. 111.

[5] М. М. Худяк. Работы Нимфейской экспедиции Гос. Эрмитажа в 1939 — 1941 гг. КСИИМК, XIII, стр. 120.

[6] Этот строительный раствор широко применялся в римской строительной практике, где он носил наименование opus signinum.

[7] Ю. Ю. Марти. Городские стены Тиритаки и прилегающий комплекс рыбозасолочных ванн. МИА, № 4, стр. 22.

[8] Более подробное описание этого участка см. у В. Ф Гайдукевича (ВДИ, 3—4, 1940, стр. 308—311, а также СА, VI, стр. 190 сл.).

[9] Ю. Ю. Марти, ук. соч., стр. 20 сл. — В северном Причерноморье только Херсонес имеет рыбозасолочные цистерны римского времени, подобные тиритакским, но все же не в таком большом количестве. Интересно отметить, что одни и те же технические приемы строительства рыбопромышленных сооружений в римское время, т. е. в первые века нашей эры, находили применение в весьма отдаленных один от другого пунктах античного мира. Очень сходные по величине и устройству рыбозасолочные ванны, вернее комплексы ванн, открыты на западном и южном побережьи Португалии, а также на юго-западном побережьи Испании. См.: A. Mesquito de Figueiredo. Ruines d'antiques établissements à salaisons sur le littoral sud du Portugal. Bulletin hispanique, VIII, 1906, стр. 111—120; Он же. Monuments romains du Portugal. RA, 1913, XXI, стр. 360—363.

[10] В Тиритаке открыто 6 виноделен римского времени, в Мирмекии — 3; о боспорских винодельнях см. статьи В. Ф. Гайдукевича (ВДИ, № 1, 1937, стр. 226 сл.; ВДИ, 3—4, 1940, стр. 310 сл.; ВДИ, № 3, 1947; СА, VII, стр. 52 сл.; МИА, № 4, стр. 115 сл.).

[11] Для реконструкции рычажных прессов с подвесными каменными гирями, применявшихся в боспорских винодельнях римского времени, имеется ценный материал в капитальном исследовании об античных прессах Драхмана (A. T. Drachmann. Ancient Oil Mills and Presses, Копенгаген, 1932).

[12] В. Ф. Гайдукевич. Античные керамические обжигательные печи. ИГАИМК, вып. 80.

[13] Раскопки Маринатоса на острове Кефалления в 1936 г. см.: BCH, LX, 1936, стр. 470; аналогии из западных римских провинций приведены в указанной работе В. Ф. Гайдукевича (см.[12]).

[14] В Малой Азии можно наблюдать аналогичное явление. Местные крупные святилища в Каппадокии, Понте и других областях эксплоатировали иеродулов — храмовых рабов, которые по своему положению были зависимыми сельскими жителями. Они отдавали значительную часть своего урожая жрецу храма, а также выполняли другие повинности (Hepding. Hieroduloi. RE, стб. 1461 сл.). Однако их нельзя было продавать за пределы области (ἱερὰ χώρα), подобно тому, как этого нельзя было делать и в отношении гераклейских мариандинов. Это составляло одну из характернейших особенностей античных «крепостных». Институт иеродулов в Малой Азии отнюдь не представлял собою какой-либо специфической формы эксплоатации непосредственных производителей, свойственной лишь храмовым владениям. Малоазиатское землевладение в значительной мере покоилось на эксплоатации зависимых сельских жителей (λαοὶ βασιλικοί). (Swoboda, s. v. Κώμη. RE, Suppl. IV; там же указана вся основная литература вопроса; ср.: А. Рановіч. Зависимые крестьяне в эллинистической Малой Азии. ВДИ, № 2, 1947, стр. 36 сл.). С. А. Жебелев прав, указывая, что с точки зрения греков положение зависимых крестьян не отличалось от рабства (δουλεία) (С. А. Жебелев. Основные линии экономического развития Боспорского государства. ИОН, № 8, 1934, стр. 598). Тем не менее следует признать, что этой форме эксплоатации свойственны были некоторые специфические черты; особенно существенно, что зависимый земледелец не мог быть продан за пределы той области, где он жил.

[15] Перечень боспорских манумиссий см.: Ю. Ю. Марти. Новые эпиграфические памятники. ИГАИМК, вып. 104, стр. 67—68 (не учтена одна манумиссия, изданная в ИАК, вып. 37, стр. 74, № 8).

[16] Н. И. Новосадский. Неизданная надпись Темрюкского музея. ДАН — В, 1930, стр. 324—327 (указана литература о греческих манумиссиях).

[17] О значении термина προσευχή см.: Р. Л. Эрлих. Ольвийская надпись. IPE, I², 176. ДАН — В, 1928, стр. 124—127.

[18] E. Schürer. Geschichte. . ., стр. 23—24 и 93. — Б. И. Надель (ВДИ, № 1, 1948, стр 203—206) выдвинул интересное предположение, что термин προσκαρτέρησις, который фигурирует в ряде боспорских манумиссий, изданных рабовладельцами-евреями, выражал требование, чтобы вольноотпущенник работал при еврейской молельне, т. е. стал своего рода иеродулом, прикрепленным к храмовому хозяйству, каковое в виде земельных угодий Б. И. Надель считает весьма вероятным, хотя в источниках такие хозяйства при боспорских еврейских молельнях и не засвидетельствованы. Толкованию вышеуказанного

термина, предлагаемому Б. И. Надэлем, противоречит, однако, прежде всего то обстоятельство, что одновременно с требованием προσκαρτερεῖν вольноотпущеннику вполне определенно предоставлялось право свободного передвижения, соответственно желанию освобождаемого. Между тем, было бы бессмысленно давать такое право, обязывая одновременно вольноотпущенника стать рабочей силой в поместье, принадлежавшем иудейской молельне. Поэтому нам представляется более вероятным, что требование «постоянного пребывания при молельне», включенное в некоторые манумиссии, не имело экономического смысла, а являлось лишь дополнением к основному требованию идеологического характера и выражавшемуся в том, чтобы вольноотпущенник «почитал бога» (θωπεία. θεὸν σέβων), конечно, иудейского Яхве. Отсюда следовало, что вольноотпущенник регулярно должен посещать молельню, — иными словами, постоянно пребывать там, уделяя культу максимум внимания и времени, насколько это только возможно.

[19] В. Сергеев. Разложение рабовладельческой системы и начало колоната в Римской империи. ВДИ, № 3 (4), 1938, стр. 117.

[20] Strab., XI, 2, 3.

[21] О воинственности сарматских женщин сообщает Псевдо-Гиппократ (= SC, I, стр. 59). Псевдо-Скилак в своем перипле указывает, что «народ савроматов управляется женщинами» (= SC, I, стр. 85); ср. аналогичное замечание у Псевдо-Скимна (= SC, I, стр. 90). В этой же связи представляет исключительный интерес историческая новелла Полиена об Амаге (=SC, I, стр. 568). Здесь уместно напомнить слова Энгельса: Женщина у всех диких и у всех варварских племен, стоящих на низшей, средней и отчасти также высшей ступени варварства, не только пользуется свободой, но и занимает весьма почетное положение» (Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1934, стр. 52). — В связи с распространенной в античной литературе легендой о роли амазонок в происхождении савроматов (= сарматов), надо отметить упоминаемое Плутархом (из Александрии) название р. Дон — ποταμὸς . . . Ἀμαζόνιος («Амазонская река»), якобы более древнее, нежели название Танаис, и обусловленное тем, что в этой реке некогда «купались амазонки» (Plut. lib. d. fl. XIV = SC, I, стр. 501).

[22] Tac. Ann., XII, 17 = SC, II, стр. 239.

[23] О малоазийских переселенцах в городах Боспора материал сопоставлен: М. И. Ростовцев. Понт, Вифиния, Боспор, стр. 117—118.

[24] Интересно, что в надписи упомянуты также города северного Причерноморья — Херсонес и Боспор, что подтверждает наличие связей Боспора в римское время и в указанном направлении, т. е. с Ольвией.

[25] Ср.: T. Knipowitsch. Die Keramik römischer Ziet aus Olbia in der Sammlung der Ermitage. Materialien zur römisch-germanischen Keramik, IV. Франкфурт н/М., 1929, стр. 21, 29.

[26] М. И. Ростовцев. Понт, Вифиния, Боспор, стр. 123.

[27] Ch. G. Starr. The Roman Imperial Navy. Нью-Йорк, 1941, стр. 158, прим. 18.

[28] Athen., VI, 109 (со ссылкой на Полибия и Катона) = SC, I, стр. 625.

[29] M. Rostovtzeff. Une trouvaille d'époque gréco-sarmate de Kertch. Monuments et Mémoires, publié par l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. Fondation E. Piot., XXVI. Париж, 1923 (оттиск).

[30] М. И. Ростовцев. Бронзовые фибулы с надписями из Донской области. ИАК, вып. 65, стр. 23.

[31] Arr. peripl., 30 = SC, I, стр. 224.

[32] Anon. peripl. P. Eux., 77 = SC, I, стр. 283.

[33] С. В. Петровский. Апокрифические сказания об апостольской проповеди по Черноморскому побережью. ЗОО, XXI, стр. 170.

[34] С. А. Жебелев. Боспорские этюды, стр. 45 сл.

[35] Так реконструирует текст надписи С. А. Жебелев (Боспорские этюды, стр. 48—49).

[36] Н. И. Веселовский. Курганы Кубанской области в период римского владычества на Северном Кавказе. Тр. XII археол. съезда, т. I, 1902.

[37] П. Рыков. Сусловский могильник. Саратов, 1925.

[38] ИАК, вып. 10, стр. 66—67.

[39] Strab., XI, 5, 8.

[40] J. Werner. Bogenfragmente aus Cornantum und von der unteren Wolga. ESA, VII, стр. 43 (перечислены находки, указана литература).

[41] П. Рыков, ук. соч., стр. 24.

[42] С. В. Киселев. Находка античных и византийских монет на Алтае. ВДИ, № 3—4, 1940, стр. 360; ср. рецензию А. Н. Зографа и М. П. Грязнова — КСИИМК, XI, стр. 151 сл.

[43] Устное сообщение проф. М. Е. Массона (Ташкент).

[44] ОАК, 1898, стр. 13.

[45] ИАК, вып. 56, стр. 19—20.

[46] Л. П. Харко. Монетная иконография Афродиты Боспорской. (Доклад на пленуме ИИМК, посвященном изучению истории материальной культуры древнего Причерноморья. 24 апреля 1946 г.).

[47] ИАК, вып. 23, стр. 46—47.

[48] В. В. Латышев. Неизданные боспорские надписи. ИГАИМК, II, стр. 84—104. — Ю. Ю. Марти. Новые эпиграфические памятники Боспора. ИГАИМК, вып. 104, стр. 60—64.

[49] ИГАИМК, вып. 80, стр. 86—97.

[50] Ю. Ю. Марти. Стихотворная эпитафия Илиодора, сына Илия (ИТОИАЭ, I, стр. 118 сл.; ИГАИМК, вып. 104, стр. 78—79); В. В. Шкор-

нил. Боспорские надписи, найденные в 1914 году. ИАК, вып. 58, стр. 23, № 9.

[51] В. П. Метакса. Идеализация земной жизни на древнегреческих надгробных барельефах. Вестн. археол. и истор., XIV, 1902, стр. 24 (ср.: Ю. Кулаковский, МАР, вып. 19, стр. 52—57).

[52] В. В. Шкорпил. Боспорские надписи, найденные в 1913 г. ИАК, вып. 54, стр. 71 сл.

[53] О культе фракийского бога-всадника см.: G. Kazarow. Heros RE, Suppl. III.

[54] ИАК, вып. 40, стр. 77—78.

[55] ИАК, вып. 47, стр. 34.

[56] Strab., VII, 3, 17: «Кибитки номадов сделаны из войлока и прикреплены к повозкам, на которых они живут». — П. Беньковский. О терракотовых повозочках из Керчи. ИАК, вып. 9, стр. 63—72.

[57] У этих статуэток есть некоторые черты сходства с фигурами людей, изображенными на стенах керченских «склепов сабазиатов».

[58] В. В. Шкорпил. Отчет о раскопках в Керчи и в ст. Таманской в 1910 г. ИАК, вып. 47, стр. 57 сл. — М. И. Ростовцев. Стеклянные расписные вазы позднеэллинистического времени и история декоративной живописи. ИАК, вып. 54, стр. 5. — Сосуд воспроизведен также в виде красочной репродукции на таблице в книге «Эллинистическая техника» (Акад. Наук СССР, научно-популярная серия). М.—Л., 1947.

[59] ДБК, табл. III, 1—5; IV, 1.

[60] Образцы бляшек римского времени см.: M. Rostovtzew. Iranians and Greeks in South Russia. Оксфорд, 1922.

[61] Фархадские золотые бляшки еще не изданы; об условиях их находки см.: В. Ф. Гайдукевич. Работы Фархадской археологической экспедиции в Узбекистане. КСИИМК, XIV, стр. 102.

[62] Ю. Ю. Марти. Сто лет Керченского музея, рис. 4. Обстоятельства открытия саркофага см.: МИА, № 4, стр. 140—146.

[63] ИАК, вып. 30, стр. 33.

[64] C. Watzinger. Griechische Holzsarkophage aus der Zeit Alexanders des Grossen. Лейпциг, 1905.

[65] А. П. Иванова. Черты местного стиля в деревянной резьбе Боспора римского времени. Тр. отд. античн. мира, Гос. Эрмитаж, I, стр. 167—196.

[66] С. А. Жебелев. Пантикапейские Ниобиды. МАР, вып. 24

[67] АДЖ, стр. 376—389, табл. XCII—XCV.

[68] АДЖ, стр. 170—182, табл. LI.

[69] АДЖ, стр. 199—226, табл. LVI—LXII. — Некоторые новые интересные наблюдения над росписью склепа, с точки зрения выяснения элементов местного искусства, сделаны А. П. Ивановой (Черты . . ., стр. 188 сл.).

[70] Страбон так описывает вооружение сарматов: «Они носят шлемы и панцыри из сырой воловьей кожи и сплетенные из прутьев щиты, а наступательным оружием им служат копье, лук и меч» (VII, 3, 17). Как видим, из всех видов наступательного оружия копье фигурирует на первом месте. Это подтверждает и Аммиан Марцеллин (XVII, 12, 2). — У Тацита приведено несколько ярких эпизодов из боевых действий сарматов, в которых копье и меч выступают как основное их оружие. Вот, например, один из таких эпизодов: «Сарматы, оставив луки, которыми не могли действовать так далеко, как парфяне, бросились на них с копьями и мечами» (Tac. Ann., VI, 35). В другом месте говорится о пиках и очень длинных мечах, которые сарматы держали обеими руками (Tac. Hist., I, 79); там же отмечены тяжелые сарматские панцыри («катафракты») из железных пластин или очень твердой кожи, хорошо защищавшие воинов, но вместе с тем очень неудобные в случае падения всадника с лошади во время боя, так как панцырь мешал встать.

[71] Dion. Chrys., XXXVI = SC, I, стр. 173.

[72] E. Darko. Influences touraniennes sur l'évolution de l'art militaire des grecs, des romains et des byzantins, Byzantion, X, 1—2. Брюссель, 1935, стр. 454 сл.

[73] W. Ginters. Das Schwert des Skythen und Sarmaten in Südrussland. Берлин, 1928.

[74] А. Ашик. Боспорское царство, II, стр. 49, § 41. — ДБК, табл. III, 1. — P, стр. 241.

[75] Э. Р. Штерн. Содержание гробницы, раскопанной в 1896 г. в Керчи. ЗОО, XXI, стр. 271—292.

[76] АДЖ, стр. 346—375.

[77] АДЖ, стр. 356—357.

[78] АДЖ, стр. 293—345.

[79] M. Rostovzeff. Dura-Europos and its Art. Оксфорд, 1938, стр. 98 (табл. XVII, XVIII).

[80] ДБК, стр. 13 = ABC, стр. 40—41. — P, стр. 247 = R, стр. 222—224. — M. Rostovtzeff. Une trouvaille. . ., стр. 20, 26.

[81] И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности. . ., III, стр. 24.

[82] ИАК, вып. 49, стр. 24 сл., табл. V, 1.

[83] R, стр. 223 (со ссылкой на: R. Zahn. Amtliche Berichte aus den preuss. Kunstsammlungen, 1911).

[84] ДБК, стр. 28—29, табл. III, 3 = ABC, стр. 43; P, стр. 245—246 = R, стр. 221—222.

[85] ИАК, вып. 49, табл. V, 2.

[86] В. В. Шкорпил. Заметка о рельефе на памятнике с надписью Евпатерия. ИАК, вып. 37, стр. 33.

[87] Л. А. Мацулевич. Серебряная чаша из Керчи. Л., 1926, стр. 51 сл.

[88] И. И. Мещанинов. Загадочные знаки Причерноморья. ИГАИМК, вып. 6. — Н. А. Захаров. Вновь найденная плита со знаком из района кубанских плавень. Зап. Сев.-Кавк. краев. общ. археол., истор. и этногр., т. I (III), вып. 5—6, 1929, стр. 9—20.

[89] Ср.: IPE, IV, 465.

[90] В. В. Шкорпил. Заметка. . . стр. 29.

[91] Н. А. Захаров, ук. соч., стр. 9—10.

[92] ИАК, вып. 10, стр. 36. — ИГАИМК, вып. 104, стр. 69.

[93] ЗОО, XV, стр. 504.

[94] ЗОО, IX, стр. 191 сл. — И. И. Мещанинов, ук. соч., стр. 14—15.

[95] М. В. Покровский, ук. соч., стр. 13—14.

[96] Ch. Lecrivain. Thiasos. Daremberg—Saglio, т. V, стр. 257—266 (приведена вся основная литература об античных религиозных союзах).

[97] Ю. Ю. Марти. Неопубликованные археологические памятники Керченского историко-археологического музея им. А. С. Пушкина. ВДИ, № 1, 1941, стр. 198—199.

[98] С. А. Жебелев. Боспорские этюды, стр. 55.

[99] Н. И. Новосадский. Боспорские фиасы. ТСАРАНИОН, III, стр. 55—70 (исчерпывающе дана литература о боспорских фиасах римской эпохи).

[100] E. Schürer. Geschichte. . ., стр. 93—94.

[101] Н. И. Новосадский, ук. соч., стр. 63 сл.

[102] Важнейшая литература о религиозном синкретизме в греко-римском мире приведена в работе E. Schürer. Geschichte. . ., стр. 151 сл.

[103] Ю. Ю. Марти. Новые эпиграфические памятники Боспора. ИГАИМК, вып. 104, стр. 62.

[104] О внутренней организации боспорских фиасов см.: Н. И. Новосадский, ук. соч., стр. 64 сл. — E. H. Minns. Scythians. . ., 620—625.

[105] С. А. Жебелев. Танаидские «братья-приемыши». КСИИМК, V, стр. 47—49.

[106] Н. И. Новосадский, ук. соч., стр. 67—68; В. В. Шкорпил. Боспорские надписи, найденные в 1907 г. ИАК, вып. 27, стр. 43.

Глава XII

[1] L. Schmidt. Geschichte der deutschen Stämme bis zum Ausgang der Völkerwanderung, I, 1, стр. 54 (Quellen und Forschungen zur alten Geschichte und Geographie, herausg. v. W. Sieglin, H. 7). Берлин, 1904.

[2] То же.

[3] При Севере Ольвия стала чеканить монеты с именами членов императорского дома; в официальных документах этого времени в числе эпонимов упоминается наместник провинции (ὁ ἄρχων τῆς ἐπαρχείας), см.: IPE, I², 174.

[4] А. Н. Зограф. Римские монеты Ольвии. ИГАИМК, VI, 4, стр. 6.

[5] L. Schmidt, ук. соч., стр. 58.

[6] B. Rappaport. Die Einfälle der Goten in das Römische Reich. Лейпциг, 1899, стр. 28. Vita Max. et Balb., XVI = SC, II, стр. 297. Истр прекратил чеканку монет при Александре Севере, Томи продолжали выпускать монеты вплоть до Гордиана.

[7] L. Schmidt, ук. соч., стр. 59—63.

[8] Amm. Marc., XXXI, 5, 17.

[9] L. Schmidt, ук. соч., стр. 64.

[10] L. Schmidt, ук. соч., стр. 65.

[11] L. Schmidt, ук. соч., стр. 65 (ср.: Eutr., IX, 8 = SC, II, стр. 320).

[12] Zos., I, 31—32 = SC, I, стр. 790. — Труды В. Г. Васильевского, т. II, 1912, стр. 353—354.

[13] Zos., I, 32—33 = SC, I, стр. 790—791. — L. Schmidt, ук. соч., стр. 67, примеч. 1.

[14] Об этом сообщает в своем послании епископ неокесарийский Григорий Чудотворец. См.: А. А. Васильев. Готы в Крыму. ИРАИМК, I, стр. 267. — L. Schmidt, ук. соч., стр. 67. — B. Rappaport, ук. соч., стр. 57.

[15] Chester Starr. The Roman Imperial Navy. Нью-Йорк, стр. 137. — N. Iorga. Histoire des Roumains, т. I, ч. 2. Бухарест, 1937, стр. 353.

[16] Zos., 1.34 = SC, I, стр. 791—792. — Zos., 1.37 = SC, I, стр. 793. — Eutr., IX, 8. L. Schmidt, ук. соч., стр. 61

[17] V. Gall., 11 = SC, II, стр. 299. — Среди захваченных во время этого набега на Малую Азию пленных было значительное число христиан, в том числе и священников (см.: Philostorgius. ist. eccl. II, 5 = SC, I, стр. 739—740. — Д. Беликов. Христианство у готов. Казань, 1887, стр. 29).

[18] V. Gall, 12. — В. Г. Васильевский, ук. соч., стр. 357.

[19] О происхождении герулов см.: L. Schmidt, ук. соч., I, 3, стр. 333 сл.

[20] V. Gall., 13 = SC, II, стр. 299. — B. Rappaport, ук. соч., стр. 67—74. — Предполагается, что при таком количестве судов в походе участвовало до 25 000 человек. Вряд ли, однако, можно думать (см.: B. Rappaport, ук. соч., стр. 68), что пиратская флотилия, вышедшая в 267 г. из Азовского моря, состояла из легких суденышек (κερκούρων),

которые описаны Страбоном (XI, 2, 12) и Тацитом (Hist., III, 47). Поскольку этот флот прошел через все Черное море и затем действовал в Эгейском, скорее следует предположить, что в его состав входили достаточно солидные парусные корабли (ср.: L. Schmidt, ук. соч., стр. 70, прим. 1, со ссылкой на Синкелла, 717).

[21] L. Schmidt, ук. соч., стр. 71—74.

[22] Zos., I, 63 и 64.2 = SC, I, стр. 796. — B. Rappaport, ук. соч., стр. 101. — L. Schmidt, ук. соч., стр. 77.

[23] О Дексиппе см.: B. Rappaport, ук. соч., стр. 1 сл.

[24] SC, I, стр. 790.

[25] E. H. Minns. Scythians. . ., стр. 607—608 (ср.: А. Н. Зограф. Тиритакский клад. КСИИМК, VI, стр. 59 сл.).

[26] В. В. Шкорпил, ИАК, вып. 54, стр. 65—67.

[27] Б. Кёне. Описание музеума В. В. Кочубея. СПб., 1857, II, стр. 411.

[28] А. Н. Зограф. Тиритакский клад, стр. 61.

[29] Там же, стр. 58—61.

[30] В. В. Латышев. ИАК, вып. 10, стр. 26—29.

[31] Мы принимаем точку зрения А. В. Орешникова, считавшего, что в надписи между двумя названиями городов по ошибке резчика пропущен союз καί. (А. В. Орешников. Этюды по нумизматике Черноморского побережья. ИРАИМК, II, стр. 131).

[32] Наличие фанагорийской надписи II в. н. э. с упоминанием «народа Агриппии» показывает, что, в противоположность Пантикапею, Фанагория новое имя города удерживала с большей настойчивостью, что было, по-видимому, следствием определенной политической тенденции, исходившей от социальной верхушки Фанагории. Там, видимо, не забывали о предоставленной некогда Фанагории Римом автономии, которую впоследствии урезали боспорские цари. Наличие в надписи термина δῆμος указывает на существование в Фанагории органов самоуправления, присущих полису, однако они могли играть крайне ограниченную роль в условиях подчинения города боспорским царям (ср. стр. 75).

[33] Const. Porph. De adm. imp., 53, 244 сл. (ср.: А. А. Васильев. Готы в Крыму. ИРАИМК, I, стр. 288).

[34] B. Rappaport, ук. соч., стр. 110.—L. Schmidt, ук. соч., стр. 81, примеч. 2.

[35] А. А. Васильев. ук. соч., стр. 28.

[36] Мнение А. Н. Зографа, что последний выпуск боспорских монет относится к 332 г. н. э., отлично подтверждено тиритакским кладом 1946 г. (ВДИ, № 3, 1947, стр. 200).

[37] В. В. Латышев. Заметки по греческой эпиграфике. ИРАИМК, II, стр. 79 сл. — ИАК, вып. 58, стр. 38—39.

[38] Amm Marc, XXII 7 10 = SC, II, стр 524.

[39] ЗОО, XXII, протоколы, стр. 59. — Ю. Ю. Марти. Описание Мелек-Чесменского кургана и его памятников в связи с историей Боспорского царства. ЗОО, XXXI, прилож., стр. 19.

[40] Н. И. Новосадский. Боспорские фиасы, стр. 64.

[41] А. А. Васильев. Готы в Крыму, стр. 275 сл.

[42] Л. А. Мацулевич, ук. соч., табл. II, 3—4.

[43] B. W. Pharmakowsky. Die Funde in Südrussland im Jahre 1904. AA, 1904.

[44] АДЖ, стр. 412—416.

[45] АДЖ, стр. 433—434.

[46] А. Л. Ельницкий. Из истории эллинистических культов в Причерноморье (Дионис—Сабазий). СА, VIII, стр. 107 сл.

[47] АДЖ, стр. 425.

[48] Л. А. Мацулевич, ук соч., стр. 20 сл.

[49] В. В. Шкорпил, ИАК, вып. 25, стр. 32 сл.

[50] Там же, стр. 41—44.

[51] Л. А. Мацулевич, ук. соч., стр. 40.

[52] Jord. Get., 126.

[53] Zos., I, 20 = SC, I, стр. 800.— L. Schmidt, ук. соч., стр. 107.

[54] Amm. Marc., XXXI, 3, I = SC, II, стр. 342.

[55] Zos., I, 20 = SC, I, стр. 801.

[56] Agath. v., V, 11. — Подробный разбор сведений о переходе гуннов через Керченский пролив и вторжении их в Крым см.: А. А. Васильев. Готы в Крыму. ИРАИМК, I, стр. 289. — Интересно, что исторический факт перехода гуннов через водный рубеж, разделяющий Керченский и Таманский полуострова, получил у ранне-средневековых писателей легендарную окраску, будучи связанным с античным мифом об Ио, которая была превращена богиней Герой в корову. Согласно мифу, преследуемая слепнем корова переплывала встретившийся ей на пути Боспор Киммерийский. Эту вычитанную в книгах древнюю легенду ранне-средневековые писатели связали с переходом гуннами Керченского пролива в IV в. н. э. В результате получилась версия, по которой ужаленная слепнем корова или лань якобы указала гуннам путь через пролив (см.: А. А. Васильев. Готы в Крыму. ИРАИМК, I, стр. 297). В действительности переход был, очевидно, совершен зимою по льду (L. Schmidt, ук. соч., стр. 106).

[57] Eun., 42 = SC, I, стр. 762. сл.

[58] К. М. Скалон. Изображение животных на керамике сарматского периода. Тр. отд. истор. первобытн. культ. Гос. Эрмитаж, т. I, стр. 173—217.

[59] В. Ф. Гайдукевич, ВДИ, № 3—4, 1940, стр. 312—313. С. Н. Попов. Исследование нефти из амфоры, найденной при раскопках близ Керчи. Изв. Азерб. филиала АН СССР. № 1. 1941. Баку, стр. 84 сл.

[60] С. Сестренцевич-Богуш. История о Таврии, I, 1806, стр. 23. — В течение последнего десятилетия появилась обширная литература, посвященная вопросам использования нефти и битума в древности (R. J. Forbes. Bitumen and Petroleum in Antiquity, 1936. A. Seguin. Recherches sur le pétrole dans l'antiquité. Revue des questions historiques LXVI, 1936, стр. 1 сл., и др.]; библиографию см.: M. Rostovzeff. Social and Economic History of Hellenestic World, III, стр. 1614.

[61] В. Ф. Гайдукевич, ВДИ, № 3, 1947.

[62] О судьбах Пантикапея и прилегавшей к нему части восточного Крыма в V—VI вв. см.: В. Ф. Гайдукевич. Ранне-средневековые памятники Тиритаки. СА, VI. стр. 200 сл. (там же указана основная литература).

ЛИТЕРАТУРА ПО ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ БОСПОРА

А. ИСТОЧНИКИ

I. Литературные

Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе (Scythica et Caucasica); т. I — Греческие писатели., СПб, 1893; т. II — Латинские писатели. СПб., 1904. — Свод сведений о северном Причерноморье в античную эпоху, имеющихся у греческих и латинских писателей, с параллельным русским переводом. Переиздается в настоящее время в Вести. древн. истор. (1947 г., № 1 и в последующих выпусках).

II. Эпиграфические

Граков Б. Н. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии. ВДИ, № 3, 1939, стр. 231—315. — Свод надписей, найденных в Греции, Малой Азии и в греческих городах западного Причерноморья, освещающих вопросы социально-экономических и культурных связей Греции и Малой Азии со Скифией, греческими городами северного Причерноморья и Боспорским царством.

Latyschev B. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae. СПб., 1885; т. I — надписи Тиры, Ольвии, Херсонеса Таврического (переиздан в 1916 г. с включением всех надписей Тиры, Ольвии и Херсонеса, найденных в период после выхода в свет первого издания); т. II, 1890 — надписи Боспорского царства; т. IV, 1901 — надписи Тиры, Ольвии, Херсонеса и Боспорского царства, найденные в период с 1885/90 гг. по 1900 г. Боспорские надписи, найденные после 1900 г., изданы В. В. Латышевым и В. В. Шкорпилом в ИАК, вып. 2, 3, 10, 14, 18, 23, 27, 33, 37, 40, 45, 47, 49, 54, 58, 63; Ю. Ю. Марти в ЗООИД, т. XXII, XXVI, XXVIII, XXIX и XXXI.

В период после Великой Октябрьской революции были сделаны

следующие публикации надписей и других эпиграфических материалов, происходящих с территории Боспорского царства:

Гайдукевич В. Ф. Строительные керамические материалы Боспора (Боспорские черепицы). ИГАИМК, вып. 104, стр. 211—315. — Свод клейм, имеющихся на боспорских черепицах.

Гайдукевич В. Ф. Некоторые новые данные о боспорских черепичных эргастериях времени Спартокидов. КСИИМК, вып. XVII, 1947, стр. 22—27.

Граков Б. Н. Эпиграфические документы царского черепичного завода в Пантикапее. ИГАИМК, вып. 104, стр. 202—210.

Ельницкий Л. О боспорских амфорных клеймах. ВДИ, № 3/4, 1940, стр. 318 сл.

Ельницкий Л. Эпиграфические новинки из Керчи. ВДИ, № 3, 1947, стр. 205—208.

Латышев В. В. Заметки по греческой эпиграфике. ИРАИМК, I, стр. 17—28 (новое восстановление пантикапейской надписи, IPE. II, 57).

Латышев В. В. Заметки по греческой эпиграфике. ИРАИМК, II, стр. 65—83.

Латышев В. В. Неизданные Боспорские надписи. ИРАИМК, II, стр. 84—104.

Марти Ю. Ю. Новые эпиграфические памятники Боспора. ИГАИМК, вып. 104, стр. 57—89.

Марти Ю. Ю. Неопубликованные археологические памятники Керченского историко-археологического музея им. А. С. Пушкина. ВДИ, № 1, 1941, стр. 198—212.

Новосадский Н. И. Неизданная надпись Темрюкского музея. ДАН—В, вып. 1930, стр. 224—227.

Придик Е. М. Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горшках и на черепицах Эрмитажного собрания. П., 1917.

Придик Е. М. Керамические надписи из раскопок Тиритаки и Мирмекия в 1932—1934 гг. МИА, № 4, 1941, стр. 173—193.

Розанова Н. П. Новые эпиграфические памятники Таманского полуострова. СА, VII, стр. 247 сл.

Розанова Н. П. Неизданные надписи Таманского музея. ВДИ, № 2, 1947, стр. 173 сл.

Ростовцев М. И. Надпись на золотом сосуде из ст. Мигулинской. ИАК, вып. 63, стр. 106—108.

Семенов А. Ф. Эпиграфические мелочи из Недвиговского городища. Зап. Сев.-Кавк. общ. археол., истор. и этногр., 1928, Ростов н/Д., кн. 1 (т. III), вып. 3—4, стр. 4—7.

Шкорпил В. В. Новонайденные Боспорские надписи. ИАК, вып. 63, стр. 109—120.

Шкорпил В. В. Два надгробия, найденные в Керчи. ИРАИМК, I, стр. 319—380.

Кроме того, публикации боспорских эпиграфических памятников отмечены в общих обзорах трудов по античной эпиграфике, изданных в СССР:

Новосадский Н. И. Античная эпиграфика в СССР за 20 лет (1917—1937). ВДИ, № 4, 1938, стр. 200—213.

Штаерман Е. Античная эпиграфика в СССР. ВДИ, № 3, 1947, стр. 42—50.

III. Монеты (сводные труды)

Бурачков П. О. Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим на северном берегу Черного моря. Одесса, 1884 (ср.: А. Л. Бертье-Делагард. Поправки общего каталога монет П. О. Бурачкова. 1907).

Зограф А. Н. Античные монеты (Архив ЛОИИМК АН СССР). — Вторая часть этого капитального труда по античной нумизматике, принадлежащего перу безвременно умершего советского ученого, посвящена монетам греческих колоний северного Причерноморья; в книге дана исчерпывающая библиография, а на таблицах представлены все основные типы монет Тиры, Ольвии, Херсонеса и Боспора.

IV. Археологические

Древности Босфора Киммерийского. СПб., 1854, I—III. — Издание археологических находок, главным образом, из некрополей Пантикапея и курганов, раскопанных в первой половине XIX в.

Марти Ю. Ю. Сто лет Керченского музея. Керчь, 1926. — В книге дан обстоятельный очерк истории развития археологических исследований Боспора, а также подробный перечень публикаций археологических материалов из раскопок, производившихся на территории Боспора до 1926 г.

Reinach S. Antiquités du Bosphore Cimmérien. Париж, 1892. — Переиздание в уменьшенном виде таблиц «Древн. Босф. Киммер.», с переработанным объяснительным текстом соответственно состоянию историко-археологического изучения Боспора в конце XIX в.

Rostowzew M. Skythien und der Bosporus. Берлин, 1931. — Книга содержит историко-критический разбор античных литературных источников, относящихся к Боспору, а также обзор археологических памятников Боспора, охватывающий главным образом дореволюционный период исследований (более раннее и менее полное издание этой же книги имеется на русском языке: М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Л., 1925).

Б. МОНОГРАФИИ, СТАТЬИ, ПУБЛИКАЦИИ

Общие труды

Артамонов М. И. Вопросы истории скифов в советской науке. ВДИ, № 3, 1947, стр. 68—82.

Артамонов М. И. Общественный строй скифов. Вест. Лен. Гос. унив., № 9, 1947, стр. 70—87.

Ашик А. Воспорское царство. Одесса, 1848—1849, I—III.

Бузескул В. Изучение древностей северного побережья Черного моря и их значение с точки зрения греческой и мировой истории. Киев, 1927.

Готье Ю. В. Очерки истории материальной культуры Восточной Европы. Л., 1923.

Граков Б. Скіфи. Киев, 1947.

Гриневич К. Э. Достижения советских ученых в области изучения прошлого северного Причерноморья. Тр. Томского Гос. универс., т. 100, стр. 3—47.

Жебелев С. А. Греческая колонизация (гл. V в книге: История древнего мира, т. II, Древняя Греция, ч. I, 1936, стр. 146—170.

Жебелев С. А. Народы северного Причерноморья в античную эпоху. ВДИ, № 1 (2), 1938.

Жебелев С. А. Основные линии экономического развития Боспорского государства. ПОН, № 8, 1934, стр. 589—607; № 9, 1934, стр. 661—679.

Жебелев С. А. и Гайдукевич В. Ф. Боспорское государство. Восстание Савмака. Митридат на Боспоре. Боспор в римский период. История СССР, I—II. М.—Л., 1939, стр. 258—273, 339—344, 345—355.

Иессен А. А. Греческая колонизация северного Причерноморья. Л., 1947.

Каллистов Д. П. Античная литературная традиция о северном Причерноморье. Ист. зап., т. 16, 1945, стр. 182—197.

Кулаковский Ю. Прошлое Тавриды. П., 1915.

Латышев В. Краткий очерк истории Боспорского царства. Πεντικά. СПб., 1909, стр. 60—128, 174—178, 298—302.

Маркс К. и Энгельс Ф. Письма об Англии. Сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса, т. X, 1924, стр. 128 (о причинах древнегреческой колонизации).

Марти Ю. Ю. Мелек-Чесменский курган и его памятники в связи с историей Боспорского царства. ЗОО, т. XXXI.

Равдоникас В. И. Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадиальным развитием Северного Причерноморья. Готский сборник. ИГАИМК, т. XII, вып. 1—8, стр. 5.

Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1913.

Ростовцев М. И. Эллинство и иранство на юге России. II, 1908. (ср.: критический отзыв Б. В. Фармаковского в Русск. историч. журн., VII, 1921, стр. 203 сл.).

Семенов-Зусер С. А. Родовая организация у скифов Геродота. ИГАИМК, т. XI, вып. 1, 1931.

Семенов-Зусер С. А. Скифская проблема в отечественной науке. Харьков, 1947.

Толстой И. и Кондаков Н. Русские древности в памятниках искусства. СПб., I, 1889 (Классические древности южной России); II 1889 (Древности скифо-сарматские); III, 1890 (Древности времен переселения народов).

Штерн Э. Р. Значение керамических находок на юге России для выяснения культурной истории черноморской колонизации. ЗОО, 1900, т. 22, стр. 1—21.

Штерн Э. Р. Феодосия. Одесса, 1908 (краткий очерк истории Боспорского царства, стр. 6—22).

Bilabel F. Die Ionische Kolonisation. Philologus, Лейпциг — Геттинген, 1920, XIV, вып. 1.

Brandis C. G. Bosporos. RE, т. II, стб. 757—788.

Ebert M. Südrussland im Altertum. Бонн — Лейпциг, 1921.

Minns E. H. Scythians and Greeks. Кембридж, 1913 (подробная библиография по Боспору, стр. 634—638).

Neumann K. Die Hellenen im Skythenlande. Берлин, 1855.

Rostovtzeff M. The Bosporan Kingdom. The Cambridge Ancient History, т. VIII. Кембридж, 1930, гл. XVII, стр. 561—589.

Rostovtzeff M. Iranians and Greeks im South Russia. Оксфорд, 1922.

Stern E. Die griechische Colonisation am Nordgestade des Schwarzen Meeres im Lichte archäologischer Forschungen. Klio, IX, 1909.

Stern E. Die politische und sociale Struktur der Griechenkolonien am Nordufer des Schwarzmeergebiete, Hermes, L., 1915, стр. 161 сл.

Работы по различным вопросам истории и археологии Боспора, опубликованные в период с 1917 по 1947 г.

Амирапашвили А. И. Иберия и римская экспансия в Азии. ВДИ, №4 (5), 1938, стр. 161—173 (о присоединении к полемоновскому Понту Боспорского царства императором Нероном, стр. 171).

Анфимов Н. В. Земляные склепы сарматского времени в грунтовых могильниках Прикубанья. КСИИМК, XVI, стр. 148—157.

Анфимов Н. В. Новые данные к истории азиатского Боспора (Семибратнее городище). СА, VII, стр. 258—267.

Башкиров А. С. Археологическое обследование Таманского п-ва летом 1926 г. Тр. Этногр.-археол. музея I МГУ, № 3, 1927, стр. 26—40.

Башкиров А. С. Археологическое обследование Таманского полуострова летом 1927 г. ТСАРАНИОН, III, 1928, стр. 71—86.

Блаватский В. Д. *Раскопки некрополя Тиритаки в 1933 г.* МИА, № 4, стр. 61—74.

Блаватский В. Д. Отчет о раскопках Фанагории в 1936—1937 гг. Тр. Гос. истор. музея, XVI, стр. 57 сл.

Блаватский В. Д. Раскопки в Фанагории в 1938—1939 гг. ВДИ, № 3—4, 1940, стр. 287—300.

Блаватский В. Д. Раскопки в Фанагории в 1940 г. ВДИ, № 1, 1941, стр. 220—222.

Блаватский В. Д. Античная архитектура в северном Причерноморье. Академия архитектуры. Сборник работ, I. М. 1940, стр. 127 *сл.*

Блаватский В. Д. Раскопки Пантикапея в 1946 г. Сов. Крым. Симферополь, 1946, № 2.

Блаватский В. Д. Пантикапейские раскопки 1945—1946 гг. Памятники искусства. Бюллетень Гос. музея изобраз. искусств. № 2, 1947, стр. 10—16.

Блаватский В. Д. Чернофигурная ойнохоя Государственного исторического музея. ВДИ, № 2, 1946, стр. 165—169.

Блаватский В. Д. Битва при Фате и греческая тактика IV в. до н. э. ВДИ, № 1, 1946, стр. 101—106.

Блаватский В. Д. Осада и оборона в античном Причерноморье. КСИИМК, XVI, стр. 89—93.

Блаватский В. Д. Искусство северного Причерноморья античной эпохи. М. 1947.

Боровка Г. И. Женские головные уборы Чертомлыцкого кургана. ИРАИМК, I, стр. 169—192.

Боровка Г. И. Бронзовый олень из Ульского кургана. ИРАИМК. II, стр. 193—203.

Бритова Н. Н. Образ всадника на рельефах Фракии и Боспора КСИИМК, XXII, стр. 53—56.

Васильев А. А. Готы в Крыму. ИРАИМК, I, стр. 288 сл.

Веселовский Н. И. Бронзовый панцырный нагрудник с изображением головы Медузы. ИАК, вып. 65, стр. 1—8.

Войцеховский С. Ф. Опыт восстановления рельефа Таманского полуострова применительно к эпохе Страбона и позднейшему времени. Зап. Сев.-кав. краев. общ. археол., истор. и этногр., кн. 1, том III, вып. 5—6, Р. н/Д, 1929, стр. 4—9.

Гайдукевич В. Ф. Античные керамические обжигательные печи по раскопкам в Керчи и Фанагории в 1929—1931 гг. ИГАИМК вып. 80.

Гайдукевич В. Ф. О местоположении древней Тиритаки. МИА, № 4, стр. 85—92.

Гайдукевич В. Ф. Археологические работы на Керченском полуострове в 1935 г. Пробл. истор. докапит. общ., III, стр. 185—195.

Гайдукевич В. Ф. Отчет о раскопках в Керченском районе в 1935—1936 гг. Археол. исслед. в РСФСР. 1934—1936 гг., М.—Л., 1941, стр. 260—265.

Гайдукевич В. Ф. Боспорские города Тиритака и Мирмекий на Керченском полуострове. ВДИ, № 1, 1937, стр. 216—239.

Гайдукевич В. Ф. Раскопки Мирмекия и Тиритаки, археологические разведки на Керченском полуострове в 1937—39 гг. ВДИ, № 3—4, 1940, стр. 300—317.

Гайдукевич В. Ф. Итоги последних раскопок древней Тиритаки. КСИИМК, IV, стр. 54—58 (о результатах раскопок 1939 г.).

Гайдукевич В. Ф. Некоторые итоги раскопок Тиритаки и Мирмекия (10 лет работ Боспорской экспедиции). ВДИ, № 3, 1947, стр. 187—204.

Гайдукевич В. Ф. Находка античного бронзового штампа в Тиритаке. СА, VI, стр. 298—301.

Гайдукевич В. Ф. Памятники раннего средневековья в Тиритаке. СА, VI, стр. 190—204.

Гайдукевич В. Ф. Археологическое изучение Мирмекия. МИА, № 4, стр. 96—109.

Гайдукевич В. Ф., Леви Е. И., Прушевская Е. О. Раскопки северной и западной частей Мирмекия в 1934 г. МИА, № 4; стр. 110—148.

Гайдукевич В. Ф. Укрепленная villa rustica на Темир-горе. СА, VII, стр. 45—60.

Гайдукевич В. Ф. Археологические исследования в восточном Крыму (Боспорская экспедиция 1947 г.). Вестн. Лен. Гос. унив., № 12, 1947.

Городцов В. А. О результатах археологических исследований Елизаветинского городища и могильника в 1934 г. Сов. этногр., № 3, стр. 71 сл.

Городцов В. А. Елизаветинское городище и сопровождающие его могильники по раскопкам 1935 г., СА, [illegible] 171 сл.

Граков Б. Н. ΓΥΝΑΙΚΟΚΡΑΤΟΥΜΕΝΟΙ (пережитки матриархата у сарматов). ВДИ, № 3, 1947, стр. 100—121.

Граков Б. Н. Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. М., 1928.

Граков Б. Н. Эпиграфические клейма на горлах некоторых эллинистических остродонных амфор. Тр. археол. разр. Гос. Ист. музея, I, стр. 165—200.

Граков Б. Н. Чи мала Ольвія торговельні зносини з Поволжям і Приураллям в архаїчну та класичну епохи? Археологія, I, Киев, 1947, стр. 23—37 (о торговом влиянии Пантикапея на Скифию см. стр. 26 сл.).

Греков Б. Значение работы С. А. Жебелева «Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре» для истории нашей страны. ВДИ, № 1, 1940, стр. 173—176.

Гриневич К. Э. Бронзовый сосуд из Курджипского кургана. ИАК, вып. 65, стр. 45—71.

Гриневич К. Э. Новейшие раскопки в Крыму (лето 1924 г.). *Красный журнал для всех*, № 11, стр. 847—854 (археологическое обследование Тиритакского оборонительного вала на Керченском полуострове).

Гриневич К. Э. Городище Тамани. Сб. статей «Опыт методологии археологической науки», 1926, стр. 19—26.

Гриневич К. Э. Археологические разведки в северо-восточной части Керченского п-ва. ИТОИАЭ, I, 1927, стр. 47—52.

Гриневич К. Э. Мраморный таманский саркофаг. ТСАРАНИОН, IV, стр. 162—177.

Гриневич К. Э. Оборона Боспора Киммерийского. ВДИ, № 2, 1946, стр. 160—164.

Гриневич К. Э. Оборона Боспора Киммерийского на основании археологического материала. Ученые зап. Томского. Гос. универс., № 7, 1947, стр. 57—88.

Диль Э. Памятники древнегреческой народной магии. ИАК, вып. 65, стр. 79—84 (в статье приведены магические заклятия из Пантикапея).

Дьяков В. Н. Таврика в эпоху римской оккупации. Ученые записки Моск. Гос. педаг. инст. им. В. И. Ленина, т. XXVIII, вып. 1, 942, стр. 3—192.

Дьяков В. Н. Древняя Таврика до римской оккупации. ВДИ, № 3, 1939.

Дьяков В. Н. Пути римского проникновения в северное Причерноморье: Понт и Мэзия. ВДИ, № 3—4, 1940, стр. 71—88.

Дьяков В. Н. Оккупация Таврики Римом в I в. н. э. ВДИ, № 1, 1941, стр.

Ельницкий Л. А. Из истории эллинистических культов в Причерноморье (Дионис — Сабазий). СА, VIII, стр. 97—112.

Ерштедт Е. В. Статуэтка Диониса из Тиритаки. СА, VII, стр. 174—188.

Жебелев С. А. Возникновение Боспорского государства. ИОГН, № 10, стр. 799—820.

Жебелев С. А. Танаидские «братья-приемыши». КСИИМК, V, стр. 47—49.

Жебелев С. А. Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре. ВДИ, № 3 (4), 1938, стр. 49—71.

Жебелев С. А. Боспорские этюды. ИГАИМК, вып. 104, стр. 7—56.

Жебелев С. А. Откуда ведет свое происхождение название «Мирмекий». МИА, № 4, стр. 149—151.

Захаров Н. А. Древнее наименование реки Кубани. Изв. Гос. русск. геогр. общ., т. XII, вып.1, 1930, стр. 55—72.

Захаров Н. А. Вновь найденная каменная плита со знаком, из района кубанских плавень. Зап. Сев.-Кавк. краев. общ. археол., истор. и этногр., кн. 1, том III, вып. 5—6, Р. н/Д., 1929, стр. 9—20.

Зеест И. Б. Раскопки ГМИИ до Великой Отечественной войны. Памятники искусства. Бюллетень Гос. музея изобраз. искусств им. А. С. Пушкина, № 2, 1947, стр. 3—9 (краткие сведения о производившихся музеем раскопках в Харакссе, Тиритаке, Фанагории и Пантикапее).

Зограф А. Н. Золотые монеты Кавказа. ИГАИМК, вып. 110, стр. 180 сл. (отмечены боспорские золотые монеты, найденные на Кавказе).

Зограф А. Н. Мирмекийский клад монет III в. до н. э., найденный в 1934 г. МИА, № 4, стр. 152—156.

Зограф А. Н. Монеты из раскопок Тиритаки и Мирмекия в 1932—1934 гг. МИА, № 4, стр. 157—172.

Зограф А. Н. Тиритакский клад. КСИИМК, VI, стр. 58—61.

Зограф А. Н. Реформа денежного обращения в Боспорском царстве при Савромате II. ВДИ, № 2, 1938, стр. 287—306.

Зограф А. Н. Статеры Александра Македонского из керченских и таманских находок. Тр. отд. античн. мира, Гос. Эрмитаж, I, стр. 86 сл.

Зограф А. Н. Распространение находок античных монет на Кавказе. Тр. отд. нумизматики, Гос. Эрмитаж, I, стр. 29—51.

Иванова А. П. Образ варвара в античном искусстве. Уч. зап. ЛГУ, сер. филолог. наук, вып. 9, 1944, стр. 286—307.

Иванова А. П. Черты местного стиля в деревянной резьбе Боспор римского времени. Тр. отд. истор. иск. и культ. античн. мира т. I, Гос. Эрмитаж, Л., 1945, стр. 167—197.

Иванова А. П. Боспорская живопись первых веков н. э. Истор.-археол. сборник. Научно-исслед. инст. краеведч. и музейн. работы. М. 1948.

Иессен А. А. и Миллер А. А. Таманская экспедиция 1931 г. СГАИМК, № 11—12, 1932, стр. 58—61.

Каллистов Д. П. Этюды из истории Боспора римского времени. ВДИ, № 4, 1938, стр. 174—183.

Каллистов Д. П. Политика Августа в северном Причерноморье. ВДИ, № 2, 1940, стр. 65—77.

Кауфман С. А. Уступчатые склепы Боспора. Сообщ. Инст. истор. и теор. архитект., Акад. архитект., вып. 6, стр. 1—32.

Кивокурцев Н. П. Боспорская гипсовая статуэтка Эрота. СА, VII, стр. 280—283.

Книпович Т. Н. Ионийская ваза с Таманского полуострова и клазоменский стиль в памятниках греческих поселений северного побережья Черного моря. ИГАИМК, V, 1927, стр. 85—101.

Книпович Т. Н. К вопросу о торговых сношениях греков с областью р. Танаиса в VII—V вв. до н. э. ИГАИМК, вып. 104, М.—Л., 1934, стр. 90—110.

Книпович Т. Н. Опыт характеристики городища у станицы Елисаветовской по находкам экспедиции Гос. Акад. истор. матер. культ. в 192 г. ИГАИМК, вып. 104, стр. 111—201.

Книпович Т. Н. и Славин Л. М. Раскопки юго-западной части Тиритаки. МИА, № 4, стр. 37—60.

Книпович Т. Н. Из истории художественной керамики северного Причерноморья. СА, VII, стр. 140—151.

Кобылина М. М. Раскопки некрополя Тиритаки в 1934 г. МИА, № 4, стр. 75—84.

Кобылина М. М. К изучению искусства древнегреческого города Фанагории. ВДИ, № 2, 1938, стр. 366—349.

Кобылина М. М. Новейшие открытия в античной скульптуре. Искусство, № 2, 1941 (о найденной в 1930 г. в Анапе статуе горгиппийского правителя).

Кобылина М. М. Краснофигурная пелика Ялтинского музея КСИИМК, XIV, стр. 53—60.

Кобылина М. М. Памятники искусства Боспора из раскопок ГМИИ. Памятники искусства. Бюллетень Гос. музея изобраз. искусств им. А. С. Пушкина, № 2, 1947, стр. 16—20.

Колобова К. М. К вопросу о судовладении в древней Греции. ИГАИМК, вып. 61 (гл. III. Навклеры Боспора).

Колобова К. М. К вопросу о сарматском языке. ИГАИМК, вып. 100 М.—Л., 1933, стр. 416—436.

Крушкол Ю. С. Золотая монета Синдики. ВДИ, № 4, 1946, стр. 164—165.

Лапцовая О. Э. Позднеримская амфора из Мирмекия. СА, VII, стр. 289—291.

Лосева Н. М. Фрагмент краснофигурного килика из Фанагории. КСИИМК, XXII, стр. 59—61.

Лунин Б. В. Археологические находки 1935—1936 гг. в окрестностях станиц Тульской и Даховской близ Майкопа. ВДИ, 1939, № 3 (8), стр. 210—223.

Лунин Б. В. Новые находки золотых подражаний статерам Лисимаха на Кавказе. ВДИ, № 3—4, 1940, стр. 357—360.

Лунин Б. В. Рельеф с изображением «погребального пира» из Елисаветовского городища (дельта р. Дона). Советское краеведение на Северном Кавказе, Р. н/Д., 1933, стр. 56—65.

Лунин Б. В. Мраморный рельеф из Елисаветовского городища. Пробл. истор. матер. культ., № 7—8, 1933, стр. 76—78.

Максимова М. И. Античные печати северного Причерноморья. ВДИ, № 1, 1937, стр. 251—262.

Манцевич А. П. О скифских поясах. СА, VII, стр. 19—30.

Манцевич А. П. Шейные уборы скифского периода. КСИИМК, XXII, стр. 68—73.

Марр Н. Я. Значение и роль изучения напменьшинств в краеведении. Краеведение, № 1, 1927.

Марр Н. Я. Сухум и Туапсе (киммерский и скифский вклады в топонимку Черноморского побережья). ИРАИМК, т. IV.

Марти В. Ю. Новые данные о рыбном промысле в Боспоре Киммерийском по раскопкам Тиритаки и Мирмекия. СА, VII, стр. 94—106.

Марти В. Ю. Рыбозасолочные ванны Тиритаки. МИА, № 4, стр. 93—94.

Марти В. Ю. Возникновение и развитие рыбного промысла в Азовско-Черноморском бассейне. Природа, 1941, стр. 19 сл.

Марти Ю. Ю. Проблема раскопок древнего Пантикапея. ТСАРАНИОН, IV, 1928, стр. 306—315.

Марти Ю. Ю. Городские крепостные стены Тиритаки и прилегающий комплекс рыбозасолочных ванн. Разведочные раскопки вне городских стен Тиритаки. МИА, № 4, стр. 11—36.

Марти Ю. Ю. Стихотворная эпитафия амастрийца Илиодора, сына Илиева. ИТОИАЭ, I, 1927, стр. 118—121.

Марти Ю. Ю. О результатах работ экспедиции Керченского музея по обследованию городищ Киммерика, Китея и Акры на Керченском полуострове летом 1927 г. Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе, 1927 г., стр. 51—56.

Марти Ю. Ю. Городища Боспорского царства к югу от Керчи. Киммерик, Китей, Акра. ИТОАИЭ II, 1929, стр. 126—131.

Марти Ю. Ю. Раскопки городища Китей в 1928 г. ИТОИАЭ, III, 1929, стр. 116—130.

Марти Ю. Ю. Раскопки Керченской экспедиции 1928 г. Крым, № 1 (9), 1929, стр. 5—13.

Марти Ю. Ю. Прошлое Керчи; в книге: Керчь индустриальная, Симферополь, 1932, стр. 199—225.

Марти Ю. Ю. Поздне-эллинистические надгробия Боспора как историко-культурный документ. СА, VII, стр. 31—44.

Марти Ю. Ю. Путеводитель по Керченскому историко-археологическому музею им. А. С. Пушкина. 1937.

Марченко И. Д. О художественной обработке металла на Боспоре. Памятники искусства. Бюллетень Гос. музея изобраз. искусств им. А. С. Пушкина, № 2, 1947, стр. 37—39.

Мацулевич Л. А. Конференция археологов СССР в Керчи. СГАИМК, I, стр. 271—286.

Мацулевич Л. А. Серебряная чаша из Керчи. Л., 1926.

Мацулевич Л. А. Кто был Каллисфен, названный в надписи, открытой в Керчи в 1894 г. СА, VII, стр. 61—80.

Мацулевич Л. А. Аланская проблема и этногенез Средней Азии. Советская этнография, т. VI—VII, стр. 125—147.

Мещанинов И. И. Загадочные знаки Причерноморья. ИГАИМК, вып. 62, 1933.

Миллер А. Таманская экспедиция ГАИМК. СГАИМК, № 1, 1931, стр. 26—29.

Миллер А. А. Таманская экспедиция ГАИМК 1931 г. СГАИМК, № 3—4, 1932, стр. 58—60.

Миллер А. А. Таманская экспедиция ГАИМК в 1931 г. СГАИМК, № 7—8, 1932, стр. 67—68.

Мошинская В. И. О государстве синдов. ВДИ, № 3, 1946, стр. 203—208.

Надель Б. И. Об экономическом смысле оговорки χωρὶς εἰς τὴν προσευχὴν ἀωπείας τε καὶ προσκαρτερήσεως боспорских манумиссий. ВДИ, № 1, 1948, стр. 203—206.

Наливкина М. А. Терракотовая головка из Мирмекия. СА, VII, стр. 284—288.

Новосадский Н. И. Две керамические надписи, найденные на юге России. ТСАРАНИОН, I, стр. 39—46 (одна из надписей, найденная в 1883 г. в Керчи, отражает какую-то недошедшую до нас античную комедию).

Новосадский Н. И. Боспорские фиасы. ТСАРАНИОН, III, стр. 55—70.

Новосадский Н. И. Последние годы борьбы Митридата с Римом. ТСАРАНИОН, IV, 1928, стр. 345—356.

Орешников А. В. К нумизматике преемников Аспурга. ИРАИМК, I, стр. 1—8.

Орешников А. В. Этюды по нумизматике Черноморского побережья. ИРАИМК, I, стр. 217—270 (о портретных изображениях на городских монетах Сарматии и Боспора см. стр. 232—238).

Орешников А. В. Этюды по нумизматике Черноморского побережья (О монетных магистратах Херсонеса. Монеты Синдики и Горгиппии. Пантикапей, Мирмекий и Фанагория под разными наименованиями). ИРАИМК, II, стр. 114—138.

Передольская А. А. Фанагорийские фигурные вазы. Л. 1937.

Передольская А. А. Вазы Ксенофанта. Тр. отд. истор. иск. и культ. античн. мира, т. I, Гос. Эрмитаж, Л., 1945, стр. 47—67.

Передольская А. А. Слоновая кость из кургана Куль-оба. Тр. отд. истор. иск. и культ. античн. мира, т. I, Гос. Эрмитаж, Л., 1945, стр. 69—83.

Пиотровский А. И. Панафинейская амфора Елизаветинского кургана. ИРАИМК. III.

Пиотровский Б. Б. Египетские предметы в Северо-Кавказском крае. СГАИМК, № 6, 1931, стр. 28—30.

Погребова Н. Н. Грифон в искусстве северного Причерноморья в эпоху архаики. КСИИМК, XXII, стр. 62—67 (рассматривается вопрос о генезисе образа львиноголового грифона в боспорском искусстве).

Покровский М. В. Городища и могильники среднего Прикубанья. Тр. Краснодарск. пед. инст., т. VI, вып. 1, Краснодар, 1937.

Покровский М. В. Отчет о раскопках могильника № 2 станицы Усть-Лабинской в 1936 г. Археол. исслед. в РСФСР 1934—1936 гг. М.—Л., 1941, стр. 220.

Покровский М. В. и Анфимов Н. В. Карта древних городищ и могильников Прикубанья. СА, IV, стр. 265 сл.

Придик Е. М. Керамические надписи из раскопок Тритаки и Мирмекия в 1932—1934 гг. МИА, № 4, стр. 173—193.

Прушевская Е. О. Обломок краснофигурного килика из Мирмекия. Труды отд. истор. иск. и культ. античн. мира, т. I, Гос. Эрмитаж. Л., 1945, стр. 119—129.

Прушевская Е. О. Родосская ваза и бронзовые вещи из могилы на Таманском полуострове. ИАК, вып. 63, стр. 31—58.

Пятышева Н. В. Античное влияние на скульптуру Причерноморья. ВДИ, № 3, 1946, стр. 175—182.

Рабинович Б. З. Шлемы скифского периода. Тр. отд. истор. первобытной культ., Гос. Эрмитаж, I, 1941, стр. 99—171 (в работе уделено значительное внимание шлемам, найденным на Боспоре).

Репников Н. И. О характере римской оккупации южного берега Крыма. СА, VII, стр. 121—128.

Репников Н. И. и Шмит Ф. И. Античный курорт в окрестностях Керчи. СГАИМК, № 5—6, 1932, стр. 67—68.

Ростовцев М. И. Бронзовые фибулы с надписями из Донской области. ИАК, вып. 65, стр. 22—24.

Ростовцев М. И. Понт, Вифиния и Боспор. Русск. истор. журн. 1—2, 1917, стр. 111—130.

Ростовцев М. И. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. МАР, № 37, 1918.

Ростовцев М. И. Медь Динамии и Аспурга. ИТУАК, № 54, стр. 47—53.

Ростовцев М. И. и Степанов П. К. Элино-скифский головной убор. ИАК, вып. 63, стр. 69—101.

Семенов-Зусер С. А. Физическая культура и зрелища в древнегреческих колониях северного Причерноморья. Харьков.

Скалон К. М. Изображение животных на керамике сарматского периода. Тр. отд. истор. первобытной культ., Гос. Эрмитаж, I, 1941, стр. 173—217.

Снегирев И. Египет и юг СССР (неизданные египетские предметы *из Керчи). Сборник работ студентов — выдвиженцев и студентов* — членов научных кружков Факультета ист., языкозн. и матер. культ. Лен. Гос. унив. 1929, стр. 28—31.

Соколов В. В. Карта древних поселений и могильников в районе станицы Таманской. ИТУАК, вып. 56, 1919, стр. 39—59.

Соколов В. В. Курганы «Лысой горы» близ Тамани и находки в них. ИТУАК, № 56, 119, стр. 60—63.

Спиридонов Д. С. Уроженцы северного побережья Черного моря в истории древнегреческой мысли. ИТУАК, № 54, стр. 187—233.

Тревер К. В. Собака-птица: Сэнмурв и Паскудж. ИГАИМК, вып. 100, стр. 223—328. — Анализ изображений Сэнмурва на золотой чеканной обкладке ножен меча из кургана у ст. Елисаветовской и золотой чеканной пластине из IV Семибратнего кургана.

Фармаковский Б. В. Боспорські Спартокіди в атеньскому різбярстві. Збірн. на пошану акад. Багалія, Київ, 1925.

Фармаковский Б. В. Серебряная, украшенная рельефами чашка Новороссийского музея. ИРАИМК, I, стр. 193—202.

Фармаковский Б. В. Три полихромные вазы в форме статуэток, найденные в Фанагории. П., 1921.

Фликсбергер К. Археологические находки хлебных растений в областях, прилегающих к Черному морю. КСИИМК, VIII, стр. 117—119.

Харко Л. П. Культ Афродиты на Боспоре Киммерийском (тезисы кандидатской диссертации). КСИИМК, XIII, стр. 137—141.

Харко Л. П. Фрагмент фриза с изображением гигантов из станицы Таманской. СА, VII, стр. 81—93.

Худяк М. М. Раскопки в Нимфее. Сообщ. Гос. Эрмитажа, I, 1940, стр. 21—23.

Худяк М. М. Работы Нимфейской экспедиции 1939 г. Тр. отд. истор. иск. и культ. античн. мира, т. I, Гос. Эрмитаж, Л., 1945, стр. 142—166.

Худяк М. М. Работы Нимфейской экспедиции Гос. Эрмитажа в 1939—1941 *гг. КСИИМК, XIII, стр. 119—125.*

Шкорпил В. В. Археанактиды. ИТУАК, № 54, стр. 54—59.

Шкорпил В. В. Из Архива Керченского музея древностей (VII — Павловский курган; VIII — Мелек-Чесменский курган; IX — Курган на хребте горы Юз-оба 1859 г.; X — Два кургана на хребте горы Юз-оба 1860 г.). ИТУАК, № 55, стр. 97—134.

Шмидт Р. В. К исследованию боспорских оборонительных валов. СА, VII, стр. 268—279.

Bell H. J. Greek Sightseers in the Fayum in the Third Century B. C. Symbolae Osloenses, V, Осло, 1927, стр. 33 (о посольстве Перисада II к египетскому царю Птоломею Филадельфу по данным Зеноновского архива папирусов).

Boroffka G. Scythian Art. Лондон, 1928.

Gernet L. Note sur les parents de Démosthène. Revue des études grecques, XXXI, 1918, стр. 185 сл.

Ginters W. Das Schwert der Skythen und Sarmaten in Südrussland. Берлин, 1928.

Knipowitsch T. Untersuchungen zur Keramik römischer Zeit aus den Griechischenstädten an der Nordküste der Schwarzen Meeres. I *Die Keramik römischer Zeit aus Olbia in des Sammlung der Ermitage.* Франкфурт в/М., 1929 (в работе дан краткий очерк греческих колоний северного Причерноморья, в качестве сравнительного материала использованы находки краснолаковой керамики из Пантикапея).

Kocevalov A. Die Einfuhr von Getreide nach Athen. Rheinisches Museum für Philologie, LXXX, 4, 1932, стр. 321 сл.

Lossewa N. Zwei klazomenische Vasen. AA, 1929, стр. 43—47.

Pridik E. Die Astynomennamen auf Amphoren und Ziegelstempeln aus Südrussland. Sitzungsber. der Preuss. Akad. d. Wissensch. — Phil. — Hist. Kl., т. XXIV, Берлин, 1928, стр. 432 сл.

Regling K. Der griechische Goldschatz von Prinkipo. Zeitschrift für Numismatik, XLI, 1931 (в кладе заключено значительное число

пантикапейских золотых статеров IV в. до н. э., автор работы дает их хронологическую классификацию).

Rostovtzeff M. Ancient Decorative Wallpainting. Journ. of Hell. Stud., XXXIX, 1919, стр. 144 сл.

Rostovtzeff M. Greek Sightseers in Egypt. Journal of Egyptian Archaeology, 1928, стр. 13 (о посольстве Перисада II к египетскому царю Птолемею Филадельфу).

Rostovtzeff M. Le culte de la Grande Déesse dans la Russie méridionale. Revue des études grecques, XXXII, 1919, стр. 462—481.

Rostovtzeff M. Une trouvaille de l'époque greco-sarmate de Kertch au Louvre et au Musée de Saint-Germain. Fondation Eugène Piot, XXVI. Париж, 1923.

Richter Gisela M. A. A Greek Sword Sheath from South Russia. Metropolitan Museum Studies, 1932, февраль.

Schefold K. Der skythische Tierstyl in Südrussland. ESA, XII, 1938, стр. 19 сл.

Schefold K. Untersuchungen zu den Kertscher Vasen. Archäologische Mitteilungen aus russischen Sammlungen, IV, Берлин—Лейпциг, 1934.

Starr Chester G. The Roman Imperial Navy. Нью-Йорк, 1941 (о мэзийской эскадре и ее роли в событиях на Боспоре при императоре Клавдии, стр. 131).

Schwann W. Schifspapiere. Rheinisches Museum für Philologie, LXXXI. 1, стр. 41 сл.

Vasmer. Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven. I, Die Iranier im Südrussland, Лейпциг, 1923.

Waldhauer. Die besonderen Züge der antiken Kunst im Schwarzmeergebiet. Forschungen und Fortschritte, ноябрь, 1931, стр. 406 сл.

Žebelev S. L'adbication scythe dans la royaume du Bosphore. Revue des études grecques, XLIX, стр. 17—37.

Zograph A. Sauromates II's Reform of the Currency. The Numismatic Chronicle, 1938, стр. 99 сл.

См. также статьи в RE: Abdarda (Tomaschek), Apature (Jessen), Apaturos (Tomaschek), Aspurgianoi (Tomaschek), Aspurgos (P. von Rohden) Dynamis (Stein), Eumelos (11) (Willrich), Gorgippia (Kiessling), Gylon (Kirchner), Hermonassa (Kiessling), Kamasarye (v. Hiller), Kepoi (Geyer), Kimmerike (Kroll), Kimmerion (1) (Lehmann—Haupt), Leukon (3,4) (Geyer), Myrmekion (Hermann), Nymphaion (Diehl), Satyros (Fluss), Saumakos (Diehl), Sindoi (1) (Kretschmer), Spartokos (1—4) (Geyer).

ПОЯСНЕНИЯ К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

I. РИСУНКИ

1. Родосский расписной кувшин из скифской могилы на Темир-горе. Середина VII в. до н. э. Эрмитаж (Б. В. Фармаковский, Милетские вазы из России. Оттиск из «Древностей» т. XXV, табл. VIII, *3*). — *Стр. 17.*
2. Антропоморфная известняковая стела из Тиритаки. Начало I тысячелетия до н. э.; высота стелы —1.28 м. Найдена Боспорской археологической экспедицией в 1934 г. Керчь, Археологический музей. — Негатив фотоархива ЛОИИМК АН СССР. — *Стр. 32.*
3. Глиняные остродонные амфоры: *1* — фасосская, середины V в. до н. э. (найдена Боспорской экспедицией в 1938 г. в каменной плитовой гробнице близ Мирмекия, публикуется впервые); *2* — родосская, III в. до н. э. (найдена в Мирмекии в 1934 г., МИА, № 4, стр. 135). Негативы ЛОИИМК АН СССР. — *Стр. 47.*
4. Кубанская группа курганов «Семь братьев», рис. Ф. И. Гросса. Из альбома Археологической комиссии. — Архив ЛОИИМК АН СССР. — *Стр. 49.*
5. Афинский мраморный рельеф с изображением сыновей боспорского царя Левкона I. Афины, Национальный музей [I. W. Svoronos. Des Athener Nationalmuseum. II, табл. CIV (1471)]. — *Стр. 69.*
6. Краснофигурная аттическая пелика с изображением Эдипа перед сфинксом. IV в. до н. э. Найдена в Керчи в расписном склепе, раскопанном в 1908 г. Эрмитаж (ИАК, вып. 40, стр. 67; АДЖ, табл. XXVIII, 10). Негатив Фотоархива ЛОИИМК АН СССР. — *Стр. 84.*
7. Чернолаковая аттическая гидрия. IV в. до н. э. Найдена в 1863 г. в кургане на Юз-обе, Керчь, Археологический музей (находилась там до Великой Отечественной войны, в настоящее время местонахождение неизвестно). Негатив Керченского музея. — *Стр. 85.*
8. Пантикапейская бронзовая монета с изображением головы быка, хлебного колоса и плуга, II в. до н. э. (увеличение). По слепку Нумизматического отдела ГМИИ. — *Стр. 97.*

9. Ручная мельница-зернотерка IV в. до н. э. Найдена Л. П. Харко в 1937 г. на городище Пересыпи; воспроизведено по рисунку, приложенному к рукописному отчету Л. П. Харко и хранящемуся в Архиве ЛОИИМК АН СССР. — *Стр. 99.*

10. Изображение мукомольного производства на беотийской эллинистической чаше. Афинский национальный музей. P. Brandt, Die Schaffende Arbeit und bildende Kunst, рис. 81. — *Стр. 101.*

11. Винодельня в Тиритаке на участке *V*. III в. до н. э. — Общий вид и план: *А* — давильная площадка, *Б* — резервуар для виноградного сусла, *В* — часть водостока, проходившего над винодельней в первые века н. э. Открыта Боспорской археологической экспедицией в 1939 г. и доследована в 1946 г., публикуется впервые. Негатив Фотоархива ЛОИИМК АН СССР. — *Стр. 105.*

12. Винодельня эллинистическо-римского времени в Мирмекии. Открыта в 1934 г. Боспорской археологич. экспедицией (МИА, №4, стр. 116). Негатив Фотоархива ЛОИИМК АН СССР. — *Стр. 107.*

13. Ткацкая мастерская — рисунок на аттическом лекифе около 560 г. до н. э. Музей искусств Метрополитен в Нью-Йорке (Bulletin of the Metropolitan Museum of Art, декабрь, 1931, стр. 293). — *Стр. 115.*

14. Бронзовый штамп III—II вв. до н. э., найден Боспорской археологической экспедицией в 1937 г. в Тиритаке: *1* — вид сверху, *2* — вид снизу, *3* — вид сбоку (СА, VI, стр. 298). — *Стр. 119.*

15. Золотая обивка горита из Чертомлыцкого кургана. Начало IV в. до н. э. Эрмитаж. (Б. В. Фармаковский. Золотые обивки налучий (горитов) из Чертомлыцкого кургана и из кургана в м. Ильинцах. Сборник статей в честь Бобринского, СПб, 1911, табл. II.). Негатив Фотоархива ЛОИИМК АН СССР. *Стр. 122—123.*

16. Золотая обивка ножен и золотая рукоятка меча из Чертомлыцкого кургана. Начало IV в. до н. э. Эрмитаж. Негатив Фотоархива ЛОИИМК АН СССР. — *Стр. 122—123.*

17. Изображение скифов на чертомлыцкой серебряной амфоре. Начало IV в. до н. э. Эрмитаж. Негативы Фотоархива ЛОИИМК АН СССР. — *Стр. 123.*

18. Золотой гребень из кургана Солоха. Первая половина IV в. до н. э. Эрмитаж. (ОАК, 1913, стр. 111—112). Негатив Фотоархива ЛОИИМК АН СССР. — *Стр. 125.*

19. Серебряная обивка горита из кургана Солоха, первая половина IV в. до н. э. (ОАК, 1913, стр. 122). Эрмитаж. Негатив Фотоархива ЛОИИМК АН СССР. — *Стр. 127.*

20. Электровый сосуд из кургана Куль-оба. IV в. до н. э. Эрмитаж. Негативы Фотоархива ЛОИИМК АН СССР. — *Стр. 129.*

21. Серебряные сосуды из Зеленского кургана. Конец IV в. до н. э. Эрмитаж (ИАК, вып. 60, стр. 30—31, рис. 15, 18, 20). Негативы Фотоархива ЛОИИМК АН СССР. — *Стр. 134.*

22. Серебряный килик из Зеленского кургана. Конец IV в. до н. э. Эрмитаж (ИАК, вып. 60, стр. 31, рис. 19). Негатив Фотоархива ЛОИИМК АН СССР. — *Стр. 135.*

23. Кухонные глиняные сосуды (котлы для варки пищи) местного боспорского производства: верхний — V в. до н. э. (найден Боспорской экспедицией в 1935 г. в Мирмекии), нижний — I в. н. э. (найден Боспорской экспедицией в 1940 г. в Тиритаке); издаются впервые. Негативы Фотоархива ЛОИИМК АН СССР. — *Стр. 137.*

24. Полихромный сосуд с изображением мужской головы. III в. до н. э. Одесский музей. Воспроизводится по рисунку М. В. Фармаковского к работе Э. Штерна о полихромных вазах. Архив ЛОИИМК АН СССР. — *Стр. 143.*

25. Вид с вершины горы Митридата в Керчи (акрополь древнего Пантикапея) на северо-восток: на втором плане виден мыс Карантинный, где находятся развалины города Мирмекия. По цветной гравюре Карло Боссоли, 1856 г. (воспроизводилась в МИА, № 4, стр. 97). Архив ЛОИИМК АН СССР. — *Стр. 155.*

26. План города Керчи с обозначением следов древних оборонительных стен Пантикапея. (А. Ашик. Боспорское царство, I, табл. IV); в план Ашика внесены некоторые дополнения). — *Стр. 159.*

27. Мраморный аттический рельеф с изображением силена. IV в. до н. э. Найден в Керчи на северном склоне горы Митридат в 1934 г. Высота рельефа 40 см. Керчь. Археологический музей (находился там до Великой Отечественной войны, в настоящее время местонахождение неизвестно). Негатив Фотоархива ЛОИИМК АН СССР. — *Стр. 163.*

28. План раскопок северной части Мирмекия (участок *Б*); оборонительная городская стена и прилегающий к ней квартал; *1* — оборонительная стена и башня IV в. до н. э.; *2* — стены построек классического времени (V—IV вв. до н. э.); *3* — стены построек эллинистическо-римского времени; *4* — стены построек средневекового периода; a_1 — a_3 — колодцы, *в* — печи и очаги в помещениях, c_1, c_2 — могилы конца VI — начала V в. до н. э., открытые под фундаментом башни, *А* — здание эллинистическо-римской винодельни (см. рис. 12), *B*, *C*, *D* — дом с тремя помещениями, *E*, *F*, *G* — жилые помещения, *H* — постройка VII—VIII вв. н. э., *I* — остатки дома XIV в. н. э. (ВДИ, № 3—4, 1940, стр. 302). Негатив Фотоархива ЛОИИМК АН СССР. — *Стр. 168.*

29. Каменное ложе виноградного пресса («тарапан»). III в. до н. э. Найдено в районе Керчи близ Царского кургана. До Великой Отечественной войны хранилось в лапидарии Царского кургана, во время войны уничтожено. Негатив Фотоархива ЛОИИМК АН СССР. — *Стр. 169.*

30. Античный колодец с подземной лестницей близ Керчи, план и разрез: *1* — колодец; *2* — поверхность почвы; *3* — каменная пристройка — вход в подземную галерею; *4* — материковая порода — известняк; *5* — рыхлый известняк; *6* — начало галереи, образованное каменной кладкой; *7* — галерея с 30-ю ступенями; *8* — проем входа в галерею; *10* — первый бассейн; *11* — второй бассейн. По чертежам Е. Е. Люценко. Архив ЛОИИМК АН СССР, рукопись Е. Е. Люценко, 1876 г.: «Минеральный источник в окрестностях Керчи, открытый по надписи на мраморной плите». — *Стр. 170.*

31а. Общий план городища Тиритаки с обозначением раскопанных Боспорской археологической экспедицией участков с 1932 г. по 1948 г. включительно (вверху) и план южной части оборонительных стен Тиритаки с прилегающей к ему группой рыбозасолочных ванн (внизу): *1* — оборонительная стена V в. до н. э., *2* — оборонительная стена IV—III вв. до н. э., *3* — рыбозасолочные ванны, *4* — стены внутригородских построек, *5* — вымостки из каменных плит. — *Стр. 170—171.*

31б. Южная оборонительная стена Тиритаки (участок *I*): *А* — фундамент стены V в. до н. э., *Б* — стена IV—III вв. до н. э., *В* — угловая башня *I*, *Г* — *Г* рыбозасолочные ванны I—II вв. н. э. Снимок 1936 г., издается впервые. Негатив Фотоархива ЛОИИМК АН СССР. — *Стр. 171.*

32. Терракотовый рельеф с изображением танцовщицы. Конец V в. до н. э. Найден в Нимфее в 1938 г. Л. Ф. Силантьевой во время работ руководимого ею Нимфейского отряда Боспорской экспедиции. Высота рельефа 14.5 см. Керчь. Археологический музей (находился там до Великой Отечественной войны, в настоящее время местонахождение неизвестно). (ВДИ, № 3—4, 1940, стр. 315). Негатив Фотоархива ЛОИИМК АН СССР. — *Стр. 177.*

33. Золотая серьга из курганного погребения, раскопанного в окрестностях Феодосии. IV в. до н. э. (ДБК, табл. XII, *3*) Эрмитаж. Негатив Фотоархива ЛОИИМК АН СССР. — *Стр. 193.*

34. Мраморная статуя наместника Горгиппии. II в. н. э. Москва. Музей изобразительных искусств (М. И. Кобылина. Памятники искусства Боспора из раскопок ГМИИ. Памятники искусства. Бюллетень ГМИИ, 2, 1947, стр. 20). — *Стр. 219.*

35. План дома III в. до н. э., раскопанного на Семибратнем городище (Н. В. Анфимова. Новые данные к истории азиатского Боспора, СА., VII, стр. 259, рис. 1 (план воспроизводится в настоящем издании с некоторыми дополнениями, основанными на сведениях, полученных от Н. В. Анфимова). — *Стр. 223.*

36. План древнего городища у станицы Елисаветовской (А. А. Миллер. Раскопки в районе древнего Танаиса, ИАК, вып. 35, стр. 120). — *Стр. 231.*

37. Надгробие Каллисфении, жены Баста, и ее брата Коллиона. I в. до н. э. (G. Kieseritzky und C. Watzinger. Griechische Grabreliefs, Берлин, 1909, № 249; IPE, IV, 247; CA, VII, стр. 40—41). Керчь. Археологический музей. — *Стр. 237.*

38. Панафинейская амфора из кургана у станицы Елизаветинской на Кубани: *1* — группа кулачных бойцов и эпистит — судья состязания; *2* — богиня Афина. Конец V в. до н. э. Эрмитаж (ОАК, 1913, стр. 152). Негативы Фотоархива ЛОИИМК. — *Стр. 243.*

39. Золотой курган: общий вид кургана, план купольного склепа и его продольный разрез (ДБК, чертеж A^a). — *Стр. 247.*

40. Дромос склепа в Царском кургане. IV в. до н. э. По фотографии Керченского музея. — *Стр. 249.*

41. Царский курган: *1* — поперечный разрез дромоса и вход в склеп, *2* — ступенчатый пандатив, *3* — поперечный разрез склепа. (J. Durm. Die Kuppelgräber von Pantikapaion. Jahreshefte des Österreich. archäolog. Inst, т. X, 1907). — *Стр. 251.*

42. Склеп Мелек-Чесменского кургана — план и разрезы. IV в. до н. э. (Атлас к ОАК за 1859 г., табл. V, *7—13*). — *Стр. 253.*

43. Склеп с уступчатым покрытием в кургане на горе Юз-оба; раскопан в 1860 г. IV в. до н. э. (Атлас к ОАК за 1860 г., табл. VI. *2*). — *Стр. 257.*

44. Склеп с цилиндрическим сводом в кургане на горе Юз-оба, раскопан в 1860 г. Последняя четверть IV в. до н. э. (Атлас к ОАК за 1860 г., табл. VI, 1). — *Стр. 261.*

45. План и разрез склепа в кургане Куль-оба. IV в. до н. э. (ДБК, чертеж *А*). — *Стр. 269.*

46. Фигурки конных скифов на золотой гривне из кургана Куль-оба. IV в. до н. э. (ДБК, табл. VIII, *1*) Эрмитаж. Негатив Фотоархива ЛОИИМК АН СССР. — *Стр. 270.*

47. Золотые височные подвески с изображением головы богини Афины из кургана Куль-оба. Конец V в. до н. э. (ДБК, табл. XIX, *1*) Эрмитаж. Негатив Фотоархива ИИМК АН СССР. — *Стр. 271.*

48. Серебряный сосуд с изображением уток из кургана Куль-оба. IV в. до н. э. (ДБК, табл. XXXV, *5*) Эрмитаж. Негатив Фотоархива ЛОИИМК АН СССР. — *Стр. 273.*

49. Чернолаковая ваза (амфора) III в. до н. э. Эрмитаж (ИАК, вып. 47, стр. 16). Негатив Фотоархива ЛОИИМК АН СССР. — *Стр. 279.*

50. Фигурная расписная ваза-сфинкс из Фанагории. Начало IV в. до н. э. Высота сосуда 14.5 см. Эрмитаж. Негатив Фотоархива ЛОИИМК АН СССР. — *Стр. 283.*

51. Деревянный саркофаг из Анапы с резными позолоченными украшениями в виде фигурок Нереид на гиппокампах. (C. Watzinger. Griechische Holzsarkophage aus der Zeit Alexanders des Grossen, 1905, стр. 36—37) III в. до н. э. Эрмитаж. По фотографии Эрмитажа. — *Стр. 285.*

52. План кургана Большая Близница: *I, II, III* — каменные склепы с уступчатым покрытием (*II* — расписной), *а* — место погребения, совершенного посредством сожжения; 1868, 1883 — каменные гробницы, сложенные из плит; *в, с, f* — остатки костров на местах тризны, *d, е* — каменные жертвенники. (Составлено по схематическим планам кургана Люценко и Веребрюсова, опубликованным в АДЖ, табл. IV и XI, *1*). — *Стр. 286.*

53. Золотой калаф и стленгида из склепа I в кургане Большая Близница. IV в. до н. э. Эрмитаж. По фотографии Эрмитажа.—*Стр. 287.*

54. Золотое ажурное ожерелье из гробницы кургана Большая Близница, раскопанной в 1868 г. в IV в. до н. э. Эрмитаж (И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности, I, стр. 60). — *Стр. 291.*

55. Лестничный спуск, вход в склеп и конские гробницы в Васюринском кургане. III в. до н. э. Рисунок М. П. Клодта. (АДЖ, табл. XII, *3*). — *Стр. 295.*

56. Посвятительный рельеф с изображением Трифона, сына Андромена, найденный в Танаисе. Конец II в. н. э. Эрмитаж (П. Леонтьев. Пропилеи, т. IV, стр. 116). Негатив Фотоархива ЛОИИМК АН СССР. — *Стр. 339.*

57. Группа рыбозасолочных ванн в южной части Тиритаки (на участке *I*). I—II вв. н. э. Фотография издается впервые. Негатив Фотоархива ЛОИИМК АН СССР. — *Стр. 353.*

58. Группа рыбозасолочных ванн (*1—6*) в восточной части Тиритаки на участке *X*. I—II вв. н. э. (ВДИ, № 1, 1937, стр. 235). Негатив Фотоархива ЛОИИМК АН СССР. — *Стр. 354.*

59. План раскопанной части города Тиритаки (участок *XIII*): *1* — стены построек римского времени (I—III вв. н. э.); *2* — рыбозасолочные ванны римского времени (*А, Б, В, Г*); *3* — давильные площадки винодельни с тремя резервуарами для сбора сусла, II—III вв. н. э. (*Д*); *4* — развалины христианской базилики VI в. н. э. (*Е*); *5* — стены построек VIII в. н. э.; *6* — глиняные пифосы римского времени для хранения соленой рыбы; крестиком отмечено место находки амфоры с нефтью (см. стр. 481). (ВДИ, № 3—4, 1940 стр. 309). — *Стр. 355.*

60а. Общий вид винодельни II—III вв. н. э. в Тиритаке на участке *XVII*, открытой Боспорской археологической экспедицией в 1946 г.: *А, А* — давильные площадки, *Б* — площадка для пресса, *В, В, В* — резервуары, собиравшие виноградное сусло. Издается впервые. Негатив Фотоархива ЛОИИМК АН СССР. — *Стр. 358.*

60б. План винодельни II—III вв. н. э. в Тиритаке на участке *XXII*: *А, А* — давильные площадки, *Б* — площадка для пресса, *В, В, В* — резервуары, *Г* — каменные гири от рычажного пресса. Издается впервые. Негатив Фотоархива ЛОИИМК АН СССР. — *Стр. 359.*

61. Храмовый стол с надписью из Китея. III в. н. э. Керчь. Археологический музей. По фотографии Керченского музея. — *Стр. 377.*

62а. План дома III—IV вв. н. э., раскопанного в Тиритаке на участке *XV* Боспорской археологической экспедицией в 1939—40 и 1946—1947 гг.; *I—VIII* — помещения дома, *а* — ниши в стенах помещений, *б* — жернова от ручных мельниц, *в* — очаг, устроенный поверх мраморного алтаря, *г* — клад (сосуд с 225 боспорскими монетами), *д* — «тарапан» (плита с желобом и сливом от виноградного пресса), *е* — водосток, *ж* — окно, *з* — кухонный очаг, *и* — каменная ступа, *к* — лестница на 2-й этаж, *л* — культовая ниша для «строительной жертвы», *м* — плита с выемкой — база деревянного столба, поддерживавшего перекрытия (?), *н* — глиняные пифосы для хранения хлебного зерна, *о* — рыбозасолочная ванна (ср.: ВДИ, № 3, 1947, стр. 196). — *Стр. 378—379.*

62б. Дом III—IV вв. н. э. в Тиритаке — вход в помещение *I* со стороны двора: *I* — помещение, *к* — лестница на второй этаж, *н* — пифос. Негатив Фотоархива ЛОИИМК АН СССР. — *Стр. 379.*

63. Надгробие Клеона, сына Клеона, I в. н. э. (G. Kieseritzky und C. Watzinger. Griechische Grabreliefs aus Südzussland, № 599; IPE, II, 168). Эрмитаж. По фотографии Эрмитажа. — *Стр. 387.*

64. Надгробие Стратоника, сына Зенона. I в. н. э. Керчь. Археологический музей (ИАК, вып. 54, стр. 72). По фотографии Керченского музея. — *Стр. 388—389.*

65. Сосуд с рельефным изображением цапель, нападающих на змею. Начало I в. н. э. Эрмитаж (ИАК, вып. 40, стр. 77—78). Негатив Фотоархива ЛОИИМК АН СССР. — *Стр. 389.*

66. Фигурный сосуд в виде слона. I в. н. э. Эрмитаж (ИАК, вып. 40, стр. 34). Негатив Фотоархива ЛОИИМК АН СССР. — *Стр. 390.*

67. Глиняная игрушка, изображающая кочевническую повозку. I в. н. э. Эрмитаж. Негатив Фотоархива ЛОИИМК АН СССР. — *Стр. 391.*

68. Терракотовые статуэтки II—III вв. н. э. Найдены в Керчи. Эрмитаж. По фотографиям Эрмитажа. — *Стр. 393.*

69. Терракотовые (верхний ряд) и гипсовые украшения саркофага: голова Медузы; эроты на дельфинах; пегасы, взлетающие с земли.

I—II вв. н. э. Найдены в курганном погребении на северо-восточной окраине Керчи (АДЖ, стр. 268). По фотографии Фотоархива ЛОИИМК АН СССР. — *Стр. 399.*

70. Мастерская живописца — деталь росписи каменного саркофага, найденного в Керчи в 1901 г. I в. н. э. Эрмитаж (АДЖ, табл. XCII, 1). — *Стр. 401.*

71. Стенная роспись в склепе Анфестерия, открытом в 1877 г. I в. н. э. Керчь (АДЖ табл. LI, *б*). — *Стр. 402.*

72. Похищение Персефоны — роспись на южной стене склепа, открытого в 1895 г. I в. н. э. По негативам Фотоархива ЛОИИМК АН СССР (верхний снимок сделан с акварели М. В. Фармаковского, воспроизводившейся в АДЖ, табл. LVIII). — *Стр. 407.*

73. Изображение богини Деметры на своде склепа. I в. н. э. Керчь. По негативу Фотоархива ЛОИИМК АН СССР. — *Стр. 409.*

74. Железный кинжал (*а*); золотой набалдашник рукояти (*б*) украшен цветной инкрустацией (девять красных камней), крестовина украшена четырьмя розетками с филигранью и мелкими вставками синего стекла или эмали. Найден в Керчи (ОАК, 1902, стр. 136). III в. н. э. — *Стр. 411.*

75. Изображение животных — роспись боковой стены ниши склепа, открытого в 1872 г. II в. н. э. Керчь (АДЖ, табл. LXXVII, 2). — *Стр. 417.*

76. Изображение боя — роспись южной стены склепа, открытого в 1872 г. II в. н. э. Керчь (АДЖ, табл. LXXIX). ОАК, 187, табл. f. — *Стр. 418.*

77. Отряд боспорского войска — роспись стены ниши склепа, открытого в 1872 г. II в. н. э. Керчь (АДЖ, табл. LXXXI, 2). — *Стр. 420.*

78. Золотая маска из царской гробницы III в. н. э., открытой в Керчи в 1837 г. III в. н. э. (ДБК, табл. I). Эрмитаж. По фотографии Эрмитажа. — *Стр. 421.*

79. Части лошадиной уздечки, украшенной золотыми чеканными бляхами с сердоликовыми вставками, из гробницы с золотой маской. III в. н. э. Эрмитаж (ДБК, табл. XXIX, 4). По фотографии Эрмитажа. *Стр. 423.*

80. Кинжал из царской гробницы, открытой в 1841 г. III в. н. э. Эрмитаж (ДБК, табл. XXVII, 7). — *Стр. 424.*

81. Плита со знаком царя Савромата II и греческой надписью: «Попечением Ирака, сына Понтика, главного аланского переводчика [построено] в 505 году [боспорской эры]». Найдена в Тамани (ИАК, вып. 40, стр. 112). Керчь. Археологический музей. — *Стр. 429.*

82. Серебряное блюдо с изображением императора Констанция II. Эрмитаж (ИАК, вып. 25, стр. 33; Л. А. Мацулевич. Серебряная чаша из Керчи. Л., 1925, табл. II, 2). Негатив Фотоархива ЛОИИМК АН СССР. — *Стр. 467.*

83. Роспись склепа, открытого в 1901 г. III—IV вв. н. э. Керчь (АДЖ, табл. XCVIII). — *Стр. 473.*

84. Глиняный сосуд с ручкой в виде животного из некрополя городища у ст. Гниловской (Дон). II в. н. э. Ростов н/Д., Музей. — *Стр. 481.*

85. Глиняная амфора с нефтью. IV в. н. э. Найдена Боспорской археологической экспедицией в Тиритаке в 1939 г. Керчь. Археологический музей (ВДИ, № 3—4, 1940, стр. 312). Негатив Фотоархива ЛОИИМК АН СССР. — *Стр. 483.*

II. ТАБЛИЦЫ МОНЕТ БОСПОРСКОГО ЦАРСТВА *

Предварительные общие замечания

Развитие монетного дела в Боспорском царстве делится (по А. Н. Зографу) на шесть нижеследующих периодов: I-й период — от начала чеканки монет Пантикапеем во второй половине VI в. до н. э. до конца V в. до н. э.; II-й период — от конца правления Сатира I до конца династии Спартокидов (IV—II вв. до н. э.); III-й период — время правления Митридата VI Евпатора, Фарнака, Асандра (около 110 г. до н. э. — около 17 г. до н. э.); IV-й период — от правления Динамии до конца правления Котиса I (17/16 г. до н. э. — 60/61 г. н. э.); V-й период — от вмешательства Нерона в боспорские дела до Рискупорида III (62/63 г. н. э. — 234/235 г. н. э.); VI-й период — от Инипфимея до Рискупорида VI (234/235 г. — 332/333 г. н. э.).

I-й период — время самостоятельной эволюции пантикапейской серебряной чеканки от глубокоархаической по своему облику односторонней монеты к монете с типами на обеих сторонах. В основе весовой системы этих монет лежала облегченная эгинская драхма (около 6 г), но с преобладанием мелких номиналов.

II-й период, охватывающий время правления Спартокидов, начинается с изменения типа (появление на пантикапейских монетах в качестве эмблемы головы сатира) и вовлечения в денежное обращение, наряду с серебром, меди и золота. Золотая чеканка Пантикапея возникает около 370 г. Вес пантикапейского статера — 9.1 г. — обусловлен был, по мнению А. Н. Зографа, стремлением приноровить его курсовую стоимость на афинском рынке к стоимости кизикина. С одновременным прекращением в начале III в. до н. э. чеканки своей золотой и серебряной монеты Пантикапей вскоре вступает в полосу глубокого кризиса денежного обращения, выражением которого являются обильные надчеканки и пере-

* При составлении таблиц монет автору была оказана помощь заведывающим Нумизматическим отделом Гос. Музея изобразительных искусств Л. П. Харко, за что выражаем ему большую благодарность.

чеканки, а в особенности быстрое уменьшение веса оставшейся в обращении медной монеты. Прекращение кризиса произошло во второй половине III в. с возобновлением выпуска серебряных монет. Тогда же появились монеты Левкона II — единственные медные монеты с царским именем, выпускавшиеся Спартокидами. Ввиду отсутствия собственного чекана золотых монет, в денежном обороте Боспорского царства начинают (с конца III в.) играть важную роль статеры лисимаховских типов, чеканенные в Византии. Выпуски (начиная с середины III в.) золотых статеров, носящих имена боспорских правителей, были очень редки, эпизодичны. По мнению А. Н. Зографа, эти статеры даже и не предназначались для рынка, а носили донативный характер, т. е. служили в качестве подарков.

III-й период имеет следующие характерные черты: 1) единообразие и однотипность чеканки главных боспорских городов (Пантикапей, Фанагория, Горгиппия); 2) исчезновение во второй половине этого периода (и уже навсегда для Боспора) серебра из обращения и 2) одновременный выпуск, наряду с городской медной монетой, медных монет, чеканенных наместниками Митридата VI Евпатора и предназначавшихся, видимо, для покрытия военных расходов.

IV-й период — время, когда прекращается городская чеканка и складывается монетное дело боспорских царей, как зависимых от Рима правителей. К началу этого периода относятся медные монеты с монограммой ВАЕ, а также первые золотые статеры с указанием даты их выпуска, по стилю и фактуре примыкающие к августовским провинциальным статерам, выпускавшимся малоазийскими монетными дворами.

Вопрос о системе счета, лежавшего в основе медных монет с монограммами, не совсем ясен, но монеты, выпускавшиеся Аспургом, Митридатом VIII и Котисом I, в подавляющем большинстве — ассы.

V-й период — ознаменован введением, по распоряжению Нерона, в денежное обращение Боспорского царства, взамен упавшего в весе и обесцененного асса, более крупных номиналов меди — дупондия и сестерция. Установленная Нероном система: статер — ауреус, медный сестерций (=48 унций) и медный дупондий (=24 унции) продержалась на протяжении почти всего данного периода при строгом надзоре за соблюдением этой системы со стороны Рима. Произведенная в 186 г. Савроматом II так называемая денежная реформа была, по существу, признанием нового обесценения медной монеты. Монетная единица дупондий отмирает, сестерций становится мелкой монетой и уступает место трем более крупным кредитным номиналам: двойному денарию, денарию и драхме.

VI-й период представляет картину быстрого ухудшения качества боспорских статеров, деградацию их от электровых к биллоновым и затем просто медным; параллельно с этим совершенно прекращается

чеканка медной монеты как окончательно обесценившейся. Последний год выпуска боспорских деградированных статеров, а вместе с тем вообще прекращения чекана монет Боспорского царства — 629 г. боспорской эры — 332/333 г. нашей эры.

Таблица I

1. Пантикапей. Серебро. Лицевая сторона: львиный скальп; оборотная сторона: вдавленный четырехугольник (quadratum incusum), разделенный внутри на четыре треугольника. Конец VI в. до н. э. *— Собрание монет Гос. Исторического музея.

2. Пантикапей. Серебро. Лиц. ст.: львиный скальп; об. ст.: вдавленный квадрат, разделенный на четыре части, Κ Γ Α Ν. 2-я четверть V в. до н. э. — Собрание монет Гос. Музея изобразительных искусств.

3. Пантикапей. Серебро. Лиц. ст.: львиный скальп; об. ст.: вдавленный квадрат, разделенный на четыре части, Κ Γ Α Ν ΤΙ. 3-я четверть V в. до н. э. — ГИМ.

4. Пантикапей. Серебро. Лиц. ст.: львиный скальп; об. ст.: вдавленный квадрат, Γ Α Ν ΤΙ. 3-я четверть V в. до н. э. — ГМИИ.

5. Пантикапей. Серебро. Лиц. ст.: львиная голова; об. ст.: во вдавленном квадрате голова барана, сверху надпись [ΓΑ]ΝΤ[Ι]. 4-я четверть V в. до н. э. — ГИМ.

6. Пантикапей. Серебро. Лиц. ст.: голова Аполлона; об. ст.: во вдавленном квадрате голова барана и надпись ΓΑΝΤΙ. 80-е гг. IV в. до н. э. — ГИМ.

7. Синды. Серебро. Лиц. ст.: коленопреклоненный Геракл, натягивающий тетиву лука; об. ст.: во вдавленном квадрате сова с распущенными крыльями, надпись ΣΙΝΔΩΝ. Конец V в. до н. э. — ГИМ.

8. Синды. Серебро. Лиц. ст.: голова Геракла, покрытая львиным скальпом; об. ст.: во вдавленном квадрате голова лошади, сверху надпись [ΣΙΝ]ΔΩΝ. Конец V в. до н. э. — ГИМ.

9. Синды. Серебро. Лиц. ст.: сидящий перед хлебным зерном грифон; об. ст.: голова лошади, над нею надпись ΣΙΝΔΩΝ. Конец V в. до н. э. — ГМИИ.

---

* Датировка монет, кроме особо оговоренных, дана на основании трудов А. Н. Зографа.

10. Синды. Золото. Лиц. ст.: сидящий грифон перед хлебным колосом; об. ст.: во вдавленном квадрате голова лошади, надпись ΣΙΝΔΩΝ. 1-я четверть IV в. до н. э. (датировка Л. П. Харко). — ГИМ.

11. Нимфей. Серебро. Лиц. ст.: голова нимфы; об. ст.: во вдавленном квадрате ветка виноградной лозы и надпись ΝΥΜ. Конец V в. — начало IV в. до н. э. — ГИМ.

12. Фанагория. Серебро. Лиц. ст.: мужская голова; об. ст.: хлебное зерно, надпись ΦΑ. 1-я половина IV в. до н. э. — ГИМ.

13. Фанагория. Серебро. Лиц. ст.: голова юноши в пилосе (Фанагор?); об. ст.: голова быка, хлебное зерно и надпись Φ Α. 1-я половина IV в. до н. э. — ГИМ.

14. Фанагория. Серебро. Лиц. ст.: голова Фанагора (?) в пилосе с венком; об. ст.: протома бодающегося быка, хлебное зерно, надпись ΦΑΝΑ. 1-я половина IV в. до н. э. — ГИМ.

15. Фанагория. Серебро. Лиц. ст.: голова бородатого мужчины в пилосе с венком; об. ст.: бодающийся бык, под ним хлебное зерно надпись ΦΑΝΑ. 1-я половина IV в. до н. э. — ГМИИ (слепок).

16. Пантикапей. Золотой статер, вес 9.095 г. Лиц. ст.: голова бородатого сатира; об. ст.: рогатый грифон с львиной головой, идущий по хлебному колосу, в зубах держит дротик, надпись Γ[Α Ν]. Около 370 г. до н. э. — ГИМ.

17. Пантикапей. Серебро. Лиц. ст.: голова бородатого сатира в три четверти; об. ст.: голова быка, надпись ΓΑΝ Около середины IV в. до н. э. — ГИМ.

18. Пантикапей. Медь. Лиц. ст.: голова бородатого сатира; об. ст.: протома грифона, внизу осетр и надпись ΓΑΝ. Около середины IV в. до н. э. — ГИМ.

19. Пантикапей. Медь. Лиц. ст.: голова юного сатира в плющевом венке; об. ст.: протома Пегаса, надпись ΓΑΝ. Около середины IV в. до н. э. — ГИМ.

20. Пантикапей. Золотой статер, вес 9.107 г. Лиц. ст.: голова бородатого сатира в плющевом венке; об. ст.: грифон, идущий по хлебному колосу, надпись ΓΑΝ. Около 340 г. до н. э. — ГМИИ

21. Пантикапей. Медь. Лиц. ст.: голова бородатого сатира в плющевом венке; об. ст.: лук и стрела, внизу надпись ΓΑΝΤΙ. 2-я половина IV в. до н. э. — ГМИИ.

22. Пантикапей. Медь. Лиц. ст.: голова юного сатира в плющевом венке; об. ст.: голова быка, надпись ΓΑΝ. Конец IV в. до н. э. — ГМИИ.

23. Пантикапей. Медь. Лиц. ст.: голова юного сатира в плющевом венке; об. ст.: голова льва, ниже осетр, надпись ΓΑΝ. Конец IV в. до н. э. — ГМИИ.

24. Феодосия. Серебро. Лиц. ст.: голова Ареса; об. ст.: букраний, надпись ΘΕΟΔΟ. Конец IV — нач. III в. до н. э. — ГИМ.

Таблица II

25. Пантикапей. Медь. Лиц. ст.: голова юного сатира в плющевом венке; об. ст.: лук и стрела, надпись ΓΑΝ. Нач. III в. до н. э. — ГМИИ.

26. Пантикапей. Медь. Лиц. ст.: голова юного сатира в плющевом венке, надчеканка — звезда; об. ст.: голова льва, осетр, надпись ΓΑΝ, надчеканка — горит с луком. Нач. III в. до н. э. — ГМИИ.

27. Феодосия. Медь. Лиц. ст.: голова Афины в шлеме; об. ст.: горит с луком, палица Геракла, надпись ΘΕΥ. 2-я пол. III в. до н. э. — ГМИИ (слепок).

28. Фанагория. Медь. Лиц. ст.: голова бородатого сатира; об. ст.: лук и стрела, надпись ΦΑ. 2-я пол. III в. до н. э. — ГМИИ.

29. Пантикапей. Серебро. Лиц. ст.: голова Аполлона в лавровом венке; об. ст.: пасущаяся лошадь и надпись ΓΑΝΤΙ. Конец III в. до н. э. — ГИМ.

30. Левкон II. Медь. Лиц. ст.: голова Геракла с чертами лица Александра Македонского, покрыта львиной шкурой; об. ст.: лук, палица, надпись [ΒΑΣΙΛΕΩΣ Λ]ΕΥΚΩΝΟΣ. 3-я четверть III в. до н. э. — ГМИИ.

31. Игиенонт, архонт. Золотой статер, вес 8.38 г.; лиц. ст.: портрет Игиенонта; об. ст: сидящая Афина, на правой руке фигура Ники. У правого плеча копье, локоть левой руки прислонен к щиту, внизу трезубец, по обеим сторонам которого изображены дельфины. Надпись

ΑΡΧΟΝΤΟΣ ΥΠΑΙΝΟΝΤΟΣ, монограммы [illegible] и [illegible]. Последняя четверть III в. до н. э. — ГИМ.

32. Перисад III. Золотой статер, вес 8.47 г. Лиц. ст.: портрет Перисада; об. ст.: Афина с Никою, трезубец и два дельфина, надпись ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΠΑΙΡΙΣΑΔΟΥ, монограмма ΕΡ. Первая половина II в. до н. э. — Гос. Эрмитаж.

33. Пантикапей. Медь. Лиц. ст.: голова бородатого сатира в плющевом венке; об. ст.: рог изобилия между двумя остроконечными шапками (шапки Диоскуров), увенчанных звездами, надпись ΓΑΝ ΤΙ. Конец III — нач. II в. до н. э. — ГМИИ.

34. Перисад III (?). Золотой статер, вес 8.15 г. Лиц. ст.: портрет Перисада; об. ст.: Афина с Никою, трезубец с двумя дельфинами, надпись ΒΑΣΙΛΕΩΣ [illegible]ΑΙΡΙΣΑ[illegible]ΟΥ, монограммы [illegible]. Первая половина II в. до н. э. — ГИМ

35. Пантикапей. Серебро. Лиц. ст.: голова юного сатира; об. ст.: горит и надпись ΓΑΝ ΤΙ. Середина II в. до н. э. — ГИМ.

36. Пантикапей. Серебро. Лиц. ст.: голова Аполлона в лавровом венке; об. ст.: лук в горите, надпись [illegible]ΑΝΤΙΚΑ [illegible]ΙΤΩΝ, монограмма [illegible]. Середина II в. до н. э. — ГМИИ.

37. Пантикапей. Серебро. Лиц. ст.: голова Аполлона в лавровом венке; об. ст.: передняя часть галопирующей лошади, надпись [illegible]ΑΝΤΙΚΑΠΑΙΤΩΝ. Середина II в. до н. э. — ГМИИ.

38. Спартак IV. Серебро. Лиц. ст.: портрет Спартока, об. ст.: горит с луком, надпись ΒΑΣΙΛΕΩΣ [illegible]ΤΟΚ[illegible]. Начало II в. до н. э. — ГИМ.

39. Фанагория. Серебро. Лиц. ст.: голова Артемиды; об. ст.: цветок розы, как на родосских монетах, надпись ΦΑΝΑ [illegible]ΡΙΤΩ[illegible]. Середина II в. до н. э. — ГМИИ.

40. Пантикапей. Серебро. Лиц. ст.: голова Аполлона; об. ст.: лира, надпись ΠΑΝΤΙΚΑ ΠΑΙΤΩΝ. Середина II в. до н. э. — ГМИИ.

41. Пантикапей. Серебро. Лиц. ст.: голова Апполона; об. ст: треножник, надпись ΠΑΝΤΙΚΑ ΠΑΙΤ. Середина II в. до н. э. — ГМИИ.

42. Пантикапей. Серебро. Лиц. ст.: голова быка; об. ст.: плуг и хлебный колос, надпись ΠΑΝ. II в. до н. э. — ГМИИ (слепок).

43. Савмак. Серебро. Лиц. ст.: голова Гелиоса, окаймленная лучами; об. ст.: голова быка, надпись ΣΑΥ[illegible]ΜΑΚΟΥ. Конец II в. до н. э. — ГИМ.

Таблица III

44. Пантикапей. Медь. Лиц. ст.: голова Артемиды, позади колчан; об. ст.: лежащий олень, надпись ΠΑΝΤΙΚ[illegible] [illegible]ΑΙΤΩ[illegible]. Рубеж II—I вв. до н. э. — ГИМ.

45. Фанагория. Медь. Лиц. ст.: голова Артемиды, позади колчан; об. ст.: лежащий олень, надпись [illegible]ΑΝΑ[illegible] [illegible]. Рубеж II—I вв. до н. э. — ГИМ.

46. Пантикапей. Серебро. Лиц. ст.: голова Диониса в плющевом венке; об. ст.: плющевый венок, гроздь винограда, посередине надпись ΠΑΝΤΙ ΚΑΝΤΙ ΤΩΝ (ошибка резчика штемпеля), монограмма [illegible]. Время Митридата Евпатора, нач. I в. до н. э. — ГИМ.

47. Пантикапей. Медь. Лиц. ст.: голова Диониса в лавровом венке; об. ст.: треножник, тирс, надпись ΠΑΝ ΤΙΚΑ ΠΑΙ ΤΩΝ, монограммы [illegible]. Время Митридата Евпатора, 1-я пол. I в. до н. э. — ГМИИ.

48. Горгиппия. Медь. Лиц. ст.: голова Диониса в лавровом венке; об. ст.: треножник, тирс, надпись ΓΟΡ ΓΙΠ ΠΕ ΩΝ, монограммы [illegible]. Время Митридата Евпатора, 1-я пол. I в. до н. э. — ГМИИ.

49. Фанагория. Медь. Лиц. ст.: голова Диониса в лавровом венке; об. ст. треножник и тирс, надпись ΦΑΝΑ ΓΟΡΙ ΤΩΝ, монограммы [illegible] 1-я пол. I в. до н. э. — ГМИИ.

50. Пантикапей. Медь. Голова Митры в фригийской шапке с лавровым венком, над головой спереди митридатовский герб — полумесяц и солнце; об. ст.: фигура юного Диониса, на голове венок, в левой руке тирс с перевязью, в правой — гроздь винограда (на данном экземпляре гроздь неясна), у правой ноги Диониса изображена пантера.

Надпись ΠΑ[Ν] ΤΙΚΑ Π ΑΙ ΤΩΝ , монограмма . Перечеканка. Время Митридата Евпатора, 1-я пол. I в. до н. э. — ГМИИ.

51. Горгиппия. Медь. Лиц. ст.: голова Митры; об. ст.: фигура стоящего Диониса с тирсом и виноградной гроздью в руках, возле правой ноги пантера, надпись ΓΟΡ ΓΙΠΠΕ ΩΝ , монограмма . Время Митридата Евпатора, 1-я пол. I в. до н. э. — ГМИИ.

52. Безымянная. Медь. Лиц. ст.: голова Диониса в плющевом венке; об. ст.: горит и монограмма . 1-я пол. I в. до н. э. — ГМИИ.

53. Фарнак. Золотой статер. Лиц. ст.: портрет Фарнака; об. ст.: Аполлон с кифарой, сидящий перед треножником, надпись ΒΑΣΙΛΕΩ[Σ] ΒΑΣΙΛΕ ΩΝ ΜΕΓΑΛΟΥ ΦΑΡΝΑΚΟΥ , дата ΓΜΣ = 246 г. босп. эры (51 г. н. э.). — ГМИИ (слепок).

54. Асандр. Медь. Лиц. ст.: безбородая мужская голова и клеймо в виде восьмиконечной звезды; об. ст.: прора, надпись [ΑΡΧ]ΟΝΤΟΣ [ΑΣ]ΑΝΔΡΟΥ . 47—42 гг. до н. э. — ГМИИ.

55. Асандр. Золотой статер, вес 8.14 г. Лиц. ст.: портрет Асандра; об. ст.: Ника на носу корабля, надпись ΑΡΧΟΝΤΟΣ ΑΣΑΝΔΡΟΥ ΒΟΣΠΟΡΟΥ , дата Η — 8 год правления. — ГМИИ (слепок).

56. Асандр. Золотой статер. Лиц. ст.: портрет Асандра; об. ст.: Ника на носу корабля, надпись ΒΑΣΙΛΕΩ[Σ] ΑΣΑΝΔΡΟ[Υ] , дата Κ — 20 год правления. — ГИМ.

Таблица IV

57. Кесария (Пантикапей). Медь. Лиц. ст.: голова Ливии (жены имп. Августа) в образе Афродиты — в калафе с покрывалом; об. ст.: скипетр, надпись: ΚΑΪ ΣΑ ΡΕ ΩΝ и цифра Η —8 (унций?). Конец I в. до н. э.—ГМИИ.

58. Агриппия (Фанагория). Медь. Лиц. ст.: голова Ливии в образе Афродиты с диадемой и покрывалом; об. ст.: прора, надпись ΑΓΡΙΠ ΠΕΩΝ и цифра Η—8. Конец I в. до н. э. — ГМИИ.

59. Динамия. Золотой статер, вес 8.03 г. Лиц. ст.: бюст Динамии; об. ст.: полумесяц и солнце, надпись ΒΑΣΙΛΙΣΣΗΣ ΔΥΝΑΜΕΩΣ и дата ΑΠΣ = 281 г. босп. эры (17/16 гг. до н. э.). — ГИМ.

60. Динамия (?) Золотой статер, вес 7.935 г. Лиц. ст.: портрет имп. Августа; об. ст.: портрет Агриппы, слева монограмма ω (Δύναμις?) и внизу дата ΔΤ = 304 г. босп. эры (7/8 г. до н. э.). Серия монет данного типа и с той же монограммой начинается в 290 г. босп. эры — 8/9 г. до н. э. и прекращается в 304 г. босп. эры — 7/8 г. н. э. — ГИМ.

61. Неизвестный правитель. Золотой статер, вес 7.92 г. Лиц. ст.: портрет имп. Августа; об. ст.: портрет Агриппы (?), по сторонам две точки, монограмма , внизу дата ΕΤ = 305 г. босп. эры (8/9 г. н. э.). Этому правителю, воцарившемуся, повидимому, после смерти Динамии, принадлежат золотые статеры, чеканенные в течение двух лет (305 и 306 г. босп. эры). — ГИМ.

62. Аспург-Рискупорид I(?). Золотой статер, вес 7.89 г. Лиц. ст.: голова имп. Тиберия; об. ст.: голова сына Германика (?), монограмма , внизу дата ϛΤ = 320 г. босп. эры (28/29 г. н. э.). — Монограмма расшифровывается: Βασιλέως Ῥησκουπόριδος, т. к., повидимому, Аспург носил еще и второе имя Рискупорида. Чеканка монет с такой монограммой начинается в 307 г. босп. эры (10/11 г. н. э.) и заканчивается в 334 г. босп. эры (37/38 г. н. э.). — ГИМ.

63. Аспург-Рискупорид I (?) Медь. Лиц. ст.: голова имп. Тиберия, надпись ΤΙΒΕΡΙΟΥ ΚΑΙΣΑΡΟΣ ; об. ст.: портрет боспорского правителя, монограмма , цифра ΙΒ — 12 обозначает номинал монеты: 12 унций — 1 асс. — ГМИИ.

64. Неизвестный правитель. Медь. Лиц. ст.: голова Афродиты Апатуры, венок; об. ст.: протома быка, монограмма . Конец I в. до н. э. — нач. I в. н. э. — ГИМ.

65. Неизвестный правитель. Медь. Лиц. ст.: голова Персея, об. ст.: герма, монограмма и цифра ϡ —7. Конец I в. до н. э. — нач. I в. н. э. — ГИМ.

66. Митридат III (VIII). Медь. Лиц. ст.: портрет Митридата в диадеме, вокруг надпись ΒΑCΙΛΕ[ΩC ΜΙΘΡΑΔΑ]ΤΟΥ ; об. ст.: лук

в горите, львиная шкура на палице и трезубец, внизу ΙΒ = 12 (унций), — 1 асс. Между 39—44 гг. н. э. — ГМИИ.

67. Гипепирия (жена Аспурга-Рискупорида I). Медь. Лиц. ст.: портрет царицы Гипепирии, вокруг надпись ΒΑCΙΛΙCCΗC ΓΗΠΑΙΠΥΡΕΩC ; об. ст.: голова Афродиты Апатуры в калафе, ΙΒ = 12 (унций) — 1 асс. 20—40-е гг. I в. н. э. — ГМИИ.

68. Котис I. Золотой статер, вес 7.88 г. Лиц. ст.: портрет имп. Клавдия в венке; об. ст.: портрет имп. Нерона в венке, монограмма , внизу дата ϛΝΤ = 355 г. босп. эры (58/59 г. н. э.). Монограмма расшифровывается: Βασιλέως Κότυος. — ГМИИ (слепок).

69. Котис I. Медь. Лиц. ст.: портрет имп. Клавдия в венке, надпись ΤΙ ΚΛΑΥΔΙΟΥ ΚΑΙCΑΡΟC , внизу ΙΒ = 12 (унций) — 1 асс; об. ст.: портрет Агриппины Младшей, надпись ΙΟΥΛΙΑΝ ΑΓΡΙΠΠΙΝΑΝ CΕΒΑCΤΗΝ , монограмма (ср.: № 68). Между 45—62 гг. н. э. — ГМИИ.

70. Нерон. Медь. Лиц. ст.: портрет Нерона, надпись ΝΕΡΩΝΟC ΚΑΙCΑΡΟC ; об. ст.: летящая Ника, ΚΔ = 24 (унции) — дупондий. 62—68 гг. н. э. — ГМИИ.

Таблица V

71. Рискупорид II. Медь. Лиц. ст.: царь на курульном кресле, держит в руке скипетр, вокруг надпись ΤΙΒΕΡΙΟC ΙΟΥΛΙΟC ΒΑCΙΛΕΥC ΡΗCΚΟΥΠΟΡΙC , справа монограмма ; об. ст.: царские доспехи: щит, копье, голова лошади, боевая секира, шлем и меч в ножнах, вокруг надпись ΤΕΙΜΑΙ ΒΑCΙΛΕΩC ΡΗCΚΟΥΠΟΡΙΔΟC («знаки достоинства царя Рискупорида»), ΜΗ = 48 (унций) — 1 сестерций. 68/69 — 92/93 гг. н. э. — ГИМ.

72. Рискупорид II. Медь. Лиц. ст.: портрет царя, палица Геракла, трезубец, надпись ΤΙΒΕΡΙΟC ΙΟΥΛΙΟC ΒΑCΙΛΕΥC ΡΗCΚΟΥΠΟΡΙC ; об. ст.: венок, ΜΗ = 48 (унций) — 1 сестерций 68/69 — 92/93 гг. н. э. — ГМИИ.

73. Рискупорид II. Медь. Лиц. ст.: бюст царя в диадеме трезубец и палица, вокруг надпись ΤΙΒΕΡΙΟC ΙΟΥΛΙΟC ΒΑCΙΛΕΥC ΡΗCΚΟΥΠΟΡΙC ; об. ст.: скачущий всадник, мечущий копье; ΜΗ = 48 (унций) — 1 сестерций. 68/69 — 92/93 гг. н. э. — ГМИИ.

74. Рискупорид II. Медь. Лиц. ст.: царь, попирающий побежденного врага, в левой руке держит копье, справа трофей, надпись ΤΙΒΕΡΙΟC ΙΟΥΛΙΟC ΒΑCΙΛΕΥC ΡΗCΚΟΥΠΟΡΙC ; об. ст.: ворота города, фланкируемые башней; над воротами конная статуя, ΜΗ = 48 (унций) — 1 сестерций. 68/69 — 92/93 гг. н. э. — ГМИИ.

75. Савромат I. Золотой статер, вес 7.78 г. Лиц. ст.: портрет царя, надпись ΒΑCΙΛΕΩC CΑΥΡΟΜΑΤΟΥ ; об. ст.: портрет имп. Траяна, дата ΔϚ = 404 г. босп. эры (107/108 гг. н. э.). — ГМИИ (слепок).

76. Савромат I. Медь. Лиц. ст.: портрет царя, вокруг надпись ΒΑCΙΛΕΩC CΑΥΡΟΜΑΤΟΥ ; об. ст.; Ника, в правой вытянутой руке держит венок, в левой — пальмовую ветвь, ΜΗ = 48 (унций) — 1 сестерций. 93/94—123/124 гг. н. э. — ГМИИ.

77. Котис II. Золотой статер, вес 7.78 г. Лиц. ст.: портрет царя, надпись ΒΑCΙΛΕΩC ΚΟΤΥΟC ; об. ст.: портрет имп. Адриана, дата ΒΚϚ = 422 босп. эры (125/126 гг. н. э.). — ГМИИ (слепок).

78. Котис II. Медь. Лиц. ст.: храм с пятиколонным портиком, по сторонам портика надпись ΚΑ ΠΕ ; об. ст.: венок, монограмма , ΚΔ = 24 (унции) — дупондий. 123/124—132/133 гг. н. э. — ГМИИ.

79. Котис II. Медь. Лиц. ст.: портрет царя, надпись ΒΑCΙΛΕΩC ΚΟΤΥΟC ; об. ст.: скачущий всадник, ΜΗ = 48 (унций) — сестерций. 123/124—132/133 гг. н. э. — ГМИИ.

80. Котис II. Медь. Лиц. ст.: портрет царя, надпись, как на № 79; об. ст.: Ника с венком и пальмовой ветвью; ΜΗ = 48 (унций) — сестерций. 123/124—132/133 гг. н. э. — ГМИИ.

81. Котис II. Медь. Лиц. ст. портрет царя, надпись, как на № 79; об. ст.: венок, ΜΗ = 48 (унций) — 1 сестерций. 123/124—132/133 гг. н. э. — ГМИИ.

82. Римиталк. Золотой статер, вес 6.19 г. Лиц. ст.: портрет царя, надпись ΒΑCΙΛΕΩCC ΡΟΙΜΙΤΑΛΚΟΥ ; об. ст.: портрет имп. Адриана, дата ΡΛΥ (ошибка резчика штемпеля, должно быть ΒΛΥ = 432 г. босп. эры — 135/136 г. н. э.). — ГМИИ.

Таблица VI

83. Евпатор. Золотой статер, вес 7.798 г. Лиц. ст.: портрет царя, надпись ΒΑCΙΛΕΩC ΕΥΠΑΤΟΡΟC ; об. ст.: портрет имп. Антонина Пия, дата ΒΝΥ =452 г. босп. эры (155/156 гг. н. э.). — ГМИИ.

84. Евпатор. Медь. Лиц. ст.: храм с пятиколонным портиком, надпись ΚΑ ΠΕ ; об. ст.: венок, монограмма ΜΟ ΚΑΕΥ, ΚΔ = 24 (унции) — дупондий. 154/155—170/171 гг. н. э. — ГМИИ.

85. Савромат II. Медь. Лиц. ст.: портрет царя, надпись ΒΑC[ΙΛ]ΕΩC C ΑΥΡΟΜΑΤΟΥ ; об. ст.: фигура сидящей на троне Афродиты Урании Апатуры, ✳ знак денария. 174/175—210/211 гг. н. э. — ГМИИ.

86. Савромат II. Медь. Лиц. ст.: портрет царя, надпись ΒΑCΙΛΕΩC C ΑΥΡΟΜΑΤΟΥ ; об. ст.: орел с венком в клюве, ΡΜ Δ = 144 (унции) — 3 сестерция. 186—196 гг. н. э. — ГМИИ (слепок).

87. Савромат II. Золотой статер, вес 7.58 г. Лиц. ст.: портрет царя, палица, надпись ΒΑCΙΛΕΩC CΑΥΡΟΜΑΤΟΥ ; об. ст.: портрет Септимия Севера, дата ΔΘΥ = 494 г. босп. эры (197/198 гг. н. э.). — ГМИИ.

88. Савромат II. Медь. Лиц. ст.: портрет царя, надпись ΒΑCΙΛΕΩC·CΑΥΡΟΜΑΤΟΥ ; об. ст.: царь на коне, ✳ Β = 2 денария. 186—196 гг. н. э. — ГМИИ.

89. Савромат II. Медь. Лиц. стор.: портрет царя, надпись ΒΑCΙ[ΛΕΩC] CΑΥΡΟΜΑΤΟΥ ; об. ст.: фигура царя с палицей и трезубцем, венчаемого Никою, ✳ Β = 2 денария. 186—196 гг. н. э. — ГМИИ (слепок).

90. Савромат II. Медь. Лиц. ст.: то же (см. № 89); об. ст.: фигура царя с палицей и трезубцем. ✳ Β = 2 денария. 186—196 гг. н. э. — ГМИИ (слепок).

91. Рискупорид III. Золотой статер, вес 7.556 г. Лиц. ст.: портрет царя, трезубец, надпись ΒΑCΙΛΕΩC ΡΗCΚΟΥΠΟΡΙΔΟC ; об. ст.: портрет имп. Элагабала, дата ЄΙΦ = 515 г. босп. эры (218/219 гг. н. э.). — ГМИИ.

92. Рискупорид III. Медь. Лиц. ст.: царь на коне, надпись Β[ΑCΙΛΕΩC] ΡΗ[CΚΟΥΠΟΡΙ]ΔΟΥ ; об. ст.: царские регалии — курульное кресло, венок, щит, голова коня, меч, шлем, копье, секира, ΜΗ = 48 (унций) — 1 сестерций. 210/211—226/227 гг. н. э. — ГМИИ.

93. Котис III. Биллоновый статер, вес 7.29 г. Лиц. ст.: портрет царя, надпись ΒΑCΙΛΕΩC ΚΟΤΥΟC ; об. ст.: портрет римского императора, дата ЄΚΨ = 525 г. босп. эры (228/229 гг. н. э.), точкой обозначен диферент. — ГМИИ (слепок)

94. Рискупорид V. Деградированный статер, биллон. Лиц. ст.: портрет царя, надпись ΒΑCΙΛΕΩC ΡΗCΚΟΥΠC ; об. ст.: бюст римского императора, дата ΘΩΦ = 549 г. босп. эры (282/283 гг. н. э.), точкой обозначен диферент. — ГМИИ.

95. Фофорс. Деградированный статер, медь. Лиц. ст.: портрет царя, надпись CΛCΙΛΕ[.....?]ΡCΟ ; об. ст.: бюст императора, тамгообразный знак ⚓, дата ΦΠϐ (повидимому, вырезана ошибочно вместо ΦΠC) = 585 г. босп. эры (288/289 гг. н. э.). — Монеты Фофорса, по периодизации Л. П. Харко, охватывают период с 278 г. по 308 г. н. э. — ГМИИ.

96. Радамсад. Деградированный статер, медь. Лиц. ст.: портрет царя, надпись ΒΑCΙΛΕΩC ΡΑΔΑ ; об. ст.: бюст императора, знак ✓, дата неясна. 308/309—318/319 гг. н. э. — время правления Радамсада. — ГМИИ.

97. Рискупорид VI. Деградированный статер, медь. Лиц. ст.: портрет царя, розетка, надпись ΒΑCΙΛΕVC ΡΙCΚ ; об. ст.: портрет императора, венчаемого Никою, дата ΓΚΧ = 623 г. босп. эры (326/327 гг. н. э.). — ГМИИ.

УКАЗАТЕЛИ

I. УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

а) Исследователи и древние авторы

Агафий Миринейский, греческий писатель (VI в. н. э.) 553
Алькэн (L. Halkin) 541
Амиранашвили А. И. 541, 559
Аммиан Марцеллин, римский историк (ок. 330—400 гг. н. э.) 195, 464, 466, 468, 478, 479, 507, 514, 549, 551, 552, 553
Андерсон 540
Аноним, неизвестный автор периплa (Περίπλους Εὐξείνου Πόντου), составленного в V в. н. э. по более ранним географическим сочинениям 174, 180, 183, 184, 191, 196, 205, 216, 369, 491, 492, 495, 507, 508, 510, 512, 515, 519, 520, 547
Анфимов Н. В. 520, 560, 567, 574
Аппиан, греческий историк (II в. н. э.) 508, 538, 539
Арик Ремзи Огус (Remzi Oguz Arik) 527
Аристотель, греческий философ (384—322 гг. до н. э.) 151
Арриан, греческий историк и географ, государственный деятель при императорах Адриане и Антонине (ок. 96—180 гг. н. э.) 90, 91, 191, 194, 216, 346, 369, 490, 491, 501, 511, 519, 520, 542, 547
Артамонов М. И. 493, 558
Архестрат, греческий писатель (IV в. до н. э.) 110
Афиней, греческий писатель (кон. II — нач. III в. н. э) 149, 175, 504, 507, 547
Ашик А. Б. 157, 159, 246, 267, 413, 507, 523, 549, 558, 573

Багалей Д. И. 507
Барсамов Н. С. 511
Башкиров А. С. 204, 511, 515, 516, 519, 560
Бёк (A. Boeckh) 497, 506
Беккер (P. Becker) 534
Беликов Д. 551
Белл (H. J. Bell) 569
Белов Г. Д. 501
Белох (K. J. Beloch) 506
Беньковский П. 548
Бертье-Делагард А. Л. 539, 540, 541, 557
Бете (E. Bethe) 494
Билабель (F. Bilabel) 490, 559
Бийар (R. Billard) 503
Блаватский В. Д. 157, 498, 505, 508, 513, 514, 521, 528, 560
Бларамберг И. 531
Бобринский А. А. 504
Бозанке (R. C. Bosanquet) 526
Боннель (E. Bonnel) 512
Боровка Г. И. 518, 560, 569
Бороздина Т. В. 539
Боссерт (H. Bossert) 526
Боссоли К. 573
Брандис (C. G. Brandis) 506, 537, 559
Брандт (P. Brandt) 503, 572
Браухич (G. Brauchitsch) 522
Британова Н. Н. 560
Бузескул В. П. 505, 558
Бузольт (G. Busolt) 490, 506
Бурачков П. О. 557

Вальдгауер О. Ф. 507, 517, 570
Варрон, римский ученый, писатель, автор сочинения «Rerum rusticarum» и др. (116—27 гг. до н. э.) 502
Васильев А. А. 550, 551, 552, 553, 560
Васильевский В. Г. 551
Вацингер (C. Watzinger) 521, 524, 548, 575, 576, 577
Веребрюсов С. И. 284, 511, 575
Вернер (J. Werner) 547
Веселовский Н. И. 520, 532, 547, 560
Вестерман (A. Westermann) 500
Виганд (Th. Wiegand) 503
Вилькен (U. Wilcken) 538
Вильрих (Willrich) 570
Войцеховский С. Ф. 492, 511, 516, 561
Вольтерс (P. Wolters) 504

Гайдукевич В. Ф. 492, 493, 498, 504, 506, 508, 510, 514, 518, 520, 541, 544, 545, 548, 553, 554, 556, 558, 561
Гардинер (E. N. Gardiner) 521
Гарпократион, греческий писатель, уроженец г. Александрии, составитель объяснительного словаря к 10 аттическим ораторам. 495, 508, 509
Гевирц Я. Г. 523
Гейер (Geyer) 570
Гейхельхейм (F. Heichelheim) 500, 506
Гекатей Милетский, греческий писатель (втор. пол. VI — нач. V в. до н. э.) 25, 190, 199, 491, 515
Гепдинг (Hepding) 515, 545
Гераклид Понтийский, греческий философ и историк (IV в. до н. э.) 151, 506
Герман (Herrmann) 570
Геродот, греческий историк (ок. 480—425 гг. до н. э.) 18, 25, 32, 35, 52, 90, 101, 113, 118, 189, 212, 366, 489, 490, 492, 493, 494, 498, 501, 503, 504, 510, 528
Гёрц К. К. 491, 511, 512, 514, 516
Гесихий, греческий писатель, составивший, словарь редких слов и форм (V в. н. э.) 175, 213, 507
Гиллер (Hiller) 570
Гиллер фон Гертрингen (F. Hiller von Gaertingen) 490, 493, 506
Гинтерс (W. Ginters) 549, 569
Гиро (P. Guiraud) 502
Гомер 16
Городцов В. А. 520, 530, 561
Готье Ю. В. 558
Граков Б. Н. 117, 496, 498, 500, 501, 517, 555, 556, 558, 562
Греков Б. Д. 562
Гриневич К. Э. 492, 493, 509, 511, 514, 516, 558, 562
Гриневич Ю. П. 524, 525, 529
Гросс Ф. И. 49, 417
Грязнов М. П. 547

Данилевич В. Е. 530
Даремберг (Ch. Daremberg) 501, 526, 550
Дарко (E. Darko) 498, 549
Дексипп, греческий писатель (III в. н. э.) 448, 450, 451, 452, 552
Демосфен, афинский политический деятель и оратор (383—322 гг. до н. э.) 72, 81, 82, 113, 176, 177, 203, 495, 497, 499, 502, 504, 509, 514
Дёрпфельд (W. Dörpfeld) 104
Дессау (H. Dessau) 541
Диль (E. Diehl) 509, 562, 570
Динарх, афинский оратор (ок. 361—290 гг. до н. э.) 82, 500
Диодор Сицилийский, греческий историк (ок. 80—29 гг. до н. э.) 43, 44, 54, 73, 161, 227, 490, 493, 494, 495, 497, 498, 506, 515, 529
Дион Кассий, греческий писатель, автор большого труда «Ρωμαϊκὴ ἱστορία» (ок. 155—235 гг. н. э.) 538, 539, 541
Дион Хрисостом, греческий философ, оратор и писатель (ок. 40 г. — нач. II в. н. э.) 410, 411, 549
Дионисий, греческий писатель, автор стихотворного сочинения «Οἰκουμένης περιήγησις» (II в. н. э.) 209, 491, 507, 516
Дионисий Милетский, греческий историк (ок. 500 г. до н. э.) 25
Дитенбергер (W. Dittenberger) 500
Добрынин Б. Ф. 510
Драхман (A. T. Drachmann) 544
Думберг К. Е. 156
Дункер (M. Duncker) 500
Дурм (J. Durm) 523, 575
Дьяков В. Н. 541, 562
Дюбрюкс П. 157, 185, 190, 267, 507, 540, 527
Дюбуа де Монпере (F. Dubois de Montpereux) 157, 275, 495, 508
Евнапий, греческий историк (ок. 347—414 гг. н. э.) 479, 553
Еврипид, греческий трагик (ок. 480—407 гг. до н. э.) 18
Евстафий, византийский писатель (XII в. н. э.) 491, 507
Евтропий, римский историк (IV в. н. э.) 551
Ёлер (I. Oehler) 489
Ельницкий Л. 508, 553, 556, 563
Ерштедт Е. В. 563

Жакоб (O. Jacob) 500
Жарде (A. Jardé) 499, 502
Жебелев С. А. 6, 176, 489, 491, 492, 493, 495, 496, 498, 501, 504, 505, 506, 509, 519, 521, 536, 537, 538, 539, 542, 545, 547, 548, 550, 558, 563, 570
Журавковский Г. Е. 521

Забелин И. Е. 284
Забинн С. Н. 532
Зарре (F. Sarre) 494
Захаров Н. А. 520, 550, 563
Зеест П. Б. 563
Зограф А. Н. 493, 494, 518, 529, 542, 551, 552, 557, 563, 570, 578, 579
Зосим, византийский историк (V в. н. э.) 450, 451, 452, 479, 551, 552, 553

Иванова А. П. 548, 563, 564
Иессен А. А. 117, 490, 492, 493, 494, 558, 564
Иессен (O. Iessen) 518, 570
Иорга (N. Iorga) 551
Иордан, автор истории готов, написанной на латинском языке (VI в. н. э.) 478, 553
Иосиф Флавий, еврейский историк, писавший на греческом яз., автор трудов «История иудейской войны», «Иудейские древности» и др. (ок. 37—105 гг. н. э.) 517, 541, 543
Исократ, афинский политический деятель и оратор (436—338 гг. до н. э.) 65, 66, 494, 496

Каллимах, греческий писатель (ок. 310—235 гг. до н. э.) 490
Каллистов Д. П. 539, 558, 564
Капанадзе Д. П. 499
Капит (J. Capt) 542
Каплун А. П. 523
Карейша Д. 246, 267, 523
Каро (G. Karo) 525, 526
Кауфман С. А. 523, 524, 525, 526, 564
Кацаров Г. 526, 548
Кёне Б. В. 552
Кивокурцев Н. П. 564
Кизерицкий (G. Kieseritzky) 521, 575, 577
Кирхнер (J. Kirchner) 570
Киселев С. В. 547
Кисслинг (A. Kiessling) 540, 570
Кодт М. П. 576
Клоше (P. Cloché) 503
Книпович Т. Н. 490, 492, 503, 504, 507, 508, 520, 521, 528, 546, 564, 562, 564
Кобылина М. М. 508, 514, 519, 521, 564, 574
Ковалев С. И. 489
Козловский П. П. 516
Колли Л. 501
Колобова К. М. 501, 542, 543, 564
Колумелла, римский писатель, автор труда «De re rustica» (I в. н. э.) 502
Кондаков Н. П. 524, 527, 529, 549, 559, 576
Константин Порфирородный, византийский император (912—959 гг.) 460, 461, 552
Крамер (G. Kramer) 502
Кречмер (K. Kretschmer) 497, 550
Кроль (W. Kroll) 494, 570
Кроуфт (Grace M. Crowfoot) 504
Крушкол Ю. С. 494, 565
Ксенофонт, греческий историк (ок. 430—354 гг. до н. э.) 178, 493
Кудрявцев О. В. 542
Кулаковский Ю. 510, 542, 548, 558
Купри (I. Coupry) 527
Курби (F. Courby) 528
Куторга М. 511

Лагодовская О. 490
Ламб (W. Lamb) 510
Ланговая О. Э. 565
Латышев В. В. 56, 191, 458, 490, 493, 495, 497, 509, 514, 518, 519, 535, 540, 547, 552, 555, 556, 558
Леви Е. И. 492, 498, 503, 508
Лезер (P. Leser) 503
Лекривен (Ch. Lecrivain) 550
Леман-Гаупт (C. F. Lehmann-Haupt) 570
Леонтьев П. 576
Лёпер Р. Х. 535, 540
Леру (G. Leroux) 528
Лисий, афинский «логограф», составитель судебных речей (ок. серед. V в. — 380 г. до н. э.) 496
Лосева Н. М. 492, 517, 565, 569
Лукиан Самосатский, греческий писатель (II в. н. э.) 72, 161, 492, 497, 529, 539, 542
Лукьянов С. С. 524, 525, 529
Лунин Б. В. 565
Лурье С. Я. 489, 491, 494, 536, 537
Люценко А. Е. 250, 254, 284, 293, 523, 525, 575
Люценко Е. Е. 574
Люшей (H. Luschey) 494

Максимова М. И. 518, 565
Мальмберг В. К. 505
Манандян Я. А. 538, 542, 543
Мангаццини (P. Mangazzini) 526
Манцевич А. П. 565
Маринатос (S. Marinatos) 545
Маркевич А. И. 532
Маркс К. 19, 489, 558
Марр Н. Я. 565
Марти В. Ю. 504, 565
Мартя Ю. Ю. 181, 182, 507, 508, 509, 510, 517, 521, 524, 542, 544, 545, 547, 548, 550, 552, 555, 556, 557, 558, 565, 566
Марченко И. Д. 566
Массон М. Е. 547
Мацулевич Л. А. 550, 553, 566, 578
Мейер (E. Meyer) 494
Мейнеке (A. Meineke) 502
Мескито де Фигвейредо (A. Mesquito de Figueiredo) 544
Метакса В. П. 548
Мещанинов И. И. 550, 566
Миллер А. А. 513, 514, 515, 517, 520, 522, 564, 574
Миллер В. 543
Миннз (E. H. Minns) 494, 495, 498, 514, 521, 527, 541, 542, 550, 552, 559
Михаэлис (*A. Michaelis*) 505
Мищенко Ф. 506
Моммзен (T. Mommsen) 461, 543
Мошинская В. И. 566
Мюллер (C. Müller) 512
Мюншер (Münscher) 496

Надель Б. И. 545, 566
Наливкина М. А. 566
Нейман (K. Neumann) 275, 490, 493, 511, 518, 523, 559
Низе (B. Niese) 484, 537
Новосадский Н. И. 538, 545, 550, 553, 556, 557, 566

Орешников А. В. 519, 533, 539, 540, 541, 552, 566
Орт (Orth) 503

Павсаний, греческий писатель, автор труда «Περιήγησις τῆς Ἑλλάδος» (II в. н. э.) 490, 521
Пахомов Е. А. 517
Пендльбюри (J. D. S. Pandlebury 526
Передольская А. А. 505, 528, 529, 567
Перро (G. Perrot) 56, 495, 526
Петровский С. В. 547
Пиндар, греческий поэт (ок. 518—441 гг. до н. э.) 18
Пиотровский А. И. 522, 523, 567
Пиотровский Б. Б. 567
Плассар (A. Plassart) 500
Платон, греческий философ (427—348 гг. до н. э.) 9, 489
Плиний Старший, римский государственный деятель, ученый и писатель (24—79 гг. н. э.) 15, 23, 180, 203, 209, 211, 212, 228, 348, 490, 491, 502, 503, 509, 511, 515, 516, 517, 531, 534, 539, 544
Плутарх, греческий писатель, происходивший, вероятно, из Александрии (II в. н. э.) 546
Плутарх, греческий писатель, автор сравнительных жизнеописаний (ок. 46—120 гг. н. э.) 494, 509, 538, 541
Погодин А. Л. 543
Погребова Н. Н. 532, 567
Покровский М. В. 502, 503, 504, 505, 520, 550, 567
Полемон, греческий философ (97—153 гг. н. э.) 325
Полибий, греческий историк (кон. III в. — ок. 120 г. до н. э.) 299, 300, 500, 506, 535, 536

Полиен, греческий писатель (II в. н. э.) 63, 161, 496, 498, 506, 507, 535, 546
Полканов А. И. 511
Поллукс, греческий писатель, автор словаря «Ὀνομαστικόν» (кон. II — нач. III в. н. э.) 506
Помпоний Мела, римский географ (I в. н. э.) 203, 215, 497, 512, 515, 516, 519, 531
Поночевный М. О. 511, 515, 516, 518, 519
Попов С. Н. 553
Посидоний, греческий писатель (ок. 128—45 гг. до н. э.) 149, 506
Преллер (L. Preller) 521
Придик Е. М. 501, 505, 556, 567, 569
Прушевская Е. О. 494, 503, 508, 567
Псевдо-Скилак см. Скилак-Псевдо
Псевдо-Скимн см. Скимн-Псевдо
Птолемей, греческий математик, астроном и географ (первая пол. II в. н. э.) 167, 181, 190, 191, 211, 491, 497, 508, 509, 511, 512, 515, 517, 519, 520, 531, 534
Пятышева Н. В. 567

Рабинович Б. З. 529, 567
Равдоникас В. И. 493, 558
Радлов Н. 522
Ранович А. 505, 506, 545
Раппапорт (B. Rappaport) 551, 552
Реглинг (K. Regling) 569
Рейнак (S. Reinach) 557
Рейнак (T. Reinach) 494
Рейхгольд (K. Reichhold) 524, 525
Рейш (E. Reisch) 521, 522
Репников Н. И. 541, 568
Рихтер (Gisela M. A. Richter) 496, 570
Робертсон (D. Robertson) 523
Роден (P. von Rohden) 570
Розанова Н. П. 514, 556
Ростовцев М. И. 497, 506, 507, 509, 514, 518, 521, 528, 529, 535, 536, 539, 541, 542, 544, 546, 547, 548, 549, 554, 556, 557, 559, 568, 570
Ротер (W. H. Roscher) 528
Руге (W. Ruge) 506, 509

Сальо (E. Saglio) 501, 526, 550
Свобода (*Swoboda*) 490, 506, 545
Скоронос (T. N. Svoronos) 496, 571
Сеген (A. Seguin) 554
Семенов А. Ф. 556
Семенов-Зусер С. А. 493, 559, 568
Сенека, римский философ и поэт (3—65 гг. н. э.) 23, 490
Сергеев В. 546
Сестренцевич-Богуш С. 553
Сибирский А. А. 192
Силантьева Л. Ф. 574
Сирик, греческий историк Херсонеса Таврического (III в. до н. э.) 162, 507
Скалон К. М. 553, 568
Скилак-Псевдо, неизвестный автор, составивший во второй полов. IV в. до н. э. в Афинах труд «Περίπλους τῆς οἰκουμένης Εὐρώπης καὶ Ἀσίας καὶ Λιβύης» 167, 174, 180, 183, 215, 220, 508, 509, 513, 546
Скимн-Псевдо, неизвестный автор, составивший в начале I в. до н. э. краткое «Землеописание» («Περιήγησις»), написанное в стихотворной форме 206, 216, 222, 491, 514, 516,518, 519, 520, 546
Скит (T. C. Skeat) 526
Славин Л. М. 490, 492, 504, 508, 564
Слюсаренко Ф. 535
Сметс (A. Smets) 522, 523
Смирнов Я. И. 494
Снегирев И. 568

Соколов В. В. 512, 513, 516, 528, 568
Спиридонов Д. С. 568
Спицын А. А. 542
Сталин И. В. 483
Стар (Ch. G. Starr) 547, 551, 570
Стасов В. В. 414
Степанов П. К. 529, 568
Стефан Византийский, греческий писатель, автор обширного географического словаря «Ἐθνικά» (время жизни не установлено, между III и VI вв. н. э.) 34, 36, 180, 195, 215, 493, 507, 508, 509, 512, 515, 517, 519, 531
Страбон, греческий географ (ок. 63 г. до н. э. — 19 г. н. э.) 18, 28, 32, 55, 71, 72, 82, 83, 90, 95, 111, 123, 152, 154, 161, 175, 186, 191, 195, 196, 197, 198, 201, 205, 206, 207, 208, 211, 213, 215, 220, 228, 230, 250, 312, 322, 337, 365, 373, 492, 493, 494, 495, 496, 497, 499, 500, 501, 502, 503, 504, 506, 507, 508, 510, 511, 512, 513, 514, 515, 516, 518, 519, 520, 521, 531, 533, 534, 535, 536, 538, 539, 540, 542, 543, 545, 546, 547, 548, 549, 552

Тацит, римский историк (ок. 55 г.— 120 г. н. э.) 327, 366, 541, 542, 543, 546, 549, 552
Теофраст, греческий ученый и писатель (ок. 372—287 гг. до н. э.) 101, 102, 503
Тизенгаузен В. Г. 47, 281, 284, 293
Толстой И. И. 490
Толстой И. 524, 527, 529, 549, 559, 576
Томашек (W. Tomaschek) 494, 570
Тёпфер (J. Toepffer) 518
Тревер К. В. 568
Тюменев А. И. 494, 499, 500

Уваров А. С. 532, 534
Уэйс (A. I. B. Wace) 526

Фармаковский Б. В. 496, 504, 505, 507, 528, 553, 568, 571, 572
Фасмер (Vasmer) 570
Фармаковский М. В. 416, 573, 577
Феокрит, греческий поэт (первая пол. III в. до н. э.) 490
Филарх, греческий историк (вторая пол. III в. до н. э.) 150, 506
Филосторгий, греческий писатель, историк церкви (кон. IV — нач. V в. н. э.) 551
Филострат, греческий писатель (ок. 170—249 гг. н. э.) 325, 541
Флавий Иосиф см. Иосиф Флавий
Флюс (Fluss) 570
Фляксбергер К. 502, 503, 568
Форбиз (R. J. Forbes) 554
Фрейман А. 490
Фукидид, греческий историк (V в. до н. э.) 495, 498
Фуртвенглер (A. Furtwängler) 524, 525, 527, 528

Хазебрёк (I. Hasebroek) 489
Хазлук (F. W. Hasluck) 526
Харко Л. П. 499, 514, 517, 547, 569, 572, 578, 582, 591
Хвостов М. 501, 504
Хёртлей (W. A. Heurtley) 526
Хрисипп, греческий писатель (III в. до н. э.)
Худадов В. Н. 493
Худяк М. М. 505, 508, 509, 544, 569
Хюльч (F. Hültsch) 499

Цан (R. Zahn) 528, 549
Цибарт (E. Ziebarth) 489
Цихориус (C. Cichorius) 542, 544

Цицерон, римский общественный деятель, оратор и писатель (106—43 гг. до н. э.) 9, 502

Шапо (V. Chapot) 526
Шван (V. Schwann) 570
Шестаков С. П. 543
Шефер (A. Schäfer) 509
Шефольд (K. Schefold) 494, 505, 524, 527, 529, 570
Шипье (Ch. Chipiez) 526
Шкорпил В. В. 196, 392, 497, 505, 507, 509, 517, 523, 542, 544, 547, 548, 549, 552, 553, 555, 557, 569
Шлиман Г. 421, 526
Шмидт (L. Schmidt) 540, 551, 553
Шмидт Р. В. 489, 493, 504, 506, 569
Шмит Ф. И. 568
Шрингер (A. Springer) 505
Шрадер (H. Schrader) 503
Штаерман Е. 557
Штейн (Stein) 570
Штерн Э. Р. 511, 549, 559, 573
Шульц П. Н. 531, 532
Шур (W. Schur) 541, 542
Шюрер (E. Schürer) 543, 545, 550

Эберт (M. Ebert) 559
Экерстрём (Å. Åkerström) 526
Элиан, греческий писатель (кон. II—нач. III в. н. э.) 496, 501
Энгельс Ф. 4, 485, 489, 490, 546, 558
Эрлих Р. Л. 545
Эрнст Н. Л. 529, 531, 532
Эсхин, афинский оратор (389—314 гг. до н. э.) 176, 177, 509

Юдейх (W. Judeich) 495
Юлкина О. 538

Ящуржинский Х. 532

б) Исторические лица

Август, римский император (27 г. до н. э. — 14 г. н. э.) 314, 315, 316, 317, 322, 324, 335, 456, 587
Аврелиан, римский император (270—275 гг. н. э.) 448, 453
Аврелий Антонин, архитектор, работавший в Танаисе 338
Агамемнон, легендарный царь Микен, 262
Агар, скифский царь (IV в. до н. э.) 74
Агаэт, скифский царь 34
Агриппа Марк Випсаний, римский государственный деятель и полководец (I в. до н. э.) 315, 317, 587
Агриппина, жена императора Нерона 329
Адриан, римский император (117—138 гг. н. э.) 325, 446, 590
Ака, колхидский царь (?) 498, 499
Аквила, Гай Юлий, римский военачальник (I в. н. э.) 328
Александр Македонский 90, 91, 161, 292, 331, 583
Александр Север, римский император (222—235 гг. н. э.) 441, 551
Александр, сын Марка Аврелия Андроника, боспорский военачальник, упом. в пантикапейской надписи 307 г. н. э. 458
Амфисон, упом. в боспорской надписи 342
Анаксимандр, греческий философ из г. Милета (611—546 гг. до н. э.) 25
Анаксимен, греческий философ из г. Милета (VI в. до н. э.) 25

Андроник Марк Аврелий, сын Паппы, наместник царства, упом. в пантикапейской надписи 307 г. н. э. 458
Антонин Пий, римский император (138—161 гг. н. э.) 333, 334, 338, 590
Анфестерий, сын Гегесиппа (он же Ктесамен), упом. в надписи на стене пантикапейского склепа 400, 402, 404, 405, 577
Аполлоний, сын боспорского царя Левкона I 55, 67, 68
Аргот, муж царицы Камасарии (II в. до н. э.) 517
Аристоник, глава восстания (133—130 гг. до н. э.) в Пергаме 304
Аристоник, олинфский кифаред времен Филиппа II и Александра Македонского 161
Арифарн, вождь племени фатеев (IV в. до н. э.) 73, 497
Археанакт, глава милетских переселенцев, основавших Пантикапей 43
Археанактиды, боспорские правители (ок. 480 г. — 438/437 г. до н. э.) 43—53, 54, 55, 62, 175, 496
Асандр, боспорский царь (47—17 гг. до н. э.) 178, 185, 312, 313, 314, 317, 318, 320, 322, 323, 351, 539, 540, 579, 586
Асандр, упом. в нимфейской надписи 179
Асандрох (Асандр?), отец царя Аспурга 540
Аспург (он же Рискупорид I), боспорский царь (10/11—37/38 гг. н. э.) 316, 322, 323, 324, 326, 347, 539, 540, 580, 586, 587
Атенокл, глава афинских колонистов, поселившихся в г. Амисе в V в. до н. э. 52
Ахемениды, династия персидских царей 315

Баст, упом. в пантикапейской надписи 237
Батак, главный мастер или арендатор царского черепичного завода в Горгиппии упом. 221
Биребиста, правитель гетов 312
Британик, сын императора Клавдия (I в. н. э.) 329

Валентиниан, римский император (364—375 гг. н. э.) 476
Валериан, римский император (253—260 гг. н. э.) 442, 447
Веспасиан, римский император (69—79 гг. н. э.) 332

Галл см. Требониан Галл
Галлиен, римский император (253—268 гг. н. э.) 442
Гальба, римский император (68—69 гг. н. э.) 328
Гатал, сарматский царь (II в. до н. э.) 536
Гекатей, царь Синдики (V в. до н. э.) 59, 60, 497
Гелланик, родосец, упом. в ольвийской надписи 533
Германик, римский полководец (15 г. до н. э. — 19 г. н. э.) 586
Гермон, легендарный основатель боспорского города Гермонассы 28
Геродор, сын Неокла, наместник Горгиппии, упом. в горгиппийской надписи 519
Гиерон, тиран Сицилии 495
Гилон, дед афинского оратора Демосфена 176, 177, 203, 509, 514, 515, 570
Гипепирия, жена царя Аспурга 324, 326, 347, 588

Гликария, упом. в нимфейской надписи 178
Горгипп, сын боспорского правителя Сатира I 82, 495
Горгипп, отец Комосарии, из царского рода Спартокидов, владелец черепичного эргастерия 202, 215, 518
Гордиан, римский император (238 г. н. э.) 441, 476, 551

Дексамен, хиосец, мастер-резчик, упом. в надписи на перстне из кургана Юз-оба 256
Демарх, сын скифа, упом. в боспорской надписи, найденной на Таманском полуострове 214, 521
Децебал, вождь племенного союза даков 333
Деций, римский император (249—251 гг. н. э.) 442
Дидий Галл, римский военачальник (I в. н. э.) 327
Динамия, боспорская царица, дважды единоличная правительница Боспора (17—44 гг. до н. э. и 9/8 г. до н. э. — 7/8 г. н. э.) 221, 222, 313, 315, 316, 317, 318, 459, 539, 579, 587
Диоклетиан, римский император (283—284 гг. н. э.) 457, 458, 460
Диофант, военачальник Митридата VI Евпатора 301, 302, 303, 304, 350, 536, 537, 538
Дмитрий Полиоркет, македонский полководец (337—283 гг. до н. э.) 76
Домициан, римский император (81—96 гг. н. э.) 333
Евбиот, имя (вымышленное) боспорского царя, упом. Лукианом Самосатским 497
Евмел, боспорский царь (310/309—304/303 гг. до н. э.) 55, 73, 74, 75, 76, 162, 203, 497, 570
Евнон, царь племени аорсов (IV в. до н. э.) 327, 328
Евпатор, боспорский царь (154/155—170/171 гг. н. э.) 324, 337, 590
Евтих, зодчий, упом. в таманской надписи (IV в. н. э.) 464
Евтих, купец боспорского города Нимфея (I в. до н. э.) 89
Евтроний, упом. в пантикапейской христианской надписи 304 г. н. э. 465

Зенон, сын Фаннея, упом. в танаидской надписи (III в. н. э.) 437
Зорсин, царь сарматского племени сираков (I в. н. э.) 327

Игиенонт, боспорский правитель (последняя четверть III в. до н. э.) 78, 584
Инар, глава восстания (459 г. до н. э.) египетского населения против персов 51
Ининсимей, скифский царь (I в. н. э.) 329, 428, 539
Ининфимей, боспорский царь (234/235—239/240 гг. н. э.) 455, 456, 579
Ирак, главный аланский переводчик, должностное лицо, упом. в таманской надписи 427, 578

Кадм, епископ боспорских христиан (IV в. н. э.) 466
Калигула, римский император (37—41 гг. н. э.) 326
Калликрат, греческий художник-торевт, 193
Каллисфения, жена Баста, упом. в пантикапейской надписи 237
Камасария Филотехна, боспорская царица, дочь Спартока IV (сере-

дина II в. до н. э.) 79, 517, 570
Каракалла, римский император (211—217 гг. н. э.) 429, 440
Кефисодот, меток из Пирея, упом. в афинской надписи V-го в. до н. э. 500
Кипселиды, тираны Коринфа 496
Кирбейс, имя гончара, встречающееся на «мегарских» чашах 530
Клавдий, римский император (41—54 гг. н. э.) 326, 327, 329, 330, 448, 588
Клеарх, тиран Гераклеи Понтийской (IV в. до н. э.) 59
Клеон, сын Клеона, упом. в пантикапейской надписи 387
Клеопатра, дочь Митридата VI Евпатора 310
Клитемнестра, жена царя Агамемнона 262
Койран, пантикапейский купец, упом. в делосской надписи (III в. до н. э.) 89
Коллион, упом. в пантикапейской надписи 237
Коммод, римский император (180—192 гг. н. э.) 336
Комосария, жена боспорского царя Перисада I 202, 514
Константин I, римский император (306—337 гг. н. э.) 460
Констанций II, римский император (337—361 гг. н. э.) 467, 468, 476
Корбулон, римский полководец (I в. н. э.) 332
Котис I, боспорский царь (45/6—60/61 гг. н. э., возможно, оставался и дольше правителем, но с ограниченными правами) 328, 329, 330, 332, 579, 580, 588
Котис II, боспорский царь (123/124—132/133 гг. н. э.) 335, 589, 590
Котис III, боспорский царь (227/228—233/234 гг. н. э., с 229 по 231 одновременно с Савроматом III) 455, 590
Ксеноклид, сын Посия, упом. в надписи, найденной на Таманском полуострове (IV в. до н. э.) 201
Ксенофант, афинский художник (IV в. до н. э.) 131, 132

Ламах, афинский полководец (V в. до н. э.) 52
Левканор, имя (вымышленное) боспорского царя, упом. Лукианом Самосатским 497
Левкон I, боспорский архонт-царь (389/388—349/348 гг. до н. э.), 55, 58, 59, 61, 63, 67, 68, 69, 70, 81, 82, 83, 93, 120, 163, 198, 199, 250, 275, 498, 518, 521, 570
Левкон II, боспорский царь (третья четверть III в. до н. э.) 77, 497, 498, 570, 580, 583
Левкониды, древнее название боспорской династии Спартокидов, преемников Левкона I 70
Ливия, жена императора Августа 317, 586
Литодор, упом. в фанагорийской надписи 151 г. н. э. 152
Лукулл, римский полководец (кон. II в. — 56 г. до н. э.) 306

Мавсол, правитель Карии (377—353 гг. до н. э.) 164
Макрин, римский император (217—218 гг. н. э.) 531
Максимиан, римский император (286—305 гг.; 307—310 гг. н. э.) 457, 458
Максимин, римский император (305—313 гг. н. э.) 441

Марк Аврелий, римский император (161—180 гг. н. э.) 412
Махар, сын Митридата VI Евпатора, наместник Боспора (I в. до н. э.) 305, 306, 307
Менелай, легендарный царь Спарты, один из героев Илиады 10
Местор, агонофет, упом. в таманской надписи 522
Минос, легендарный царь острова Крита 15
Мирмекид, греческий художник-торевт 193
Митридат VI Евпатор, царь Понта (121—63 гг. до н. э.) 72, 78, 93, 194, 199, 217, 301, 302, 303, 305, 306, 307, 308, 309, 310, 311, 314, 315, 316, 317, 318, 319, 320, 321, 324, 328, 331, 341, 347, 538, 539, 540, 579, 585
Митридат VII Пергамский, назначенный Цезарем в правители Боспора 313
Митридат VIII, сын Аспурга и Гипепирии, боспорский царь (39/40—44 гг. н. э.) 326, 327, 328, 366, 543, 544, 580, 587

Неайхм, афинский архонт 320/319 г. до н. э., упом. в надписях на панафинейских амфорах, найденных на Боспоре 522, 523
Неокл, отец Геродора, упом. в горгиппийской надписи (II в. н. э.) 519
Неоптолем, военачальник царя Митридата VI Евпатора 305
Нерон, римский император (54—68 гг. н. э.) 311, 329, 330, 332, 531, 579, 580, 587, 588
Нестор, легендарный царь Пилоса, властитель Мессении 10

Одрисы, фракийская царская династия 55
Олфак, военачальник царя Митридата VI Евпатора 306

Палак, скифский царь (II в. до н. э.) 301, 302, 308, 531, 533, 537
Панталеон, боспорский наварх, упом. в пантикапейской надписи (I в. до н. э.) 314
Пасион, афинский банкир (ум. в 370 г. до н. э.) 65, 66
Перикл, афинский государственный деятель (V в. до н. э.) 52, 53, 64, 176, 177, 496, 500
Перисад I, боспорский архонт-царь (349/348—310/309 гг. до н. э., с 349/348 по 344/343 совместно с Спартоком II) 55, 60, 61, 62, 67, 68, 70, 72, 73, 82, 161, 162, 198, 201, 203, 241, 513
Перисад II, боспорский царь (284 — умер после 250 г. до н. э.) 77, 160, 533
Перисад III, боспорский царь (первая пол. II в. до н. э.) 79, 194, 517, 584
Перисад IV Филометор, боспорский царь (около середины II в. н. э.) 432, 517
Перисад V, последний боспорский царь династии Спартокидов, передавший в 109 г. управление Боспорским царством Митридату VI Евпатору, убит вождем восставших скифов Савмаком 302, 303, 498, 536, 537
Пифодор Траллианский, отец боспорской царицы Пифодориды 316
Пифодорида, жена боспорского царя Полемона I 314, 320, 326, 515
Плавтий Сильван, мизийский легат (I в. н. э.) 390, 541

Полемон I, боспорский и понтийский царь (14—9/8 гг. до н. э.) 222, 315, 316, 320, 322, 323, 326, 372

Полемон II, внук боспорского царя Полемона I и царицы Пифодориды по линии матери (Антонии Трифены, бывшей замужем за фракийским царем), номинальный правитель Боспора с 38 по 41 гг. н. э. 326, 327

Поликрат, тиран о. Самоса (VI в. до н. э.) 24

Помпей, Гней, римский государственный деятель и полководец (I в. до н. э.) 306, 307, 308, 310, 311

Поппея, жена императора Нерона 329

Порнах, имя мастера на обивке горита из кургана Куль-оба 268

Посидей, сын Посидея, упом. в надписи, найденной на скифском городище Неаполе (II в. до н. э.) 531, 533

Поф, упом. в горгиппийской надписи (I в. н. э.) 363

Притан, сын боспорского царя Перисада I (310/309—309/308 гг. до н. э.) 73, 74, 203

Проб, римский император (276—282 гг. н. э.) 449

Протоген, житель Ольвии, которому посвящен почетный декрет (втор. пол. III в. до н. э.) 534, 535

Прусий, I, царь Вифинии (III в. до н. э.) 151

Птолемей II Филадельф, египетский царь (285—246 гг. до н. э.) 77

Радамсад (Радамсадий), боспорский царь (308/309—318/319 гг. н. э.) 459, 591

Римиталк, боспорский царь (131/132—153/154 гг. н. э.) 211, 324, 334, 345, 350, 590

Рискупорид I, боспорский царь. См. Аспург.

Рискупорид II, боспорский царь (68/69—92/93 гг. н. э.) 329, 333, 588

Рискупорид III, боспорский царь (210/211—226/227 гг. н. э.) 335, 338, 369, 421, 422, 423, 424, 425, 455, 579, 591

Рискупорид IV, боспорский царь (233/234—234/235 гг. н. э.) 455

Рискупорид V, боспорский царь (240/241—267/268 гг. н. э.) 451, 452, 591

Рискупорид VI, боспорский царь (монеты с его именем с 318/319 г. до 332/333 г. н. э.) 459, 463, 464, 579, 591

Савмак, вождь скифского восстания (II в. до н. э.) 303, 304, 350, 536, 537, 538, 585

Савромат I, боспорский царь (93/94—123/124 гг. н. э.) 335, 345, 588

Савромат II, боспорский царь (174/175—210/211 гг. н. э.) 211, 335, 336, 337, 345, 370, 375, 376, 427, 428, 433, 451, 580, 590, 591

Савромат III, боспорский царь (229—231 гг. н. э., одновременно с Котисом III) 455

Савромат IV, боспорский царь (275/276 г. н. э.) 453

Сатир I, боспорский архонт царь (433/432—389/388 гг. до н. э.) 55, 58, 59, 60, 65, 66, 67, 68, 178, 208, 494, 495

Сатир II, боспорский царь, сын боспорского царя Перисада I (310/309—309/308 гг. до н. э.) 73, 74

Септимий Север, римский император (193—211 гг. н. э.) 336, 440, 551, 590

Симандр, житель города Митилены, легендарный основатель боспорского города Гермонассы 28

Ситалк, фракийский царь (V в. до н. э.) 495

Скил, скифский царь (V в. до н. э.) 276

Скилур, скифский царь (II в. до н. э.) 300, 301, 308, 531, 532, 533, 534

Скиф, упом. в боспорской надписи, найденной на Таманском полуострове 214, 521

Скрибоний, претендент на боспорский трон, муж царицы Динамии 315

Сог Аврелий Валерий, сын Олимпа, наместник Феодосии, упом. в пантикапейской надписи (IV в. н. э.) 457, 458, 462

Сопей, знатный боспорец, облеченный властью при дворе Сатира I 65, 66

Сосий, вольноотпущенник, упом. в пантикапейской надписи (I в. н. э.) 385, 386

Спарадок (Спардок), фракийский царь (ок. 450—424), брат Ситалка 495

Спарток I, боспорский правитель, основатель династии Спартокидов (438/437—433/432 до н. э.) 54, 55, 56, 57, 495

Спарток II, боспорский архонт-царь, правивший совместно с Перисадом I (349/348—344/343 гг. до н. э.) 67, 68

Спарток III, боспорский царь (304/303—284/283 гг. до н. э.) 76, 144, 200.

Спарток IV (начало II в. до н. э.) 78, 584

Спартокиды, династия боспорских правителей (438/437 — конец II в. до н. э.) 54—79, 80—93, 94, 120, 145, 149, 160, 161, 162, 164, 178, 192, 198, 199, 208, 211, 215, 216, 218, 223, 230, 244, 261, 275, 278, 280, 303, 312, 319, 320, 324, 340, 341, 342, 343, 347, 350, 363, 366, 370, 383, 388, 396, 408, 424, 432, 496, 498, 539, 540

Стратий, жрец храма Асклепия в Пантикапее, упом. Страбоном 162

Стратоник, кифаред (IV в. до н. э.) 161

Стратоник, сын Зенона, упом. в пантикапейской надписи (I в. н. э.) 385, 386

Сукцессиан, начальник гарнизона города Питиунта (III в. н. э.) 445

Тацит, римский император (275—276 гг. н. э.) 440

Тейран, боспорский царь (275/276 — 278/279 гг. н. э.) 453, 456, 457

Теокл, упом. в ольвийской надписи (II в. н. э.) 367

Тиберии Юлии, династическое имя боспорских царей в римское время 324, 451, 453

Тиберий Юлий Цезарь, римский император (14—37 гг. н. э.) 324, 325, 573

Тигран II, армянский царь (95—56 гг. до н. э.) 306

Тимагор, родосец, упом. в херсонесской надписи (III в. до н. э.) 533

Тимесилей, тиран города Синопы (V в. до н. э.) 177

Тимофей, упом. в фанагорийской надписи (I в. н. э.) 388

Тит, римский император (79—81 гг. н. э.) 332

Траян, римский император (98—117 гг. н. э.) 327, 589
Требониан Галл, римский император (251—253 гг. н. э.) 442
Трифон, сын Андромена, царский наместник — пресбевт, упом. в танаидской надписи (II в. н. э.) 337, 338

Фанагор, теосец, основатель (сойкист) города Фанагории 491, 582
Фанагор, упом. в фанагорийской надписи 513
Фарасман, хорезмийский царь (IV в. до н. э.) 91
Фарзой, скифский царь (I в. н. э.) 329, 428, 533
Фарнак, боспорский царь (63—47 гг. до н. э.) 540, 579, 586
Фарнак I, понтийский царь (ок. 183—169 гг. до н. э.) 301, 535
Фарсанз, боспорский правитель, «узурпатор», временно захвативший власть в 253/254 гг. н. э. 451, 452
Феодор Самосский, греческий художник (VI в. до н. э.) 193
Фидий, греческий художник (V в. до н. э.) 271
Филипп II, царь Македонии (359—336 гг. до н. э.) 161
Флориан, римский император (276 г. н. э.) 449
Форгабак, упом. в танаидской надписи (III в. н. э.) 437
Фофорс, боспорский царь (278/279 [?] — 308/309 гг. н. э.) 428, 459, 460, 591

Хофразм, сын Форгабака, жрец, упом. в танаидской надписи (III в. н. э.) 437
Хедосбий, боспорский царь (?) (вторая пол. III в. н. э.) 452
Христиан, сын Азиатика, упом. в пантикапейской надписи 379

Эдип, легендарный царь города Фив 84
Эет, легендарный царь Колхиды 34
Элагабал, римский император (218—222 гг. н. э.) 591
Элия, жена боспорского царя Тейрана 453
Эрменрих, вождь племенного союза готов (IV в. н. э.) 478

Юлиан, римский император (361—363 гг. н. э.) 464, 465, 468
Юлий Цезарь, римский государственный деятель, полководец и писатель (ок. 100—44 гг. до н. э.) 311, 313, 314, 321, 323

в) Мифологические имена

Аид 240, 293, 384, 405
Аполлон 57, 77, 79, 162, 164, 226, 241, 258, 581, 583, 584, 585
Аполлон Врач 162, 164, 200, 211
Аполлон Бесконечный 201
Аполлон Дельфиний 211
Аполлон Дидимейский 79
Арес 235, 325, 375, 582
Артемида 430, 514, 584
Артемида Агротера 198, 201, 226
Артемида Эфесская 217
Асклепий 162, 170, 172
Астара 202
Афина 242, 253, 271, 277, 288, 290, 584
Афина Апатурия 212
Афина Линдийская 531, 533
Афина Фратрия 212

Афродита 119, 152, 173, 196, 198, 202, 210, 211, 212, 213, 282, 288, 336, 363, 376, 430, 432, 517, 586
Афродита Апатура 198, 203, 212, 213, 345, 376, 587, 590
Афродита Наварх ида (Судоначальница) 314, 376, 517
Афродита Пандемос 517
Афродита Урания 201, 213, 214, 336, 432, 513, 517, 521
Ахилл 122, 205, 206, 287, 532
Ашторет 202

Бромий (Дионис) 179

Гелиос 288, 304, 363, 364, 584
Гера 364, 553
Гера Спасительница 453
Геракл 51, 56, 160, 202, 210, 226, 288, 289, 290, 324, 326, 336, 583
Гермес 217, 240, 241, 405, 521
Гефест 212, 287
Гея 363
Гимера 521

Деметра 138, 160, 174, 175, 176, 214, 225, 255, 286, 288, 376, 405, 407, 408, 414, 430
Дионис 160, 161, 162, 584, 585
Дионис Сабазий 553
Диоскуры 583

Евмолп 56, 324, 326, 336
Европа 293

Зевс 293, 363, 364, 433, 434, 438, 474
Зевс Атабирийский 531, 533
Зевс Спаситель 453
Зевс Урий 89
Зевс Фратрий 212
Ио 553
Иштар 202

Калипсо 405
Кора 255, 286, 288

Марсий 258
Медуза 48, 144, 282, 288, 292, 397
Митра 586

Нереиды 290
Ника 50, 277, 287, 314, 326, 336, 424, 427, 583, 586, 588, 589, 590, 591
Ниобиды 397

Папай, скифское божество 130
Пегас 582
Персей 587
Персефона 405, 406, 407, 414
Плутон 405, 407, 414
Плутос 255
Посейдон 56, 218, 324, 326, 370, 376
Посейдон Сосиней (Спаситель кораблей) 314, 432

Сабазий 391, 434, 474
Сандон 202
Санерг 202
Сатир 579, 582, 583
Силен 162, 221

Тиха 528
Триптолем 255

Уран 521

Фетида 287
Харон 239
Эрот 288, 336, 416, 517

Яхве 364, 434

II. УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Аборака, боспорский город 197, 220, 519
Агриппия, новое название г. Фанагория, *данное ему при царстве Динамии* 317, 458, 459, 552, 586
Аджимушкай, деревня (близ г. Керчи) 170, 424
Азов, город 229
Ак-бурунский курган (Керченский п-ов) 242
Ак-мечеть, поселок (теперь пос. Черноморское) 22
Аккосов вал, см. *Киммерикский вал* (Керченский п-ов)
Акра, боспорское селение 27, 28, 179, 180, 195, 509
Албания, страна, расположенная в древности на терр. теп. Азербайджана 307, 331
Александрия, город в Египте 77, 88, 390
Алтай 90, 118, 374
Алтын-оба, курган см. Золотой курган
Амастрия, греческий город в Малой Азии, на побережьи Черного моря, 89, 398, 367
Америя, город в Малой Азии 515
Амис, греческий город в Малой Азии, на побережьи Черного моря 20, 52, 89, 117, 367
Аму-дарья, река 91
Анапа, город 216, 217, 218, 240, 244, 258, 285, 344, 519, 520
См. *также Горгиппия*
Антикит, древнее название реки Кубани 26, 27, 28, 195, 197, 199, 209, 206, 207
Антиохия Писидийская 542
Анхиал, греческий город во Фракии 446
Апамея, греческий город Вифинии 447
Апатур, *боспорское селение* 196, 197, 201, 208, 211, 212, 213, 214, 432, 513, 517, 570
Аполлония, греческий город на зап. побережьи Черного моря 20
Аравия 308
Аргин (близ Симферополя), скифское городище 530
Аргос, город в Арголиде 448
Ардабда, аланское название города Феодосии 369
Армения 307, 312, 332, 346, 543
Арпас, река (теперь р. Чорох) 35
Артемовск, город 117
Артюхова, хутор (Таманский п-ов) 203
Артюховский курган (Таманский п-ов) 132, 133, 426, 505

Артюховское городище (Таманский п-ов) 203
Астак, город в Вифинии *на побережьи* Мраморного моря 52
Астакенский залив (теперь Исмидийский) 52
Аттика 39, 53, 80, 200, 383
Афинеон, греческое поселение в Крыму (повидимому, теперешний Судак) 180, 183
Афины, 13, 45, 46, 50, 51, 52, 53, 64, 65, 66, 67, 68, 75, 76, 77, 80, 81, 82, 84, 86, 89, 92, 106, 118, 132, 140, 142, 164, 176, 177, 178, 212, 235, 241, 271, 280, 448, 496, 500, 501, 518
Африка 8, 503
Ахайя, римская провинция в Греции 448
Ахардей, река (повидимому, теперь река Егорлык) 337, 497
Ахиллий, боспорское селение 28, 204, 205, 206, 208, 516
Ахтанизовская станица (Таманский п-ов) 198
Ахтанизовский лиман 201, 202, 206, 207

Балаклава, город 302
Бата, боспорское селение (в районе теперешнего г. Новороссийска) 220, 221
Батарейный хутор (Таманский п-ов) 427
Беговат, город (Узбекская ССР) 394
Бейсуг, река см. Малый Ромбит
Белая, река (приток р. Кубани) 117
Беотия, область древней Греции 448
Березань, остров 21
Болгария 264
Большая Близаница, курган (Таманский п-ов) 214, 284, 286, 287, 289, 290, 291, 292, 293, 529
Большой Ромбит, река (теперь река Ея) 60
Борисфен, река (теперь р. Днепр) 21
Боротола, река (Джунгария) 90
Боспор Киммерийский (Керченский пролив) 3, 26, 27, 28, 29, 30, 32, 33, 35, 36, 41, 154, 195, 209, 339, 478, 479, 553
Боспор Фракийский 45, 52, 67, 446, 447
Бранхиды, местность близ г. Милета 78
Буг, река 441
Бугазское озеро (Таманский п-ов) 519, 520
Булганак, деревня (близ г. Керчи), курган 523, 524
Булганак (близ г. Симферополя), скифское городище 530

Вардан, сарматское наименование реки Кубани 371, 497
Варениковская станица (Таманский п-ов) 222, 223
Варна, город 20
Васюринская гора (Таманский п-ов), курганы 293, 294, 295, 296
Византий, греческий город на берегу Пропонтиды 20, 75, 89, 150, 151
Вифиния, область в Малой Азии 52, 310, 333, 347, 368, 447, 451
Воронеж, город 130.
Вышестеблиевская станица (Таманский п-ов) 214, 284

Галатия, область в Малой Азии 447, 449
Галикарнас, греческий город в Малой Азии 164
Галис, *река в* Малой Азии 310, 460
Галлия 362

Гаргаза, город, повидимому, на р. Кубани 74
Геллеспонт (Дарданеллы) 45, 447
Гераклея Понтийская, греческий город в Малой Азии на берегу Черного моря 20, 21, 52, 58, 59, 149, 150, 200, 367, 447, 498, 535
Гераклий, боспорский город 191
Геракловы столпы (Гибралтар) 9
Гермонасса, боспорский город 28, 30, 60, 164, 196, 197, 208, 210, 211, 212, 213, 216, 222, 235 241, 284, 350, 427, 432, 497, 517, 522, 570
Гермонасса, остров 195, 209
Героевка, пос. (б. Эльтигень, Керченский п-ов) 27, 174, 508
Геррос, область Скифии (в районе теп. г. Никополя) 275
Гиерон, святилище у входа в Боспор Фракийский 67
Гипанис, река, древнее название р. Буг 21
Гипанис, древнее название р. Кубани (она же Антикит) 26, 27, 197
Глинище, северная часть г. Керчи 250, 421
Гниловская станица (на нижн. Дону), городище 481, 579
Гнилой Донец, река 227
Горгиппия, боспорский город 34, 62, 143, 197, 215, 216, 217, 218, 220, 222, 240, 241, 316, 343, 345, 363, 368, 379, 370, 376, 377, 431, 433, 519, 520, 539, 585
Госпитальная улица (г. Керчь), некрополь 474, 476, 477
Греция 4, 8, 13, 14, 19, 33, 38, 39, 67, 78, 80, 81, 88, 106, 120, 136, 139, 148, 300, 304, 360, 362, 384, 395, 450, 489, 500, 555
Грузия 307
Дакия, римская придунайская провинция (с 107 г. н. э.) 439, 440, 441, 444
Делос, остров 15, 77, 89, 144, 165, 200, 280
Дельфы, город в Фокее, 79
Джунгария 90
Дидимы, местность близ г. Милета, где находился храм Аполлона Дидимейского 44, 517
Диоклея, пригород Фанагории 201
Диоскуриада, греческий город на Кавказском побережьи 23, 92, 306, 543
Дисор, гора во Фракии 118
Дия, боспорский город, упом. Плинием 509
Днестр, река 441, 448, 478
Дон, река 3, 5, 31, 70, 87, 88, 305, 372, 443, 546
Донец, река 89
Дунай, река 7, 305, 310, 326, 440, 441, 444, 447, 448, 478, 480, 543
Дура Европос, город в Сирии 420

Евпатория, город 22
Евпаторий, греческий город в районе г. Балаклавы 302
Евфрат, река 493
Египет 24, 38, 52, 77, 81, 86, 88, 113, 313, 367
Егорлык, река (в древности, повидимому, р. Ахардей) 337, 497
Елизаветинская станица (на р. Кубани) курган — 242, 243
Елизаветинское городище (на р. Кубани) 112, 145, 225
Елисаветовская станица (на р. Дон), городище 226, 227, 230, 231, 242
Елчин-кале, мыс (Крым) 183
Еникале, поселок (близ г. Керчи) 205
Еникальский маяк 492
Ея, река см. Большой Ромбит

Заволжье 374
Закавказье 35, 493
Запорожский зерносовхоз (Таманский п-ов) 203
Зауралье 90
Зела, город в Малой Азии 313
Зеленский курган (Таманский п-ов) 132, 135, 522
Зенонов Херсонес, боспорский город на берегу Азовского моря (Керченский п-ов) 191, 511
Зефирий, боспорский город 180, 509
Змеиный курган 131
Золотой курган (он же Алтын-оба) 246, 247, 248, 250, 260, 264, 523, 525
Зюк, мыс (Керченский п-ов), городище 191, 511

Иберия, древняя Грузия 307, 331, 346
Иберия, древнее название Пиренейского полуострова 11
Ивановка, деревня (Керченский п-ов), городище 189, 190, 510
Илион, город в Малой Азии 447
Иллирия, область в сев. части Балканского п-ова 500
Илурат, боспорский город (см. Ивановка) 31, 190, 350, 454
Индия 331
Инкерман, пос. (Крым) 534
Исмидийский залив (Мраморное море) 52
Испания 8, 503, 544
Истр, греческий город на зап. берегу Черного моря 20, 212, 446, 551
Италия 8, 11, 46, 52, 304, 311, 360, 368, 441, 447

Кавказ 50, 220, 300, 543
Казантипский залив (Азовское море) 185, 186
Казахстан 118
Казека, боспорское селение 191
Какават (о. Крит) 526
Каллатия, греческий город на зап. побережьи Черного моря 20
Калос Лимен (Прекрасная гавань), греческий город в Крыму (теперь пос. Черноморское) 22, 302
Калхедон, греческий город в Вифинии у входа в Боспор Фракийский 20, 89, 447
Каменское, скифское городище (в районе г. Никополя) 117
Камыш-бурун 174, 508. См. также Тиритака
Каппадокия, область в Малой Азии 346, 447, 503, 535, 545
Карагодеуашх, курган (Прикубанье) 130, 518
Кэралары (близ г. Анкары), гробница 527
Карантинный мыс (развалины боспорского города Мирмекия) 156
Кария, область в Малой Азии 15, 500
Качик, деревня (Керченский п-ов) 191
Кекуватского кургана (близ г. Керчи) 258
Келермесский курган (Прикубанье) 213, 426
Кепы, боспорский город 28, 29, 74, 102, 133, 176, 196, 197, 202, 203, 207, 220, 222, 235, 513, 515, 570
Керасунт, город в Малой Азии на побережьи Черного моря 20, 535
Керкинитида, греческий город (теперь Евпатория) 22, 302
Керменчик (на окраине г. Симферополя), скифское городище Неаполь 531, 532, 534

Керченский пролив 110, 111. См. также Боспор Киммерийский
Керчь, город 5, 6, 131, 143, 157, 159, 162, 164, 181, 187, 234, 244, 246, 250, 252, 254, 259, 267, 334, 373, 374, 377, 385, 392, 397, 404, 405, 407, 412, 413, 417, 419, 421, 428, 453, 457, 465, 471, 473, 474, 529. См. также Пантикапей
Кесария, новое название г. Пантикапея, данное ему при царице Динамии 317, 458, 459, 586
Кефалления, остров 545
Кидеаки, одно из названий боспорского города Китея 180
Кизик, греческий город в Малой Азии 89, 210, 447
Кий, греческий город в Вифинии 447
Киликия, область в Малой Азии 316, 327, 449
Киммерий, боспорский город 28, 30, 31, 206, 207, 510, 516, 570
Киммерийский вал (Таманский п-ов) 207, 208
Киммерик (у горы Опук), боспорский город 27, 180, 182, 183, 184, 185, 186, 187, 191, 431, 510, 516, 570
Киммерикский вал (он же Аккосов) 71, 185, 187, 189, 493
Киммерия 32
Кипр, остров 89, 448
Кирпили, река см. Малый Ромбит
Китай 91, 331, 373
Китей, боспорский город 27, 116, 180, 181, 182, 183, 190, 376, 377, 454, 510, 521
Клазомены, греческий город в Малой Азии 39, 228
Книд, греческий город в Малой Азии 87
Колхида, древнее название страны, расположенной по нижнему течению р. Риона и юго-восточному побережью Черного моря 16, 34, 113, 118, 306, 307, 310, 312, 331, 499, 543
Констанца, город 20
Коп-такиль, деревня (Керченский п-ов) 27
Коринф, город в Арголиде 12, 38, 39, 448, 496
Корокондама, боспорское селение 28, 30, 179, 195, 196, 197, 203, 204, 512
Корокондамитское озеро (теперь Таманский залив) 195, 196, 197, 202, 207, 208
Кос, остров 87, 200
Котиора, город в Малой Азии на побережьи Черного моря 20, 535
Краснодар, город 225
Кривой Рог, город 428
Криворожье 121
Крит, остров 15, 262, 263, 265, 293, 448, 525
Кромна, город в Малой Азии на побережьи Черного моря 89
Кубань 117, 370, 371, 372, 392. См. также Прикубанье
Кубань, река 26, 73, 74, 194, 208, 222, 224, 225, 311, 371, 543
Куку-оба, гора (Таманский п-ов) 208
Куль-оба, курган (близ г. Керчи) 128, 129, 258, 267, 269, 270, 271, 272, 273, 274, 275, 276, 277, 288, 527
Кура, река 307, 331
Курт-кале (Болгария) гробница 526
Курчанский лиман (Таманский п-ов) 512
Кучугуры, городище (Таманский п-ов) 515

Кыз-аульский могильник (Керченский п-ов) 183

Лаба, река (приток р. Кубани) 117
Левкафеи, святилище в стране москов на Кавказе 313
Лемнос, остров 447
Лесбос, остров 28
Ливия, область в северной Африке 11
Лидия, область в Малой Азии 228, 500
Лозенград, город (Фракия) 263
Лысая гора, курган (близ стан. Таманской) 210, 284, 528

Магнесия, город в Малой Азии 151
Мазанка (близ г. Симферополя), скифское городище 530
Македония 304, 311, 448
Малая Азия 16, 33, 38, 45, 50, 64, 79, 83, 88, 89, 93, 117, 120, 136, 139, 148, 151, 160, 175, 200, 202, 232, 240, 263, 265, 266, 280, 301, 304, 311, 312, 313, 315, 316, 331, 332, 334, 338, 345, 347, 352, 360, 361, 362, 367, 375, 384, 396, 397, 418, 420, 424, 426, 434, 447, 448, 449, 457, 460, 461, 465, 466, 493, 500, 512, 538, 545, 555
Малая Армения 306, 316
Малая Близница, курган (Таманский п-ов) 214, 284
Малый Ромбит, река (теперь р. Бейсуг или Кирпили) 60
Маль-тепе, гробница (Болгария) 264
Мама, деревня (Керченский п-ов) городище 191
Мангалия, город (Болгария) 20
Мараканда, город (теп. Самарканд) 91
Маркианополь, город в Нижней Мэзии 441
Меандр, река в Малой Азии 151
Мегары, главный город области Мегариды 13, 20
Мезек, селение (Болгария) 264
Мелек-чесменский курган 250, 252, 253, 255, 260, 264, 266, 524, 529, 552
Меотида, Азовское море 26, 27, 28, 33, 83, 111, 112, 188, 205, 207, 228, 229, 337, 461, 478, 479, 543
Меотийское озеро см. Меотида
Мерджана, деревня (Прикубанье) 518
Мертвый Донец, река 227
Месембрия, греческий город на зап. побережьи Черного моря 20, 312
Микены, древний город в Арголиде 9, 262, 422
Милет, греческий город в Малой Азии 12, 13, 20, 23, 24, 25, 42, 43, 44, 57, 78, 151, 175, 211, 367, 490
Мирмекий, боспорский город 27, 30, 96, 102, 103, 106, 107, 108, 109, 110, 156, 166, 167, 168, 169, 191, 204, 234, 356, 395, 454, 491, 492, 493, 503, 508, 530, 544, 570, 573
Митилена, греческий город на острове Лесбосе 82
Митридат, гора (в г. Керчи) 155, 156, 157, 158, 164, 233, 375, 400, 415, 440, 474, 508, 517, 522, 523
Мунчак-тепе, городище (близ г. Беговата) 394
Мыехако, мыс у Новороссийской бухты 220, 221
Мэзия, римская провинция на Балканском полуострове 327, 330, 334, 439, 440, 441

Навкратис, греческий город в Египте 33, 39, 86

Наисс, город в Мэзии 448
Неаполь, скифский город в Крыму 298, 302, 532, 533, 534, 537
Недвиговское городище (Нижн. Дон) 145, 227, 228, 232, 427
Никея, город в Малой Азии 447
Никомедия, город в Вифинии 447
Никополь, город 117, 121, 126, 275
Нил, река 48
Нимфей, боспорский город 27, 30, 41, 53, 89, 98, 103, 138, 167, 174, 175, 176, 177, 178, 179, 180, 182, 235, 277, 308, 312, 349, 351, 376, 454, 509, 514, 581
Новороссийск, город 220, 221
Новороссийская бухта 220

Одесс, греческий город на зап. побережьи Черного моря 20, 89
Окс, река (Аму-дарья) 91
Олимп, гора 102
Ольвия, греческий город на правом берегу Буга 21, 23, 90, 92, 101, 139, 140, 189, 276, 299, 300, 304, 312, 329, 334, 410, 411, 428, 430, 440, 441, 528, 534, 535, 546, 551, 557
Описсас, озеро (второе название Кокондамитского озера) 196
Опук, гора (Керченский п-ов) 27, 183, 184, 185, 186, 187, 510, 516
Орхомен, греческий город в Беотии 262

Павловский курган (Керченский п-ов) 254, 255, 524, 525
Палакий, скифская крепость (Крым) 533
Панагия, мыс (Таманский п-ов) 196
Пангей, гора во Фракии 118
Панда, река, упом. Тацитом (вост. Приазовье) 328
Паннония, область в районе среднего течения р. Дуная 308
Пантикапей, столица Боспорского царства 3, 22, 23, 27, 29, 34, 36, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 54, 57, 66, 67, 71, 74, 75, 82, 84, 88, 92, 95, 97, 102, 113, 117, 120, 121, 128, 138, 140, 143, 148, 154, 155, 156, 157, 159, 160, 161, 162, 164, 165, 166, 167, 170, 172, 173, 174, 178, 189, 188, 189, 191, 198, 199, 200, 210, 218, 224, 226, 228, 233, 234, 238, 250, 257, 259, 266, 274, 276, 277, 278, 303, 304, 307, 313, 317, 321, 327, 340, 349, 350, 351, 352, 356, 361, 363, 368, 372, 374, 376, 377, 378, 382, 389, 392, 395, 396, 397, 398, 400, 402, 407, 411, 413, 414, 415, 416, 420, 425, 431, 432, 454, 458, 460, 462, 463, 468, 471, 473, 472, 475, 476, 477, 478, 480, 483, 484, 491, 493, 507, 520, 528, 537, 538, 539, 552, 554, 557, 579, 580, 581, 582, 583, 584, 585, 586
Парос, остров 87
Парфений, боспорский город, 27, 191
Парфия 314, 331, 420, 422, 423
Патиниотти, курган (Керченский п-ов) 277
Патраей, боспорский город 203, 204, 356, 515
Пафлагония, область в Малой Азии 500
Пергам, город 280, 388
Пергам, эллинистическое царство в Малой Азии 89, 144, 304, 535
Пересыпное гирло (Таманский п-ов) 207
Пересыпное городище (Таманский п-ов) 207
Персия 24, 50
Пирей, название города Амиса, данное ему афинскими колонистами 52
Пирей, торговая гавань Афин 67
Питиунт, город на Кавказском побережьи 444, 445
Понт Аксинский, древнее название Черного моря 18
Понт Евксинский (Понт) 19, 20, 45, 52, 53, 67, 75, 91, 176, 299, 300, 312, 320, 335, 369, 446, 479, 490
Понт Скифский, одно из названий Черного моря 19
Понтийское царство (Понт) 301, 302, 303, 304, 305, 307, 310, 311, 314, 316, 320, 326, 330, 331, 347, 449, 451, 535, 545
Португалия 544
Порфмий, боспорское селение 27, 33, 205, 492
Поти, город 23
Прекрасная гавань см. Калос Лимен
Приаралье 91
Приднепровье 21, 90, 531
Прибужье 21
Приена, греческий город в Малой Азии 151, 165
Прикубанье, 3, 26, 33, 35, 46, 73, 95, 97, 213, 366, 370, 371, 372, 481, 484, 497, 518
Пропонтида (Мраморное море) 45, 52, 490
Пруса, город в Вифинии 338, 367, 447
Прут, река 441
Пуленцовский клад 210

Ракошица, селение (Фракия) 264
Рим 4, 13, 199, 301, 305, 306, 308, 310, 311, 313, 314, 315, 317, 318, 319, 321, 322, 323, 325, 326, 327, 328, 331, 332, 334, 336, 339, 345, 346, 408, 414, 439, 440, 441, 442, 443, 444, 445, 450, 451, 457, 458, 459, 460, 461, 462, 468, 483, 484, 540, 541, 543, 544, 552
Рион, река 331
Родос, остров 16, 39, 87, 88, 89, 175, 200, 448, 533
Ростов на/Д, город 229

Сага, река 427
Самос, остров 11, 39, 42, 175, 367
Саратовская обл. 372
Сарматия 5, 428
Северная коса (Таманский п-ов) 205
Семибратнее городище (Таманский п-ов) 223
«Семь братьев», группа курганов (Таманский п-ов) 47, 48, 49, 50
Сенная, пос. (Таманский п-ов), близ него городище Фанагория 197, 198
Серет, река 441
Сибарис, греческий город в Южной Италии 52
Симферополь, город 298, 530, 536
Син, скифское название реки Танаис (по Плинию) 228
Синд, город в Синдике 215, 216
Синдика 51, 59, 60, 61, 62, 196, 197, 211, 213, 215, 220, 222, 343, 494, 512, 520, 567
Синдская гавань (Горгиппия) 215, 216, 220, 513, 519, 520
Синопа, город в Малой Азии 20, 52, 75, 88, 89, 111, 117, 177, 178, 306, 310, 312, 313, 367, 512, 535
Сиракузы, греческий город в Сицилии 89

Сирия 24, 308, 367, 408, 420, 445, 447
Сирмий, город в Паннонии 441
Сицилия 8, 46, 151, 304, 406
Скирос, остров 447
Скифия 5, 9, 18, 19, 21, 25, 30, 41, 46, 50, 57, 66, 78, 85, 90, 113, 117, 118, 131, 181, 189, 298, 490, 493, 496, 501, 534, 555
Смирна, город 325
Соза, город на Кубани, упом. Диодором 327
Соловьевка (близ г. Симферополя), скифское городище 530
Солоха, курган 123, 125, 126, 127
Спарта 52, 89, 448
Средняя Азия 88, 89, 373, 374, 394
Старый Крым, город 338, 369
Сузы, столица Персидского царства эпохи ахеменидов 44

Тавель (Крым), скифское городище 531
Такильский мыс (Керченский п-ов) 27, 179, 180, 181
Таманская станица, городище 197, 208, 209, 210, 211, 284, 345, 346, 350, 432, 497, 522
Таматарха, средневековый город на Таманском п-ове 516
Танаис, боспорский город 83, 145, 146, 148, 227, 228, 229, 230, 231, 232, 238, 316, 323, 328, 337, 398, 343, 344, 346, 350, 365, 368, 372, 373, 431, 436, 437, 440, 443, 500, 543
Танаис, река, теперь Дон 15, 16, 28, 32, 61, 72, 90, 205, 227, 298, 311, 479, 490, 546
Тартесс, юго-западная часть Пиренейского полуострова 11
Таш-качик, мыс (Керченский п-ов) 191
Тафры, город в районе Перекопского перешейка 531
Темарунда, скифское название Меотийского озера по Плинию 228
Темерницкое городище (Ростов н/Д) 229
Темир-гора (близ г. Керчи) 16, 17, 160, 170, 224,
Тендрова коса 205
Теос, греческий город в Малой Азии 27
Тий, город в Малой Азии 535
Тира, греческий город на правом берегу Днестровского лимана 20, 23, 326, 446, 557
Тирамба, боспорское селение 30, 206, 207, 516
Тирас, река, древнее название р. Днестр. 20
Тиринф, древний город в Арголиде 9
Тиритака, боспорский город 27, 30, 31, 32, 36, 37, 38, 39, 45, 46, 96, 98, 103, 105, 104, 108, 109, 110, 119, 156, 171, 172, 173, 174, 184, 187, 190, 204, 352, 353, 354, 355, 356, 359, 376, 378, 379, 382, 454, 456, 480, 482, 484, 492, 493, 508, 521, 530, 544
Тмутаракань, древнерусский город 209
Томы, греческий город на зап. побережьи Черного моря 20, 446, 551
Трапезунт, греческий город в Малой Азии 20, 110, 330, 446, 447, 493
Трахейский полуостров, вост. часть Крыма (по Геродоту) 33
Трезена, город в Арголиде 212
Тузла, мыс см. Южная коса
Тянь-шань 90

Узунларское озеро (Керченский п-ов) 185, 186
Урал 90, 118
Усатово, село (близ г. Одессы) 15
Успа, город в стране сираков (по Тациту) 328, 366

Фанагор, остров (Таманский п-ов) 195, 491
Фанагория, боспорский город 3, 22, 23, 27, 28, 29, 41, 51, 60, 110, 133, 138, 143, 146, 148, 164, 196, 197, 198, 199, 200, 201, 202, 203,, 207, 208, 209, 211, 212, 218, 220, 222, 226, 241, 281, 282, 283, 309, 311, 312, 316, 317, 321, 329, 333, 345, 361, 363, 368, 369, 380, 388, 431, 432, 454, 458, 491, 512, 513, 514, 536, 552, 581, 583, 584
Фасис, греческий город на Кавказском побережьи 23, 92, 445
Фасис, древнее название реки Риона 9, 307, 448, 464
Фасос, остров 46, 87, 200
Фат, река (один из притоков реки Кубани) 73, 74, 497
Феодосия, греческий город в Крыму 22, 23, 41, 54, 55, 58, 59, 60, 61, 62, 67, 82, 93, 95, 113, 167, 185, 186, 192, 193, 194, 235, 270, 288, 303, 304, 308, 310, 313, 323, 338, 343, 369, 431, 453, 457, 462, 495, 498, 537, 582
Фергана 91
Фессалия, область древней Греции 263, 265
Фессалоники, город 444
Филипполь, город во Фракии 442
Финикия 24
Фокея, греческий город в Малой Азии
Фонтан, полуостров (Таманский п-ов) 207, 208
Форик (о. Крит) 525, 526
Фракия 56, 57, 81, 113, 118, 263, 264, 265, 266, 311, 325, 326, 347, 388, 442, 444, 500, 503, 540
Франция 8
Фригия, область в Малой Азии 160, 500
Фурий, афинская колония в Южной Италии 52

Хабеи (Хаб), скифская крепость 302, 534
Халкида, греческий город на острове Эвбее 12
Херсонес Таврический, греческий город в Крыму 21, 22, 23, 88, 92, 103, 139, 162, 200, 288, 301, 302, 306, 307, 310, 311, 313, 321, 322, 323, 329, 330, 333, 334, 459, 460, 462, 479, 498, 530, 534, 535, 536, 537, 541, 544, 546, 557
Хиос, остров 46, 87, 89, 200
Хорезм 91

Царский курган (близ г. Керчи, 108, 169, 246, 248, 249, 250, 251, 260, 263, 266, 514, 524, 525
Цемесская (Новороссийская) бухта 220
Центральная Азия 331, 426
Цукурский лиман 214, 284, 514

Чатыр-тау, курган (Керченский п-ов) 182
Черноморское, пос. (б. Ак-мечеть) 22
Чертомлыцкий курган 121, 122, 123, 124, 125

Чирково, хутор (Таманский п-ов) 203
Чурубашское озеро (Керченский п-ов) 27, 172, 189, 508
Чухабль, река 221
Чушка, коса см. Северная коса

Шимарданская бухта (в Таманском заливе) 197

Эби-нор, озеро (Джунгария) 90
Эвбея, остров 81
Эгейское море 8, 14, 16, 18, 19, 34, 45, 77, 87, 229, 280, 447, 552
Эгина, остров 13
Эгоспотамы, река и город на вост. берегу фракийского Херсонеса 178
Элевсин, город в Аттике 255
Элькен-кая, скалы (Керченский п-ов) 184
Элькинское оз. (Керченский п-ов) 185
Эльтигень, деревня см. *Героевка*
Эпир, область древней Греции 448
Этрурия 263, 265
Эфес, греческий город в Малой Азии 447

Южная коса (Тузла) (Таманский п-ов) 28, 179, 196, 204, 512
Юз-оба, курганы 85, 131, 156, 234, 252, 255, 256, 257, 259, 260, 261, 267, 278, 526, 569

III. УКАЗАТЕЛЬ ЭТНИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

Алазоны 101
Аланы 211, 334, 337, 345, 346, 347, 369, 373, 410, 411, 443, 451, 478, 479, 481, 484, 543
Албаны 307
Аорсы 328, 373, 543
Армяне 373
Аспургианы 316, 324, 343, 436, 453

Бастарны 305, 441
Бораны 4943, 444, 445, 462, 46

Вандалы 441
Вифинцы 150

Гениохи 300
Гергиты 151, 152
Герулы 448, 462, 469
Геты 312
Гиппомолги 16
Глактофаги 16
Готы 440, 441, 442, 443, 444, 446, 447, 448, 449, 450, 452, 454, 456, 457, 461, 462, 466, 469, 475, 477
Гревтунги 478
Гунны 174, 468, 478, 479, 480, 483, 484, 553

Даки 334, 440
Дандарии 34, 60, 306, 311, 328

Евреи 347, 377, 545

Зиги 300

Иберы 307, 543

Каллипиды 101
Карийцы 15, 16, 228, 229, 490
Карпы 441, 444, 478
Квады 447
Кельты 298, 310
Керкеты 34
Киммерийцы 20, 31, 32, 187, 188, 206, 207, 347, 512, 189
Колхи 91, 92

Мариандины 149, 150
Меоны 228
Меоты 3, 35, 60, 61, 62, 83, 95, 212, 222, 224, 225, 226, 230, 323, 324, 370, 376, 431, 495, 497
Мидяне 373, 543
Мосинники 117
Мосхи 313

Остготы 445, 448

Парфяне 411, 543, 549
Пеессы 35, 60, 323

Ревксиналы см. Роксоланы
Роксоланы (ревксиналы) 302

Савроматы 35, 546
Сарматы 3, 4, 7, 35, 60, 90, 91, 95, 120, 136, 212, 224, 225, 226, 229, 232, 233, 238, 298, 299, 301, 302, 305, 310, 312, 313, 317, 324, 325, 327, 332, 337, 343, 344, 345, 346, 347, 351, 365, 366, 370, 371, 373, 376, 392, 410, 411, 412, 425, 430, 443, 451, 475, 478, 481, 484, 501, 531, 543, 546, 549
Синды 3, 34, 35, 36, 47, 50, 51, 59, 60, 62, 83, 95, 188, 210, 212, 215, 216, 217, 222, 306, 323, 324, 370, 431, 492, 495, 581
Сираки 60, 328, 335, 337, 366, 373, 497, 543
Скифины 35
Скифы 3, 4, 5, 7, 31, 33, 34, 35, 36, 39, 41, 46, 48, 50, 55, 57, 58, 70, 71, 72, 73, 83, 87, 88, 90, 101, 113, 117, 120, 121, 122, 123, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 136, 183, 188, 194, 212, 229, 232, 233, 238, 266, 268, 272, 274, 275, 276, 277, 278, 298, 299, 300, 301, 302, 303, 304, 305, 308, 313, 314, 317, 322, 323, 329, 330, 332, 335, 337, 350, 365, 366, 370, 371, 410, 443, 448, 450, 451, 492, 493, 498, 500, 501, 530, 531, 532, 533, 534, 536, 537, 538, 543
Славяне 3, 4

Тавроскифы 322, 334, 335, 532, 533
Тавры 18, 33, 34, 61, 302, 305, 323, 337, 369, 530
Тайфалы 441
Танаиты 323, 343, 344, 478, 479
Тарпиты 323
Тореты 34, 60, 323

Фатеи 35, 62, 73, 74, 227, 497
Финикийцы 10
Фракийцы 55, 56, 57, 75, 113, 305, 312, 324, 347

Халибы 117

Языги 447
Яксаматы 60

IV. УКАЗАТЕЛЬ УПОМИНАЕМЫХ ЭПИГРАФИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

IPE I², 30 — стр. 533
» I², 32 — стр. 534
» I², 40 — стр. 367
» I², 167 — стр. 441
» I², 174 — стр. 551
» I², 199 — стр. 334
» I², 328 — стр. 205
» I², 329 — стр. 205
» I², 330 — стр. 205
» I², 331 — стр. 205
» I², 332 — стр. 205
» I², 340 — стр. 533
» I², 344 — стр. 162
» I², 352 — стр. 301, 533
» I², 354 — стр. 322
» I², 402 — стр. 301
» I², 419 — стр. 322
» I², 573 — стр. 322
» I², 668 — стр. 531
» I², 670 — стр. 531
» I², 671 — стр. 531
» I², 672 — стр. 531, 533
» I², 704 — стр. 322
» II, 7 — стр. 158
» II, 9 — стр. 61
» II, 15 — стр. 164
» II, 17 — стр. 160
» II, 19 — стр. 432, 518
» II, 24 — стр. 160
IPE II, 25 — стр. 314, 518
» II, 27 — стр. 335
» II, 28 — стр. 518
» II, 29 — стр. 343, 453
» II, 30 — стр. 172
» II, 32 — стр. 328
» II, 35 — стр. 533
» II, 36 — стр. 322, 540
» II, 41 — стр. 56
» II, 42 — стр. 338
» II, 43 — стр. 338
» II, 47 — стр. 375
» II, 121 — стр. 342
» II, 150 — стр. 376
» II, 168 — стр. 577
» II, 171 — стр. 235
» II, 290 — стр. 334
» II, 293 — стр. 334
» II, 296 — стр. 61
» II, 298 — стр. 235
» II, 343 — стр. 214, 518
» II, 344 — стр. 198, 201, 514
» II, 345 — стр. 241
» II, 346 — стр. 202
» II, 347 — стр. 199, 201, 517
» II, 348 — стр. 200
» II, 349 — стр. 518
» II, 351 — стр. 201
» II, 352 — стр. 345, 517

IPE II, 353 — стр. 152, 345
» II, 355 — стр. 333
» II, 356 — стр. 340
» II, 358 — стр. 56
» II, 359 — стр. 340
» II, 360 — стр. 340
» II, 362 — стр. 329, 388
» II, 399 — стр. 519
» II, 400 — стр. 363, 433, 519
» II, 401 — стр. 519
» II, 402 — стр. 519
» II, 403 — стр. 519
» II, 404 — стр. 519
» II, 405 — стр. 519
» II, 406 — стр. 519
» II, 407 — стр. 519
» II, 408 — стр. 519
» II, 409 — стр. 519
» II, 410 — стр. 519
» II, 411 — стр. 519
» II, 412 — стр. 519
» II, 413 — стр. 519
» II, 414 — стр. 519
» II, 415 — стр. 519
» II, 416 — стр. 519
» II, 417 — стр. 519
» II, 418 — стр. 201, 519
» II, 419 — стр. 519
» II, 420 — стр. 519
IPE II, 421 — стр. 514
» II, 429 — стр. 338
» II, 430 — стр. 338, 437
» II, 431 — стр. 338
» II, 432 — стр. 338
» II, 433 — стр. 338
» II, 434 — стр. 338
» IV, 194 — стр. 338
» IV, 206 — стр. 191
» IV, 247 — стр. 574
» IV, 418 — стр. 201, 513, 518
» IV, 430 — стр. 519
» IV, 431 — стр. 519
» IV, 432 — стр. 240, 519
» IV, 433 — стр. 519
» IV, 434 — стр. 519
» IV, 435 — стр. 519
» IV, 436 — стр. 519
» IV, 437 — стр. 519
» IV, 438 — стр. 519
» IV, 439 — стр. 519
» IV, 440 — стр. 519
» IV, 441 — стр. 519
» IV, 442 — стр. 519
» IV, 443 — стр. 519
» IV, 444 — стр. 519
» IV, 445 — стр. 519
» IV, 465 — стр. 550

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Следует читать*
20	8 сверху	Кадкедон	Калхедон
34	1 снизу	далеко	далее
126	11 »	остатк игорита	остатки горита
158	18 сверху	плиты	плитки
193	14 снизу	управляют две крылатые фигуры,	управляют две (одна из них крылатая) фигуры,
203	5 »	180 стадий	130 стадий
254	3 сверху	I—V вв. до н. э.	IV в. до н. э.
290	16 снизу	в склепе V	в склепе I
315	9—10 сверху	(табл. III, *59*).	(табл. IV, *59*).
507	19 снизу	ἠμήτηρ	ἡ μήτηρ
562	7 »	942.	1942.
601	левый столбец, 19 снизу	17—44 гг. до н. э.	17—14 гг. до н. э.

ОГЛАВЛЕНИЕ

		Стр.
Предисловие		3
Глава I.	Греческая колонизация северного Причерноморья	7
Глава II.	Образование Боспорского государства	26
Глава III.	Археанактиды	43
Глава IV.	Спартокиды	54
Глава V.	Торговые сношения Боспора в период Спартокидов	80
Глава VI.	Сельское хозяйство, промышленность и художественные ремесла Боспора	94
Глава VII.	Боспорские города	154
Глава VIII.	Боспорские некрополи	233
Глава IX.	Восстание Савмака. Митридат Евпатор. Подчинение Боспорского государства Риму	298
Глава X.	Боспорское царство в первые века нашей эры	319
Глава XI.	Экономика и культура Боспора в римскую эпоху	349
Глава XII.	Распад Боспорского государства	439

Приложения

Список принятых сокращений	487
Примечания	489
Литература по истории и археологии Боспора	555
Пояснения к иллюстрациям	571
Указатели	592